

И. П. МАГИДОВИЧ, В. И. МАГИДОВИЧ

Очерки
по истории
географических
открытий

И. П. МАГИДОВИЧ, В. И. МАГИДОВИЧ

Очерки по истории географических открытий

Издание в пяти томах

Редколлегия: В. С. Преображенский (председатель);
Н. А. Гвоздецкий; А. Б. Дитмар; А. Ф. Плахотник (ученый
секретарь); А. И. Соловьев; Н. Г. Фрадкин.

И. П. МАГИДОВИЧ, В. И. МАГИДОВИЧ

910.4

Очерки по истории географических открытий

4091
Великие географические открытия
(конец XV — середина XVII в.)

Издание 3-е, переработанное и дополненное

Москва «Просвещение» 1983

ББК 26.8г
М12

Магидович И. П., Магидович В. И.

М12 Очерки по истории географических открытий. В 5-ти т. Т. 2. Великие географические открытия (конец XV — середина XVII в.). — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Просвещение, 1983. — 399 с., ил., карт.

В книге рассказывается о плаваниях Колумба и его соперников, об открытии морского пути в Индию и о первом кругосветном плавании Магеллана, о завоеваниях Центральной и Южной Америки и подвигах русских землепроходцев. Много интересного читатель узнает об открытии и исследовании Океании, поисках «Неведомой Южной Земли», колонизации Северной Америки и многом другом.

М 4309020900—757 — подписн.
103(03)—83

ББК 26.8г
91(09)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Географические открытия совершались во все исторические эпохи, начиная с древнейших времен, представителями всех цивилизованных народов. Но для древних веков очень трудно, практически невозможно выявить точную хронологическую последовательность открытий. Иногда можно приблизительно установить, в каком столетии совершено то или иное замечательное географическое открытие. В ряде случаев приходится ограничиваться лишь указаниями на то, к какому тысячелетию до новой эры оно относится. Это нужно иметь в виду при пользовании материалами о древнейших открытиях.

Крупнейшие географические открытия (территориальные и акваториальные), сделанные европейскими мореплавателями и путешественниками в середине XV — середине XVII в. (в зарубежной литературе обычно только середина XV — середина XVI в.), принято называть Великими благодаря их исключительному значению для судеб Европы и всего мира. Эпоха Великих открытий, хронологические рамки которой во II томе ограничены концом XV — серединой XVII в., делится на два периода:

испано-португальский период, конец XV — середина XVI в., включающий открытие Америки начиная с первой экспедиции Колумба (1492 г.); португальские плавания к Индии и берегам Восточной Азии начиная с экспедиции Васко да Гамы; испанские тихоокеанские экспедиции XVI в. от первого кругосветного плавания Магеллана до экспедиции Вильяловоса (1542—1543 гг.);

период русских и голландских открытий (середина XVI — середина XVII в.). К нему относятся: открытие русскими всей Северной Азии от похода Ермака до плавания Попова—Дежнева (1648 г.); английские и французские открытия в Северной Америке; голландские и тихоокеанские экспедиции и открытие Австралии.

К общим причинам снаряжения экспедиций для открытий относятся: рост в странах Европы товарного производства; недостаток драгоценных металлов и связанные с этим поиски новых земель, где надеялись найти золото, серебро и самоцветы, пряности и слоновую кость (в тропиках), ценные меха и моржовые бивни (в северных странах); поиски новых торговых путей из Европы в Индию и Восточную Азию, вызванные стремлением западноевропейских купцов избавиться от торговых посредников и наладить прямую связь с азиатскими странами (турецкие завоевания почти полностью закрыли дорогу на Восток через Малую Азию и Сирию). Великие географические открытия стали возможны благодаря успехам науки и техники: созданию достаточно надежных для океанского плавания парусных судов (каравелл), усовершенствованию компаса и морских карт и др. Большую роль сыграла все более

утверждавшаяся идея шарообразности Земли; с нею была связана также мысль о возможности западного морского пути в Индию через Атлантический океан. Важное значение для Великих географических открытий имели успехи в области географических знаний и развитие мореплавания у народов Востока.

Великие географические открытия явились событиями всемирно-исторического значения: выяснены контуры обитаемых материков (кроме северных и северо-западных берегов Америки и восточного берега Австралии), исследована большая часть земной поверхности, однако не изученными еще остались многие внутренние районы Америки, Центральной Африки и вся Внутренняя Австралия. Великие географические открытия дали новый обширный материал для многих других областей знания — истории, ботаники, зоологии, этнографии. В результате Великих географических открытий европейцы впервые познакомились с рядом сельскохозяйственных культур (маис, томаты, табак), распространившихся затем и в Европе.

Великие географические открытия имели крупнейшие социально-экономические последствия. Обнаружение новых торговых путей и новых стран способствовало тому, что торговля приобрела мировой характер, произошло гигантское увеличение количества находившихся в обращении товаров. Это ускорило процесс разложения феодализма и возникновения «капиталистической эры»¹ в Западной Европе. Колониальная система, образовавшаяся вслед за Великими географическими открытиями (уже в этот период европейцы, истребляя коренное население, захватили огромные территории в Америке и организовали опорные базы на побережье Африки, в Южной и Восточной Азии), явилась одним из рычагов так называемого первоначального накопления капитала; этому способствовал и наплыв после Великих географических открытий дешевого американского золота и серебра в Европу, вызвавший здесь значительное повышение цен.

В первый период Великих географических открытий, когда главные торговые трассы переместились из Средиземного моря в Атлантический океан, на этих путях господствовали Португалия и Испания. В то же время основными производителями промышленных товаров были Нидерланды, Англия и Франция, что дало возможность их буржуазии особенно быстро богатеть: перекачивая к себе золото и серебро из пиренейских стран, она постепенно вытесняла своих конкурентов с морских магистралей и из их заморских колоний. После разгрома «Непобедимой Армады» (1588 г.) испано-португальскому могуществу (а в те годы обе пиренейские державы составляли единое государство) был нанесен сокрушительный удар. В частности, в исследованиях Тихого океана и южных морей на рубеже XVI и XVII вв. основная инициатива перешла к Нидерландам, а в 40-х г. XVII в. буржуазная революция в Англии вывела и эту страну на широкую арену борьбы за рынки сбыта, господство на морях и колониальные владения.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 728.

Великие географические открытия оказали революционизирующее влияние на развитие философской мысли и естествознания. У людей не только расширился пространственный кругозор: в те времена «внешнему и внутреннему взору человека открылся бесконечно более широкий горизонт»¹.

Великие географические открытия сказались, в частности, на развитии географических знаний, основными «поставщиками» которых в ту эпоху были не ученые-натуралисты, а люди, имевшие к науке весьма отдаленное отношение. Поэтому процесс накопления знаний шел весьма сложно, имел многоступенчатый характер. Научные обобщения тормозились крепко укоренившимися в сознании людей средневековыми предрассудками и религиозными мифами. Освобождение географической мысли от церковных догм осуществлялось медленно и мучительно, хотя и неуклонно... В конце рассматриваемого периода — в 1650 г. — в Нидерландах появилась «Всеобщая география», написанная выдающимся ученым того времени *Бернхардом Варениусом* (1622—1650 гг.)². Его труд как бы подводит итоги географическим достижениям эпохи Великих географических открытий. В нем на основе новых сведений о Земле, добытых к тому времени, впервые после античных авторов осуществлены широкие географические обобщения — описаны горные системы суши, леса и степи, значительное внимание уделено океанам и морям и, в частности, впервые в качестве самостоятельной акватории в южном полушарии Земли выделен Южный океан.

Без преувеличения можно сказать, что труд Б. Варениуса — это идейный рубеж, отделяющий Великие географические открытия конца XV — середины XVII в. от географических открытий и исследований Нового времени. Одновременно это и зарождение новой отрасли географических знаний — общей физической географии. Ее основой могли стать лишь Великие географические открытия, и они эту задачу выполнили.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21, с. 83.

² Подробности об этом труде, как и о предшествующих ему географических сочинениях, читатель может найти в ряде публикаций, например в работах: Исаченко А. Г. Развитие географических идей, М., 1971; Неклюковой Н. П. Общее землеведение. 2-е изд. М., 1975 (раздел «Основные этапы развития географической науки»).

Предлагаемый читателю том 2 пятитомного издания «Очерков по истории географических открытий» освещает короткий промежуток времени, от первого плавания Х. Колумба (1492 г.) до великих открытий русских землепроходцев и мореходов на северо-востоке Азии в середине XVII в. включительно. После выхода в свет второго издания «Очерков...» (1967 г.) появилось большое количество работ, с той или иной степенью детальности характеризующих географические достижения представителей ряда народов, главным образом испанцев и португальцев в основном в Северной и Южной Америке.

Много публикаций посвящено ходу открытия Северной Азии русскими землепроходцами и полярными мореходами. Не обойдены вниманием также первые плавания голландцев у берегов Австралии и португальцев у побережья Южной Америки.

Благодаря многочисленным работам по историко-географической тематике в тексте обеих частей второго тома «Очерков...» мною сделаны многочисленные исправления, уточнения и дополнения. В ряде случаев вновь выявленные документы внесли значительные коррективы в историю географических открытий, и автору пришлось отказаться от представлявшихся ранее стройными, красочными и правдивыми версий, положений или фактов. Отмеченное можно кратко проиллюстрировать следующими на-иболее, пожалуй, яркими примерами: ход открытия береговой линии Южной Америки, личность Верраццано, походы Ермака и Москвитина.

Для второго тома мною написаны две новые главы: «Арабские исследователи Индийского океана и Африки конца XV — начала XVI в.» (гл. 11) и «Западноевропейские исследователи Мадагаскара и Больших Зондских островов» (гл. 34), а также значительно переработана гл. 23. «Поход Ермака Тимофеевича и его гибель».

Совместно с И. П. Магидовичем созданы главы: «Первые поиски Северо-Восточного прохода» (гл. 20), «Исследователи Великобритании, Скандинавии и Финляндии» (гл. 21), «Съемочные работы русских и польских землемеров» (гл. 22), «Голландская экспансия в Азии, открытие Австралии и островов Океаний» (гл. 32) и «Исследование Центральной Азии и Восточной Африки с 1550 по 1650 г.» (гл. 33).

Для ряда глав мною написано несколько новых разделов: в гл. 7 — «Плавания Себастиана Кабота» и «Открытия Фагундиша»; в гл. 10 — «Вторичное открытие Мадагаскара», «Португальцы у берегов Мадагаскара», «Фернандиш в Мономотапе» и «Португальцы у берегов Австралии и Новой Гвинеи»; в гл. 12 — «Первые съемки

Кубы и Гаити» и «Завоевание и первое исследование Кубы»; в гл. 13 — «Плавание Фроиша и Лижбоа»; в гл. 17 — «Плавание Камарго»; в гл. 18 — «Первая испанская колония на Атлантическом побережье Северной Америки», «Земля Гомеса» и «Плавание Кабрильо — Феррело»; в гл. 19 — «Плавание Э. Грихальвы»; в гл. 22 — «Съемки Западной Сибири и Казахстана»; в гл. 25 — «Открытие морского прохода к северу от Таймыра», «Открытие Северо-Сибирской низменности и первые русские на Среднесибирском плоскогорье» и «Первые русские в Забайкалье и на Байкале»; в гл. 26 — «Походы Маломолки и Горелого» и «Амурская одиссея Бекетова»; в гл. 28 — «Пират-путешественник Ингрэм»; в гл. 30 — «Гутьеррес и Оньяте в центре Северо-Американского континента»; в гл. 31 — «Поиски Эльдорадо на Гвианском плоскогорье» и «Великий бандейрант»; в гл. 33 — «Атайди: первое пересечение Африки».

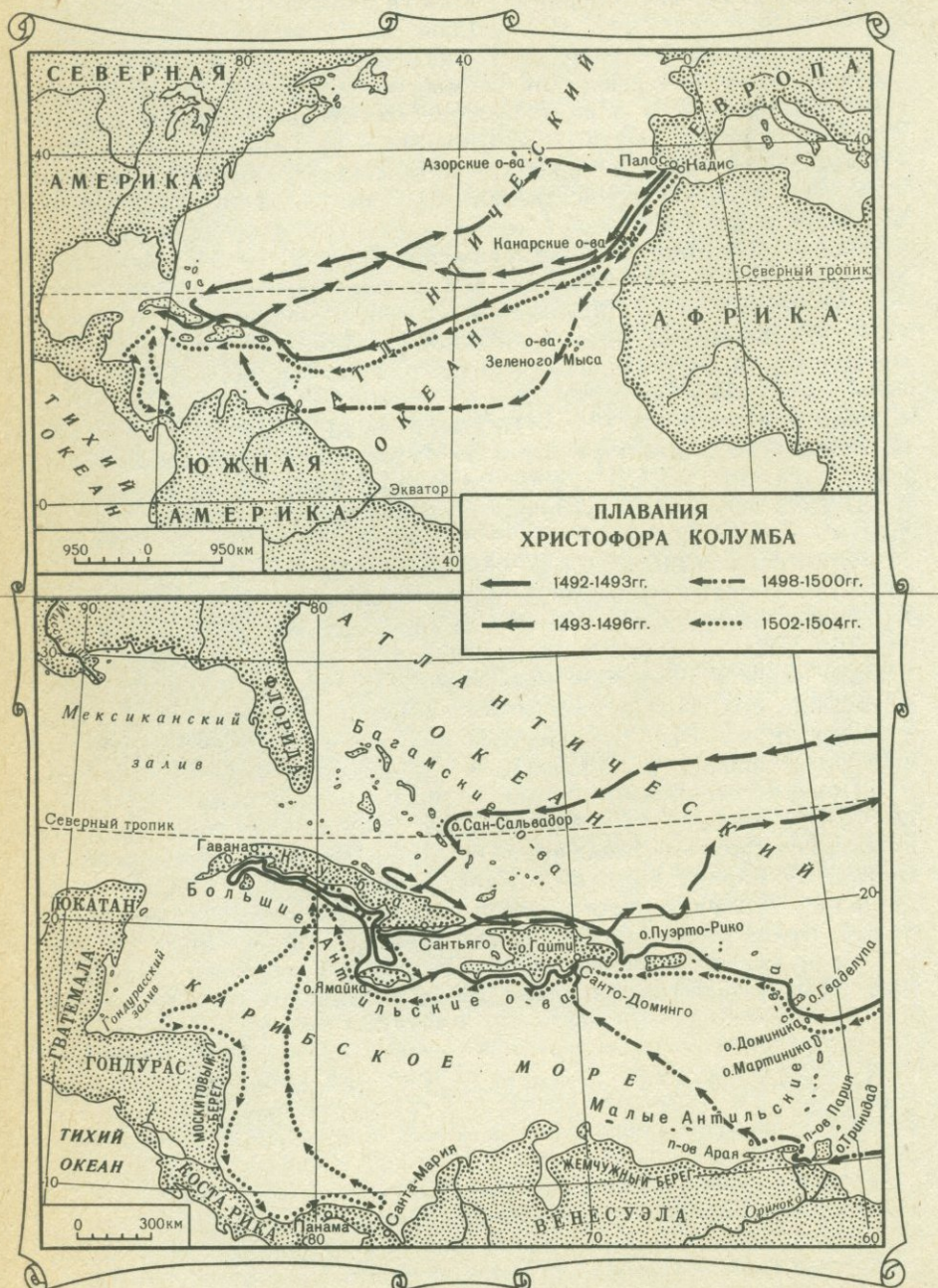
Совместно с И. П. Магидовичем созданы следующие разделы: в гл. 12 — «Первые испанцы на Юкатане», «Поиски острова Вечной молодости» и «Открытие Флориды и Гольфстрима»; в гл. 15 — «Завоевательный поход Писарро в Перу» и «Вальдивия и открытие Южного Чили»; в гл. 16 — «Открытие среднего Ориноко» и «Страна Вельзеров» и поиски Эльдорадо наемниками германских банкиров»; в гл. 18 — «Французские открытия: плавание Верраццано»; в гл. 25 — «Открытие восточносибирских рек от Анабара до Колымы».

Некоторые разделы мною коренным образом переработаны: в гл. 5 — «Открытие испанцами Бразилии»; в гл. 6 — «Экспедиция Куэлью — Веспуччи»; в гл. 9 — «Второе плавание Веспуччи»; в гл. 10 — «Португальцы в Индонезии»; в гл. 14 — «Экспедиции в Южное море и открытие полуострова Калифорния»; в гл. 15 — «Открытие архипелага Галапагос»; в гл. 17 — «Открытие Параны и Парагвая»; в гл. 18 — «Легенда о «Сиволе» и «Семи Городах», «Открытие испанцами Колорадо и западных притоков Миссисипи» и «Поиски испанцами «Семи Городов» — экспедиция Сото»; в гл. 24 — «Освоение бассейна верхней Оби» и «Освоение бассейна нижнего и среднего Енисея»; в гл. 26 — «Поход И. Москвитина к Охотскому морю»; в гл. 32 — «Ход открытия Новой Голландии до Тасмана», «Первая экспедиция Тасмана: открытие Вандименовой Земли, Новой Зеландии и островов тропической Океании» и «Вторая экспедиция Тасмана: Новая Голландия — единый материк»; в гл. 33 — «Первые европейские исследователи Гималаев и Тибета».

В. И. Магидович

Указатели для II и последующих томов будут помещены в V томе.

ЧАСТЬ I ЭПОХА ВЕЛИКИХ ОТКРЫТИЙ. I ПЕРИОД (ДО СЕРЕДИНЫ XVI В.)

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ КОЛУМБА

Причины заокеанской экспансии Испании

Во второй половине XV в. феодализм в Западной Европе находился в стадии разложения, вырастали крупные города, развивалась торговля. Всеобщим средством обмена стали деньги, потребность в которых резко увеличилась. Поэтому в Европе сильно возрос спрос на золото, что усилило стремление к «Индиям» — родине пряностей¹, где будто бы и золота очень много. Но в то же время для западноевропейцев в результате турецких завоеваний становилось все труднее пользоваться старыми, восточными комбинированными сухопутными и морскими путями к «Индиям». Поисками южных морских путей тогда занималась только Португалия. Для прочих атлантических стран к концу XV в. оставался открытым только путь на запад через неведомый океан. Мысль о таком пути появилась в Европе эпохи Возрождения в связи с распространением среди сравнительно широкого круга заинтересованных лиц античного учения о шарообразности Земли, а дальние плавания стали возможными благодаря достигнутому во второй половине XV в. успехам в кораблестроении и навигации.

Таковы были общие предпосылки заокеанской экспансии западноевропейских стран. То обстоятельство, что именно Испания первая выслала в 1492 г. на запад маленькую флотилию *Христофора Колумба*, объясняется условиями, которые сложились в этой стране к концу XV в. Одним из них было усиление испанской королевской власти, ранее ограниченной. Перелом намечался в 1469 г., когда королева Кастилии *Изабелла* вышла замуж за наследника арагонского престола *Фердинанда*. Через 10 лет тот стал королем Арагона. Так в 1479 г. произошло объединение самых крупных пиренейских государств и возникла единая Испания. Искусная политика укрепила королевскую власть. С помощью городской буржуазии венценосная чета обуздала непокорное дворянство и крупных феодалов. Создав в 1480—1485 гг. инквизицию, короли превратили церковь в самое страшное орудие абсолютизма. Недолго могло устоять последнее мусульманское пиренейское государство —

¹ О значении пряностей для средневековых городов см. т. 1, гл. 11.

Гранада — под их натиском. В начале 1492 г. Гранада пала. Закончился восьмивековой процесс Реконксты, и «Объединенная Испания» вышла на мировую арену.

Заокеанская экспансия была в интересах как самой королевской власти, так и ее союзников — городской буржуазии и церкви. Буржуазия стремилась расширить источники первоначального накопления; церковь — распространить свое влияние на языческие страны. Военную силу для завоевания «языческих Индий» могло дать испанское дворянство. Это было и в его интересах, и в интересах абсолютистской королевской власти и городской буржуазии. Завоевание Гранады положило конец почти непрерывной войне с маврами в самой Испании, войне, бывшей ремеслом для многих тысяч идалго. Теперь они сидели без дела и стали еще более опасны для монархии и городов, чем в последние годы Реконксты, когда королям в союзе с горожанами пришлось вести упорную борьбу против разбойничьих дворянских шаек. Требовалось найти выход для накопившейся энергии идалго. Выходом, выгодным для короны и городов, для духовенства и дворянства, была заокеанская экспансия.

Королевская казна, особенно кастильская, постоянно пустовала, а заокеанские экспедиции в Азию сулили сказочные доходы. Идалго мечтали о земельных владениях за океаном, но еще более — о золоте и драгоценностях «Китая» и «Индии», так как большинство дворян было в долгу, как в шелку, у ростовщиков. Стремление к наживе сочеталось с религиозным фанатизмом — следствием многовековой борьбы христиан против мусульман. Не следует, однако, преувеличивать его значение в испанской (как и португальской) колониальной экспансии. Для инициаторов и организаторов заокеанской экспансии, для вождей Конксты религиозное рвение было привычной и удобной маской, под которой скрывались стремления к власти и личной наживе. С потрясающей силой охарактеризовал конкистадоров современник Колумба, автор «Кратчайшего сообщения о разорении Индии» и многотомной «Истории Индии», епископ *Бартоломе Лас Касас* своей крылатой фразой: «Они шли с крестом в руке и с ненасытной жаждой золота в сердце». «Католические короли» ревностно защищали интересы церкви лишь тогда, когда они совпадали с их личными. Что Колумб в этом случае не отличался от королей, отчетливо видно из тех документов, которые лично написаны или продиктованы им.

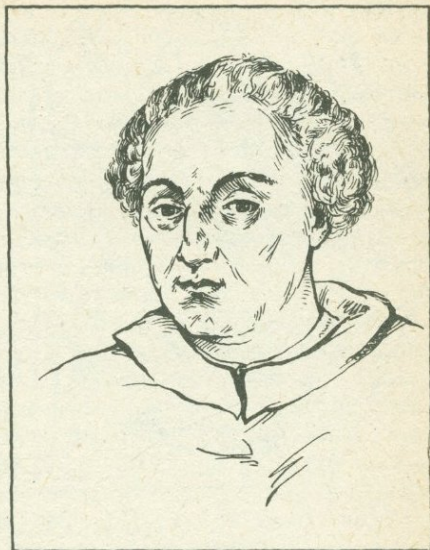
Христофор Колумб и его проект

Спорны почти все факты из жизни Колумба¹, относящиеся к его юности и долголетнему пребыванию в Португалии. Можно считать установленным, хотя и с некоторым сомнением, что он родился осенью 1451 г. в Генуе в очень небогатой католической семье.

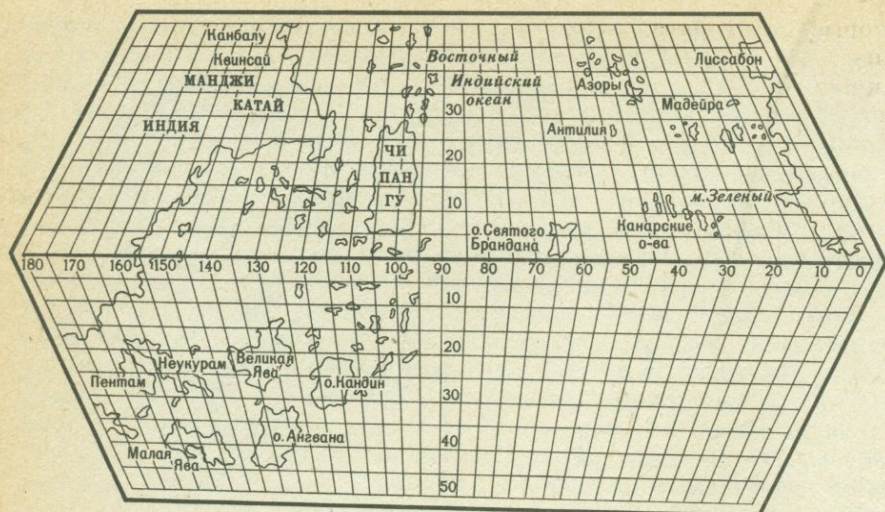
¹ Колумб — латинизированная форма итальянской фамилии Коломбо. В Испании его звали Кристоваль Колон.

По крайней мере до 1472 г. он жил в самой Генуе или (с 1472 г.) в Савоне и состоял, как и его отец, в цехе шерстяников. Неизвестно, учился ли Колумб в какой-либо школе, но доказано, что он читал на четырех языках — итальянском, испанском, португальском и латинском, читал немало и притом очень внимательно. Вероятно, первое дальнейшее плавание Колумба относится к 70-м гг.: в документах имеются указания на его участие в генуэзских торговых экспедициях, посетивших в 1474 и 1475 гг. о. Хиос в Эгейском море.

В мае 1476 г. Колумб морем отправился в Португалию как приказчик генуэзского торгового дома и жил там девять лет — в Лиссабоне, на Мадейре и Порту-Санту. По его словам, он побывал и в Англии, и в Гвинее, в частности на Золотом Берегу. Мы, однако, не знаем, в качестве кого он плавал — моряка или приказчика торгового дома. Но уже во время своей первой экспедиции Колумб, несмотря на неизбежные при новизне предприятия промахи и неудачи, проявил себя как очень опытный моряк, в котором сочетались качества капитана, астронома и штурмана. Он не только вполне освоил искусство навигации, но и поднял его на более высокую ступень. По традиционной версии, Колумб еще в 1474 г. обратился за советом относительно кратчайшего морского пути в «Индии» к *Паоло Тосканелли*, астроному и географу. Флорентинец прислал в ответ копию своего письма португальскому ученому-монаху, обращавшемуся к нему раньше по поручению короля *Афонсу V*. В этом письме Тосканелли указывал, что через океан к странам пряностей есть более короткий путь, чем тот, который искали португальцы, плавая вдоль западных берегов Африки. «Я знаю, что существование такого пути может быть доказано на том основании, что Земля — шар. Тем не менее, чтобы облегчить предприятие, отправляю... карту, сделанную мною... На ней изображены ваши берега и острова, откуда вы должны плыть непрерывно к западу; и места, куда вы прибудете; и как далеко вы должны держаться от полюса или от экватора; и какое расстояние вы должны, пройти, чтобы достигнуть стран, где больше всего разных пряностей и драгоценных камней. Не удивляйтесь, что я называю западом страны, где растут пряности, тогда как их обыкновенно называют востоком, потому что люди, плывущие неуклонно на запад, достигнут восточных стран за океаном в другом полушарии. Но если вы отправи-

Христофор Колумб.

Карта П. Тосканелли (реконструкция).

тесь по суше — через наше полушарие, то страны пряностей будут на востоке...»

Очевидно, Колумб сообщил тогда же Тосканелли о своем проекте, так как тот во втором письме писал генуэзцу: «Я считаю ваш проект плавания от востока к западу... благородным и великим. Мне приятно видеть, что меня хорошо поняли». В XV в. еще никто не знал, как распределяются на Земле суша и океан. Тосканелли почти вдвое преувеличивал протяжение Азиатского материка с запада на восток и соответственно преуменьшал ширину океана, отделяющего на западе Южную Европу от Китая, определяя ее в третью часть окружности Земли, т. е., по его исчислению, менее чем в 12 тыс. км. Япония (Чипангу) лежала, по Тосканелли, примерно в 2 тыс. км к востоку от Китая, и, следовательно, от Лиссабона до Японии нужно пройти менее 10 тыс. км; этапами на этом переходе могли служить Азорские или Канарские о-ва и мифическая Антилия. Колумб сделал к этому исчислению собственные поправки, опираясь на некоторые астрономические и географические книги: к Восточной Азии удобнее всего плыть через Канарские о-ва, откуда нужно пройти на запад 4,5—5,0 тыс. км, чтобы достигнуть Японии. По выражению французского географа XVIII в. *Жана Анвиля*, это была «величайшая ошибка, которая привела к величайшему открытию». До нас не дошли ни оригиналы, ни копии карты Тосканелли, но она не раз реконструировалась на основании его писем.

Свой проект Колумб предложил *Жуану II*. После долгих проволочек португальский король передал в 1484 г. его проект ученому совету, только что организованному для составления навигационных пособий. Совет отверг доказательства Колумба. Известную роль в отказе короля сыграли также чрезмерные права и преимущества,

которые выговаривал себе Колумб в случае успеха предприятия. Генуэзец покинул Португалию с малолетним сыном Диего. По традиционной версии, в 1485 г. Колумб прибыл в г. Палос у Кадисского залива и нашел приют близ Палоса, в монастыре Рабида. Настоятель заинтересовался проектом и направил Колумба к влиятельным монахам, а те рекомендовали его кастильским грандам, в том числе герцогу *Мединасели*. Эти рекомендации только повредили делу: Изабелла подозрительно отнеслась к предприятию, которое, при удаче, обогатило бы ее политических противников — крупных феодалов — и содействовало бы росту их влияния. Герцог просил Изабеллу разрешить организацию экспедиции за свой счет. Королева приказала передать проект на рассмотрение особой комиссии.

Комиссия, состоявшая из монахов и придворных, спустя четыре года дала отрицательное заключение. Оно не дошло до нас. Если верить биографам Колумба XVI в., комиссия приводила различные нелепые мотивы, но не отрицала шарообразности Земли: в конце XV в. оспаривать эту истину вряд ли решился бы церковник, претендующий на ученость¹. Однако короли еще не высказывали своего окончательного суждения. В 1487—1488 гг. Колумб получал пособие от казны, но дело его не двигалось, пока короли были заняты войной. Зато он нашел самую надежную точку опоры: с помощью монахов сблизился с испанскими финансистами. Это был верный путь, который привел его к победе. В 1491 г. Колумб опять появляется в монастыре Рабида и через настоятеля знакомится с *Мартинотом Алонсо Понсоном*, опытным моряком и влиятельным палосским корабелом. Одновременно укрепляются связи Колумба с королевскими финансовыми советниками, с севильскими купцами и банкирами.

В конце 1491 г. проект Колумба снова рассматривается комиссией, причем в ней наряду с богословами и космографами принимают участие видные юристы. И на этот раз проект отвергнут: требования Колумба сочтены чрезмерными. Король и королева присоединились к решению, и Колумб направился во Францию. В этот момент к Изабелле явился *Луис Сантанхель*, глава крупнейшего торгового дома, ближайший финансовый советник королевей, и убедил ее принять проект, обещая ссуду для снаряжения экспедиции. За Колумбом был послан полицейский, который догнал его недалеко от Гранады и препроводил ко двору. 17 апреля 1492 г. короли выразили письменное согласие с проектом договора с Колумбом. Важнейшая статья этого документа гласила: «Их высочества, как господа морей-океанов, жалуют дона Кристобаля Колона в свои адмиралы всех островов и материков, которые он лично... откроет или приобре-

¹ Напротив, христианские писатели старались в то время примирить данные, подтверждающие шарообразную форму Земли, с библейскими концепциями, ибо прямое отрицание истины, ставшей общеизвестной, могло повредить и без того уже пошатнувшемуся авторитету церкви. Заметим кстати: версия о торжественном заседании совета Саламанского университета, на котором якобы был отвергнут проект Колумба на том основании, что ученые мужи возмутились его соображениями о шаровидности Земли, является вымышленной от начала до конца.

тет в этих морях и океанах, а после его смерти [жалуют] его наследникам и потомкам навечно этот титул со всеми привилегиями и прерогативами, относящимися к нему... Их высочества назначают Колумба своим вице-королем и главным правителем на... островах и материках, которые он... откроет или приобретет, и для управления каждым из них должны будут избрать того, кто наиболее подходит для данной службы...» (из выдвинутых Колумбом кандидатов).

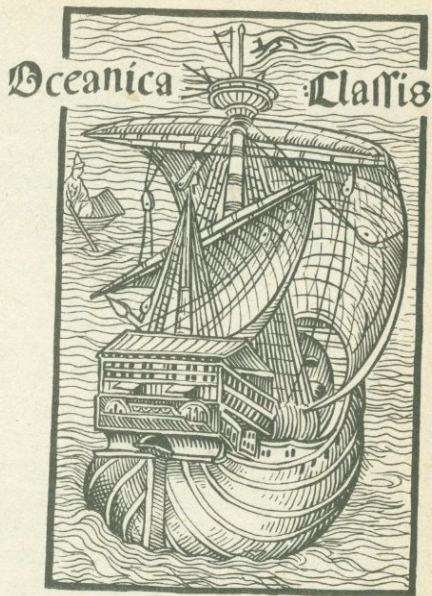
30 апреля король и королева официально подтвердили пожалование Колумбу и его наследникам титула «дон» (это значило, что он возведен в дворянское достоинство) и, в случае удачи, титулов адмирала, вице-короля и губернатора, а также право получения жалования по этим должностям, десятой доли чистого дохода с новых земель и право разбора уголовных и гражданских дел. Заокеанская экспедиция рассматривалась короной прежде всего как сопряженное с риском торговое предприятие. Королева дала согласие, увидев, что проект поддерживают крупные финансисты. Луис Сантанхель с представителем севильского купечества предоставили займы кастильской короне 1 400 000 мараведи¹. Поддержка представителей буржуазии и влиятельных церковников предопределила успех хлопот Колумба.

Состав и цель первой экспедиции

Колумбу предоставили два корабля. Экипаж был набран из жителей Палоса и ряда других портовых городов. Колумб снарядил третье судно — собрать средства ему помогли Мартин Пинсон и его братья. Команда флотилии состояла из 90 человек. Колумб поднял адмиральский флаг на «Санта-Марии», самом крупном корабле флотилии, который он, может быть не вполне заслуженно, характеризовал как «плохое судно, непригодное для открытий». Капитаном «Пинты» был назначен старший Пинсон — Мартин Алонсо; капитаном самого маленького корабля «Нинья» («Детка») — младший Пинсон — *Висенте Яньес*. О размерах этих судов документов не сохранилось, а мнения историков сильно расходятся: тоннаж «Санта-Марии» *С. Э. Морисон* определяет в 100 т, «Пинты» — около 60 т, «Ниньи» — около 50 т.

О том, какую цель преследовала первая экспедиция Колумба, существует обширная литература. Среди историков группа скептиков-«антиколумбианцев» отрицает, что Колумб ставил себе в 1492 г. цель достигнуть Азии: в двух основных документах, исходивших от «католических королей» и согласованных с Колумбом, — договоре и «свидетельстве о пожаловании титула» — не упоминается ни Азия, ни какая-либо ее часть. Там вообще нет географических

¹ Это эквивалентно почти 9,7 тыс. золотым долларам в ценах 1934 г. В конце XV в. оклад моряка составлял 12 мараведи в день, пуд пшеницы стоил 43,4 мараведи.

Океанский корабль (рисунок 1493 г.).

названий. А цель экспедиции формулируется в нарочито неопределенных выражениях, что вполне объяснимо, — в этих документах нельзя было упоминать об «Индиях»: папскими пожалованиями, подтвержденными в 1479 г. Кастилией, открытие новых земель к югу от Канарских о-вов и «вплоть до индийцев» было предоставлено Португалии. Поэтому Колумб за Канарскими о-вами взял курс прямо на запад от о. Йерро, а не на юг. Однако упоминание о материке могло относиться только к Азии: другого континента, по древним и средневековым представлениям, не могло быть в северном полушарии к западу от Европы, за океаном. Кроме того, в договоре дается перечень товаров, которые короли и сам Колумб надеялись найти за океаном: «Жемчуг или драгоценные камни, золото или серебро, пряности...» Все эти товары средневековой географической традицией приписывались «Индиям».

Вряд ли основной задачей было открытие легендарных островов. Остров Бразил тогда связывали с ценным бразильским деревом, а о нем как раз ничего не говорится в документах; о. Антилия — с легендой о «Семи Городах», основанных епископами, бежавшими туда. Если Антилия существовала, то управлялась христианскими государями; короли юридически не могли предоставить кому-либо право «приобрести» Антилию для Кастилии и закрепить за наследниками Колумба «навечно» управление ею. По католической традиции, такие пожалования могли относиться только к нехристианским странам.

Несомненно также, что состав экипажа флотилии был подобран только с целью завязать торговые сношения с нехристианской (возможно, мусульманской) страной, а не для завоевания большой страны; не исключалась, однако, возможность «приобретения» отдельных островов. Для крупных завоевательных операций флотилия, очевидно, не предназначалась — слабое вооружение, малочисленный экипаж, отсутствие профессиональных военных. Экспедиция не ставила целью пропаганду «святой» веры, несмотря на позднейшие утверждения Колумба. Напротив, на борту не было ни одного священника или монаха, но находился крещеный еврей-переводчик, знавший немного арабский язык, т. е. культовый язык мусульман, не нужный на о-вах Бразил, Антилия и т. п., но он мог пригодиться в «Индиях», ведших торговлю с мусульманскими странами.

ми. Король и королева стремились наладить торговую связь с «Индиями» — именно это и было основной целью первой экспедиции. Когда Колумб, вернувшись в Испанию, сообщил, что открыл на западе «Индии» и привез оттуда индейцев (*indios*), он верил, что побывал там, куда его направляли и куда хотел попасть, сделал то, что обещал. Так думали инициаторы и участники первой экспедиции. Этим объясняется немедленная организация другой, на этот раз большой экспедиции. Скептиков в Испании тогда почти не было: они появились позднее.

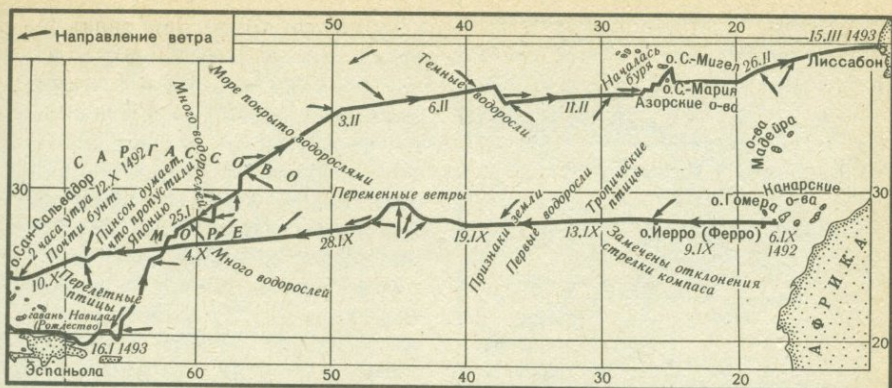
Переход через Атлантический океан и открытие Багамских островов

3 августа 1492 г. Колумб вывел корабли из гавани Палоса. У Канарских о-вов обнаружилось, что «Пинта» дала течь. Из-за ее ремонта только в сентябре 1492 г. флотилия отошла от о. Гомеры. Первые три дня был почти полный штиль. Затем попутный ветер повлек корабли на запад, и так быстро, что моряки вскоре потеряли из вида о. Йерро. Колумб понимал, что тревога моряков будет расти по мере удаления от родины, и решил показывать в судовом журнале и объявлять экипажу преуменьшенные данные о пройденных расстояниях, верные же заносить в свой дневник¹. Уже 10 сентября в дневнике отмечено, что за сутки пройдено 60 лиг (около 360 км), а исчислено 48, «чтобы не наводить на людей страх»². Подобными записями пестрят и дальнейшие страницы дневника. 16 сентября «начали замечать множество пучков зеленой травы, и, как можно было судить по ее виду, трава эта лишь недавно оторвана от земли». Однако флотилия три недели продвигалась на запад через это странное водное пространство, где иногда было «столько травы, что, казалось, все море кишело ею». Несколько раз бросали лот, но он не достигал дна. В первые дни суда, увлекаемые попутными ветрами, легко скользили среди водорослей, но затем в штиль почти не продвигались вперед. Так было открыто Саргассово море.

В начале октября матросы и офицеры все настойчивее требовали переменить курс: до этого Колумб неуклонно стремился прямо на запад. Наконец 7 октября он уступил, вероятно, опасаясь мятежа, и повернул на запад-юго-запад. Прошло еще три дня, и «люди теперь уже не могли больше терпеть, жалуясь на долгое плавание». Адмирал немного успокоил матросов, убедив их, что они близки к цели, и напомнил, как далеки от родины. Он уговаривал одних и обещал награды другим. 11 октября все свидетельствовало о близости земли. Сильное возбуждение охватило моряков. В 2 ч пополудни 12 октября 1492 г. *Родриго Триана*, матрос «Пинты», вдали увидел

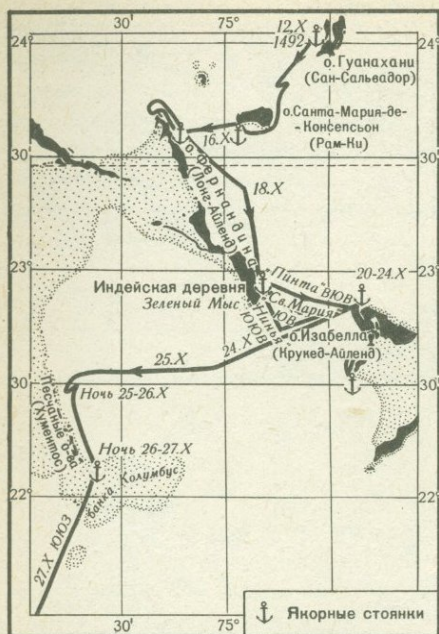
¹ Подлинник его утрачен. Так называемый «Дневник первого путешествия» Колумба — это пересказ, составленный Бартоломе Лас Касасом. По С. Морисону, «фальшивые» данные о пройденном пути оказались более точными, чем «верные».

² Цит. здесь и далее из книги «Путешествия Христофора Колумба».

землю. Утром открылась земля: «Этот остров очень большой и очень ровный, и здесь много зеленых деревьев и воды, а посередине расположено очень большое озеро. Гор же никаких нет». 33 дня длился первый переход через Атлантический океан в субтропической зоне от Гомеры к этому острову. С кораблей спустили лодки. Колумб с обоими Пинсонами, нотариусом и королевским контролером высадился на берег — теперь уже как адмирал и вице-король, — водрузил там кастильское знамя, формально вступил во владение островом и составил об этом нотариальный акт.

На острове Колумбу подарили «сухие листья, которые особенно ценились жителями»: первое указание на табак. Индейцы называли свой остров Гуанакани, адмирал дал ему христианское имя — Сан-Сальвадор («Святой спаситель»), которое закрепилось за одним из Багамских о-вов, лежащим на 24° с. ш. и $74^{\circ} 30'$ з. д., — ныне о. Уотлинг. Колумб обратил внимание на кусочки золота в носу у некоторых островитян. Золото якобы доставалось откуда-то с юга. С этого момента он не устает повторять в дневнике, что «найдет

Путь X. Колумба через Багамские о-ва (по С. Морисону).

хани. «Я даже видел у них одежды, сотканые из хлопковой пряжи, наподобие плаща, и они любят наряжаться». Моряки, посетившие дома островитян, видели висячие плетеные постели, привязанные к столбам. «Ложа и подстилки, на которых индейцы спят, похожи на сети и сплетены из хлопковой пряжи» (гамаки). Но испанцы не нашли на острове и признаков месторождений золота. Две недели флотилия двигалась среди Багамских о-вов. Колумб видел много растений со странными цветами и плодами, но среди них не было знакомых ему. В записи от 15—16 октября он восторженно описывает природу архипелага. Последний из Багамских о-вов, где 20 октября высадились испанцы, был назван Изабеллой (Крукед-Айленд).

Открытие северных берегов Кубы и Гаити и возвращение в Испанию

От индейцев моряки слышали о южном острове Куба, который, по их словам, очень велик и ведет большую торговлю.

28 октября Колумб «вступил в устье... очень красивой реки» (бухта Бариз на северо-востоке Кубы, 76° з. д.). По жестам жите-

золото там, где оно родится». Испанцы на лодках за два дня обследовали западное и северное побережье о. Гуанахани и обнаружили несколько селений. Вдали виднелись другие острова, и Колумб убедился, что открыл архипелаг. Жители посещали корабли на челнах-однодеревках разной величины, поднимающих от одного до 40—45 человек¹. Чтобы найти дорогу к южным землям, где «родится золото», Колумб приказал захватить шесть индейцев. Пользуясь их указаниями, он постепенно продвигался на юг.

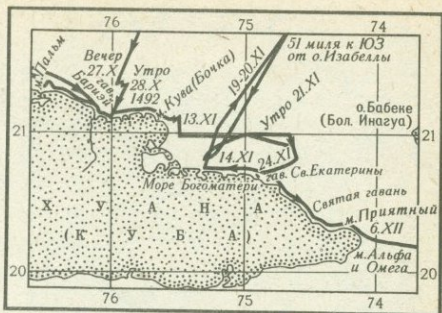
Острова к юго-западу от Гуанахани Колумб назвал Санта-Мария-де-Консепсьон (Рамки) и Фернандина (Лонг-Айленд). Здешние индейцы показали ему «более домовитыми, обходительными и рассудительными», чем жители Гуана-

¹ «Они продвигались на лодках с помощью весла, похожего на лопату... и шли с большой скоростью».

лей Колумб понял, что эту землю нельзя обойти на судне даже за 20 дней. Тогда он решил, что находится у одного из полуостровов Восточной Азии. Но здесь не было ни богатых городов, ни царей, ни золота, ни пряностей. На следующий день испанцы продвинулись на 60 км к северо-западу вдоль берега Кубы, ожидая встречи с китайскими джонками. Но никто, даже сам адмирал, не представлял, что путь до Китая чрезвычайно далек —

более 15 тыс. км по прямой. Изредка на побережье попадались небольшие селения. Адмирал направил двух человек, приказав разыскать царя и завязать с ним сношения. Один из посланцев говорил по-арабски, но в этой стране никто не понимал «даже» арабского языка. Удалившись немного от моря, испанцы нашли окруженные возделанными полями селения с большими, вмещавшими сотни людей, домами, построенными из ветвей и тростника. Только одно растение оказалось знакомо европейцам — хлопчатник. В домах были тюки хлопка; женщины ткали из него грубые ткани или скручивали из пряжи сети. Мужчины и женщины, встречавшие пришельцев, «шли с головнями в руках и с травой, употребляемой для курения». Так европейцы впервые увидели, как курят табак, а неизвестные культурные растения оказались маисом (кукурузой), картофелем и табаком.

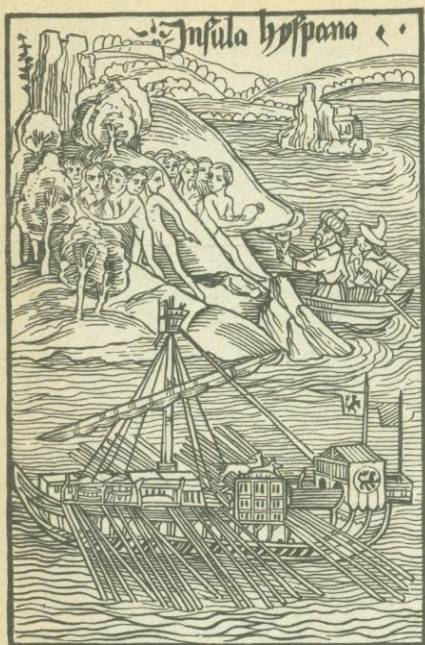
Корабли снова нуждались в ремонте, дальнейшее плавание на запад казалось бессмысленным: Колумб думал, что достиг самой бедной части Китая, зато к востоку должна была лежать богатейшая Япония, и он повернул обратно. Испанцы бросили якорь в соседней с Бариэй бухтой Хибара, где простояли 12 дней. Во время стоянки адмирал узнал об о. Бабеке, где люди «собирают золото прямо по побережью», и 13 ноября двинулся на восток на поиски. 20 ноября скрылась «Пинта», Колумб, подозревая измену, предполагал, что Мартин Пинсон хотел лично для себя открыть этот остров. Еще две недели оставшиеся два судна шли на восток и достигли восточной оконечности Кубы (мыс Майси)¹. 5 декабря адмирал после некоторых колебаний двинулся на юго-юго-восток, пересек Навстренный пролив и 6 декабря подошел к земле, о которой уже собрал сведения от кубинцев, как о богатом большом о. Бохио. Это был о. Гаити; Колумб назвал его Эспаньола²: там вдоль берега «тянутся прекраснейшие... долины, весьма похожие на земли Кастилии,

Путь X. Колумба вдоль северо-восточного берега Кубы (по С. Морисону).

¹ Колумб назвал этот мыс Альфа и Омега, что означает, по мнению комментаторов, начало Азии, если идти с востока, и конец Азии, если идти с запада.

² «Эспаньола» — буквально означает «Испанка», но по смыслу правильнее перевести «Испанский остров».

«Испанский остров». Высадка
(рисунок 1493 г.).

«Нинье» весь экипаж разместиться не мог, и Колумб решил часть людей оставить на острове — первая попытка европейцев обосноваться в Центральной Америке. 39 испанцев добровольно остались на Эспаньоле: жизнь там казалась им привольной, и они надеялись найти много золота. Колумб приказал из обломков корабля построить форт, названный Навидад (Рождество), вооружил его пушками с «Санта-Марии» и снабдил припасами на год.

4 января 1493 г. адмирал вышел в море и через два дня встретил у северного берега Эспаньолы «Пинту». Мартин Пинсон уверял, что «покинул флотилию против своей воли». Колумб притворился, что верит: «не время было карать виновных». Оба корабля давали течь, все стремились поскорее вернуться на родину, и 16 января «Нинья» и «Пинта» вышли в открытый океан. Первые четыре недели плавания прошли благополучно, но 12 февраля поднялась буря, а в ночь на 14 февраля «Нинья» потеряла из виду «Пинту». С восходом солнца ветер усилился и волнение на море стало еще более грозным. Никто не думал, что удастся избежать неминуемой гибели. На рассвете 15 февраля, когда ветер немного стих, моряки увидели землю, и Колумб правильно определил, что находится у Азорских о-вов. Через три дня «Нинье» удалось подойти к одному из островов — Санта-Марии.

24 февраля, оставив Азорские о-ва, «Нинья» снова попала в бью, пригнавшую корабль к португальскому берегу недалеко от Лис-

но во многом их превосходящие». Продвигаясь вдоль северного берега Гаити, он по пути открыл о. Тортуга («Черепаха»). У жителей Эспаньолы моряки видели тонкие золотые пластинки и небольшие слитки. Среди них усиливалась «золотая лихорадка»: «...индейцы были так простодушны, а испанцы так жадны и ненасытны, что не удовлетворялись, когда индейцы за... осколок стекла, черепок разбитой чашки или иные никчемные вещи давали им все, что только они желали. Но, даже и не давая ничего, испанцы стремились взять... все» (запись в дневнике от 22 декабря).

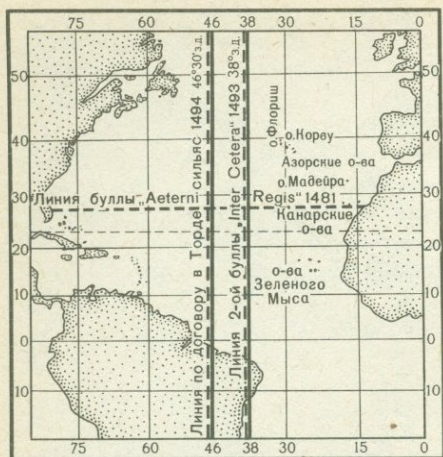
25 декабря из-за небрежности вахтенного моряка «Санта-Мария» села на рифы. С помощью индейцев удалось снять с судна ценный груз, пушки и припасы. На маленькой

сабона. 15 марта 1493 г. адмирал привел «Нинью» в Палос, в тот же день туда прибыла «Пинта». Колумб привез в Испанию весть об открытых им на западе землях, немного золота, несколько невиданных еще в Европе островитян, которых стали называть индейцами, странные растения, плоды и перья диких птиц. Чтобы сохранить за собой монополию открытия, он и на обратном пути вносил в корабельный журнал неверные данные. Первая весть о великом открытии, распространившаяся по Европе в десятках переводов, — это письмо, продиктованное Колумбом у Азорских о-вов одному из лиц, финансировавших экспедицию, — Луису Сантанхелю или *Габриэлю Санчесу*.

Первый раздел мира

Весть об открытии Колумбом «Западной Индии» встревожила португальцев. По их мнению, были нарушены права, предоставленные Португалии римскими папами (*Николаем V* и *Каликстом III*) в 1452—1456 гг., права, признанные самой Кастилией в 1479 г., подтвержденные папой *Сикстом IV* в 1481 г., — владеть землями, открытыми к югу и востоку от мыса Бохадор, «вплоть до индийцев». Теперь Индия, казалось, ускользала от них. Кастильская королева и португальский король отстаивали свои права на земли за океаном. Кастилия опиралась на право первого открытия, Португалия — на папские пожалования. Разрешить спор мирным путем мог лишь глава католической церкви. Папой тогда был *Александр VI Борджия*. Вряд ли португальцы считали этого папу, испанца по происхождению (*Родриго Борха*), беспристрастным судьей. Но они не могли не считаться с его решением.

3 мая 1493 г. папа буллой *Inter cetera* («Между прочим») произвел первый раздел мира, предоставив Кастилии права на земли, которые она открыла или откроет в будущем, — «земли, лежащие против западных частей на океане» и не принадлежащие какому-либо христианскому государю. Иными словами, Кастилия на западе получила такие же права, какие имела Португалия на юге и востоке. 4 мая 1493 г. в новой булле (вторая *Inter cetera*) папа пытался точнее определить права Кастилии. Он даровал в вечное владение кастильским королям «все острова и материк... открытые и те, которые будут открыты к западу и югу от линии, проведенной... от арктического полюса... до антарктического полюса... [Эта] линия должна отстоять на расстоянии 100 лиг к западу и к югу от любого из островов, обычно называемых Азорскими и Зеленого Мыса». Ясно, что границу, установленную второй буллой, на карте невозможно провести. Уже тогда твердо знали, что Азоры лежат гораздо западнее о-вов Зеленого Мыса. А выражение «к югу от линии, проведенной... от... полюса... до полюса», т. е. к югу от меридиана, просто нелепо. Тем не менее папское решение легло в основу испано-португальских переговоров, закончившихся

Испано-португальские демаркационные линии (по С. Морисону).

Тордесильяским договором от 7 июня 1494 г. Португальцы уже тогда сомневались, что Колумб достиг Азии, и не настаивали, чтобы испанцы совсем отказались от заокеанских плаваний, но добивались лишь переноса «папского меридиана» дальше к западу¹.

После долгих споров испанцы пошли на большую уступку: линия была проведена в 370 лигах западнее о-вов Зеленого Мыса. В договоре не указано, от какого острова следует считать 370 лиг и в каких лигах производить расчет; можно предполагать, что речь идет о морской лиге (около 6 км). Кроме того, для кос-

мографов того времени перевод 370 лиг в градусы долготы был очень затруднителен. Однако расхождения по этим причинам (до 5,5°) незначительны по сравнению с ошибками из-за неумения в то время определять долготу; даже в XVI в. из-за этого бывали ошибки более чем на 45°. По мнению многих историков, Португалия и Кастилия ставили перед собой ясную цель — действительно разделить между собой земной шар, несмотря на то, что в папской булле 1493 г. и в договоре 1494 г. указывалась только одна, атлантическая, демаркационная линия. Но уже в 1495 г. высказывалось противоположное мнение, вероятно, более соответствующее подлинным намерениям сторон: линия устанавливается лишь для того, чтобы кастильские суда имели право совершать открытия в западном направлении, а португальские — в восточном от «папского меридиана». Иными словами, целью демаркации было не разделить земной шар, а лишь указать соперничающим морским державам различные пути открытий новых земель.

¹ Скептики-одиночки имелись и в Испании. Итальянский гуманист *Пьетро Мартире* (Петр Мученик), который жил в те годы в Барселоне и был близок королевскому двору, вел большую переписку со своими земляками. В его письме от 1 ноября 1493 г. есть следующие фразы: «Некто Колон доплыл до западных антиподов, до индийского берега, как он сам верит. Он открыл много островов; полагают, что именно те... о которых у космографов высказано мнение, что они расположены у Индии; за Восточным океаном. Я этого не могу оспаривать, хотя кажется, что величина земного шара приводит к другому выводу».

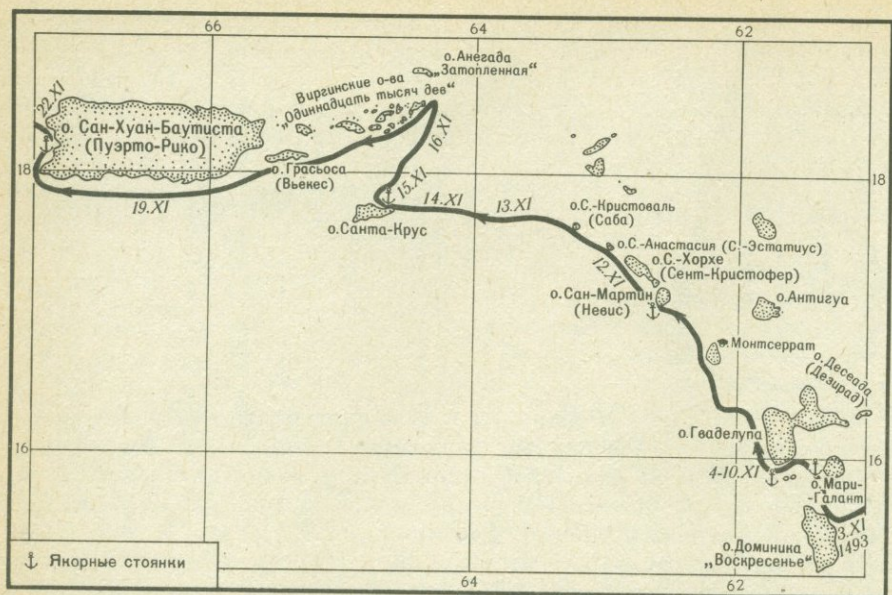

ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ КОЛУМБА

Фердинанд и Изабелла подтвердили все права и преимущества, обещанные генуэзцу в 1492 г. В инструкции от 29 мая 1493 г. дон Кристоваль Колон величается адмиралом, вице-королем и правителем открытых островов и материка. Немедленно снарядили новую флотилию из 17 судов, в том числе три больших корабля; на самом крупном (200 т), «Мария-Галанте», Колумб поднял адмиральский флаг. На корабли были погружены лошади и ослы, крупный рогатый скот и свиньи, виноградные лозы разных сортов, семена различных сельскохозяйственных культур: никто не видел у индейцев ни скота, ни европейских культурных растений, а на Эспаньоле предполагалось организовать колонию. С Колумбом отправилась искать счастья в новых местах небольшая группа придворных и около 200 идалго, оставшихся без дела после окончания войны с арабами, десятки чиновников, шесть монахов и попов. По различным источникам, на кораблях находилось 1,5—2,5 тыс. человек. 25 сентября 1493 г. вторая экспедиция Колумба вышла из Кадиса. На Канарских о-вах взяли сахарный тростник и, по примеру португальцев, огромных собак, специально приученных к охоте за людьми.

Открытие Малых Антильских островов и Пуэрто-Рико

От Канарских о-вов Колумб взял курс на юго-запад: жители Эспаньолы указывали, что к юго-востоку от них есть «земли карибов, пожирателей людей», и «острова безмужних женщин», где много золота. Путь кораблей пролегал приблизительно на 10° южнее, чем во время первого плавания. Курс был взят исключительно удачно: Колумб поймал попутный ветер — северо-восточный пассат и пересек океан в 20 дней. Этим путем стали пользоваться суда, идущие из Европы в «Западную Индию». 3 ноября показался гористый, покрытый лесом остров. Открытие произошло в воскресенье (по-испански «доминика»), и Колумб так его и назвал. Удобной гавани там не оказалось, и адмирал повернул на север, где

заметил малый, низменный остров (Мари-Галант), на который и высадился. Недалеко были видны другие острова. 4 ноября Колумб направился к наибольшему из них, названному Гваделупой. Там испанцы провели восемь дней, много раз высаживались на берег, осматривали селения, заходили в жилища. «В домах мы нашли множество человеческих костей и черепов, развешанных, точно посуда, для разных надобностей. Мужчин мы видели здесь немного: как нам объяснили женщины, большая часть их ушла на десятках каноэ грабить... острова. Люди эти нам показались более развитыми, чем обитатели других островов... Хоть у них и соломенные жилища, но построены они добротнее... в них больше утвари... У них много хлопка... и немало покрывал из хлопчатой ткани, выработанных так хорошо, что они ничуть не уступают нашим кастильским»¹.

¹ Из письма врача второй экспедиции *Диего Альвареса Чанки*.

нок!... Женщины эти говорят, что карибы... детей, рождающихся у этих женщин... пожирают, а воспитывают только тех, кто прижит от жен-карибок. Пленных мужчин они увозят в свои селения и съедают их там, и точно так же они поступают с убитыми». Слово «кариб», искаженное испанцами в «каннибал», вскоре стало равнозначимым слову «людоед». Обвинение карибов в людоедстве, как видно из «дневника» Колумба и письма Чанки, основаны были на словах жителей Эспаньолы и пленниц с Малых Антильских о-вов и как будто бы подтверждались находками в карибских жилищах человеческих черепов и костей. Однако сам Д. Чанка вскоре усомнился в том, что это доказательство людоедства — черепа были в жилищах мирных араваков: «Мы нашли на Эспаньоле в корзинке, сплетенной очень красиво и тщательно, хорошо сохранившуюся человеческую голову. Мы решили, что это голова отца, матери или другой особы, чью память здесь очень чтут. Впоследствии я слышал, что таких голов находили великое множество, и потому считаю, что мы правильно судим об этом».

Что касается показаний араваков, страдавших от набегов карибов, то даже некоторые буржуазные историки и этнографы XIX в. не считали такие свидетельства заслуживающими безусловного доверия. Они подчеркивали, что колонизаторы сознательно преувеличивали в своих сообщениях «кроважность» карибов, чтобы оправдать массовое обращение в рабство или истребление жителей Малых Антильских о-вов. Советские этнографы допускают, что у карибов, как и у других народов, в период перехода от матриархата к патриархату, существовало людоедство как военный обычай: они верили, что отвага, сила, быстрота и прочие воинские доблести врага перейдут к тому, кто съест его сердце или мышцы рук и ног.

От Гваделупы Колумб двинулся на северо-запад, открывая один остров за другим: 11 ноября — Монтсеррат, Антигуа (испанцы там не высаживались) и Невис, где суда стали на якорь; 12 ноября — Сант-Китс, Сант-Эстатиус и Саба, а 13 ноября — Санта-Крус (на западе), где видны были возделанные поля. В надежде добыть здесь проводника к другим островам и Эспаньоле Колумб выслал на следующий день к прибрежному селению бот с вооруженными людьми, которые захватили несколько женщин и мальчиков (пленников карибов), но на обратном пути бот столкнулся с карибским челном. Карибы оцепенели от удивления, увидев в море большие корабли, а в это время бот отрезал их от берега. «Видя, что бежать им не удастся, карибы с большой отвагой натянули свои луки, причем женщины не отставали от мужчин... их было всего шестеро — четверо мужчин и две женщины — против двадцати пяти наших. Они ранили двух моряков... И они поразили бы стрелами большую часть наших людей, не подойди наша лодка вплотную к каное и не опрокинь его...

¹ Так разъяснился слух об «островах безмужних женщин», которому Колумб поверил, так как читал о них у Марко Поло и позднейших авторов, описывавших плавание по «Индийскому морю».

Они пустились вплавь и вброд — в этом месте было мелко — и... продолжали стрелять из луков... Удалось взять одного, смертельно ранив его ударом копья» (Д. Чанка). Это был, как видно, народ, умевший сражаться и защищать свою свободу от захватчиков.

Утром 15 ноября на севере открылась «земля, состоящая из сорока, а то и более островков, гористая и в большей своей части бесплодная». Колумб назвал этот архипелаг «Островами Одиннадцати тысяч дев». С этого времени они и называются Виргинскими¹. За три дня малые суда флотилии обошли северные острова архипелага, а большие суда — южные. Они соединились у о. Вьекес, к западу от которого открылась большая земля. Индейцы, взятые на Гваделупе, заявили, что они родом оттуда, что это Борикен, который часто подвергается набегам карибов. Весь день (19 ноября) двигалась флотилия вдоль гористого южного берега «очень красивого и, как кажется, очень плодородного острова». Испанцы высадились на западном берегу у 18°17' с. ш., где видели много людей, но они разбежались. Колумб назвал его Сан-Хуан-Баутиста (с XVI в. Пуэрто-Рико — «Богатая гавань»).

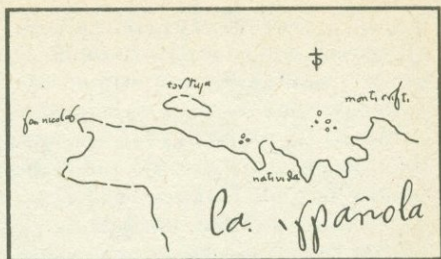
Испанцы на Эспаньоле

Не доходя форта Навидад, матросы высадились на берег Эспаньола набрать воды и нашли четыре разложившихся трупа с веревками на шее и на ногах. Один из мертвецов был бородатым, следовательно, европейцем. К форту флотилия подошла ночью 27 ноября и дала сигнал двумя пушечными выстрелами — ответа не последовало. На рассвете Колумб сам вышел на берег, но не обнаружил ни форта, ни людей — только следы пожарища и трупы. Обстоятельства гибели испанцев выяснить не удалось, но, несомненно, они были виновны в грабежах и насилиях. Индейцы рассказывали, что каждый колонист обзавелся несколькими женами, начались раздоры, большая часть ушла внутрь острова и была перебита местным касиком (племенным вождем), который затем разрушил и сжег Навидад. Защитники форта, спасаясь бегством на лодке, утонули.

Колумб построил город к востоку от сожженного форта и назвал его Изабеллой (январь 1494 г.). Там появился новый враг — желтая лихорадка: «большая часть людей была поражена недугом». На разведку внутрь страны адмирал отправил небольшой отряд под командой Алонсо Охеда. Через несколько дней он вернулся с известием, что внутренние части острова густо населены мирными индейцами и что там есть богатые золотые россыпи: он принес образцы речного песка со значительным содержанием золота, найденного им в долине р. Яке-дель-Норте, у подножия гор Сибao (Кордильера-Сентраль). В поисках золота 12—29 марта Колумб совершил

¹ «Девичьи острова» были названы Колумбом так потому, что они усеивают море длинной вереницей, напоминая процессию «Одиннадцати тысяч дев» (Э. Реклю). По легенде, девы, совершавшие паломничество из Корнуолла в Рим, на обратном пути были перебиты гуннами, осаждавшими Кёльн.

поход внутрь о. Гаити, причем перевалил хр. Кордильера-Сентраль (до 3175 м, высшая точка Антильских о-вов). В Изабелле его ожидало неприятное известие: большая часть съестных припасов испортилась из-за влажной тропической жары. Надвигался голод — следовало сократить количество едоков — и адмирал решил оставить на Эспаньоле только пять кораблей и около 500 человек. Остальных на 12 кораблях он отправил в Испанию под начальством *Антонио Торреса* с «Памятной запиской» для передачи королю и королеве.

Северо-западный берег Эспаньолы по эскизу Х. Колумба (1493 г.).

Колумб доносил, что нашел месторождения золота, сильно преувеличивая их богатство, а также «признаки и следы всевозможных прიაностей». Он просил прислать скот, съестные припасы и сельскохозяйственные орудия, предлагал покрывать расходы рабами, которых брался доставлять в большом количестве, понимая, что за товары для колонии нельзя платить одними надеждами на золото и прияности. «Памятная записка» — тяжелый обвинительный документ против Колумба, характеризующий его как инициатора массового обращения в рабство индейцев, как ханжу и лицемера: «...Забота о благе для душ каннибалов и жителей Эспаньолы привела к мысли, что чем больше доставят их в Кастилию, тем лучше будет для них... Их высочества соблаговолят дать разрешение и право достаточному числу каравелл приходить сюда ежегодно и привозить скот, продовольствие и все... необходимое для заселения края и обработки полей... Оплату же... можно производить рабами из числа каннибалов, людей жестоких... хорошо сложенных и весьма смышленных. Мы уверены, что они могут стать наилучшими рабами, перестанут же они быть бесчеловечными, как только окажутся вне пределов своей страны». По этому поводу Карл Маркс замечает: «[Разбой и грабеж — единственная цель испанских искателей приключений в Америке, как это показывают также донесения Колумба испанскому двору]. [Донесения Колумба характеризуют его самого как пирата]; ...[Работоторговля как базис!]»¹.

Открытие Ямайки и южного берега Кубы

Оставив сильный гарнизон в Изабелле под начальством младшего брата *Диего*, адмирал 24 апреля 1494 г. повел три небольших корабля на запад «открывать материковую землю Индий». Обогнав мыс Майси, он двинулся вдоль юго-восточного побережья Ку-

¹ Архив Маркса и Энгельса, 1940, т. VII, с. 100.

бы и 1 мая обнаружил узкий и глубокий залив, названный им Пуэрто-Гранде (современная бухта Гуантанамо). Далее к западу берег становился все гористее. «Ежечасно открывались перед ним чудеснейшие бухты и высокие горы...» Это была Сьерра-Маэстра с пиком Туркино (1974 м), самой высокой вершиной Кубы. Здесь он повернул на юг: по указаниям индейцев, «неподалеку [на юге] лежит остров Ямайка, где есть много золота...» (писал Б. Лас Касас). Этот остров показался 5 мая. Колумб назвал его Сантьяго. Нагие индейцы, «раскрашенные в разные цвета, но большей частью в черный», с головными уборами из перьев, без страха подходили на челнах-однодеревках к кораблям, пытались помешать высадке. Колумб приказал стрелять по ним из арбалетов. «После того как шесть или семь индейцев были ранены, они сочли за благо прекратить сопротивление...» и к кораблям подошло много каноэ. «Индейцы привезли съестные припасы и все прочее, чем они владели, и охотно давали привезенное с собой... за любую вещь...»

Адмирал прошел вдоль северного берега Ямайки до 78° з. д. На острове не было «ни золота, ни иных металлов, хотя во всех прочих отношениях он казался раем», и Колумб 14 мая вернулся к Кубе, к мысу Крус. «Море было мелкое — они вошли в мелководный залив Гуаканаябо. Колумб осторожно продвигался на запад, и перед ним открылся странный архипелаг: чем дальше, тем чаще встречались на пути мелкие и низкие островки. Чем ближе к берегам Кубы, тем приветливее и зеленее казались они. Адмирал назвал их Хардинес-де-ла-Рейна («Сады Королевы»). 25 дней плыл Колумб на запад в этом лабиринте островов. Каждый вечер при штормовом ветре шел ливень с грозой. Моряки иногда целые сутки не смыкали глаз. Не раз киль корабля скреб дно. Вскоре показались горы — Сьерра-дель-Эскамбрай. Продвигаясь вдоль обрывистого берега к западу, адмирал пропустил узкий вход в бухту, где позже вырос порт Сенфуэгос, но обследовал бухту Кочинос («залив Свиной» — здесь в 1961 г. высадились и были разгромлены кубинские контрреволюционеры-эмигранты). Затем суда попали в мелководную акваторию — залив Батабано, заинтриговавший испанцев: вода в ней от движения волн становилась то белой, как молоко, то черной, как чернила¹. Мангровые заросли по берегам залива были, по словам Колумба, настолько «густы, что даже кошка не смогла бы достичь берега». 27 мая суда прошли западную оконечность болотистого п-ова Сапата, а 3 июня испанцы высадились на заболоченный северный берег залива Батабано (у 82°30' з. д.).

К западу (у 84° з. д.) море сильно обмелело, и Колумб решил возвращаться: суда давали течь, матросы роптали, провизия была на исходе. Под присягой почти от каждого члена экипажа 12 июня 1494 г. он получил показания, что Куба — часть континента и, следовательно, дальше плыть бесполезно: острова такой длины существовать-де не могло. В действительности же адмирал находился

¹ Причина этого явления установлена много позже: дно залива сложено белым мергелем и черным песком, и волны поднимают то белую, то черную «муть».

вали; часть из них была перебита индейцами. В связи с этим Колумб предпринял в марте 1495 г. покорение Эспаньолы, выведя 200 солдат, 20 лошадей и столько же собак. Индейцы имели численное превосходство, но самое первобытное оружие, и они не умели сражаться — наступали толпами. Колумб действовал небольшими отрядами, выбирал для сражения местности, где могла развернуться конница. Всадники врзались в густые толпы индейцев, топтали их копытами своих коней. Но особенно пугали несчастных собаки, принимавшие активное участие в военных действиях. Девять месяцев длилась травля, и Эспаньола была почти вся покорена. Колумб обложил индейцев непосильной данью — золотом или хлопком. Они покидали селения, уходили в глубь острова, в горы, десятками тысяч гибли от болезней, которые завоеватели привезли с собой. Кто не смог скрыться — становился рабом на плантациях или золотых приисках. Из-за эпидемии желтой лихорадки колонисты покинули северный берег Эспаньолы и перешли на южный, более здоровый. Здесь в 1496 г. Бартоломе Колумб заложил г. Санто-Доминго, ставший политическим и экономическим центром Эспаньолы, старейшим из европейских поселений в Америке.

Между тем Колумб прислал в Испанию немного золота, меди, ценного дерева и несколько сот индейцев-рабов, но Изабелла приостановила их продажу до совета со священниками и юристами. Доход от Эспаньолы оказался незначительным по сравнению с издержками экспедиции — и короли нарушили договор с Колумбом. В 1495 г. был издан указ, разрешающий всем кастильским подданным переселяться на новые земли, если они будут вносить в казну две трети добытого золота; правительство же обязывалось только снабжать переселенцев съестными припасами на год. Тем же указом разрешалось любому предпринимателю снаряжать корабли для новых открытий на западе и для добычи золота (за исключением Эспаньолы). Встревоженный Колумб 11 июня 1496 г. вернулся в Испанию лично отстаивать свои права. Он привез документ о том, что достиг Азиатского материка, за который он принимал, или делал вид, что принимает, о. Куба. Он утверждал, что нашел в центре Эспаньолы чудесную страну Офир, откуда библейский царь Соломон получал золото. Он снова очаровал королей речами и добился обещания, что никто, помимо него и его сыновей, не получит разрешения на открытие земель на западе. Но вольные поселенцы стоили казне очень дорого — и Колумб предложил заселить свой «земной рай» уголовными преступниками — ради дешевизны. И по королевскому указу испанские суды начали ссылать преступников на Эспаньолу, сокращая им наполовину срок наказания.

Во второй экспедиции, как, впрочем, и в первой, Колумб показал себя выдающимся мореходом и флотоводцем: впервые в истории мореплавания крупное соединение разнотипных судов без потерь пересекло Атлантику и прошло через лабиринт Малых Антильских о-вов, изобилующий мелями и рифами, не имея даже намека на карту.

ТРЕТЬЯ ЭКСПЕДИЦИЯ КОЛУМБА

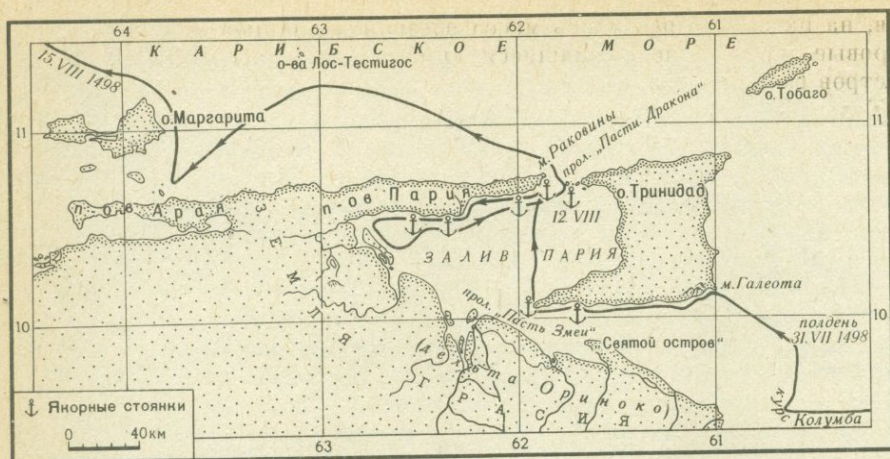
Открытие Тринидада и Южного материка

С величайшим трудом Колумбу удалось добыть средства на снаряжение третьей экспедиции, далеко не такой внушительной, как вторая — шесть небольших кораблей, около 300 человек команды. Мало нашлось в Испании охотников добровольно отправиться в «Западную Индию» с адмиралом-«неудачником». И Колумб попросил королей открыть двери тюрем для вербовки среди преступников недостающих колонистов. 30 мая 1498 г. флотилия вышла из устья Гвадалквивира. Не понимая, почему до сих пор он не встречал в своей «Индии» огромных природных богатств, Колумб посоветовался с ученым-ювелиром и по его указанию решил держаться ближе к экватору¹. У о. Йерро адмирал разделил флотилию: три корабля он послал прямо к Эспаньоле, три других повел к о-вам Зеленого Мыса. Оттуда он взял курс на юго-запад, «намереваясь достичь линии экватора и далее следовать к западу, до тех пор пока остров Эспаньола не останется к северу». 13 июля, по определению адмирала, корабли достигли 5° с. ш. (в действительности — 9°30' с. ш.). «Здесь ветер стих и начался такой великий зной, — писал Колумб королям, — что мне казалось — сгорят и корабли, и люди на них». Штиль продолжался более недели — 22 июля подул попутный ветер, и адмирал решил «следовать все время на запад на линии Сьерра-Леоне»², пока не откроется земля.

«31 июля матрос [Алонсо Перес] с мачты адмиральского корабля увидел на западе землю... [похожую] на три скирды или три холма». Это был большой остров, и Колумб дал ему имя Тринидад («Троица»). 1 августа корабли прошли вдоль его южного берега к Песчаному мысу (Икакос, юго-западная оконечность Тринидада). На западе виднелась земля — часть Южно-Американского материка у дельты р. Ориноко; Колумб назвал ее Земля Грасия («Благодать»). От этой «земли» о. Тринидад отделялся проливом

¹ Колумб обратился к ученому-ювелиру, полагая, что по роду деятельности тот должен знать, где могут встретиться драгоценные камни и золото. В те времена считалось, что они образуются в условиях жаркого климата.

² Сьерра-Леоне показывалась тогда на картах Африки близ 10° с. ш.

Путь Х. Колумба у берегов Южной Америки
(по С. Морисону).

шириной в 2 лиги (около 12 км). «Я стал на якорь у... мыса, вне этого пролива, и увидел, что вода течет в нем с востока на запад с такой же скоростью, как и в Гвадалквивире во время половодья, и так днем и ночью». 2 августа с востока к мысу подошел большой челн с 24 воинами с Тринидада. «Они были молоды и хорошо сложены, кожей не черны, блее всех, кого я видел в Индиях, стройны и телом красивы. Волосы у них длинные и мягкие, остриженные по кастильскому обычаю, а головы повязаны платками из хорошо обработанной разноцветной хлопчатой пряжи... Некоторые были опоясаны этими платками... У меня не было ничего, что могло бы... побудить их подойти к кораблям. Поэтому я распорядился вынести... тамбурин и приказал молодым матросам плясать... Но как только они услышали музыку и увидели танцующих, все они оставили весла, взяли в руки луки и... принялись осыпать нас стрелами¹ ...и я приказал разрядить по ним арбалеты. Они отплыли...»

При попутном ветре суда прошли пролив Бока-де-ла-Сьерпе («Пасть змеи»). К северу от него воды были спокойны. Случайно зачерпнув воду, Колумб нашел, что она пресная. Он плыл на север, пока не дошел до высокой горы (Патао — 1070 м) на востоке гористого п-ова Пария, отделяющего залив Пария от Карибского моря. «Там пролив сделался очень узким... и течение также шло в двух направлениях, и вода бурлила с такой же силой, как и у берегов Песчаного мыса. И точно так же вода в море была пресная». Этот северный пролив был назван Бокас-дель-Драгон («Пасти дракона»). Чем дальше на запад шел Колумб вдоль южного берега Земли Грасия (п-ова Пария), тем все более пресной становилась вода. На побережье росло много незнакомых испанцам фруктовых деревь-

¹ Островитяне приняли пляску за военный танец.

ев, на их ветвях развилась масса обезьян. Испанцев удивляли мангровые заросли, поднимавшиеся «прямо» из моря. Там, где полуостров расширяется, а горы отступают к северу, суда бросили якорь. «Туземцы... стали подходить к кораблям на бесчисленном множестве каноэ, и у многих висели на груди большие куски золота, а у некоторых к рукам были привязаны жемчужины... Они сказали мне, что жемчуг добывается здесь, именно в северной части этой земли».

Высадившихся испанцев индейцы приняли очень радушно. Адмирал полагал, что Грасия — остров, но напрасно искал выхода из залива в западном направлении, следуя вдоль его берегов. А море стало уже опасно мелким. И адмирал направил самое маленькое из своих трех судов — каравеллу «Коррес» — дальше на запад; там оказался тупик.

Тогда испанцы пошли на юго-юго-восток вдоль берега, мимо трех бухт «средней величины» — устья рр. Амана, Сан-Хуан и Рио-Гранде — и достигли четвертой бухты, в которую «впадала огромная река. Глубина в реке была пять локтей, вода пресная, и текла она в огромном количестве». Судя по описанию, они открыли западный рукав дельты Ориноко. Так разъяснились те странные явления, которые наблюдал адмирал, — водовороты в проливах от встречи морских течений с потоками речной воды, пресная вода в заливе. Зато возникло другое тяжелое недоумение: где и как могла образоваться такая могучая река?

Болезнь и порча припасов не позволяли Колумбу оставаться дольше у берегов этой странной земли, которую он сначала окрестил «Грасия», а потом изменил название на Земля Пария. Адмирал решил скорее добраться до Санто-Доминго. Воспользовавшись попутным ветром, 12 августа он благополучно вывел свои суда через «Пасти Дракона» в открытое море. Повернув на запад, он шел два дня «вдоль высокой, очень красивой земли» — северное побережье п-ова Пария. К северу (у 11°05' с. ш.) он видел группу островов Лос-Тестигос («Свидетели»). 15 августа он подошел к островам, где индейцы занимались ловлей раковин-жемчужниц, и матросы набрали у них жемчуга в обмен на безделушки. Самый большой из этих островов (около 1,2 тыс. км²) был назван Маргаритой («Жемчужная»).

Оттуда Колумб двинулся прямо на север, к Эспаньоле. Лежа на койке, обесиленный недугом, Колумб обдумывал значение своих новых открытий. Из письма, которое он несколько недель составлял для королей, видно, как замечательные догадки смешивались в его уме с фантастикой. Масса пресной воды в заливе Пария свидетельствовала о существовании впадающей в него мощной реки, которая могла образоваться только на материке: «Я убежден, что эта земля величайших размеров и что на юге есть еще много иных земель, о которых нет никаких сведений». Но что это был за материк? И тут с совершенно верным выводом переплетался мистический бред: Колумб утверждал, что подошел к земному раю. Он заявлял, что земное полушарие, куда он проник, «пред-

ставляет собой [как бы] половину круглой груши, у черенка которой имеется возвышение, подобное соску женской груди, наложенному на поверхность мяча¹, что места эти наиболее высокие в мире и наиболее близкие к небу»: «Оттуда, вероятно, исходят воды, которые... текут в места, где я нахожусь. И если река эта не вытекает из земного рая, то я утверждаю, что она исходит из обширной земли, расположенной на юге и оставшейся до сих пор никому не известной...», т. е. течет по неизвестному южному материку, северное побережье которого он открыл примерно на 400 км.

Мятеж на Эспаньоле, арест и высылка Колумба в Испанию

Совершив первое пересечение Карибского моря, адмирал прибыл 20 августа 1498 г. на Эспаньолу и застал там полный развал. Идальго отказались признавать власть начальников, назначенных Колумбом. Они восстали с оружием в руках против его брата Бартоломе. Они для потехи превращали индейцев в мишени для стрел, изнуряли своих новых «подданных» работой на плантациях, держали десятки рабов для рыбной ловли и охоты, для переноски себя в гамаках, а рабынь — «для домашних услуг». Они жили с захваченными ими насильно индианками «в наглом многобрачии». Мятеж закончился унижительным для Колумба соглашением. Каждому мятежнику был отведен большой участок земли, к которому для обработки было прикреплено определенное число индейцев. Так Колумб санкционировал широкое распространение той характерной для начального периода испанской колонизации системы закрепощения индейцев, которая получила название репартимьенто (буквально — распределение, раздел). За побег по усмотрению владельца полагалась смертная казнь или обращение в рабство.

Королевская казна продолжала получать ничтожные доходы от новой колонии. А в это время португалец Васко да Гама открыл морской путь в подлинную Индию (1498 г.), завязал с ней торговлю и вернулся на родину с грузом пряностей (1499 г.). Земли, открытые Колумбом, — теперь это было уже очевидно, — не имели ничего общего с богатой Индией. Сам Колумб казался болтуном и обманщиком. На него посылались новые доносы, обвинения в утайке королевских доходов. Из Эспаньолы поступали сведения о мятежах и казнях дворян. Идальго, вернувшиеся ни с чем на родину из колумбовой Индии, обвиняли адмирала, открывшего «страну обмана и несчастий, кладбище кастильских дворян». Они свистками и бранью преследовали сыновей адмирала — пажей королевы. В 1499 г. короли отменили монополию Колумба на открытие новых земель, чем немедленно воспользовалась часть его спутников, ставших его соперниками. А в 1500 г. на Эспаньолу был отправлен с

1 Представление о грушевидной фигуре Земли связано с арабской теорией «купола Земли», с которой Колумб познакомился по книге *Пьера Айи* «Imago Mundi».

неограниченными полномочиями *Франсиско Бовадиллья*¹. Адмирал должен был сдать ему все крепости, корабли, лошадей, оружие и запасы. Бовадиллья захватил в руки всю власть, поселился в доме Колумба, завладел его вещами и документами, его деньгами, выплатил всем колонистам задержанное жалованье. Он стал всеобщим любимцем, когда разрешил каждому испанцу добывать золото в течение 20 лет, с уплатой в казну лишь седьмой части добычи (вместо прежней трети). Он арестовал адмирала, его братьев Бартоломе и Диего и заковал их в кандалы. После двухмесячного следствия Бовадиллья пришел к заключению, что Колумб был человек «жестокосердный и неспособный управлять страной», и отправил трех братьев в кандалах в Испанию. В октябре 1500 г. корабль вошел в гавань Кадиса. Однако заинтересованные влиятельные финансисты сумели «мобилизовать общественное мнение» в пользу разжалованного и униженного адмирала моря-океана. Короли приказали освободить Колумба, письменно выразили ему свое сочувствие, лицемерно негодовали против недостойного обращения с ним, приказали выдать ему 2 тыс. золотых, чтобы он мог явиться ко двору «в приличном виде», обещали восстановить в правах, но не выполнили этого².

Массовая колонизация Гаити и истребление индейцев

Наместником Гаити был назначен *Николас Овандо*: Бовадиллья, видимо, рассматривался как временный исполнитель королевских поручений. Овандо получил приказание по-прежнему взыскивать с золотоискателей одну треть добычи в пользу казны. Вся торговля колоний должна была на деле стать монополией кастильской короны. Индейцам за работу в казенных рудниках полагалось определенное жалованье. Между тем в Испанию начало прибывать золото, добытое на Эспаньоле, и жемчуг, собранный на Жемчужном берегу. Поэтому сотни новых искателей легкой наживы устремились в Западную Индию. 25 тыс. человек изъявили желание отправиться вместе с новым наместником «на ловлю счастья и чинов». 30 кораблей понадобились, для того чтобы перевезти их через океан. С этого времени началось массовое заселение испанцами Антильских о-вов. В апреле 1502 г. флотилия Овандо пришла в Санто-Доминго.

Епископ Бартоломе Лас Касас в памфлете «Кратчайший рассказ о разрушении Западной Индии» с гневом писал о зверствах своих соотечественников: «Христиане своими конями, мечами и копьями стали учинять побоища среди индейцев и творить чрез-

¹ Он получил словесные инструкции и письма. В одном из них, адресованном адмиралу, значится: «Мы предложили... Бовадиллье... сказать вам кое-что от нашего имени. Предлагаем вам верить тому, что он скажет, и повиноваться ему».

² О мытарствах потомков Х. Колумба см. книгу *Я. М. Света* «Севильская заплата».

вычайные жестокости. Вступая в селение, они не оставляли в живых никого — участи этой подвергался и стар и млад. Христиане бились об заклад о том, кто из них одним ударом меча разрубит человека на двое, или отсечет ему голову, или вскрыет внутренности. Схвативши младенцев за ноги, отрывали их от материнской груди и ударом о камни разбивали им головы или же кидали матерей с младенцами в реку... и притом всех, которых находили на своем пути... Воздвигали длинные виселицы так, чтобы ноги [повешенных] почти касались земли, и, вешая по тринадцать [индейцев] на каждой, разжигали костры и сжигали живьем. Иных обертывали сухой соломой, привязывая ее к телу, а затем, подпалив солому, сжигали их. Другим... отсекали обе руки... подвешивали [их] к телу, говоря... индейцам: «Идите с этими письмами, распространяйте вести среди беглецов... И так как все, кто мог сбежать, укрывались в лесах или горах, спасаясь от людей, столь бесчеловечных и безжалостных... то были обучены... отчаяннейшие псы, которые, завидя индейца, в мгновение ока разрывали его на куски... Эти псы творили великие опустошения и душегубства. А так как иногда — и по справедливой причине — индейцы убивали кого-нибудь из христиан, то [те] сговаривались между собой, что за одного христианина, которого убьют индейцы, христиане должны убивать сто индейцев...»

Коренное население Гаити исчезло с беспримерной в истории быстротой. В 1515 г. там было менее 15 тыс. человек, а к середине XVI в. гаитяне вымерли. На Эспаньолу начали ввозить рабов — «людоедов» с Малых Антильских о-вов; а также приравненных к людоедам «дикарей» (т. е. еще не распределенных индейцев) с Кубы, Ямайки и Пуэрто-Рико. Вскоре коренное население стало исчезать и там. Тогда усилилась массовая охота за рабами в Южной Америке — у берегов Карибского моря. Позднее на Эспаньолу стали ввозить по инициативе Лас Касаса африканцев. Их потомки, частью смешавшиеся с испанцами, заселили весь о. Гаити.

ВАСКО ДА ГАМА И ОТКРЫТИЕ МОРСКОГО ПУТИ В ИНДИЮ

Снаряжение экспедиции Гамы и переход к Южной Африке

После открытия испанскими экспедициями Колумба «Западной Индии» португальцам нужно было спешить, чтобы закрепить за собой «права» на Восточную Индию. В 1497 г. была снаряжена эскадра для разведки морского пути из Португалии — вокруг Африки — в Индию. Подозрительные португальские короли остерегались прославленных мореплавателей. Поэтому начальником новой экспедиции стал не *Бартоломеу Диаш*, а молодой, ничем ранее себя не проявивший придворный знатного происхождения *Васко (Вашку) да Гама*, на которого, по невыясненным причинам, пал выбор короля *Мануэла I*. В распоряжение Гамы он предоставил три судна: два тяжелых корабля, 100—120 т (т. е. 200—240 метрических т) каждое, — «Сан-Габриэл», на котором Васко поднял адмиральский флаг (капитан *Гонсалу Алвариш*, опытный моряк), и «Сан-Рафаэл», капитаном которого был назначен по просьбе Васко его старший брат *Паулу да Гама*, также ничем ранее не проявивший, и легкое быстроходное судно «Берриу» в 50 т (капитан *Николау Куэлью*). Кроме того, флотилию сопровождало транспортное судно с припасами. Главным штурманом шел выдающийся моряк *Перу Аленкер*, плававший раньше в той же должности с Б. Диашем. Экипаж всех судов достигал 140—170 человек, сюда входили 10—12 уголовных преступников: Гама выпросил их у короля, чтобы использовать для опасных поручений.

8 июля 1497 г. флотилия вышла из Лиссабона и прошла, вероятно, до Сьерра-Леоне. Оттуда Гама по совету бывалых мореходов, чтобы избежать противных ветров и течений у берегов Экваториальной и Южной Африки, двинулся на юго-запад, а за экватором повернул на юго-восток. Более точных данных о пути Гамы в Атлантике нет, а предположения, будто он подходил к берегу Бразилии, основаны на маршрутах позднейших мореплавателей, начиная с Кабрала.

После почти четырех месяцев плавания 1 ноября португальцы усмотрели на востоке землю, а через три дня вошли в широкую бухту, которой дали имя Св. Елены (Сент-Хелина, 32° 40' ю. ш.), и открыли устье р. Сантьягу (теперь Грейт-Берг). Высадившись на берег, они увидели двух почти нагих низкорослых мужчин (бушме-

Васко да Гама (с рисунка XVI в.).

нов) с кожей «цвета сухих листьев», выкуривавших из гнезд диких пчел. Одного удалось захватить. Гама приказал накормить и одеть его, дал ему несколько ниток бус и бубенцы и отпустил. На следующий день пришли десятка полтора бушменов, с которыми Гама поступил так же, через два дня — около полусотни. За безделушки они отдавали все, что было у них, но эти вещи не представляли никакой ценности в глазах португальцев. Когда же бушменам показывали золото, жемчуг и пряности, они не проявляли к ним никакого интереса и не видно было по их жестам, что у них имеются такие вещи. Эта «идиллия» закончилась стычкой по вине матроса, чем-то обидевшего бушменов. Три-четыре португальца были ранены камнями и стрелами. Гама же применил против «врагов» арбалеты. Неизвестно, сколько туземцев при этом было убито и ранено. Обогнув южную оконечность Африки, португальцы стали на якорь в той «Гавани пастухов», где Бартоломеу Диаш убил готтентота. На этот раз моряки вели себя мирно, открыли «немой торг» и за красные шапки и бубенцы получили от пастухов быка и браслеты из слоновой кости.

Плавание вдоль берегов Восточной Африки

К концу декабря 1497 г. к религиозному празднику рождества, португальские суда, шедшие на северо-восток, находились приблизительно у 31° ю. ш. против высокого берега, который Гама назвал Натал («Рождество»). 11 января 1498 г. флотилия остановилась в устье какой-то реки. Когда моряки высадились на берег, к ним подошла толпа людей, резко отличавшихся от тех, которых они встречали на побережье Африки. Моряк, живший раньше в стране Конго и говоривший на местном языке банту, обратился с речью к подошедшим, и те его поняли (все языки семьи банту сходны). Страна была густо населена земледельцами, обрабатывавшими железо и цветные металлы: моряки видели у них железные наконечники на стрелах и копьях, кинжалы, медные браслеты и другие украшения. Португальцев они встретили очень дружелюбно, и Гама назвал эту землю «страной добрых людей».

Продвигаясь на север, суда 25 января вошли в лиман у 18° ю. ш., куда впадало несколько рек. Жители и здесь хорошо приняли чужеземцев. На берегу появились два вождя, носившие шелковые головные уборы. Они навязывали морякам набивные ткани с узорами, а сопровождавший их африканец сообщил, что он — пришелец и видел уже корабли, похожие на португальские. Его рассказ и наличие товаров, несомненно азиатского происхождения, убедили Гама в том, что он приближается к Индии. Он назвал лиман «рекой добрых предзнаменований» и поставил на берегу пагран — каменный гербовый столб с надписями, который ставился с 80-х гг. XV в. португальцами на африканском побережье в важнейших пунктах. С запада в лиман впадает Кваква — северный рукав дельты Замбези. В связи с этим обычно не совсем правильно говорят, что Гама открыл устье Замбези, и переносят на низовье реки название, которое он дал лиману. Месяц португальцы стояли в устье Кваквы, ремонтируя суда. Они болели цингой, и смертность была велика. 24 февраля флотилия вышла из лимана. Держась подальше от берега, окаймленного цепью островков, и останавливаясь по ночам, чтобы не сесть на мель, она через пять дней достигла у 15° ю. ш. порта Мозамбик. Арабские одномачтовые суда (доу) ежегодно посещали порт и вывозили оттуда главным образом рабов, золото, слоновую кость и амбру. Через местного шейха (правителя) Гама нанял в Мозамбике двух лоцманов. Но арабские торговцы угадали в пришельцах опасных конкурентов, и дружеские отношения вскоре сменились враждебными. Воду, например, можно было забирать только после того, как «противника» рассеивали пушечными выстрелами, а когда часть жителей бежала, португальцы захватили несколько лодок с их имуществом и по распоряжению Гама разделили его между собой как военную добычу.

1 апреля флотилия ушла из Мозамбика на север. Не доверяя арабским лоцманам, Гама захватил у берега небольшое парусное судно и пытал старика, его хозяина, чтобы получить сведения, нужные для дальнейшего плавания. Через неделю флотилия подошла к портовому г. Момбаса (4° ю. ш.), где тогда правил могущественный шейх. Сам крупный работорговец, он, вероятно, почувствовал в португальцах соперников, но сначала хорошо принял чужеземцев. На следующий день, когда суда входили в гавань, арабы, бывшие на борту, в том числе оба лоцмана, спрыгнули в близко подошедшее доу и бежали. Ночью Гама приказал пытать двух пленников, захваченных у Мозамбика, чтобы выведать у них о «заговоре в Момбасе». Им связали руки и лили на голое тело кипящую смесь масла и дегтя. Несчастные, конечно, сознались в «заговоре», но, так как они, естественно, не могли сообщить никаких подробностей, пытка продолжалась. Один пленник со связанными руками вырвался из рук палачей, кинулся в воду и утонул. Выйдя из Момбасы, Гама задержал в море арабское доу, разграбил его и захватил 19 человек. 14 апреля он стал на якорь в гавани Малинди (3° ю. ш.).

Ахмед Ибн Маджид и путь через Аравийское море

Местный шейх дружелюбно встретил Гама, так как сам враждовал с Момбасой. Он заключил с португальцами союз против общего врага и дал им надежного старика лоцмана *Ахмеда Ибн Маджида* (см. т. 1), который должен был довести их до Юго-Западной Индии. С ним португальцы вышли 24 апреля из Малинди. Ибн Маджид взял курс на северо-восток и, пользуясь попутным муссоном, довел суда до Индии, берег которой показался 17 мая.

Увидев индийскую землю, Ибн Маджид отошел подальше от опасного берега и повернул на юг. Через три дня показался высокий мыс, вероятно гора Дели (у 12° с. ш.). Тогда лоцман подошел к адмиралу со словами: «Вот она страна, к которой вы стремились». К вечеру 20 мая 1498 г. португальские суда, продвинувшись к югу около 100 км, остановились на рейде против г. Каликут (ныне Кожикоде).

Португальцы в Каликуте

Утром флотилию посетили чиновники саморина — местного правителя. Гама отправил с ними на берег преступника, знавшего немного арабский язык. По рассказу посланца, его отвели к двум арабам, заговорившим с ним по-итальянски и по-кастильски. Первый вопрос, который ему задали, был: «Какой дьявол принес тебя сюда?» Посланец ответил, что в Каликут пришли португальцы «искать христиан и пряности». Один из арабов проводил посланца обратно, поздравил Гама с прибытием и закончил словами: «Благодарите бога, что он привел вас в такую богатую страну». Араб предложил Гама свои услуги и действительно был ему очень полезен. Арабы, очень многочисленные в Каликуте (в их руках была почти вся внешняя торговля с Южной Индией), настроили саморина против португальцев; к тому же в Лиссабоне не догадались снабдить Гама ценными подарками или золотом для подкупа местных властей. После того как Гама лично вручил саморину письма от короля, он и его свита были задержаны. Выпустили их только через день, когда португальцы выгрузили на берег часть своих товаров. Однако в дальнейшем саморин держался вполне нейтрально и не препятствовал торговле, но мусульмане не покупали португальских товаров, указывая на их низкое качество, а бедняки индийцы платили гораздо меньше, чем рассчитывали получить португальцы. Все же удалось купить или получить в обмен гвоздику, корицу и драгоценные камни — всего понемногу.

Так прошло более двух месяцев. 9 августа Гама послал саморину подарки (янтарь, кораллы и т. д.) и сообщил, что собирается уходить и просит отправить с ним представителя с подарками королю — с бахаром (более двух центнеров) корицы, бахаром гвоздики и образцами других пряностей. Саморин потребовал внести 600 ше-рафинов (около 1800 золотых рублей) таможенных сборов, а пока

без движения, пока, наконец, не подул попутный ветер. В январе 1499 г. португальцы достигли Малинди. Шейх снабдил флотилию свежими припасами, по настойчивой просьбе Гамы послал подарок королю (бивень слона) и установил у себя паدران. В районе Момбасы Гама сжег «Сан-Рафаэл»: сильно сократившаяся команда, в которой много людей болело, была не в состоянии управлять тремя кораблями. 1 февраля он дошел до мыса Доброй Надежды и еще четыре — до о-вов Зеленого Мыса. Здесь «Сан-Габриэл» разлучился с «Берриу», который под командой Н. Куэлью 10 июля 1499 г. первым прибыл в Лиссабон.

Паулу да Гама был смертельно болен. Васко, очень привязанный к нему (единственная человеческая черта его характера), хотел, чтобы брат умер на родной земле. Он перешел у о. Сантьягу с «Сан-Габриэла» на нанятую им быстроходную каравеллу и пошел к Азорским о-вам, где Паулу умер. Похоронив его, Васко к концу августа прибыл в Лиссабон. Из четырех его судов вернулось только два¹, из команды — менее половины (по одной версии — 55 человек) и среди них моряк *Жуан да Лижбоа*, принимавший участие в плавании, вероятно, в качестве штурмана. Позже он многократно водил португальские корабли в Индию и составил описание маршрута, включающее характеристику берегов Африки — не только крупных заливов и бухт, но устьев рек, мысов и даже отдельных заметных пунктов побережья. Этот труд по детальности превзойден лишь в середине XIX в. «Африканской лоцией» британского Адмиралтейства.

Экспедиция Гамы не была убыточной для короны, несмотря на потерю двух судов: в Каликуте удалось приобрести пряности и драгоценности в обмен на казенные товары и личные вещи моряков, немалый доход принесли пиратские операции Гамы в Аравийском море. Но, конечно, не это вызвало ликование в Лиссабоне среди правящих кругов. Экспедиция выяснила, какие огромные выгоды может принести для них непосредственная морская торговля с Индией при надлежащей экономической, политической и военной организации дела. Открытие для европейцев морского пути в Индию было одним из величайших событий в истории мировой торговли. С этого момента и до прорыва Суэцкого канала (1869 г.) основная коммерция Европы со странами Индийского океана и с Китаем шла не через Средиземное море, а через Атлантический океан — мимо мыса Доброй Надежды. Португалия же, державшая в своих руках «ключ к восточному мореходству», стала в XVI в. сильнейшей морской державой, захватила монополию торговли с Южной и Восточной Азией и удерживала ее 90 лет — до разгрома «Непобедимой армады» (1588 г.).

¹ Неизвестно, где и при каких условиях брошено или погибло транспортное судно, не выяснена и судьба его экипажа.

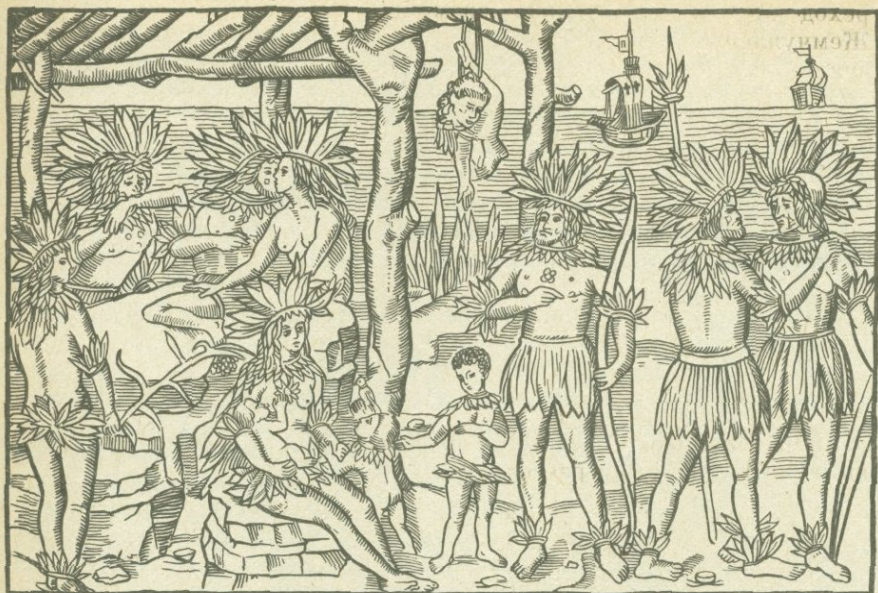

ОТКРЫТИЕ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ СОПЕРНИКАМИ КОЛУМБА

Жемчужный берег. Гвиана и Венесуэла

Одним из первых в Испании получил разрешение на новые открытия в западной полосе Атлантического океана штурман *Педро Алонсо (Пералонсо) Ниньо*, участник трех экспедиций Колумба. Средства для снаряжения небольшого судна (около 50 т), с командой в 33 человека, дал ему севильский банкир *Луис Герра* при условии, что капитаном будет его брат *Кристоваль Герра*, и братья, конечно, выговорили себе львиную долю добычи. Они отплыли в начале июня 1499 г., а уже в начале июля судно прошло через «Пасть Змеи» в залив Пария и наткнулось на 18 лодок с индейцами, которые обстреляли испанцев стрелами. Ниньо достиг п-ова Пария и на плоском берегу запасся грузом бразильского дерева. Через «Пасти Дракона» он вышел в Карибское море и первым ступил на о. Маргарита, где закупил очень много жемчуга. Затем испанцы обогнули п-ов Арая, завершив его открытие, высадились на материк и в августе обнаружили залив Карьяко.

Успешные торговые операции продолжались в сентябре и октябре; за это время моряки проследовали на запад вдоль берега, получившего название Жемчужного благодаря богатому «урожаю» жемчуга, собранному ими. Ниньо выяснил, что западнее лежит страна, где можно достать золото, и испанцы не отказались от возможности овладеть им. Они продвинулись до мыса Кодера, у 66° з. д., открыв участок Жемчужного берега длиной 300 км, а затем в течение ноября и декабря медленно шли дальше на запад и занимались выгодными сделками. Хотя этот район уже посетил Алонсо Охеда (см. ниже), индейцы вели себя дружелюбно, охотно меняли золото, но высоко ценили жемчуг и ревниво относились к поведению пришельцев в отношении своих жен. Моряки приобретали и живность — диких кошек, обезьян и попугаев. Попытка высадиться на берег примерно у 68° з. д. провалилась — этому воспрепятствовал двухтысячный отряд индейцев: раньше здесь уже побывали люди Охеды и испортили отношения с местным населением. Ниньо вернулся к гостеприимным индейцам, и почти весь январь 1500 г. приобретал жемчуг. В общей сложности испанцы получили более 38 кг этого дара моря за копейную цену.

Индейцы Южной Америки (рисунки XVI в.).

6 февраля 1500 г. экспедиция отправилась домой. Сначала Ниньо шел вдоль берега на восток до п-ова Пария, а затем взял курс на северо-восток и достиг родины 8 апреля 1500 г. Никогда еще в Испанию не поступала одновременно такая масса жемчуга, ни одно заморское испанское предприятие XV в. не обогатило так его инициаторов и участников. Поэтому экспедиция Ниньо — Герры дала сильный толчок к организации других частных предприятий «для открытий».

Немного раньше Ниньо разрешение на открытия на западе получил Алонсо Охеда, участник второго плавания Колумба. Этот красивый, жестокий и жадный идалго смог снарядить лишь одно судно, средства для экипировки двух других кораблей ему дали флорентийские банкиры. Этим, видимо, объясняется, что с А. Охедой отправился приказчик банковской конторы флорентиец *Америго Веспуччи*. Был приглашен также баск *Хуан Ла Коса* и другие участники второго плавания Колумба. Сам Охеда видел карту залива Пария и Жемчужного берега, посланную Колумбом королям в 1498 г.

Экспедиция вышла из Кадиса 18 мая 1499 г., где-то в пути Охеда захватил каравеллу, и часть ее команды согласилась идти с ним. Уже в конце июня четыре корабля достигли нового материка у 6 или 5° с. ш., а может быть у 4° (бухта Ояпок, 51° з. д.), и здесь разделились. Веспуччи на двух судах остался (см. гл. 9), а Охеда на двух других двинулся к западо-северо-западу. Он проследил 1200 км побережья Гвианы и Венесуэлы до дельты Ориноко и вышел через открытые Колумбом проливы в Карибское море. Пе-

реход этот отнял столько времени, что Охеда следовал вдоль Жемчужного берега на две-три недели после Ниньо, о чем оба не знали. Это обстоятельство сильно отразилось на финансовых результатах экспедиции Охеды: где его предшественники получали груды жемчуга, он собрал несколько жемчужин. Близ мыса Кодера суда Охеды и Веспуччи соединились.

За мысом Кодера тянулись сначала плоские, а на протяжении 200 км далее к западу гористые, никем еще не разведанные берега — Охеда и Веспуччи открыли восточную часть Карибских Анд. Страну населяли «негостеприимные» индейцы гуяно, которые, как правило, отказывались давать золото и жемчуг в обмен на европейские «товары», из-за чего часто происходили стычки. Одна из них у приморского селения с забавным названием Чичиривиче (у 68° 20' з. д.) едва не стала последней в жизни высадившихся испанцев: индейцев оказалось так много, что пришельцы дрогнули. Но один из испанцев, 55-летний ветеран, повел их за собой — туземцы не выдержали натиска и рассеялись, оставив 150 убитых, потери испанцев составили один убитый и 21 раненый. В ожидании, пока они поправятся, Охеда простоял здесь 20 дней, а затем продвинулся к северу и открыл холмистый «остров Гигантов» (Кюрасао), населенный рослыми индейцами и богатый бразильским деревом. Западнее он обнаружил невысокий и узкий о. Аруба, с жилищами на сваях. Применяв оружие, люди Охеды ворвались в дома, захватили много раскрашенной одежды из хлопка и без потерь вернулись на суда. Многолюдный поселок на воде, состоявший из таких же свайных построек, они увидели и на холмистом п-ове Парагуана, северный мыс которого Охеда и Веспуччи окрестили Кабодде-Сан-Роман — в честь святого (9 августа 1499 г.), это имя мыс у 70° з. д. носит и ныне. Обширный залив к западу Охеды называл Венесуэла — в честь «царицы Адриатики» (по-испански «Венесуэла» значит «маленькая Венеция», название позже распространилось на весь южный берег Карибского моря до дельты Ориноко включительно).

Флотилия прошла по заливу на юго-запад и через узкий пролив 24 августа проникла в другой залив — маленькую лагуну Св. Бартоломе (Маракайбо). На его берегах — «страна Кокибакоа» — моряки, по словам хронистов, захватили или выменяли нескольких очень привлекательных девушек. По выходе из лагуны испанцы обогнули открытый ими п-ов Гуахира и около 1 сентября у мыса Ла-Вела (72° 10' з. д.) повернули к Эспаньоле, куда прибыли 5 сентября 1499 г. Почти за два месяца плавания от Гвианы до Гуахиры Охеда открыл более 3 тыс. км побережья, но при этом обследовал лишь часть северного берега неведомой суши: его люди видели, что она простирается далее и на юго-восток, и на запад. Такая земля могла быть только материком. И первым сделал этот вывод, видимо, Хуан де Ла Коса, с которым в конце сентября беседовали спутники Колумба. На составленной Ла Косой карте побережья крайний пункт, достигнутый испанцами, показан далеко к западу от мыса Ла-Вела и носит имя Св. Евфимии, чей день по католическим свят-

цам приходится на 16 сентября, т. е. на полмесяца позже отплытия Охеды к Эспаньоле. Вероятное объяснение этого «казуса» приводится в главе 10, в разделе о плаваниях Веспуччи. По пути домой моряки Охеды совершили разбойничий набег на Багамские о-ва и захватили более 200 индейцев. Экспедиция вернулась в Испанию в июне 1500 г. Золота и жемчуга Охеда привез с собой очень мало, но все-таки после продажи индейцев на каждого участника предприятия пришлось в среднем по 10 золотых.

Открытие испанцами Бразилии

Около 1 декабря 1499 г. за океан из Палоса отправился участник первой экспедиции Х. Колумба Висенте Яньес Пинсон во главе флотилии из четырех судов, которые он снарядил вместе с другими членами своей фамилии. От о-вов Зеленого Мыса он взял курс на юго-запад и первым из испанцев пересек экватор. 26 января 1500 г., после двухнедельного перехода через океан, неожиданно открылась земля — мыс Сан-Роки (у $5^{\circ}30'$ ю. ш.), названный им мысом Утешения; ряд историков, правда, считают, что испанцы усмотрели берег у 6° с. ш. Вода вокруг была мутная, белесого цвета. Пинсон с нотариусом высадился на берег страны, позднее названной Бразилией, водрузил несколько деревянных крестов и вступил во владение ею. За два дня пребывания никого из туземцев его люди не видели.

Флотилия двинулась отсюда на северо-запад. Дойдя до устья какой-то мелководной реки, Пинсон выслал вверх четыре лодки. На берегу он столкнулся с нагими индейцами. Начался бой. Восемь испанцев было убито, остальные на трех лодках спаслись. Продолжая путь на северо-запад, моряки через несколько дней потеряли из виду землю. Когда же они зачерпнули воду, то она оказалась годной для питья. Они повернули к берегу, но достигли его, лишь пройдя около 200 км. Так вторично после Веспуччи было открыто устье многоводной р. Пара (правый устьевой рукав Амазонки). За рекой на низменных островах Маражо и других жили нагие, раскрашивавшие свое тело и лицо индейцы. Они очень дружелюбно отнеслись к пришельцам, а те захватили 36 человек для продажи в рабство. У самого экватора Пинсон обнаружил — и вновь после Веспуччи — устье гигантской р. Амазонки. Ее воды превращали часть океана близ устья в «Пресное море» (Мар-Дульсе — название, данное Пинсоном). Моряки, пользуясь примитивным прибором, обнаружили против островов дельты соленую воду на глубине около 12 м. Продвигаясь от устья Амазонки вдоль берега на северо-запад, Пинсон достиг Гвианы, уже посещенной, чего он не знал, Охедой. До этого района он проследил с перерывом около 3 тыс. км северного берега нового континента, в том числе открыл участок длиной 1200 км, и решил, что такая протяженная береговая линия может принадлежать только континенту, но неверно принял его за Азию. Затем Пинсон прошел еще дальше на северо-запад, в начале апреля обнаружил дельту другой огромной реки (Орино-

Ход открытия побережья Южной Америки испанцами и португальцами (1498—1541 гг., по В. И. Магидовичу).

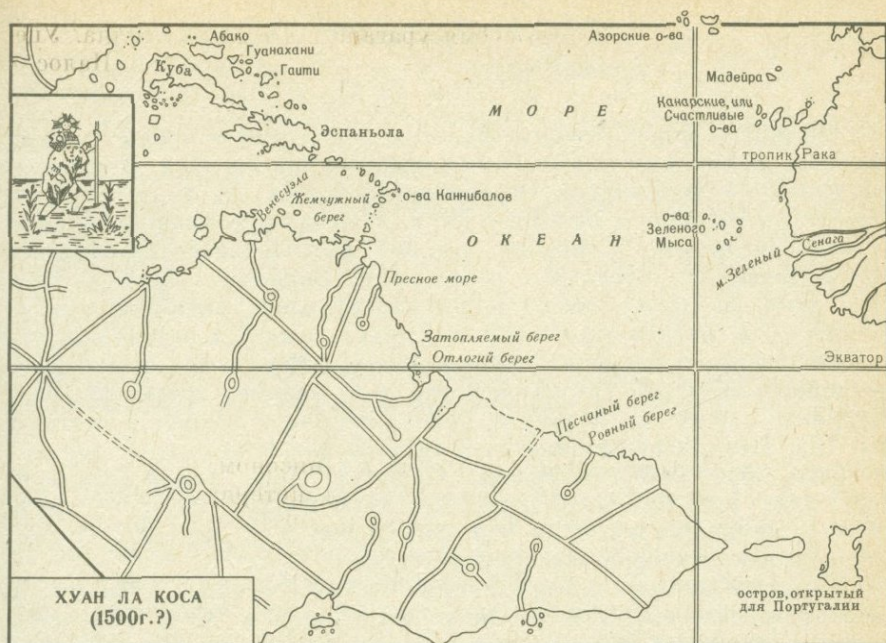
ко) и не очень оригинально окрестил ее Рио-Дульсе. Флотилия пересекла залив Пария, направилась к Эспаньоле вдоль цепи Малых Антильских о-вов и по пути наткнулась на остров, названный Пинсоном Майским, — вероятно, о. Гренада. На новых землях он не нашел никаких источников дохода и пошел к Багамским о-вам —

за рабами. На пути туда во время урагана погибли два судна. Уцелевшие два корабля вернулись 29 сентября 1500 г. в Палос с 20 рабами и ничтожным грузом бразильского дерева. В результате Пинсон разорился и кредиторы начали против него процесс, который тянулся несколько лет.

В середине декабря 1499 г. из Палоса вышли на юго-запад два корабля экспедиции *Диего Лепе*, в качестве главного навигатора в ней принимал участие *Бартоломе Рольдан*. 12 февраля они подошли к восточному выступу Южной Америки близ $5^{\circ}30'$ ю. ш. и продвинулись к югу до мыса Сант-Августин (мыс Кабу-Бранку, у 7° ю. ш., самый восточный пункт материка). Испанцы прошли на юг, открыли около 200 км побережья и выяснили, что оно простирается дальше на юго-запад. Не найдя здесь ничего ценного, Лепе и Рольдан повернули к северу и северо-западу, повторив путь Пинсона, и занялись охотой за рабами на островах дельты Амазонки. Но наученные горьким опытом после знакомства с Пинсоном, индейцы оказали такое сопротивление, что Лепе отступил, потеряв убитыми 11 человек. Экспедиция впервые поднялась по Амазонке на 400 км (апрель 1500 г.), а затем проследовала к заливу Пария, где с оружием в руках ее вновь встретили индейцы, но на этот раз победили испанцы. Они загрузили свои суда рабами и продали их в Испании, куда прибыли в конце июля 1500 г. Открытое ими восточное побережье материка Рольдан нанес на карту и приложил к отчету Лепе.

Тотчас же по возвращении Рольдан был включен — и снова в качестве главного штурмана — в состав другой экспедиции к берегам южного материка. Возглавил ее знатный бедняк, командор рыцарского ордена *Алонсо Велес де Мендоса*. Причиной, побудившей человека, весьма далекого от моря, добиваться разрешения короны на заокеанские открытия, была жемчужная лихорадка, которая вспыхнула в Испании после возвращения Ниньо. В мае 1500 г. Велес де Мендоса получил разрешение, влез в долги и снарядил один корабль («Сан-Кристобаль»), другое судно («Святой дух») экипировали банкиры братья Герра, Луис и Антон, при условии, что Луис будет его капитаном. Экспедиция носила секретный характер, поэтому сведения о ней стали известны почти через пять веков.

Два судна отплыли из Севильи в конце августа 1500 г. и в ноябре коснулись Южной Америки в 30—35 км севернее мыса Кабу-Бранку: как видно, Рольдан хорошо знал свое дело. В районе мыса моряки захватили двух туземцев, называвших свою страну «Топия» или «Тупи» (тупи-гуарани в наши дни — одна из самых крупных языковых семей южноамериканских индейцев), и двинулись на юг. Вскоре берег стал уклоняться к юго-западу. 25 декабря 1500 г. флотилия достигла какой-то «р. Оленьей», вероятно р. Сан-Франсиску (на карте, составленной Рольданом, показаны еще две реки того же названия), и некоторое время простояла там. Затем флотилия вновь двинулась к юго-западу, и люди с корабля Л. Герры совершили налет на индейское селение, жители которого оказали им упорное сопротивление. Испанцы потеряли несколько человек, но вернулись на судно с добычей, ставшей причиной крупной ссоры между обо-

Часть карты Х. Ла Косы.

ими капитанами: Герра считал, что все награбленное принадлежит только его морякам, Велес де Мендоса требовал дележа на всех членов экспедиции; Герра временно уступил. Продолжая плавание вдоль очень слабо изрезанного низменного берега в том же юго-западном направлении, испанцы обнаружили единственный на северо-востоке Бразилии глубокий залив (Тодус-ус-Сантус, или просто Баия), а в январе 1501 г. достигли устья р. Жекитиньонья (у 16° ю. ш.). Самоцветов они нигде не нашли, но открыли более 1 тыс. км. восточного побережья материка и установили, что береговая линия «упорно» следует на юго-запад; вне сомнения, основная роль в этом успехе принадлежала Рольдану. В Испании, куда оба корабля благополучно вернулись в конце мая или начале июня 1501 г., Герра вновь поднял вопрос о распределении добычи. В Севилье состоялся суд, и Велес де Мендоса за долги был посажен в тюрьму. Правда, довольно скоро его освободили.

Итак, в результате экспедиций Колумба, Ниньо, Охеды, Пинсона, Лепе — Рольдана и Велеса де Мендосы — Рольдана, точно из тумана, начали выступать очертания северного и восточного берегов нового материка. Оказалось, что значительная его часть расположена к югу от экватора и, следовательно, он ни в коем случае не может быть Азией: по представлениям картографов конца XV в., Азия в основном лежала в северном полушарии, заходя за Южный тропик лишь юго-восточным выступом.

Первое плавание к Дарьенскому заливу

Отставной моряк *Родриго Бастидас*, на короткое время ставший купцом, выхлопотал разрешение снарядить два корабля. В качестве штурмана и компаньона он пригласил *Хуана Ла Косу*. Они отплыли из Испании в октябре 1500 г. и на пути к Южной Америке усмотрели остров, благодаря пышной растительности названный *Исла Верде* (о. Зеленый), вероятно о. Барбадос. Бастидас достиг мыса *Ла-Вела*, прошел к юго-западу вдоль низменного побережья и в начале мая 1501 г. увидел величественный горный массив, покрытый вечным снегом (*Сьерра-Невада-де-Санта-Марта*, вершина — 5780 м). На склонах гор и на равнине жили таиронас, индейцы одного из наиболее цивилизованных племен к востоку от Анд. Испанцы наладили с ними торговые контакты и, так как те были дружелюбно настроены, оставили у них *Хуана Буэнавентуру*. Он прожил среди индейцев чуть больше года, научился языку, познакомился с их образом жизни, а в мае 1502 г. присоединился ко второй экспедиции *Охеды*.

Западнее массива *Сьерра-Невада Бастидас* открыл устья многоводной р. *Магдалены* и р. *Сину*, впадающей в залив *Картахена* (*Морроскильо*). У 76° з. д. испанцы обнаружили несколько мелких островов, до сих пор носящих присвоенное им название *Сан-Бернардо*, и впервые проникли в Дарьенский залив и его южную узкую часть — залив *Ураба*. От индейцев Бастидас узнал, что в долине р. *Аррато* есть золотые рудники, до которых можно подняться на каное или небольших лодках, но не стал рисковать: к этому времени он награбил и выменял 30 кг золота и массу жемчуга, захватил на берегах *Магдалены* много рабов-карибов, имел на борту большой груз бразильского дерева. В заливе *Ураба* флотилия простояла несколько дней. Испанцы выменивали золото, высаживались, по словам *Васко Нуньеса Бальбоа*, участника плавания Бастидаса, «на западной стороне залива и видели значительную деревню на обоих берегах большой реки...». Затем экспедиция проследовала на северо-запад вдоль гористого побережья *Панамского* перешейка до небольшого залива у 77°30' з. д., закончив открытие *Карибского* побережья на протяжении около 1000 км. Отсюда Бастидас вынужден был повернуть назад: воды Дарьена кишели моллюсками-древоточцами, разрушавшими корпус судов. В начале 1502 г. он бросил у берегов *Эспаньолы* свои корабли, пришедшие в полную негодность. Правитель острова *Ф. Бовадилья* арестовал и пытал его, обвиняя в незаконном торге, и отправил на суд в *Кастилию* (сентябрь 1502 г.). Но Бастидас изобразил индейцев-карибов с р. *Магдалены* такими кровожадными людоедами, что его оправдали и он получил даже большую пенсию в награду за открытия. А «каннибалов» королевским указом 1503 г. разрешено было убивать и уводить в неволю.

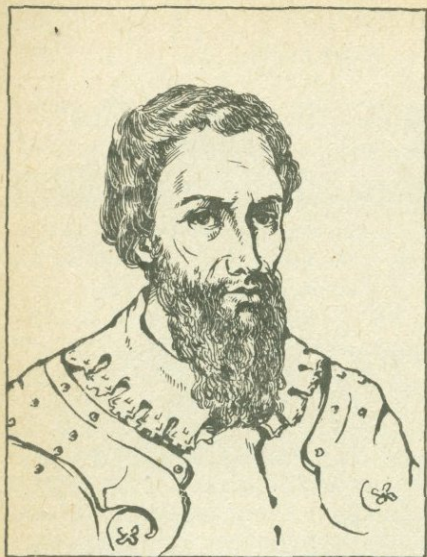
ОТКРЫТИЕ БРАЗИЛИИ ПОРТУГАЛЬЦАМИ

Путь экспедиции Кабрала через Атлантический океан

9 марта 1500 г. из Лиссабона в Восточную Индию вышла большая торгово-военная экспедиция на 13 кораблях (мы не знаем их типа и тоннажа) с экипажем около 1500 человек, из них более 1000 «отборного и хорошо вооруженного люда». Цель ее — установить торговые отношения с Индией по возможности мирными средствами, но «...не прекращать, несмотря на любое сопротивление, это предприятие»¹. Главнокомандующим эскадры («капитанмор») Мануэл I назначил *Педру Алвариша Кабрала*, ранее ничем себя не проявившего ни в военном, ни в мореходном деле. 22 марта эскадра, потеряв один корабль, двинулась от Сан-Николау — центрального острова архипелага Зеленого Мыса — прямо на юг, пересекла экватор, а затем отклонилась на запад и у 17° ю. ш. подошла 22 апреля 1500 г. к берегу Бразилии. Меридиан о. Сан-Николау приблизительно 24° з. д., меридиан конечного пункта (вероятнее всего бразильский мыс Корумбан) — 39° з. д. Следовательно, во время перехода эскадра сдвинулась на запад от намеченного, южного курса на 15° долготы, что на широте мыса Корумбан составляет около 1600 км. Нарочно или случайно, вольно или невольно Кабрал отклонился так далеко на запад? Капитан одного из судов — Бартоломеу Диаш советовал ему держаться в южном полушарии подальше от африканского берега. Есть известие, будто и Гама, ссылаясь на личный опыт, предлагал Кабралу избегать гвинейских берегов и следовать от о-вов Зеленого Мыса прямо на юг, пока не достигнешь широты мыса Доброй Надежды. Идя таким курсом, корабли Кабрала пересекли три морских течения: Северное Пассатное, относившее их к западу, Экваториальное противотечение, затем Южное Пассатное течение (снова — к западу), и наконец они увлечены были Бразильским течением на юго-запад.

«21 апреля, когда мы находились... в 660—670 лигах от острова Сан-Николау, — писал 1 мая 1500 г. из Порту-Сегуру (Бразилия) на родину участник экспедиции *Перу Ваш Каминья*, — появились признаки земли, большое количество длинной и всякой

¹ Фраза из письма Мануэла I правителю Каликута.

П. А. Кабрал.

да не может быть и речи о том, что Кабрал сначала шел на юг, до 17° ю. ш., а затем круто повернул на запад, «словно в поисках какого-то известного пункта». При таком предположении — а его делают защитники португальского приоритета — корабли должны были пройти 3700 км по меридиану и 1600 км по параллели, а всего 5300 км. На две-три сотни километров они, конечно, могли ошибиться, но невероятна ошибка на 1300 км. А из этого следует вывод: не было никакого крутого поворота «почти под прямым углом» — корабли следовали южным курсом, а течением их сносило на запад, пока не появилась земля. Открытие португальцами Бразилии 22 апреля 1500 г. было делом счастливого случая.

Правда, в Португалии к моменту выхода в море эскадры Кабрала, вероятно, уже знали об открытии Колумбом в 1498 г. большой земли, лежащей к западу от Тринидада. Но она находилась в северном полушарии, более чем в 3000 км от того пункта южного полушария, к которому португальцы подошли 22 апреля 1500 г., и ее открытие не повлияло на ход плавания Кабрала. О достижениях других испанских экспедиций, открывших в 1499—1500 гг. большие участки побережья Южной Америки, даже слухи не могли еще достигнуть Португалии. И все-таки некоторые португальские и бразильские историки утверждают: организаторы и руководители экспедиции Кабрала твердо знали, что заатлантический Южный материк существует; к нему до Колумба уже якобы плавали португальские корабли. Этим историкам оставалось только подыскать подходящих «первооткрывателей» Южной Америки, по возможности прославленных, начиная с *Мартина Бежайма*, на португальской службе.

другой травы...» Через день подошли к земле, которую Кабрал назвал «островом Вера-Круш» (Истинного креста). Близ берега виднелась «высокая, круглая гора, а к югу — другие, более низкие горы и равнина, покрытая большими деревьями». День был пасхальный, и Кабрал назвал высокую гору Паскуал («Пасхальная», 536 м); находится она западнее мыса Корумбан, у 17° ю. ш. Сан-Николау лежит у $16^{\circ}37'$ с. ш. Следовательно, корабли, двигаясь прямо на юг, должны были пройти до широты горы Паскуал на $33^{\circ}30'$, что составляет более 3700 км. По отсчету штурманов, как сообщает П. Каминья, эскадра преодолела около 4000 км. Но тог-

На глобусе Бежайма от 1492 г. нет никаких признаков заатлантического Южного материка. До этого года он, как достоверно известно, плавал только в Восточной Атлантике. Но, вероятно, с середины 90-х гг. XV в. Бежайм снова поселился на Азорских о-вах, неизвестно чем занимаясь. Следовательно, рассуждают «историки», он мог плавать на запад — конечно, только на португальских кораблях, а если плавал, то мог достигнуть Америки, и не только Северной, но и Южной. На таком малоубедительном основании они делают предположение, что Бежайм знал побережье Америки от Флориды до Бразилии включительно еще до 1498 г. Вместе с анонимными капитанами португальских кораблей Бежайм выступает как предшественник Колумба в деле открытия Южной Америки и как информатор Кабрала о Бразилии¹.

Редчайшим исключением, когда удалось подыскать подходящее имя для капитана португальского корабля, была предполагаемая экспедиция *Дуарти Пашеку Пирейры* в 90-х гг. XV в. Пирейра, спутник Кабрала в 1500 г., не раз до этого плававший к берегам Западной Африки, между 1505 и 1508 гг. написал сочинение под названием «*Esmeraldo de Situ Orbis*» («Изумруд о положении Земли»). Подлинная рукопись и полные списки с нее до нас не дошли, из предполагаемых пяти частей («книг») сохранились в португальских библиотеках только три и отрывок четвертой, они впервые опубликованы в 1892 г. В «Изумруде...» — если это не позднейшая вставка копииста — мимоходом и очень неопределенно упоминаются какие-то заатлантические земли, причем автор говорит, что он впервые ознакомился с ними примерно за шесть лет до экспедиции Кабрала. На этом «основании» Пирейре приписывают открытие Южной Америки в 1494 г., а может быть и ранее². Иные авторы предпочитают вовсе не называть имен предполагаемых первооткрывателей Южной Америки: кто-то, несомненно, плавал туда до 1498 г., но кто именно и когда, пока неизвестно. «А если будет выдвинуто имя... другого мореплавателя — предшественника Кабрала, то португальцы смогут противопоставить ему многих своих мореплавателей, которые знали о существовании Американского континента даже до Колумба» (*Ж. Роша-Помбу*).

Португальцы на «острове Вера-Круш»

Для исследования новооткрытой земли на небольшой лодке Кабрал направил моряка Николау Куэлью, участника первой экспедиции Васко да Гамы. Высадившись на берег, Куэлью вступил в первый контакт с аборигенами, настроенными очень дружелюбно. Стоянка у мыса Корумбан была ненадежной, и, когда начался

¹ См.: Хенниг Р. Неведомые земли. Пер с нем. М., 1963, т. IV, гл. 196.

² Наиболее полно, но в апологетическом духе вопрос об «открытии» Пирейрой Южной Америки освещен в статье Пирейра да Сильва в томе 1 «Истории португальской колонизации Бразилии» (Порту, 1921, на португ. яз.).

шторм, Кабрал 25 апреля перевел флотилию на 60 км севернее, в безопасную гавань, по-португальски — Порту-Сегуру, на картах теперь дается и другое название — Баия-Кабралия, т. е. «Кабральская бухта». 1 мая 1500 г. Кабрал вступил во владение «островом Вера-Круш»: он воздвиг на холме большой деревянный крест, а не падран. Следовательно, Кабрал как будто подчеркнул, что не придает особого значения открытию.

В этот день Кабрал послал в Лиссабон на малом судне капитана *Гашпара Лемуша* с отчетом Мануэлу I о ходе экспедиции и открытии «острова Вера-Круш» и с несколькими попугаями. Эти дикие птицы произвели наибольшее впечатление и за «островом» на десятилетия утвердилось название «страна попугаев». Каминья отправил Мануэлу письмо, ставшее важнейшим первоисточником по истории открытия португальцами Бразилии. Очень интересно для этнографов подробное описание первых встреч (вполне мирных) португальцев с бразильскими индейцами, их внешнего вида, жилищ, образа жизни, оружия и украшений, в том числе губных втулок¹. *Диогу Диаш*, брат Б. Диаша, капитан одного из кораблей, побывал в индейской деревне, в 10 км от берега. По возвращении он сообщил, что их жилища — длинные дома, пища — хлеб из маниока и семян диких растений, ягоды и рыба; спят они в гамаках. В районе Порту-Сегуру Кабрал оставил двух осужденных преступников. Так же поступали и его последователи. И хотя португальцы утверждали, что бразильские индейцы — людоеды, европейцы через десятки лет встречали в разных пунктах побережья состарившихся ссыльных или их потомков от браков с индианками. 2 мая 11 кораблей эскадры отошли от Порту-Сегуру к мысу Доброй Надежды (о деятельности Кабрала в Индии см. гл. 10).

Экспедиция Куэлью — Веспуччи

На открытие Кабрала Мануэл I отреагировал весьма оперативным. В 1500 г. он уведомил об этом других монархов, переименовав «Вера-Круш» в «Санта-Круш»: «Земля Святого Креста очень удобна и необходима для сообщения с Индией, так как он [Кабрал] отремонтировал там свои корабли и забрал воду» (*М. Наваррете*). А в 1501 г. король снарядил вторую португальскую экспедицию к берегам неведомой земли. Капитан-генералом флотилии из трех каравелл Мануэл I назначил искусного мореплавателя *Гонсалу Куэлью* с поручением продолжить открытие берегов Южного материка, выяснить, какие товары можно получить оттуда и как «прижать к стене», т. е. обойти, Тордесильянский договор. Америго Веспуччи, перешедший к 1501 г. на португальскую службу, был пригла-

¹ Втулка — на местном языке «ботоке», отсюда и название индейцев Восточной Бразилии, данное им колонизаторами, — ботокуды. П. Каминья, описывая их внешний вид — бронзового цвета кожу, раскрашенные черным и красным тела, черные прямые волосы, — особо отмечает, что они вставляют в проткнутую нижнюю губу в виде украшения «кость толщиной с веретено и длиной с пядь».

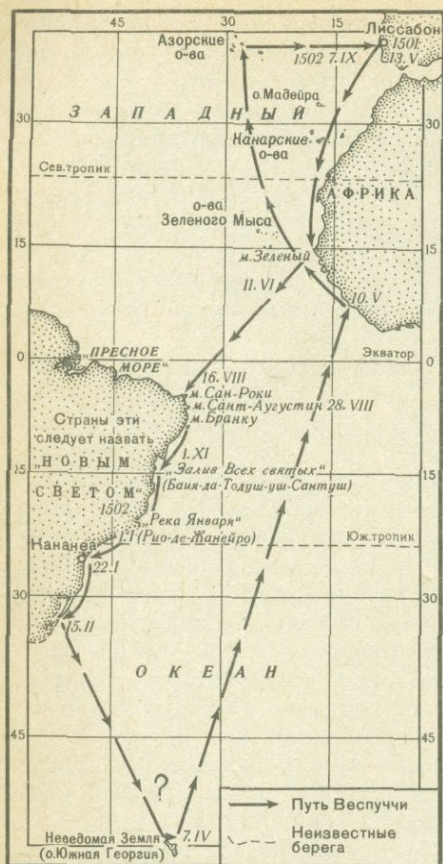
шен в качестве полуофициального навигатора и получил задание описать ход «первой исследовательской экспедиции в Бразилии». Это становится ясным из его писем¹ — единственного, хотя и не очень надежного, источника — и из ряда дошедших до нас карт начала XVI в., на которых нанесена часть берега Бразилии с надписями «Санта-Круш» или «страна попугаев» и с названиями нескольких рек, мысов и заливов. К счастью для историков, португальцы, как и испанцы, давали новооткрытым объектам, как правило, имена по католическим святым. Учитывая это и сопоставляя очень скудные данные писем Веспуччи со старейшими картами Бразилии, историки определили ход открытия португальцами береговой линии Южного материка в 1501—1502 гг.

Итак, 10 мая 1501 г. три корабля под началом Гонсалу Куэлью, при участии Америго Веспуччи, оставили Лиссабон. 1 июня у Зеленого Мыса они встретили Кабрала, возвращавшегося домой. У архипелага Бижагош они 11 дней пополняли запасы пресной воды и древесины. Отсюда флотилия двинулась на юго-запад и после длительного перехода, в течение которого почти пять недель погода была очень бурной, коснулась скалистого острова — скорее всего, о. Фернанду-ди-Норонья², а 17 августа оказалась у берега какой-то большой земли. У первого бразильского мыса корабли простояли только неделю, хотя экипажу требовался отдых, а судам ремонт; кратковременность стоянки объяснялась тем, что без вести пропали два матроса, сошедшие на берег для торгового обмена, — их ожидали и разыскивали; на глазах испанцев индейцы убили молодого моряка, направленного для налаживания контактов. Куэлью отказался — к негодованию Веспуччи — от карательной операции и двинулся к югу, причем все отрезки пути флотилии между 5 и 25° ю. ш. укладываются в точные хронологические рамки благодаря католическим святым — ниже в скобках указывается день того или иного святого.

Самый северный обозначенный на картах начала XVI в. пункт, которого коснулась в 1501 г. экспедиция, — мыс Сан-Роки (17 августа, у 5°30' ю. ш.). Он находится на восточном выступе материка, открытом в феврале — апреле 1500 г. испанцами Пинсоном и Лепе. Бесспорно, — даже для того времени, что он находился к востоку от демаркационной линии 1494 г., и, следовательно, должен был принадлежать Португалии. Вот почему экспедиция 1501 г. подошла к бразильскому берегу не у Порту-Сегуру (16°25' ю. ш.), а гораздо севернее, на 11° ближе к экватору. Португальцы вовсе и не думали тогда об уже открытом в 1500 г. за 16° ю. ш. «острове», берег которого Кабрал проследил всего лишь на 60 км. Ведь уже осенью 1500 г. Пинсон и Лепе — это документально доказано — вернулись в Испанию.

¹ Впервые на русском языке они появились в 1971 г. в сб. «Бригантина-71».

² Так он назван годом позже в честь купца-судостроителя из Лиссабона, заключившего контракт с Мануэлем I на учреждение колонии в Бразилии с двухлетней монополией на торговлю сандаловым деревом.

Более чем вероятно, что Мануэл I знал к началу 1501 г., что в южном полушарии за океаном, сравнительно недалеко от Африки, в субэкваториальной полосе, лежит большая земля, но знал он это не от португальских мореплавателей, а от португальских шпионов в испанских портах или при испанском дворе.

От мыса Сан-Роки началось движение на юг вдоль берега материка. Следующим нанесенным на карты пунктом был мыс Сант-Аугустин (28 августа), который следует отождествить с Кабу-Бранку. Южнее мыса Куэлью встретил дружелюбно настроенное индейское племя, три представительницы которого добровольно согласились сопровождать моряков через океан. Здесь корабли стояли месяц, а затем прошли мимо устьев малых рек, стекающих с плоскогорья Борборема, — Сан-Мигел (29 сентября) и Сан-Жерониму (30 сентября) — и достигли устья очень большой р. Сан-Франсиску (4 октября, $10^{\circ}30'$ ю. ш.). К следующему важному месту —

бухте «Всех святых» (Тодус-ус-Сантус, 1 ноября, у 13° ю. ш.) — экспедиция подошла через четыре недели. Это единственный крупнейший залив в десятых широтах, и позднее колонисты назвали его просто Баия («Бухта»¹). Весь берег между 7 и 16° ю. ш., как уже отмечалось в главе 5, был открыт секретной экспедицией А. Велеса де Мендосы — Рольдана, о чем португальцы, естественно, не знали.

У Порту-Сегуру Куэлью взял на борт двух моряков Кабрала, оставленных для «цивилизации» индейцев; в этом португальцы не преуспели — хорошо, что остались живы. Затем корабли проследовали мимо устья Санта-Лусии (13 декабря) — вероятно, это р. Доси. Они обогнули мыс Сан-Томе (21 декабря, 22° ю. ш.) и круто повернули прямо на запад. 1 января 1502 г. перед португальцами откры-

¹ Так же официально называлась одна из важнейших бразильских провинций (теперь — штат Баия), а неофициально — ее центр, г. Салвадор.

лась великолепная бухта Гуанабара, которую они приняли за устье реки и назвали «Январской рекой» — Рио-де Жанейро (у 23° ю. ш.; она впервые появляется на карте *Пири Рейса* в 1513 г.). Затем суда прошли 100 км на запад до бухты Ангра-дус-Рейс (6 января), где берег отклонился на юго-запад; экспедиция пересекла тропик Козерога и достигла о. Сан-Висенти (22 января, у 24° ю. ш.). «Крещение» берегов нового материка на этом как будто прекратилось: на старейших картах «Земли Санта-Круш» нет христианских имен для более южных пунктов, береговая линия примерно в 200 км к юго-западу от Сан-Висенти оборвана и последнее название «Риу-ди-Кананор» (теперь — Кананеа, у 25° ю. ш. и 48° з. д.) явно «языческое».

Отсюда Куэлью решил возвращаться домой; одно судно под командой представителя Ф. ди Норонья отделилось от флотилии и прибыло в Лиссабон 24 июня 1502 г. Две оставшиеся каравеллы отплыли от берегов Бразилии 13 февраля¹ 1502 г., прошли, по расчетам Веспуччи, почти 3 тыс. км и 3 апреля у 52° ю. ш. усмотрели «новую землю». Скорее всего, и длина пути, и достигнутая ширина определены ошибочно: обнаруженный остров, не имевший якорных стоянок, вероятно, о. Триндади (у 20° ю. ш. и 30° з. д.). Моряки уговорили Куэлью изменить курс, и 10 мая 1502 г. оба судна подошли к берегам Сьерра-Леоне, где пришлось сжечь одну обещавшую каравеллу. Куэлью прибыл в Лиссабон 6 сентября 1502 г.

Результаты плавания разочаровали корону: ни золота, ни серебра — лишь бразильское дерево, попугаи и обезьяны, однако географические достижения экспедиции оказались огромными: открыт и нанесен на карту, конечно примитивную, берег новой земли между $5^{\circ}30'$ и 25° ю. ш. от мыса Сан-Роки до «реки» Кананеа, длиной более 3 тыс. км, в том числе 1 тыс. км (от $5^{\circ}30'$ до 16° ю. ш.) вторично, после Велеса де Мендосы. Более 4,5 столетий это плавание было полуанонимным: Веспуччи, отличавшийся многословием и умением живописать детали, ни разу — незавидное постоянство — не назвал имени начальника. Лишь в конце 60-х гг. нашего века в библиотеке итальянского г. Фано, на Адриатике, у 13° в. д., найдена карта мира, датируемая около 1504—1505 гг. Бразилия на ней названа «Землей Гонсалу Куэлью...». После такой убедительной находки положение Куэлью в истории географических открытий стало невыблемым.

В начале XVI в. это португальское открытие связывалось с результатами испанских экспедиций 1498—1502 гг., обнаруживших северо-восточный и северный берега новой земли. Она могла быть только заокеанским материком, ранее неизвестным, большей своей частью лежащим в южном полушарии. Следовательно, она ничего общего не имела с Восточной Азией.

¹ Веспуччи писал: к 15 февраля 1502 г. он дошел вдоль берега до 32° ю. ш., но это утверждение другими свидетельствами не подтверждается, а картами, как видим, опровергается.

ВТОРИЧНОЕ ОТКРЫТИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АМЕРИКИ

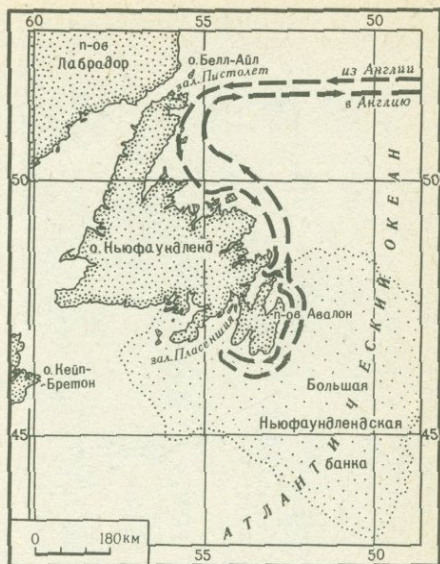
Английские заокеанские экспедиции
Джона Кабота (1497—1498 гг.)

Генуэзец *Джованни Кабота* девяти-десятилетним мальчиком переехал в 1461 г. с отцом в Венецию, через 15 лет стал гражданином республики, женился на венецианке и имел от этого брака трех сыновей; второго сына звали Себастьяном. О жизни Кабота в Венеции почти ничего не известно: видимо, он был моряком и купцом, ходил на Ближний Восток за индийскими товарами, побывал даже в Мекке и расспрашивал арабских купцов, откуда они получают пряности. Из неясных ответов Кабота заключил, что пряности «родятся» в каких-то странах, расположенных очень далеко, к северо-востоку от «Индий». А так как Кабота считал Землю шаром, то сделал логический вывод: далекий для индийцев Северо-Восток — «родина пряностей» — является близким для итальянцев Северо-Западом. Между 1490 и 1493 гг. он, вероятно, проживал в Валенсии, побывал в Севилье и Лиссабоне, пытаясь заинтересовать испанских монархов и португальского короля своим проектом достижения страны пряностей через Северную Азию, но потерпел неудачу. Не позднее 1494 г. Кабота со всей семьей переехал в Англию и поселился в Бристоле, где его начали звать на английский манер Джоном Каботом. Бристоль был тогда главным морским портом Западной Англии и центром английского рыболовства в Северной Атлантике. Начиная с 1480 г. бристольские купцы несколько раз посылали суда на запад на поиски о-вов Бразил и «Семи Городов», но эти корабли возвращались, не совершив никаких открытий. С 1495 г. Кабот с сыновьями плывал на бристольских судах.

Получив известия об открытиях Колумба, бристольские купцы дали средства на снаряжение новой западной экспедиции и поставили во главе ее Д. Кабота. Возможно, что инициативу проявил он сам. В 1496 г. испанский посол в Лондоне писал Фердинанду и Изабелле: «Некто, как Колумб, предлагает английскому королю предприятие, подобное плаванию в Индию». В ответном письме они рекомендовали послу протестовать против такого нарушения «прав» Испании и Португалии. Однако английский король *Генрих VII* еще до получения протеста письменно разрешил Каботу и его трем сыновьям «плавать по всем местам, областям и берегам Восточного, Западного и Северного морей... чтобы искать, открывать и исследовать всякие острова, земли, государства и области язычников и не-

верных, остающихся до сего времени неизвестными христианскому миру, в какой бы части света они ни находились». Король оговаривал для себя пятую часть дохода от экспедиции. В разрешении намеренно не указывалось южное направление, чтобы избежать столкновения с испанцами и португальцами.

Осторожные бристольские купцы снарядили только один небольшой корабль «Мэтью» с экипажем в 18 человек. 20 мая 1497 г. Д. Кабот отплыл из Бристолья на запад и все время держался чуть севернее 52° с. ш. Плавание проходило при тихой погоде, правда, частые туманы и многочисленные айсберги сильно затрудняли движение. Около 22 июня налетел штормовой ветер, к счастью, вскоре утихший. Утром 24 июня Кабот достиг

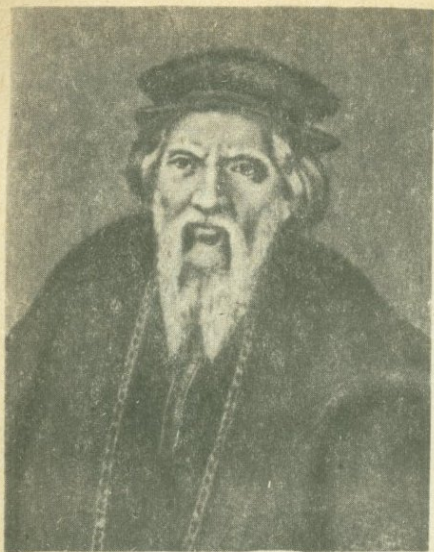

Первое плавание Д. Кабота
(по С. Морисону).

какой-то земли, названной им Терра Прима Виста (по-итальянски — «первая увиденная земля»). Это была северная оконечность о. Ньюфаундленд, к востоку от залива Пистолет, где, как известно, найдено норманнское поселение. В одной из ближайших гаваней он высадился и объявил страну владением английского короля. Затем Кабот двинулся на юго-восток близ сильно изрезанного побережья, обогнул п-ов Авалон и в заливе Пласенсия, дойдя приблизительно до 46°30' с. ш. и 55° з. д., повернул обратно к «пункту отправления». В море у п-ова Авалон он видел огромные косяки сельдей и трески. Так была обнаружена Большая Ньюфаундлендская банка, крупная — более 300 тыс. км² — отмель в Атлантике, один из самых богатых в мире районов рыболовства.

Весь рекогносцировочный маршрут у ньюфаундлендского берега занял около 1 месяца. Кабот считал осмотренную землю обитаемой, хотя и не заметил там людей и не приставал к ее берегам. 20 июля он взял курс на Англию, придерживаясь того же 52° с. ш., но несколько отклонился к югу и 3 или 4 августа, коснувшись о. Уэссан, близ Бретани, прибыл в Бристоль 6 августа. Кабот правильно оценил свою «рыбную» находку, объявив в Бристолье, что англичане теперь могут не ходить за рыбой к Исландии. Впрочем, весьма возможно, что баски и другие западноевропейские рыболовы уже разведали пути к ньюфаундлендским мелям и даже посещали Лабрадор.

В Англии со слов Кабота решили, что он открыл «царство великого хана», т. е. Китай. Некий венецианский купец писал на ро-

Себастьян Кабот (с портрета
Гольбейна-младшего, XVI в.).

дину: «Кабота осыпают почестями, называют великим адмиралом, он одет в шелк, и англичане бегают за ним, как сумасшедшие». Это сообщение, видимо, сильно преувеличивало успех Кабота. Известно, что он, вероятно, как чужеземец и бедняк, получил от английского короля награду в 10 фунтов стерлингов и, сверх того, ему была назначена ежегодная пенсия в размере 20 фунтов. Карта первого плавания Кабота не сохранилась. Испанский посол в Лондоне доносил своим государям, что видел эту карту, рассмотрел ее и заключил, что «пройденное расстояние не превышало четырехсот лиг» — 2400 км. Венецианский купец, сообщивший об успехе своего земляка, определил

пройденное им расстояние в 4200 км и предположил, что Кабот прошел вдоль берега «царства великого хана» 1800 км. Однако фраза из послания короля — «тому, [кто] обнаружил новый остров», — совершенно ясно показывает, что часть новооткрытой земли Кабот считал островом. Генрих VII так и «величает» его — «Вновь открытый остров» (Ньюфаундленд).

В начале мая 1498 г. из Бристоля вышла на запад вторая экспедиция под начальством Д. Кабота, в распоряжении которого была флотилия из пяти судов. Предполагают, что он умер в пути, и начальство перешло к его сыну, *Себастьяну Каботу*. О второй экспедиции до нас дошло еще меньше сведений, чем о первой. Несомненно лишь то, что английские суда в 1498 г. достигли Северо-Американского материка и прошли вдоль его восточного побережья далеко на юго-запад. Моряки высаживались иногда на берег и встречали там людей, одетых в звериные шкуры (североамериканских индейцев), не имевших ни золота, ни жемчуга. Из-за недостатка припасов С. Кабот повернул обратно и вернулся в Англию в том же, 1498 г. В глазах англичан вторая экспедиция не оправдала себя. Она стоила больших средств и не принесла даже надежд на прибыли (на пушные богатства страны моряки не обратили внимание): покрытые лесами, почти необитаемые берега новой земли никак не могли быть берегами «Катая» или «Индий». И в течение нескольких десятилетий англичане не предпринимали новых серьезных попыток западным путем плыть к Восточной Азии.

О больших географических достижениях второй экспедиции Кабота мы знаем не из английских, а из испанских источников. На

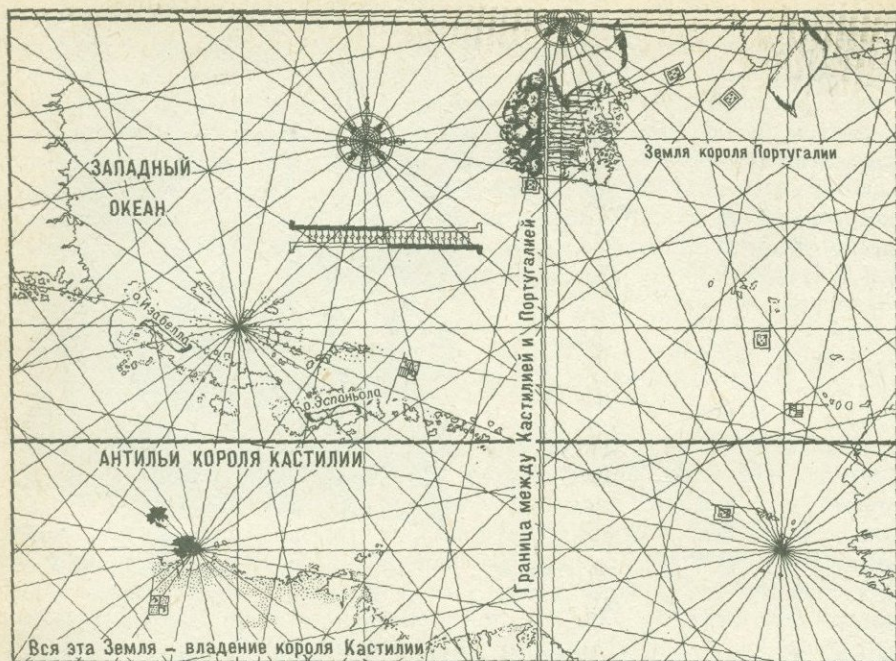
карте Хуана Ла Косы нанесена далеко к северу и северо-востоку от Эспаньолы и Кубы длинная береговая линия с реками и рядом географических названий, с заливом, на котором написано: «море, открытое англичанами», и с несколькими английскими флагами. Известно также, что Алонсо Охеда, в конце июля 1500 г. при заключении с короной договора на экспедицию 1501—1502 гг., закончившуюся полной неудачей, обязался продолжать открытия материка «вплоть до земель, посещенных английскими кораблями». Наконец, Пьетро Мартир сообщил, что англичане «дошли до линии Гибралтара» (36° с. ш), т. е. продвинулись несколько южнее Чесапикского залива.

«Земля Кортириалов»

Узнав об успехах английских экспедиций, португальцы предположили, что часть новооткрытых в Северной Атлантике островов может быть использована как этап на северо-западном пути в Индию. 50-летний *Гашпар Кортириал*, в былые годы организовывавший за свой счет заморские экспедиции или участвовавший в них, выхлопотал у короля Мануэла I права на «все острова или материк, которые он найдет или откроет», и в июне 1500 г. отплыл из Лиссабона на двух кораблях на северо-запад. Он пересек Атлантический океан и, вероятно, побывал на Лабрадоре (Терра-ду-Лаврадор — «Земля пахаря»). Он назвал новую землю таким именем, как предполагают, в надежде, что местных жителей можно будет продавать в рабство на плантации, и осенью 1500 г. привез на родину несколько «лесных людей» и белых медведей.

15 мая 1501 г. Гашпар Кортириал опять отплыл на трех кораблях на северо-запад, но взял курс несколько южнее, чем в 1500 г. Он увидел на западе берег, пройдя по его исчислению гораздо больший путь, чем в предыдущем году. Он открыл также на севере землю, названную им Терра Верди («Зеленая земля»), вероятно п-ов Лабрадор. Кортириал произвел высадку в одном из пунктов побережья, а затем двинулся на юг, возможно посетив залив Гамильтон. В проливе Белл-Айл или близ него корабли разлучились: два судна вернулись 10 октября на родину и доставили в Лиссабон около 50 эскимосов. Третий корабль, на котором находился сам Гашпар, пропал без вести.

Вот что венецианский посол в Лиссабоне *Паскуалиго* писал на родину через 10 дней после возвращения первого судна: «Сообщают, что они нашли в двух тысячах лиг отсюда между северо-западом и западом страну, до сих пор совершенно неизвестную. Они прошли приблизительно 600—700 лиг [3600—4200 км], вдоль берега земли и не нашли ей конца, что заставляет их думать, что это — материк. Эта земля расположена за другой землей, открытой в прошлом году на севере. Каравеллы не могли достичь той земли из-за льдов и беспредельного количества снега. Их мнение [об открытии материка] подтверждается множеством больших рек, которые

Карта А. Кантино (около 1502 г.).

они там нашли... Они говорят; что эта страна очень населена и что деревянные жилища туземцев очень велики и покрыты снаружи рыбьими [тюленьими] кожами... Сюда доставили семь туземцев — мужчин, женщин и детей... Они все одинакового цвета, сложения и роста; очень похожи на цыган; одеты в шкуры разных животных... Эти шкуры не шиты вместе и не дублены, но такие, какие они сдирают с животных. Ими они покрывают плечи и руки... Они очень боязливы и кротки... Их лица раскрашены, как у индейцев... Они разговаривают, но никто их не понимает. В их стране нет железа, но они делают ножи и наконечники для стрел из камней. У них очень много лососей, сельдей, трески и другой рыбы. У них много лесу — буков и особенно хороших сосен для мачт и рей...» Об этом событии тогда уже писал в Италию герцогу Феррарскому его лиссабонский агент Альберто Кантино, чье донесение мало отличается от рассказа Паскуалиго. Кантино приложил к письму дошедшую до нас ярко раскрашенную карту открытых земель. Она свидетельствует, что португальцы полагали, будто открытые Кортириалом новые земли лежат восточнее папского меридиана, следовательно, должны принадлежать Португалии, а не Испании.

В мае 1502 г. Мигел Кортириал на трех кораблях вышел в море в северо-западном направлении отыскивать своего без вести пропавшего брата Гашпара и в июне тоже открыл какую-то землю, возможно Ньюфаундленд. Случилось так, что на родину его

спутники также вернулись без своего начальника: корабль Мигела отстал и пропал без вести.

Плавания португальцев в этом направлении не прекратились. Страна, которую они нанесли на карту, вскоре получила название «Земля Кортириалов». Но нельзя бесспорно установить, какие именно берега были ими открыты: Лабрадор, Ньюфаундленд, Новая Шотландия? Португальские рыбаки после Кортириалов начали постоянно плавать к Большой Ньюфаундлендской банке. За ними потянулись нормандцы, бретонцы и баски, которые стали ходить к новооткрытым заокеанским северным землям не позднее 1504 г. Началась «рыбная лихорадка».

Плавания Себастьяна Кабота

Долгие годы считалось, что С. Кабот, знающий и опытный моряк, но очень тщеславный человек, прикрывавшийся именем отца, после возвращения из экспедиции, во время которой Д. Кабот умер, больше не плавал. Обнаруженные сравнительно недавно в Англии документы позволяют ныне уверенно говорить еще о двух самостоятельных плаваниях С. Кабота в высоких широтах Северо-Западной Атлантики. Первое состоялось в 1504 г. На двух кораблях бристольских купцов весной 1504 г. он достиг Северо-Американского материка — не известно, какого пункта, а в июне лег на обратный курс. Географические результаты экспедиции не указаны, а товарные отмечены: оба судна вернулись осенью того же года в Бристоль с грузом соленой рыбы (40 т) и тресковой печени (7 т) из района о. Ньюфаундленд.

Второе плавание было выполнено в 1508—1509 гг. на кораблях, снаряженных королем. Кабот проследовал вдоль восточного побережья Лабрадора до 64° с. ш. в поисках Северо-Западного прохода и проник в пролив, находящийся, судя по сохранившимся скудным сведениям из его отчета, между 61 и 64° с. ш. Он прошел по этому проливу около 10° по долготе, т. е. 540 км, а затем повернул на юг, в большое море — Тихий океан, по его мнению. Положение и размеры пройденного им пролива соответствуют примерно Гудзонову проливу — длина около 800 км, расположен между $60^{\circ}30'$ и 64° с. ш. Эти факты позволяют считать, что Кабот открыл, правда вторично, после норманнов, Гудзонов пролив и Гудзонов залив.

Открытия Фагундиша

Португальского судовладельца из Вьяну-ду-Каштелу, маленького портового городка у галисийской границы, *Жуана Алвариша Фагундиша* привлекли богатства «Тресковой земли». В 1520 г., а возможно и ранее, он пересек Атлантику, прошел вдоль южных берегов о. Ньюфаундленд и открыл о-ва Сен-Пьер и Микелон, а также

соседние многочисленные мелкие островки; на ранних португальских картах они показаны в виде архипелага. Затем Фагундиш обследовал весь восточный берег о. Кейп-Бретон, а к югу от него, близ южной границы крупного мелководья, обнаружил длинный и узкий песчаный «остров Санта-Круш» — о. Сейбл (у 44° с. ш. и 60° з. д.), ныне иногда называемый «кладбищем кораблей». По возвращении в Португалию он получил от короля разрешение на организацию колонии на берегах заатлантической земли, набрал колонистов в своей родной провинции Минью и на Азорах и, вероятно, летом 1523 г. доставил их к восточному берегу о. Кейп-Бретон, в бухту Ингониш (у $60^{\circ}20'$ з. д.). Не прошло и 1,5 лет, как у жителей поселка начались трения с местными индейцами, понявшими, что пришельцы решили обосноваться надолго. Внесли свою лепту в ухудшение положения новоселов и бретонские рыбаки — они порезали снасти и разрушили дома португальцев.

В поисках более спокойного пристанища Фагундиш прошел на юго-запад вдоль побережья п-ова Новая Шотландия, названного Терра Фригида на одной из карт в так называемом атласе мира Миллера I, обнаружил и бегло осмотрел залив Фанди, позже получивший известность благодаря максимальным для Мирового океана (до 18 м) полусуточным приливом. Согласно двум французским источникам второй половины XVI в., Фагундиш достиг залива Пенобскот, у 44° с. ш. и 69° з. д. и, следовательно, открыл по меньшей мере 1 тыс. км побережья Северной Америки между 45° и 44° с. ш., а также восточный и южный берега о. Кейп-Бретон, на карте португальца *Диогу Омена* 1568 г. названного Кап Фагундо.

Основанное Фагундишем поселение не могло существовать без поддержки из Португалии, а помощь не поступала, и к 1526 г., а возможно и раньше, самая первая (не считая норманнов) попытка европейцев обосноваться на североамериканской земле потерпела неудачу.

Португальцы еще некоторое время ходили за рыбой в этот район, но в конце концов были вытеснены выходцами из Франции — нормандцами и бретонцами, а также басками.

ЧЕТВЕРТАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ КОЛУМБА

Поиски Западного прохода
в Южное море

Христофор Колумб хотел найти новый путь от открытых им земель в Южную Азию. Он был уверен, что такой путь существует, так как наблюдал у берегов Кубы сильное морское течение, идущее на запад через открытое им Карибское море. Он надеялся, что это течение вынесет его к берегам Золотого Херсонеса (п-ова Малакка), и просил у короля позволения организовать новую экспедицию.

Фердинанд рад был избавиться от человека, которого он рассматривал как назойливого просителя.

Осенью 1501 г. приступили к снаряжению небольшой флотилии — четыре судна с экипажем 150 человек, а 3 апреля 1502 г. экспедиция отплыла на запад. Колумб взял с собой брата Бартоломе и 13-летнего сына *Эрнандо*. Адмирал к этому времени достиг — по тогдашним меркам — почтенного возраста (51 года — старый человек!). Но в этом плавании, как, впрочем, и во всех предыдущих, он показал высочайшие качества моряка, владеющего искусством мореплавания, мужество, стойкость, решительность и умение командовать.

Колумб направил корабли через дугу Малых Антильских о-вов, открыл 15 июня 1502 г. о. Мартиника и, следуя затем мимо уже известных островов к Эспаньоле, 29 июня 1502 г. подошел к Санто-Доминго. Он просил у Овандо разрешения войти в гавань и переменить судно: «один из его кораблей не может противостоять буре и не выдержит далекого плавания». Овандо, сославшись на королевский приказ, отказал. К счастью, суда Колумба удачно выдержали ураган.

В середине июля 1502 г. он двинулся на запад вдоль южных берегов Гаити и Ямайки. Вряд ли за Ямайкой (у 18° ю. ш.) он рассчитывал открыть желанный проход к Золотому Херсонесу: даже тогда европейцы предполагали, что он начинается недалеко от экватора.

Колумб, очевидно, стремился дойти на западе до материка, а затем отыскать пролив, следуя вдоль берега, по возможности на юг. В дальнейшем он так и поступил.

Открытие Карибского берега Центральной Америки

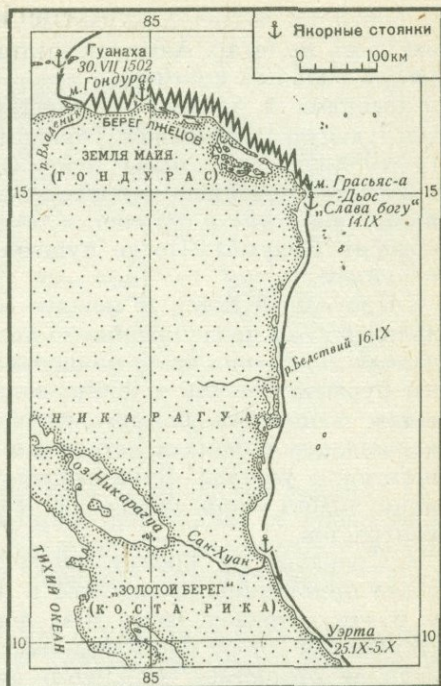
30 июля у северного берега Гондураса испанцы открыли островок Бонака (Гуанаха, у 86° з. д., самый восточный из цепи Ислас-де-ла-Баия). Вдали на юге виднелись горы. Адмирал решил, что там — материк, и на этот раз не ошибся. У жителей островка не было ничего ценного. Они казались «дикарями». Но вдруг к кораблям подошла очень широкая и длинная пирога, сделанная из цельного ствола огромного дерева. 25 гребцов, прикрытых спереди фартуками, сидели на веслах. Под шатром из листьев в пироге расположился не то капитан, не то купец, а с ним женщины и дети. Там же, под шатром, находились разнообразные предметы: цветные ткани и одежда, бронзовые топоры и колокольчики, бронзовая и деревянная посуда, деревянные мечи с острыми кремнями, хорошо отшлифованными, и, наконец, большой запас бобов какао. К этим бобам у индейцев было особое отношение: если кто-либо ронял боб, то сейчас же бережно подбирал его. Позже испанцы узнали, что в Мексике и на п-ове Юкатан они заменяли монеты.

Колумб не придавал большого значения этой встрече — вести из другого культурного мира — из страны народа майя, живущего на п-ове Юкатан. Но у индейцев в пироге не было золота и драгоценностей, а когда им показали золотые предметы, они протягивали руку на юг. На юг мечты влекли и Колумба: именно там он рассчитывал открыть проход в моря, омывающие подлинную Индию. Среди индейцев был старик, начертивший подобие карты. Колумб силой взял его в проводники, а остальных отпустил. Флотилия с большим трудом, борясь с противным ветром, в середине августа подошла к матерiku близ мыса Гондурас, а затем повернула на восток. Бартоломе Колумб высадился на материк в 100 км к востоку от мыса и формально завладел страной. Индейцы встречали испанцев дружелюбно, снабжали плодами и птицей. Они были татуированы, ходили голые или в короткой одежде из бумажной ткани, вдевали в уши массивные серьги. Колумб все двигался вдоль берега к востоку против сильного ветра и течения. Корабли давали течь, снасти и паруса были изорваны. Экипаж выбился из сил, а якорной стоянки из-за довольно больших глубин обнаружить не удалось. Позднее Колумб писал: «Болезнь сына, который находился со мной, терзала мою душу... Я тяжело захворал и не раз был близок к смерти».

За 40 дней суда продвинулись от мыса Гондурас всего лишь на 350 км к востоку. 14 сентября за мысом берег круто повернул прямо на юг. Ветер дул благоприятный, течение стало попутным. И Колумб назвал этот мыс Грасьяс-а-Дьос («Слава богу»). На юг тянулось плоское и низменное побережье с широкими речными устьями и большими лагунами. Теперь суда шли вдоль Москитового берега Никарагуа гораздо быстрее: за две недели около 500 км. У 10° с. ш., там, где берег повернул на юго-восток, 25 сентября они стали на якорь. Для исследования страны адмирал направил

вооруженный отряд, вскоре вернувшийся с сообщением о большом количестве обезьян, «олений» (очевидно, тапиров), смешных индюшкоподобных птиц и крупных кошек — первое указание на ягуаров. Индейцы часто подходили к кораблям; моряки видели у них золотые пластинки и другие украшения из золота и получали иногда их в обмен на безделушки. Колумб назвал этот берег «Золотым»; более позднее название — Коста-Рика.

5 октября 1502 г. он двинулся дальше на юго-восток и к вечеру решил, что нашел желанный пролив, а это был всего лишь канал, ведущий в небольшой залив; за ним испанцы обнаружили другой залив — лагуну Чирики (у 82° з. д.) и 10 дней простояли там. От индейцев страны Верагуа (Панама) адмирал узнал, что находится на берегу узкой полосы земли между двумя морями, но путь к Южному морю преграждают высокие горы. 17 октября флотилия направилась далее к юго-востоку, но вскоре берег начал отклоняться к северо-востоку: Колумб открыл залив Москитос; здесь испанцы обменяли три бубенчика на 17 золотых кружков. Неизвестно, чем были недовольны индейцы — количеством или качеством вещей, но они открыто выразили неудовольствие. Колумб приказал «успокоить» их выстрелами. Через переводчиков испанцы получили сведения, будто в девяти днях пути живет богатый народ. По словам Колумба, он бы «удовольствовался десятой долей того, что сулят эти рассказы». Из жестов индейцев он понял, что обитатели южной страны — люди воинственные, ездят на животных, носят панцири, владеют мечами, луками и стрелами. «...Говорили также, — писал позднее с Ямайки Колумб, — что море омывает эту страну и что в десяти днях пути от нее течет река Ганг»¹. 2 ноября корабли Колумба стали на якорь в обширной глубокой гавани, названной им Пуэрто-Бельо, ныне Портобело. Из-за проливных дождей и непогоды испанцы задержались у этих берегов на неделю.

Открытие Гондураса, Никарагуа и Коста-Рики (по С. Морисону).

¹ Индейцы говорили правду: в 60 км к югу от Портобело действительно лежит Панамский залив Тихого океана, а к югу от него страна высокой культуры (Перу): и только там индейцы приручили лам (безгорбых верблюдов) и использовали их для перевозки грузов.

В обмен на безделушки они получали продукты и хлопок, золота же здесь не было. Адмирал продолжил плавание на восток 9 ноября, но сильный противный ветер отогнал эскадру немного на запад и вынудил в течение 12 дней укрываться в маленькой гавани. Следующую остановку испанцы сделали в бухте Ретрете (у $79^{\circ} 10'$ з. д.), ныне Эскрибанос. На приветливость и гостеприимство индейцев моряки «любезно» ответили грабежами и «ночными визитами» в селения, и тогда возмущенные жители напали на корабль Колумба. После пушечного выстрела «победа» досталась испанцам.

Противный ветер и мощное встречное течение сильно мешали дальнейшему продвижению на восток. От непрерывных дождей суда начали гнить, они были попорчены червоточинной и сильно потрепаны бурями. Колумб в конце ноября повернул обратно. Восточный ветер, мешавший до этого флотилии продвигаться вперед, теперь неожиданно сменился встречным западным ветром, вскоре достигшим силы урагана. Буря свирепствовала девять дней. Ветер постоянно менял направление, и Колумб назвал это место Берегом контрастов.

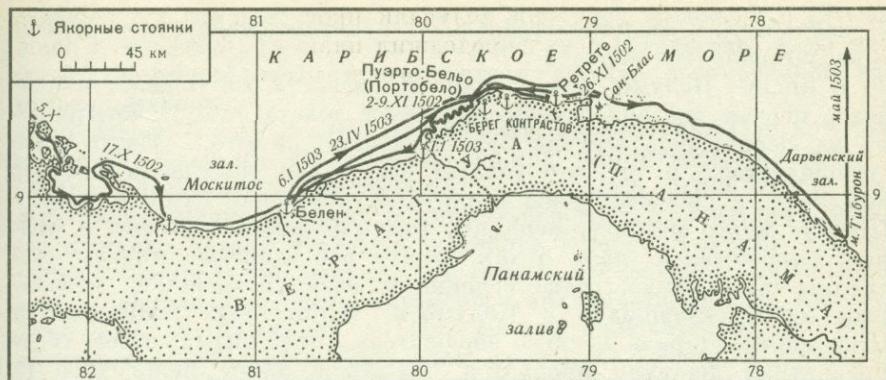
5 декабря он бросил якорь в Портобело, но вскоре оставил и это пристанище: рождество и новый, 1503 г. испанцы встретили в бухте, ставшей более чем через 400 лет северным входом в Панамский канал. Здесь адмирал пропустил возможность совершить великое открытие: от Тихого океана его отделяли всего 65 км. На этой стоянке флотилия не задержалась надолго — в поисках пункта для отдыха команды и ремонта обветшалых судов Колумб прошел еще дальше к юго-западу и 6 января 1503 г. бросил якорь в устье реки, в гавани, названной им Белен (Вифлеем)¹. Там, близ золотоносной р. Верагуа, район которой славится самыми обильными ливнями в мире², он хотел основать колонию и оставить гарнизон во главе с Бартоломе Колумбом, но индейцы убили 12 человек.

На адмиральском корабле в трюме содержались 50 индейцев-заложников. Однажды ночью часть их встала на плечи товарищей, выбралась из трюма и кинулась в море. Некоторые были пойманы и снова заперты. На утро всех индейцев нашли мертвыми: они удавились. Это страшное событие сильно встревожило Колумба. Он впервые встретил людей, так презиравших смерть. Он боялся за брата и его людей и вернул уцелевших колонистов на корабли. А через несколько месяцев в том же письме с Ямайки, в котором он сообщал королям о событиях в Верагуа, он писал: «Не может быть... людей более робких, чем местные жители...»

Простояв в Белене почти 3,5 месяца и потеряв одно судно, 16 апреля 1503 г. Колумб вышел в море и двинулся на восток.

¹ Вифлеем — город в Палестине (современный Бейт-Лахм, Иордания), где, по евангельской традиции, родился Иисус Христос.

² Почва так основательно пропитывается влагой, что каждый шторм начинается половодьем — Колумб испытал это 24 января 1503 г.

Открытие Панамы (по С. Морисону).

В Портобело пришлось бросить еще один корабль; его команду адмирал распределил на двух оставшихся каравеллах и продолжал поиски пролива. С огромным трудом преодолевая восточные ветры и Экваториальное течение, 1 мая испанцы достигли мыса Тибурон ($8^{\circ}40'$ с. ш., $77^{\circ}20'$ з. д.).

Убедившись, что этот район в 1501 г. уже посещали европейцы, адмирал круто повернул на север, к Ямайке: ему стало ясно, что и далее к востоку пролива нет. Однако течения несли суда к западу и через 10 дней показалась группа небольших необитаемых островов — Малые Кайманы, к северо-западу от Ямайки. А затем после упорной борьбы с противными ветрами и течениями, когда корабли были так повреждены, что едва держались на плаву, моряки достигли Ямайки.

Кораблекрушение и год на Ямайке

25 июня 1503 г. Колумб нашел на северном берегу Ямайки гавань и посадил рядом тонущие корабли на мель. Трюмы сейчас же наполнились водой. Жилые помещения устроили на палубе: вдоль бортов поставили ограждения для защиты от индейцев. Адмирал неохотно отпускал людей на берег, боясь, что своими поступками они вызовут ненависть местных жителей. Благодаря таким мерам индейцы были мирно настроены и доставляли испанцам продукты в обмен на безделушки.

Адмирал в июле послал на Эспаньолу (200 км морем) *Диего Мендеса* с тремя моряками на пироге с индейцами-гребцами; с ним он отправил два письма: одно — Овандо с просьбой прислать судно за его, Колумба, счет, другое — королям (из него выше приводились цитаты). Это письмо — очень важный психологический документ. Составлено оно, видимо, в спешке истомленным, больным, не владеющим собой человеком. Мистический бред переплетается с гимном золоту, с подчеркнутыми указаниями, что только

он знает путь к «золотой стране», и с недвусмысленными упреками в неблагодарности королей.

В письме Колумб, между прочим, писал: «... в Верагуа я увидел в первые два дня больше признаков золота, чем за четыре года на Эспаньоле... Отсюда будут вывозить золото... Золото — это совершенство... и тот, кто владеет им, может совершить все, что пожелает, и способен даже вводить человеческие души в рай...» Прошло много месяцев; испанцы, томимые неизвестностью и полным бездействием, пали духом. Почти все здоровые моряки разбрелись по Ямайке, грабя селения и насилуя женщин. Небольшая часть оставшихся с Колумбом, истощенных болезнями и лишениями, старались мягко обращаться с индейцами, чтобы те не прекратили доставку продуктов. Только в конце июня 1504 г., когда Колумб, по его словам, потерял всякую надежду выбраться живым с Ямайки, туда прибыл корабль, купленный и снаряженный Мендесом за счет адмирала.

Возвращение в Испанию и смерть Колумба

29 июня 1504 г. Колумб навсегда оставил Ямайку. На короткий путь до Эспаньолы ему из-за противных ветров пришлось потратить более 1,5 месяцев. Овандо встретил адмирала с внешними признаками почета и поместил у себя. 12 сентября 1504 г. братья Колумбы оставили Эспаньолу. Буря за бурей преследовали одинокий корабль, лишившийся грот-мачты, но все же 7 ноября 1504 г. он вошел в устье Гвадалквивира.

Во время четвертого плавания Колумб открыл материк к югу от Кубы, т. е. берег Центральной Америки на протяжении около 2000 км, и доказал, что огромный барьер отделяет в тропиках Атлантический океан от Южного моря, о котором он слышал от индейцев. Он первый принес вести о народах высокой культуры, живущих у Южного моря и где-то на западе от Ямайки. И наконец, он дважды пересек Карибское море в западной полосе, еще не посещенной европейцами.

Тяжело больной Колумб был перевезен в Севилью. Он не забывал о тех, кто делил с ним несчастья на Ямайке, настаивал на уплате им жалованья: «Они испытали невероятные опасности и лишения... и они бедны...» Однако со смертью Изабеллы (26 ноября 1504 г.) Колумб потерял всякую надежду на восстановление своих прав.

В конце 1504 г. он писал старшему сыну о болезни, мешавшей ему отправиться ко двору, о нужде в деньгах, так как он истратил все доходы на товарищей. Только в мае 1505 г. Колумб мог отправиться в Сеговию, где тогда находился двор. Фердинанд предложил третейский суд для разбора взаимных претензий. Адмирал соглашался на суд только для определения размера доходов, причитающихся ему, но не для обсуждения его прав и привилегий.

Прошел год, но дело Колумба было в том же положении. 19 мая 1506 г. в г. Вальядолиде он утвердил свое завещание, а 20 мая умер. Смерть великого мореплавателя прошла незамеченной его современниками.

Подведем краткий итог географическим результатам четырех плаваний Колумба. Он первый пересек Атлантический океан в субтропической и тропической полосе северного полушария и первый из европейцев плывал в американском «Средиземном» море. Он положил начало открытию материка Южной Америки и перешейков Центральной Америки. Он открыл все Большие Антильские о-ва — центральную часть Багамского архипелага, Малые Антильские о-ва, от Доминики до Виргинских включительно, а также ряд мелких островов в Карибском море и о. Тринидад у берегов Южной Америки.

Огромное значение открытий Колумба для Испании получило общее признание только в середине XVI в., после завоевания Мексики, Перу и северных андийских стран, когда груды награбленного золота и целые «серебряные флотилии» стали поступать в Европу.

Но всемирно-историческое, и притом революционное, значение дела Христофора Колумба было впервые оценено в середине XIX в. К. Марксом и Ф. Энгельсом, авторами «Манифеста Коммунистической партии»: «Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало для поднимающейся буржуазии новое поле деятельности. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента»¹.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т 4, с. 425.

АМЕРИГО ВЕСПУЧЧИ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ «АМЕРИКА»

Два письма Веспуччи

Америго Веспуччи родился 9 марта 1454 г. во Флоренции в семье нотариуса. Он поступил на службу в родном городке к флорентийским банкирам Медичи и мирно жил почти до 40-летнего возраста. В 1492 г. Америго, вероятно, по распоряжению Медичи переехал в Севилью, где жил до 1499 г., и на средства, полученные через него, Охеда организовал в этом году экспедицию к Жемчужному берегу. Несомненно, что Веспуччи плавал в 1499—1500 гг. под начальством Охеды. Не позднее 1501 г. он перешел на службу в Португалию и до 1502 г. плавал на португальских кораблях у берегов Нового Света. Затем снова переехал в Испанию и в 1505 г. был принят в кастильское подданство «за услуги, которые он оказал и еще окажет кастильской короне». В 1508 г. он был назначен на только что учрежденную должность главного пилота Кастилии¹ и занимал ее до смерти (22 февраля 1512 г.).

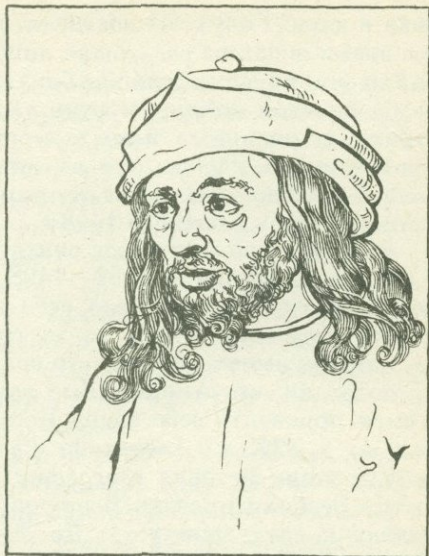
Веспуччи не был начальником ни одной экспедиции или хотя бы капитаном какого-либо испанского или португальского корабля. Неизвестно, за одним исключением², какие обязанности он выполнял, плавая к берегам Нового Света. Только в двух случаях точно установлено, под чьим начальством он находился. Большинство историков сомневается, действительно ли он совершил некоторые плаванья, о которых сам рассказывал. Как же случилось, что в честь Америго назван двойной западный материк?

Мировая слава Веспуччи основана на двух сомнительных письмах, составленных в 1503 и 1504 гг., переведенных вскоре на ряд языков и опубликованных тогда же в нескольких странах. Оригиналы писем не дошли до нас. Первое письмо адресовано банкиру *Лоренцо Пьеро Медичи*. Веспуччи писал об одном плавании на португальской службе в 1501—1502 гг. Во втором письме (от 4 сентяб-

¹ Главный пилот экзаменовал кандидатов на должность штурманов и выдавал им патенты (дипломы), следил за составлением глобусов и морских карт, составлял секретную сводную карту по материалам, привозимым из Западной Индии.

² По словам Лас Касаса, в экспедиции Охеды 1499—1500 гг. Веспуччи был «одним из штурманов... весьма опытным в мореходстве и сведущим в космографии».

ря 1504 г.), адресованном, видимо, знатному флорентийцу *Пьеро Содерини*, товарищу детства, Веспуччи описывал четыре плавания, в которых он будто бы участвовал с 1497 по 1504 г.: первые два на испанской службе, третье и четвертое — на португальской. О своей должности в первой экспедиции он писал, что был приглашен королем Фердинандом «помогать», во второй — обошел вопрос молчанием, в двух остальных — что был «под начальством капитанов». Веспуччи давал мало навигационных и географических сведений. Зато он живо и увлекательно с недужинным литературным талантом описывал звездное небо южного полушария, природу открытых стран, внешний вид и быт индейцев. Интерес к новым открытиям в Европе был в то время очень велик, а отчеты мореплавателей за редким исключением не публиковались. Поэтому красочный рассказ флорентийца об его «четырех» плаваниях у западных берегов Атлантического океана имел исключительный успех.

А. Веспуччи (рисунок с карты М. Вальдземюллера, 1507 г.).

«Первое» плавание Веспуччи

О «первом» плавании Веспуччи сообщал, что он отплыл в мае 1497 г. из Кадиса. Флотилия (четыре корабля) достигла Канарских о-вов, где простояла 8 дней. Через 27—37 дней (по разным вариантам) открылась земля примерно в 4,5 тыс. км к западу-юго-западу от Канарских о-вов. Веспуччи указал и координаты земли, соответствующей берегу Центральной Америки у залива Гондурас, если он умел правильно определять долготу. Однако это совершенно невероятно: в единственном случае, когда его можно проверить, он ошибается на 19°!

На новооткрытой земле Веспуччи видел «город над водой, подобно Венеции» — 44 деревянных дома, построенных на сваях. Дома сообщались посредством подъемных мостов. Жители были стройные люди, среднего роста, «с красноватой кожей, вроде львиной». Испанцы захватили после боя несколько человек и отплыли в страну, расположенную у 23° с. ш. Покинув ее, испанцы направились на северо-запад, затем прошли вдоль извилистого берега 4—5 тыс. км, часто высаживались на сушу и выменивали безделушки на золото,

пока в июле 1498 г. не достигли «самой лучшей гавани в мире». За все время испанцы раздобыли лишь немного золота. Ремонт судов отнял месяц; индейцы, жившие близ гавани, очень подружились с испанцами, просили помощи против людоедов, совершавших набеги на их страну, и пошли за ними к «островам людоедов». Через неделю, пройдя около 500 км, они высадились на остров, вступили в бой с толпой «людоедов» и захватили пленных. В Испанию экспедиция вернулась в октябре 1498 г. с 222 рабами, проданными в Кадисе.

Большинство историков считает, что Веспуччи вообще не плавал к Западной Индии в 1497—1498 гг. Спорили только о том, намеренно ли сам он приписал себе первое посещение, т. е. открытие, нового материка в 1497 г., за год до третьей экспедиции Колумба, или так вышло помимо его воли? Два столетия почти все историки полагали, что Америго был сознательным обманщиком, стремившимся присвоить себе славу Колумба — открытие нового материка. Только в XIX в. Александр Гумбольдт сначала в «Критическом исследовании истории географии», а затем в «Космосе» сделал попытку реабилитировать Веспуччи. Доказательства Гумбольдта сводились к следующему: 1. До 30-х гг. XVI в. не выдвигалось ни одного обвинения против флорентийца даже со стороны наследников Колумба и его друзей. 2. Нельзя ставить в вину Веспуччи противоречия, искажения фактов, ошибки и путаницу в датах его писем: он лично ничего не издавал и не мог следить за изданиями, выходившими за пределами Испании. 3. Процесс наследников Колумба против испанской короны должен был решить, на какие части Нового Света они имеют права в результате действительных открытий Колумба. Свидетелей в пользу короны искали во всех испанских портах, но на Веспуччи и не думали ссылаться, хотя ряд заграничных изданий уже приписывал ему славу открытия нового материка в 1497 г. И Гумбольдт подчеркивал, что отказ короны от самого важного свидетельского показания против Колумба необъясним, если Веспуччи действительно хвалился, что он посетил новый материк в 1497 г., и если в то время придавали значение «путаным датам и опечаткам» иностранных изданий его писем.

В середине XIX в. бразильский историк Фридрих Адольф Варнхаген пошел дальше Гумбольдта в реабилитации Веспуччи. Гумбольдт старался доказать только, что Америго не был мошенником. Варнхаген же потратил часть жизни на доказательство того, что флорентиец плавал в 1494—1498 гг. у берегов нового материка и открыл почти все побережье Мексиканского залива до Флориды включительно. Рядом голословных утверждений, подтасовкой фактов, натянутыми допущениями Варнхаген и его последователи пытались доказать, что Веспуччи первый достиг на западе материка и что после возвращения в Европу он совершил до 1504 г. еще три заатлантических плавания. Вряд ли большая экспедиция, открывшая на западе Атлантики несколько тысяч километров береговой линии, могла пройти в Испании совершенно незамеченной. Все-го вероятнее, что экспедиции 1497—1498 гг., описанной Веспуччи как его «первое» плавание, не было.

«Второе» плавание Веспуччи

Как мы отмечали в главе 5, в конце июня 1499 г. в районе бухты Ояпок (у 51° з. д.) два корабля Веспуччи отделились от Охеды и бросили якорь невдалеке от берега¹. На нескольких лодках, в каждой по шесть человек, Веспуччи прошел вдоль побережья в надежде найти место для высадки. Он был поражен пышностью тропического леса — густотой и высотой деревьев, их благоуханием. Потратив день на напрасные поиски, Веспуччи вернулся к кораблям и двинулся на юго-восток: он считал, что находится у берегов Азии, и хотел достичь ее самого юго-восточного пункта. 2 июля, т. е. раньше В. Пинсона, испанцы обнаружили две огромные реки: одна шириной около 30 км текла с запада (Амазонка), другая — с юга (Пара). Вода в океане в 45 км от побережья была пресной, и моряки наполнили ею бочонки.

Веспуччи вновь оставил корабли и с 20 спутниками, захватив на четыре дня провизии, на лодках вошел в одну из рек и поднялся почти на 100 км против течения. Многочисленные попытки высадиться оказались безуспешными — густой лес на низменных берегах был непреодолимым препятствием. Испанцы убедились, что страна обитаема, Веспуччи отметил множество птиц с причудливыми особенностями (например, тукал) и оперением. Их мелодичное пение и ароматы леса создавали, по словам Веспуччи, полную иллюзию земного рая; реки кишели рыбой различных видов. После двухдневного плавания испанцы вернулись на корабли и 24 июля двинулись на восток-юго-восток, но из-за сильного встречного течения не смогли пройти более 250 км. Так было обнаружено Гвианское течение, ветвь Южного Пассатного, имеющего скорость более 3 км в час. Веспуччи считал, что находится у 6° ю. ш., но, скорее всего он достиг бухты Туриасу, у $1^{\circ}30'$ ю. ш. и 45° з. д., или бухты Сан-Маркус, у 2° ю. ш. и 44° з. д., открыв около 1200 км северо-восточного побережья Южной Америки. Выбравшись из Гвианского течения, он направился к северу, а затем к северо-западу и произвел высадку на о. Тринидад во главе небольшого отряда, причем широту острова он определил точно — 10° с. ш. Веспуччи характеризует индейцев как людей среднего роста, с желто-коричневой кожей, полностью обнаженных; их вооружение состоит из лука и стрел. Они практикуют каннибализм, но едят лишь своих врагов с других островов. Индейцы гостеприимно встретили испанцев и, отведя в деревню в 10 км от берега, снабдили продовольствием. На другой день Веспуччи посетил еще несколько деревень на южном берегу Тринидада. С Охедой он соединился восточнее мыса Кодера: описывая плавание за этим мысом, Веспуччи говорит уже о четырех кораблях.

Совместное плавание продолжалось до 1 сентября: у мыса Лавела экспедиция, видимо, разделилась — Охеда отправился к Эс-

¹ Это самостоятельное плавание он описал в письме от 18 июля 1500 г. одному из своих друзей.

паньоле, а Веспуччи, вероятно, продолжал обследование побережья к юго-западу. За две недели он достиг пункта, который на карте Ла Косы носит имя Св. Евфимии (16 сентября). Иными словами, Веспуччи проследил более 300 км береговой линии, примерно до 74°30' з. д., и уже оттуда повернул на север. Позже он писал, что на переход к Эспаньоле ему потребовалась неделя, а Охеде — пять дней. В Испанию оба вернулись в июне 1500 г.

«Третье» плавание Веспуччи

Мировую славу Веспуччи доставило его «третье» плавание, когда он в глазах современников «открыл Новый Свет». Америго участвовал тогда (в 1501—1502 гг.) в португальской экспедиции на трех кораблях. Ее начальником был Гонсалу Куэлью (см. гл. 6). Америго же исполнял в ней, вероятно, должность астронома. Экспедиция более пяти месяцев плавала у берегов Бразилии. Прибрежных индейцев Веспуччи характеризовал как свирепых людоедов. Он действовал на воображение читателей, не останавливаясь перед самой беззастенчивой выдумкой: «Все женщины у них общие, и у них нет ни королей, ни храмов, ни идолов, нет у них ни торговли, ни денег; они враждуют друг с другом и дерутся самым жестоким образом... Они также питаются человеческим мясом. Я видел негодяя, хваставшего... что он съел 300 человек. Я видел также город, где соленое человеческое мясо висело на кровлях домов... как у нас в кухнях... висят связки колбас. Они были удивлены, когда узнали, что мы не едим наших врагов, мясо которых, по их словам, очень аппетитно, отличается нежным запахом и удивительным вкусом». Америго с восторгом описывал природу новой страны — ее мягкий климат, огромные деревья с благоухающими цветами, ароматные травы.

15 февраля 1502 г. корабли дошли якобы до 32° ю. ш. (см. гл. 6). Тут португальские офицеры единогласно поручили Веспуччи руководство всей экспедицией. Тогда он оставил побережье и пересек океан в юго-восточном направлении. Дни становились все короче и короче: в начале апреля ночь продолжалась 15 часов. Корабли, по определению Веспуччи, достигли 52° ю. ш. Во время четырехдневной бури показалась какая-то земля. Португальцы прошли вдоль ее берега около 100 км, но не смогли высадиться из-за тумана и метели. Наступила зима, и моряки повернули на север, а через 33 дня достигли Сьерра-Леоне. Там один обветшалый корабль был сожжен, два других вернулись на родину в сентябре 1502 г.

Итак, помимо участия в новых открытиях берегов Бразилии, Веспуччи приписывал себе руководство первым плаванием в антарктических водах. К сожалению, об этом известно только из писем самого Веспуччи, вызывающих большие сомнения. Как, например, случилось, что португальские капитаны при живом начальнике единогласно предоставили руководство экспедицией иностранцу без определенного положения? С какой целью они направились в южную часть Атлантики? Какой земли у 52° ю. ш. достигли — не Юж-

ной ли Георгии? Каким образом утомленный экипаж на обветшалых судах прошел за 33 дня на север около 7 тыс. км? Но современники Веспуччи не тревожили себя такими вопросами. Перед ними действительно открылся новый мир. Америго в письме к Медичи заявляет: «Страны эти следует назвать Новым Светом... Большинство древних авторов говорит, что и к югу от экватора нет материка... если некоторые из них и признавали существование там материка, то они не считали его обитаемым. Но мое последнее плавание доказало, что их мнение ошибочно... так как в южных областях я нашел материк, более плотно населенный людьми и животными, чем наша Европа, Азия и Африка, и, кроме того, климат более умеренный и приятный, чем в какой-либо из известных нам стран...»

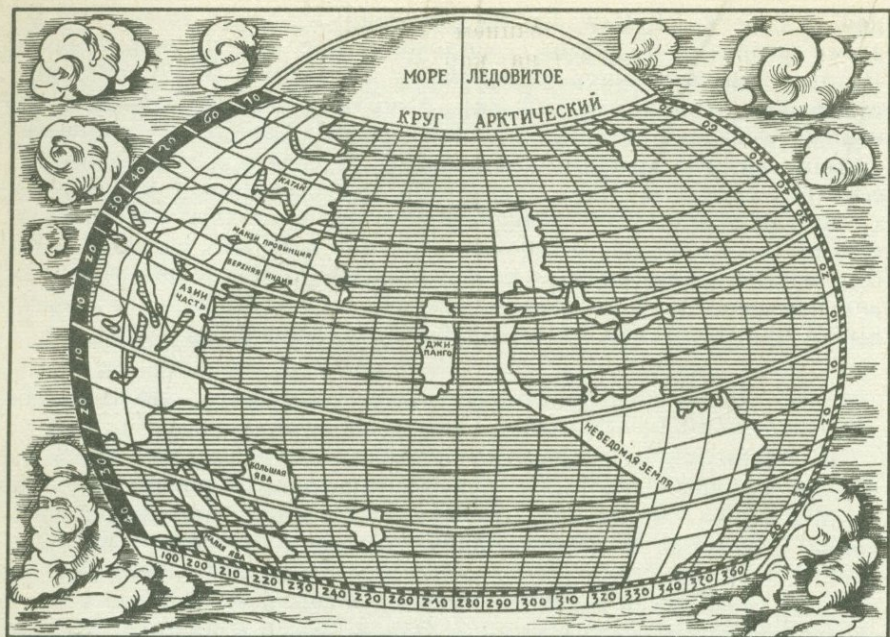
Происхождение названия «Америка»

В г. Сен-Дье, в Лотарингии, в начале XVI в. возник географический кружок, в который входило несколько молодых ученых. Один из них — *Мартин Вальдземюллер* — написал небольшое сочинение «Введение в космографию», изданное в 1507 г. вместе с двумя письмами Веспуччи¹ (в латинском переводе). В этой книжке впервые встречается название Америка. Указав, что древние делили обитаемую землю на три части — Европу, Азию и Африку, которые «получили свои названия от женщин», Вальдземюллер писал: «Но теперь... открыта четвертая часть Америго Веспуччи... и я не вижу, почему, кто и по какому праву мог бы запретить назвать эту часть света страной Америго² или Америкой». Вальдземюллер вовсе не хотел этим заявлением умалить славу Колумба. Для географов начала XVI в. Колумб и Веспуччи открывали новые земли в различных частях света. Колумб только шире исследовал Старый Свет — тропическую Восточную Азию. Напротив, Веспуччи «открыл четвертую часть света» — Новый Свет, неизвестный древним континент, который простирается по обе стороны экватора, как и Африка. Географический кружок в Сен-Дье воспринял письма Америго как известие об открытии нового материка. Но если он открыт, то нужно дать ему имя, «окрестить», и работу Вальдземюллера можно рассматривать как «свидетельство о крещении» Южной Америки. К своему труду, выдержавшему несколько изданий, М. Вальдземюллер приложил составленную им карту³, впервые изображавшую Землю в виде двух — восточного и западного — полушарий. Но не этот замечательный новаторский прием был главной особенностью его чертежа. В западном полушарии он показал соединенные перешейком сравнительно небольшую северную землю и значительную южную (названную «Неведомой землей» и «Америкой»). Их западные неизвестные берега он нанес условно прямыми линиями. За ними изображен океан, простирающийся от Север-

¹ См.: Письма Америго Веспуччи в сб. «Бригантина-71».

² Имя Америго по-латыни транскрибировалось как «Americus».

³ Позднее она была утеряна и обнаружена лишь в 1899 г.

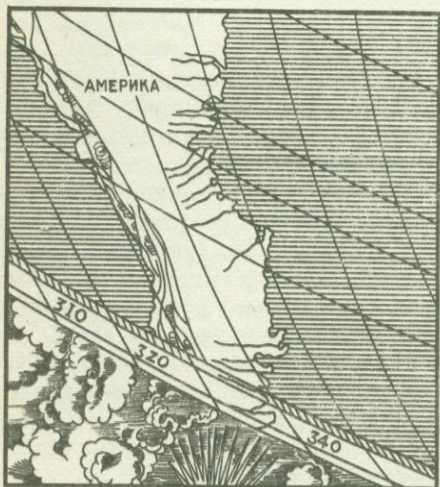

Западное полушарие на карте М. Вальдземюллера, 1507 г.

ного полярного круга до 40° ю. ш. В 10° западнее символического берега помещен о. Джипанго (Япония). Следовательно, новый двойной континент представлен не как часть Азии, а как преграда для ее достижения. Чтобы преодолеть ее, нужно, очевидно, обойти

Новый Свет на севере у 60° с. ш. — первое картографическое указание на Северо-Западный проход из Атлантического в «Восточный океан». Эта карта — результат гениальной догадки или счастливой небрежности лотарингского картографа и географа — вряд ли повлияла на картографию того времени.

Другие картографы оказались осторожнее М. Вальдземюллера. На карте мира голландца Йохана Рёйса (1508 г.) перешеек и надпись «Америка» отсутствуют — недавно открытый южный континент наречен «Землей Святого Креста или Новым Светом». Изображение

Деталь карты М. Вальдземюллера.

двойного материка с названием «Неведомая земля» для южной части вновь появляется на карте поляка *Яна Стобнички*, вышедшей в 1512 г. в Кракове и представляющей собой копию работы М. Вальдземюллера. На глобусе немецкого картографа *Йоханнеса Шёнера* 1515 г. перешеек опять исчезает: земля Париа́с, открытая в 1498 г. Колумбом, показана как большой остров, отделенный проливом на западе от Японии, а на юге от континента треугольной формы, снова названного Америкой, которая, в свою очередь, отделена на юге проливом от фантастической антарктической земли — страны Бразилии. Почти одновременно с глобусом появляются карты, где суша примерно с теми же очертаниями, что у Шёнера, носит имя Америка. Число таких карт к 20-м гг. все умножалось, но у всех была общая черта: Америкой называется только южный материк.

Представление о том, что земли к северу от Карибского моря составляют части особого континента, тоже «нового», тоже «неизвестного древним», возникло позднее, в связи с плаваниями 10—20-х гг. XVI в. Изображения двойного материка, основанные на действительных открытиях, появляются только после плавания *Джованни Верраццано* (см. ниже). Первым, кто распространил название «Америка» на северный континент, был фламандский картограф *Гергард Меркатор*. На карте 1538 г. он пишет на южном материке «южная часть Америки», на северном — «северная часть Америки». А в 1541 г. он разделил слово «Америка» на две части: «Аме» он написал на северном континенте, «рика» — на южном.

Со второй половины XVI в. название «Америка» утверждается за обоими материками на многих глобусах и картах, кроме испанских, — слава Веспуччи распространяется все шире, а о Колумбе начинают забывать. Только испанцы и итальянцы, правда не все, продолжают писать «Индии», «Западная Индия», «Новый Свет» и т. д. Несправедливость нового названия вызвала естественную реакцию. Сам Шёнер после 1515 г. выдвигал против Веспуччи обвинение в сознательном подлоге. Ту же мысль высказывал Лас Касас во «Всеобщей истории Индий». «Похвала и горькие порицания перемешаны в этом сочинении... ненависть и подозрение в подлоге усиливаются по мере того, как все более и более распространяется слава флорентийского морехода... — писал А. Гумбольдт. — Что касается имени великого континента... то [это] памятник человеческой несправедливости. Вполне естественно... приписать причину такой несправедливости тому, кто казался в этом наиболее заинтересованным. Но изучением документов доказано, что ни один определенный факт не подтверждает этого предположения. Название «Америка» появилось в отдаленной [от Испании] стране благодаря стечению обстоятельств, которые устраняют всякое подозрение против Америго Веспуччи... Стечение счастливых обстоятельств дало ему славу, а эта слава в течение трех веков ложилась тяжким грузом на его память, так как давала повод к тому, чтобы чернить его характер. Такое положение очень редко в истории человеческих несчастий. Это пример позора, растущего вместе с известностью».

ПОРТУГАЛЬСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В ЮЖНОЙ АЗИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ АФРИКИ

Индийская экспедиция Кабрала

Отойдя 2 мая 1500 г. от новооткрытого «острова Вера-Круш» (Бразилия), 11 кораблей португальской эскадры Педру Алвариша Кабрала пересекли Атлантический океан к югу от экватора на пути к мысу Доброй Надежды. Во время бури недалеко от мыса (в конце мая) четыре судна погибли со всеми людьми, в том числе и то, которым командовал Бартоломеу Диаш. Только шесть судов (о судьбе седьмого под командой Диогу Диаша, брата Бартоломеу, см. ниже) довел Кабрал до Малинди, а оттуда — опять-таки с помощью опытных лоцманов-арабов — до Каликута (ныне Кожикод), к середине сентября 1500 г. Однако под давлением арабских купцов и духовенства местные жители отказались торговать с португальцами, напали на тех, кто поселился на берегу, и убили около 50 человек. Кабрал ответил бомбардировкой незащищенного города и сжег десяток арабских судов, но у него было слишком мало сил, чтобы подчинить себе Каликут. Тогда он обратился к правителям соседних портовых городов Кочин (Коччи) и Каннанур и предложил им начать торговлю с португальцами. Соседи враждебно относились к Каликуту и продали чужестранцам большое количество пряностей, ароматических веществ, легких местных тканей, лекарственных растений и т. д.

В середине января 1501 г. Кабрал двинулся в обратный путь. У Мозамбика один из кораблей по небрежности капитана сел на мель и дал течь. Люди и большая часть груза были спасены, а пришедшее в полную негодность судно сожжено. У юго-восточного побережья Африки одно судно отделилось во время бури и первым вернулось в Лиссабон. В конце июня 1501 г. Кабралу удалось в Атлантическом океане собрать остальные четыре корабля, а у о-вов Зеленого Мыса к ним присоединилось еще судно Диогу Диаша. Все они прибыли в Португалию в конце июля 1501 г. Несмотря на потерю шести судов, ценность доставленного груза была так велика, что продажа его вдвойне покрыла все расходы на экспедицию. Однако Кабрала, может быть именно из-за его удачи, больше никогда не направляли в Индию.

Высокую прибыль дала также экспедиция Жуана да Новы, посланного за пряностями в Кочин. Флотилия из четырех судов вышла

из Лиссабона 5 марта 1501 г. и на пути в Индию, в тропической полосе, натолкнулась на о. Вознесения. Близ Каликута португальцы подверглись нападению множества мелких арабских судов, блокировавших выход из бухты. Морской бой длился от рассвета 16 декабря 1501 г. до глубокой ночи. Нова вышел победителем, не имея потерь, забрал в Кочине груз пряностей и лег на обратный курс. В Южной тропической Атлантике 22 мая 1502 г. он открыл обитаемый о. Св. Елены.

Вторичное открытие Мадагаскара

Диогу Диаш, потеряв из виду флотилию Кабрала во время майской бури 1500 г., обогнул Южную Африку, уклонился слишком далеко на восток и лишь 10 августа натолкнулся на какую-то землю. Считая, что это восточное побережье Африки, он двинулся на север и внимательно «высматривал» порт Мозамбик, но все старания были напрасными — хорошо известный португальцам пункт не появлялся. Д. Диаш продвинулся на север на большое расстояние и потерял сушу из виду (мыс Амбр, северная оконечность Мадагаскара). Вот тогда он понял свою ошибку: новая земля, принятая им за берег материка, оказалась огромным островом, восточное побережье которого он проследил почти на 1500 км. Д. Диаш вернулся, высадился в укромной бухте и набрал питьевой воды. Отправленный на разведку преступник обнаружил селение нагих черных туземцев, снабдивших моряков провизией. Несколько дней португальцы оставались в бухте, «сбитые с ног» лихорадкой, а затем двинулись на север и добрались наконец до африканского берега севернее г. Малинди (у 3° ю. ш.), где рассчитывали присоединиться к флотилии Кабрала. Но Д. Диаш считал, что они находятся все еще южнее Мозамбика (у 15° ю. ш.), и упорно продолжал идти на север, пока не попал в Аденский залив. Он вошел в один из портов на северном берегу п-ова Сомали и здесь понял свою ошибку.

Большинство моряков болело цингой; он распорядился высадить часть больных в арабском городе и для ухода за ними — несколько здоровых людей. На борту осталось около 40 человек, из них половина — тяжелобольных. Местные арабы перебили на берегу всех португальцев и на лодках пытались захватить корабль, но были отбиты орудийным огнем. Д. Диаш немедленно повернул обратно и через три месяца, потеряв еще 25 человек, добрался до о-вов Зеленого Мыса, где встретил флотилию Кабрала, возвращавшуюся домой. Д. Диаш вернулся в Португалию в 1501 г. без ценного груза, но зато оказался первым европейцем, обогнувшим Африку от Аденского залива до Гибралтара. На родине решили, что обнаруженный им остров соответствует «воображаемому» о. Мадагаскар¹, помещенному примерно под теми же широтами на глобусе М. Бехайма

¹ Диаш назвал его Сан-Лоренсу — в честь святого, в чей день был открыт остров.

и имеющему фантастические очертания да к тому же «разрезанному» на два острова. Доставленные в Европу Д. Диашем первые точные сведения о Мадагаскаре использовал итальянский картограф *Альберто Кантино*. На составленной им в 1502 г. карте дано самое раннее довольно верное изображение одного из величайших островов Земли (596 тыс. км²).

Вторая экспедиция Васко да Гамы

Начальником новой большой экспедиции, снаряженной после возвращения Кабрала, был назначен Васко да Гама. Часть флотилии (15 судов) оставила Португалию в феврале 1502 г. В Мозамбикском проливе одно судно потерпело крушение, команда спаслась. По выходе из пролива Гама подошел к г. Килва (у 9° ю. ш.), вероломно заманил на свой корабль его правителя и под угрозой смерти обязал платить ежегодную дань португальскому королю. В Килве к Гаме присоединились три позднее вышедших судна (два других отстали во время шторма и самостоятельно дошли до Малабарского берега).

За экватором Гама, вероятно, с целью разведки пошел, не удаляясь далеко от суши, вдоль берегов Аравии и Северо-Западной Индии до Камбейского залива, а оттуда повернул на юг. Люди Гамы заболели цингой, многие умерли; на о. Анджидив были высажены 300 больных. У Каннанура корабли Гамы напали на арабское судно, идущее из Джиббиджи (гавань Мекки) в Каликут с ценным грузом и 400 пассажирами, главным образом паломниками. Разграбив судно, Гама приказал матросам запереть в трюме команду и пассажиров, среди которых было много стариков, женщин и детей, а бомбардирам — поджечь судно. Несчастные вырвались из трюма и стали тушить огонь; Гама приказал стрелять по ним и снова поджечь судно. Четыре дня продолжалась эта неравная борьба: португальцы не решались подойти к судну и взять его на abordage, так как гибнущие люди швыряли на палубы атакующих кораблей горящие бревна и доски. Обожженные, полуобезумевшие люди кидались в воду и тонули. «После столь продолжительной борьбы, — говорит очевидец-португалец, — адмирал поджег это судно с великой жестокостью и без малейшей жалости, и оно сгорело со всеми, кто был на борту». Сняли с судна по приказу Гамы только 20 мальчиков. Их отослали в Лиссабон, крестили, и все они стали монахами.

Заклучив союз с правителем Каннанура, Гама в конце октября двинул флотилию против Каликута. Начал он с того, что повесил на реях 38 рыбаков, предлагавших португальцам рыбу, и бомбардировал город. Ночью он приказал снять трупы, отрубить головы, руки и ноги, свалить туловища в лодку и бросить в воду; к лодке прикрепил письмо, что такова будет судьба всех граждан, если они будут сопротивляться. Прилив вынес лодку и обрубки трупов на берег. На следующий день Гама опять бомбардировал город, разграбил и сжег подходившее к нему грузовое судно. Оставив семь

кораблей для блокады Каликута, он отослал в Каннанур за пряностями два других корабля, а с остальными пошел за тем же грузом в Кочин.

После двух «победоносных» стычек у Каликута с арабскими судами Гама в феврале 1503 г. повел корабли обратно в Португалию, куда и прибыл в октябре 1503 г. с грузом пряностей огромной ценности. После этого успеха пенсия и другие доходы Гамы были значительно увеличены, позднее он получил графский титул, но на много лет его отстранили от всякой деятельности. Только в 1524 г. он был назначен вице-королем Индии, отправился туда в апреле, достиг Гоа, перешел затем в Кочин и там умер в конце 1524 г.

В 1503 г. в Индийском океане осталось несколько судов флотилии Гамы под командой его дяди *Висенти Судре*. Они крейсировали близ Аденского залива и перехватывали арабские суда, идущие из Красного моря к берегам Индии, подрывая, таким образом, египетско-индийскую торговлю.

Португальцы у берегов Мадагаскара

Открытие Д. Диаша в Португалии не придали значения: занятые «освоением» африканских берегов и индийскими делами, португальцы забыли о Мадагаскаре, но открытия береговой линии острова продолжались «самотеком». В 1503 г. король Мануэл направил в Индию очередную флотилию из семи судов, разделив ее на две части: одной командовал *Афонсу Албукерки*, другой — его двоюродный брат. Во время шторма у мыса Доброй Надежды Албукерки потерял один корабль, сбился с курса и попал к большой отмели у острова, позже названного о. Честерфилд, близ северо-западного выступа Мадагаскара (мыс Сент-Андре, у 16° ю. ш.). Возможно, моряки обследовали этот полуостров. В начале февраля 1506 г. шесть судов с грузом пряностей и восточных товаров, отплывшие в Португалию из индийского порта Каннанур, натолкнулись на маленький остров, нанесенный ими на карту под названием Алойа (о. Провиденс, у 9° ю. ш.), к северо-северо-востоку от Мадагаскара. Держась южного курса, моряки подошли к берегу, принятому ими за Африку, но оказавшемуся восточным побережьем Мадагаскара. На 10 каноэ, вышедших навстречу кораблям, находились черные люди, вооруженные копьями и луками. Португальцы захватили двоих воинов и получили от них скудную информацию — «переговоры» велись без переводчика — о гвоздике, имбире и серебре; эти сведения чрезвычайно взбудоражили моряков. Продолжая плавание к югу, они нанесли на карту большую часть восточного берега острова до его южной оконечности, мыса Сент-Мари, и благополучно достигли родины.

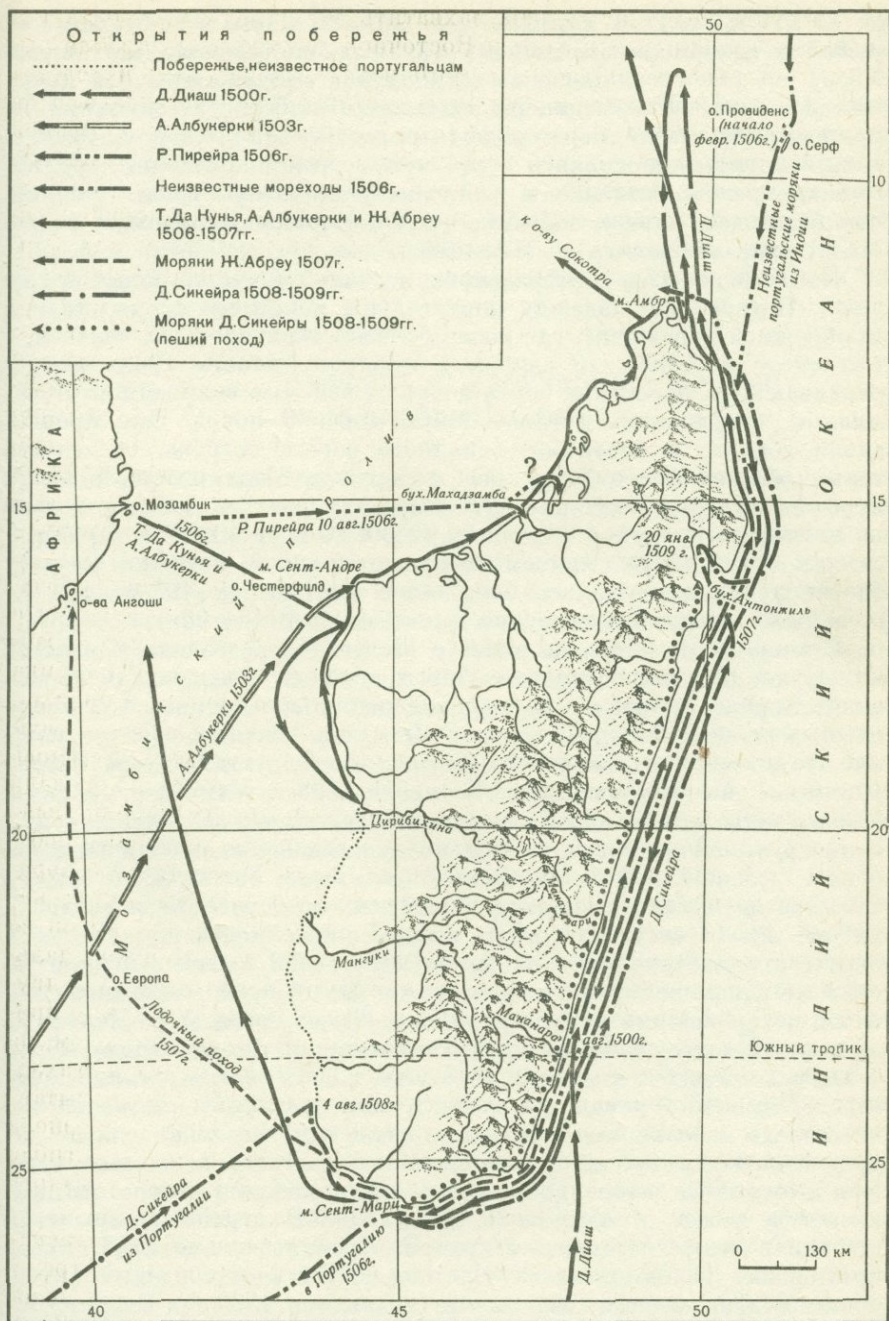
В марте 1506 г. из Португалии к берегам Африки отправилась крупная эскадра из 14 судов, возглавляемая *Триштаном да Куньей*, пятью кораблями командовал А. Албукерки. Королевская инструкция предписывала перерезать морские коммуникации арабов меж-

ду Красным морем и Индией, захватить о. Сокотра, построить там крепость и блокировать пути к Восточной Африке. На корабли были посажены 1300 солдат. С самого начала экспедицию преследовали несчастья: от чумы, эпидемия которой свирепствовала в те дни в Лиссабоне, на борту умерло несколько моряков, мыс Доброй Надежды они обошли слишком далеко к югу, попали в холодную область и часть команды погибла от холода. В октябре 1506 г. португальцы обнаружили затерянную в океане группу вулканических островов, названных в честь командующего — на наших картах Тристан-да-Кунья; правда, еще раньше — 6 февраля 1506 г. — ее открыли моряки корабля *Вашку Гомиша Абреу*.

Эскадра да Куньи прибыла в Мозамбик в начале декабря. К этому времени власти порта располагали некоторыми сведениями о положении Мадагаскара и получили сенсационное известие о богатстве острова серебром и пряностями. Об этом сообщил капитан *Руй Пирейра*: судно под его командой натолкнулось на северо-западный берег острова и 10 августа 1506 г. вошло в одну из бухт, названную Формоза («Прекрасная»); к кораблю подошло каноэ с туземцами, украшенными серебряными браслетами. Моряки увидели у них немного имбиря и гвоздики.

Да Кунья, узнав о плавании Пирейры, принял решение проверить слухи, пока часть судов его флотилии находилась в ремонте и пополнялась их команда. Он возглавил флотилию из семи кораблей и в сопровождении А. Албукерки проследовал из Мозамбика на юго-восток. 8 декабря португальцы достигли мелководья близ западного побережья Мадагаскара (у 17° ю. ш.). Налетевший северный ветер отнес суда к югу примерно на 300 км, и здесь они вновь попали на мелководье. Двигаясь лишь днем, моряки продавали обратный путь на север, не теряя берега из вида. Страна была населена людьми, не понимавшими языка жителей восточного побережья, представителей которых да Кунья взял в качестве переводчиков. Он не обнаружил и следов специй, за исключением небольшого количества имбиря, и не смог выяснить, растет ли он во внутренних районах острова. Для обеспечения безопасности дальнейшего каботажного плаванья он приказал захватить лодку с двумя туземцами, ставшими лоцманами поневоле. Суда осторожно продвигались на северо-восток и вошли в большой залив с островом, на котором располагалась крупная арабская фактория, — бухта Махадзамба. Близ 15° ю. ш. португальцы разграбили факторию, а пытавшихся спастись бегством топили — вода в заливе вскоре почернела от корпусов перевернутых лодок. По подсчетам Албукерки, погибло более 1 тыс. человек, многие попали в плен; трофеи же оказались жалкими — немного золота и серебра.

В конце декабря недалеко от северной оконечности Мадагаскара флотилия разделилась: четыре судна направились к Сокотре, а три других продолжили обследование острова. Вскоре, правда, один корабль затонул, второй вернулся в Мозамбик, и лишь судно *Жуана Гомиша Абреу* обогнуло мыс Амбр и двинулось на юг вдоль восточного побережья. У устья р. Мататана, очевидно Манандзари

Португальские открытия побережья Мадагаскара
(по В. И. Магидовичу).

(у 21°21' ю. ш.), к кораблю подошли 20 каноэ с подарками — рыбой и сахарным тростником. Дружелюбие туземцев вдохновило Абреу на рекогносцировочное сухопутное путешествие. На лодке он с большей частью офицеров высадился на берег, но внезапно обрушившийся шторм перегородил проход песчаным баром. Расчистить эту преграду удалось через четыре дня с помощью орудийных выстрелов. Оставшиеся на судне, услышав выстрелы, решили, что береговая партия погибла, подняли якорь и, обогнув с юга Мадагаскар, добрались до Мозамбика.

Когда лодка Абреу выбралась из песчаной ловушки, корабль уже ушел. Потерявшие надежду португальцы некоторое время жили в прибрежной деревушке, где после болезни скончалось 12 человек, в том числе и Абреу. 13 здоровых моряков, оставив троих выздоравливающих, нарастили борта лодки и, ведомые величайшим оптимизмом, отправились в тяжелейший морской поход. Они прошли вдоль южного и части юго-западного берега острова, обследовав таким образом более 3 тыс. км побережья Мадагаскара, и взяли курс на северо-запад; пресную воду им удалось добыть только на маленьком островке Европа (у 22°30' ю. ш. и 40°30' в. д.) после стычки с туземцами, причем несколько моряков погибло. Одиссея благополучно завершилась близ о-вов Ангоши (у 40° в. д.): их подобрало португальское судно и доставило в Мозамбик.

Сумма полученных сведений о Мадагаскаре создала у властей иллюзию о богатстве острова имбирем лучшего качества, чем индийский. Короля привели в восторг заверения «очевидцев» о наличии на острове специй и драгоценных металлов, главным образом потому, что он находится значительно ближе к Португалии, чем Индия. Для проверки этих сообщений 4 апреля 1508 г. Мануэл направил к Мадагаскару четыре корабля под командой *Диогу Лопиша Сикейры* с инструкцией провести тщательное исследование западного побережья; главной же целью экспедиции была Малакка. 4 августа Сикейра коснулся низменного юго-западного берега Мадагаскара у 24° ю. ш., 10 августа обогнул южную оконечность острова и — в нарушение инструкции — направил двух своих людей в пешую экскурсию вдоль восточного побережья с двумя проводниками-индийцами, потерпевшими кораблекрушение 30 лет назад. У р. Манандзари португальцы выбрали двух соотечественников из отряда Абреу и двинулись далее к северу. Они шли по низменному и плоскому берегу, лишенному заливов и бухт, переправлялись через многочисленные небольшие полноводные реки и нигде не видели следов драгоценных камней и пряностей. Надежда гасла с каждым днем. Как выяснилось позже, специи попали на остров в результате крушения у устья р. Мананара (близ Южного тропика) яванской джонки с этим драгоценным грузом. Приблизительно с 18° ю. ш. приморская равнина стала сужаться, берег потерял прямолинейность. В день святого Себастьяна (20 января 1509 г.) Сикейра открыл единственный крупный залив восточного побережья — бухту Антонжил, завершил обследование 2 тыс. км береговой полосы у мыса Амбр и развеял надежды о богатстве Мадагаскара специями и

золотом. И тем не менее на карте *Диогу Рибейры* 1519 г. он назван «островом, богатым золотом». Все исследователи отмечали горы, протягивающиеся в отдалении от моря.

Островное «ожерелье» Мадагаскара — вулканические Коморские и Маскаренские, коралловые Амирантские и сложенные гранитами и сиенитами Сейшельские о-ва — было обнаружено португальцами, вторично после арабов, в начале XVI в. Наибольшую известность позже получили два острова из группы Маскаренских — Маврикий и Борбон, ныне Реюньон, выявленные *Перу Машкареньяшем* в 1507 г. Тогда они были необитаемы, и потому португальцы не обратили на них должного внимания.

Алмейда и Албукерки — первые вице-короли Индии

Ежегодно посылая флотилии в Индию, португальское правительство решило совершенно уничтожить египетско-арабскую морскую торговлю с этой страной. Учреждена была должность вице-короля Индии, и первым на нее назначен *Франсишку Алмейда*. Он отплыл из Лиссабона в марте 1505 г. во главе большой военной флотилии: на борту его 22 кораблей находилось около 1500 солдат. Штормы у берегов Южной Африки сильно мешали плаванию, и 22 июля лишь восемь судов достигли Килвы. Он захватил и разграбил город, а затем построил там форт. Опираясь на этот пункт, Алмейда разграбил ряд городов на берегах Восточной Африки, нанес смертельный удар арабскому могуществу на побережье и заложил фундамент португальского господства в Индийском океане. Он организовал торговую факторию в Кочине, который с того времени стал крупнейшим малабарским портом. Его корабли охотились за арабскими и иранскими судами на Аравийском море.

В период правления Алмейды на розыски команд двух португальских кораблей, потерпевших крушение у опасных берегов Африки, 19 ноября 1505 г. из Лиссабона отправились два судна под командой *Сиды Барбуду*. В задачу этой первой специальной гидрографической экспедиции входило детальное изучение южного и части юго-восточного берега материка. У Столовой бухты, куда он прибыл в конце апреля 1506 г., Барбуду перешел с большого корабля на каравеллу. Согласно инструкции, он должен был держаться как можно ближе к берегу, действовать только днем, а к ночи становиться на якорь; ему рекомендовалось не оставлять неизученным ни одного участка побережья. Барбуду начал работу от р. Тауригс ($34^{\circ}20'$ ю. ш., 22° в. д.), но из-за плохой погоды далеко не всегда соблюдал инструкцию. Осмотрев около 2,3 тыс. км береговой линии континента до о. Базаруто ($21^{\circ}40'$ ю. ш., $35^{\circ}30'$ в. д.), он не обнаружил никаких признаков пропавших моряков. Обследование пришлось прекратить, так как в Софале сложилась тяжелая обстановка, и Барбуду вынужден был оставить там каравеллу и часть провизии.

А. Албукерки (с рисунка XVI в.).

В 1507 г. эскадра, посланная из Лиссабона под командой Афонсу Албукерки, направилась к Ормузскому проливу. Португальцы разграбили и сожгли поселки у пролива, убили и захватили в плен много иранцев и арабов. Всем пленным Албукерки приказал отрезать носы, кроме того, мужчинам — правые руки, а женщинам — уши. Затем, обстреляв иранские суда, Албукерки захватил г. Ормуз, наложил на него дань и построил там форт. (Вскоре, однако, португальцы были оттуда изгнаны.) Через год египтяне сделали первую, и единственную, попытку защитить свою индийскую морскую торговлю. С помощью венецианцев они снарядили большой

флот в Красном море и разгромили небольшую португальскую эскадру, крейсировавшую у северных берегов Аравийского моря. Ф. Алмейда собрал тогда все свои силы и в 1509 г. наголову разбил египтян в морском сражении у о. Диу. В том же году победитель был отозван в Лиссабон, а вместо него вице-королем Индии назначен А. Албукерки. На обратном пути 1 марта 1510 г. Алмейда высадился с небольшим отрядом на берег у мыса Доброй Надежды и во время стычки был убит готтентотами.

При А. Албукерки, которого португальцы прозвали «Великим», они стали бесспорными «владыками торговли» в Индийском океане. Они заложили ряд крепостей на западном берегу Индостана и господствовали над крупнейшими индийскими портовыми городами. Ни одно купеческое судно не смело плавать в Индийском океане без португальского паспорта, так как португальские военные корабли сторожили важнейшие морские пути, ведущие к берегам Индии, топили или захватывали суда, плававшие в этих водах без их разрешения, а с моряками расправлялись, как с пиратами. Арабские портовые города в Восточной Африке платили дань португальцам. Они проникали в Красное море, завязывали торговлю с христианской Эфиопией, нападали на западные аравийские порты, начали разведку глубинных районов Африканского материка.

Важнейшим португальским опорным пунктом в Индии стал г. Гоа; Албукерки впервые захватил его после двухмесячной блокады в марте 1510 г. В мае, когда к Гоа подошла сильная неприятельская армия, он организовал чудовищную резню горожан, пощадив лишь немногих, главным образом богачей, за которых рассчитывал получить выкуп. Затем он оставил Гоа, но через несколько месяцев

вернулся туда с большим подкреплением, в конце ноября 1510 г. завладел им окончательно и повторил резню. В письме к королю он сообщал, что там было убито 6 тыс. человек — мужчин, женщин и детей. В 1515 г. А. Албукерки вторично захватил Ормуз (португальцы удерживали его в течение ста с лишним лет). Там Албукерки получил сообщение, что его отзывают в Португалию. Он был тяжело болен, направился морем в Западную Индию и умер на корабле на виду у Гоа. В предсмертном письме к королю он указывал, что «все индийские дела улажены». Письмо кончалось советом: «...Если вы хотите прочно владеть Индией, по-прежнему действуйте так, чтобы она могла сама себя поддерживать». Иными словами, умирающий Албукерки советовал королю добывать по его примеру средства для господства над Индией в самой Индии, путем ее ограбления. Так и поступали в XVI в. португальские преемники Албукерки¹, а с XVII в. — соперники португальцев, вытеснившие их из «Индий», — голландцы, французы, англичане.

Фернандиш в Мономотапе

О золотоносных областях Африки, расположенных западнее побережья Индийского океана, португальцы слышали, едва обосновавшись в Софале (у 20° ю. ш.). Очевидно, от арабских торговцев они узнали, что основным поставщиком желтого металла было государство Мономотапа, правильное Мвене Мутапа, постоянно находившееся в состоянии войны с другими, менее крупными «странами золота». В 1501 г. в Софале с одного из судов П. Кабрала за какое-то преступление на берег высадили корабельного плотника *Антониу Фернандиша* (не смешивать с его однофамильцем и тезкой португальским миссионером, действовавшим в Эфиопии в начале XVII в.). К 1511 г. ссыльный плотник хорошо изучил ряд языков приморской области и, вероятно, предложил свои услуги властям Софалы в качестве разведчика глубинных районов. В первое путешествие он отправился в январе 1511 г., поднявшись по р. Бузи, впадающей в океан у 20° ю. ш., к возвышающемуся над прибрежной низменностью меридиональному сбросовому уступу Иньянгани. Фернандиш обогнул его с юга и по долинам обнаруженной им р. Сави-Саби и ее левому притоку Одзи впервые проник на плоскогорье Матабеле со слабоволнистой поверхностью и многочисленными островными горами — водораздел рр. Замбези, Лимпопо и Саби. Пройдя на север близ западного склона уступа к перевалу у 19° ю. ш., он побывал в «стране слоновой кости», в верховьях р. Пунгве, впадающей в океан чуть севернее р. Бузи. Затем Фернандиш через перевал вновь вернулся на плоскогорье, посетил золотые рудники верхнего течения р. Мазоз, одной из составляющих

¹ Преемник Албукерки на посту вице-короля Индии *Лопу Суариш Албергариа* в 1518 г. возглавил экспедицию на о. Шри-Ланка. Его офицеры нанесли на карту всю (более 1200 км) береговую линию острова; одновременно был исследован Коромандельский берег Индостана.

Лвенги, правого притока Замбези, и наконец прибыл в ставку верховного вождя Мономотапы, находившуюся в то время в 120 км к северо-северо-востоку от нынешнего г. Солсбери. Он преподнес вождю подарки от губернатора Софалы и заручился его поддержкой, благодаря чему смог выполнить несколько сравнительно коротких маршрутов. В семи днях пути к западу от резиденции, т. е. в 200—210 км, Фернандиш побывал на огромной реке, текущей с юга и отделяющей Мономотапу от «страны Момбара, богатой медью». На ее берегах шла бойкая меновая торговля. Там он встретил «очень плохо сложенных, низкорослых людей» — очевидно, речь идет о р. Замбези, на небольшом отрезке у 16° ю. ш. имеющей меридиональное течение, и бушменах. К югу от ставки через 15 дней пути Фернандиш достиг границы земель племен машона и матабеле (у 18° ю. ш.). Ему удалось выяснить расположение ряда золотых рудников и собрать сведения о «стране Бутуа», богатой золотом области в центре современного государства Зимбабве (у 19—20° ю. ш.). Идти дальше на юг он не решился: шла межплеменная война и у него иссякли дары для вождей. В Софалу Фернандиш вернулся в мае 1511 г. по водоразделу Замбези — Сави, вновь через перевал в устье и вниз по долине левого притока р. Бузи.

Во второе путешествие он отправился в начале 1513 г., поднявшись к перевалу в устье Иньянгани. Он передал вождю Мономотапы подарки из Софалы и, не задерживаясь в ставке, проследовал на юг, в «страну Бутуа», — к золотым рудникам на водоразделе Замбези — Сави (у 20° ю. ш.). Оттуда он вышел к верховьям р. Лунди (система Сави), по ее долине спустился к устью и, перейдя на верховья Бузи, прибыл в Софалу к середине 1513 г. Рассказ Фернандиша о торговых путях по золотоносным странам плоскогорья Матабеле, которое он пересек в широтном и меридиональном направлениях, о его многочисленных реках, о населяющих эти страны племенах губернатор Софалы включил в донесение королю и отметил, что разведчик проник в «глубинку» на 100 лиг (600 км); в действительности же самый западный пункт, достигнутый Фернандишем, находился от побережья в 720 км по прямой.

Третье его путешествие захватило весь 1513 г. и большую часть 1514 г. Он поднялся по Замбези от устья на 200 км, до впадения р. Шире и выяснил у местного князька, что этим путем пользовались арабы для торговли с Мономотапой. Вероятно, по его рекомендациям португальцы, правда далеко не сразу, начали строить укрепленные посты по берегам Замбези, среди которых выделился Тете, ставший главным центром «золотого бизнеса».

Португальцы в Индонезии

Еще Ф. Алмейда лично убедился в том, что торговля с одной только Индией не удовлетворит португальцев, так как самые ценные пряности растут не в самой Индии, а привозятся с далеких «Островов пряностей» через Малаккский пролив. Туда он и напра-

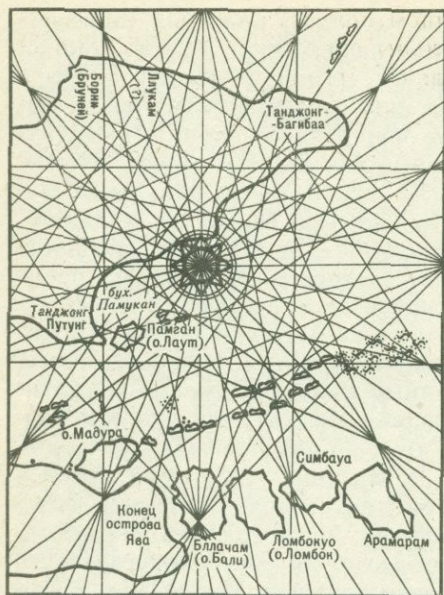
вил в 1509 г. новую экспедицию. С помощью арабских лоцманов из Кочина пять кораблей под общим начальством Диогу Лопиша Сикейры перешли к Северной Суматре, вошли в пролив и стали на якорь перед г. Малакка. Сикейра навязал правителю города выгодный для Португалии торговый договор и начал скупать в Малакке мускатный орех и гвоздику, которые там были гораздо дешевле, чем в Индии. Однако через несколько недель после нападения мусульман-малайцев на его корабли Д. Сикейра бежал из Малакки¹.

В феврале 1511 г. А. Албукерки подошел к Малакке, командуя флотилией из 19 судов, на борту которых находилось около 1400 солдат. Через своих тайных агентов он сговорился с влиятельными врагами правителя, опиравшимися на многочисленные группы иностранных купцов, и с их помощью захватил Малакку. Город он разграбил, но пощадил иностранные кварталы, кроме населенного выходцами из Гуджарата (Западная Индия), так как они поддерживали малайского правителя. Ученная добыча была огромна — в переводе на золото около 3,5 т. В Малакке Албукерки основал наблюдательный пункт. Через пролив мимо города двигались сотни кораблей. Португальцы останавливали их, но не грабили, а требовали одного: чтобы каждое судно принимало на борт португальского моряка. Так они узнали пути ко многим островам Индонезии. В том же, 1511 г. португальцы достигли густонаселенной Явы и, что для них было особенно важно, нашли путь к настоящим «Островам пряностей» — к Молуккам. Для их исследования в ноябре 1511 г. Албукерки направил флотилию из трех судов, возглавлявшуюся *Антониу Абреу*, одной из каравелл командовал *Франсишку Серран*, двоюродный брат Ф. Магеллана. В инструкции запрещались грабежи и насилия и рекомендовалось установить дружеские отношения с населением — португальцы слишком дорожили «пряным дном» и стремились стать монополистами в торговле специями для сохранения высоких цен на них на европейском рынке.

Абреу прошел вдоль северного берега Явы и высадился на побережье узкого пролива, отделяющего ее от о. Мадур. Вероятно, здесь он собрал дополнительные сведения об «Островах пряностей». Вскоре после выхода в море судно Серрана потерпело крушение, команду удалось спасти. Два оставшихся корабля пересекли моря Бали и Флорес; штурман экспедиции *Франсишку Родригиш* нанес на карту ряд островов, вытянувшихся цепочкой к востоку от Явы, в том числе Бали, Ломбок, Сумбава, Флорес, Алор и Тимор. Севернее небольшого о. Ветар (у 8° ю. ш.) Абреу повернул на север, пересек море Банда и высаживался на о-вах Буру и Амбон (у 4° ю. ш.), разделенных проливом Манипа. Затем экспедиция проследила весь южный берег узкого и длинного о. Серам и бросила якорь у его юго-восточной оконечности.

Воспользовавшись стоянкой, Родригиш собрал сведения о мелких островах близ Серама, о его северном побережье и получил

¹ По этому поводу испанцы язвили: «Eslavos, no clavos» («рабы — не пряности»), намекая, что в Африке португальцам было значительно легче.

Часть Больших Зондских о-вов (эскиз карты Ф. Родригеша).

На обратном пути в море Банда джонка Серрана наскочила на рифы и затонула, 10 морьякам во главе с капитаном удалось добраться до о. Амбон; остальные суда благополучно достигли Малакки в декабре 1512 г. После многочисленных приключений, включая захват пиратской джонки, Серран и его спутники проследовали на север в Молуккское море и в 1512 г. прибыли к о. Тернате (у 1° с. ш.), близ западного побережья о. Хальмахера. Они оказались первыми европейцами, побывавшими на настоящих «Островах пряностей». Вскоре Серран стал военным советником султана острова и помогал ему в военных действиях против соседнего о. Тидоре¹. По его сведениям, достигшим Малакки в середине 1513 г., насчитывается всего пять островов, где выращивают специи, — Тернате, Тидоре, Мотир, Макиан и Бачиан; «они могут производить около 6 тыс. бахаров [около 1100 т. пряностей] ежегодно».

Почти за девять лет пребывания на Тернате Серран (он умер в 1521 г.) мог посетить некоторые острова огромного архипелага. Очевидно, он побывал на о. Джилоло (Хальмахера) и верно указал его северное окончание близ о. Моротай (у 2° с. ш.), богатого попугаями, но значительно удлинил на юг — до широты о. Серам. Серран посетил и островные группы Сула и Бангай, лежащие на юго-западе от Тернате (за Молуккским морем), откуда к «пряному» султану поступали изделия из железа. Можно предположить, что он

¹ В 1515 г. к Тернате и Тидоре на двух судах подошел Альвару Куэлью; враждующие султаны продали ему много гвоздики и позволили основать фактории, ища у пришельцев поддержки в борьбе с «домашним» врагом.

неверно им понятую информацию о каком-то крупном «острове Папуа»: на своей карте остров с таким названием он поместил к северу от Серама — в этом пункте на современных картах находится о. Хальмахера. Но совершенно очевидно, что информаторы Родригеша имели в виду Новую Гвинею — об этом красноречиво свидетельствует надпись: «Острова Папуа, и его люди являются кафраами»; к тому же п-ов Чендравасих, северо-западная оконечность гигантского острова, расположен к северо-северо-востоку от Серама. Из-за испортившейся погоды пришлось сняться с якоря и перейти к соседним небольшим о-вам Банда, где удалось приобрести китайскую джонку и закупить груз пряностей.

бывал также на северном и восточном полуостровах о. Сулавеси — возможно, «с его подачи» португальцы считали их отдельными островами. Некоторые факты позволяют предположить, что во время своих морских скитаний Серран достигал и о. Минданао: когда Ф. Магеллан прибыл к Филиппинам, жители одного островка сказали ему, что уже встречались с похожими людьми; около 1538 г. губернатор Молукк прямо сообщал о посещении Минданао Серраном.

Ф. Родригеш при возвращении в Малакку составил восемь карт, основанных на собственных наблюдениях и расспросных сведениях. На этих картах нанесены северный, восточный и юго-западный берега о. Калимантан. Правда, Родригеш ошибочно назвал его «Великим островом Макассар», спутав с Сулавеси, так как сведения португальцев о двух крупнейших островах архипелага были отрывочными и основывались на данных из вторых рук. К северу от Калимантана он показал огромную мель — это группа коралловых рифов, отмелей и около 100 островов, называемых ныне Наньшацуньдао, протягивающихся на 500 км. Восточнее помещен остров, по форме и размеру весьма похожий на о. Палаван, юго-западный «форпост» Филиппинского архипелага. Между Калимантаном и Молукками он разместил несколько островов — первое схематическое изображение о. Сулавеси, имеющего на наших картах очень причудливые очертания, показав в том числе длинный и узкий о. Вдама, по форме напоминающий северо-восточный Минахаса.

В июне или июле 1512 г. в Малакке появился потомственный аптекарь *Томе Пириш*, полушпион, полудипломат, получивший «дополнительные полномочия» от А. Албукерки. Пириш побывал на Яве в марте — июле 1513 г. и, помимо успешных торговых операций, собрал из китайских, индонезийских и других источников сведения о Зондских о-вах. Пополнив их материалами Родригеша и данными Серрана, он в 1515 г. закончил свою книгу «Сума Ориентал», вскоре совершенно забытую и «открытую» вновь лишь в 1937 г. Она содержит историческое и экономико-географическое описание ряда стран — от Египта до Китая, — в котором основное внимание обращено на вопросы торговли и на политико-административное деление. В то же время работа Пириша — самый правдивый, полный и детальный рассказ о Южной и Юго-Восточной Азии первой половины XVI в., включающий пусть фрагментарные и скупые, но иногда сравнительно близкие к действительности физико-географические характеристики тогда почти неизвестных островов восточнее Явы. Об о. Калимантан Пириш имеет смутные представления, считая, что он состоит «из многих островов, больших и малых», и называет их «Центральными». Лишь более столетия спустя европейцам стало ясно, что это единый огромный остров. Вот почему все гавани, бухты и пункты южного, юго-западного и юго-восточного побережья Пириш описывает как отдельные острова; он отмечает о. Белитунг в проливе Каримата, о. Сате (Лаут) у юго-восточной оконечности Калимантана и впервые сообщает об «островах Луосе», отстоящих от него в 10 днях плавания, — первое для Европы упоминание о Филиппинском архипелаге, названном по крупнейшему о. Лусон.

Острова Макаassar, по Пиришу, находятся в четырех-пяти днях плавания к востоку от Калимантана, их много и протягиваются они в меридиональном направлении от о. Бутон (Бутунг) далеко на север; среди них он называет острова Селебе и Толо, располагающиеся к западу от Молукк, — это первое указание на о. Сулавеси, долгое время считавшийся архипелагом. Пириш дает подробную характеристику «Островов пряностей» и сообщает, что индонезийцы плавают «От Джилоло (южный полуостров Хальмахеры) к Папуа, лежащему в 80 лигах (480 км) от Банда» — приблизительно верное расстояние до о. Новая Гвинея. Кроме практически совсем неизвестных островов, Пириш описал также Яву, Бали, Ломбок, Сумбава, Flores, Алор и Ветар, а детальность его характеристики Суматры была превзойдена лишь через несколько веков — напомним, что здесь речь идет не о физико-географическом описании.

Португальцы у берегов Австралии и Новой Гвинеи

Одновременно с укреплением своих позиций на Молукках португальцы предприняли несколько плаваний на восток и юго-восток в поисках мифических «островов золота». Одно из них в 1522 г. завершилось первым — сознательным или случайным — посещением северо-западного побережья Австралии. Лавры первооткрывателя отдают *Криштовану Мендонсе*. Никаких подробностей плавания не сохранилось, но в 1916 г. в Западной Австралии, к югу от Земли Дампира, на берегу Залива Робак (у 18° ю. ш.), были найдены карронады — небольшие бронзовые пушки с португальской короной, отлитые не позднее начала XVI в. Португальцы нанесли побережье на свои засекреченные карты, частично дошедшие до нас. На французской карте дофина (около 1530 г.), составленной, видимо, по португальским источникам, к югу от Явы показана «Великая Ява», обрезанная на юге рамкой. Очертания ее несколько напоминают северо-западный выступ Австралии. Среди ряда французских надписей там есть одна португальская: «Судно, убирайся прочь отсюда». Эта же «Великая Ява» изображена на серии карт, составленных в 1542—1553 гг. — определенно по португальским материалам — картографами из г. Дьенпа. И на них имеется несколько названий явно португальского происхождения — «опасный берег», «мелкий залив», «терра анегада» («мели и рифы»?). Очевидно, португальские суда до 1540 г. иногда подходили к северному и северо-восточному берегам Австралии. Вероятно, это были хотя и многократные, но все же случайные плавания.

Невольным, случайным оказался и первый выход португальцев в открытый Тихий океан. В июне 1525 г. судно под командой *Диогу да Роша* направилось от о. Тернате к Сулавеси по торговым делам. В августе или сентябре он двинулся в обратный путь, но разгравшийся шторм отбросил корабль к северо-востоку примерно

на 1800 км, и эта неудача обернулась открытием у 9 или 10° с. ш. вулканического острова, окруженного коралловыми рифами — вероятно, о. Ян в Каролинском архипелаге (близ 138° в. д.), населенный «приветливыми людьми с почти черным цветом кожи и прямыми волосами». Команда оставалась здесь четыре месяца, ожидая попутного ветра и отдыхая: остров отличался очень приятным климатом. В январе 1526 г. Роша вернулся на Тернате; штурман корабля *Гомиш Сикейра* нанес остров на карту.

Другое открытие португальцев в водах Тихого океана вновь было делом случая. В августе 1526 г. из Малакки к «Островам приятностей» отправился *Жоржи Минезиш*, только что назначенный на пост губернатора Молукк. Он проследовал вдоль берегов Северного Калимантана через море Сулавеси к «месту службы». Но ветры и течения отбросили судно от о. Хальмахера на юго-восток, к какой-то земле, расположенной чуть южнее экватора. Судовой журнал Минезиша не сохранился, однако разрозненные сведения из португальских хроник первой половины XVI в. позволяют предположить, что он достиг о. Вайгео или мыса Ямурсба (близ 132°30' в. д.) на северном берегу п-ова Чендравасих, северо-восточной оконечности о. Новая Гвинея. Здесь, в гавани Верзижа, судно находилось несколько месяцев — с конца 1526 по начало 1527 г. Не исключено, что за это время Минезишу удалось обследовать побережье острова к востоку: на португальских картах того времени восточнее Молукк показывалась береговая линия большой протяженности. Более определенно об открытии Минезиша высказывается советский историко-географ Я. М. Свет, считающий, что португальцы проследили практически все (около 400 км) северное побережье п-ова Чендравасих, обнаружили залив Сарера, у западных берегов которого близ 134° в. д. провели несколько месяцев, ожидая сезонной смены муссона. Они первыми из европейцев познакомились с папуасами, а землю окрестили «Островами папуасов». Так началось открытие второго по величине острова планеты. Когда подул попутный ветер, Минезиш прошел вдоль берегов п-ова Чендравасих в обратном направлении около 500 км и, вероятно, проливом, носящим ныне имя Дампира, обогнув с юга о. Хальмахера, в мае 1527 г. достиг Тернате; впрочем, он мог обойти Хальмахеру и с севера. Португальские контакты с Новой Гвинеей после открытия Минезиша были, видимо, очень слабыми или вовсе отсутствовали.

Жажда наживы влекла португальцев дальше, на север, в дальневосточные моря. Они «открыли» для европейцев берега Восточной Азии, в 1517 г. завязали морскую торговлю с Китаем, в 1520 г. обосновались у берегов Южного Китая, в г. Макао (Аомынь). Первым португальцем, прибывшим к берегам Китая, был купец *Жоржи Алвариш*, добравшийся в 1513 г. на джонке в Кантон (ныне Гуанчжоу, у 22° с. ш., в устье р. Сицзян). В следующем году он вернулся с информацией о перспективности торговли с этой страной. Отчеты или судовые журналы первых плаваний португальцев в Южно-Китайское море не сохранились, скупая и разрозненная информация разбросана в многочисленных хрониках того периода и не-

скольких официальных письмах. Формально морская торговля с Китаем начинается с плавания в Кантон португальской эскадры, доставившей первое — и неудавшееся — посольство уже упоминавшегося Т. Пириша. По прибытии в Кантон командующий эскадрой направил вдоль побережья к северо-востоку судно *Жоржи Машкареньяша* «открывать» о-ва Рюкю. Тайваньским проливом он поднялся до Фучжоу (у 26° с. ш.) и, вернувшись в Малакку в конце 1518 г., указал путь тем португальским кораблям, которые через несколько лет вошли в порт Нинбо (у 30° с. ш.). Обосновавшись здесь, португальцы начали посещать Японские о-ва, но сначала это были, вероятно, спорадические контакты. Не позднее 1535 г. одно судно, подошедшее к тихоокеанским берегам Японии, сильным штормом, бушевавшим восемь дней, было отброшено в восточном направлении, как считали моряки. Когда океан утих, португальцы увидели два острова, населенные людьми, которые говорили на языке, отличном от китайского и японского. Купец-армянин, находившийся на корабле, провел успешные торговые операции — наиболее ценными приобретениями были серебро и шелк. Эти острова, найденные, по определению португальцев, в полосе $35\text{--}40^{\circ}$ с. ш., были названы «Островами армянина». Нет оснований считать изложенную историю, рассказанную на Молукках *Андресу Урданете* одним португальским капитаном, простой выдумкой. Конечно, на наших картах к востоку от Японии нет вообще никаких островов. Видимо, португальцы попали к северо-восточным берегам о. Хонсю, где разговорная речь отличается от диалекта Южного Хонсю, к тому времени в какой-то мере знакомого португальцам. Поиски этих островов, предпринятые позднее, привели, как и в ряде аналогичных случаев, к довольно крупным географическим открытиям.

В 1542 г. португальцам удалось наладить регулярные торговые контакты с Японией; одним из «виновников» этого события стал авантюрист и искатель приключений *Фернан Мендиш Пинту*. Португальскую активность в китайских водах, политическим итогом которой был лишь захват небольшой территории Макао (Аомынь), нельзя считать открытием, но благодаря ей европейцы получили сведения о побережьях ряда дальневосточных стран и островов.

В 1544 г. при попытке пройти на джонке Южно-Китайским морем в Макао португальский купец *Педру Фидалгу* был отброшен штормом к востоку. Приблизительно у 9° с. ш. он коснулся какой-то земли и шел вдоль ее берегов, как он считал, к северу до 21° с. ш. Об открытии П. Фидалгу, очевидно, вскоре стало известно: на одной из итальянских карт, появившейся после 1546 г., показан узкий и очень длинный (около 1500 км) остров, протягивающийся между 9 и 21° с. ш. Не исключено, впрочем, что результаты его плавания были отражены на не дошедшей до нас португальской карте, с которой перекочевали на итальянскую. Южное окончание мнимого единого острова соответствует гористому о. Палаван (около 450 км), северное — побережью о. Лусон и о-вам Бабуян и Батан; центральная же часть этой земли представляет собой несколько мелких островов из группы Каламиан и о. Миндоро.

АРАБСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА И АФРИКИ КОНЦА XV—НАЧАЛА XVI В.

Сулейман и опись берегов Индийского океана

Последним великим арабским муаллимом, т. е. капитаном-наставником, следует считать *Сулеймана Ибн Ахмеда Ибн Сулеймана ал-Махри*, уроженца, как и Ибн Маджид, Южного Хадрамаута, в дальнейшем мы будем называть его просто Сулейманом. Потомственный моряк и опытный мореход, он побывал в портовых городах многих стран бассейна Индийского океана и обошел практически все берега этой акватории. Из пяти его работ по навигации, известных нам, самая важная «Ал-Умда ал-махрийа фи дабт ал-улум ал-бах-рийа» — «Опора из Махри в закреплении морских наук». Основанная главным образом на собственных материалах Сулеймана, она была создана в 1511 г. и полностью дошла до нас. В отличие от трудов Ибн Маджида, «Умда...», как отмечает *Д. Тиббетс*, упоминавшийся нами в т. 1, написана в прозе и легко читается. Она, возможно, самая ясная из всех арабских сочинений по навигации и во всех спорных и сложных случаях позволяет разъяснить работы Ибн Маджида. В ней приведено описание всех берегов Индийского океана и дано положение пунктов и значительных по протяженности участков береговой линии через правильные интервалы.

Как и Ибн Маджид, Сулейман характеризует лишь южную половину Красного моря и вносит в описание суданского побережья — «Барр ал-аджам», т. е. «Жаркий берег», — ряд дополнительных деталей, приведя положение мыса Абу-Шагарá (у 21° с. ш.), нескольких мелких бухт между ним и мысом Касар (у 18° с. ш.), а в Аденском заливе отмечает залив Таджура (у 12° с. ш.). К югу от мыса Гвардафуй Сулейман описал залив Биннах, мыс Хафун, крайнюю восточную точку материка ($51^{\circ}23'$ в. д.) и бухту за ним.

Далее к юго-западу вдоль практически прямолинейного низменного побережья п-ова Сомали до Могадишо на протяжении 1200 км он перечисляет все сколько-нибудь заметные точки, в том числе мысы Маббер, Габах, Ават и Асвад, где, по его словам, берег незначительно отклоняется к юго-западу. Между Могадишо и Момбасой (у 4° ю. ш.) Сулейман указывает несколько населенных пунктов, а также устье р. Джубы и о. Патта.

Южнее, на границе нынешних Кении и Танзании, он отметил маленький островок — здесь берег континента принимает южное направление; далее к югу он описал о. Пемба (арабы называли его Ал-Худра, т. е. «Зеленым островом») и о. Мафия, но об о. Занзибар Сулейман не упоминает вообще. Еще южнее ему известны мыс у устья р. Рувума (близ $10^{\circ}30'$ ю. ш.), ряд поселков, в том числе порт Мозамбик на небольшом островке (у 15° ю. ш.), и устье Замбези. Весь берег от Мозамбика до Софалы (у 20° ю. ш.) длиной около 1000 км он называет «Ал-Ахвар», т. е. «Эстуарии», что соответствует действительности. Далее к югу Сулейман отмечает несколько мелких островов близ побережья и мыс Барра (у 24° ю. ш.) — южный предел относительно точных знаний арабов о береговой линии материка. К югу Сулейман помещает бухту Ал-Шаджара, т. е. «Порт дерева», — очевидно, залив, на берегу которого позже вырос порт Лоренсу-Маркиш, ныне Мапуту. Как мы уже писали в главе 11 тома 1, арабы ходили и далее к югу и даже огибали мыс Доброй Надежды, но Сулейман об этом безмолвствует.

Представление о Мадагаскаре у него значительно более четкое, чем у Ибн Маджида. Хауфа, южная оконечность острова, по названию главного племени, помещена Сулейманом под 24° ю. ш., северная оконечность — Рас ал-Милх, т. е. «Мыс Соли» (ныне Амбр), — у 10° ю. ш. Иными словами, Мадагаскар «сдвинут» им к северу на два градуса. Форма острова, положенного на карту Д. Тиббетсом по данным Сулеймана, сравнительно близка к истинной. Правда, он неверно считал, что западный и восточный берега Мадагаскара параллельны от 15° ю. ш. до южной оконечности. На западном побережье он отметил опасную для судов гавань Лулуджан, т. е. залив Махадзамба (у $15^{\circ}30'$ ю. ш.), а далее к югу указываемые им точки с большой долей вероятности можно идентифицировать с современными; на восточном побережье много пунктов достаточно хорошо «ложится» на наши карты.

Опись южного берега Аравийского п-ова, выполненная Сулейманом, существенно дополняет материалы Ибн Маджида по этому региону: появляются бухта Эль-Айн (у 14° с. ш.), несколько мысов далее к северо-востоку, в том числе на гористом полуострове у 55° в. д., залив Саукира, где «круглый год находят прибежище морские змеи», и «Залив плавающей травы», т. е. Масира. Азиатские берега Оманского залива и Аравийского моря у него также охарактеризованы замераами, но через неравные и большие промежутки: он отметил мыс Кух, бухты близ мыса Джадди и залив Малан, включающий побережье от полуострова у $64^{\circ}64'$ в. д. до мыса Муари, близ Карачи, с заливом Сонмияни. На берегу полуострова Катхиявар, вновь через равные промежутки, он дает ряд точек, включая самую южную — Диу, бывшую португальскую колонию, — северную, в вершине Камбейского залива.

На западном побережье Южной Индии до мыса Кумари Сулейман лишь незначительно уточняет Ибн Маджида, но на восточном вносит ряд существенных дополнений. К северу от 18° с. ш. данные Сулеймана — единственный источник наших сведений о

Бенгальском заливе. В цепочке островов Ал-Шулам («Лестница», Адамов Мост наших карт) он отмечает Памбан, вход в оз. Чилка (у $19^{\circ}40'$ с. ш.), и дельту р. Маханади с мелями и о-вами Уилер, сообщая, что берег здесь получает северное направление до устья р. Хугли (у 88° в. д.) — западная часть дельты Ганга. В восточной ее части он обследовал устье р. Мегхна, самую северную точку его описи Бенгальского залива. Он верно представляет себе Лаккадивские о-ва (Джузур ал-Фал) в виде трех цепочек, а Мальдивские — одной длинной меридиональной цепи, вытянутой почти на 2 тыс. км, т. е. включает в нее архипелаг Чагос. Южный предел известных арабам островов в Индийском океане, по Сулейману, находится на широте Килвы и Коморских о-вов — с небольшой ошибкой это соответствует атоллу Диего-Гарсия, самому южному в архипелаге.

Внеся незначительные коррективы — при переписке труда Сулеймана вкрались две-три ошибки, Д. Тиббеттс нанес его данные на карту и получил довольно хорошее изображение о. Шри-Ланка. Сулейману известен северный (Пальмира) и южный (Дондра) мысы острова, а также ряд пунктов на берегах, включая Коломбо и Тринкомали. Значительно лучше, чем Ибн Маджид, он знаком с Андаманскими о-вами: кроме двух больших островов, он отмечает группу менее значительных к югу и два удаленных. Никобары, по Сулейману, отделенные от Андаман проливом, состоят — с севера на юг — из двух островных групп и двух более крупных отдельных островов; на юге, за проливом (Грейт-Чаннел) расположена Суматра и мелкие острова близ ее северной оконечности. Араканское побережье Бенгальского залива знакомо ему практически не лучше, чем азиатские берега Аравийского моря, так как район между Читтагонгом и мысом Моденг (у 16° с. ш.) редко посещался арабскими мореходами. И все же его данные полнее, чем Ибн Маджида: Сулейман перечисляет мелкие острова близ Читтагонга и между 22° — 20° с. ш. — Кутабдия, Сент-Мартинс, Бароунга — и далее к югу залив Курбис (вероятно, бухта Каунбамия) и сравнительно крупный о. Манаун (у $18^{\circ}50'$ с. ш.). В заливе Моутама он отмечает эстуарий Дахун — скорее всего Рангун. За 16° с. ш. его сведения весьма детальные. Он сообщает о многочисленных мелких прибрежных островах, включая Кадан, Киссерайнг, Ланби и Задеджи — все в архипелаге Мьей, а между 8 и 6° с. ш. — Пхукет, Ланкави и Пинанг. Сиамский залив Сулейману известен слабо. От о. Сингапур вдоль восточного берега п-ова Малакка он знает лишь 10 пунктов, среди них устья нескольких рек, район оз. Тхалелуанг и вершину залива, упоминает также Рас Канбуса (мыс Камау, у $104^{\circ}40'$ в. д.) — южную оконечность п-ова Индокитай — и Бандар Аайм, т. е. «Гавань Хайнань» на одноименном острове.

Сведения Сулеймана о Зондских о-вах незначительнее, чем Ибн Маджида. На восточном, низменном берегу Суматры он, между прочим, отмечает устья рр. Рокан и Индерагири. Правда, он хорошо знаком с южным побережьем Явы, хотя арабские моряки редко посещали эту часть острова. Он упоминает о. Бали, а также

о. Джилоло (Хальмахера), ошибочно считая его самым крупным островом региона. Следовательно, Калимантан не признавался арабами за единое целое. Противореча самому себе, Сулейман помещает на нем хребет, протягивающийся на 1500 км на северо-восток¹, и тем самым молчаливо принимает два факта: гигантские размеры Калимантана и низменный характер остальных районов. По его данным, остров сдвинут на 4° к северу от истинного положения. Как и Ибн Маджид, Сулейман представлял себе о. Макасар, т. е. Сулавеси, единым островом. Диапазон широт (3° ю. ш.—5°30' ю. ш.), определяющий его положение, позволяет предположить, что арабы считали его большим островом, вытянутым по меридиану на 300 км. В действительности Сулавеси, значительно более крупный и длинный, имеет огромные восточные «отростки». Словом, знания арабов даже о крупнейших островах Индонезии, не говоря о «мелочах», были к началу XVI в. недостаточно четкими, хотя и более точными, чем сведения португальцев.

Сулейман действовал примерно на полвека позже Ибн Маджида, но на его работе не отразилось какое-либо влияние португальцев, с которыми во время своих плаваний он, несомненно, должен был входить в контакт. Его опись, без учета больших участков с неравномерным распределением пунктов, охватила около 7500 км африканского берега, более 500 км побережья Индии и 200 км западного берега Юго-Восточной Азии. Его труд, безусловно, заслуживает хорошей оценки даже с позиции наших дней, но сам он не был им удовлетворен и написал две другие работы, которые все же не могут заменить главную. В истории географических исследований имя Сулеймана по праву должно занять высокое место.

Ал-Ваззан (Лев Африканец) в Северо-Западной Африке

О последнем крупном представителе арабской «сухопутной» географии первой половины XVI в. *Гассане Ибн Мухаммаде ал-Ваззане* известно значительно больше, чем о Сулеймане. Еще мальчиком ал-Ваззан начал работать нотариусом в марокканском г. Фес, расположенном в северных предгорьях Среднего Атласа. С 1510 г., когда ему было 15—16 лет, по 1513 г. он выполнял дипломатические поручения султана Феса и побывал на Атлантическом побережье Марокко, в нескольких местах пересек западную часть Высокого Атласа и Антиатласа в бассейнах рр. Дра и Зиз, а также северную часть пустыни Эрг-Игиди (у 30° с. ш.). Он ознакомился со многими пунктами в горных цепях Эр-Риф и Тель-Атлас. Около полутора лет (конец 1513 г. — начало 1515 г.) ушло у него

¹ На Калимантане нет единого хребта такой длины: протяженность всего острова в этом направлении около 1100 км; центральную и северную части занимают горы, окруженные холмистыми равнинами, сменяющимися у побережья заболоченными низменностями.

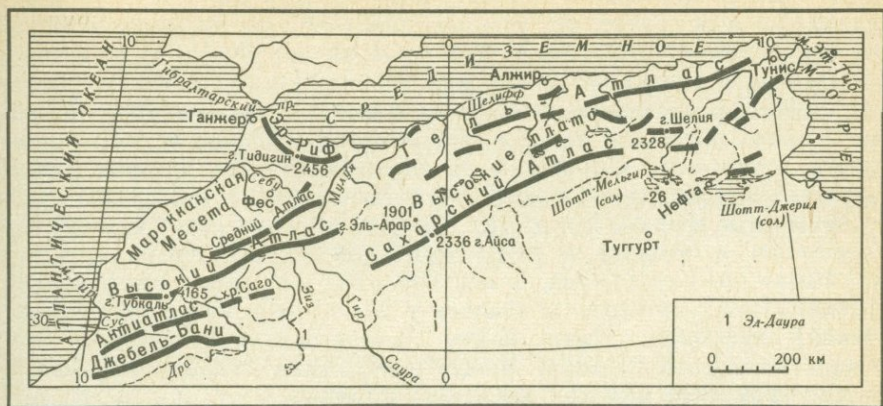

Схема орографии Атласа.

на путешествие через Западную Сахару на средний Нигер. Между 1516 и 1520 гг. на торговых судах ал-Ваззан обошел Средиземноморское побережье Туниса, Ливии и Египта и с караванами, возможно, доходил до северной части пустыни Большой Восточный Эрг. На обратном пути у о. Джерба, в заливе Габес, он был захвачен сицилийскими корсарами, продан в Неаполе в рабство и в качестве подарка попал в Рим к папе *Льву X*, умершему в 1521 г. По крещении ал-Ваззан, получив имя Джованни Леоне (он называл себя также Лев Африканец), стал преподавать в Болонье арабский язык, а затем вернулся в Рим и к весне 1526 г. закончил свою «Историю и описание Африки...», написанную на итальянском языке в основном по личным наблюдениям.

В работе содержится описание ряда государств, районов, городов, деревень и проживающего в них населения той части континента, которую мы ныне называем Северо-Западной Африкой. Пытаясь дать общую характеристику горной страны Атлас, ал-Ваззан ошибочно принимает мыс у 25° в. д. за ее восточное окончание, т. е. увеличивает длину в 1,5 раза. Он, естественно, не выделяет в Атласе крупные хребты, а дает скупые, но в определенной степени правильные описания отдельных заметных гор или коротких хребтов. Из этих зарисовок с небольшими коррективами можно получить относительно верное представление о главных составных частях Атласа. Ал-Ваззан охарактеризовал Высокий Атлас по всей длине (около 700 км), отметил его высшую точку — «Никогда я не видел более высокой горы...»¹ (гора Тубкаль, 4165 м) — и еще две-три другие вершины. Он кратко описал несколько пересыхающих рек, стекающих с хребта, в том числе Сус и ее низменную долину Тенсифт, Эль-Абид (левый приток Умм-эр-Рбия), Дра, Зиз и Гир.

¹ Цит. здесь и далее из работы ал-Ваззана «История и описание Африки...», опубликованной на английском языке в серии Общества Хаклюйта в трех томах (Нью-Йорк, 1963).

Дра — самый длинный (1150 км) западносахарский уэд — «летом... настолько пересыхает, что человек, переходя его, не замочит обуви, но так увеличивается зимой, что пересечь его нельзя и на лодке».

Описав с запада на восток ряд хребтов южнее Высокого Атласа, ал-Ваззан практически охарактеризовал Антиатлас по всей длине — около 600 км, а далее к югу отметил «жаркие и сухие местности, орошаемые небольшим количеством рек... некоторые проходят по... пустыням и теряются в песках, другие порождают многочисленные озера». Так р. Зиз (Эд-Дуара) пересекает каменистую «пустыню и впадает в озеро (у $29^{\circ}30'$ с. ш.) среди песчаной пустыни», р. Гир (Саура, длина 600—900 км) течет «на юг через [каменистую] пустыню и впадает у 27° с. ш. в озеро среди [песчаной] пустыни». Наши карты Северо-Западной Африки подтверждают его наблюдения. Между побережьем Атлантики и Атласскими горами он отметил несколько низменных равнин, пересекаемых рр. Умм-эр-Рбия, Себу с притоком Бет и рядом более коротких рек.

К северу от Атласа он описал небольшие холмы и долины, а за ними «более удобные» для посевов горы, прорезанные [короткими] реками, которые впадают в Средиземное море. Страна Эр-Риф с арабского («Приморский район», «Ривьера») принадлежит, по ал-Ваззану, «народу, живущему в горах, расположенных у... моря». Он верно определил протяженность (300 км) этой горной цепи Эр-Риф от Гибралтара до р. Мулуи и правильно посчитал ее частью Атласских гор. Он довольно точно указал исток Мулуи и отметил, что она проходит «через ненаселенные и сухие равнины...», т. е. северо-западную часть Высоких плато; ее правый приток За, пересекающий «равнину, глубок и богат рыбой... никогда я не видел его воды мутными и загрязненными». Характеристика Тель-Атласа, приморских хребтов, входящих в систему Атласских гор, сравнительно точна и позволяет сделать вывод, что он имел представление обо всей этой горной стране (1200 км) и о ее реках, в том числе главной р. Селе (Шелифф, длина 700 км).

Ал-Ваззан скорее всего не был на Высоких плато и в Сахарском Атласе: чрезвычайно скупые сведения о ряде населенных пунктов этой части Атласской страны он получил явно из вторых рук. Правда, он верно описал «высокие горы Орес [вершина 2328 м], на юге граничащие с Нумидийской пустыней». Возможно, он проникал в эту пустыню до г. Туггурт (у 33° с. ш. и 6° в. д.), но почему-то ни слова не говорит о соленых озерах Шотт-Мельгир и Шотт-Джерид. Он, вероятно, побывал в г. Нефта (у западного побережья Шотт-Джерид) и отмечает, что город стоит на «определенной реке». Упоминает он также горы Демер и Джебель Нефуса, ошибочно считая их продолжением Атласа.

Книга ал-Ваззана, в которой дана пусть скупая, но довольно верная физико-географическая характеристика региона площадью около 0,6 млн. км², выделенного впоследствии в особую природную область континента, впервые опубликована в 1550 г., а затем многократно переиздавалась на нескольких европейских языках — последние издания на французском (1956 г.) и английском (1963 г.).

ОТКРЫТИЕ ИСПАНЦАМИ ЮЖНОГО МОРЯ, ФЛОРИДЫ, ЮКАТАНА И БЕРЕГОВ МЕКСИКАНСКОГО ЗАЛИВА

Первые съемки Кубы и Гаити и открытие полуострова Юкатан

В 1508 г. Николас Овандо для исследования о-вов Куба и Эспаньола (Гаити) организовал две экспедиции. Начальником кубинской он назначил *Севастьяна Окампо*¹, руководителем гаитянской — опытного навигатора *Андреса Моралеса*², участника третьего плавания Колумба и экспедиции Бастидаса. Пройдя через широкий Наветренный пролив, отделяющий Гаити от Кубы, Окампо повел свои суда вдоль северного берега Кубы от мыса Майси на северо-запад, до «Садов Короля» (архипелаг Камагуэй). Этот участок побережья был уже довольно хорошо известен испанцам и положен на карту около 1500 г. И за «Садами Короля» северо-западное направление береговой линии долго не менялось, пока Окампо не миновал цепь небольших островов, но за крайним из них (Крус-дель-Падре) кубинский берег повернул прямо на запад. Пройдя так около 200 км, Окампо остановился в бухте, которая показалась ему очень удобной, хорошо защищенной гаванью.

Моряки вытащили на берег дававшие течь суда, проконопатили и осмолили их. Именно здесь в 1519 г. была заложена Гавана. Отсюда берег плавно поворачивал на юго-запад. Следуя этим курсом, Окампо достиг мыса Сан-Антонио, за которым берег круто повернул на восток. Когда же он обогнул небольшой полуостров между заливами Гуанакабибе и Корриентес и двинулся на восток, то вскоре убедился, что идет вдоль южного побережья Кубы и небольших островов, открытых Колумбом в июне — июле 1494 г. На этом пути у южного берега Кубы Окампо открыл бухту Сьенфуэгос: Колумб не заметил узкого входа в нее. Когда Окампо закончил осмотр южного берега и подошел с запада к Наветренному проливу, завершив вось-

¹ Во многих работах и справочных изданиях указывается, что Окампо первый доказал островной характер Кубы. Однако это противоречит фактам: на ряде карт начала XVI в. Куба уже показана островом, обойденным, по сведениям П. Мартира, несколькими испанскими моряками в 1500—1501 гг. (лавры же первопроходца здесь отданы В. Пинсону 1499 г.).

² На Жемчужном берегу ему посчастливилось приобрести алмаз, долгие годы бывший единственным доказательством алмазности Южной Америки. Только в наше время алмазы из Гайаны стали поступать на рынок.

мимесячное плавание вокруг Кубы, он проделал более 3 тыс. км. И после его возвращения в Санто-Доминго у испанцев уже не оставалось сомнений, что Куба — не азиатский полуостров, а очень длинный и узкий остров, «похожий на язык птицы», простирающийся с юго-востока на северо-запад приблизительно между 20° с. ш. и тропиком Рака.

В течение того же 1508 г. Моралес заснял все сильно изрезанное побережье о. Гаити (длина береговой линии более 2 тыс. км), пересек остров в нескольких местах, исследуя горные хребты и низменности между ними с двумя бессточными солеными озерами, а также реки, дал хорошее описание рельефа, в том числе карстовых форм на юго-востоке. По своим материалам он составил карту о. Гаити, долгие годы остававшуюся непревзойденной. Правда, она затерялась в архивах и лишь в 1929 г. была обнаружена копия, подтверждающая высокое профессиональное мастерство ее автора.

Для поисков морского прохода к западу от Кубы из Испании король направил экспедицию на двух судах. Ее возглавляли Висенте Пинсон, назначенный руководителем на суше, опытный мореход *Хуан Диас Солис* и штурман Педро Ледесма, участник второго и четвертого плаваний Колумба. Из устья Гвадалквивира испанцы вышли в конце июля 1508 г. и через несколько месяцев, пройдя вдоль южного побережья Кубы, подошли к мысу Сан-Антонио. Оттуда суда двинулись на юг и достигли о. Гуанаха (Бонака), до которого Колумб с Ледесмой доходили в 1502 г. От этого пункта флотилия проследовала на запад и, проникнув в Гондурасский залив, открыла там всю цепь о-вов Ислас-де-ла-Баия. Дойдя до берега материка недалеко от вершины залива к рождеству¹, Пинсон и Солис повернули на север и проследили побережье Гондурасского залива по крайней мере до 18° с. ш., положив начало открытию п-ова Юкатан, именно той его полосы, которая с XVI в. стала английской колонией Белиз (с сентября 1981 г. независимое государство). Но за 18° берег имел то же северное направление, и они продолжали движение, обследуя все бухты низменного восточного побережья Юкатана — Четумаль, Эспириту-Санту, Асенсьон. Из показаний Пинсона, очень, правда, отрывочных, можно все же сделать вывод, что испанцы добрались до северной оконечности полуострова. Оттуда берег тянулся на запад со слабым уклоном к югу.

Наиболее весомым подтверждением дальнейшего продолжения поисков служит заявление П. Ледесмы, главного штурмана плавания, о достижении ими 23°30' с. ш. — его компетентность в определении широт никогда не вызывала сомнений. Иными словами, Пинсон и Солис обогнули Юкатан с севера и получили маленький шанс: берег вдруг круто повернул к югу. Затем испанцы подошли к вершине залива Кампече... и все их надежды на открытие прохода в этом районе рухнули — побережье приняло северо-западное, а вскоре и

¹ Отсюда название Навидад, которое Пинсон и Солис дали сначала заливу. Позднее за заливом, по Лас Касасу, укрепилось индейское название прилегающей страны Ондуре, которое испанцы осмыслили как Ондурас (Honduras — глубины), т. е. Гондурас.

северное направление. У $23^{\circ}30'$ с. ш., открыв более 2700 км береговой линии Юкатана и Мексиканского залива, суда легли на обратный курс и без потерь прибыли в порт Санто-Доминго, Гаити, затратив на плавание около года.

Некоторые историко-географы считают, что Пинсон и Солис не заходили так далеко к северу и, следовательно, не стали первооткрывателями Мексиканского залива. Их аргументация сводится к одному: испанцы не встретили на своем долгом пути представителей великой культуры ацтеков. На это можно выдвинуть два контраргумента: Пинсон и Солис либо сообщали о такой встрече (встречах), но доклады их не дошли до нас, либо моряки не посчитали их важным фактом, увлеченные идеей обнаружить проход, — не придал же Колумб большого значения первому контакту с представителями культуры майя (см. гл. 8).

Впрочем, Пинсон и Солис, возможно, не были первооткрывателями части побережья Юкатана: на нескольких картах 1502—1507 гг., в том числе карте Кантино, к западу от о. Куба, почему-то названного «островом Изабелла», показана длинная непрерывная береговая полоса, в северной половине испещренная названиями. Эта таинственная земля, как показал в 1956 г. голландский историк Е. Роукема, скорее всего побережье п-ова Юкатан, несмотря на вводящее в заблуждение меридиональное направление береговой линии. Анализируя названия, помещенные на картах, он пришел к следующему выводу. Какая-то португальская экспедиция прошла от Флоридского пролива на запад, в апреле неизвестно, правда, какого года, во всяком случае до 1503 г., случайно наткнулась на северный берег Юкатана близ 89° з. д. и продвинулась вдоль побережья немного к западу в поисках воды. В начале мая португальцы обогнули северо-восточный выступ полуострова и, не заметив о. Косумель, направились на юг, то близ побережья, то несколько отходя от него, пока не добрались до бухты Четумаль. Затем они вновь удалились от берега, обходя со стороны открытого моря коралловые рифы вокруг о-вов Тернефф, прошли мимо залива Гондурас на юго-восток и снова увидели землю 18 июня у мыса Камарон (16° с. ш.). Берег Центральной Америки они оставили окончательно перед мысом Кабо-Грасьяс-а-Дьос.

Завоевание и первое исследование Кубы

Диего Колон, правитель «всех Индий», старший сын Х. Колумба, в 1511 г. принял решение завоевать и колонизовать Кубу, прибежище индейцев-беженцев с Гаити, познавших «радость» общения с испанцами. В те времена «о Кубе было известно лишь, что это остров¹, заселенный индейцами сибонейми, людьми «величайшего прос-

¹ Здесь и далее цит. из книги Б. Лас Касаса, испанского гуманиста и публициста, автора нескольких работ по истории и этнографии Центральной и Южной Америки.

тосердечия и величайшей доброты». В конце 1511 г. 300 добровольцев во главе с *Диего Веласкесом* высадились на восточной оконечности острова. Туземцы, «нагие телом и вооруженные жалким и скудным оружием», возглавляемые касиком *Атуэем*, попытались дать отпор завоевателям. От полного разгрома индейцев спасло единственное обстоятельство: в районе высадки, гористом и покрытом лесом, испанцы не могли применить главное свое оружие — лошадей. Атуэй скрылся «среди скал и дремучих чащоб», но Веласкес бросил на его поиски многочисленные группы солдат. Долгое время им не удавалось найти Атуэя, но в конце концов он был схвачен, обвинен «в оскорблении величества» и сожжен.

К этому времени на Кубу в штаб-квартиру Веласкеса — Баракоа — первый основанный им на острове город — прибыл *Панфило Нарваэс*, конкистадор, ничем, кроме голоса, не выделявшийся из общей массы. Веласкес вскоре направил его во главе 30 солдат в «равнинную, лишенную гор» область, расположенную в 250—300 км западнее Баракоа. В походе в качестве капеллана (священника) принял участие Бартоломе Лас Касас. Пройдя по равнине, испанцы расположились на отдых в индейском селении. Для крупного — около 7 тыс. человек — отряда индейцев уничтожение горстки пришельцев не представляло, казалось, проблемы: они разделились на две части и должны были напасть одновременно. Но несогласованность действий свела к нулю элемент неожиданности и фактор численного превосходства — одна группа, прельстившись одеждой испанцев, попыталась захватить ее и разбудила спящих. Вскочив на свою, единственную в отряде, лошадь и накинув на нее уздечку с бубенцами, Нарваэс навел такой ужас на все многочисленное индейское войско, что оно рассеялось.

Получив подкрепление, численность отряда возросла до сотни солдат, испанцы продвинулись по равнине еще дальше на запад. В одном из захваченных поселков они учинили ужасающую, ничем не спровоцированную резню мирных жителей. Эту сцену описал Б. Лас Касас, который «в течение двух лет вместе с Нарваэсом покорял еще не поработенную часть Кубы, нанеся огромный ущерб всем обитателям острова», и стал первым исследователем его внутренних районов.

Не ясно, как далеко на запад проникли оккупанты, но общее представление об острове у Б. Лас Касаса сложилось несколько преувеличенное: «...в длину Куба составит лиг 300 без малого [около 1800 км¹]... в ширину [же]... лиг 55—60, если отсчитывать от первого восточного мыса [Кемадо]... примерно треть ее длины; далее она становится уже, и оттуда до... западного мыса [Кахон] ширина ее лиг 20 [120 км]... Почти вся Куба являет собой долину [равнину], покрытую лесами и рощами; от восточного мыса... лиг на 30 [к западу] тянутся высочайшие горы [Сьерра-Маэстра], до 1974 м, горы есть и на западе, если миновать две трети острова [Кордильера-де-Гуанигуанико]; есть [они] и посередине Кубы, хотя

¹ Истинная длина острова, «если вести счет по суше», — 1200 км.

и не очень высокие» (массив Гуамуая, до 1156 м). Лас Касас отметил на Кубе «отличные гавани, укромные, безопасные и готовые принять множество судов». Он перечислил несколько видов птиц и рыб, водящихся на острове, и описал крупных морских черепах.

Первые испанские колонии на материке

В 1508 г. двум идалго был выдан патент на организацию колоний на материке, между Венесуэльским и Гондурасским заливами; границей между их владениями был залив Ураба — южная, глубоко вдающаяся в сушу часть Дарьенского залива. Алонсо Охеда получил восточную область — Новую Андалусию (северная приморская половина Колумбии); Диего Никуэса, разбогатевший на золотых приисках Эспаньола, — западную область — «Золотую Кастилию» (карибские берега Панама и Коста-Рики). Охеда подыскал богатого компаньона, но все-таки вошел в большие долги, чтобы снарядить четыре корабля с 300 матросами и солдатами. Желая удовлетворить кредиторов, он немедленно приступил к охоте за людьми в Новой Андалусии. Карибы отчаянно сопротивлялись, и большая часть испанцев погибла. Остальных постигла бы такая же участь, если бы не пришел на помощь Никуэса. Охеда с остатками своего отряда добрался до Урабы. На восточном его берегу, недалеко от устья Аtrato, он заложил в 1510 г. первую испанскую крепость в Южной Америке — Сан-Себастьян. У испанцев было мало продовольствия и боеприпасов, среди солдат началось брожение, и Охеда самыми жестокими мерами поддерживал дисциплину. Часть награбленной добычи он отправил на Эспаньолу, чтобы получить оттуда помощь, другую часть отдал шайке пиратов в обмен на хлеб и сало. С ними он отправился на Кубу, где тогда еще не было испанских гарнизонов, а оттуда с пустыми карманами перебрался на Эспаньолу, где умер в 1515 г.

С отъездом Охеды команду над гарнизоном принял 35-летний офицер, внебрачный сын идалго, пасший в молодости свиней в Эстремадуре, *Франсиско Писарро* — «человек, знавший страх только понаслышке». Полгода он напрасно ждал помощи. От отряда Охеды осталось только 60 человек, изнуренных голодом и лихорадкой, и на двух кораблях они покинули Сан-Себастьян. Одно судно сразу же потонуло со всем экипажем, другое с 25—30 людьми продолжало путь, когда возле устья Магдалены показался корабль *Мартина Эрнандеса Энсисо*, компаньона Охеды, с колонистами и припасами для Новой Андалусии. Среди новых колонистов был Васко Нуньес Бальбоа. (Он участвовал в экспедиции Бастидаса, жил потом на Эспаньоле, и, спасаясь от долговой тюрьмы, тайно сел на корабль.) Энсисо заставил судно Писарро повернуть обратно; все высадились на берег. Но корабль с припасами потерпел крушение, так что колонистам с самого начала угрожал голод. Тогда по предложению Бальбоа они переправились на Панамский перешеек, формально принадлежащий Никуэсе как часть «Золотой Кастилии». Сразу же конкистадоры

В. Н. Бальбоа.

разграбили покинутое индейское селение, где нашли съестные припасы, ткани и золото. После этой удачи на Бальбоа стали смотреть как на предводителя, избрали судьей, а Энсисо лишили полномочий на том основании, что его права не распространялись на «Золотую Кастилию».

Никуэса уже в 1508 г. на пути к Эспаньоле произвел набег на Малые Антильские о-ва, захватил множество индейцев и выгодно продал их. Поэтому, отправляясь на завоевание «Золотой Кастилии», он имел в распоряжении большой отряд. Он основал на Панамском перешейке поселок Номбре-де-Дьос («Имя бога»). Желтая лихорадка и голод

уничтожили большую часть отряда, среди оставшихся начались раздоры. Не рассчитав своих сил, Никуэса отправился в колонию, основанную Бальбоа, и предъявил права на «свое» золото. Тогда Бальбоа посадил Никуэсу с несколькими людьми на ветхое судно и заставил отчалить от берега (1511 г.); все пропали без вести.

Поход Бальбоа к Южному морю

К 1511 г. Бальбоа стал единственным начальником над остатками отряда Охеды и Никуэсы. У него было 300 матросов и солдат, из которых не больше половины держались на ногах. С такими силами он начал завоевание внутренних областей «Золотой Кастилии». Понимая, что этого недостаточно для покорения страны, он воспользовался враждой между местными племенами, заключая союзы с одними, чтобы побеждать других. Союзники снабжали испанцев припасами или отводили им земли и сами их обрабатывали. Вражеские селения Бальбоа разорял и грабил, а пленных продавал. Один вождь, изумленный жадностью, с какой испанцы набрасывались на золото, указал, что в нескольких днях пути к югу от Дарьенского залива лежит густонаселенная страна, где много золота, и что там с горных вершин можно увидеть другое море, по которому ходят суда, по размерам не уступающие испанским кораблям.

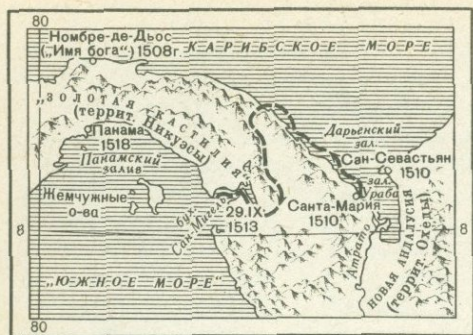
На поход к Южному морю Бальбоа решился через два года, когда пришла весть, что правительство рассматривает его обращение с наместником Никуэсой как мятеж. Бальбоа понимал, что только ослепительный подвиг может спасти его от суда и казни. В конце

августа 1513 г. он двинулся на судах от залива Ураба на северо-запад вдоль берега и, пройдя около 150 км, 1 сентября высадился на сушу. Чтобы утратить индейцев, Бальбоа лицемерно обвинил в мужеложестве мужчин, которые прикрывали наготу кусками ткани, напоминающими женские передники. «Преступники» были застрелены собаками, сопровождающими конкистадоров в походах.

После расправы Бальбоа с отрядом, состоящим из 190 испанцев и 600 индейцев носильщиков, перевалил горную цепь, покрытую таким густым лесом, что испанцы прокладывали себе путь топорами. С вершины он действительно увидел широкий Панамский залив, за ним — безбрежное Южное море — Тихий океан. 29 сентября (Михайлов день) Бальбоа вышел к бухте ¹, которую и назвал Сан-Мигель (св. Михаил). Дождавшись прилива, он вошел в воду, поднял знамя и торжественно прочитал грамоту, составленную нотариусом: «...вступаю во владение для кастильской короны... этими южными морями, землями, берегами, гаванями и островами, со всем, что в них содержится... Государям Кастилии, как настоящим, так и будущим, принадлежит и власть и господство над этими Индиями, острова, как северный, так и южный материк с их морями от Северного полюса до Южного, по обе стороны экватора, внутри и вне тропиков Рака и Козерога...» Вернувшись к Дарьенскому заливу, Бальбоа послал в Испанию донесение о великом открытии, приложив пятую часть добычи — груды золота и 200 прекрасных жемчужин. Правительство сменило гнев на милость.

Новый губернатор «Золотой Кастилии», подозрительный и жадный старик *Педро Ариас (Педрариас) Авила*, повел с собой к Панамскому перешейку целый флот — 20 кораблей. Из 10 тыс. идалго, согласных без всякого жалованья пуститься за океан, отобрали 1500 более родовитых. Прибыв в колонию 29 июня 1514 г., Авила прочитал Бальбоа королевские грамоты, которые предписывали милостивое обращение с тем, кто открыл Южное море, а сам немедленно начал против него тайное следствие. Желтая лихорадка косила новоприбывших. Для них не хватало провизии, и нередко рыцари в шелку и бархате умирали с голоду. Авила разослал небольшие отряды во все стороны за провиантом, золотом, жемчугом и рабами. Они жгли и грабили селения, убивали индейцев, и те, как писал Бальбоа в Испанию, «превратились из ягнят в лютых волков». Бальбоа сам впервые потерпел поражение во время похода вверх по р. Аtrato. Тогда же он получил высокое назначение от короны, и Авила стал смотреть на него как на опасного соперника. Чтобы выиграть время, Авила предложил выдать за него замуж свою дочь, жившую в Испании. Брачный договор был подписан, и мать отправилась за невестой на родину. Авила поручил Бальбоа продолжать открытия в Южном море, дал отряд и разрешение на строительство кораблей у Панамского залива. Бальбоа около 20 раз пересек Панамский

¹ И все же не он открыл Южное море. За день до Бальбоа к побережью Тихого океана вышел *Алонсо Мартин*; он сел в индейский челнок, отплыл от берега и крикнул своим спутникам, чтобы они подтвердили, что именно он первый бороздил воды этого океана.

Путь В. Бальбоа в 1513 г.

в мятеже и убийстве Никуэсы. Арестовать Бальбоа было поручено отряду Франсиско Писарро. По приказанию Авила человека, открывшего «Южное море», осудили за измену и обезглавили (январь 1517 г.).

В 1515 г. с разрешения Авила от Дарьенского залива на запад двинулся «для новых открытий» отряд *Гонсало Бадахоса* — 130 человек на двух кораблях. От залива Москитос он пересек перешеек и вышел через населенный район к западному берегу Панамского залива у бухты Парита. На пути испанцы под страхом смерти вымогали у касиков (сельских начальников) золотые изделия и «называли этот промысел открытием» (Лас-Касас). Они собирались «открыть» и п-ов Асуэро. Местный касик пытался сначала откупиться — прислал испанцам четыре сосуда, наполненные золотыми украшениями, но только разжег их жадность. Испанцы проникли на полуостров, но касик, стянув большую воинскую силу, окружил и разбил их наголову. Потеряв 70 человек убитыми и все награбленные сокровища, Бадахос бежал ночью с уцелевшими людьми на лодках на северо-восток, перебираясь с одного острова группы Жемчужных на другой, вымогая и там золото и жемчуг, из-за чего потерял еще 20—30 человек. Возвращаясь в 1516 г. с остатками шайки от бухты Сан-Мигель к Дарьенскому заливу, Бадахос встретил крупный испанский отряд соратника Авила *Гаспара Эспиносы*¹, который только что разорил восточную часть перешейка и истребил много тысяч индейцев, так что ряд селений опустел. Узнав о сокровищах, потерянных Бадахосом, Эспиноса направился с отрядом на п-ов Асуэро и довершил его «открытие»: местный касик отдал ему все золото. Эспиноса, конечно, поделился добычей с Авилой и получил от него после казни Бальбоа право распоряжаться всей флотилией на Панамском заливе «для новых открытий в Южном море».

¹ Через год Эспиноса как главный судья вынес сначала смертный приговор Бальбоа, а затем, чтобы «умыть руки», ходатайствовал об отмене казни, зная, что Авила обязательно утвердит приговор.

Первые испанцы на Юкатане

По сообщению *Диего Ланда*, автора одного из важнейших первоисточников по истории завоевания испанцами Центральной Америки¹, первыми испанцами, высадившимися на берег Юкатана, были *Херонимо Агилар* и *Гонсало Герреро*. Во время смуты на Панамском перешейке из-за вражды между Никуэсой и Бальбоа, в 1511 г., они сопровождали посланца Бальбоа на корабле, отправленном к о. Гаити с 20 тыс. дукатов королевской пятины, сообщением губернатору о событиях на перешейке и просьбой о присылке подкрепления и провианта. Но недалеко от Ямайки корабль напоролся на риф или сел на мель и погиб. 17 человек, в том числе посланец, спаслись, не успев захватить с собой припасов, «в лодке без парусов, с... плохими веслами». 13 дней они провели в море, несколько человек умерло от голода. Наконец они достигли берега неизвестной земли, оказавшейся страной народа майя — Юкатаном, и попали в руки касика, который принес в жертву своим идолам... посланца и четырех других и затем устроил из их тел пиршество для своих людей». Остальных он временно оставил в живых, но изнурял непосильной работой. Все испанцы, кроме Агилара и Герреро умерли. Вдвоем им удалось бежать к другому касику, «врагу первого и более кроткому», который сделал их рабами. Этот касик вскоре умер, а его наследник был еще более милостив к испанцам. Герреро, раньше Агилара научившийся говорить на языке майя, ушел от своего господина в приморский район на востоке Юкатана, у бухты Четумаль. Местный вождь поручил ему «руководство военными делами. Герреро научил индейцев воевать, показал им, как строить крепости и бастионы... Они женили его на очень знатной женщине, от которой он имел троих детей... он татуировал тело, отрастил волосы и проколол уши, чтобы носить серьги подобно индейцам, и, вероятно, стал идолопоклонником, как они». Агилар же отказался жениться на индианке, так как то ли готовился стать священником, то ли уже принял духовный сан.

Оба испанца прожили восемь лет в стране народа майя, пока в 1519 г. к о. Косумель, у северо-восточного берега Юкатана, не прибыла на пути в Мексику флотилия *Эрнандо Кортеса*. Косумельские касики сообщили Кортесу, что на полуострове в двух днях пути от берега живут два раба-испанца. Кортес послал через индейцев пленникам письмо, а их господам выкуп. Посланцы вернулись с известием, что один пленник (Агилар) внес выкуп, отпущен на волю и придет к назначенному Кортесом месту. Другой же пленник (Герреро) остался у индейцев. Агилар подробно рассказал о своих приключениях и подтвердил, что Герреро отказался вернуться к своим. Позднее Герреро боролся на стороне индейцев за свою новую родину, против испанских колонизаторов и погиб в бою с ними. Испан-

¹ Цитаты в этом разделе, там, где это специально не оговорено, взяты из «Сообщения» Д. Ланды, а некоторые подробности и поправки — из испанских хроник XVI в.

цы-рабы Агилар и Герреро были случайными и невольными первооткрывателями внутренних районов Юкатана. Но Герреро, хорошо ознакомившийся и с большим участком побережья Юкатана, и с глубинными областями страны, отказался поделиться своими знаниями с завоевателями, а Агилар «...немногое знал, ибо в качестве раба жил лишь на одном месте и мало что видел» (Б. Диас). Основательное знакомство испанских завоевателей с Юкатаном началось лишь в 1517 г.

Поиски «острова Вечной молодости» и открытие Флориды и Гольфстрима

В те времена, когда испанцы открывали новые материки и моря, действительность казалась мечтой; зато любая, самая фантастическая мечта могла превратиться в действительность. Участник второго плавания Колумба *Хуан Понсе де Леон*, разбогатевший на Эспаньоле, назначенный губернатором Пуэрто-Рико, в середине лета 1506 г. высадился на острове, основал там первое испанское поселение (1508 г.) и закончил покорение острова, сопровождавшееся, как везде, массовым избиением индейцев. На Пуэрто-Рико он услышал легенду об о. Бимини, где бьет «источник вечной молодости». Понсе обратился к королю с просьбой дать ему патент на поиски и колонизацию Бимини и на владение чудесным источником. Фердинанд Католик исполнил просьбу и сказал, намекая на Колумба: «Одно дело дать полномочия, когда еще не было примера, чтобы кто-нибудь занимал такой пост, но мы с тех пор научились кой-чему...» Понсе пригласил старшим пилотом *Антон Аламиноса*, участника второго плавания Колумба. Они приступили к снаряжению трех кораблей в Санто-Доминго и к найму матросов. По рассказам, Понсе принимал на службу и стариков, и увечных. Да и для чего, в самом деле, нужны молодость и здоровье людям, которые после сравнительно короткого морского перехода могут омолодиться и воротить утраченные силы? Вероятно, команды на кораблях этой флотилии были самыми старыми из всех, какие знает морская история.

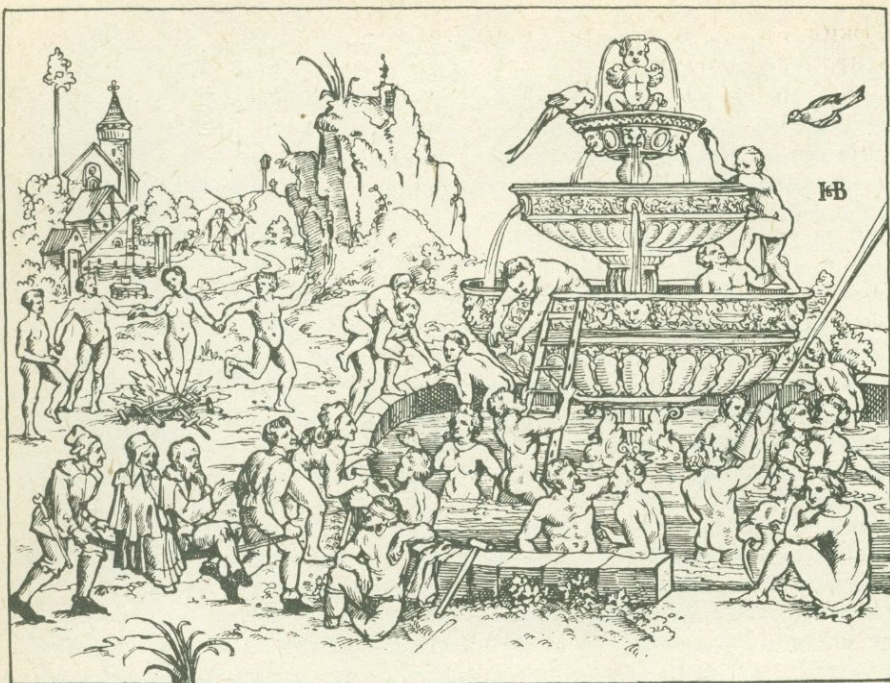
3 марта 1513 г. флотилия отплыла от Пуэрто-Рико в поисках Бимини на северо-запад, к Багамским островам. На южную группу этих «островков» (по-испански — Лос-Кайос), открытую Колумбом, испанцы часто совершали набеги с того времени, когда Фердинанд разрешил обращать в рабство индейцев. Севернее Лос-Кайоса Аламинос осторожно вел корабли от острова к острову: так были обнаружены о-ва Кэт и Эльютера. Испанцы купались во всех родниках и озерах, но чудесный источник все не попадался. 27 марта суда прошли мимо северной группы Багам, усмотрев о. Большой Абако, а 2 апреля моряки увидели большую землю. Понсе окрестил ее Флорида («Цветущая»), так как она вдвойне заслужила это название: берега были одеты великоленной субтропической растительностью и открыл он ее в праздник «цветущей» пасхи. Но на карте,

составленной Аламиносом, ей дано и другое, «языческое» имя — Бимини. Аламинос полагал, что экспедиция находится у 30° с. ш. По расчетам же моряков-историков открытий нашего времени, Понсе достиг побережья у 29° с. ш. Суда вошли в маленький залив близ нынешнего Дейтона-бич. 3 апреля испанцы сошли на берег, и Понсе со всеми формальностями вступил во владение новым «островом», первой испанской территорией на континенте Северной Америки. Конечно, и здесь моряки «опробовали» все источники, но, увы... вновь неудача. 8 апреля Понсе пытался продолжить плавание к северу вдоль восточного берега Флориды, но из-

Х. Понсе де Леон.

за встречного холодного течения вскоре повернул на юг и попал в мощный поток теплого течения, которое шло с юга в открытый океан между Флоридой и Багамскими о-вами. Медленно двигались испанцы на юг вдоль низменного берега и при высадках пробовали воду множества рек и озер, напрасно отыскивая «источники вечной молодости». При этом они подвергались большой опасности: на новооткрытом «острове» Понсе встретил воинственных индейцев — людей «рослых, сильных, одетых в звериные шкуры, с громадными луками, острыми стрелами и коньями на манер мечей» (Б. Диас). Один месяц понадобился флотилии, чтобы при попутном ветре достичь южной оконечности Флориды. Понсе открыл около 500 км ее восточного побережья, в том числе песчаный мыс Кеннеди (Канаверал, получивший известность в наши дни: с него производится запуск американских космических кораблей). Испанцы обнаружили также цепь коралловых о-вов Флорида-Кис, образующих барьерный риф длиной около 200 км. Здесь встречное течение стало таким стремительным, что сорвало с якоря и унесло в океан один корабль. Гигантская темно-синяя «морская река», резко отличающаяся от зеленовато-голубого океана, текла с запада и у оконечности Флориды круто поворачивала на север. Аламинос первый изучил ее направление и позднее предложил пользоваться ею при возвращении из Западной Индии в Испанию, правильно угадав, что она доходит до берегов Западной Европы. Эта «морская река», как теперь доказано, несет в 96 раз больше воды, чем все реки Земли, вместе взятые. Позднее, когда было нанесено на карту все побережье Мексиканского залива, испанцы называли ее «Течением из залива». У северных европейцев она известна под названием Гольфстрим —

Источник вечной молодости (с гравюры на дереве начала XVI в.).

источник вечной молодости для климата Европы. После возвращения сорванного с якоря корабля флотилия проследила всю цепь Флорида-Кис и стала на ремонт судов в лагуне одного из коралловых островов близ ее западной оконечности. 3 июня Понсе направился на север в Мексиканский залив и вскоре обнаружил бухту на западном берегу Флориды (у 27° с. ш.). Взаимоотношения с индейцами установились сначала дружественные, но 11 июня они пытались захватить испанские корабли и были отбиты. Понсе решил, что на Флориде нет источника вечной молодости, и 14 июня 1513 г. двинулся на юг. Испанцы обнаружили группу крохотных о-вов Драй-Тортугас, где в течение 10 дней запасались провизией — черепахами, тюленями, пеликанами и другой дичью. 24 июня Понсе лег на юго-западный курс, но почему он так поступил, вместо того чтобы воспользоваться Гольфстримом, можно лишь гадать. После двух дней плавания он коснулся какой-то земли и проследил ее к западу более чем на 200 км. По словам конкистадора-историка А. Н. Эрреры, «большинство... моряков приняло ее за Кубу», но С. Морисон придерживается иного мнения: «очевидно, это было нечто совсем другое — участок полуострова Юкатан между мысом Каточе и современным портом Прогресо...», т. е. Понсе открыл, правда, вторично, почти весь северный берег Юкатана. Он обна-

ружил гавань и высадился для починки парусов. На побережье открытого «острова» — так решили испанцы, назвав его Бимини¹, — Понсе пробыл более месяца и безуспешно искал источник вечной молодости. 6 августа он оставил Юкатан и через Флоридский пролив, используя Гольфстрим, проследовал к о. Эльютера (18 августа). Отсюда он приказал Аламиносу «прочесать» на одном судне Багамы — идея найти источник прочно засела у него в голове, — а сам вернулся на Пуэрто-Рико 10 октября. В феврале 1514 г. Аламинос прибыл с известием, что нашел еще один остров с названием Бимини². Попытка Понсе завоевать Флориду в 1521 г. окончилась разгромом его отряда, тяжелым ранением и смертью его самого (июль 1521 г.).

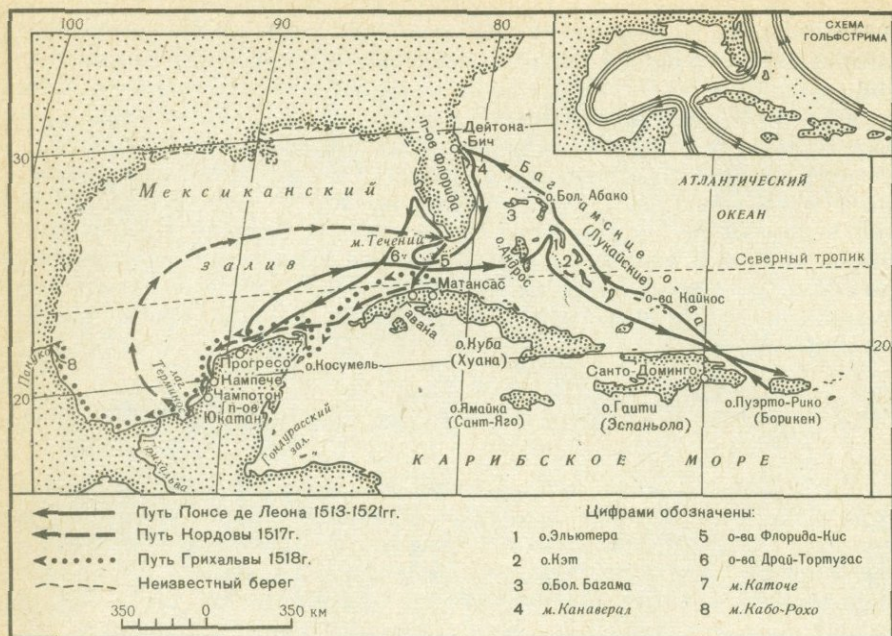
Кордова у берегов Юкатана

В 1517 г. солдаты, слонявшиеся без дела на Кубе, составили отряд, выбрали богатого капитана, *Франсиско Эрнандеса Кордову*, решили испытать счастье и отправиться на поиски новых земель. Но главная задача экспедиции заключалась в захвате рабов для пополнения истощившихся ресурсов «рабсилы» на Кубе. Среди солдат был *Берналь Диас дель Кастильо*, автор «Правдивой повести о завоевании Новой Испании». (Цитаты ниже взяты из его книги.) Они приобрели и снарядили на свои средства два больших корабля, наняли матросов и трех штурманов; старший — Антон Аламинос. Третье судно дал в долг наместник Кубы Диего Веласкес, снабдив экспедицию провиантом; на свои деньги солдаты купили еще свиней и запаслись всякими безделушками для обмена. Они вышли из Гаваны 8 февраля 1517 г. и четыре дня шли вдоль берега Кубы, а затем в открытом море, двигаясь наугад на запад. Шторм свирепствовал двое суток, и корабли едва не погибли. Когда буря стихла, Аламинос переменял курс, но только в начале марта показалась земля — северо-восточный берег п-ова Юкатан. Вдали, близ мыса, видно было большое селение.

Наутро появилось 10 пирог, полных индейцев, идущих к кораблям на веслах и под парусами. «Каждая пирога была искусно выдолблена... из огромного ствола, и многие из них могли поднять 40 человек». Несколько десятков индейцев взобрлись на главный корабль. На них были рубахи из хлопчатобумажной ткани и набедренные повязки. Они показались поэтому испанцам выше по культуре, чем индейцы на Кубе. Моряки угостили их хлебом и салом и дали каждому в подарок по нитке стеклянных бус. На другое утро индейцы подошли на 12 пирогах. Их вождь знаками уверял Кордову в дружбе и приглашал на берег, повторяя слова «конекс

¹ В прошении на имя Д. Колона от 1519 или 1520 г. один из родственников Понсе-де-Леона писал, что «Юкатан ранее среди христиан назывался Бимини».

² Острова Северный и Южный Бимини (у 25° 40' с. ш.) к юго-западу от Большой Багамы; однако нельзя доказать, что именно они были открыты Аламиносом в конце 1513 г.

Открытие Флориды, Юкатана и юго-восточного побережья Мексики.

каточе», т. е. «иди в мои дома». Испанцы и назвали местность мысом Каточе. Кордова высадился с отрядом на берег, где собралась огромная толпа. Вождь приглашал чужеземцев пройти дальше, в поселок. Испанцы пошли настороже. Когда они приблизились к лесистым холмам, вождь дал сигнал, и из засады выскочили воины. Выпустив тучу стрел, индейцы с копьями в руках кинулись на испанцев, но те отразили их. В бою 15 индейцев было убито; столько же испанцев ранено.

Недалеко от места битвы победители увидели площадь с тремя каменными строениями. «То были их капища и молельни, а в них много глиняных идолов, с лицами демонов или с женскими лицами...» Внутри храмов они нашли небольшие деревянные шкатулки, а в них — других идолов, золотые и медные диски и много украшений из низкопробного золота. «Увидев и золото, и каменные строения, мы испытали великую радость, что открыли такую страну».

Испанцы вернулись на суда и пошли дальше, двигаясь только днем; ночью останавливались, но нигде не высаживались. Суда прошли на запад вдоль северного плоского берега несколько сот километров. Затем они круто повернул на юг, и Аламинос решил, что открытая земля — остров. После двухнедельного плавания вдоль его берегов испанцы увидели вдали селение. Пресной воды оставалось очень мало, и они подошли к берегу страны Камлече, чтобы на-

брать воды. К кораблям прибыла группа индейцев «в хорошей одежде из хлопчатобумажных тканей». Они руками указывали на восток — не оттуда ли пришли испанцы, повторяя слова «кастилан» (т. е. кастильцы). Они привели солдат к большим домам, очень хорошей каменной кладки. «То были храмы их идолов с изображениями больших змей и других чудовищных идолов на стенах. Внутри было нечто вроде алтаря, покрытого запекшейся кровью». Какие-то люди в разодранных плащах принесли сухого тростника и сложили их в кучу; прибыли два отряда стрелков и пращников в ватных панцирях, со щитами и копьями, и остановились поблизости. «...Из соседнего... храма вышли десять индейцев в длинных — до пят — белых плащах. Их длинные волосы были так перепутаны и загрязнены запекшейся кровью, что их нельзя было расчесать — разве только срезать. Это были служители идолов... они окружили нас... и знаками дали понять, что мы должны покинуть их страну раньше, чем сгорит тростник... не то нас атакуют и перебьют. Затем они велели зажечь кучу и смолкли. А воины, построившись в боевом порядке, стали свистеть, трубить в трубы и бить в барабаны... И на нас напал такой страх, что мы сомкнутым строем отступили к берегу... и отплыли».

Корабли двинулись дальше на юг, держась ближе к земле, чтобы запастись свежей водой, пока через две с лишним недели не увидели речку и небольшое селение Чампотон. Солдаты во главе с Кордовой отправились за водой в лодках. Утром на них напали индейцы — после часовой битвы испанцы потеряли более 50 человек убитыми, пять утонуло, а двое попало в плен. Кордова, получивший 10 ран, истекал кровью. Бросив бочки с водой, испанцы вернулись на корабли.

Для управления ими не хватало рук — почти все были ранены, поэтому одно судно пришлось сжечь. В поисках пресной воды моряки пошли на юго-запад и на третий день заметили бухту, в которую впадала речка, но вода там оказалась горько-соленой. Эту бухту у юго-западной окраины Юкатана Аламинос позднее назвал лагуной Терминос, так как все еще надеялся найти там конец (по-испански «термино») мнимого «острова». Но берег оттуда поворачивал к западу, и томимые жаждой испанцы решили идти обратно — к Кубе.

Несмотря на несчастья, экспедиция обследовала весь северный и западный берега Юкатана на протяжении 700 км и открыла страну народа майя, стоявшего на гораздо более высокой ступени культуры, чем индейские племена, уже знакомые европейцам. Чтобы ускорить путь, Аламинос предложил возвращаться не вдоль берегов Юкатана — в этом случае пришлось бы все время идти против ветра и течения, а воспользоваться течением Гольфстрим и плыть к Флориде. Испанцы пересекли Мексиканский залив и достигли западного берега Флориды, пройдя больше 1200 км за четыре дня. Выдержав на берегу стычку с индейцами, но все же забрав воду, неудачные конкистадоры вернулись на Кубу. Кордова умер через 10 дней после возвращения.

Хуан Грихальва.

Грихальва и открытие Мексики

Несмотря на разгром испанцев, золотые изделия, привезенные из Юкатана, так воспламенили воображение искателей приключений, что уже в 1518 г. была организована на Кубе новая, более сильная экспедиция во главе с *Хуаном Грихальвой*. В его распоряжении находилось четыре корабля (из них два снарядил Веласкес) и отряд в 240 солдат. Старшим штурманом был тот же Аламинос, а участником экспедиции — Б. Диас. *Педро Альварадо* (позже спутник Кортеса) командовал одним из кораблей. Флотилия, отплыв 8 апреля 1518 г., шла на запад путем Кордовы, но течени-

ем ее отнесло к югу. При этом был открыт о. Косумель у восточного берега Юкатана. Не задерживаясь здесь, испанцы двинулись дальше: Грихальва спешил отомстить жителям Чампотона и высадил на берег отряд. Индейцы уже ожидали испанцев и при высадке ранили многих солдат, но, показавшись на берегу и надев ватные панцири, испанцы опрокинули индейцев, потеряв семь человек, раненых было 60, в том числе и Грихальва. После таких потерь они решили вести себя миролюбиво.

От лагуны Терминос корабли осторожно шли на запад вдоль берега, и только через несколько суток достигли устья большой р. Табаско (р. Грихальва). На берегу появились толпы людей. Со всех сторон из лесу слышался шум падающих деревьев: то индейцы устраивали засеки. Все-таки испанцы высадились на берег. Вскоре к ним направилось множество лодок с воинами; Грихальва через пленных приказал передать вождям, чтобы они без опаски пришли для переговоров. Обе стороны обменялись подарками. Индейцы прислали съестные припасы, разложили на земле несколько плащей и художественно выполненных изделий из низкопробного золота, говоря, что больше золота у них нет, зато на западе есть страна, где очень его много, и при этом несколько раз повторили слово «Мехико». Испанцы немедленно двинулись дальше, чтобы отыскать эту страну. Берег поворачивал к северо-западу; вдали виднелись снежные горы. Близ устья одной реки испанцы увидели толпу индейцев, на длинных копьях которых развевались белые флаги. То были посланцы верховного вождя ацтеков *Монтесумы* (правильнее астеки и *Монтекухсома Шокюйоцин*) — повелителя Мексики. Он знал

о событиях у берегов Юкатана, о дальнейшем пути чужеземцев к северу, о том, что они ищут золото, и приказал жителям давать золотые вещи в обмен на заморские «товары», чтобы узнать, куда и зачем идут кас- тильцы. Из всех окрестных поселений стали приносить золотые украшения, сделанные довольно грубо из низкопробного золота, но в количествах, еще не виданных конкистадорами.

Испанцы продолжали путь и вскоре открыли небольшой архипелаг. На одном острове они нашли каменные строения, где по ступеням можно было подняться к алтарям. «На этих алтарях стояли отвратительные идолы. То были индейские боги, и не далее как ночью им принесли в жертву пять индейцев;

тела их, растерзанные, с вскрытой грудью и обрубленными руками и ногами, валялись еще здесь; стены были залиты кровью». Высадившись на песчаный берег, испанцы построили жилища на вершинах дюн, так как внизу нельзя было спастись от москитов. Недалеко в море лежал о. Сан-Хуан-де-Улуа. Там нашли храм и в нем четырех индейцев-жрецов в черных плащах. «В этот день они принесли в жертву двух мальчиков, рассекли им грудь и положили их окровавленные сердца в дар своему пакостному богу. Хотели они нас окурить, но мы не дались. Очень уж потряс нас вид так жестоко зарезанных мальчиков».

24 июня Грихальва отправил на Кубу корабль с отчетом и с золотой добычей, сам же, продолжая плавание вдоль берегов Мексики, открыл песчаный мыс Кабо-Рохо и дошел до р. Пануко (близ 22° с. ш.), где берег поворачивал прямо на север. Корабли давали сильную течь, припасы подходили к концу, и Аламинос, считая, что «хорошенького понемножку», уговорил Грихальву повернуть обратно. Испанцы впервые выполнили пересечение всего Мексиканского залива и вернулись на Кубу в октябре 1518 г.

Экспедиция Грихальвы открыла новую страну высокой культуры — Мексику — и обследовала западный берег Мексиканского залива от лагуны Терминос до устья Пануко на протяжении около 1000 км. Но для испанцев важнее всего было золото, привезенное Грихальвой и его солдатами в большом количестве. Слава о «золотой стране» распространилась по Антильским о-вам и докатилась до Испании.

Жертвоприношение Солнцу
(ацтекский рисунок).

Мексиканский залив на карте Ф. Гарая.

Первые плавания вдоль северного берега Мексиканского залива

Когда весть о «золотой стране» дошла до Ямайки, местный губернатор **Франсиско Гарай** организовал экспедицию на трех или четырех кораблях под начальством **Алонсо Альвареса Пинеды** для открытия и завоевания северных приморских областей; главным штурманом вновь пошел **А. Аламинос**. Флотилия отплыла в конце 1518 г. к южной части западного берега Флориды и

двинулась сначала на север, а затем на запад вдоль низменного побережья Мексиканского залива. Через некоторое время Пинеда наткнулся на устье огромной р. «Святого Духа» (Эспириту-Санто, т. е. Миссисипи) — река несла такую массу воды¹, что Пинеда принял ее сначала за пролив, соединяющий Атлантический океан с Южным морем. Он ухитрился подняться вверх по ней примерно на 40 км и более одного месяца простоял, ремонтируя суда. Дальнейшее продвижение к западу и югу сопровождалось постоянными стычками с индейцами. Наконец, проследив более 2500 км плоского, участками заболоченного побережья, Пинеда добрался до р. Падуко, куда с юга доходил Грихальва. Экспедиция Пинеды таким образом доказала, что ни на западе, ни на севере в Южном море пролива нет и что, следовательно, выявленная акватория — залив (Мексиканский), омывающий берега обширного материка, полуостровами которого являются на востоке Флорида и на юго-западе Юкатан; по материку с севера течет полноводная река, впадающая в этот залив.

От р. Пануко Пинеда направил на юг, на разведку четырех солдат, схваченных людьми Кортеса (см. ниже). У устья Пануко отряд Пинеды подвергся нападению индейцев. В битве многие испанцы во главе с командиром погибли, ацтеки сняли с них кожу, которую выставили в своих домах как трофей, тела же были съедены.

Индейцам удалось сжечь всю флотилию за исключением одного корабля под командой *Диего Камарго*: ему посчастливилось избежать страшной участи и выйти в море. На судне сразу же начался голод. В спешке моряки не захватили припасов, и, когда оно пристало к мексиканскому берегу у Веракруса (близ 19° с. ш.), на

¹ Видимо, все же не он оказался первооткрывателем Миссисипи. Вскоре после плаваний Колумба какой-то европеец провел в этом районе сбор географических сведений. Итогом его работы, вероятно, явилась карта дельты реки в новом (1513 г.) издании «Географии» Птолемея.

нем находилось 60 смертельно больных людей. «Вид у них был ужасен — животы вспухли, а сами худые как смерть. Многие из них [как] и сам Камарго... умерли» (Б. Диас). Благодаря плаванию Пинеды Испания, опираясь на право первого открытия, формально считала своим владением все побережье Мексиканского залива.

После экспедиции Пинеды в 1520 г. Гарай послал в Испанию карту, на которой отчетливо видны оба полуострова — Флорида и Юкатан, связанные береговой линией, замыкающей на севере Мексиканский залив. Итак, к 1520 г. различные испанские экспедиции закончили, конечно, только в общих чертах открытие всего побережья Мексиканского залива.

Открытие тихоокеанской полосы Центральной Америки

Начало открытия тихоокеанского берега Центральной Америки положил, как мы видели, В. Бальбоа в 1514 г. Через четыре года, по версии историка *Г. Э. Овьедо-и-Вальдеса*, хорошо осведомленного, так как он служил у губернатора Педро Авилы, вдоль побережья от Панамского залива на северо-запад двинулась экспедиция *Гаспара Эспиносы* на двух судах (штурман *Хуан Кастаньеда*). Они обогнули п-ов Асуэро, открыли за ним небольшие о-ва Себако и Койба и, не заходя ни в один из глубоко вдающихся в сушу заливов, продолжали движения до входа в залив Никоя (у $84^{\circ} 40'$ з. д.). Кроме беглого первого знакомства с побережьем длиной 1000 км, испанцы вторично, но уже на очень большую сумму, ограбили касика, живущего у бухты Парита. На это плавание, по Овьедо, они затратили два года.

В 1520 г. на Панамском перешейке появился с отрядом в 200 человек новый претендент на «продолжение открытий в Южном море» — *Хиль Гонсалес Авила*. Несмотря на королевский патент, Педро Авила отказался предоставить своему однофамильцу (или родственнику) флотилию, переданную Эспиносе, и солдаты Хилия Авилы под руководством опытного пилота *Андреса Ниньо* построили на Панамском заливе четыре судна. На это ушло почти два года; более 100 прибывших погибли от болезней. В январе 1522 г. корабли двинулись на запад с разрешения губернатора — Хиль Авила сделал его пайщиком предприятия, приняв от него фиктивный взнос.

По инструкции Ниньо должен был обследовать каждую бухту — не является ли она входом в пролив, соединяющий Южное море с Карибским. Обогнув п-ов Асуэро и пройдя мимо о-вов Себако и Койба, экспедиция осмотрела берега заливов Чирики, Гольфо-Дульсе и Коронада, отделенных друг от друга мысом Бурика и небольшим п-овом Оса. В конце 1522 г., пройдя более 1000 км от п-ова Асуэро, экспедиция вступила в усеянный островами, глубоко вдающийся в сушу залив Никоя, огражденный от океана п-овом Никоя.

Так жили индейцы-чоротеги¹, вытесненные в приморскую полосу завоевателями ацтекского происхождения. Касик Никой согласился принять крещение, «уступив своих маленьких золотых идолов» испанцам, и посоветовал им идти на север, во владения богатого касика *Никарао* (или Никарагуа), «по имени которого испанцы стали называть всю страну» (Ан. Эррера). Туда и повел Хиль Авила сотню пехотинцев и четырех кавалеристов, сопровождаемых носильщиками-чоротегами, и в марте 1523 г. открыл в 200 км к северу от Никой озеро Никарагуа, величайшее в Центральной Америке (8430 км²), а за ним — озеро Манагуа (около 1500 км²). Окрестности озера Никарагуа были густо населены земледельцами, родственными ацтекам. Никарао «уступил» испанцам много золотых изделий и вместе с жителями поселка принял крещение. Затем Х. Авила обошел часть побережья озера, продолжая грабить и крестить жителей, пока с севера не пришло несколько тысяч воинов, которые заставили испанцев поспешно отступить на юг.

Между тем Ниньо прошел морем от п-ова Никоя вдоль незнакомого берега на северо-запад и обследовал дополнительно участок побережья длиной около 1500 км, открыв небольшие заливы Папайго (у 10°30' с. ш.), Фонсека (у 13° с. ш.) и выровненную низменную береговую линию до восточного входа в залив Теуантепек (близ 16° с. ш.). За узкой полосой приморской низменности Ниньо усмотрел высокую вулканическую цепь, названную им в честь Х. Авилы (на наших картах Сьерра-Мадре-де-Чьяпас, высота до 4117 м, длина около 500 км). Он вернулся к заливу Никоя очень своевременно — до прихода туда расстроенного отряда Х. Авилы. В июне 1523 г. экспедиция находилась уже у Панамы, где в присутствии Овьедо «были сплавлены добытые золотые изделия, причем чистого металла оказалось очень мало». Неизвестно, как поладил и поладил ли Хиль Авила² с Педро Авиллой, которого нельзя было удовлетворить такой жалкой добычей. Мы знаем лишь от Б. Диаса, что вскоре (не позднее начала 1524 г.) «Хиль Гонсалес Авила, случайно прибывший в качестве губернатора к заливу Дульсе [озеро Исабаль в Восточной Гватемале], основал там г. Сан-Хиль-де-Буэна-Виста. Окрестные индейцы были очень воинственны, и Хиль Гонсалес лишь с трудом сдерживал их напор. Узнав об этом, *Кристоваль Олид* [офицер, отделившийся от Кортеса] задумал ликвидировать весь гарнизон [Авилы]. План не удался: гарнизон отчаянно защищался, и люди Олида потеряли восемь человек... Города, правда, не взяли, зато увели несколько пленных и среди них... Хилья Гонсалеса». Это пленение Хилья Авилы стоило жизни Олиду (см. ниже).

¹ Чоротеги позднее были частью истреблены, частью смешались с испанцами. Группа их живет и теперь на п-ове Никоя; язык родствен языку мексиканских отоми.

² В письме королю Испании от 6 марта 1524 г. Х. Авила несколько преувеличил достижения А. Ниньо, сообщив, что тот продвинулся вдоль берега под парусами до 17° 30' с. ш.; это утверждение, однако, не согласуется с названиями пунктов, помещенных на картах того времени: все они «ложатся» на побережье до 16° с. ш.

МАГЕЛЛАН И ПЕРВОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ

Плавание Фроиша и Лижбоа

После того как Бальбоа открыл Южное море, испанцы стали очень подозрительно относиться к появлению в карибских водах португальских судов. Испанские власти на о. Эспаньола (Гаити) в конце 1512 г. получили от короля Фердинанда распоряжение «следить за несуществующим проливом» и захватывать любой корабль. Первым пострадавшим от этого приказа стал португальский капитан *Иштеван Фроиш* в 1512 г., охотившийся за рабами у северных берегов Южной Америки. Его каравелла требовала ремонта, и он решил подойти к берегам Эспаньолы. Здесь он сразу же был схвачен и со всей командой брошен в тюрьму. Сопровождающей Фроиша другой каравелле под командой уже знакомого нам Жуана Лижбоа удалось исчезнуть и благополучно добраться до Мадейры; затем, видимо, уже без опаски он зашел в испанский порт Кадис, где продал свой груз бразильского дерева. В порту или на Мадейре у него, как теперь говорят, взял интервью «корреспондент» маленькой газетки, выходившей в г. Аугсбурге. Лижбоа рассказал «журналисту», что где-то в Южной Америке существует длинный пролив, по которому можно пройти к «Восточным Индиям». Заметка об этом открытии, опубликованная не позднее 1514 г., сообщала, не упоминая имен и названий судов, о плавании «к реке Плате». Историки открытий в наши дни, считают, что И. Фроиш и Ж. Лижбоа достигли приблизительно 35° ю. ш., вошли в залив Ла-Плата, но не исследовали до конца — длина его 320 км — и потому приняли за пролив. Можно, следовательно, говорить, что они открыли побережье Южной Америки от $26^{\circ}15'$ ю. ш. до 35° ю. ш. на протяжении более 1,5 тыс. км.

Солис и вторичное открытие Ла-Платы

Трудно сказать, знали ли испанцы о плавании Фроиша и Лижбоа, но точно известно, что король Фердинанд, в 1514 г. получивший известия об открытии Южного моря, решил направить на поиски пролива флотилию из трех кораблей. Ее командиром он назначил

Хуана Диаса Солиса, ставшего с 1512 г. (после Америго Веспуччи) главным пилотом Кастилии. Солис отплыл не ранее 8 октября 1515 г., но не известно, где коснулся Южно-Американского материка, и, двигаясь вдоль уклоняющегося к юго-западу бразильского берега, у 35° ю. ш. достиг нового «Пресного моря». Затем он обогнул незначительный выступ (Монтевидео) и прошел на запад около 200 км, вероятно убежденный, что нашел проход в Восточный океан. Но открыл он устья двух больших рек — Параны и Уругвая. Солис высадился на берег в середине февраля 1516 г. и был там убит индейцами. Два судна его флотилии в сентябре того же года вернулись в Испанию. Позднее Магеллан назвал общее устье двух рек Рио-де-Солис (с середины XVI в. — Ла-Плата).

Проект Магеллана и состав его экспедиции

В завоевании Индии и Малакки с 1505 по 1511 г. участвовал бедный португальский дворянин *Фернан Магеллан* — так его принято называть; подлинная же его фамилия — Магальянш¹. В 1512—1515 гг. он воевал в Северной Африке, где был ранен. Вернувшись на родину, он просил у короля повышения по службе, но получил отказ. Оскорбленный Магеллан уехал в Испанию и вступил в компанию с португальским астрономом *Руй Фалейру*, который уверял, что будто нашел способ точно определять географические долготы. В марте 1518 г. оба явились в Севилью в Совет Индии² и заявили, что Молукки, важнейший источник португальского богатства, должны принадлежать Испании, так как находятся в западном, испанском полушарии (по договору 1494 г.), но проникнуть к этим «Островам пряностей» нужно западным путем, чтобы не возбудить подозрений португальцев, через Южное море, открытое и присоединенное Бальбоа к испанским владениям. И Магеллан убедительно доказывал, что между Атлантическим океаном и Южным морем должен быть пролив к югу от Бразилии. Магеллан и Фалейру потребовали сначала тех же прав и преимуществ, какие были обещаны Колумбу. После долгого торга с королевскими советниками, выговорившими себе солидную долю ожидаемых доходов, и после уступок со стороны португальцев с ними был заключен договор: *Карл I* обязался снарядить пять кораблей и снабдить экспедицию припасами на два года. Перед отплытием Фалейру отказался от предприятия, и Магеллан, несомненно, душа всего дела, стал единоличным начальником экспедиции. Он поднял адмиральский флаг на «Тринидаде» (100 т). Капитанами остальных судов были назначены испанцы: «Сан-Антонио» (120 т) — *Хуан Картахена*, получивший также полномочия королевского контролера экспедиции; «Консепсьон» (90 т) — *Гаспар Кесада*; «Виктория» (85 т) — *Луис*

¹ Он родился около 1480 г. в Португалии; в 1509 и 1511 гг. на португальских судах достигал Малакки, а по С. Морисону, даже «Островов пряностей» (о. Амбон).

² Учреждение, ведавшее делами новооткрытых территорий.

Мендоса и «Сантьяго» (75 т) — Хуан Серрано. Штатный состав всей флотилии исчислялся в 293 человека, на борту находилось еще 26 внештатных членов экипажа, среди них молодой итальянец *Антонио Пигафетта*, будущий историк экспедиции. Поскольку он не был ни моряком, ни географом, очень важным первоисточником служат записи в судовых журналах, которые *Франсиско Альбо*, помощник штурмана, вел на «Тринидаде». В первое кругосветное плавание отправился интернациональный коллектив: кроме португальцев и испанцев, в его состав вошли представители более 10 национальностей.

Фернан Магеллан.

Открытие Патагонии, Огненной Земли и Магелланова пролива

20 сентября 1519 г. флотилия вышла из порта Сан-Лукар в устье Гвадалквивира. При переходе через океан Магеллан выработал хорошую систему сигнализации, разнотипные корабли его флотилии ни разу не разлучались. Несогласия между ним и капитанами-испанцами начались очень скоро: за Канарскими о-вами Картахена потребовал, чтобы начальник советовался с ним относительно всякой перемены курса. Магеллан спокойно и гордо ответил: «Ваша обязанность следовать днем за моим флагом, а ночью за моим фонарем». Через несколько дней Картахена снова поднял этот вопрос. Тогда Магеллан, отличавшийся, несмотря на малый рост, большой физической силой, схватил его за шиворот и приказал держать под стражей на «Виктории», а капитаном «Сан-Антонио» назначил своего родственника, «сверхштатного» моряка *Алвару Мишкиту*.

26 сентября флотилия подошла к Канарским о-вам, 29 ноября достигла побережья Бразилии близ 8° ю. ш., 13 декабря — бухты Гуанабара, а 26 декабря — Ла-Платы. Штурманы экспедиции были лучшими в то время: выполняя определения широт, они внесли коррективы в карту уже известной части материка. Так, мыс Кабу-Фриу, по их определению, находится не у 25° ю. ш., а у 23° ю. ш. — их ошибка составила менее 2 км от его истинного положения. Не доверяя сообщениям спутников Солиса, Магеллан около месяца обследовал оба низменных берега Ла-Платы; продол-

жив открытие равнинной территории Пампы, начатое Лижбоа и Со-
лисом, он послал «Сантьяго» вверх по Паране, и, конечно, не нашел
прохода в Южное море. Далее простиралась неведомая, малонасе-
ленная земля. И Магеллан, боясь пропустить вход в неуловимый
пролив, 2 февраля 1520 г. распорядился сняться с якоря и двигать-
ся как можно ближе к побережью только днем, а к вечеру оста-
навливаться. На стоянке 13 февраля в обнаруженном им большом
заливе Баия-Бланка флотилия выдержала ужасающую грозу, во
время которой на мачтах судов появились огни святого Эльма¹.
24 февраля Магеллан открыл другой крупный залив — Сан-Матиас,
обогнул выявленный им п-ов Вальдес и укрылся на ночь в не-
большой гавани, которую назвал Пуэрто-Сан-Матиас (залив Гольфо-
Нуэво наших карт, у 43° ю. ш.). Южнее, в районе устья р. Чубут,
27 февраля флотилия наткнулась на огромное скопление пингвинов
и южных морских слонов. Для пополнения запасов пищи Магеллан
направил к берегу лодку, но неожиданно налетевший шквал отбро-
сил суда в открытое море. Оставшиеся на берегу матросы, чтобы не
погибнуть от холода, укрылись телами убитых животных. Забрав
«заготовителей», Магеллан двинулся к югу, преследуемый шторма-
ми, обследовал еще один залив, Сан-Хорхе, и провел шесть штормо-
вых дней в узкой бухте (эстуарий р. Рио-Десеадо, близ 48° ю. ш.).
31 марта, когда стало заметно приближение зимы, он решил зимо-
вать в бухте Сан-Хулиан (у 49° ю. ш.). Четыре корабля вошли в
бухту, а «Тринидад» стал на якорю у входа в нее. Офицеры-испан-
цы хотели заставить Магеллана «выполнить королевские инструк-
ции»: повернуть к мысу Доброй Надежды и восточным путем прой-
ти к Молуккам. В ту же ночь начался бунт. Картахена был
выпущен на свободу, мятежники захватили «Викторию», «Консе-
сьон» и «Сан-Антонио», арестовали Мишкиту, а Кесада смертельно
ранил помощника, преданного Магеллану. Они навели пушки на
«Тринидад» и потребовали, чтобы Магеллан явился к ним для
переговоров. Против двух кораблей адмирала были три мятежных,
приготовившихся к бою. Но мятежники не доверяли своим матро-
сам, а на одном судне даже разоружили их.

В тяжелых обстоятельствах Магеллан обнаружил спокойную ре-
шимость. Он послал верного ему альгвасила (полицейского офи-
цера) *Гонсало Гомеса Эспиносу* с несколькими матросами на «Вик-
торию» — пригласить ее капитана для переговоров на адмираль-
ский корабль. Тот отказался, тогда альгвасил вонзил ему в горло
кинжал, а один матрос добил его. Шурин Магеллана, португалец
Дуарти Барбоза, немедленно завладел «Викторией» и был назначен
ее капитаном. Теперь у мятежников было только два судна, а что-
бы они не дезертировали, предусмотрительный адмирал, как сказано
выше, заранее занял удобную позицию у выхода из бухты. «Сан-
Антонио» пробовал было прорваться в океан, но матросы после зал-
па с «Тринидада» связали офицеров и сдались. То же произошло на
«Консепсьоне». Магеллан круто обошелся с бунтовщиками-капи-

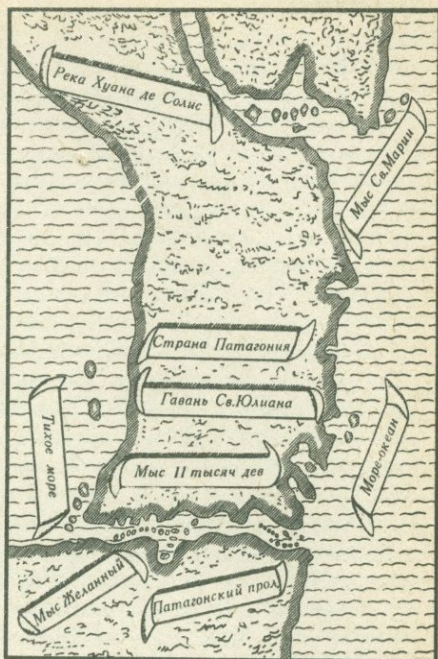
¹ Электрические разряды в атмосфере, имеющие форму светящихся кисточек.

танами: он приказал отрубить голову Кесаде, четвертовать труп Мендосы, высадить на пустынный берег Картахену вместе с заговорщиком-священником, но остальных бунтовщиков пощадил.

В начале мая адмирал послал на юг на разведку Серрано на «Сантьяго», но 3 мая корабль разбился о скалы у р. Санта-Крус (у 50° ю. ш.) и команде его с трудом удалось спастись (погиб один матрос). Магеллан перевел Серрано капитаном на «Консепсьон». К месту зимовки подходили индейцы очень высокого роста. Они были названы патагонцами (по-испански «патагон» — большеногий), их страна с того времени именуется Патагонией.

Пигафетта преувеличенно описывал патагонцев как настоящих великанов¹. 24 августа флотилия вышла из бухты Сан-Хулиан и достигла устья Санта-Крус, где пробыла до середины октября, ожидая наступления весны. 18 октября флотилия двинулась на юг вдоль патагонского берега, который образует на этом участке (между 50 и 52° ю. ш.) широкий залив Баия-Гранде. Перед выходом в море Магеллан заявил капитанам, что будет искать проход в Южное море и повернет на восток, если не найдет пролива до 75 ю. ш., т. е. он сам сомневался в существовании «Патагонского пролива», но хотел продолжать предприятие до последней возможности. Залив, или пролив, ведущий на запад, был найден 21 октября 1520 г. за 52° ю. ш., после того, как Магеллан открыл неизвестное ранее Атлантическое побережье Южной Америки на протяжении около 3,5 тыс. км (между 34 и 52° ю. ш.).

Обогнув мыс Дев (Кабо-Вирхенес), адмирал выслал вперед два корабля, чтобы выяснить, существует ли на западе выход в открытое море. Ночью поднялся шторм, который длился два дня. Посланным кораблям грозила гибель, но в самый тяжелый момент они заметили узкий пролив, устремились туда и оказались в сравнительно широкой бухте; по ней они продолжали путь и увидели другой пролив, за которым открылась новая, более широкая бухта.

Магелланов пролив (эскиз карты А. Пигафетты, на оригинале север находится внизу).

¹ Название этого племени техуэльчи. Накидки из шкур гуанако с высокими капюшонами и мокасины делали их выше, чем они были в действительности: рост индейцев по замерам конца 1891 г. составлял от 183 до 193 см.

Тогда капитаны обоих кораблей — Мишкита и Серрано — решили вернуться и доложить Магеллану, что, видимо, нашли проход, ведущий в Южное море. «...Мы увидели эти два корабля, подходившие к нам на всех парусах с развевающимися по ветру флагами. Подойдя к нам ближе... они стали стрелять из орудий и шумно приветствовать нас». Однако до выхода в Южное море было еще далеко: Магеллан шел несколько дней на юг через узкие проливы, пока не увидел два канала у о. Доусон: один — на юго-восток, другой — на юго-запад. Он послал «Сан-Антонио» и «Консепсьон» на юго-восток, а на юго-запад — лодку. Моряки вернулись «через три дня с известием, что видели мыс и открытое море». Адмирал прослезился от радости и назвал этот мыс Желанным.

«Тринидад» и «Виктория» вошли в юго-западный канал, простояли там на якоре в ожидании четыре дня и вернулись назад для соединения с двумя другими кораблями, но там был только «Консепсьон»: на юго-востоке он зашел в тупик — в залив Инутиль — и повернул обратно. «Сан-Антонио» попал в другой тупик; на обратном пути, не застав на месте флотилию, офицеры ранили и заковали в кандалы Мишкиту и в конце марта 1521 г. вернулись в Испанию. Дезертиры обвинили Магеллана в измене, чтобы оправдать себя, и им поверили: Мишкита был арестован, семья Магеллана лишена казенного пособия. Жена его и два ребенка вскоре умерли в нищете. Но адмирал не знал, при каких обстоятельствах исчез «Сан-Антонио». Он полагал, что корабль погиб, так как Мишкита был его испытанным другом. Следуя вдоль северного берега сильно сузившегося Патагонского пролива (так называл его Магеллан), он обогнул самую южную точку Южно-Американского континента — мыс Фроурд (на п-ове Брансуик, 53°54' ю. ш.) и еще пять дней (23—28 ноября) вел три корабля на северо-запад будто по дну горного ущелья. Высокие горы (южное окончание Патагонской Кордильеры) и голые берега, казалось, были безлюдны, но на юге днем были видны дымки, а по ночам — огни костров. И Магеллан назвал эту южную землю, размеров которой он не знал, «Земля Огня» (Тьерра-дель-Фуэго)¹. На наших картах она неточно называется Огненной Землей. Через 38 дней, после того как Магеллан нашел атлантический вход в пролив, действительно соединяющий два океана, он прошел мыс «Желанный» (теперь Пилар) у тихоокеанского выхода из Магелланова пролива (около 550 км).

Первый переход через Тихий океан

Итак, Магеллан вышел 28 ноября 1520 г. из пролива в открытый океан и повел оставшиеся три корабля сначала на север, стараясь поскорее покинуть холодные высокие широты и держась при-

¹ По другой версии, он назвал южную страну «Землей Дымов» (очагов) — Тьерра-де-лос-Умос (так показано на испанской карте 1529 г.). Но Карл I переименовал ее в «Землю Огней» на том основании, что «нет дыма без огня».

мерно в 100 км от скалистого побережья. 1 декабря он прошел близ п-ова Тайтао (у 47° ю. ш.), а затем суда удалились от материка — 5 декабря максимальное расстояние составило 300 км. 12—15 декабря Магеллан вновь довольно близко подошел к берегу у 40° и $38^{\circ}30'$ ю. ш., т. е. не менее чем в трех точках видел высокие горы — Патагонскую Кордильеру и южную часть Главной Кордильеры. От о. Моча ($38^{\circ}30'$ ю. ш.) суда повернули на северо-запад, а 21 декабря, находясь у 30° ю. ш. и 80° з. д., — на запад-северо-запад.

Нельзя, конечно, говорить, что во время своего 15-дневного плавания на север от пролива Магеллан открыл побережье Южной Америки на протяжении 1500 км, но он по крайней мере доказал, что в диапазоне широт от $53^{\circ}15'$ до $38^{\circ}30'$ ю. ш. западный берег материка имеет почти меридиональное направление.

«...Мы... погрузились в просторы Тихого моря. Три месяца и двадцать дней мы были совершенно лишены свежей пищи. Мы питались сухарями, но то уже не были сухари, а сахарная пыль, смешанная с червями... Она сильно воняла крысиной мочой. Мы пили желтую воду, которая гнила уже много дней. Мы ели также воловьей кожи, покрывающие рей... Мы вымачивали их в морской воде в продолжение четырех-пяти дней, после чего клали на несколько минут на горячие уголья и съедали. Мы часто питались древесными опилками. Крысы продавались по полдуката за штуку, но и за такую цену их невозможно было достать» (Пигафетта). Почти все болели цингой; 19 человек умерло, в том числе бразилец и патагонский «гигант». К счастью, погода была все время хорошая: потому-то Магеллан и назвал океан Тихим.

Вероятно, именно во время перехода через Тихий океан в южном полушарии спутники Магеллана обратили внимание на две звездные системы, получившие позднее название Большого и Малого Магеллановых облаков. «Южный полюс не такой звездный, как северный, — пишет Пигафетта. — Здесь видны скопления большого числа небольших звезд, напоминающие тучи пыли. Между ними расстояние небольшое, и они несколько тусклые. Среди них находятся две крупные, но не очень яркие звезды,двигающиеся очень медленно». Он имел в виду две звезды околполярного созвездия Гидры. Испанцы обнаружили также «пять необычайно ярко сверкающих звезд, расположенных крестом...» — созвездие Крест, или Южный Крест.

Пересекая Тихий океан, флотилия Магеллана прошла не менее 17 тыс. км, из них большую часть в водах Южной Полинезии и Микронезии, где разбросано бесчисленное множество небольших островов. Поразительно, что при этом моряки встретили за все время лишь «два пустынных островка, на которых нашли одних только птиц да деревья». По записям Альбо, первый (Сан-Пабло), открытый 24 января 1521 г., находится на $16^{\circ}15'$, а второй (Тивуронес, т. е. «Акулы», 4 февраля) — на $10^{\circ}40'$ ю. ш. Магеллан и Альбо очень точно для того времени определяли широту, но так как о правильном исчислении долготы в XVI в. не приходится говорить,

то нельзя уверенно отождествить эти островки с какими-нибудь островами на наших картах¹. На этом отрезке Магеллан выполнил первое измерение морских глубин, которое может быть классифицировано как «научное». Достичь дна с помощью шести связанных линий в несколько сотен морских саженей он не смог и пришел к выводу, что обнаружил самую глубокую часть океана.

Историки недоумевают, почему Магеллан пересек экватор и зашел за 10° с. ш. — он же знал, что Молукки находятся у экватора. Но ведь именно там лежит Южное море, уже известное испанцам. Возможно, Магеллан хотел убедиться, действительно ли оно является частью новооткрытого океана.

6 марта 1521 г. на западе наконец появились два обитаемых острова (Гуам и Рота, самые южные из группы Марианских). Десятки лодок с балансирами вышли навстречу чужеземцам. Они плыли с помощью треугольных «латинских» парусов, сшитых из пальмовых листьев. У Гуама (13°30' с. ш.) жители — смуглые, хорошо сложенные люди, голые², но в небольших шляпах из пальмовых листьев — взобрались на корабль и хватали все, что им попадалось на глаза, вследствие чего эта группа названа была «Разбойничьими островами» (Ладронес).

Когда островитяне похитили лодку, привязанную за кормой, раздраженный Магеллан высадился на берег с отрядом, сжег несколько десятков хижин и лодок, убил семь человек и вернул лодку. «Когда кто-нибудь из туземцев бывал ранен стрелами из наших арбалетов, которые пронзали его насквозь, он раскачивал конец стрелы во все стороны, вытаскивал его, рассматривал с великим изумлением и так умирал...»

15 марта 1521 г., пройдя на запад еще около 2 тыс. км, моряки увидели встающие из моря горы — это был о. Самар восточно-азиатской группы островов, позднее названных Филиппинами. Магеллан тщетно искал место для якорной стоянки — скалистый берег острова не представил ни единого шанса. Суда продвинулись немного на юг, к островку Сиаргао близ южной оконечности о. Самар (у 10°45' с. ш.) и там провели ночь. Длина пути, пройденного Магелланом от Южной Америки до Филиппин, оказалась во много раз больше расстояния, которое показывали на картах того времени между Новым Светом и Японией. На деле Магеллан доказал, что между Америкой и тропической Азией лежит гигантское водное пространство, гораздо шире Атлантического океана. Открытие прохода из Атлантического океана в Южное море и плавание Магеллана через это море произвело настоящую революцию в географии. Оказалось, что большая часть поверхности земного шара занята не сушей, а океаном, и доказано было наличие единого Мирового океана.

¹ Наиболее вероятно, что Сан-Пабло — один из северо-восточных островов архипелага Туамоту, Тивурунес — один из южных островов Лайн (Центральная Полинезия).

² Женщины носили набедренные повязки, «узкую полоску тонкой, как бумага, коры».

Филиппинские острова и гибель Магеллана

Из осторожности Магеллан 17 марта перешел от Сиаргао к необитаемому острову Хомонхон¹, лежащему к югу от большого о. Самар, чтобы запастись водой и дать отдохнуть людям. Жители соседнего островка доставляли испанцам фрукты, кокосовые орехи и пальмовое вино. Они сообщили, что «в этом краю много островов». Магеллан назвал архипелаг Сан-Ласаро. У местного старейшины испанцы видели золотые серьги и браслеты, хлопчатобумажные ткани, вышитые шелком, холодное оружие, украшенное золотом. Через неделю флотилия двинулась на юго-запад и остановилась у о. Лима-сава (10° с. ш., 125° в. д., южнее о. Лейте). К «Тринидаду» подошла лодка. И когда малаец Энрике, раб Магеллана, окликнул гребцов на своем родном языке, они его сразу поняли. Через пару часов прибыли две большие лодки, полные людей, с местным правителем, и Энрике свободно объяснялся с ними. Магеллану стало ясно, что он находится в той части Старого Света, где распространен малайский язык, т. е. недалеко от «Островов пряностей» или среди них. И Магеллан, побывавший на о. Амбон (128° в. д.) в составе экспедиции А. Абреу, завершил таким образом первое в истории кругосветное плавание.

Правитель острова дал Магеллану лоцманов, которые сопровождали корабли до крупного торгового порта Себу. В журнале Альбо и у Пигафетты появляются новые для европейцев названия островов — Лейте, Бохоль, Себу и т. д. Западноевропейские историки называют это открытием Филиппин, хотя они давно уже посещались азиатскими мореходами, и Магеллан и его спутники видели там китайские товары, например фарфоровую посуду. В Себу они встретили порядки настоящего «цивилизованного» мира. Раджа (правитель) начал с того, что потребовал от них уплаты пошлины. Платить Магеллан отказался, но предложил ему дружбу и военную помощь, если тот признает себя вассалом испанского короля. Правитель Себу принял предложение и через неделю даже крестился вместе со своей семьей и несколькими сотнями подданных. Вскоре были крещены, по утверждению Пигафетты, «все жители этого острова и некоторые с других островов». На о. Себу он беседовал с несколькими арабскими купцами, сообщившими ему сведения о других островах архипелага. В итоге впервые в географический обиход с незначительными искажениями вошли такие названия, как Лусон, Минданао и Сулу.

В роли покровителя новых христиан Магеллан вмешался в междоусобную войну правителей островка Мактан, расположенного против города Себу. В ночь на 27 апреля 1521 г. он отправился туда с 60 людьми на лодках, но они из-за рифов не могли подойти близ-

¹ Акватория к западу от него стала знаменитой в наше время: 24—26 октября 1944 г. американские военно-морские силы разгромили здесь японский флот; в итоге американцы заняли все Филиппинские о-ва, кроме о. Лусон.

ко к берегу. Магеллан, оставив в лодках арбадетчиков и мушкетеров, с 50 людьми переправился вброд на островок. Там, у селения, их ожидали и атаковали три отряда. С лодок начали стрельбу по ним, но стрелы и даже мушкетные пули на таком расстоянии не могли пробить деревянных щитов нападающих. Магеллан приказал поджечь селение. Это разъярило мактанцев, и они стали осыпая чужеземцев стрелами и камнями и кидать в них копья. «...Наши, за исключением шести или восьми человек, оставшихся при капитане, немедленно бросились в бегство... Узнав капитана, на него накинулось множество людей... но все же он продолжал стойко держаться. Пытаясь вытащить меч, он обнажил его только до половины, так как был ранен в руку... Один [из нападающих] ранил его в левую ногу... Капитан упал лицом вниз, и тут его закидали... копиями и начали наносить удары тесаками, до тех пор, пока не погубили... наш свет, нашу отраду... Он все время оборачивался назад, чтобы посмотреть, успели ли мы все погрузиться в лодки» (Пигафетта). Кроме Магеллана, погибли восемь испанцев и четверо союзных островитян. Среди моряков имелось немало раненых. Подтвердилось старое изречение: «Господь бог дал португальцам очень маленькую страну для жизни, но весь мир для смерти»¹.

Путь испанцев к Молуккам

После гибели Магеллана капитанами флотилии были избраны Д. Барбоза и Х. Серрано. Новокрещенный правитель Себу, узнав, что корабли собираются уходить, пригласил своих союзников на прощальный пир. 24 моряка, в том числе Барбоза и Серрано, приняли приглашение и сошли на берег, но двое — Г. Эспиноса и пилот «Консепсьона» португалец *Жуан Лопиш Карвалью* — вернулись, заподозрив недоброе. Услышав на берегу крики и вопли, они приказали кораблям подойти ближе к берегу и обстрелять из орудий город. В это время испанцы увидели Серрано раненого, в одной рубашке; он кричал, чтобы прекратили стрельбу, иначе его убьют и что все его товарищи убиты, кроме переводчика малайца Энрике. Он умолял выкупить его, но Карвалью запретил шлюпке подойти к берегу.

«...И поступил он так с целью,— пишет Пигафетта,— чтобы они одни остались хозяевами на кораблях. И несмотря на то, что Хуан Серрано плача молил его не поднимать так быстро паруса, так как они убьют его... мы тут же отбыли». Сразу же Карвалью был объявлен начальником экспедиции, а капитаном «Виктории» избран Эспиноса. На судах осталось 115 человек, среди них много больных. Управлять тремя кораблями с таким экипажем было затруднительно, поэтому в проливе между о-вами Себу и Бохоль обветшалый «Консепсьон» был сожжен.

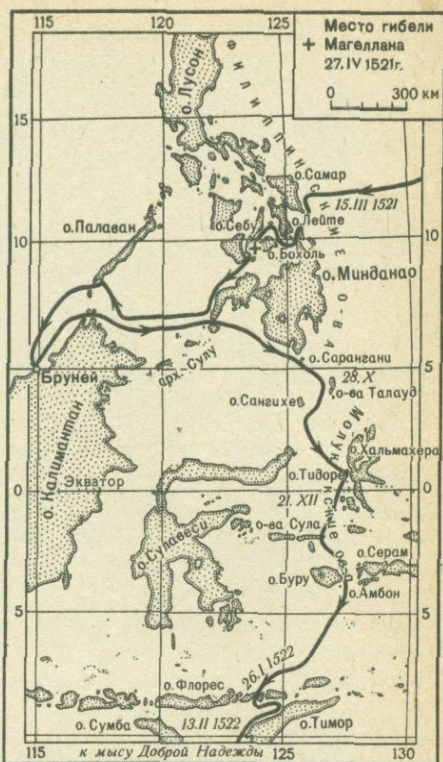
¹ На пустынном берегу о. Мактан, где нашел смерть Магеллан, ему поставлен памятник в виде двух кубов, увенчанных шаром.

«Виктория» и «Тринидад», выйдя из пролива, прошли мимо острова, «где люди черного цвета, как в Эфиопии» (первое указание на филиппинских негритосов); испанцы называли этот остров Негрос. На Минданао они впервые услышали о расположенном к северо-западу большом о. Лусон. Случайные лодчаны вели корабли через море Сулу к Палавану, самому западному острову Филиппинской группы.

Пигафетта — точный и тщательный хроникер — не был профессиональным картографом. Но как беспристрастный художник он сделал грубые зарисовки ряда островов Филиппинского архипелага, которых коснулась экспедиция Магеллана. Они не имеют сходства с оригиналами и могут быть идентифицированы лишь по названиям: Самар, первый из посещенных островов, Хомонхон, где произведена первая высадка, Мактан, место гибели Магеллана, а также Панаон, Лейте, Себу и Палаван. От о. Палаван испанцы прибыли — первые из европейцев — к гигантскому о. Калимантан и 9 июля стали на якорь у г. Бруней, по имени которого весь остров они, а затем и другие европейцы стали называть Борнео. Испанцы заключили союзы с местными раджами, покупали продукты и местные товары, иногда грабили встречные суда, но все еще не могли узнать дорогу к «Островам пряностей».

Пигафетта продуктивно использовал месячную стоянку «Виктории» — почти весь июль он провел в качестве гостя султана города Бруней и собрал первые достоверные сведения об о. Калимантан: «Этот остров настолько велик, что потребуется три месяца, чтобы обогнуть его на прау» (малайское судно).

7 сентября испанцы отправились в плавание вдоль северо-западного берега Калимантана¹ и, дойдя до его северной оконечности, простояли почти полтора месяца у небольшого острова, запасаясь продуктами и дровами. Им удалось захватить джонку

Путь кораблей Ф. Магеллана в Индонезии.

¹ При этом обходе Пигафетта усмотрел скалистую вершину и окрестил ее «горой Св. Петра» — это Кинабалу (4101 м), высшая точка Малайского архипелага.

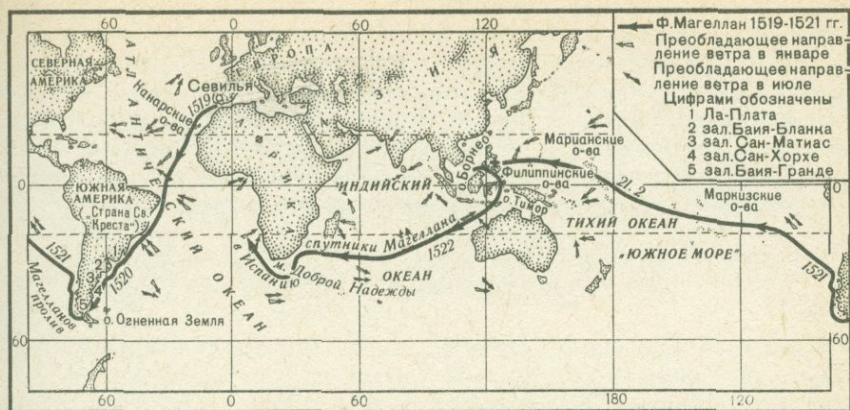

Корабль «Виктория» (гравюра XVI в.).

с малайским моряком, знавшим путь к Молуккам. Карвалью скоро был смещен «за неисполнение королевских указов» и адмиралом избран Эспиноса. Капитаном «Виктории» стал бывший помощник штурмана на «Консепсьоне» баск Хуан Севастьян Элькано, иначе — дель Кано. 26 октября в море Сулавеси корабли выдержали первый шторм после того, как оставили Магелланов пролив. 8 ноября малайский моряк привел суда к рынку пряностей на о. Тидоре, у западного берега Хальмахеры, самого большого из Молуккских о-вов. Здесь испанцы дешево закупили пряности — корицу, мускатный орех, гвоздику. «Тринидад» нуждался в ремонте, и было решено, что по его завершении Эспиноса пойдет на восток, к Панамскому заливу, а Элькано поведет на родину «Викторию» западным путем — вокруг мыса Доброй Надежды.

Завершение «Викторией» первого кругосветного плавания

21 декабря «Виктория» с экипажем в 60 человек, в том числе 13 малайцев, захваченных на островах Индонезии, двинулась от Тидоре на юг. В конце января 1522 г. лоцман-малаец привел корабль к о. Тимор. 13 февраля испанцы потеряли его из виду и взяли курс на мыс Доброй Надежды, потратив на блуждание среди Малайских о-вов в три раза больше времени, чем на переход через Тихий океан.

Первое кругосветное плавание.

Элькано сознательно держался подальше от обычного пути португальских кораблей, встреча с которыми грозила испанцам тюрьмой и, может быть, казнью. В южной части Индийского океана моряки усмотрели только один остров (у $37^{\circ}50'$ ю. ш., Амстердам). Это произошло 18 марта. 20 мая «Виктория» обогнула мыс Доброй Надежды.

Пройдя первым в этой части Индийского океана, Элькано доказал, что «Южный» материк не достигает 40° ю. ш. За время перехода по неведомым морским просторам Индийского океана экипаж судна сократился до 35 человек, включая четырех малайцев. На о-вах Зеленого Мыса, принадлежащих Португалии, где была сделана остановка с целью пополнения запасов пресной воды и продовольствия, выяснилось, что моряки «потеряли» один день, обходя землю с запада¹; здесь, у Сантьягу, отстали еще 12 испанцев и один малаец, арестованные по подозрению в том, что они попали на Молукки восточным путем. 6 сентября 1522 г. «Виктория» потерявшая в пути еще одного матроса, достигла устья Гвадалквивира, совершив за 1081 день первое в истории кругосветное плавание.

Из пяти кораблей Магеллана лишь один обогнул земной шар, а из его экипажа в 265 человек вернулись на родину только 18 (на борту были три малайца)². Но «Виктория» привезла столько пряностей, что продажа их с лихвой покрыла затраты на экспедицию, а Испания получила «право первого открытия» на Марианские и Филиппинские о-ва и предъявила претензии на Молукки.

¹ За эту «потерю» все оставшиеся в живых члены экипажа «Виктория» были подвергнуты унижительному наказанию — публичному покаянию: с церковной точки зрения подобная «небрежность» привела к неправильному соблюдению постов. Этот факт — яркая иллюстрация невежественности церковников, отказавшихся даже предположить возможность естественного объяснения интересного факта «потери» дня, впервые проявившегося в ходе кругосветного плавания Магеллана и его спутников.

² 13 моряков, арестованных на Сантьягу, прибыли на родину позднее, отпущенные португальцами по требованию Карла I.

Магеллан своим кругосветным плаванием доказал, что между Америкой и Азией простирается величайшее водное пространство, и установил наличие единого Мирового океана. Магеллан навсегда положил конец спорам о форме нашей планеты, предоставив практическое свидетельство ее шарообразности. Благодаря ему, наконец, ученые получили возможность установить истинные размеры Земли не умозрительно, а на основании неопровержимых данных.

Судьба команды «Тринидада»

Ремонт «Тринидада» затянулся более чем на три месяца, и он отплыл от Тидоре под командой Эспиносы (штурман *Леоне Панкальдо*) с экипажем 53 человека и почти 50-тонным грузом пряностей только 6 апреля 1522 г. Обогнув северный конец о. Хальмахера, Эспиноса сразу взял курс на восток, к Панаме. Однако противные ветры вскоре заставили его повернуть на север. В начале мая он обнаружил о-ва Сонсорол (у 5° с. ш., на крайнем западе Каролинской цепи), а между 12 и 20° с. ш. — 14 других островов из группы Марианских. С одного из них, скорее всего с о. Агрихан (у 19° с. ш.), на борт был взят туземец. Борясь с восточными ветрами, штормовой погодой и холодом, 11 июня Эспиноса достиг 43° с. ш. Как далеко к востоку продвинулось судно, ныне можно лишь предполагать — вероятно, испанцы находились между 150 и 160° в. д. 12-дневный шторм, плохая пища и слабость вынудили моряков повернуть назад. От голода и цинги к этому времени умерло больше половины команды. На обратном пути 22 августа Эспиноса открыл еще несколько северных Марианских о-вов, в том числе Мауг на 20° с. ш., и вернулся к Молуккам около 20 октября 1522 г. Дезертировавший у Мауга матрос *Гонсало Виго* перешел позднее на лодке к о. Гуам с помощью коренных жителей. Ознакомившись таким способом почти со всеми значительными островами между Маугом и Гуамом, он завершил открытие Марианской цепи, протянувшейся более чем на 800 км.

Между тем в середине мая 1522 г. к Молуккам подошла португальская военная флотилия *Антониу Бриту*. Выполняя задание — завладеть архипелагом и не допускать нарушения португальской монополии, он построил форт на о. Тернате. Получив в конце октября известие, что близ Молукк находится европейское судно, Бриту послал три корабля с приказом захватить его, и они привели к Тернате «Тринидад», на котором было 22 человека. Бриту наложил арест на груз и забрал мореходные инструменты, карты и, несомненно, судовой журнал. Этим объясняется осведомленность португальцев о пути экспедиции Магеллана, его гибели и позднейших событиях, а дополнительные сведения Бриту получил путем допроса «с пристрастием» захваченных им моряков. После четырехлетнего тюремного заключения из команды «Тринидада» выжили и в 1526 г. вернулись в Испанию только четверо, в том числе и Гонсало Эспиноса, также завершив кругосветное плавание.

КОРТЕС И ЗАВОЕВАНИЕ МЕКСИКИ

Морской поход Кортеса

Как только Грехальва вернулся, Диего Веласкес начал снаряжать флот для завоевания Мексики. Боясь назначить начальником Грехальву, пользовавшегося любовью солдат, губернатор поставил во главе экспедиции нового человека — Эрнандо Кортеса, «видного идадьго» из Эстремадуры, щеголя и мота. «Денег у него было мало, зато долгов много», — говорит Б. Диас, в третий раз собравшийся идти на запад, на поиски счастья. Под залог своего имени Кортес получил от ростовщиков значительные средства и начал вербовку солдат. Он обещал каждому долю в добыче и поместье с закрепощенными мексиканцами. Он набрал отряд в 508 человек (не считая ста с лишним матросов), взял с собой несколько пушек и 16 лошадей; на них он возлагал большие надежды, так как мексиканцы никогда не видели этих «страшных» животных и вообще не знали домашнего скота. Успех вербовки встревожил подозрительного губернатора. К тому же наушники убеждали его, что Кортес собирается завоевать Мексику лично для себя. Веласкес послал письменный приказ сместить Кортеса. Тот ответил почтительным и насмешливым письмом с просьбой «не слушать ябедников». Веласкес приказал задержать флот и арестовать Кортеса. Тот вежливо сообщил, что «на следующий день выходит в море».

10 февраля 1519 г. девять кораблей Кортеса к «золотой стране» повел Антон Аламинос. На о. Косумель, где был храм, почитаемый народом майя, Кортес выступил в роли апостола христианства. По его приказу языческие идолы были разбиты вдребезги, капище превращено в христианский храм. Первая схватка с индейцами произошла на южном берегу залива Кампече, в стране Табаско. Сломив их сопротивление, Кортес послал три отряда внутрь страны. Встретив крупные военные силы, они отступили с большим уроном. Кортес вывел против наступающих все войско. Индейцы сражались с большой отвагой и не боялись даже пушек. Тогда Кортес ударил на них с тыла своим небольшим кавалерийским отрядом. «Никогда еще индейцы не видели лошадей, и показалось им, что конь и всадник одно существо, могучее и беспощадное». Через несколько дней касики прислали припасы и привели 20 молодых женщин. Кортес

Кортес и Марина у тласкальцев
(тласкальское полотно XVI в.).

приказал их окрестить, а затем распределил среди офицеров. Одна из них, прославленная хронистами донья Марина, перешедшая впоследствии к Кортесу, стала переводчицей и оказала огромные услуги испанцам в борьбе против мексиканцев-ацтеков.

От Табаско флотилия прошла до о. Сан-Хуан-де-Улуа. 21 апреля испанцы высадились на берег материка и, чтобы обеспечить свой тыл, построили г. Веракрус. Вот как, по словам Диаса, основывали конкистадоры города в Новой Испании: «Избрали мы управителей города, на рынке водрузили позорный столб, за городом построили виселицу...» Итак, крест, позорный столб, виселица — вот три орудия освоения конкистадорами новых стран. У испанцев было огромное преимущество перед мексиканцами: огнестрельное оружие, железные доспехи, боевые кони. Но людей было так мало, что поход против многочисленной страны казался безнадежным. Кортес привлек на свою сторону обещаниями, подкупом, угрозами вождей окраинных народностей, угнетаемых господствующим народом — ацтеками.

Вожди, особенно из области Тласкала (точнее, Тлашкала), дали в помощь чужеземцам десятки тысяч воинов и носильщиков. Среди испанцев начались раздоры. Часть идалго, обеспеченных поместьями на Кубе, требовала возвращения на остров. Тогда Кортес пригрозил уничтожить весь флот¹, чтобы заставить даже нерешительных солдат наступать во что бы то ни стало. Часть пушек он все же снял с кораблей и взял в поход несколько десятков матросов, немного усилив таким образом наступающий отряд и гарнизон Веракруса.

Первый поход в город Теночтитлан (Мехико)

Монтесума, верховный вождь ацтеков, пытался подкупить испанцев, чтобы они отказались от похода на его столицу. Но чем больше он дарил конкистадорам золота и драгоценностей, тем сильнее стремились они овладеть Теночтитланом. Монтесума действовал нерешительно: приказывал подвластным ему вождям с оружием в руках сопротивляться испанцам, а при неудаче не оказывал им помощи, даже отрекался от них. Наконец он согласился впустить испанцев в Теночтитлан. Столица была построена на острове, в центре огромного искусственного (соленого) озера, окруженного большими городами и селениями. Эта местность, прекрасно возделанная, густонаселенная, красиво застроенная, буквально ослепила испанцев. У ворот столицы пришельцев встретил сам Монтесума с блестящей свитой: «...мы не верили глазам своим. С одной стороны, на суше — ряд больших городов, а на озере — ряд других... и перед нами великий город Мехико, а нас — нас только четыре сотни солдат! Были ли на свете такие мужи, которые проявили бы такую дерзкую отвагу?» (Б. Диас).

Испанцы разместились в огромном здании. Обшаривая помещение, они нашли замурованную дверь. Кортес приказал вскрыть ее и обнаружил потайное помещение с богатейшим кладом из драгоценных камней и золота. Но испанцы видели, что они заперты и окружены врагами в огромном городе, и решили захватить самого Монтесуму как заложника. Известие из Веракруса о нападении отряда на испанцев дало Кортесу повод для решительных действий. С пятью офицерами он явился во дворец Монтесумы и убедил его перейти на жительство в помещение, где находился испанский отряд. Затем Кортес потребовал выдачи ацтекских военачальников, участвовавших в сражении с гарнизоном Веракруса, и сжег их на костре. Монтесуму же для острастки он временно заключил в оковы. От имени Монтесумы Кортес стал с этого времени самовольно распорядиться во всей стране. Он заставил вождей ацтеков присягнуть испанскому королю, а затем потребовал от них, как от вассалов, уплаты дани золотом. Клад Монтесумы был так велик, что на его

¹ Сообщение о том, что Кортес уничтожил весь свой флот, — легенда.

Восстание в Теночтитлане и разгром испанцев

В это время почти вся Мексика восстала (1520 г.). Испанские укрепления были разрушены или сожжены, а столичный гарнизон осажден ацтеками. Отряд Кортеса состоял из 1300 солдат, 100 всадников и 150 стрелков. Тласкальцы, смертельные враги ацтеков, дали ему 2 тыс. отборных воинов. С таким войском Кортес беспрепятственно вступил в столицу. Вскоре, однако, восстание разгорелось с новой силой. Мексиканцы ежедневно бешено атаковали испанцев, среди которых начались голод, уныние и раздоры. Кортес потребовал, чтобы Монтесума вышел на крышу дома и приказал своим «подданным» приостановить штурм, так как испанцы согласились уйти из города. Мексиканцы ответили градом камней и стрел. Верховный вождь ацтеков был смертельно ранен и умер на руках у испанцев, но «не выразил желания принять христианство».

Каждый день, увеличивая силы врагов, уменьшал испанские силы. Запасы пороха истощались, съестных припасов и воды не было совсем. Перемирие, предлагаемое испанцами, с презрением отвергалось. В июле 1520 г. испанцы решили уйти из столицы ночью. Кортес выделил из добычи королевскую долю — крупные золотые слитки. После этого он разрешил каждому брать сколько угодно сокровищ. Новички из отряда Нарваэса «набрали столько, что едва могли брести». Умудренные опытом солдаты Кортеса брали легкую ношу — драгоценные камни. Тяжелую кладь навьючили на индейцев и раненых лошадей. Испанцы выступили в глухую полночь, но мексиканцы сразу же ударили по ним. Переносной мост, приготовленный отступающими для переброски через канал, опрокинулся, началась паника. «Всякий, кто не умел плавать, неминуемо погибал... Не мало было переловлено из лодок, немедленно связано и отнесено для жертвоприношений...» Наконец испанцы выбрались на берег озера, окружавшего Мехико. Они отступали в союзную Тласкалу, с трудом отражая натиск врагов. За пять дней погибли, утонули, убиты и взяты в плен, а затем принесены в жертву около 900 испанцев и 1300 их союзников-индейцев. Особенно много людей погибло в начале отступления, в «ночь печали», во время переправы через озеро. Кроме того, потеряны были все пушки, почти все огнестрельное оружие и 80 лошадей.

Испанцев выручили тласкальцы, боявшиеся мести ацтеков. Они дали завоевателям возможность оправиться от разгрома, выделили им в помощь несколько тысяч воинов. Опираясь на них, Кортес совершил карательные экспедиции против индейцев, нападавших на испанцев во время отступления. У них было очень мало золота, и Кортес после резни мужчин — их, по Б. Диасу, «в плен не брали, так как надзор за ними хлопотлив», — приказал согнать в одно место женщин и детей, чтобы «узаконить добычу», т. е. заклеймить как рабов, и выделить королевскую пятину, а кстати, и пятую часть в свою пользу. «Отوبرали самых лучших, крепких и красивых, а

нам оставили старых и уродливых». В то же время Кортес перехватывал у берегов Мексики одиночные корабли с солдатами, оружием, припасами и лошадьми, которые Веласкес посылал в помощь экспедиции Нарваэса: на Кубе еще ничего не знали о его судьбе.

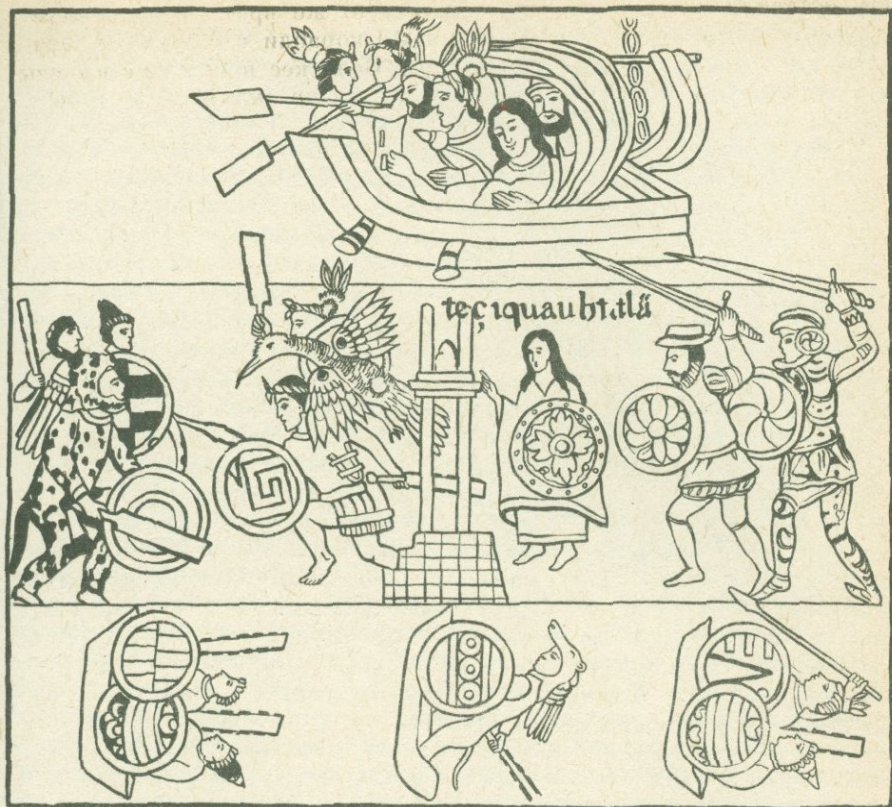
Второй поход и падение Теночтитлана

Пополнив отряд людьми и снаряжением, Кортес с 10 тыс. союзных индейцев в 1521 г. начал новое, планомерное наступление на Теночтитлан. Он приказал построить большие плоскодонные суда, чтобы завладеть озером, окружить и взять измором столицу ацтеков. Он запретил окрестным племенам посылать часть урожая в виде дани в Мехико и оказывал им помощь, когда отряды ацтеков приходили за данью. Он разрешил тласкальцам грабить ацтекские селения и предоставлял им часть добычи, чтобы слава о его «справедливости» разнеслась по всей стране. Словом, этот бесчестный, но талантливый человек в минуту величайшей опасности оказался «настоящим человеком на настоящем месте».

Обороной Теночтитлана руководил молодой *Куаутемок*, выбранный верховным вождем ацтеков после гибели Монтесумы и проявивший личный героизм и выдающиеся военные способности. Теперь положение резко изменилось: силы испанцев и число их союзников все росли, а силы ацтеков убывали. Когда построенные суда были доставлены на озеро, столица была обложена со всех сторон. Город отчаянно защищался больше трех месяцев. Испанцы разрушили городской водопровод, так что осажденные страдали не только от голода, но и от жажды. В августе 1521 г. испанцы ворвались в город и разрушили колодцы, из которых жители брали воду после уничтожения водопровода. Но еще несколько дней ацтеки отстаивали отдельные кварталы. Когда город пал, «он был переполнен мертвецами... порой их было так много, что они лежали друг на дружке, точно поленицы дров. Ведь погибло здесь почти все взрослое мужское население не только Мехико, но и окрестностей».

Кортес вывел своих людей из смрадного города и разрешил уцелевшим жителям уйти оттуда. «И вот по всем дамбам в течение трех суток потянулась вереница... живых скелетов, еле волочащих ноги, неслыханно грязных и оборванных, распространявших вонь». Когда «исход» прекратился, Кортес послал людей на разведку в город. Среди трупов они находили больных и слабых, не имевших сил подняться. Вода в колодцах была солоноватая и горькая. Горожане к концу осады питались кореньями, которые выкапывали на улицах, площадях и во дворах, и корой деревьев. «И все же никто не покусился на мясо мексиканца: врагов они ели, своих же никогда».

Мексика была покорена. Победители захватили все сокровища, собранные ацтеками в городах, и заставили коренное население работать во вновь организованных испанских поместьях. Часть была обращена в рабство, но и остальные закрепощенные индейцы фак-

Осада Мехико (тласкальское полотно XVI в.).

тически стали рабами. Сотни тысяч убитых или умерших от изнурения, голода и заразных болезней, занесенных конкистадорами, — вот страшный итог испанского завоевания страны. Попавшего в плен Куаутемока конкистадоры подвергли пыткам и в 1525 г. казнили.

Экспедиции Гарая и Нарваэса

После падения Мехико Кортес разослал отряды во все стороны, чтобы расширить границы Новой Испании — небольшой части «империи Монтесумы». Сам он отправился на северо-восток и окончательно завоевал страну ацтеков — бассейн Пануко, построил крепость и оставил сильный гарнизон. На эту область претендовал Франсиско Гарай, опираясь на право первого открытия (экспедиция Пинеды). Несмотря на прежние неудачи, Гарай решил снова попытать счастья. Он отправился к Пануко с отрядом в 1000 человек, на 13 кораблях (1523 г.), но буря отбросила их далеко к северу,

примерно к 25° с. ш. Отряд высадился у обширной лагуны (Мадре?), где «многим страна показалась слишком бедной и неприветливой». Отсюда Гарай двинулся сухим путем на юг, к р. Пануко (у 22° с. ш.), а судам приказал следовать за ним вдоль берега. Неудачи продолжали его преследовать: он потерял связь с судами, солдаты голодали, начались массовые грабежи, и индейцы стали поголовно покидать селения, заслышав о приближении испанцев. Отряд быстро таял: солдаты дезертировали большими группами, стремясь добраться до богатой Мексики. Между тем флотилия достигла р. Пануко и перешла на сторону Кортеса. Тогда Гарай смирился. «Жалея» неудачника, Кортес пригласил его в Мехико и принял с почетом. В том же, 1523 г. Гарай скоропостижно умер в Мехико. Но еще долго на испанских картах XVI в. весь северный берег Мексиканского залива незаслуженно назывался Землей Гарая.

Другому неудачнику — Нарваэсу — удалось найти покровителей, которые помогли ему организовать новую экспедицию на пяти судах. 1 мая 1528 г. он высадился с отрядом в 400 человек и 80 лошадей на западный берег Флориды, у залива Тампа. Здесь он принял бессмысленное решение отправить корабли на поиски удобной гавани на западе, а сам с 260 солдатами и 40 всадниками двинулся берегом. 25 июня, проделав первое пешее 400-километровое путешествие по болотам и лесам Флориды, испанцы с боями добрались до небольшого озера Миккосуки (у 30°30' с. ш. и 84° з. д.) и отдыхали там около месяца. В конце июля Нарваэс вышел к заливу Апалачи в надежде обнаружить суда, но там их не оказалось. Через несколько лет выяснилось, что флотилия, потерявшая на старте один корабль, прошла вдоль северных берегов Мексиканского залива и, затратив год на поиски, не обнаружила отряда Нарваэса.

Солдаты Нарваэса в создавшейся грозной ситуации проявили смекалку и находчивость: лодки, мачты и весла они соорудили из сосны с помощью личного холодного оружия, паруса сшили из собственных рубах, а из шкур лошадей, пошедших в пищу, — емкости для воды. К 20 сентября 1528 г. они построили пять лодок, в которых разместилось 245 человек, и отплыли на запад, держась близ побережья, причем дважды — в заливах Пенсакола (у 87° з. д.) и Мобил (у 88° з. д.) — подверглись нападению индейцев. В конце октября 1528 г. испанцы вошли в устье реки «Святого Духа», т. е. Миссисипи. Здесь в начале ноября Нарваэс и часть его людей утонули, другие были перебиты индейцами; остались в живых лишь четверо, но и те попали в плен (см. гл. 18).

Открытие тихоокеанской полосы Мексики и Гватемалы

На юго-восток от Мехико Кортес отправил отряд *Гонсало Сан-довалья*. Тот открыл горную область Оахака, населенную сапотекками, и достиг Южного моря (Тихого океана) западнее залива Теуантепек. Приморскую низменность он легко покорил, но сапотекки

упорно сопротивлялись. Они жили в малодоступных горах (Южная Сьерра-Мадре), куда конница не могла добраться, а пехота должна была идти гуськом вдоль обрывов, по узким и скользким тропам. Сапотекские воины, отлично вооруженные, крепкие и необычайно ловкие, носились вдоль обрывов так уверенно и быстро, что испанцы не могли поспеть за ними. Отряды конкистадоров *Кристовала Олида* и *Хуана Альварес-Чико* продвинулись на запад и юго-запад от Мехико и также достигли Тихоокеанского побережья в областях Мичоакан и Колима. За несколько месяцев было открыто южное побережье Новой Испании на протяжении около 1000 км (между 96 и 104° з. д.).

Травля индейцев собаками
(рисунок XVI в.).

Теуантепекский перешеек открыл в декабре 1523 — январе 1524 г. *Педро Альварado*, прозванный Солнышком, так как он был очень хорош собой и приветлив. Этот «солнечный» конкистадор опустошил всю область и захватил громадную добычу. Он начал там постройку крепости и распределил землю между солдатами, а затем, выкачав от индейцев все золото, бросил на произвол судьбы и недостроенную крепость и колонистов, и те разбежались по Мексике. Индейцы не раз восставали, и Альварado совершил вторичный поход на Теуантепек. После его покорения Альварado по поручению Кортеса в конце января 1524 г. выступил в поход на юго-восток, в горные страны Чьяпас (теперь штат) и Гватемалу¹, на поиски морского прохода из Мексиканского залива в Южное море. Отряд или, точнее, банда Альварado (360 пехотинцев и 160 всадников) двигалась вдоль тихоокеанского берега. Низменную, очень узкую приморскую полосу он (как и Сандоваль) завоевал без значительных усилий, но горцы и здесь героически сопротивлялись. Альварado применил тактику Кортеса: он использовал племенную вражду и с помощью жителей низменных районов разбил горцев. В результате он открыл и формально подчинил испанской короне область Чьяпас, расположенную в бассейне рек-сестер Грихальва и Усумасинта, и самую высокую горную страну Центральной Америки — Южную Гватемалу.

¹ Название «Гватемала» произошло от несколько искаженного слова «гуатез-мала», что на одном из индейских языков означает «водяной вулкан» (гейзер?).

В письме Кортесу он сообщил, что обнаружил хребет с двумя действующими вулканами, причем описал извержение одного из них; он отметил также, что никто не пьет воду из рек, протекающих близ этих огнедышащих гор. 25 июля 1524 г. Альварадо основал город «Сантьяго де... Гватемала» (ныне Гватемала, столица одноименного государства). Отряды «солнечного» конкистадора обследовали береговую линию еще на 1000 км — от западной окраины Теуантепекского залива до залива Фонсека, открытого, как мы знаем, Андресом Ниньо в 1523 г. После всех этих походов к концу 1524 г. испанцам стало известно Тихоокеанское побережье Центральной Америки на протяжении около 4000 км. И морского прохода они, конечно, не нашли.

Гондурасский поход Кортеса

В 1523 г. Кортес сделал еще одну попытку отыскать проход со стороны Карибского моря и обследовать для этого наименее известный гондурасский берег. К тому же он не раз слышал от моряков, будто Гондурас так богат золотом и серебром, что даже рыбаки употребляют грузила из чистого золота. Кортес дал своему любимцу Кристовалю Олиду пять кораблей и послал его в Гондурасский залив. Прошло больше полугода, и в Мехико стали поступать доносы, что Олид откололся от него и овладел Гондурасом в своих личных интересах. Кортес отправил туда вторую флотилию с приказом захватить Олида. Прошло еще несколько месяцев — и об этой экспедиции не было слуху: в Гондурасском заливе все корабли второй флотилии затонули во время бури; часть экипажа погибла, а уцелевшие сдались Олиду, в том числе и командир флотилии *Франсиско Лас Касас*. В плену он сошелся с Хилем Авиллой. Они составили заговор и вовлекли в него часть солдат Олида. Во время очередного похода на индейцев, за товарищеским ужином, заговорщики бросились на Олида, тяжело ранили, устроили суд и на следующий день обезглавили его. Люди Олида «раскаялись» и признали власть Кортеса. Но Кортес не знал всего этого. Он решил не доверять ни морю, ни офицерам и лично отправился сухим путем в Гондурас.

Он выступил из Мехико в октябре 1524 г. с отрядом из 250 ветеранов и нескольких тысяч мексиканцев. Сначала они шли вдоль берега Мексиканского залива, затем углубились в заболоченные леса, так как Кортес решил пройти в Гондурас кратчайшим путем, оставив к северу Юкатан. Но чтобы проделать этот путь, отряду понадобилось больше полугода. Припасы вышли, все питались кореньями. Работать пришлось не только индейцам, но и всем испанцам; трудились с величайшим напряжением, почти всегда в воде — валили лес, вбивали сваи, строили мосты. Люди, привыкшие к сухому климату Мексиканского нагорья, страдали от тропических ливней и влажной жары. Десятки испанцев и сотни мексиканцев пали во время перехода через страну Петен (теперь часть Гватемалы). К началу мая 1525 г. сильно поредевший отряд вышел к берегу Гон-

Пути отрядов Э. Кортеса в 1524—1539 гг.

дурасского залива, пройдя за полгода по прямой около 500 км, в действительности гораздо больше; понадобилось еще несколько недель, чтобы добраться до г. Трухильо, основанного Ф. Лас Касом на берегу залива у 18° с. ш. Кортес прибыл туда еле живой: он был болен малярией. А в Мехико распространился слух о гибели Кортеса и его людей. Их имущество продали с молотка, их «вдовам» разрешили вновь выйти замуж; власть в Мехико захватил коронный ревизор, доверенный Кортеса. Узнав об этом, Кортес направил в Мехико верного человека. Тот тайно проник в столицу и сообщил «конкистадорам первого призыва», которых ревизор преследовал, заключал в тюрьму, ссыла, вешал, что их капитан жив. На утро они захватили ревизора, посадили в клетку и жестоко расправились с его сообщниками.

Набеги Нуньо Гусмана

Из-за болезни Кортес вернулся в Мехико только в июне 1526 г. Во время гондурасского похода сотни доносов на него посылались в Испанию, и король назначил нового наместника. Кроме того, в провинцию Пануко он направил губернатором *Нуньо Гусмана*.

С его именем связаны самые кровавые страницы истории испанской Конкисты. Жертвы его опустошительных набегов исчисляются десятками, даже сотнями тысяч. Он продавал индейцев работорговцам с Антильских о-вов очень крупными партиями. В 1527 г. новый наместник, боясь, что Кортес захватит власть в Мексике, выслал его в Испанию. Король простил ему все прегрешения, наградил богатыми поместьями, дал титул маркиза и «генерал-капитана Новой Испании и Южного моря». Но титулы были пустыми звуками: для управления страной король учредил «аудиенсию» (коллегию) во главе с Н. Гусманом. При нем обращение индейцев в рабство достигло небывалых размеров, а провинция Пануко почти обезлюдела. Вскоре «аудиенсия» была распущена. Чтобы вознаградить себя за потерю власти, Гусман предпринял поход в страну Халиско. На пути туда его отряды последовательно завоевали и опустошили все области, лежащие к западу от провинции Пануко. Многократно пересекая Центральную Месу, конкистадоры прошли по долине р. Лерма-Сантьяго до океана, а к югу от ее устья открыли залив Бандерас. После завоевания Халиско испанцы обследовали тихоокеанский берег севернее Колимы, примерно на 600 км, и достигли, еще не зная этого, входа в Калифорнийский залив.

Экспедиция в Южное море и открытие полуострова Калифорния

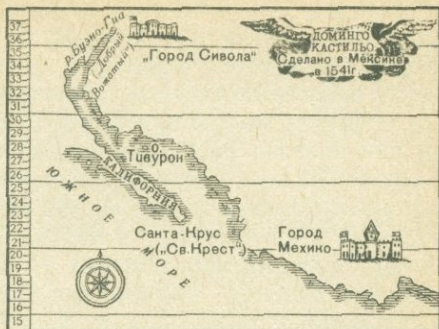
В 1527 г. Кортес снарядил три малых судна в гавани Сакатула на тихоокеанском берегу Мексики (у 18° с. ш.). Во главе этой первой экспедиции в Южное море он поставил своего двоюродного брата *Альваро Сааведру* с заданием «идти на Молукки или в Китай, чтобы выяснить прямой путь на родину... пряностей». Сааведра двинулся в путь 31 октября 1527 г. В Мексику он не вернулся, и Кортес ничего не знал о его судьбе до середины 30-х гг. (см. гл. 19).

В 1532 г. Кортес организовал вторую экспедицию на двух судах под командой своего второго двоюродного брата *Диего Уртадо Мендосы* для поисков мифического пролива. Флотилия вышла из Акапулько (у 10° з. д.) 30 июня 1532 г., и вскоре один корабль разбился в бухте Бандерас, все люди погибли от рук индейцев. Мендоса, продолжая плавание, открыл о-ва Лас-Трес-Мариас и обследовал тихоокеанский берег материка до 27° с. ш., т. е. почти на 2000 км; по другим источникам, он дошел лишь до 24° с. ш. и был убит со всеми спутниками.

20 октября 1533 г. Кортес послал из Халиско третью экспедицию на двух кораблях на поиски пропавшего судна. Буря развела их в первую же ночь. Один под командой *Эрнандо Грихальвы* 18 декабря был отброшен на запад к «необитаемому острову на расстоянии ста часов пути» (о. Сокорро в архипелаге Ревилья-Хихедо, примерно в 600 км к западу от Мексики, у 19° с. ш.). Через девять дней Грихальва обнаружил второй остров — Сан-Бенедикто; затем

он выполнил пересечение Тихого океана через Центральную Полинезию и Меланезию. На другом судне вспыхнул бунт, мятежники во главе со штурманом *Ортуньо Хименесом* убили капитана, высадили раненых матросов и двух монахов на мексиканском побережье у 18° с. ш. и отплыли на северо-запад. В декабре Хименес достиг Калифорнийского залива и высадился на берег в заливе, ныне называемом Ла-Пас, т. е. на юго-восточном побережье п-ова Калифорния¹, где был убит индейцами вместе с большей частью своих спутников. Уцелевшие испанцы добрались до материка примерно у $21^\circ 30'$ с. ш., захватив с собой жемчужины, добытые в заливе; их кораблем завладел враг Кортеса Нуньо Гусман. Чтобы загладить преступление, они распространили слух, что новооткрытая земля изобилует жемчугом и вообще очень богата.

Явная неудача не остановила Кортеса. В апреле 1535 г. у 21° с. ш. он снарядил новую экспедицию на трех кораблях (более 300 человек) и сам ее возглавил. Основной ее целью были поиски жемчуга и организация колонии. 3 мая он высадился в «жемчужном» заливе Ла-Пас и тотчас же послал обратно суда за колонистами и припасами — местные индейцы жили рыболовством и сбором диких растений. Кортес назвал эту землю «Островом Св. Креста» и составил ее первую карту: восточный берег полуострова до 25° с. ш. с заливом Ла-Пас и тремя прибрежными островами нанесен весьма реалистично. Одно из судов Кортеса, направленное им на разведку материкового берега Калифорнийского залива, в шторм было выброшено на побережье и около четырех месяцев ожидало помощи. Отряды, посланные им на поиски, обследовали побережье на протяжении более 500 км от 23° до 26° с. ш. и 29 июля 1535 г. обнаружили судно у устья «реки Святых Педро и Пабло» (р. Рио-Фуэрте наших карт). Они выяснили также, что за 26° с. ш. далее к северу береговая линия имеет почти меридиональное направление — бухта Ахьябампо. За приморской низменностью на востоке испанцы, несомненно, видели высокие горы — Западная Сьерра-Мадре. На карте Кортеса мексиканское побережье изображено от мыса Корриентес до 26° с. ш. (более 1000 км) с заливом Бандерас, о-вами Лас-Трес-Мариас и несколькими прибрежными

Калифорния и «Сивола» на карте Д. Кастильо (1541 г.).

¹ Вероятно, Хименес первый дал открытой им земле имя Калифорния: оно заимствовано им из популярного романа «Амадис Галльский», в 1508—1526 гг. издававшегося не менее шести изданий. Название «Калифорния» впервые появилось в 1541 г. на карте Д. Кастильо, по всей видимости, как отзвук имени, данного «начинным» Хименесом и принесенного его уцелевшими спутниками; по другой версии Кортес назвал ее «Калида Форнакс» (по-латыни «Жаркая печь»).

островами. Большинство колонистов болело от жары и лишений; смертность среди них усиливалась. Болен был и Кортес, но отказывался вернуться в Мехико, опасаясь «насмешек и издевательств ввиду безрезультатности экспедиции». Вмешалась жена и заставила его покинуть новую колонию. Но Кортес не смирился: в мае 1537 г. он организовал еще одну экспедицию на трех судах под командой *Андреса Тапия*. Ему удалось проследить материковый берег Калифорнийского залива еще на 500 км, до 29° с. ш., открыть о. Тибурон и вернуться в Мексику в мае 1538 г.

Наибольший успех выпал на долю руководителя последней экспедиции Кортеса — *Франсиско Ульоа*. На трех судах он вышел из Акапулько 8 июля 1539 г. Во время шторма 27 августа один корабль отделился от флотилии и вынужден был вернуться. Ульоа прошел вдоль всего материкового берега и 28 сентября достиг вершины залива, названного им Багряным морем «от красных водорослей, окрашивающих воды некоторых бухт, или... от темно-красных песков, окаймляющих его берега» (Э. Реклю), но скорее всего из-за красного стока открытой им р. Колорадо, впадающей в залив. Вверх по ней Ульоа поднялся на лодке на несколько километров и видел вдали на севере горы, а в устье реки обнаружил огромное — не менее 100 тыс. особей — стадо морских львов. Затем он проследил все западное гористое побережье Калифорнийского залива (1200 км), отметив, что «горы или прибрежные скалы безлесны» — он не увидел на них даже гигантских кактусов, обогнул мыс Кабо-Фальсо — южную оконечность полуострова — и прошел вдоль западного, в основном низменного Тихоокеанского побережья полуострова до 28° с. ш. (начало января 1540 г.).

На открытом им. о. Седрос, лежащем у входа в крупный залив (Себастьян-Вискаино наших карт), он провел три месяца. После нескольких неудачных попыток продвинуться далее к северо-западу (из-за противных ветров он смог достичь лишь мыса Пунта-Фальса, у 29° с. ш.) Ульоа временно приостановил «наступление» и 5 апреля отправил в Мексику один корабль с отчетом об открытиях. Смена направления ветра позволила ему продолжить обследование побережья — в июле он дошел по крайней мере до мыса Пунта-Баха (у 30° с. ш.), доказав, что «остров Санта-Крус» является длинным и узким полуостровом, и в конце лета того же 1540 г. благополучно вернулся в Акапулько. Правда, *Г. Вагнер*, один из крупнейших специалистов по истории испанских открытий, считает, что Ульоа продвинулся почти до 33° с. ш. (район современного г. Сан-Диего), открыв, следовательно, 1500 км тихоокеанского берега Северо-Американского материка.

ОТКРЫТИЕ ЦЕПИ АНД И ЗАВОЕВАНИЕ ПЕРУ И ЧИЛИ

Первое плавание к Перу

В 1519 г. Педрариас Авила основал у Южного моря г. Панаму — первый испанский пункт на Тихом океане. Вскоре до испанцев дошли слухи о Перу — богатом государстве на юге. Служивший у Авилы *Паскуаль Андагоя* к 1522 г. продвинулся от Панамского залива на юг вдоль тихоокеанского берега Южной Америки до дельты р. Сан-Хуан (4° с. ш.). Он открыл около 400 км вначале гористой, а южнее заболоченной полосы с очень редким населением и, вероятно, посетил залив Буэнавентура. Андагоя собрал и привез в 1522 г. в Панаму более определенные сведения о «великой империи Биру» (Перу), расположенной дальше на юге, высоко в Андах, недалеко от побережья. Но Андагоя тяжело заболел во время путешествия и не смог заняться поисками многообещающей страны.

За это дело взялся Франсиско Писарро, мечтавший о славе и богатствах Кортеса. Но чтобы открыть и завоевать Перу, требовались средства, а Ф. Писарро их не имел. Перейдя от Бальбоа на службу к Авиле, он участвовал в набегах на панамских индейцев, но дележ добычи и земли его не устраивал, за услуги он получил от Авилы небольшое имение у г. Панамы. В Панаме, кроме Писарро, жил еще один старый конкистадор без средств — *Диего Альмагро*; оба обратились к состоятельным людям и организовали союз шнаги и денежного мешка — своеобразное «общество на паях», куда вошли влиятельный и богатый служитель церкви *Эрнан Луке*, Альмагро и Писарро. В качестве компаньона был привлечен губернатор Авилы: без его «покровительства» организаторов экспедиции могла постичь судьба Бальбоа. Но Авила соглашался участвовать только в прибылях. Не располагая большими средствами, компания могла наберечь лишь 112 солдат и снарядить два корабля. В ноябре 1524 г. Писарро и Альмагро дошли, как и Андагоя, только до 4° с. ш. У них не хватило съестных припасов и в начале 1525 г. пришлось ни с чем вернуться в Панаму.

В ноябре 1526 г., командуя 160 солдатами, они повторили попытку уже на трех судах и прошли к устью р. Сан-Хуан (у 4° с. ш.), где разделились. Писарро остался на островке, Альмагро вернулся в Панаму за подкреплением и припасами. Один из кораб-

Ф. Писарро (с гравюры XVI в.).

лей под командой pilota *Бартоломе Руиса* продвинулся дальше на юг еще на 700 км, открыл дельту р. *Патии* (*Биру*) и бухту *Тумако* и пересек экватор. Моряки видели гигантскую снежную вершину *Чимборасо* (6272 м) и захватили на встречном плоту нескольких перуанцев¹. Пленники подтвердили рассказы о громадных размерах и богатствах страны, лежащей к югу, и о могуществе инков², которым она принадлежала. Руис доставил *Писарро* несколько образцов перуанских изделий из золота. На том же корабле испанцы перешли южнее — на островок в бухте *Тумако*. Берега здесь были нездоровые, заболоченные, с мангровыми зарослями.

Три или четыре недели люди *Писарро* страдали от голода и болезней, большая часть умерла.

Между тем в *Панаме* произошли важные события: *Авила* к тому времени умер (29 августа 1527 г.). Новый губернатор решил положить конец «безумным» попыткам, начатым помимо его воли (т. е. до его прибытия) и притом человеком такого «темного происхождения», как *Писарро*. Он послал за *Писарро* корабль с приказом немедленно вернуться в *Панаму*. И на островке произошла сцена, которую некоторые историки называют театральной и поэтому считают неправдоподобной. Она, однако, вполне соответствует характеру *Писарро*, как его обрисовали самые достоверные исторические документы. Люди *Писарро* стали совещаться, и многие обрадовались случаю возвратиться в *Панаму*, к своим поместьям. Тогда *Писарро*, красный от гнева, выступил вперед, провел мечом черту на песке, шагнул через черту и сказал, обращаясь к своим оробевшим товарищам: «*Кастильцы!* Этот путь [на юг] ведет к Перу и богатству, тот путь [на север] — к *Панаме* и нищете. Выбирайте!» Только 13 человек последовали за *Писарро*, в том числе *Руис*. Капитан панамского корабля взял на борт остальных и отчалил, бросив «бунтовщиков» без припасов, на произвол судьбы. А *Писарро*

¹ На плоту с тростниковым парусом перуанцы совершали далекие береговые плаванья. На таком плоту («*Кон-Тики*», около 100 м²) норвежец *Тур Хейердал* с пятью товарищами в 1947 г. совершил переход в 8 тыс. км от *Кальяо* (Перу) до атолла *Рароиа* в архипелаге *Туамоту*, пользуясь попутными течениями и пассатом.

² Инки — одно из племен народа кечуа, возглавив союз нескольких племен, подчинив другие племена кечуа, покорив соседние народы, к 1438 г. организовали крупнейшее из всех индейских государств площадью около 2 млн. км².

и его товарищи, боясь остаться на прибрежном островке, перешли на бальсовом плоту на лежащий в 50 км от берега о. Горгона (3° с. ш., 78° з. д.).

Больше полугода провели они там, добывая себе пищу охотой на птиц и сбором моллюсков. Компаньоны Писарро все-таки добились от наместника разрешения снарядить за их счет один корабль. На нем Писарро пошел на юг вдоль берега и высадился у огромного залива Гуаякиль, где видел возделанные поля и большой г. Тумбес. Он продолжал плавание на юг, до 9° ю. ш. (устье р. Санта), открыл Западную Кордильеру Перуанских Альп и более 1200 км Тихоокеанского побережья Южной Америки. На берегу он добыл живых лам, тонкие ткани из шерсти вигони, золотые и серебряные сосуды и захватил нескольких молодых перуанцев. С такими трофеями Писарро мог с честью вернуться в Испанию. Никто теперь не стал бы сомневаться в богатствах Перу, которую открыл он и которую предлагал завоевать. Однако первыми его «приветствовали» кредиторы: за неуплату долгов летом 1528 г. он был посажен в тюрьму.

Завоевательный поход Франсиско Писарро в Перу

Рассказы Ф. Писарро, подтвержденные убедительными доказательствами, произвели в Испании сильное впечатление. Карл I приказал выпустить его из тюрьмы, дал патент на завоевание Перу, назначил губернатором страны, но средств не выделил; срок же для снаряжения экспедиции поставил короткий — полгода. Нашлись, однако, «добрые люди», в том числе Кортес, которые финансировали предприятие, обещавшее огромные прибыли. Франсиско Писарро немедленно начал вербовать добровольцев на своей родине, в Эстремадуре. В первую очередь он привлек, конечно, родню, включая трех единокровных братьев — старшего *Эрнандо*, младших *Хуана* и *Гонсало Писарро*. Альмагро не получил высокого назначения. Он видел, что Ф. Писарро окружил себя родней, которая оттеснила его на задний план. Но он еще полагался на договор о раздаче добычи и даже согласился временно остаться в тылу, надеясь явиться в Перу с большим отрядом в решающий момент: у Писарро было только 180 человек, из них 36 кавалеристов.

27 декабря 1530 г. отряд Ф. Писарро вышел из Панама на трех кораблях. Он высадился на берег у экватора и двинулся оттуда сухим путем на юг. В начале 1532 г. в заливе Гуаякиль он пытался захватить о. Пуна, но местные индейцы так мужественно защищались, что через полгода сильно поредевший отряд перешел на южный берег залива, в Пуэрто-Писарро, близ Тумбеса. Здесь Писарро простоял еще три месяца, но на этот раз не терял даром времени: он получил подкрепление из Панама и собрал точные сведения о внутреннем состоянии государства инков. В стране только что закончилась трехлетняя междоусобная война и верховного ин-

Перуанские воины (перуанский рисунок).

ку Уаскара победил и захватил его брат Атауальпа. В сентябре 1532 г. Атауальпа с отрядом в пять тысяч индейцев находился в горном г. Кахамарка, лежащем у 7° ю. ш., на одном из верхних притоков р. Мараньон.

Братья Писарро, среди которых «мужем совета» был старик Эрнандо, сочли момент благоприятным для похода внутрь страны. Они выступили 24 сентября 1532 г. с большей частью своих людей от залива Гуаякиль на юг по приморской низменности, перевалили Западную Кордильеру и поднялись на нагорье. Их поход облегчался тем, что инки проложили хорошие дороги с подвесными мостами через горные реки. Отряд Ф. Писарро состоял из 62 кавалеристов и 106 пехотинцев, из которых только 23 имели огнестрельное оружие. Атауальпа не чинил препятствий испанцам. 15 ноября они вошли в Кахамарку и расположились там; пятитысячный отряд Атауальпы находился в двух милях от города. Эрнандо Писарро, сопровождаемый переводчиком, отправился к Атауальпе, и тот, увидя, как ему доверяют пришельцы, дал свое согласие на встречу.

По традиционной версии, в ночь после осмотра лагеря Атауальпы братья Писарро вместе с офицерами Эрнандо Сото и Севастьяном Мозяно де Белалькасар (или Беналькасар) и монахом Висенте Вальверде составили дерзкий план, который и выполнили с беспримерной даже для того времени наглостью. Три группы испанцев были спрятаны в засаде — видимо, обе стороны условились, что встретятся вдали от своих отрядов. Атауальпа прибыл на площадь в золотом паланкине, который несли на плечах знатные люди. 300 безоружных индейцев шли впереди, убирая с дороги камни и сор; за верховным инкой следовали на носилках и в гамаках вожди и старейшины. Когда процессия остановилась, к Атауальпе подошел Вальверде и зачитал рекеримьенто (извещение) — документ о добровольном признании инками власти испанского короля. Атауальпа спросил, как он может убедиться в том, что все сказанное ему — правда. Вальверде сослался на евангелие, которое протянул ему. Инка повертел его, перелистал, сказал, что эта книга не говорит,

и отбросил ее. Тогда Вальверде крикнул испанцам: «На них, на них!» Франсиско Писарро приказал дать залп, всадники из засады с трех сторон устремились к Атауальпе, и в то же время появились пехотинцы. Сам Писарро бросился к носилкам, схватил инку за очень длинные волосы, вытащил из носилок, свалил на землю и связал. Индейцы свиты Атауальпы, на которых с трех сторон набросились всадники, в панике бежали, сбивая друг друга с ног. Увидев бегство, находившийся в отдалении многотысячный индейский отряд без боя ушел на север, к экватору.

Испанцы с пленным инкой вернулись в Кахамарку. 5 января 1533 г. Эрнандо Писарро с 20 всадниками и несколькими пехотинцами отправился на юг, к Тихоокеанскому побережью на поиски сокровищ Атауальпы. Отряд проследовал по среднему течению небольшой р. Санта до верховьев вдоль западных склонов Кордильеры Бланка и достиг берега океана у $10^{\circ}30'$ ю. ш. Э. Писарро впервые осмотрел около 200 км береговой линии далее к югу до $12^{\circ}30'$ ю. ш. Сокровищ он не обнаружил, но выбрал удобное место для закладки города (Лимы — см. ниже). Затем Эрнандо перевалил Западную Кордильеру близ 11° ю. ш. и прошел по долине р. Мантаро (приток одной из составляющих р. Укаяли, бассейн Амазонки) в г. Хауха (у 12° ю. ш.). В Кахамарку отряд вернулся 25 апреля. Проходя через богатую страну с густым дружелюбно настроенным населением, Э. Писарро переправился через несколько рек, в том числе через одну крупную близ ее истоков, не подозревая, что это великая Мараньон — Амазонка. Около 250 км он двигался по горным дорогам, проложенным по восточным склонам Кордильеры Бланка близ огромного ущелья р. Мараньон. В отсутствие Эрнандо в Кахамарку прибыл Альмагро с пополнением, набранным среди «отбросов» панамского люда.

Атауальпа, заключенный в темницу, понял, что конкистадоры больше всего в мире ценят золото. На ее стене он провел черту так высоко, как только мог достать рукой, и предложил неслыханный выкуп — наполнить золотом темницу до черты. Писарро принял предложение, и Атауальпа разослал во все стороны гонцов для сбора золотых сосудов и других храмовых украшений. К июлю 1533 г. были собраны груды золота, но далеко не весь выкуп доставлен. Писарро потерял терпение, тем более что ресурсы инки, казалось, уже исчерпаны. Он обвинил инку в заговоре против испанцев, в убийстве Уаскара, в идолопоклонстве, многоженстве и т. д. Атауальпа был приговорен к сожжению. Но так как он согласился принять крещение, то его 26 июля «только» удавили. На престол Перу Ф. Писарро возвел *Манко Капака*, сына Уаскара, и 11 августа направился с ним на юго-восток, в столицу инков г. Куско.

Отряд повторил маршрут Э. Писарро, но в обратном направлении, до г. Хаухи, который пришлось захватить силой; испанцы провели там две недели (12—27 октября 1533 г.). На пути к Куско солдаты Ф. Писарро выдержали четыре сражения и открыли порожистую р. Апуримак, левую составляющую Укаяли (бассейн Амазонки), текущую в глубоком узком ущелье. В г. Куско Ф. Пи-

сарро вошел 15 ноября, а 23 марта 1534 г. официально провозгласил столицу инков испанским городом и вскоре вернулся в Хауху. Он отправил в Испанию королевскую «пятину» — большой груз золота, и новые толпы искателей наживы бросились в Южную Америку; плавания между Панамой и Перу участились. В конце августа Ф. Писарро направился из Хаухи к океану, чтобы окончательно выбрать место для закладки города, и 5 января 1535 г. основал «Город королей», позднее названный Лима, куда перенес центр страны. Вероятно, его лейтенанты, частично повторив работу Э. Писарро, обследовали побережье на 450 км к северу от Лимы: в июле 1535 г. Ф. Писарро основал еще город — Трухильо (у 80° ю. ш.).

Перед выступлением из Кахамарки в Куско (11 августа 1533 г.) Ф. Писарро направил своего капитана Севастьяна Мойно, вошедшего в историю открытый как Белалькасар, сопровождать часть собранных в стране сокровищ для отправки в Испанию. Тот доставил их в Сан-Мигель (ныне Пайта, у 5° ю. ш.) — единственный в ту пору функционирующий порт. Здесь Белалькасар узнал, что на севере, в долинах Экваториальных Анд, есть еще одна столица империи — Кито, которую инки намеревались сделать вторым Куско. Конкистадор решил, что в Кито могут находиться большие сокровища, и во главе отряда из 200 человек, включая 62 всадников, в начале марта 1534 г. двинулся туда. В походе, то поднимаясь на перевалы, то спускаясь в ущелья и несколько раз пересекая Тихоокеанско-Атлантический водораздел, испанцы брали верх в многочисленных мелких стычках. А в конце апреля — начале мая они вышли победителями в двух битвах с 15- и 50-тысячной армиями индейцев, потерявших до 4 тыс. человек; конкистадоры не досчитались четырех солдат. Расстояние от Сан-Мигеля до Кито, составляющее по прямой 600 км, Белалькасар преодолел за четыре месяца. Около 22 июня ему удалось захватить Кито, а в июле он продвинулся на 100 км севернее. В середине 1535 г. конкистадор проследовал за двумя своими лейтенантами еще дальше — за пределы империи инков для завоевания племен Южной Колумбии, и, таким образом, северная граница испанских владений достигла примерно 3° с. ш. В результате походов Белалькасара испанцы ознакомились с Экваториальными Андами на протяжении почти 1200 км.

Открытие архипелага Галапагос

23 февраля 1535 г. из Панамы в Перу был отправлен епископ *Томас Берланга*, посадивший в Америке первые бананы. Почтенный «архипастырь» имел три задания: духовное руководство перуанскими католиками, третейское разрешение споров между епископом Перу и завоевателем страны и тайное наблюдение за Писарро. На восьмой день судно Берланги попало в штиль, было подхвачено Экваториальным течением и отклонилось далеко на запад. 10 марта перед ним неожиданно открылась земля — один из островов (вероятно, Исабелла) архипелага, позднее получившего название Гала-

пагос¹. Испанцы рассчитывали пополнить запасы питьевой воды и собрать траву для лошадей. Но на острове они ничего не обнаружили «кроме тюленей, морских черепах, а также гигантских [слоновых] черепах, которые могли нести человека на спине, и множество игуан [ящериц], похожих на дьяволов»².

11 марта Берланга усмотрел другой, более крупный остров, и страдающая от жажды команда занялась на нем поисками источника, «но в течение двух дней не смогла обнаружить ни капли воды». Тогда моряки обратили внимание на «листья татарника, похожие на колючие груши, достаточно сочные, но не очень вкусные; мы стали есть их и выжимать сок...». 15 марта, поднявшись на одну из небольших вершин, Берланга обнаружил еще два острова — «один значительно крупнее всех остальных, 15 или 20 лиг [90—120 км] в окружности...». Епископ выполнил определения широты, выяснив, что острова расположены «между 0°30' ю. ш. и 1°30' ю. ш.», и был недалек от истины. Он отметил множество очень доверчивых птиц — испанцы ловили их просто руками, а «...земля здесь подобна шлаку, никчемная».

Сначала Берланга ошибочно посчитал, что открытый им архипелаг находится в 120—150 км от берега Перу, и приказал сделать небольшой запас сока. Но при среднем ветре испанцы двигались на восток 11 дней, а земля не появлялась. Епископ распорядился разделить оставшуюся воду на две части — одну для животных, а другую — для людей и вылить ее в бочку с вином. Прошло еще восемь дней. «И когда... бочка иссякла и неоткуда было ждать помощи, мы увидели землю, но... попали в двухдневный штиль...» Судно достигло побережья Южной Америки 9 апреля 1535 г. чуть южнее экватора. Затерянный в океане, почти в 1000 км от материка, необитаемый архипелаг (около 7800 км²) не представлял интереса для испанцев. К тому же он был в стороне от морских путей; лишь изредка буря заносила туда корабли. Зато пираты различных национальностей хорошо разведали путь к Галапагосам. Но когда для борьбы с ними из Панамы или Перу посылались военные суда, их капитаны часто напрасно искали архипелаг. Поэтому долгое время его называли Ислас Энкантадас («Зачарованные острова»).

Чилийский поход Альмагро

Из Испании пришло решение о размежевании новых владений. За Ф.Писарро, получившим титул маркиза, закреплялась уже завоеванная территория Перу. Диего Альмагро назначался губернатором южной страны Чили, которую еще нужно было завоевать. 3 июля 1535 г., т. е. зимой южного полушария, во главе отряда, со-

¹ По-испански — галапагос означает «черепахи»; сам Берланга названия островов не давал.

² Здесь и далее цит. из письма Т. Берланги императору Карлу V. Слоновые черепахи имеют массу до 100 кг; длина панциря доходит до 1,5 м, высота — до 0,5 м; ящерицы Берланги — это морская игуана длиной до 1,4 м и наземная игуана, или кополоф, до 1,0 м.

стоящего из 500—570 испанцев и 15 тыс. индейцев, он выступил из Куско на юго-восток, вдоль западного берега озера Титикака, величайшего в Южной Америке (6,9 тыс. км²). Затем он оставил к востоку озеро Поопо, проследовал до 21°30' ю. ш. и оттуда двинулся на юг через Центрально-андийскую Пуну к границе государства инков. Пройдя более 1000 км, он предоставил своим людям двухмесячный отдых. В пограничном районе испанцы перехватили груз золота, которое покоренные южные племена послали инкам. Дележ добычи, конечно, только разжег их жажду золота.

Разведчики сообщили Альмагро, что в Чили вели два пути, одинаково трудные: первый — вдоль границы на запад через горы к тихоокеанскому берегу, а затем на юг через безводную пустыню Атакаму, второй — прямо на юг через высокогорные области, где трудно раздобыть мясо и маис. Альмагро выбрал второй путь, как более короткий. Через пустынное плато он с боем прошел в долину Чикоана, в верховьях Рио-Саладо, правого притока Параны, где ему удалось получить лам и кое-какой провиант. Но при переходе через стремительный горный поток большая часть животных и припасов погибла. Это был тяжелый удар для экспедиции: дальше лишь изредка встречались маленькие и бедные селения. Конкистадоры разоряли жилища, уводили всех взрослых мужчин, заменявших им вьючных животных. Но животных кормят, а индейцев почти не кормили, и они умирали сотнями.

От верховьев Рио-Саладо Альмагро двинулся сначала на юг, вдоль восточного склона Анд, но вскоре повернул на запад, к главному хребту Аргентино-Чилийских Анд. Испанцы шли вдоль его подножия, через солончаки, отыскивая проходы через гигантский горный барьер. Шестидесятилетний Альмагро следовал впереди с небольшим конным отрядом. У 27° ю. ш., на высоте почти 5 тыс. м, наконец был найден перевал (Сан-Франциско, 4726 м). Снег слепил глаза, разреженный воздух, бури и холод затрудняли каждый шаг. Особенно тяжело приходилось по ночам: из-за отсутствия топлива нельзя было развести огня, нечем защититься от резких ветров. Люди стали замерзать; начался сильный голод — испанцы с жадностью делили между собой павших лошадей, а индейцы ели трупы погибших товарищей. За все время похода от истощения, холода и непосильной работы погибло около 10 тыс. носильщиков-индейцев, в том числе только на перевале 1500; испанцы потеряли 150 человек и много лошадей. Наконец, в конце марта — начале апреля 1536 г. открылась долина р. Копьяно (у 27° ю. ш.), где сильно поредевший отряд остановился на отдых. По настоянию первосвященника и брата верховного инки, сопровождавших Альмагро, местные индейцы за несколько дней собрали и передали испанцам около 1 т золота.

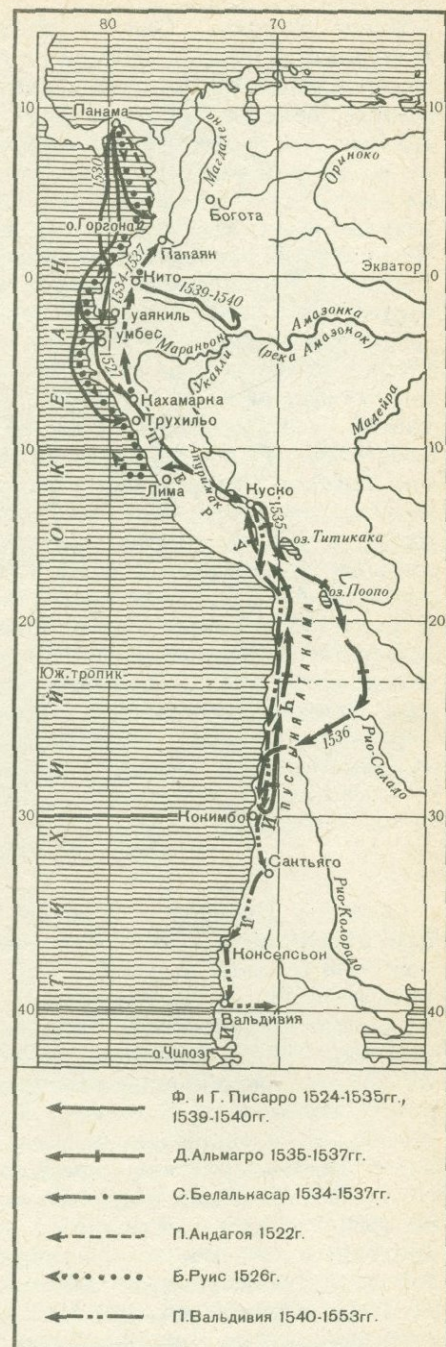
Затем конкистадоры пошли берегом дальше на юг, к Кокимбо (у 30° ю. ш.). Здесь Альмагро неожиданно встретил испанца-десертира, бежавшего из Перу от грозившего ему наказания: в одиночестве он благополучно прошел на юг более 2 тыс. км. Он оказался очень полезным экспедиции, обеспечив ее носильщиками и

продуктами. Из Кокимбо для ознакомления с южными областями Альмагро направил *Гомеса Альварадо*. Тот проник к югу на 750 км — до р. Итата, разведав Чили «почти до конца света». Здесь, у $36^{\circ}40'$ ю. ш., начались земли воинственного племени арауканов. По возвращении Альварадо сообщил, что страна пустынна и уныла¹.

В сентябре 1536 г. Альмагро двинулся обратно. Для отступления он избрал прибрежный путь через пустыню Атакама. Все его люди были разбиты на маленькие группы по 10—12 человек, следовавшие каждая своей дорогой. Хотя они сильно страдали от жажды, минимум воды все же удавалось получить в редких колодцах, поэтому потери оказались минимальными — всего несколько десятков лошадей. Альмагро со своим отрядом шел в арьергарде. После перехода через пустыню он поднялся от Арекипы ($16^{\circ}30'$ ю. ш.) на нагорье и подошел к Куско в середине апреля 1537 г., пройдя в оба конца более 5 тыс. км.

Гибель Альмагро и Франсиско Писарро

Закончился величайший по географическим результатам и самый тяжелый поход, который конкистадоры совершили в

Открытие Перу, Чили и реки Амазонки.

¹ Позднее эти области, на редкость плодородные, с прекрасным климатом, получили название южноамериканской Калифорнии. Такое несоответствие характеристик легко объяснимо: испанцы были разочарованы отсутствием сокровищ и попали туда в дождливый сезон.

Южной Америке. Они открыли обширные высокогорные плато Центральных Анд с большими озерами Титикака и Поопо, высочайшие горные цепи Аргентино-Чилийских Анд, западные плодородные долины коротких рек, текущих в Тихий океан, около 2,5 тыс. км береговой линии Южной Америки — от 17° до 36°40' ю. ш. Но испанцы не нашли ни драгоценных металлов, ни густого населения, ни городов. С их точки зрения, поход оказался безрезультатным, если не считать полученной от индейцев 1 т золота. Чили в этом отношении нельзя было даже сравнить с Перу. Альмагро жестоко разочаровался и еще более озлобился против Ф. Писарро, предложившего такой неравный дележ.

Альмагро вернулся в Перу, когда часть страны охватило восстание, поднятое Манко Капаком. Индейцы полгода осаждали Куско, где заперлись с горсткой людей Эрнандо и Гонсало Писарро; третий брат, Хуан, был убит во время вылазки. Альмагро разбил повстанцев, 18 апреля захватил Куско и освободил отряд, но заключил братьев Писарро под стражу. Гонсало бежал, а Эрнандо был освобожден после того, как Франциско поклялся уступить Альмагро г. Куско. Братья немедленно взяли за оружие, разбили наголову Альмагро и 8 июля 1538 г. казнили его. Уцелевшие сторонники Альмагро три года бедствовали. Они составили заговор, в июне 1541 г. ворвались в Лиме в дом Писарро, убили его и нескольких его сторонников. Губернатором был провозглашен *Диего Альмагро-младший*, сын казненного. Правил он недолго: назначенный Карлом I губернатор с помощью Белалькасара и других писарровцев захватил Альмагро-младшего и предал суду, который приговорил его к смертной казни (сентябрь 1542 г.).

Поход через Анды Гонсало Писарро

Гонсало Писарро к февралю 1541 г. составил в Кито отряд из 320 испанцев и 4 тыс. индейцев-носильщиков. В поисках новой «золотой страны» в декабре 1541 г. он перевалил Восточную Кордильеру и открыл полноводную р. Напо — один из притоков верхней Амазонки. Спускаясь по Напо, испанцы нашли деревья, кора которых напоминала драгоценную шри-ланкийскую корицу. Целые леса мнимого коричневого дерева открылись перед ними. Чтобы обследовать эту «страну корицы» и, быть может, найти еще большие богатства, Г. Писарро продолжал путь вниз по реке и впервые вступил в Амазонскую низменность. Но для плавания всего отряда у него не хватало судов, а двигаться сухим путем вдоль берегов Напо не представлялось возможным: они были заболочены, покрыты непроходимым лесом и почти безлюдны. Испанцы голодали, болели желтой лихорадкой, умирали десятками, индейцы — сотнями.

Тогда в конце декабря 1541 г. Г. Писарро выслал на разведку и за провиантом вниз по Напо *Франциско Орельяну* с 57 солдатами на построенной на Напо бригаantine. Орельяна не вернулся. По версии, исходящей от людей Гонсало, Орельяна хотел «ценой

измены присвоить славу и, может быть, выгоду открытия». Не дождавшись Орельяны, Гонсало пошел вниз по Напо до р. Мараньон, главному истоку Амазонки. Там он нашел испанца из разведывательного отряда, который сообщил ему об измене Орельяны. И Гонсало без провианта, с сильно поредевшим отрядом пустился в обратный путь, через заболоченные леса и высокие горы. Испанцы съели всех лошадей и собак, захваченных из Кито, питались падалью и кореньями. В июне 1542 г. в Кито вернулись только 80 истощенных, умирающих от лихорадки людей. Там Гонсало узнал о гибели Ф. Писарро и временном торжестве Альмагро-младшего, а вскоре — об его казни. Новый правитель Перу предоставил во владение

П. Вальдивия.

Г. Писарро богатые серебряные рудники. Однако тот мечтал о большем. В 1544 г. он поднял восстание и захватил власть в стране, но затем был разбит и казнен (1548 г.). Так закончилась связанная с фамилиями Писарро и Альмагро грандиозная эпопея открытия и завоевания высокогорных западных стран и тихоокеанской полосы Южной Америки — от экватора почти до 37° ю. ш. — пространства около 3 млн. км².

Вальдивия и открытие Южного Чили

Педро Вальдивия, спутник Альмагро-старшего, перешел затем на сторону Ф. Писарро и был послан в январе 1540 г. на завоевание Чили во главе отряда в 150 солдат и 1000 индейцев-носильщиков. С боями он продвинулся вдоль Береговых Кордильер до 33° ю. ш. Выйдя из зоны тропических пустынь, испанцы неожиданно оказались в плодородной местности. На берегу бухты они основали город, назвав его Вальпараисо («Райская долина»). Чуть южнее Вальдивия обнаружил великолепную долину р. Майпо и на ее среднем течении 12 февраля 1541 г. основал г. Сантьяго. Вскоре крупный отряд индейцев напал на город и сжег его, в огне погибли почти все запасы продовольствия. Казалось, испанцы попали в безвыходное положение. В этой обстановке Вальдивия действовал решительно: он разделил солдат на две группы, и в течение трех лет одна с оружием строила, выращивала хлеб и разводила свиней, другая оборонялась и переходила в контратаки.

П. Вальдивия стремился освоить морской путь из Чили в Испанию через Магелланов пролив, западный выход из которого он ошибочно полагал у 42° ю. ш. Для исследования побережья Южного Чили в начале сентября 1544 г. он поручил генуэзцу *Хуану Баутисте Пастене* исследовать побережье к югу на 900—1200 км. На двух судах Пастене достиг 42° ю. ш. и действительно нашел там пролив (Чакао), но, исследуя его и соседние заливы, обнаружил, что они отделяют от материка большой о. Чилоэ (8,4 тыс. км²). Пастене положил, таким образом, начало открытию Чилийского архипелага. По возвращении он дал высокую оценку осмотренной части берега, но тогда испанцы еще не знали, что путь к этим областям преграждают арауканы. В 1545 г. Вальдивия прошел вдоль побережья до р. Био-Био (у 37° ю. ш.), но был отозван в Перу для подавления мятежа Г. Писарро. В 1547 г. он вернулся в Чили и начал войну против свободолюбивых арауканов, оказавших испанцам такое сопротивление, какого те нигде в Америке не встречали. Чтобы укрепиться в этом районе, 5 октября 1550 г. в устье Био-Био он заложил г. Консепсьон. Индейцы крупными силами напали на захватчиков, но были разбиты, 400 человек взято в плен. У каждого индейца Вальдивия приказал отрубить правую руку и вырвать ноздри. Тогда восстали все арауканы. В борьбе с ними конкистадор основал ряд новых городов, в том числе, продвинувшись до 40° ю. ш., г. Вальдивию (февраль 1552 г.).

Для ознакомления с восточным склоном Анд в начале 1553 г. Вальдивия направил 80 человек во главе с капитаном *Франсиско Виллагрой*. Отряд пересек горы примерно по 37° ю. ш. с меньшими трудностями, чем ожидалось, и вышел к большой реке (Рио-Колорадо?), стремительно текущей на восток. Несколько дней испанцы двигались по берегу и никак не могли обнаружить брода. Наконец, он был найден, но... охранялся группой индейцев. Ценою жизни двух испанцев отряд перешел на другой берег; нехватка продовольствия вынудила их вернуться.

П. Вальдивия между тем продолжал борьбу с арауканами. Одерживая над ними «победы», он поневоле учил их воинскому искусству, и они оказались очень способными учениками. Араукан *Лаутаро* под видом перебежчика год провел в его отряде, а затем, вернувшись к соплеменникам, стал их военным руководителем. В 1553 г. арауканы поочередно разбили несколько испанских отрядов, в декабре захватили в плен самого П. Вальдивию и казнили его¹.

Открытие Южного Чили продолжил до Магелланова пролива в 1558 г. *Хуан Ладрильеро*, который по приказу правителя Перу произвел первую опись «западного берега Патагонии». При этом он обнаружил архипелаг Чонос и п-ов Тайтао и впервые прошел с запада на восток Магелланов пролив.

¹ Более 100 лет продолжалась война против колонизаторов и закончилась торжеством арауканов: в 1665 г. с ними заключен был мир. В XVIII в. испанцы снова попытались покорить их, но арауканы защищались так упорно, что в 1773 г. Испания формально признала независимость Араукании. В XIX в. арауканы (до 80-х гг.) восставали и против Республики Чили, присоединившей их страну к своим владениям.

ЛЕГЕНДА ОБ ЭЛЬДОРАДО, ОТКРЫТИЕ СЕВЕРНЫХ АНД И БАССЕЙНОВ РЕК ОРИНОКО И МАГДАЛЕНА

Происхождение легенды об Эльдорадо

В разных местах тропической Америки конкистадоры слышали предание индейцев о «позолоченном человеке» (по-испански *eldorado*), властителе страны, богатой золотом и драгоценными камнями. Он каждое утро пудрит тело мелким золотым песком и каждый вечер смывает золото, погружаясь в воды священного озера. При всей видимой фантастичности этот рассказ вовсе не был фантазией: вымышлены только некоторые подробности. В основном легенда об Эльдорадо основана на религиозных обрядах индейцев муиска, принадлежавших к языковой семье чибча. Коренные области муиска-чибчей, народа сравнительно высокой культуры, находились в Северо-Западных Андах, а их важнейшими «столочными» центрами были города Богота и Тунха, на высоте около 2500 м. Муиска-чибчи поклонялись силам природы и особенно почитали солнце и воду. С этим связаны своеобразные формы их религиозного культа: солнечные дары, главным образом золотой песок и золотые изделия, они приносили в жертву божествам воды. Самые торжественные бескровные жертвоприношения связаны с избранием нового верховного жреца, который становился и верховным вождем. Жрецы приводили избранника к озеру, где его ждал плот, нагруженный золотом и изумрудами; четыре касика, в богатых блестящих одеждах, стояли на плоту. Жрецы раздевали избранника, смазывали жирной землей и затем с головы до ног пудрили золотой пылью. Сияя, как солнце, он входил на плот, который отводили на середину озера. Здесь новый верховный вождь бросал божествам воды все драгоценности. В стране был ряд таких священных озер. Во время бедствий или после победы над соседними племенами у озер устраивались торжественные церемонии с жертвоприношениями. Варианты легенды об Эльдорадо, конечно, приукрасили этот обряд. Сообщали, будто дно того или другого озера выложено золотыми плитками и изумрудами. Утверждали, будто Эльдорадо каждый вечер погружался в воды озера, чтобы смыть с тела липкую смолу, смешанную с золотым песком, и т. д. Постепенно сложилась легенда о счастливой золотой стране Эльдорадо.

Открытие среднего Ориноко

Диего Ордас, по словам Кортеса, — «ловкий и оборотистый делец, человек великого ума и большой хитрости», получил в Испании от Карла I патент на колонизацию северо-восточной части Южной Америки. С 600 солдатами при 36 лошадях на пяти кораблях он пересек Атлантику, но штормы рассеяли флотилию и потопили почти все суда. Устья Амазонки в начале 1531 г. достиг лишь флагман, на борту которого находились 320 человек и 27 лошадей. Высадившись на берег, испанцы начали, конечно, грабить селения и часто находили в хижинах прозрачные зеленые камни, принимая их за изумруды. Пленные индейцы утверждали, будто в немногих днях пути вверх по реке на ее берегу высится скала, целиком сложенная из этого камня. Ордас направился туда, но вскоре отказался от поисков, вышел в море и повернул на северо-запад, чтобы добраться до ближайшей испанской колонии. Следуя вдоль берега, он вошел в устье Ориноко и на специально построенных судах, погрузив лошадей, начал подъем по реке, извивавшейся по бескрайней равнине. Пройдя около 500 км — суда часто приходилось тянуть на канате, — Ордас отправил отряд на юг, к подножию Гвианского плоскогорья в 20-дневный маршрут. По возвращении исследователи рассказали о хороших землях, богатых дичью, и «рыбных» реках. Но Ордаса это не интересовало — он искал лишь золото, думал только о нем. И испанцы продолжили тяжелый подъем по реке на запад, а потом на юг еще на 500 км, мимо устьев полноводных притоков, пока их не остановили пороги¹ близ 6° с. ш., там, где западная окраина Гвианского плоскогорья сходится к самой реке. Здесь в могучий поток Ориноко, несущий свои воды с юга, впадал большой приток, текущий с запада. Близ этого места на флотилию Ордаса напали индейцы. Испанцы высадились, успели выгрузить лошадей и в конном строю ударили по врагу. В ответ индейцы подожгли иссушенную зноем саванну, но это не помогло — победа досталась пришельцам, захватившим двух воинов. Один из них сообщил, что на западе, в горах, вероятно в верховьях западного притока Ориноко, царствует Эльдорадо. Ордас оставил свою идею достичь месторождений золота в истоках главной реки и решил захватить владыку «золотой страны», второго Монтесуму. Он попытался немедленно начать подъем по реке, ведущей к желанной цели («цель» — по-испански *meta*). С того времени название Мета утвердилось за этим притоком Ориноко. Вскоре, однако, Ордас повернул обратно: шел декабрь — уровень воды быстро падал, кончались припасы и солдаты начали болеть².

¹ Лишь в мае 1968 г. эту страшную преграду впервые благополучно преодолело английское судно на воздушной подушке.

² Вторую и тоже неудачную попытку подняться по р. Мета в сторону Эльдорадо в начале 1535 г. предпринял *Алонсо Эррера*, участник экспедиции Ордаса. С отрядом в 130 солдат он прошел вверх по реке около 120 км, а затем в поисках более легкого пути — 100 км по саванне и погиб в бою. 90 оставшихся в живых добрались до океана в середине 1535 г.

Лично он был горько разочарован, открыв огромную, но почти безлюдную страну. Зато великими оказались географические результаты его экспедиции. Он выяснил, что стекающие с северо-западных нагорий материка большие реки несут свои воды на восток, к Атлантическому океану, что эти реки протекают через обширные равнинные пространства — Льянос. Он видел своими глазами, как эти реки, сливаясь, образуют могучий водный поток, и на опыте убедился, что «великолепное Ориноко» с притоками составляет разветвленную систему водных путей, позволяющих проникать далеко в глубь южного материка.

Главным же политическим результатом экспедиции Ордаса было позднейшее присоединение всего бассейна Ориноко к испанским владениям — более 1 млн. км².

«Страна Вельзеров» и поиски Эльдорадо наемниками германских банкиров

Итальянские и испанские банкиры и ростовщики давно принимали участие в финансировании заатлантических экспедиций, но при этом выговаривали для себя только долю в прибылях. Банкиры же германского императора Карла V (испанского короля Карла I) *Вельзеры* из Аугсбурга и *Эхингеры* из Констанца добились от него гораздо большего, получив в 1528 г. патент на завоевание и колонизацию южного берега Карибского моря. Императору было уплачено, по разным подсчетам, от 5 до 12 т золота. Компания, организованная «щедрыми» кредиторами, заключила с испанской короной договор. Она обязывалась в течение года снарядить за свой счет четыре корабля с тремя сотнями людей и всеми необходимыми припасами, чтобы завоевать для Испании приморскую страну к востоку от нагорья Санта-Марта, т. е. Венесуэлу, основать поселения на побережье или соседних островах, а для их охраны построить в ближайшие годы две-три крепости. Компания получила право назначать губернаторов из числа членов семей Вельзеров и Эхингеров, обращать в рабство всех индейцев, которые откажутся подчиняться их приказам.

В конце февраля 1529 г. *Амброзий Эхингер* (по-испански «Альфингер») высадился с крупным отрядом наемных немецких солдат на восточный берег Венесуэльского залива. Опираясь на крепость Коро, он разграбил все окрестные селения, пытками заставляя индейцев отдавать ему все золото и все ценные вещи. Он имел право обращать в рабство только тех, кто «не подчинялся приказам», он же клеймил и продавал на рынке в Коро всех мужчин и женщин, а стариков, больных и детей убивал. Для него не было сомнения, чем заняться потом: он предполагал найти пролив в Южное море. Из нескольких соломенных хижин, построенных Эхингером на западном берегу пролива, соединяющего Венесуэльский залив с озером (лагуной) Маракайбо, возник одноименный город. С февраля по

сентябрь 1531 г. он тщательно обследовал все берега озера, потерял в стычках с индейцами сотню людей, а пролива не нашел. По материалам этой экспедиции *Гонсало Фернандес Овьедо* составил карту Маракайбо и соседнего горного района.

Опустошив берега Венесуэльского залива и лагуны Маракайбо, Эхингер в конце 1531 г. с отрядом в 170 солдат обогнул с севера горную цепь Сьерра-де-Периха, окаймляющую на западе низменность Маракайбо, и продолжал грабить и жечь, насиловать и убивать, продавать в рабство индейцев¹. Молва о «жестоком из жестоких» распространилась быстро: на своем пути он встречал только опустевшие селения.

В поисках хлебобордных районов и Эльдорадо завоеватель прошел вдоль западных склонов всей Сьерры-де-Периха до широтного колена р. Магдалены и пытался проникнуть вверх по ее притоку Кауке в горную золотоносную область. Затем он поднялся по долине Магдалены до 7°30' с. ш. Чтобы захватить врасплох индейцев, он старался продвигаться возможно быстрее, не считаясь с тем, что число его носильщиков все уменьшалось. Он так спешил, что не терял времени на то, чтобы расклепать ошейники с цепями у падавших от изнеможения индейцев, а приказывал отрубать им головы.

На третий год дикой охоты его отряд сильно уменьшился от голода и болезней. Тогда охотник превратился в дичь: в середине 1533 г. испанцы были окружены в горах Восточной Кордильеры, в 400 км севернее Боготы, и разгромлены. «Жестокий из жестоких» умер от ран через четыре дня после побоища, а жалкие остатки его отряда достигли Коро в ноябре 1533 г., завершив кольцевой маршрут по Северным Андам длиной более 1500 км.

Правителем «страны Вельзеров» был назначен *Георг Хозрмут*. 12 мая 1535 г. с отрядом в 400 человек и 80 лошадей он выступил из Коро на поиски Эльдорадо на юг, проник по долинам рек Баркисимето и Кохедес (система Ориноко) в Льянос, т. е. высокотравную саванну, и в начале июля повернул на юго-запад. Отряд двигался вдоль подножия Кордильеры-Мериды и Восточной Кордильеры, переправляясь через бесчисленные реки, стремящиеся на восток, к Ориноко, через обширную, слабо населенную страну, двигался страшно медленно: приходилось постоянно отбивать нападения индейцев.

Солдаты голодали, мокли под дождем или страдали от невыносимой жары. Одежда их истлела, и они прикрывались звериными шкурами. На берегах одного из притоков верхней Меты отряд провел восемь месяцев, пережидая дождливый сезон: многие умерли от голода.

Почти два года понадобилось Хозрмуту, чтобы добраться до верховьев р. Гуавьяре, крупного притока Ориноко. Но здесь, более чем в 1000 км от Коро, в августе 1537 г. немцы потеряли такое по-

¹ Отчет об этой экспедиции, написанный *Эстебаном Мартином*, офицером Эхингера и переводчиком, сохранился до наших дней.

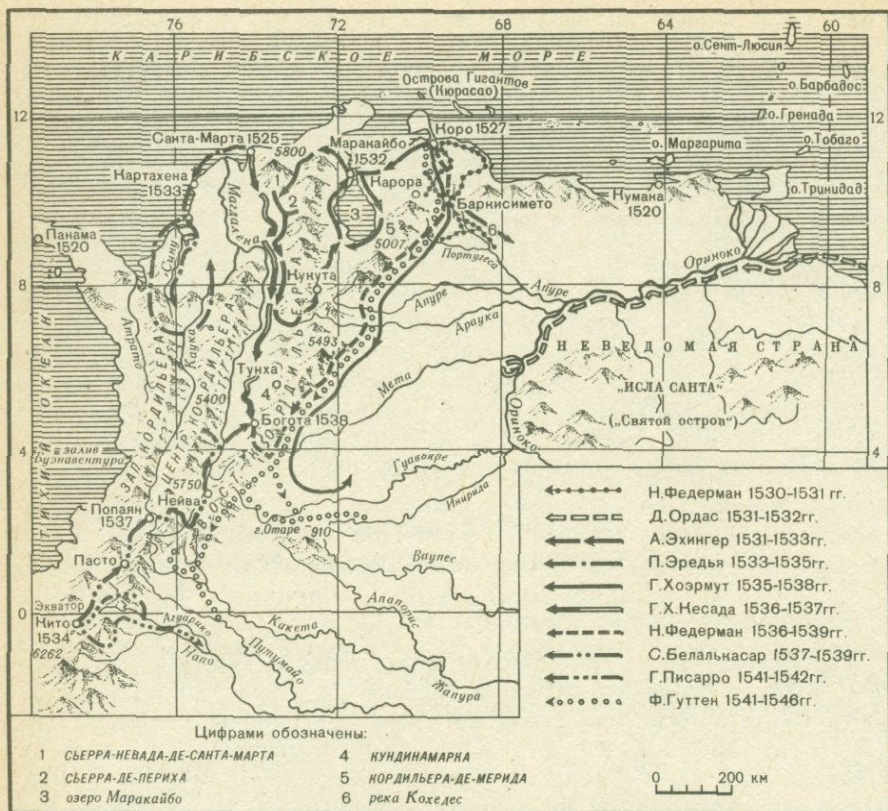
ражение от индейцев, что вынуждены были отступить. Хоэрмут вернулся в Коро 27 мая 1538 г., потеряв 240 солдат. Он проследил восточные склоны Кордильеры — Мерида по всей длине (400 км), а Восточной Кордильеры — на протяжении почти 500 км и открыл в 1536 г. верховья таких крупных притоков Ориноко, как Апу-ре (конец февраля), Араука (2 марта), Мета (апрель) и Гуавьяре (декабрь).

В отсутствие Хоэрмута в Коро из Германии прибыл новый отряд наемников *Николая Федермана*, уже побывавшего в саваннах Ориноко в конце 1530 г. во время неудачного завоевательного похода. В декабре 1536 г., выйдя из Коро, Федерман двинулся по следам Хоэрмута, но не дошел до Гуавьяре, а поднялся по долине верхней Меты до ее истока, перевалил Восточную Кордильеру и вступил в богатейшую, центральную область муйска-чибчей. Но достиг он Боготы в феврале 1539 г., когда туда же прибыли испанские конкистадоры: Кесада — с севера и Белалькасар — с юга.

Завоевательные походы испанцев в страну Эльдорадо. Открытие Северных Анд и бассейна Магдалены

На южном берегу Карибского моря испанцы укрепились только в 1524 г., основав в 80 км к востоку от устья Магдалены крепость Санта-Марта; она стала их базой для продвижения на юг, в Анды. В 1533 г. *Педро Эредья* приступил с отрядом в 150 человек к завоеванию левого бережья нижней Магдалены. В 200 км к юго-западу от Санта-Марты он основал г. Картахену и, преодолев сопротивление береговых индейцев, двинулся на юг, куда его влекли слухи об Эльдорадо. В 150 км от Картахены он открыл долину р. Сину, густонаселенную земледельцами-чибчами. В их святилищах испанцы обнаружили много драгоценных камней и золотых изделий, но еще больше сокровищ было на кладбищах. Во время одного похода Эредья нашел на склонах гор, окаймляющих на востоке долину Сину, ряд могильников с таким количеством изумрудов и золотых изделий, что каждый его солдат стал богатым.

Отряды Эредья совершили в течение трех лет ряд набегов на юг и юго-восток, пока полностью не разорили местных индейцев и их могильники, и дошли до Западной Кордильеры, водораздела между бассейнами Аtrato и Магдалены. Офицер Эредья — португалец *Хуан Сесар (Жуан Сезар)* с несколькими десятками солдат в поисках Эльдорадо после девятимесячного блуждания в заболоченных лесах оказались наконец на восточном склоне водораздела. Перед ними открылась широкая долина большой р. Кауки (около 1000 км), пролагавшей путь на север, к нижней Магдалене. Сначала Сесар и его люди захватили много золота, награбленного в селениях и намытого в золотоносных притоках Кауки. Однако индейцы окрестных селений объединились и начали насаждать на испанцев. Тем пришлось бежать на север со скоростью, которую

Поиски Эльдorado.

им позволял развить тяжелый золотой груз. Так была открыта важнейшая золотonosная область Южной Америки.

Гонсало Хименес Кесада сначала руководил небольшими экспедициями вверх по Магдалене. Движение сухим путем в ее нижней части очень затрудняют болота и дремучие леса. Гораздо легче был водный путь, даже против течения¹. В декабре 1536 г., поднимаясь по Магдалене, Кесада встретил судно с грузом соли и хлопчатобумажных тканей, прочно выделанных и ярко окрашенных. У пассажиров он увидел и, несомненно, отобрал золотые кружки, которые испанцы приняли за монеты. Кесада решил, что недалеко находится страна высокой культуры, и направил туда свои лодки, но у 5° с. ш. они потерпели крушение на порогах. Упорный конкистадор повел тогда солдат через заболоченные леса. Из 900 человек², отправившихся в поход, на правобережное нагорье Кунди-

¹ Магдалена (1550 км) немного меньше Печоры, но гораздо полноводнее ее. Она судоходна на 1250 км, судоходен и ряд ее притоков.

² По другим данным, от 500 до 800 солдат.

намарку поднялось 166; в марте 1537 г. они вступили в пределы государства Богота — владения индейцев муиска-чибчей. Страна была покрыта полями маиса и картофеля. Население жило в деревянных или глинобитных домах, в многочисленных селениях и городах. Испанцев поразили деревянные храмы примитивной архитектуры, но крытые золотыми пластинками. Муиски сами не добывали золота, а получали от жителей верхней Магдалены и Кауки в обмен на изумруды, соль и ткажи. В их храмах и гробницах хранились драгоценности и золотые изображения богов. Между городами были проложены хорошие мощеные дороги.

Открытие и завоевание небольшого государства (около 80 тыс. км²), сопровождавшееся обычными жестокостями, продолжалось более года, и лишь к началу 1538 г. Кесада укрепился в стране. Но вскоре туда проник завоеватель экваториальной андийской области Севастьян Белалькасар. Захватив в Кито огромную добычу, он решил расширить свои владения к северу от экватора. Его передовой отряд вел *Хуан Ампудия*, который, по словам хрониста, «производил те же действия, что молния и ртуть: подобно ртути, он собирал все драгоценные металлы, которые находил в домах, и, подобно молнии, сжигал и обращал в пепел жилища и возделанные поля». Он проник в верховья Кауки и так терроризировал индейцев, что среди них начались массовые самоубийства. Когда Белалькасар последовал (в 1536 г.) за Ампудией к верховьям Кауки, то дорога туда была усеяна скелетами самоубийц. Два года Белалькасар медленно продвигался вниз по долине Кауки, расширяя свои владения к северу. Наконец он перешел через Центральную Кордильеру в долину Магдалены и поднялся на Кундинамарку.

Таким образом, в феврале 1539 г. в районе, где Кесада тогда же построил г. Санта-Фе-де-Богота (теперь столица Колумбии), оказались три отряда: два испанских — Кесады и Белалькасара и один немецкий — Федермана. Испанские хронисты утверждают, что каждый отряд состоял из 160 солдат. Но пришли они с разных сторон, грабили в походах разные народы и поэтому сильно различались одеждой. Люди Белалькасара, с юга, из Перу, самые богатые, щеголяли в шелку и бархате. Люди Кесады, с севера, были победнее и одеты в индейские хлопчатобумажные ткани. А солдаты Федермана, с востока, из почти безлюдных саванн Ориноко, прикрывали свое отощавшее тело звериными шкурами. Три лагеря были построены треугольником на равнине у Боготы и угрожали друг другу. Но война против индейцев не превратилась здесь, как в Перу, в резню между конкистадорами. В марте они заключили сделку: Федерман согласился принять выкуп за отказ от сомнительных прав своих хозяев на Кундинамарку, а Белалькасар мирно договорился с Кесадой о разграничении владений.

Страна муисков осталась за Кесадой. Он назвал ее Новая Гранада. Укрепившись на Центральном плато в районе, богатом золотом, изумрудами и солью, испанцы без труда подчинили Северо-Западные Анды. Они исходили эти горные районы во всех направлениях, а в 1539 г. *Паскуаль Андагоя* открыл удобный торговый

путь от Боготы к Тихому океану — через Центральную Кордильеру вверх по долине Кауки и через Западную Кордильеру до залива Буэнавентура (у 4° с. ш.).

Кесада привез в Испанию огромную добычу, состоящую из золота и изумрудов, но его враги распространили слухи, что часть добычи он утаил для уменьшения королевской пятины, и губернатором Новой Гранады он назначен не был. Ему разрешили вернуться туда только в 1549 г.

Кесада не оставил надежды на открытие подлинного Эльдorado. По-видимому, это стало его манией, как и многих тысяч других искателей приключений. Но это уже были «...путешествия наудачу к стране мечты» (Э. Реклю). Более столетия все экспедиции, предпринимавшиеся на восточной стороне Анд, в бассейнах Ориноко и Амазонки, руководствовались этим волшебным видением. В 60-х гг. Кесада по крайней мере дважды проникал в бассейн Ориноко в поисках Эльдorado. Ему было около 70 лет, когда он начал свою последнюю экспедицию к верхнему Ориноко с тремя сотнями испанцев и 1,5 тыс. индейцев-носильщиков (1569—1572 гг.). Во время похода индейцы погибли или разбежались, умерли и почти все испанцы. Кесада не нашел ничего ценного и вернулся обратно.

Банкиры Вельзеры и Эхингеры не сразу отказались от поисков Эльдorado. Хоэрмут умер в 1540 г., а в августе 1541 г. его преемник *Филипп Гуттен* начал новый поход. Медленно, в течение нескольких лет, продвигался он на юго-запад вдоль восточных склонов Анд, все еще надеясь завоевать оставшуюся свободной часть слабо населенной страны. В начале 1543 г. отряд достиг 4° с. ш., и Гуттен направил на юго-восток разведывательную партию во главе с *Педро Лимпиасом*. Тот пересек верховья Гуавьяре и проник на плоскогорье к истокам ее южного притока Инириды, близ горы Отаре (910 м). Здесь испанцы столкнулись с племенем воинственных индейцев и вынуждены были ретироваться. Лимпиас догнал основной отряд в мае 1543 г., пройдя точно на запад более 300 км через верховья рек, составляющих р. Жапура, приток Амазонки¹.

Переждав дождливый сезон 1543 г. в «бесплодной и ужасной местности», Гуттен двинулся далее к югу и от одного захваченного индейца вскоре услышал историю об амазонках, живущих на берегу огромной реки на востоке. С этой легендой он уже был знаком, когда путешествовал с Хоэрмутом. Продолжая движение к югу, отряд пересек верховья Какета и вышел на Амазонскую низменность. На среднем течении Путумайо (приток Амазонки, близ экватора) в начале 1545 г. Гуттен столкнулся с сильным племенем. Он отступил и в начале 1546 г. возвратился в Коро с намерением вернуться с крупными силами, но был убит по приказу испанского чиновника, считавшего себя губернатором Венесуэлы. На Гуттене закончилось и колониальное предприятие немецких банкиров, формально ликвидированное в 1555 г.

¹ Один из участников этого рекогносцировочного маршрута через много лет вспоминал, что «они видели очень большие города, размеры которых их поразили».

ОТКРЫТИЕ АМАЗОНКИ И БАССЕЙНА ЛА-ПЛАТЫ

Плавание Орельяны по реке Амазонк

Флотилия Франсиско Орельяны, когда он вольно или невольно 26 декабря 1541 г. навсегда разлучился с Г. Писарро, состояла из бригаантины и четырех каноэ. На этих судах он разместил 57 испанцев, среди которых было два монаха. Один из них — *Гаспар Карвахаль* — составил описание путешествия. По версии Орельяны — Карвахалья, быстрая Напо в течение нескольких дней унесла испанцев за сотни километров от начала плавания, а на берегах реки все еще не встретилось ни одного селения. Не могло быть и речи о доставке провианта для экспедиции Писарро: люди Орельяны сами страдали от голода, варили и ели седельную кожу. Только с 5 января 1542 г. на пути начали попадаться деревни, где путем грабежа или мирного обмена они добывали припасы. Вернуться было невозможно: по суше дорог просто не существовало, а по реке против течения им пришлось бы идти на веслах целые месяцы. Орельяна решил плыть до моря, не представляя, куда попадет. 12 февраля 1542 г. испанцы прошли место, где соединяются три реки, и самая большая из них была «широка, как море», т. е., несомненно, они вышли на Амазонку. В марте-апреле испанцы построили вторую бригантину и 24 апреля отдались воле мощного потока, который уносил их на восток, к неведомому, морю, через неведомую страну. Проходили недели, а они не видели даже признаков близости моря. Исполинский поток принимал один за другим огромные притоки. Так, 21 мая Орельяна открыл устье «реки Троицы» (Журуа, 3280 км). Путешественники всегда могли видеть с середины реки сразу оба ее берега, иногда, впрочем, только как туманные полосы земли. Но когда они приближались к берегу, перед ними открывались бесчисленные протоки, окаймленные непроходимыми чащами девственного леса. Если испанцы встречали на берегу небольшую деревню, они грабили ее, отнимали у «дикарей» провизию; в более крупных селениях еду они выменивали или выпрашивали. Постоянным мучением для них была «египетская» казнь — москиты.

В середине мая они вступили в густонаселенную «страну Омагуа», вероятно, между низовьями рек Журуа и Пурус. Иногда воин-

ственные индейцы на легких челнах нападали на испанцев, когда те приближались к берегу. Порох у людей Орельяны отсырел, тетивы самострелов потеряли упругость, все дальнобойное оружие пришло в негодность. Поэтому оба судна держались по возможности середины реки, где их меньше беспокоили. 3 июня они дошли до громадного левого притока, и «воды [его] были черными, как чернила». Орельяна назвал его «Черной рекой» — Риу-Негру (левый приток Амазонки, 2300 км). «Она неслась с такой стремительностью и таким бешенством, — замечает Карвахаль, — что ее воды текли в водах... [Амазонки] струей длиною свыше двадцати лиг [120 км] и ни та вода, ни другая не смешивались». Ниже по течению страна была гуще заселена: на берегах встречались большие селения, иные будто бы растягивались вдоль реки на 12—18 км. 10 июня прошли мимо громадного правого притока — «очень большого и мощного, гораздо больше той реки, по которой плыли», — это, несомненно, Мадейра (3230 км). Через несколько дней испанцы достигли страны, где снова видели много селений, в том числе очень больших. «Так мы неожиданно набрели на благодатную землю и владение амазонок».

24 июня, по Карвахалю, испанцы, высадившись на берег, вступили в бой с индейцами, предводителями которых были амазонки: «Эти женщины очень высоки ростом, белокожие, волосы у них очень длинные, заплетены в косы и обернуты вокруг головы. Они очень сильны, а ходят почти нагие — только прикрывают стыд. В руках у них лук и стрелы, а в бою они не уступают доброму десятку индейцев». Амазонки атаковали испанцев, были отбиты и потеряли 7 человек. Этот эпизод произвел такое впечатление на современников, вспоминая древнегреческий миф об амазонках, что река, которую Орельяна хотел назвать своим именем, получила и сохранила название реки Амазонк («Амасонас», у нас в единственном числе — Амазонка¹). На следующий день Карвахаль отметил, что морская вода поднимается по реке «с превеликой яростью» — противоборство океанского прилива и речных вод сопровождается ужасающим грохотом и порождает за один прилив до шести отвесных волн (поророку) высотой до 5 м, идущих против течения. Ближе к морю, за «страной Амазонок», также встречались большие селения, но индейцы держались мирно. Еще ниже бригантины вошли в громадную дельту реки. «Островов было множество, и очень крупных, мы до самого моря... не могли выбраться к материку...» Наконец 2 августа 1542 г. вышли в «Пресное море». Все плавание продолжалось 172 дня; восемь испанцев умерли от болезней, трое — от ран. Больше трех недель испанцы готовились к выходу в Атлантический океан. Они покрыли палубами обе бригантины и сшили паруса из своих перуанских плащей. 26 августа без компаса и штурмана Орельяна двинулся на север вдоль берега материка. К счастью, за все время плавания ни разу не было ни бурь, ни ливней: вряд ли слабые суда выдержали бы непогоду. В ночь на 30 августа бригантины потеряли друг друга

¹ В наше время ученые предполагают, что название реки произошло от местного слова «амасуну», т. е. «большая вода».

из вида и дальнейший путь совершали поодиночке. Орельяна достиг 11 сентября 1542 г. островка Кубагуа, у южного берега о. Маргарита, где его уже ждала другая бригантина. Местные колонисты отнеслись к ним дружелюбно, пораженные рассказом о необычайном плавании.

Такова версия Орельяны — Карвахала. А сторонники Писарро объявили Орельяну не только изменником, но и лжецом. И, по мнению многих историков, он приукрасил свои и без того удивительные приключения в духе средневековых лжецов-путешественников. Басней оказались рассказы о богатых народах, живших на берегах реки, о «республике женщин воительниц-амазонок»¹. Позднейшие путешественники напрасно отыскивали в бассейне Амазонки следы этой «женской республики» и селений, тянувшихся вдоль реки на целые километры. Басней, вызвавшей туда ряд безрезультатных походов в XVI и XVII вв., оказались также рассказы о богатейших городах. И все же Орельяну заслуженно относят к великим путешественникам: ведь он первый пересек с запада на восток, от океана до океана неисследованный Южно-Американский материк почти в самой широкой его части, открыл на протяжении более 3 тыс. км все среднее и нижнее течение Амазонки — крупнейшей в мире реки по водоносности и площади бассейна — и доказал, что «Пресное море» Пинсона — это и есть устье реки Амазонки, судоходной до предгорьев Анд.

Открытие Параны и Парагвая

Португалец *Алежу Гарсиа* — первый герой истории поисков владений легендарного Белого царя² — около 1523 г. был назначен начальником экспедиции к берегам Южной Америки и потерпел крушение у побережья материка близ 27°30' ю. ш. По другой версии, Гарсиа — один из 18 оставшихся в живых членов экипажа флотилии Солиса. Он установил дружеские отношения с индейцами гварани, изучил их язык и из расспросов узнал о существовании далеко на западе, в горах, богатой серебром страны Белого царя, облачающегося в длинную мантию. Это были, очевидно, верные указания на империю инков.

Гарсиа, веря рассказам, решил завладеть сокровищами богатой страны. Он обладал, видимо, даром убеждения и в 1524 г. возглавил отряд, в который вошло две тысячи воинов гварани. Гарсиа перевалил Серра-ду-Мар и Серра-Жерал, приподнятую юго-восточную окраину Бразильского плоскогорья, и, пройдя на запад по долине левого притока Параны — р. Игуасу (свыше 1300 км), вышел к его устью, причем открыл один из самых грандиозных в мире водопадов. Затем Гар-

¹ Но сообщение об участии индианок в битвах вполне заслуживает доверия. Путешественники, посетившие Амазонию в 30-х гг. XX в., подтвердили этот факт.

² Белого царя большинство историков отождествляет с инкой. Эта легенда связана только с действиями ла-платских конкистадоров и португальцев бассейна верхней Параны.

сия форсировал открытые им. рр. Парану и Парагвай, впервые пересек центральную часть Ла-Платской низменности, песчано-глинистую равнину Гран-Чако и проник к предгорьям Анд — в область Чуки-Сака (верхнее течение р. Пилькомайо). Длина его маршрута по совершенно неизвестным пространствам Южной Америки составила около 2 тыс. км.

Армия Гарсиа разграбила ряд городов и селений инков, уничтожила или разогнала несколько мелких отрядов индейцев чарка, по отступила, прихватив огромную добычу, перед крупными силами противника и благополучно вернулась домой. Но когда он начал подбивать «своих» индейцев на другой поход, они отказались. И в конце 1525 г. Гарсиа, первый исследователь внутренних районов Южно-Американского материка, был убит на берегах Парагвая враждебными индейцами. Они пощадили лишь сына Гарсиа, рассказавшего свою одиссею историку *Рую Диасу Гусману*.

3 апреля 1526 г. Себастьян Кабот, бывший в то время на испанской службе, во главе флотилии из четырех кораблей отплыл из Испании с заданием — пройти Магеллановым проливом к Молуккам. Но 19 октября у прибрежного о. Санта-Катарина (название, данное Каботом, сохранилось и на наших картах, близ 27°30' ю. ш.) флагман потерпел крушение. Кабот первым покинул судно — «с точки зрения моряка, это непростительный, быстро наказуемый грех» (С. Морисон). Теперь он едва ли мог рассчитывать на пересечение Тихого океана. Выступивших против него девятиерых капитанов и офицеров он высадил на ближайший островок, населенный дружелюбно настроенными индейцами. Верные ему моряки построили небольшое судно, и 15 февраля 1527 г. флотилия отправилась исследовать реку Солиса, т. е. Ла-Плату, в которую вошла 21 февраля. На берегу Кабот построил форт, оставил здесь два больших корабля, а на двух начал подниматься по Паране на север¹. Он обследовал реку до устья ее правого притока Каркаранья (у 33° ю. ш.) и в июне поставил здесь второй форт. Ему удалось наладить хорошие взаимоотношения с индейцами, которые стали снабжать испанцев продовольствием. Построив небольшое судно и набрав продуктов, Кабот 23 декабря продолжил плавание вверх по Паране.

В начале 1528 г. Кабот достиг устья Парагвая, впадающего с севера в Парану. В его низовьях, вероятно близ устья Рио-Бермехо, произошел бой между испанцами и индейцами-земледельцами, хорошо организованными и вооруженными. Потеряв 25 человек убитыми, Кабот переменил политику, установил с индейцами мирные отношения и выменял у них серебряные украшения (позднее было выяснено, что индейцы добыли их в северо-западных областях бассейна Парагвая). Точно не установлено, как далеко он поднялся по Парагваю — вероятно, не выше устья р. Пилькомайо.

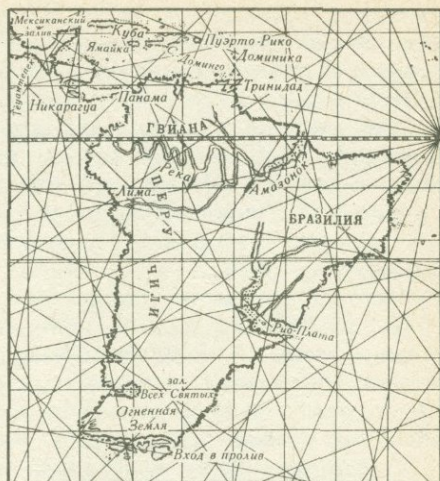
¹ Тогда же для изучения р. Уругвай Кабот направил *Хуана Альвареса Рамона*. Тот впервые поднялся лишь до устья р. Рио-Негро — менее чем на 100 км — и на обратном пути был убит индейцами.

Обследовав центральную часть Ла-Платской низменности, он тем самым выявил один из великих путей проникновения во внутренние районы материка. Затем Кабот спустился к устью Парагвая и начал подъем по Паране: при южных и западных ветрах преодолевать сильное течение реки все же удавалось, но когда направление ветров менялось, приходилось тянуть суда на бечеве. Пройдя около 400 км до участка, где река делает крутой поворот, Кабот остановился (март 1528 г.). Вверх по Паране на поиски серебра и владений легендарного Белого царя он направил бригадину, вернувшуюся через месяц с пустыми руками. В конце 1528 г. Кабот продолжил поиски «серебряного» царства и вновь потерпел неудачу. В обоих случаях не ясно, как далеко проникали его посланцы по Паране. Возможно, они достигли южной части Бразильского плоскогорья близ Южного тропика, но не преодолели водопада Сети-Кедас.

Кабот вернулся в устье Ла-Платы в конце сентября 1529 г. Почти весь гарнизон форта был уничтожен индейцами, и испанцы приняли решение завершить экспедицию. Когда Кабот прибыл в Испанию (июль 1530 г.), р. Парану стали называть Рио-де-Ла-Плата («Серебряная река»)¹; название удержалось только за общим устьем Параны и Уругвая.

Португальский король Жуан III, видимо, обеспокоенный активностью испанцев в районе Ла-Платы, отправил в 1531 г. флотилию из пяти судов под командой *Мартина Афонсу Соузы* для основания колонии. Соуза дошел лишь до 24° ю. ш., высадился на берег и 22 мая 1532 г. заложил первую в Бразилии плантацию сахарного тростника, а позднее у Южного тропика — поселок Вилла-ди-Пиратининта (один из первоначальных центров г. Сан-Паулу²). Вероятно, в конце 1532 г. на поиски владений Белого царя и «Серебряных гор» Соуза направил отряд во главе с *Перу Лобу*. Португальцы прошли маршрутом Гарсиа до Параны. На ее берегах все 80 человек были убиты индейцами.

На «Серебряную реку» в 1535 г. на 11 судах направилась из Испании большая экспедиция *Педро Мендосы*. Когда она в начале

Карта Южной Америки (конец XVI в.).

¹ Отсюда и испанское название Ла-Платской республики — *Argentina* («Серебряная»).

² Официальная дата основания Сан-Паулу — одного из крупнейших городов мира — 25 января 1554 г.

января 1536 г. вошла в Ла-Плату, оказалось, что форты, поставленные Каботом, разрушены индейцами. 2 февраля 1536 г. Мендоса основал на западном берегу Ла-Платы, к югу от дельты Параны, г. Буэнос-Айрес.

Вскоре начался голод, и смертность приняла угрожающие размеры: из 2650 человек, отплывших из Испании, в живых осталось лишь 560. Посланный на поиски «Серебряной горы» вверх по Паране и Парагваю крупный (400 человек) отряд *Хуана Айоласа* на четырех бригантинах поднялся до устья Пилькомайо, куда доходил С. Кабот, а в конце 1536 г. проник еще выше — к 19° ю. ш., проследив около 1000 км течения Парагвая. 2 февраля 1537 г. в южной части открытой им крупной (более 200 тыс. км²) заболоченной низменности Пантанал, на р. Парагвае, Айолас построил форт, на месте которого впоследствии вырос г. Корумба. Испанцы прибыли туда в период летних дождей¹ — и местность была почти полностью затоплена.

В середине 1537 г. Айолас, вероятно, спустился по реке примерно до 21° ю. ш. и прошел далеко на запад — возможно, к подножию Анд.

Он открыл (вторично после А. Гарсиа) равнину Гран-Чако, через «светлые леса» — сухое редколесье этой знойной, почти безлюдной области — вернулся к Парагваю и в 1538 г. или 1539 г. погиб почти со всеми спутниками в бою с индейцами. Один из его капитанов 15 августа 1537 г. основал г. Асунсьон. Индейцы в районе Буэнос-Айреса также совершали постоянные набеги на город, и испанцы ушли оттуда, а перед уходом сожгли его (1541 г.); центром ла-платской конкисты стал Асунсьон. Буэнос-Айрес был восстановлен только в 1580 г.

60-летний *Альваро Нуньес Кавеса де Вака*², назначенный губернатором в Асунсьон после смерти Мендосы, избрал новый путь для проникновения в бассейн Ла-Платы. 29 марта 1541 г. с отрядом в 250 человек он высадился на берег Бразилии у 27°30' ю. ш. и около семи месяцев затратил на сборы. 18 октября в сопровождении многочисленных индейцев-добровольцев Кавеса поднялся на южную часть Бразильского плоскогорья и, примерно повторив маршрут Гарсиа, пересек ее по долине Игуасу, причем в феврале 1542 г. открыл (вторично) водопад Игуасу. Как и в Северной Америке, Кавеса устанавливал с индейцами дружеские отношения и они снабжали испанцев продуктами.

Вниз по Паране на плотах он отправил 30 больных с охраной, а остальных людей повел от Игуасу прямо на запад и достиг Асунсьона 11 марта 1542 г.

Здесь он провел полтора года, а 8 сентября 1543 г. двинулся вверх по Парагваю на поиски «Серебряной горы» во главе круп-

¹ На лето южного полушария, продолжающееся на этих широтах с октября по апрель, приходится максимум осадков.

² Так — по фамилии матери — он называл себя и так его звали современники: по отцу его фамилия была Нуньес из рода Де Вера.

ного отряда — 400 испанцев, немцев и более 1000 индейцев на 10 лодках и 120 каноэ. Он пересек с юга на север болота Пантанал по всей длине (450 км), днем и ночью страдая от москитов и термитов, и в ноябре у 16° ю. ш. впервые поднялся на плато Мату-Гросу (западная часть Бразильского плоскогорья), открыв около 500 км течения Парагвая. Затем Кавеса спустился в форт у 19° ю. ш., встретил индейцев, сопровождавших А. Гарсиа в его походе, и по их указаниям прошел на запад к Андам, но, потеряв 60 человек от голода и болезней, а также в стычках с индейцами, вернулся в форт.

На север, вверх по Парагваю, он направил партию капитана *Эрнандо Риверы*. Тот достиг истоков Парагвая (у 14° ю. ш.) и 20 января 1544 г. возвратился с пустыми руками, но с известием, полученным от индейцев, о больших поселках и 10 днях пути к западо-северо-западу. В них якобы живут только воинственные и отважные женщины, у которых много золота и серебра; управляет ими тоже женщина. Так возникла лаплатская версия легенды об амазонках. В Асунсьон отряд Кавесы прибыл 8 апреля 1544 г.

Старшим офицером там оставался *Доминго Мартинес Ирала*, прибывший на Парагвай вместе с Айоласом и сам мечтавший о власти и богатстве. Воспользовавшись недовольством уцелевших солдат, он арестовал Кавесу (25 апреля 1544 г.) и в кандалах выслал в Испанию. Ирала сам начиная с 1537 г. не раз пытался отыскать «Серебряную гору» — и на путях Айоласа, и по Пилькомайо. По Паране он поднялся от водопада Сети-Кедас на 600 км — к устью р. Тиете (1543 г.), а в начале 1548 г., не ясно каким путем, от Асунсьона, командуя крупным отрядом, прошел на Центрально-Андийскую Пуну, к истокам Пилькомайо, где в апреле 1545 г. индеец *Диего Гуальпа* открыл величайшее в мире месторождение серебра.

Незадолго до прихода туда Ирала, в декабре 1546 г., перуанские конкистадоры основали для его эксплуатации г. Потоси, рудники которого более чем два века давали около половины мировой добычи серебра. Для переговоров с «тихоокеанскими» конкистадорами — с целью выяснения их позиции в отношении Потоси — Ирала направил в Лиму посольство *Нуфριο Чавеса* с тремя спутниками. Они вернулись в Асунсьон с несколькими перуанскими офицерами и солдатами, посланными властями Лимы с инструкцией поспориться с Иралой, которому они не доверяли.

Чавес, сопровождавший Кавесу в походе 1541 г. от Атлантического побережья, выполнил таким образом первое пересечение Южной Америки с юго-востока на северо-запад (по прямой это составило более 3,5 тыс. км). После экспедиций 1524—1548 гг. испанцам стала известна нижняя и средняя Парана на протяжении 2,5 тыс. км и все течение Парагвая; они открыли и пересекли в разных направлениях огромную (более 2 млн. км²) Ла-Платскую низменность и первые поднялись на Мату-Гросу; на примере Игуасу, берущей начало на хребте Серра-ду-Мар, они доказали, что по крайней мере некоторые из левых притоков Параны начинаются

очень близко от Атлантического океана, на западных склонах береговых серр (хребтов).

Ход открытия и завоевания бассейна Параны описал баварец *Ульрих Шмидель*, участвовавший в 1534—1554 гг. в многочисленных походах испанцев, в том числе в экспедициях Мендосы, Айоласа и Иралы, по просторам Ла-Платской низменности и Бразильскому плоскогорью. В 1567 г. он опубликовал отчет об этих скитаниях под названием «Правдивая история одного чудесного плаванья», выдержавший несколько изданий, последнее в 1962 г. на немецком языке. Работа содержит, в частности, первую этнографическую характеристику ряда индейских племен.

Плавание Камарго

Католическая церковь, не желая отставать от светских властей, также решила проявить интерес к Магелланову проливу. В конце 1536 г. епископ одного маленького испанского городка получил патент на «завоевание и заселение» берегов Тихого океана от Перу до Магелланова пролива. Снаряженные им три корабля¹ отплыли из устья Гвадалквивира в августе 1539 г. После захода в один или два бразильских порта флотилия прошла за 52° ю. ш. и в середине января 1540 г. бросила якорь близ входа в Магелланов пролив. 22 января флагман, борясь с западным штормом, наскочил на мель и затонул; большая часть команды спаслась и перешла на корабль, которым командовал *Алонсо Камарго*. Он благополучно прошел проливом в Тихий океан и, повернув на север, проследил западное побережье Южной Америки на протяжении около 5000 км до порта Кальяо (12° ю. ш.), куда прибыл в начале 1541 г. Во время плаванья А. Камарго ни разу не терял из вида берег материка. Для увековечения этого достижения команда доставила судно, имевшее жалкий вид, в г. Лиму и установила его у вице-королевского дворца как памятник.

Третий корабль под командой *Франсиско Камарго*, не известно почему потеряв много времени, остался зимовать у о. Огненная Земля.

Антарктическим летом 1541 г. испанцы впервые проследили все — около 400 км — восточное побережье острова и, как считают аргентинские историки открытий, прошли на запад проливом, позже названным именем Ле-Мера. Не исключено, что они «заглянули» и в пролив Бигл (у 55° ю. ш.). Вернувшись в Атлантику, Ф. Камарго обнаружил «восемь или более островов» (Фолклендские, или Мальвинские, о-ва?) и 30 декабря 1541 г. благополучно прибыл на родину.

¹ Сведения об этой экспедиции очень скудны. Известно лишь, что два из трех судов имели на борту по 150 солдат, кроме команды и колонистов.

ИСПАНСКИЕ И ФРАНЦУЗСКИЕ ОТКРЫТИЯ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ В 20—40-Х ГОДАХ XVI ВЕКА

Первая испанская колония на Атлантическом побережье Северной Америки

Процветающий сахарный плантатор с о. Эспаньола адвокат *Лукас Васкес Айльон*, подобно другим предпринимателям, «страдал» от нехватки рабочих рук на своих плантациях: поставляемые ему араваки и карибы очень быстро умирали от тяжелейших условий труда. И Айльон в конце 1520 г. снарядил одно судно под командой *Франсиско Гордильо* на поиски новых районов, населенных потенциальными рабами. К нему присоединилось другое испанское судно, и в июне 1521 г. они двинулись на север, тщательно осматривая Атлантическое побережье материка. До 29° с. ш. Гордильо повторил открытия Понсе де Леона, а между 29° и приблизительно 33° с. ш. стал первопроходцем. Испанцы вошли в устье какой-то реки и были дружелюбно приняты местными индейцами; некоторые отважились подняться на борт и вернулись на берег с подарками. Моряки нанесли ответный визит, побывав в ряде окрестных деревень. Когда же группа индейцев повторила посещение корабля, Гордильо приказал поднять паруса и с живым «грузом» вернулся на Эспаньолу, по пути потеряв другое судно.

Одного из захваченных индейцев Айльон крестил и вместе с ним отплыл в Испанию. Рассказы «крестника» о его родине заинтересовали Айльона, и в июне 1523 г. он получил от короны патент на колонизацию и христианизацию части побережья; поиски пролива между Атлантическим и Тихим океанами составляли дополнительную задачу. Вернувшись на Эспаньолу, Айльон весной 1525 г. направил на рекогносцировку два судна под командой *Педро Кексоса*, участника плавания Гордильо. Испанцы прошли вдоль берега почти до мыса Фир (у 34° с. ш.) — общая длина открытой обеими экспедициями Айльона береговой линии составила более 700 км. Миролюбиво настроенные индейцы доставили морякам продукты, и те вернулись на Эспаньолу.

Ободренный полученными новостями, Айльон в июле 1526 г. отплыл от Эспаньолы во главе флотилии из шести судов с пятьюстами колонистами на борту. Нигде не высаживаясь, испанцы подошли к устью реки, вероятно, у 33°40' с. ш. Здесь флагман потерпел крушение, остальные суда поднялись по реке, но не нашли

Флоридский индеец (рисунок XVI в.).

ван Гомес (по-португальски Гомиш). Выбор короля, как известно, пал на Магеллана, а Гомес пошел штурманом на «Сан-Антонио». В Магеллановом проливе он дезертировал и в мае 1521 г. вернулся в Испанию. Причину, побудившую его на такой поступок, он объяснил просто: обнаруженный пролив находится слишком далеко на юге, чтобы быть практически полезным; он берется найти более удобный проход на севере. Карл I, придавая большое значение поискам желанного прохода, предоставил Гомесу специально построенное судно «Анунсиада» (75 т), хорошо экипированное, с командой 29 человек.

Журнал плавания и отчет Гомеса не сохранились, и мнения ученых о маршруте прямо противоположны. Часть историков открытий, в том числе и С. Морисон, считают, что Гомес двигался вдоль побережья Северной Америки с севера на юг до Флориды; другие полагают, что шел он от Флориды на север. Ниже излагается версия С. Морисона.

подходящего места для поселения и спустились южнее, видимо, к устью р. Саванна (у 32° с. ш.). В основанном на берегу поселке жизнь как-то сразу не наладилась: дисциплина среди колонистов отсутствовала, хорошие взаимоотношения с индейцами вскоре испортились, несомненно, по вине пришельцев, местность оказалась малярийной, и они начали болеть, неожиданно рано наступили холода. 18 октября 1526 г. умер Айльон, а весной следующего года первая испанская колония на Атлантическом побережье будущих Соединенных Штатов Америки прекратила существование. На Эспаньолу на четырех судах вернулось лишь 150 уцелевших колонистов.

«Земля Гомеса»

Среди кандидатов на пост командующего флотилией, направляемой Карлом I на поиски западного прохода к Молуккам, кроме Магеллана, был и другой выходец из Португалии — Эсте-

«Анунсиада» пересекла Атлантику и в феврале 1525 г. у 46° с. ш. достигла о. Кейп-Бретон. Гомес попытался войти в залив Св. Лаврентия, но льды вынудили его отступить. Остаток зимы он провел в заливе Ингониш (восточное побережье о. Кейп-Бретон) в селении, брошенном Фагундишем (см. гл. 7), а весной вновь проник в залив и прошел к северо-западу или западу, не ясно, правда, как далеко. По словам историка А. Санта Круса, писавшего около 1545 г., Гомес решил, что любой пролив у западного конца этого большого залива на такой широте будет забит льдом долгое время и, следовательно, мало доступен. Вот почему он повернул на юг, коснулся восточного выступа о. Принца Эдуарда и открытым им очень узким проливом Кансо, отделяющим о. Кейп-Бретон от п-ова Новая Шотландия, вновь вышел в Атлантику.

Затем судно двинулось на юго-запад. О дальнейшем маршруте экспедиции рассказывают два документа: португальская карта мира Д. Рибейру (1529 г.) и карта А. Санта Круса (1545 г.) Повторив в общих чертах маршрут Фагундиша, в июне Гомес вошел в залив Пенобскот (у 44° с. ш.) и по одноименной реке поднялся до пределов навигации. На ее покрытых лесом берегах¹ паслось множество оленей, а встретившиеся испанцам индейцы вели себя дружелюбно. Далее к юго-западу Гомес обнаружил залив Каско и в отдалении на материке усмотрел вершины Белых гор — северная часть Аппалачей. В конце июля, завершив обход крупного залива Мэн, испанцы открыли п-ов Кейп-Код и прошли на некоторое расстояние далее к юго-западу, возможно до 40° с. ш. От какого пункта Гомес повернул домой, неизвестно, но это произошло не ранее августа, ибо в Испанию он прибыл 21 августа 1525 г. Не желая возвращаться с пустыми руками, [Гомес]... загрузил свой корабль полуголыми людьми обоего пола, из них около 60 человек достигли Испании.

Видимо, вскоре после возвращения Гомеса португальский картограф на испанской службе Диего Рибейро (Диогу Рибейру) скопировал карту его плавания и использовал ее при составлении своей уже упоминавшейся карты мира. Рибейро, очевидно, не знал о плаваниях Айльона и Верраццано и поэтому значительно преувеличил открытия Гомеса: между 30 и 45° с. ш. он поместил надпись: «Земля, открытая Эстеваном Гомесом в этом, 1525 г.». Несомненно, однако, что побережье Северной Америки между 40 и 45° с. ш. изображалось на картах по данным Гомеса вплоть до начала XVII в.

Легенда о «Сиволе» и «Семи Городах»

Морские экспедиции Кортеса доказали, что западный берег нового континента простирается далеко на север. Но по суше испанцы очень медленно продвигались в более пустынные области, лежащие к северу от Новой Испании. Слишком велики были труд-

¹ Гомес обнаружил выходы пород с большим количеством пирита, но не поддавался искушению посчитать его за вкрапления золота. На карте имеется надпись: «Золота нет».

ности и слишком, как казалось сначала, малы перспективы в этом направлении. Вскоре, однако, легковерие и фантазия конкистадоров создали в этих почти безлюдных и пустынных горных областях богатые страны и города, к которым они решили проложить путь. Еще в 1530 г. Нуньо Гусман услышал от раба-индейца, родом из северной страны «Техос», рассказ о богатой стране «Сивола», где тот якобы видел «Семь Городов»; каждый из них величиной с Мехико, и в каждом целые улицы заняты лавками ювелиров. Дорога туда ведет через пустыню и длится 40 дней. Гусман немедленно собрал отряд из 400 испанцев и нескольких тысяч индейцев и двинулся на север на поиски чудесной страны. Он шел по приморской низменности вдоль Западной Сьерра-Мадре, но, еще не доходя до 25° с. ш., встретился с такими трудностями, что отказался от предприятия. Однако основанный им у юго-восточного берега Калифорнийского залива г. Кульякан (близ 24° 50' с. ш.) позднее стал отправным пунктом испанских экспедиций в северные районы, а легенда о «Семи Городах» получила неожиданное «подтверждение».

В 1536 г. после почти восьмилетних скитаний четверо чудом уцелевших людей Нарваэса, в том числе коронный контролер экспедиции Альваро Нуньес Кавеса де Вака и мавр (марокканец) Эстебан вернулись в Новую Испанию. Они несколько лет были в плену у индейцев, переходили от племени к племени и невольно совершили изумительное путешествие с востока на запад — от Флориды до Калифорнийского залива. Их одиссея началась 6 ноября 1528 г. Огромная волна выбросила несколько лодок экспедиции Нарваэса, в том числе и суденышко Кавеса де Ваки, на берег залива Галвестон (близ 95° з. д.). Дружелюбно настроенные индейцы снабдили потерпевших крушение пищей, хотя сами недоедали. Вскоре наступили холода, к ним присоединился голод, который буквально косил испанцев, и часть их стала людоедами. Доброжелательность индейцев резко пошла на убыль — и в мае 1529 г. Кавеса де Вака бежал на запад, пересек низовья р. Бразос и на р. Колорадо, впадающей в Мексиканский залив, нашел приют у другого племени. Из раба он превратился в бродячего торговца, благодаря чему разыскал двоих испанцев и Эстебана. Вместе с ними Кавеса де Вака кочевал несколько лет по южной части Примексиканской низменности, в междуречье Тринити и Гуаделупе, впадающих в Мексиканский залив в пределах 95—97° з. д. Они выполняли разнобразную черновую работу и постоянно испытывали чувство голода. Лишь в осенние периоды, когда созревали плоды кактуса опунции, удавалось вдоволь поесть. Во время кочевек Кавеса де Вака впервые увидел и описал бизона, называя его «коровой»; огромные стада бизонов приходили с севера.

В октябре 1534 г. скитальцы решили отказаться от такой жизни, «лишенной всякого смысла», и двинулись на северо-запад, переходя от одного племени к другому в сопровождении большой «свиты» индейцев. Они впервые пересекли сухую степь плато Эдуардс и таким образом положили начало открытию Великих равнин, гигантской полосы предгорных плато, протягивающихся по материку к се-

веро-западу на 3600 км. Через некоторое время (примерно у 103° з. д.) Кавеса де Вака дошел до р. Пекос — крупнейшего (1215 км) притока Рио-Гранде, форсировал ее и по правому берегу, по-прежнему в сопровождении индейского «эскорта», поднялся на плато Льяно-Эстакадо с полупустынной растительностью — на более высокую ступень той же полосы Великих равнин. Слава о борода-тых знахарях опережала группу Кавеса де Ваки. Из несчастных, забытых рабов они превратились в «детей солнца» и, естественно, получали от этого немалые выгоды — пищу, одежду, а главное, безопасность передвижения. Эстебан освоил язык ряда племен и играл роль основного переводчика, Кавеса де Вака изучил шесть языков.

Дня через три-четыре после переправы через р. Пекос на западе путники увидели горы — южное окончание системы Скалистых гор. «Нам показалось, — замечает Кавеса де Вака, — что они тянутся отсюда к Северному морю»¹. Отряд перевалил их, вероятно, у 33° с. ш., в районе вершины гор Сакраменто (3658 м). У их западного подножия расстиралась пустыня Тулароса — группа повернула на юг и, придерживаясь примерно 106° з. д., в начале ноября 1535 г. вышла к р. Рио-Гранде (Рио-Браво-дель-Норте, 2880 км), чуть севернее нынешнего г. Эль-Пасо (у 32° с. ш.). Форсировать эту «большую реку, которая текла с севера», здесь не удалось — переправа была найдена в 100 км выше по течению. Оттуда проводники повели отряд на запад по «безлюдным и суровым горам», водоразделу Атлантического и Тихого океанов, к р. Хила, левому нижнему притоку р. Колорадо, впадающей в Калифорнийский залив. В этой безжизненной местности дичь не водилась, и все сильно страдали от голода. От р. Хила группа прошла на юг по лабиринту хребтов и долин с пересыхающими потоками (северная часть Мексиканского нагорья) и у $31^{\circ}30'$ с. ш. вступила в богатую «маисовую страну»². Население многочисленных поселков снабжало путников одеждой и едой; больше всего испанцев потрясло подношение из 600 сердец антилоп и нескольких наконечников для стрел, вырезанных, как они посчитали, из изумрудов. Переходя от одного селения к другому, в начале января 1536 г. они достигли р. Яки (бассейн Калифорнийского залива), открытой одним из офицеров Н. Гусмана.

Дальнейший путь Кавеса де Ваки проходил вдоль склонов Западной Сьерра-Мадре. У 26° с. ш. на р. Синалоа, впадающей в Калифорнийский залив, он встретил испанцев — охотников за рабами, а в апреле 1536 г. в г. Кульякан закончились его скитания. В Испании Кавеса де Вака составил отчет королю о своих странствиях, опубликованный в 1542 г. под названием «Науфрагиос». Книга держала несколько изданий на разных языках, последнее в 1975 г. на русском языке под обычным — и неточным — названием «Кораблекрушения», более правильно «Потерпевшие кораблекрушение». В этой работе Кавеса де Вака выступает в качестве первого

¹ «Северным морем» он называл, скорее всего, Мексиканский залив, которого испанцы достигли с юга.

² Именно о ней восторженно рассказывали по возвращении изголодавшиеся и измученные восьмимесячным блужданием в горах Кавеса де Вака и его спутники.

этнографа североамериканских индейцев, их друга и горячего защитника. Ему принадлежит также заслуга первого описания бизона и опоссума — небольшого сумчатого животного, мясо которого и ныне используется в пищу.

Из неопубликованного отчета, составленного Кавеса де Вакой совместно с одним из его спутников, и из книги следовало, что испанцы проходили через пустыни и высокие горы, через обширные земледельческие области, засеянные маисом и бобами, где жили мирные индейские племена. Испанцы утверждали, что на севере, в горных районах, есть города с домами в четыре-пять этажей, а комнаты в домах украшены дорогами тканями и драгоценными камнями.

Этот рассказ, в котором было много преувеличений, в Новой Испании приняли за подтверждение сказки о «Сиволе» и «Семи Городах». По поручению вице-короля Новой Испании *Франсиско Васкес Коронадо*, комендант Кульякана, послал в марте 1539 г. монаха *Марко де Ниса* вместе с Эстеваном на север — на поиски «Сиволы», дав обоим индейских проводников. От р. Хилы Эстефан был выслан вперед на разведку. Чем дальше монах продвигался на север, изредка встречая поселения индейцев, тем, по его словам, все определеннее становились указания на большой город «Сиволу». Вскоре Марко узнал, что Эстефан убит уже в самом городе, но все же решил идти дальше, чтобы увидеть собственными глазами, хотя бы издали, чудесную «Сиволу». И это ему удалось. Среди широкой равнины, на крутом холме стоял город, который, по его словам, был больше и величественнее Мехико. Он-де очень хотел войти туда, но, боясь, что его убьют и с ним погибнет великое открытие, остановился. На холме, где он стоял, он нагромоздил кучу камней, водрузил там крест и формально овладел этой страной. Затем он повернул обратно и в сентябре 1539 г. представил свой «правдивый» отчет вице-королю. Коронадо, получив сообщение от Марко, 17 ноября направил на север конный отряд капитана *Мельчора Диаса* с партией индейцев, так как рассказ монаха внушал ему сомнения. Но наступила зима, и Диас, немного не доходя р. Хилы, повернул назад. В отчете, который он отослал Коронадо весной 1540 г., он опирался на сведения, собранные в пути. Хотя Диас был осторожнее в выражениях, чем Марко, он все же заявлял, что «Семь Городов» действительно существуют и среди них главный — «Сивола». Таким образом, рассказ Кавеса де Ваки и его спутников подтверждался двумя «солидными» показаниями — монаха и офицера.

Открытие испанцами Колорадо и западных притоков Миссисипи

Вице-король Новой Испании отправил под командой Коронадо крупный отряд в «Сиволу». Коронадо, взяв с собой Марко, выступил в поход весной 1540 г. с отрядом в 1000 человек — испанцев и индейцев — из поселка Компостелы (у 21° с. ш.). Сначала он шел

Поиски «Семи Городов». Вероятные пути конкистадоров.

на северо-запад вдоль узкой приморской низменности, у 30° с. ш. повернул прямо на север, обогнул с востока пустыню Хилу и вышел к р. Хиле, левому притоку р. Колорадо. Пройдя затем через южные уступы плато Колорадо, отряд двигался на север по равнинам, покрытым высокими травами, или по пустынным нагорьям. Солдаты шли пешком всю дорогу. Каждый тащил на себе запас продуктов: лошади были и без того тяжело навьючены. Наконец, в июле отряд достиг «Сиволы» на том месте, которое было указано Марко, — вероятно, у 35° с. ш., на пересыхающей речке Зунь, притоке Литл-Колорадо. «Город» на скале был такой величины и вида, что испанцы начали проклинать лживого монаха и с насмешкой говорили, что иной хутор в Новой Испании производит более солидное впечатление. Построенный из камня и глины на уступах скалы так, что плоские крыши нижних домов находились на одном уровне с полом верхних домов, он мог укрыть не более 200 воинов. Испанцам не стоило большого труда взять приступом такую «крепость» и выбить оттуда индейцев. Местность была высокая, холодная, почва песчаная и почти бесплодная. Индейцы одевались в хлопчатобумажные ткани или в звериные шкуры. Сокровищ здесь ожидать не приходилось, а «прекрасные города», окружавшие «столицу», оказались своеобразными большими домами-селениями местных индейцев зуньи, которые испанцы называли пуэбло (pueblo — большой поселок или население большого поселка).

В то время как главный отряд шел в «Сиволу», мореход Эрнандо Аларкон, командуя тремя транспортными судами, двигался вдоль

восточного берега Калифорнийского залива и в конце августа 1540 г. достиг его северной мелкой части. С большим трудом Аларкон нашел проход среди мелей и в вершине залива открыл (вторично — после Ульоа) устье большой реки — Колорадо («Красная» или «Цветная»)¹. В начале и в середине сентября он предпринял две попытки подняться по ней (лодки по берегу тянули индейцы). В обоих случаях Аларкон продвинулся примерно на 200 км немного выше устья р. Хила. У каждого изгиба реки он видел многочисленные толпы миролюбиво настроенных индейцев, в приречных селениях испанцы получали продукты, подтверждения о существовании «Сиволы», а также вести об отряде Коронадо. На соединение с ним Аларкон идти не рискнул из-за враждебности индейцев, живших выше по течению, вернулся к устью Колорадо и в середине октября отплыл домой².

Небольшой отряд М. Диаса, шедший в далеком арьергарде основной группы Коронадо, повернул от р. Соноры на северо-запад. Испанцы прошли к низовьям р. Колорадо вдоль северной границы пустыни, подступающей к берегам Калифорнийского залива. Аларкона Диас не застал, но обнаружил его письма к Коронадо. На правом берегу р. Колорадо Диас открыл песчаные пространства, покрытые горячим пеплом; эта преграда вынудила его возвратиться.

Между тем Коронадо, заняв «Сиволу», выслал во все стороны небольшие отряды для исследования страны. Первым двинулся *Педро Товар*: пройдя на север около 200 км, он открыл восточную часть плато Колорадо и в середине августа 1540 г. вернулся с известием, полученным от индейцев, о какой-то реке, текущей на запад. Для проверки этих сведений на северо-запад направился отряд *Гарсиа Лопеса Карденаса*. Он проследовал по плато Колорадо около 300 км и в середине сентября вышел к южному краю Большого каньона (у 36° с. ш.). Испанцы были изумлены и потрясены видом, который открылся под их ногами (глубина каньона — до 1800 м). Три дня Карденас бродил вдоль обрыва, напрасно отыскивая среди отвесных скал спуск к реке. Затем он проделал четырехдневный маршрут на запад в поисках источников питьевой воды и вынужден был вернуться обратно; он сообщил Коронадо о поразительном открытии.

¹ Аларкон назвал реку Буэна-Гиа («Добрый вожатый»), так как все еще надеялся, что она доведет испанцев до «Семи Городов».

² В сентябре 1541 г. вице-король Мексики А. Мендоса направил в Калифорнийский залив экспедицию под командой *Франсиско Боляньоса* для исследования берегов, открытых людьми его врага Э. Кортеса, и поисков мифического пролива (см. гл. 14). Флотилия, состоящая из трех судов, добралась до устья р. Колорадо, где два корабля, потерявшие во время шторма мачты, вынуждены были вернуться. Боляньос на одном судне обошел западное побережье залива и, двигаясь по следам Ульоа, достиг мыса Пунта-Баха. Штурман экспедиции *Доминго Кастильо*, участник плавания Аларкона, нанес на карту оба берега Калифорнийского залива и доказал, что на западе его отделяет от океана не остров, а длинный полуостров (Нижняя Калифорния). Но карта Кастильо, как и другие, была засекречена, и еще долго, до второй половины XVIII в., господствовало неправильное представление, что Нижняя Калифорния — остров.

Восточный отряд под командой молодого капитана *Эрнандо Альварадо*, родственника П. Альварадо, прошел прямо на восток. Путь, пролежавший по древним лавовым потокам, оказался крайне тяжелым. Не раз по дороге попадались руины древних индейских поселений. 7 сентября у 35° с. ш. испанцы добрались до большой реки, текущей на юг (Рио-Гранде). Около 100 км проводники вели испанцев вверх по ее долине по землям племени тигекс и выбрали место для зимовки главных сил Коронадо близ нескольких поселков. Везде жители дружелюбно встречали пришельцев и снабжали их продуктами и одеждой. Затем Альварадо поднялся по реке еще на 150 км к очень крупному поселению, насчитывающему, по его словам, 15 тыс. жителей. Долина Рио-Гранде здесь, по его наблюдению, находилась среди хребтов — горы Сангре-де-Кристо и Сан-Хуан (южный участок Скалистых гор).

Решив, что наиболее удобное место для зимовки — все же земля тигексов, Альварадо вернулся туда и в конце сентября направил к Коронадо гонца с отчетом и картой (она не сохранилась). Он писал, что этот район превосходит «Сиволу» по всем статьям. До прихода главных сил Альварадо намеревался обследовать страну далее к востоку. В верховьях р. Пекос перед ним возник новый мираж — страна «Кивира»: он встретил пленного флоридского индейца, который переходил от одного племени к другому, пока, наконец, не очутился в тысячах километрах от своей родины. Флоридец заслужил доверие испанцев, так как оказался толковым и надежным проводником. Но наряду с правильными сведениями о гигантской судоходной реке, текущей к востоку от Пекоса, он сообщил, что у этой реки (Миссисипи) находится страна «Кивира»; что местный верховный вождь проводит свой полуденный отдых под ветвями огромного дерева, увешанного золотыми колокольчиками, и дремлет под их тихий перезвон; что жители «Кивир» пользуются только золотой и серебряной утварью, а на носах их челнов — большие золотые орлы. И рассказчик добавил, что верховный вождь «Кивир» и ему подарил золотые вещи, которые лишь недавно отнял у него местный вождь. Соблазн был очень велик, но Альварадо продолжил рекогносцировку. Он дошел до р. Канейдиан (приток Арканзаса) и проследил ее течение примерно на 300 км к востоку. В долине этой реки, дренирующей южный участок Великих равнин, Альварадо впервые вплотную столкнулся с бизонами, убившими несколько лошадей его отряда. Из-за наступивших холодов он вернулся в верховья Пекоса и потребовал от вождя возвратить золотые вещи, но в селении не нашлось и следа золота, а жители назвали флоридца бессовестным лжецом. Альварадо отложил выявление истины до «лучших времен» и принял участие в междоусобной войне, вскоре закончившейся победой союзников испанцев, после чего он возвратился на Рио-Гранде до подхода Коронадо.

Главный отряд Коронадо выступил на восток поздней осенью и вскоре достиг большой реки, текущей на юг, — о ней испанцы уже знали из доклада Э. Альварадо: «Все воды — реки, ручьи и потоки, — записал *Хуан Харамильо*, один из главных историографов

похода, — которые мы встречали до «Сиволы» и за ней на расстоянии еще двух дней пути, текут к Южному морю [Тихому океану], а начиная отсюда — к Северному [Атлантическому] океану». Следовательно, он открыл водораздел между восточными притоками Колорадо и Рио-Гранде, принадлежащей бассейну Мексиканского залива. Основные силы остановились на зимовку на р. Рио-Гранде, близ верховьев Пекоса. Здесь Коронадо узнал о стране «Кивири», якобы богатой золотом, и приказал доставить к нему вожда, вновь отрицавшего все; Коронадо приказал заковать его в цепи и бросить в тюрьму. Тогда восстали окрестные индейцы и всю зиму тревожили набегами испанцев; те жестоко расправлялись с восставшими.

23 апреля 1541 г. Коронадо с частью солдат вышел в «Кивиру», сначала, видимо, на восток, а затем на северо-восток через безбрежные прерии. Здесь, на Великих равнинах, они увидели огромные стада бизонов и познакомились с бродячими индейскими племенами, которые жили только охотой на этих животных. Совершая короткие дневные переходы, испанцы в конце июня достигли крупной реки (Арканзас). На ее левобережье, там, где река делает большую излучину (у 99° з. д.), начиналась «Кивири». Харамильо и другие участники похода описывали ее как невысокую, изрезанную полноводными реками, свежую, зеленую, роскошную страну, «лучше которой не найти ни в Испании, ни во Франции, ни в Италии»; они утверждали, что страна эта пригодна для выращивания всех культур. Самый дальний пункт, достигнутый отрядом Коронадо, находился на р. Смоки-Хилл (около 1000 км), южной составляющей р. Канзас, правого притока нижней Миссури (у $38^{\circ}30'$ с. ш. и $97^{\circ}40'$ з. д.). Страна была хороша, но местные индейцы не имели никаких ценных вещей, даже вожди носили медные украшения. Приближалась осень. Коронадо, боясь северной зимы, в середине августа повернул к Пекосу, прямо на юго-запад — через Великие равнины; по пути ему часто встречались соляные озера. Испанцы возвратились в верховья Пекоса в середине сентября и провели там вторую зиму. Коронадо верил еще в существование страны золота и хотел весной 1542 г. повторить поход, надеясь продвинуться дальше в глубь открытой им огромной страны и дойти до «Кивиры». Но болезнь из-за несчастного случая во время турнира (декабрь 1541 г.) заставила его отказаться от дальнейших поисков, и через «Сиволу» в июне он прошел с отрядом в Кульякан.

Географические результаты экспедиции Коронадо были огромны. В погоне за фантастическими городами и странами его отряды прошли несколько тысяч километров внутри материка, который оказался гораздо больше, чем тогда предполагали. На протяжении 1000 км открыта полоса низменностей вдоль восточного берега Калифорнийского залива; обнаружены континентальный водораздел, р. Колорадо, прорезающая один из величайших в мире каньонов, и южная составляющая р. Канзас; вторично — после Кавеса де Вакки — выявлены гигантские сухие плато и высокие Скалистые горы, необъятные прерии, простирающиеся от их подножия до великой реки (Миссисипи), но Коронадо не дошел до нее.

Одиссея Ду Кампу

Во время зимовки в верховьях Пекоса Францисканский монах *Хуан Падилья*, участник походов П. Товара и Э. Альварадо, очевидно, с согласия Коронадо, организовал небольшую группу для продолжения исследований на востоке. В нее вошли португалец *Андриш Кампу*, или *Ду Кампу* (на испанский манер До «Кампо»), и два крещеных индейца. Весной 1542 г. они вернулись в Кивиру — на среднее течение р. Арканзас (у 98° з. д.) — и направились на восток. Через несколько дней пути им повстречались индейцы, враждовавшие с кивирцами. Падилья был убит, а Кампу и два его спутника стали рабами. После десятимесячного плена им удалось бежать. Они передвигались от пункта к пункту, придерживаясь почти строго южного направления и пройдя по Великим равнинам более 1000 км. На этом пути Кампу последовательно переправлялся через Арканзас и его многочисленные притоки, в том числе Канейдиан, рр. Ред-Ривер, Бразос и Колорадо¹, и вышел к нижнему течению Рио-Гранде у $100^{\circ}30'$ з. д. После форсирования этой крупной водной преграды и ее притока Сабинас, Кампу и его спутники переправились Восточную Сьерра-Мадре близ 101° з. д. и прошли на юг, проследив ее западные склоны на протяжении 400 км, до устья р. Пануко. В Мехико, куда в конце концов они попали, их рассказ о путешествии по диким прериям вызвал сенсацию.

Поиски испанцами «Семи Городов» — экспедиция Сото

Эрнандо де Сото выдвинулся в «Золотой Кастилии» и Никарагуа, сопровождал в перуанском походе Франсиско Писсаро, и тот позднее назначил его своим заместителем. Во время кровавой борьбы между перуанскими конкистадорами Сото добровольно оставил «страну золота» и вернулся в Испанию богатым человеком. Там он предложил план завоевания Флориды, за которой мечтал найти мифическую страну «Семи Городов». 28 мая 1539 г., следуя от Кубы, он высадился с 600—900 солдатами и 200—350 лошадьми (по разным версиям) на западный берег Флориды (у $26^{\circ}30'$ с. ш.). Оставив для охраны судов часть солдат, Сото двинулся с остальными в глубь страны, на север². По дороге испанцы встречали крупные селения, в иных было более 600 домов. Они медленно продвигались по заболоченной лесной местности, изрезанной реками. Враждебно настроенные индейцы (здесь уже зверствовали солдаты Нарваэса) укреплялись на холмах, окружая их частоколом. В октябре Сото вы-

¹ Эта р. Колорадо, принадлежащая бассейну Мексиканского залива, значительно меньше своей «тезки», впадающей в Калифорнийский залив.

² Имея солидный походный опыт, Сото продумал проблему питания: он взял с собой 13 свиней, к следующей весне их число возросло до 300 голов, а к осени — до 500.

шел к небольшой реке, впадающей в залив Апалачи (у 30° с. ш.). Он вызвал туда свой флот и послал его на запад — разведать берег на протяжении 600 км. После зимовки в марте 1540 г. Сото двинулся на поиски «Семи Городов» на северо-восток по «богатой, плодородной... прекрасно орошаемой»¹ стране индейцев криков — восточной части Примексиканской низменности, дренируемой множеством мелких рек бассейна Мексиканского залива. Сото и его спутники не уставали поражаться обилию дичи и дарами лесов и лугов. Но на охоту и сборы испанцы не хотели тратить время. Для обеспечения своих людей продуктами, а лошадей фуражом Сото применял своеобразную тактику: в очередном индейском поселке он захватывал касика и его окружение в качестве заложников, требовал провизии и после отдыха переходил с пленниками к другому населенному пункту, где завладевал новыми, а «использованных» отпускал домой. Так он прошел около 500 км, причем первый пересек южную часть Приатлантической низменности и открыл рр. Олтамахо и Саванна (обе впадают в Атлантический океан). У 33°30' с. ш. отряд форсировал Саванну и повернул к северу. По пути несколько солдат и негров-рабов дезертировали, прельстившись свободой, обилием пищи и красотой индианок. Но большинство испанцев мечтало о городах, богатых золотом, и упорно шло за Сото: от индейцев они не раз слышали о «провинции... Куса, изобильной стране с очень большими городами»². Через слабохолмистую предгорную равнину (Пидмонт), круто возвышающуюся над низменностью, Сото вышел к горам в верховьях Саванны — Голубой хребет (Блу-Ридж), т. е. положил начало открытию Аппалачей. Затем испанцы прошли вдоль юго-западного окончания этих гор, причем отметили на севере хребет с «очень высокими скалистыми гребнями» (Грейт-Смоки-Маунтинс?). Сото высылал вперед наиболее ловких солдат, которые «лаской и приветом» убеждали индейцев мирно пропустить пришельцев. Отряд пересек ряд небольших рек, текущих по плодородной равнине в южном направлении, к Мексиканскому заливу (системы Апалачиколы и Алабамы). Вождь одного из местных племен вызвался сопровождать непрошенных гостей и 16 июня 1540 г. привел их в крупный поселок, лежащий на берегу большой реки (среднее течение р. Алабамы). Его окружал высокий земляной вал и бревенчатый забор со сторожевыми башнями и двумя воротами. Поселок состоял из 80 больших деревянных домов, и некоторые из них были так велики, что там якобы размещалось по 1000 человек. Испанцы, увидев дома-крепости, решили, что их предательски заманили в ловушку, поспешно отошли назад и атаковали поселок. Они выбили топорами деревянные ворота, ворвались внутрь и подожгли дома. Со стороны индейцев сражались не только мужчины, но и женщины. Сото был ранен, но остался в строю, чтобы его люди не пали духом. Индейцы мужественно со-

¹ Цит. из сообщений спутников Сото здесь и далее взяты из работы Дж. Бейк-лесса.

² Вероятно, имелась в виду долина р. Куса, одной из составляющих р. Алабамы.

противлялись, но, когда огонь распространился, обратились в бегство.

Потеряв в бою 83 человека и 45 лошадей, испанцы впали в уныние: золота и серебра они не нашли и находились в окружении враждебных племен; многие поэтому хотели вернуться на Кубу. Но Сото, дав своим солдатам почти месячный отдых, двинулся дальше на запад. В декабре он взял приступом индейский поселок. Жители его ушли, и Сото разместил своих солдат на зимовку в покинутых домах. Около двух месяцев все было спокойно, и испанцам удалось отдохнуть. Дисциплина в отряде упала, охрану перестали выставлять. Индейцы, видимо хорошо осведомленные, воспользовались этим. В начале марта 1541 г. они ночью ворвались в поселок и подожгли соломенные крыши домов, где спали испанцы. В ночном бою было убито 40 солдат, погибло почти все стадо свиней и потеряно 50 лошадей, из них часть сгорела. Испанцы перешли в соседний поселок, но и здесь их беспрерывно беспокоили индейцы. В конце марта Сото начал дальнейшее продвижение, отражая частые нападения индейцев. Вероятно, он шел наугад через местность «со множеством водоемов и густыми лесами», поворачивая то к северу, то к югу, а в общем придерживаясь западного направления. Его отряд проник в долину Теннесси («река, равная по величине Гвадалквивиру у Севильи»), а в мае 1541 г. у 35° с. ш., близ нынешнего г. Мемфиса, испанцы вышли к широкой и глубокой реке с извилистым течением и мутными водами. Масса вырванных с корнем деревьев плыла вниз по течению. Это был великий поток Миссисипи — «река Святого Духа», как ее называли предшественники Сото. До нее дошла едва половина солдат. Почти месяц они потратили на строительство четырех барж, на которых переправились на правый берег Миссисипи. Разбив их в щепки, чтобы не достались индейцам, испанцы двинулись на запад через земли, прорезанные многочисленными ручьями, речками, старицами и поросшие густыми зарослями тростника. Недели через две они достигли значительной реки (Арканзас), отсюда началась «славная страна», много выше, суше и ровнее, чем окрестности Миссисипи. Во время отдыха Сото выслал на север на поиски золотых и серебряных рудников небольшую партию. Разведчики вернулись с сообщением об огромных стадах бизонов, пасущихся в прериях. Зимовал отряд на Арканзасе, близ устья р. Канейдиан (у 35°30' с. ш. и 95° з. д.), а ранней весной спустился к устью реки и двинулся на юг по правому берегу Миссисипи. Однако довольно быстро выяснилось, что испанцы выбрали наиболее трудный путь «из-за огромных болот... непроходимых тростниковых зарослей и густых кустарников», а также многочисленных стариц. Почему все же Сото придерживался долины могучего потока? Зная, очевидно, где находится и куда течет Миссисипи, он, еще не повстречавшись с нею, отправил своего офицера на Кубу с приказом встретить отряд через полгода в устье реки. С огромными трудностями 21 мая 1542 г. испанцы добрались к устью Ред-Ривер, большого (2050 км) нижнего притока Миссисипи, где тяжело больной Сото умер. Капитана хоронили ночью,

чтобы весть о его смерти не распространилась среди индейцев. Гроб его был затоплен в одном из рукавов Миссисипи.

В начале июня 1542 г. испанцы под начальством *Луиса Москосо* двинулись дальше на запад с уклоном к северу. Совершая большие дневные переходы, они пересекли почти безлюдные степи, переправились через Ред-Ривер, открыли несколько небольших рек бассейна Мексиканского залива, в том числе Сабин, Тринити и их многочисленные притоки. В «страшный зной», пробираясь сквозь заросли кустарников и густые леса, Москосо достиг верхнего течения р. Бразос¹ (у 98° з. д.), т. е. вступил в степные просторы южной части Великих равнин и, следовательно, продолжил, не зная, конечно, об этом, открытие А. Кавеса де Ваки. Вождевенных драгоценных металлов и мифических городов здесь он не обнаружил; припасы подходили к концу, и до предела измотанные солдаты повернули на восток. Продукты приходилось добывать в кровавых боях с индейцами. Много испанцев было убито, умерло от ран или от истощения. Они не могли найти подходящего места для зимовки и неоднократно переходили с места на место. Их обувь изнасилась, одежда изорвалась. Босые, закутанные в звериные шкуры, испанцы с величайшими усилиями добрались в конце декабря до устья р. Арканзас. Они обосновались во взятом приступом индейском селении, окруженном глубоким рвом. Во время четвертой зимовки умерло еще несколько человек. Остальные кое-как дотянули до весны.

К марту 1543 г. испанцы построили семь крепких бригадин, благо «отличный строевой лес» находился неподалеку, но сильный весенний разлив Миссисипи задержал снаряжение флотилии: только в конце июня удалось погрузить на суда нужные запасы. В каждом судне помещалось около 50 испанцев и индейцев (мужчин и женщин), которые «добровольно» согласились уйти с испанцами. При движении вниз по Миссисипи испанцам пришлось выдержать тяжелый бой с южными приречными племенами. На двадцатый день они достигли моря и без компаса и карты поплыли в Новую Испанию, следуя на запад, а затем на юг вдоль берега Мексиканского залива. Свои запасы испанцы пополнили богатым уловом рыбы. Через 53 дня они высадились на сушу. Правильно рассчитав, что находятся недалеко от Новой Испании, они бросили суда, двинулись берегом к югу и 10 сентября 1543 г. дошли до р. Пануко. Две трети отряда Сото погибло во время этой несчастливой экспедиции; вернулось 311 человек, грязные, одетые в звериные шкуры, истощенные и больные. Часть их отправилась в Испанию, а остальные разбрелись по различным странам Нового Света. Ни Сото, ни, как мы видели, Коронадо не нашли ни драгоценных металлов, ни многочисленного населения, которое можно было бы без чрезмерных военных усилий обратить в рабство или закрепить. Интерес испанского правительства, искателей приключений и миссионеров к территориям севернее залива и Рио-Гранде остыл надолго — до 80-х гг. XVI в.

¹ Р. Бразос (1530 км) впадает в Мексиканский залив у 95° з. д.

Плавание Кабрильо — Феррело

Миражи «Семи Городов» и страны «Кивиры» не давали покоя испанцам. К этим сказкам добавились две реальные задачи, поставленные перед экспедицией, направленной к берегам Северной Америки: открыть пролив между Тихим и Атлантическим океанами и найти новые районы, богатые драгоценными металлами. Эту экспедицию на двух небольших и плохо экипированных судах возглавил бывший португальский моряк *Жуан Родригис Кабрильо* — испанцы звали его *Хуан Кабрильо*; главным штурманом шел итальянец *Бартоломе Феррело* (или Феррер), выходец из Леванта. Они отплыли из порта Навидад 27 июня 1542 г., вскоре достигли Тихоокеанского побережья п-ова Калифорния и двинулись на север. В конце июля Кабрильо обнаружил и дал названия ряду географических объектов, сохранившиеся на наших картах, — бухта Магдалена, о. Седрос, а 20 августа подошел к самому северному пункту, достигнутому в 1540 г. Ф. Ульоа, — 30° с. ш. Далее простирались еще неизвестные берега и открытия последовали одно за другим¹: 21 августа — бухта Сан-Кинтин ($30^{\circ}20'$ с. ш.), 28 сентября — гавань Сан-Диего, на берегах которой почти через 230 лет возник одноименный город, в начале октября — залив Санта-Каталина и два острова мористее, а севернее — пролив Санта-Барбара и о-ва Чаннел (у 34° с. ш.). Кабрильо высадился на берег, вступил во владение открытой страной и отметил, что горы здесь круто поднимаются у самого моря — южное окончание Береговых хребтов².

На самом западном из о-вов Чаннел испанцы провели несколько дней, в один из которых Кабрильо при падении сломал руку. Острова и побережье материка были довольно густо заселены миролюбиво настроенными индейцами, но драгоценностей у них испанцы не видели. Несмотря на осеннюю штормовую погоду, флотилия 6 ноября продолжила плавание к северу вдоль побережья, но сильный противный ветер вынудил суда отойти в открытое море и разъединил их. К берегу испанцы вновь подошли 14 ноября немного севернее 38° с. ш. и у $38^{\circ}30'$ с. ш. соединились. Здесь Кабрильо решил возвращаться. Суда выдержали новый шторм, и 16 ноября испанцы открыли бухту, позже ставшую прибежищем Ф. Дрейка (Дрейкс-Бей, 38° с. ш.), а южнее обнаружили залив Монтерей, отметив горы вдоль всего пройденного побережья. 23 ноября испанцы подошли к тому же острову, где Кабрильо сломал руку, и зазимовали там. Новый 1543 г. начался печально: скончался Кабрильо, перед смертью назначивший своим преемником Б. Феррело и приказавший ему весной повторить попытку пройти на север.

Послушный воле умершего командира, Феррело снялся с якоря 19 января, но целый месяц потерял на бесплодную борьбу с ветрами в проливе Санта-Барбара. Вновь пропустив, как, впрочем,

¹ Флотилия двигалась только днем, на ночь бросая якорь.

² Невысокие, покрытые лесом хребты и массивы, протягивающиеся у Тихоокеанского побережья Северной Америки между 34 и 48° с. ш.

и другие мореплаватели в течение последующих двухсот лет. Вход в залив Сан-Франциско, 28 февраля он достиг, по его определению, 43° с. ш. С учетом постоянной ошибки, которую делали мореплаватели XVI в. у этих берегов, Феррело в действительности находился у 41°30' с. ш. — в устье р. Клатат. Дальше на север продвигнуться он не смог: сильнейший шторм, разразившийся в тот же день, вынудил его повернуть назад, и в течение трех суток испанцы убегали от огромных волн. Оба судна благополучно возвратились в Навидад 14 апреля 1543 г. без драгоценных металлов, и об экспедиции вскоре забыли. А географические результаты плавания Кабрильо — Феррело оказались большими. Они проследили более 1600 км Тихоокеанского побережья Северной Америки, открыли несколько заливов и островов, осмотрели с моря почти на 1000 км Береговые хребты.

Французские открытия: плавание Верраццано

Французский король *Франциск I*, вступивший на престол в 1515 г., как и английский монарх, не имел желания подчиниться папскому разделу мира, при котором Франция не получила никаких прав на заокеанские земли, но не решался еще отправлять экспедиции в тропические моря, где господствовали более сильные морские державы — Испания и Португалия. Северная же Атлантика тогда никем не контролировалась, и только одиночные португальские корабли посещали берега «Земли Кортириалов». С начала XVI в. рыбаки из Нормандии и Бретании начали ловить рыбу на Ньюфаундлендских мелях, и китоловы приставали также к северо-восточным берегам Америки, в частности к Новой Шотландии¹. Этот полуостров французы в XVI в. называли «Землей Бретонцев», затем Акадией. В 20-х гг. XVI в. была даже первая попытка ее колонизации, и позднее там находили одичавший домашний скот. Но рыбаки в первой половине XVI в. осмеливались плавать только в северных широтах. Южнее, на путях к Центральной Америке, в то время появлялись только французские корсары (пираты), подстерегавшие испанские торговые суда. Франциск I даже поощрял их: выдавал им каперские патенты, узаконивающие грабеж, захват и потопление испанских и португальских судов, и снабжал средствами, получая, конечно, львиную долю прибыли от добычи («приза»).

Один из корсаров, *Хуан Флорин*, был хорошо известен испанцам. Это он в начале 1523 г. перехватил первые два корабля с золотом и другими сокровищами Монтезумы, посланные Кортесом из Мексики. Долгое время считалось, что этот корсар и купец, ученый и писатель *Джованни Верраццано* — одно и то же лицо. В 1970 г. американский историк открытий *Л. Роут* доказал ошибочность традиционных представлений. Его неопровержимые доводы

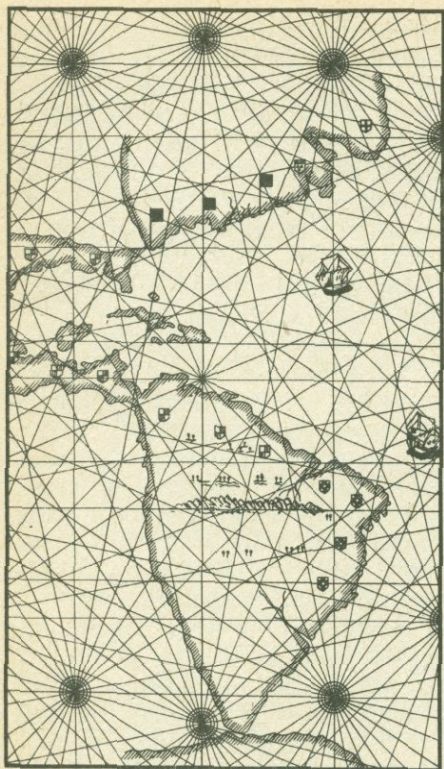
¹ О. Кейп-Бретон («Бретонский мыс») у Новой Шотландии открыт был французскими моряками не позднее 1504 г.

сводятся к трем документально подтвержденным фактам: в марте 1524 г. Флорин у Канарских островов захватил испанский корабль, 20 марта того же года Верраццано подошел к берегам Северной Америки; в мае 1526 г. Флорин вновь напал на другое испанское судно, а Верраццано в это же время находился в Руане, занимаясь подготовкой к очередному плаванию; в ноябре 1527 г. Флорин был повешен в Испании, тогда как Верраццано вновь готовился к экспедиции и отплыл к берегам Центральной Америки 19 апреля 1528 г., т. е. через пять месяцев после «своей» смерти.

Итак, флорентиец на французской службе Джованни Верраццано (французы звали его Жан Верраззан) снарядил летом 1523 г. четыре корабля «с целью, — как он сам указывал, — достигнуть Китая на краю Азиатского материка». Буря так потрепала его флотилию, что для ремонта судов он вернулся во Францию. 17 января 1524 г. Верраццано отплыл на одном судне («Дофин»¹, 100 т) от о. Мадейра и 20 марта у 34° с. ш. достиг «новой земли, никем... не виданной» — восточного побережья Северной Америки, вероятно близ мыса Фир. Не высаживаясь, он повернул к югу и прошел около 300 км в безуспешных поисках подходящей гавани. Затем он вернулся к 34° с. ш. и произвел высадку. Через несколько дней «Дофин» двинулся на север, материковый берег просматривался за длинной песчаной косой и узкой лагуной. В поисках желанного прохода Верраццано проследовал вдоль косы на северо-восток. Через некоторое время лагуна так расширилась, что побережье исчезло из вида — это был залив Памлико (35 — 36° с. ш.). Пролива, ведущего в обнаруженное им «море», Верраццано не нашел, но, очевидно, принял его за часть Восточного океана, омывающего берега Китая. Коса поворачивала на север у мыса Хаттерас (близ 35°15' с. ш.), и Верраццано проследовал дальше. Три дня моряки провели на красивом, покрытом лесом восточном берегу полуострова, образованного заливами Чесапикским и Делавэр (37 — 38° с. ш.), и сделали вылазку на несколько километров от моря; встречи с индейцами были дружественными. Затем Верраццано вновь пошел на север, продвигаясь лишь днем вдоль берега, «очень зеленого и залесенного, лишенного гаваней». Он отметил входные мысы в залив у 39° с. ш. (Делавэр), но не заходил туда.

За 40° с. ш. он достиг «очень широкой реки, глубокой близ устья». Судя по его описанию, это была р. Гудзон. Иными словами, «Дофин» вошел в бухту, на северном берегу которой в 1614 г. появились первые поселения, положившие начало г. Нью-Йорк. «Мы на маленькой лодке, — писал Верраццано, — вошли в реку, берега которой были густо заселены. Люди в одежде, украшенной разноцветными перьями, выбегали на берег с веселыми криками и указывали нам, куда лучше причалить. Мы прошли на лодке вверх по реке около полумили [3 км] и увидели, что она образует там прекрасное озеро окружностью примерно три мили [18 км]. Озеро пересекали в разных направлениях около тридцати индейских челнов.

¹ Капитаном корабля был *Антуан Конфлан*.

Деталь карты Джироламо Верраццано 1529 г.

Толпы людей бежали к берегам, чтобы посмотреть на нас. Внезапно... поднялся бурный ветер, и нам пришлось вернуться на корабль». Выйдя из бухты, моряки следовали вдоль южного берега о. Лонг-Айленд, принятого ими за материковое побережье, и 15 дней отдыхали в заливе у $41^{\circ}30'$ с. ш., острова и берега которого были густо заселены. Контакты с местными жителями осуществлялись без инцидентов; знакомство с ними позволило Верраццано составить первую этнографическую характеристику индейцев Атлантического побережья Северной Америки.

Затем «Дофин» обогнул полуостров (Кейп-Код), прошел вдоль берегов залива Мэн, где моряки несколько раз высаживались, и достиг, наконец, лесистой местности — вероятно, побережья Новой Шотландии, (у 45° с. ш.). Есть мнение, что Верраццано дошел почти до 50° с. ш., где обнаружил следы пребывания бретонских рыба-

ков. До этого места он все еще надеялся найти проход в Восточный океан: «Я боялся, — писал он, — что вновь открытая страна окажется барьером на пути к Катаю, что и подтвердилось на самом деле, но я не сомневался в том, что я пробьюсь сквозь этот барьер...» Теперь эта надежда рухнула: прохода из Атлантического в Восточный океан, по крайней мере доступного для морских судов в умеренных северных широтах, не было. И в начале июля 1524 г. Верраццано вернулся во Францию. Из Дьеппа он послал королю дошедшее до нас в итальянском переводе письмо с отчетом о плавании, и с того времени французы стали считать восточное побережье Северной Америки своим законным владением. Этот отчет — наиболее точный и наиболее ценный из всех сохранившихся до наших дней первичных материалов о результатах плаваний вдоль североамериканских берегов в XVI в. Верраццано не оставлял надежды обнаружить пролив между Атлантикой и Тихим океаном и доказать, что Северная и Южная Америка — два отдельных континента. В 1528 г. на одном корабле он отправился к берегам Центральной Америки и был убит каннибалами, а его судно вернулось во Францию в конце года с грузом бразильского дерева.

Джованни Верраццано обследовал восточное побережье Северной Америки между 34 и 46° с. ш. на протяжении более 2300 км. Он привез во Францию первые достоверные сведения о природе и населении этого побережья и первый указал на огромное пространство внутренних вод в Северной Америке, хотя и ошибался, принимая его за открытое море и полагая его слишком близко к восточному берегу. Он первый довольно верно показал «взаимоотношение» обследованного им материка с другими континентами: «Эта земля, или Новый Свет... не соединяется ни с Азией, ни с Африкой (в этом мы уверены). Может быть, она соединяется с Европой через Норвегию или Россию. Этот континент, по-видимому, расположен между восточными и западными морями и служит им обоим границей»¹. Его открытия и его заблуждения зафиксированы на карте, составленной в 1529 г. его братом *Джироламо Верраццано*. Под его влиянием на некоторых картах середины XVI в. фантастическое «море Верраццано», или «Индийское море», начиналось к северо-востоку от Флориды и отделялось от Атлантического «моря-океана» сравнительно узкой полосой земли. Предполагали, что через «море Верраццано» ведет сравнительно короткий путь в Китай. Нужно было «только» найти пролив, соединяющий это море с Атлантическим океаном.

Открытие французами реки Святого Лаврентия и попытки колонизации Канады (экспедиции Картье)

20 апреля 1534 г. «веселый корсар» *Жак Картье*, до этого выделявшийся своими каперскими операциями, по заданию адмирала Франции отправился на запад — на розыски северного морского пути в Китай — на двух 60-тонных кораблях. За 20 дней он пересек океан и 10 мая подошел к восточному берегу Ньюфаундленда у залива Бонависта. Льды помешали ему высадиться на берег, и, идя на северо-запад вдоль их кромки, 9 июня он достиг северной оконечности Ньюфаундленда, где его остановила та же преграда. После того как шторм разогнал льды, Картье начал медленно продвигаться на юго-запад, как оказалось, через пролив, получивший не совсем подходящее название Бель-Иль, в английском произношении Белл-Айл, т. е. «Прекрасный остров», по угрюмому необитаемому острову у его северного входа (у 52° с. ш.). Картье тщательно исследовал оба берега пролива — ньюфаундлендский и лабладорский. Через пролив он проник в «Великий залив» — название это дано французскими рыбаками, уже посещавшими его. Сам Картье присвоил заливу имя Св. Лаврентия, так как 7 августа, в день этого святого, уже на обратном пути, закончил обход почти всей акватории.

Берега Лабрадора он описал очень мрачными красками: «Вот если бы земля была здесь так хороша, как гавани... да ее и земель

¹ Цит. по С. Б. Райерсону.

Жак Картье (с гравюры XVI в.).

нельзя назвать, только голые камни и скалы. Я обошел все северное побережье залива и не мог бы собрать даже воза земли, а высаживался я на сушу во многих местах». Картье пересек затем залив в юго-западном направлении, открыл группу о-вов Магдален и 1 июля увидел большую приветливую землю, которую счел за полуостров: он принял за бухту Нортамберлендский пролив, отделяющий ее от материка. А эта земля была о. Принца Эдуарда (5600 км²). Он не мог высадиться там, так как не нашел сколько-нибудь удобной гавани. Зато дальше к западу он коснулся материка через два дня и у 48° с. ш. открыл глубокий, далеко вдающийся в сушу залив Шалер

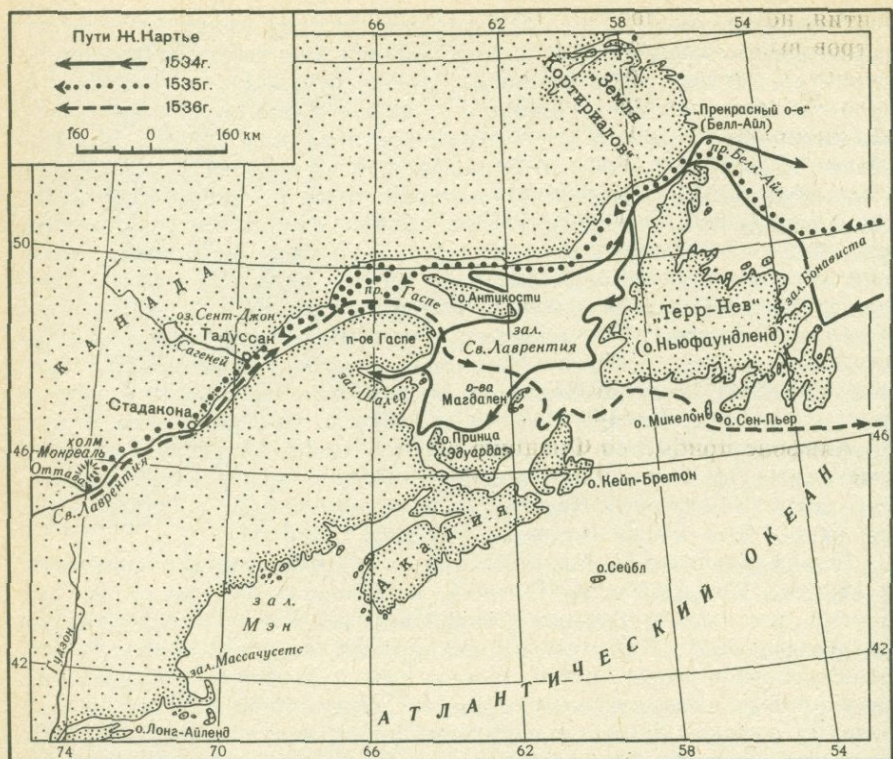
(«Жаркий»), который сначала очень обрадовал его: «...судя по его глубине, ширине и по характеру берегов, он мог, как мы надеялись, оказаться проливом».

В заливе Картье впервые встретил индейцев, которые подошли к кораблям на девяти челнах. На них была одежда, сшитая из шкурок каких-то животных, и они предлагали в обмен такие же шкурки, не представлявшие, по словам Картье, большой ценности. Начался немой торг, и индейцы вошли в такой азарт, что «променяли всю свою одежду и уехали совершенно голыми». Берега залива Шалер были покрыты лесом, на открытых местах росли дикие злаки. Закончив его обследование 12 июля, Картье повернул на север и открыл еще один небольшой залив (Гаспе), на берегу которого поставил высокий деревянный крест с надписью: «Многие лета королю Франции». Там он захватил двух индейцев «для языка». Двигаясь на север от этой земли (п-ова Гаспе), Картье пересек широкий пролив Гаспе (принятый им за залив) и увидел еще одну большую землю, которую также счел за полуостров, и ошибся: то был о. Антикости (8150 км²). Обогнув его с востока и следуя на запад вдоль его северного берега, Картье достиг места, где широкий сначала пролив суживался и навстречу шло сильное течение. Но здесь по настоянию команд обоих судов Картье прекратил поиски прохода в Восточный океан и 5 сентября 1534 г. вернулся во Францию. На родине он объявил, что обнаружил ведущий к Китаю пролив, и даже дал ему имя «Св. Петра». Фактически Картье открыл почти все южное и западное побережье залива Святого Лаврентия, большой участок северного (лабладорского) берега залива и обследовал почти все западное побережье Ньюфаундленда.

Вследующем, 1535 г. Картье — уже на трех кораблях и по заданию самого короля — 19 мая отправился для исследования «пролива Св. Петра». Он завершил тогда открытие о. Антикости, пройдя к северу от него проливом, позже названным в его честь. За Антикости «пролив Св. Петра» достигал наибольшей ширины (более 100 км), но далее он суживался, и 15 августа Картье вошел в мощную р. Св. Лаврентия, которая текла в лесистых берегах с юго-запада на северо-восток. Там, где был «конец моря», в светлые воды р. Св. Лаврентия впадал темный, очень широкий поток, казавшийся почти черным и бездонным. Картье плывал в низовье этой «реки Смерти», как называли ее индейцы, приставал к ее высоким, скалистым берегам. Ему казалось, что в многочисленных обломках горных пород попадают вкрапления золота и драгоценных камней. Индейцы, если он правильно их понимал, упоминали о богатой стране Сагений, и открытому им притоку р. Св. Лаврентия Картье присвоил это имя. Но он сам считал его проливом, ведущим в «Восточный океан», и полагал, что индейцы, возможно, под именем «Сагений» знают Индию или Китай. Так возникла легенда о золотой стране, путь к которой лежит через «пролив Сагений».

Берега морского залива и лимана, открытого Картье, были почти пустынные. Но выше устья Сагений, на лесистых берегах р. Св. Лаврентия, все еще встречались индейские поселки. Страна казалась густонаселенной. Индейцы называли свои поселки «канада». Это слово, обозначавшее просто населенный пункт, стало позднее названием всей северной части Нового Света — Канада. Жители приветливо, пляской и пением встречали французов, а индейские вожди заключали с ними дружественные союзы. Картье раздавал медные крестики, предлагал целовать их и таким образом «приобщал индейцев к христианскому миру». А на берегах он в различных местах поставил несколько деревянных крестов с надписями: «Эта страна принадлежит Франсуа I, королю Франции». Так положено было начало великой заокеанской колонии «Новой Франции», или Канаде. Приморские индейцы предупреждали Картье, что путь вверх по великой реке очень опасен. Там, где она сильно суживается, у индейского селения Стадаконы 19 сентября Картье оставил два корабля, а на третьем, самом маленьком, продолжил плавание против течения на юго-запад. Обследовав речные берега на протяжении более 600 км, он дошел до места, где желтые воды большого притока Оттавы смешивались с прозрачными, зеленоватого цвета водами р. Св. Лаврентия. Выше действительно начинались опасные пороги. Там, где сливаются оба потока, поднимается лесистый холм, который Картье назвал Мон-Руаяль («Королевская гора»). В слегка измененной форме (Монреаль) это название сохранилось за канадским городом, позднее построенным здесь французами.

Была уже поздняя осень, Картье повернул обратно и остановился на зимовку (1535/36 гг.) у Стадаконы. Индейцы приносили французам меха в обмен на европейские товары, снабжали их продуктами и хорошим лекарством от цинги. Картье расспрашивал индейцев, откуда течет река, и они указывали, что на юго-западе на-

Открытия Ж. Картье.

ходятся обширные водные пространства (Великие озера), но Картье думал, что р. Св. Лаврентия каким-то образом связана с Восточным океаном и что открытые им земли расположены в Азии. После окончания зимовки, во время которой умерло 25 человек, 20 мая 1536 г. Картье отплыл домой. По его возвращении во Францию (16 июля 1536 г.) король Франциск I объявил о присоединении к своим владениям Канады. Французы считали, что новооткрытые земли изобилуют не только лесом, рыбой и пушниной, но и всеми богатствами Индии. Сам Картье распространял много небылиц о Канаде.

Жан Франсуа Роберваль, назначенный вице-королем «Новой Франции», отправил 23 мая 1541 г. пять кораблей под начальством Картье для колонизации Канады, но эта попытка закончилась полным провалом. Колонисты, не найдя богатств, которые им сулил Картье, после зимовки вернулись на родину. Сохранились только рыбацкие поселки на берегах Новой Шотландии и Ньюфаундленда. Роберваль должен был идти вместе с Картье, но задержался во Франции и отплыл лишь 16 апреля 1542 г. на трех судах. 8 июня он встретил Картье у залива Сент-Джонс и безуспешно пытался заставить его вернуться к заливу Св. Лаврентия: ночью Картье ускользнул и вернулся во Францию. Роберваль хотел разведать верхнее течение р. Св. Лав-

рентия, но ему удалось подняться всего на несколько десятков километров выше Монреаля: стремнины и пороги преграждали путь кораблям. Роберваль приказал тогда исследовать Сагеной своему штурману *Жану Альфонсу* (португалец *Жуан Аффонсу*), а сам вернулся во Францию. Желая проникнуть возможно дальше через «пролив Сагеной», Альфонс дошел до большого проточного озера — вероятно, Сент-Джон: сохранилось его донесение, что Сагеной расширяется кверху и становится как бы рукавом моря. «Я думаю, — писал он, — что Сагеной изливается в Китайское море». Это плавание было первым исследованием внутренних областей Северной Канады. Альфонс обследовал также берега Лабрадора, стремясь обогнуть полуостров и найти проход в Восточный океан. Недалеко от выхода из пролива Белл-Айл льды остановили его. Он повернул обратно и прошел вдоль восточного берега материка до 42° с. ш., где открыл (вторично после Гомеса) «большой залив» (Массачусетс), но не дошел до его конца.

Альфонс прибыл во Францию в сентябре 1543 г. Великие открытия Картье прошли почти незамеченными в Европе. А экспедиция 1542—1543 гг. сразу же обратила на себя внимание, так как привезла груз пушнины, главным образом шкуры американских бобров.

Французские суда все чаще заходили в устье Св. Лаврентия. В летнее время в глубоких водах нижнего Сагеноя собирались целые флотилии французских китоловов. Там они топили китовый жир, вступали в немой торг с индейцами или отправляли людей в глубь страны для скупки мехов. Гораздо раньше, чем в Канаде, возникли постоянные европейские поселки, французские скупщики пушнины организовывали временные фактории в низовьях рек Св. Лаврентия и Сагеноя. Итак, «треска и киты привели французов к воротам Канады», поиски северо-западного пути в Китай «ввели их в эти ворота», скупка пушнины положила начало исследованию внутренних областей Канады и, как мы увидим дальше, завершила его.

Все земли, открытые Картье в бассейне Св. Лаврентия, французский король отдал во владение двум знатным фамилиям, а нескольким концессионерам разрешил торговать у берегов Северной Америки. Они старались изгонять оттуда всех «посторонних», как иностранцев, так и французов. Правда, французские рыбаки и китоловы, несмотря на запрещение, продолжали промышлять в заливе Св. Лаврентия. Их преследовали, арестовывали, отнимали у них суда. Тогда они начали собираться группами и оказывали вооруженное сопротивление судам предпринимателей, гонявшихся за ними. В самом конце XVI в. концессионеры пытались организовать две колонии: одну в устье Сагеноя — Тадуссак, другую на юго-западном берегу Акадии — Пор-Руаяль, ныне Аннаполис. Во время вербовки первых партий колонистов на призыв предпринимателей откликнулось много французских протестантов-гугенотов, спасавшихся от религиозных преследований, но все переселенцы умерли от голода или цинги. Позднее переселение в Новую Францию было воспрещено «еретикам»: католическим попам и монахам, главным образом иезуитам, вменялось в обязанность не только обращать в христианскую веру индейцев, но и ревниво следить за чистотой религии колонистов-французов.

ПЕРВЫЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ
МАГЕЛЛАНА

Экспедиция Лоайсы — Элькано

Экспедиция Магеллана доказала, что к вожденным «Островам пряностей», к Молуккам, ведут два пути: испанский, западный — вокруг Южной Америки, португальский, восточный — вокруг Южной Африки. Возник вопрос: кому же должны принадлежать Молукки по папскому разделу мира — Испании или Португалии? Иными словами, так как папа провел демаркационную линию только через Атлантический океан, нужно было определить, как она должна пройти через Тихий океан. Чтобы разрешить спор, стороны передали его в 1524 г. на обсуждение так называемого Бадахосского конгресса¹, составленного на паритетных началах: каждое государство послало трех юристов, трех космографов и трех штурманов. Конгресс продолжался 50 дней и не привел к результатам: неизвестны были ни отправной пункт, ни точная длина градуса меридиана и, следовательно, длина большого круга земного шара, ни морские расстояния до Молукк, ни, наконец, их координаты. Расхождения между предложениями обеих сторон доходили до 46°!

После провала Бадахосского конгресса испанцы решили открыто не считаться с португальской монополией на торговлю с «Островами пряностей» и снарядили флотилию из семи судов с командой в 450 человек под начальством знатного рыцаря-монаха *Гарсии Хофре Лоайсы*, не имевшего опыта дальних плаваний. Главным штурманом был назначен Хуан Себастьян Элькано. Лоайса поднял адмиральский флаг на «Санта-Мария-де-ля-Виктория» (300 т); Элькано находился на «Санкти-Эспиритус» (200 т). Два других корабля имели водоизмещение 170 и 130 т, а три малых судна — 70—80 т. 24 июля 1525 г. флотилия вышла из порта Ла-Корунья, намереваясь повторить путь Магеллана. Элькано, проявивший себя ранее как хороший капитан небольшой «Виктории», оказался плохим помощником неопытного флотоводца Лоайсы. Флотилия, состоявшая из разнотипных судов, двигалась через Атлантический океан очень медленно. В конце

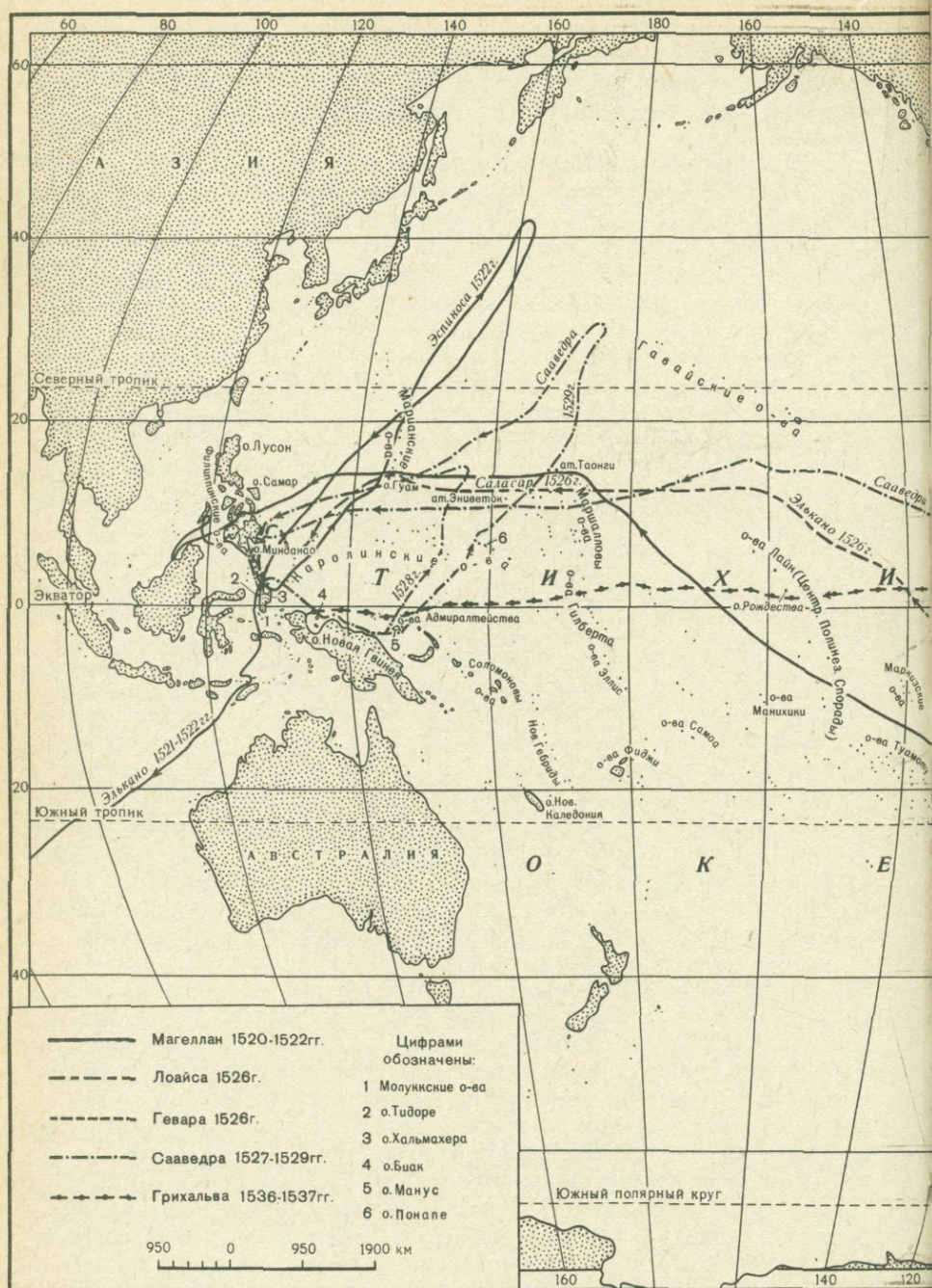
¹ Первое заседание состоялось в апреле 1524 г. на мосту через пограничную реку, протекающую между испанским городом Бадахос и португальским Элваш; последующие проходили попеременно в обоих городах.

1525 г. близ берегов Патагонии (за 48° ю. ш.) буря разбросала суда. Лоайсе удалось в январе 1526 г. соединиться только с двумя кораблями, а на мысе у входа в Магелланов пролив он подобрал людей с «Санкти-Эспиритус», потерпевшего крушение по вине Элькано.

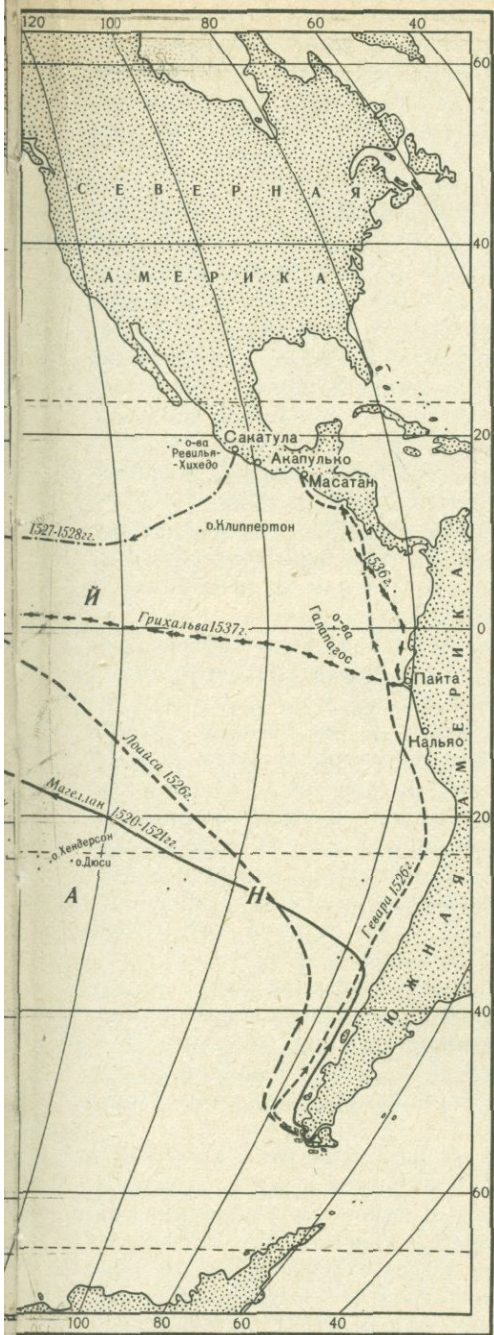
8 февраля новый шторм обрушился на флотилию. Два малых судна — «Санто Лесмес» под командой *Франсиско Осеса* (Noces) и «Санта-Мария-дель-Парраль», капитан *Хорхе Нахеро*, — были отброшены далеко на юг (к 55° ю. ш.). По докладу Осеса, они видели «конец земли», т. е. либо юго-восточную оконечность главного острова Огненной Земли, либо один из южных островов архипелага, за которым простиралось открытое море. Это было важное открытие. Оказалось, что в Тихий океан можно пройти, минуя извилистый и опасный Магелланов пролив. Но в то время на сообщение Осеса не обратили внимания. Не воспользовались им и Осес с Нахеро: они повернули на север и в середине февраля нашли в устье р. Санта-Крус адмиральский корабль и третье малое судно. Та же февральская буря заставила большие суда выйти из пролива в Атлантический океан. При этом два корабля дезертировали: один пошел на восток к мысу Доброй Надежды и пропал без вести, другой повернул на север, в Бразилию, взял там груз бразильского дерева и прибыл на родину после почти двухлетнего плавания. Только это судно и вернулось в Испанию.

Моряки приступили к ремонту сильно пострадавших судов. Нуждаясь в припасах, они питались главным образом рыбой и тюленьим мясом. В конце марта флотилия снялась с якоря; Элькано перешел на адмиральский корабль. 5 апреля 1526 г. флотилия снова вошла в Магелланов пролив и, пройдя его с довольно подробной описью берегов, вышла через семь недель в Тихий океан (Магеллан же потратил на это четыре недели). Только она повернула к северу, как налетевшая 1 июня 1526 г. осенняя буря у 47° 30' ю. ш. навсегда разлучила все четыре судна. Осес на «Санто Лесмесе» пропал без вести. Как предполагают, он взял курс прямо на Молукки, потерпел крушение у одного из островов Полинезии и погиб со всеми людьми.

Самое маленькое судно «Сантьяго» под командой *Сантьяго де Гевары* не могло одно пересечь Тихий океан — не хватило бы провианта. Поэтому Гевара двинулся на север, вероятно, рассчитывая добраться до Панамы. Западное побережье Южной Америки было еще совершенно неизвестно, но Гевара надеялся, что нигде на своем прямом пути на север он не встретит выступов суши, которые ему придется обходить с риском и потерей времени. Так оно и случилось. Его плавание наугад прошло вполне благополучно, ветры оказались попутными. После семинедельного перехода 25 июля Гевара достиг Теуантепекского перешейка. Он не нанес на карту — да и не имел возможности это сделать — западное побережье Южной Америки. Только однажды, уже под 3° с. ш., за две недели до конца перехода, он видел на востоке какую-то землю за маленьким островом — вероятно, Никарагуа. Но этот поразительный безостановочный переход через океан — от 47° 30' ю. ш. до 16° с. ш., более 7 тыс. км — убедительно доказал,

Испанские плавания в Тихом океане (1520—1537 гг.).

что берег Южной Америки нигде не выступает далеко на запад и что, следовательно, она имеет форму треугольника. На карте Диогу Рибейры 1529 г. этот материк изображен, несомненно, с учетом плавания Гевары.

Одиноким адмиральский корабль (вторично после Магеллана) пересек Тихий океан в северо-западном направлении. Лоайса умер вскоре после прохождения экватора¹ — 30 июля, Элькано — 6 августа 1526 г. Новый командир Торивью Алонсо Саласар 21 августа за 14° с. ш. впервые увидел землю, по всей вероятности Таонги или Сибила, самый северный из атоллов Маршалловых о-вов, а 4 сентября подошел к о. Гуам, где подобрал Гонсало Виго, дезертира с магелланова «Тринидада». Саласар умер на пути от Гуама к Филиппинам. Заменявший его капитан баск Мартин Иньигес Каркисано достиг Минданао 2 октября, а оттуда повел «Санта-Марию» к Молуккам. Во время перехода через океан из 145 человек экипажа 40 человек умерли от голода и цинги. На о. Тидоре, к западу от Хальмахеры, куда корабль прибыл 1 января 1527 г., испанцы сейчас же начали укрепляться с помощью местных жителей, ненавидевших португальцев. Атаку своих врагов они успешно отбили, но корабль пришел в такое состояние, что о возвращении на родину нельзя было и думать. Вскоре умер и Каркисано, и капитаном стал Эрнандо де ла Торре. Под его командой моряки кое-как держались, ожидая помощи из Испании. Они построили вельбот или бриганти-

¹ Испанцы пересекли экватор 26 июля у 144° з. д., т. е. на 18° восточнее Магеллана.

ну, на которой штурман *Урьярте* и сопровождавший его *Андерс Урданета* около 1528 г. совершили полный обход о. Хальмахера.

Хорхе Нахера на каравелле «Парраль» самостоятельно пересек Тихий океан, достиг Филиппин и потерпел крушение к югу от Минданао; часть экипажа спаслась на близлежащем острове.

Открытия Сааведры в Океании

Альваро Сааведра, посланный Кортесом «на Молукки или в Китай», вышел из мексиканской гавани Сакатулы (устье р. Бальсас, 18° с. ш.) 31 октября 1527 г. на трех малых судах (115 человек экипажа). Двинувшись на юго-запад, он повернул затем на запад, держась 11° с. ш. 4 декабря его судно «Флорида» (50 т) навсегда разлучилось с двумя другими судами — судьба их не выяснена. В конце 1527 г. Сааведра подошел, как он думал, к Марианской цепи; на самом же деле это были северные атоллы Маршалловой группы. На один из них он высаживался 15 января 1528 г. Оттуда Сааведра перешел к Филиппинам, где подобрал уцелевших людей с «Парраля». В конце марта он пристал к о. Тидоре. На «Флориде» было всего 45 человек, так что они мало чем могли помочь испанцам, укрепившимся на Тидоре.

Сааведра решил вернуться в Мексику и 3 июня с грузом пряностей вышел в море. Обогнув с севера о. Хальмахера, он подошел к берегам «острова папуасов» (о. Биак, у 136° в. д.), жители которого обеспечили испанцев продуктами. Из-за плохой погоды мореплаватели задержались здесь почти на месяц, а затем шли на восток вдоль побережья «страны папуасов» (Новая Гвинея) около 600 км. Далее к востоку Сааведра открыл один из островов из группы Адмиралтейства, где простоял три дня. Здесь на судно было совершенно нападение, которое испанцы отбили и в стычке захватили трех человек, «черных, с курчавыми волосами, безобразного вида». Повернув на северо-восток, у 7° с. ш. моряки наткнулись на несколько островов из числа центральных Каролинских, населенных светлокожими бородатыми людьми. Сааведра так и назвал новооткрытые земли — «Ислас-де-лос-Барбудос» («острова бородатых людей»). Из-за постоянных противных ветров (северо-восточный пассат) он не мог подняться выше 14° с. ш. и 18 ноября 1528 г. вернулся к Тидоре через один из Марианских островов и мимо восточного побережья о. Минданао.

3 мая 1529 г. Сааведра повторил попытку достичь Мексики и вновь на «Флориде». Тем же путем он подошел к о-вам Адмиралтейства и открыл крупнейший из них — о. Манус, а в середине сентября у 7° с. ш. обнаружил пять островов, несомненно, из восточной группы Каролинских, в том числе, видимо, Понапе, населенных черными бородатыми людьми, облаченными в «плащи» из пальмовых листьев. Далее к северо-востоку между 9° 30'—11° 30' с. ш. испанцы наткнулись на шесть обитаемых атоллов на крайнем западе Маршалловой группы и провели неделю на одном из них —

вероятно, на атолле Эниветок¹. В октябре близ 26° с. ш. Сааведра умер. Его преемник пытался еще некоторое время идти тем же курсом, но у 31° с. ш. из-за противных ветров повернул обратно. С большим трудом 8 декабря 1529 г. он довел «Флориду» до Хальмахеры.

С о. Тидоре испанцев прогнали, и они перешли на Хальмахеру, где вместе с моряками с «Флориды» попали в руки португальцев, вступивших во владение Молукками не только де-факто, но и де-юре. Карл I уступил им свои «права» по договору в Сарагосе от 23 апреля 1529 г. за 350 тыс. дукатов (около 1 млн. долларов золотом) и согласился с тем, чтобы демаркационная линия проходила на 17 градусов восточнее Молукк. Но испанские экспедиции из Мексики к Филиппинам продолжались, хотя эти острова, расположенные северо-западнее Молукк, должны были, согласно договору, отойти к Португалии. Последние 16 испанцев с Хальмахеры отправились обратно в Европу в 1534 г., но лишь восемь добрались 26 июня 1536 г. до родной земли. Среди них находился позднее прославившийся штурман, баск Андрес Урданета, закончивший, таким образом, как и его товарищи, второе после спутников Магеллана кругосветное плавание.

Плавание Эрнандо Грихальвы

В 1536 г. из Акапулько (Мексика) Кортес отправил два судна с припасами в Перу для Писарро. Они разгрузились в Пайта (у 5° ю. ш.), и один корабль вернулся в Мексику. *Эрнандо Грихальва*, командуя другим («Сантьяго»), в начале апреля 1537 г. двинулся на запад в исследовательское плавание. Более чем в 6 тыс. км от Перу, на широте 2° с. ш., он наткнулся на о. Асеа (Рождества) — крупнейший из тихоокеанских атоллов в архипелаге Лайн, а несколько позже прошел близ «острова рыбаков» — несомненно, один из северных о-вов Гилберта. Взбунтовавшаяся команда убила Грихальву, продолжила плавание на запад и прошла на довольно значительном расстоянии от северного берега Новой Гвинеи. У побережья п-ова Чендравасих прогневивший корабль стал буквально разламываться на куски, и моряки попали в плен к папуасам. Семерых испанцев в 1538 и 1539 гг. выкупил португальский губернатор Молукк. Так завершилось первое пересечение Тихого океана почти точно по экватору.

Вильяловос и открытие Новой Гвинеи

1 ноября 1542 г. из Новой Испании вышла к Филиппинам флотилия из четырех больших и двух малых судов под общим командованием *Рух Лопеса Вильяловоса*. В задачу экспедиции входило

¹ Уже в наше время он стал полигоном для испытаний американского ядерного оружия.

открытие, исследование и колонизация земель в Тихом океане, а также миссионерская работа среди их жителей. Ход экспедиции отражен в отчетах трех ее участников, в том числе коронного агента *Гарсиа Эскаланте Альварадо*. В начале перехода (у 19° с. ш.) были открыты три острова архипелага Ревилья-Хихедо. Спустившись затем к югу, Вильяловос увидел землю на западе только 25 декабря и до 6 января 1543 г. обнаружил ряд атоллов у 9—10° с. ш., несомненно входящих в северный сектор Маршалловой группы, но, какие именно, точно нельзя установить. Через двадцать дней (26 января) флотилия прошла мимо острова, жители которого, к величайшему изумлению моряков, встретили их приветствием на испанском или португальском языке: «Здравствуйте, матросы!», — осеняя себя крестным знаменем. Поэтому остров получил название Матросского (Маталотас). Наиболее вероятно, что это Фаис (у 10° с. ш. и 140° в. д.), один из западной группы Каролинской цепи, центром которой является о. Яп¹, усмотренный, возможно, тремя днями позже. На этих островах, видимо, побывали люди Сааведры, но вероятнее, что предшественниками Вильяловоса были португальцы Диогу Роша (1525 г.) и *Франсишку Каштру* (1537—1538 гг.). В начале февраля 1543 г. флотилия Вильяловоса подошла к Минданао, где испанцы высадились и, основав недолговечное поселение, прожили месяц. Так как пришельцы начали болеть, а жители неохотно доставляли им продовольствие, Вильяловос пытался, но неудачно, раздобыть провиант на малых островах близ южного побережья Минданао. Несколько партий моряков, отправленных им за продуктами, ознакомились с восточным берегом Минданао и о-вами Лейте и Самар.

В августе 1543 г. он послал корабль под командой *Бернардо де ла Торре* в Мексику с отчетом, в котором, между прочим, эти большие восточноазиатские острова впервые названы Филиппинами — в честь наследника престола, будущего короля Испании *Филиппа II*. Торре пошел от о. Самар на северо-восток, мимо Марианских островов, видел между 24—27° с. ш. небольшие вулканические архипелаги Волкано и Бонин, достиг затем 30° с. ш., но попал в осеннюю штормовую полосу и вернулся.

Между тем португальский губернатор на о. Тернате (у Хальмахеры) получил известие о присутствии испанских судов в «португальских» морях. Ссылаясь на договор 1529 г., он предлагал Вильяловосу уйти. Тот ответил, что получил приказ обосноваться на Филиппинах: они-де находятся достаточно далеко от Молукк и не могут служить поводом к спору. Губернатор протестовал от имени своего короля. Ввиду того что нужда росла и матросы умирали, Вильяловос вынужден был зайти в одну из молуккских гаваней. Он еще раз пытался добраться до Мексики более южным путем и с этой целью 16 мая 1545 г. отправил туда корабль под командой *Иньиго Ортиса Ретеса*.

¹ Окончательно эту группу (около 100 км²) открыл в середине августа 1625 г. голландец *Хуго Спаненгам*.

Ретес решил пересечь океан в экваториальной полосе. К востоку от Хальмахеры он наткнулся на землю, которую в 1526 г. открыл португалец Жоржи Минезиш, — северо-западный выступ Новой Гвинеи, а за ним обнаружил группу островов — либо Схаутена, либо Ниниго (у 144° в. д.). Два месяца Ретес боролся с бурями в полосе $1-4^{\circ}$ ю. ш., продвигаясь на восток, причем высаживался во многих пунктах северного побережья огромной земли, чтобы запастись водой и топливом, начиная от устья реки «Сан-Антонио» — вероятно, р. Мамберамо (у 2° ю. ш.). За узкой береговой низменностью виднелись высокие горы. Несколько раз испанцев атаковали темнокожие люди на больших военных челнах с высокими шалашами; испанцы сравнивали челны с укрепленными замками, указывая, что они были такой же высоты, как корма испанского корабля. Наверху стояли воины, внизу сидели гребцы. 20 июня 1545 г. Ретес «овладел» этой землей именем испанского короля и дал ей название Новой Гвинеи¹. Он прошел в юго-восточном направлении вдоль побережья, по его расчету, 230 лиг (около 1400 км), до Новогвинейского моря. Затем он лег на северный курс, но вскоре вынужден был уступить требованиям матросов, изнемогавших от усталости, и повернул обратно к Молуккам. В начале октября он стал на якорь у Тидоре.

Теперь Вильяловос окончательно потерял надежду получить подкрепление из Мексики или вернуться туда. Идти же в Испанию вокруг мыса Доброй Надежды он не решался: на этом пути господствовали португальцы, и их монополия подтверждена была испанским королем. Так как губернатор потребовал, чтобы испанцы немедленно оставили Молукки, Вильяловос сдал свои суда португальцам, добившись только того, чтобы моряки сохранили свои личные вещи. Небольшими партиями их отправляли на португальских судах в Европу. Сам Вильяловос умер весной 1547 г. на о. Амбоне (южные Молукки); последние его люди вернулись в Испанию в 1548 г. Новую Гвинею Ретеса европейские географы сочли за экваториальный выступ неведомого южного материка, а фантазия картографов XVI в. связала ее с Огненной Землей.

¹ Возможно, он считал, что жители этой «земли» имеют сходство с туземцами Гвинеи. Впрочем, существует и другое предположение: новооткрытая земля — антипод африканской страны. Впервые название Новая Гвинея появилось на карте мира Г. Меркатора в 1569 г.

ПЕРВЫЕ ПОИСКИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРОХОДА

Экспедиция Уиллоуби — Ченслора

Англия в первой половине XVI в. была слишком слаба, чтобы пытаться оспаривать португальское и испанское господство в южных и западных морях, но для англичан оставались открытыми северные моря. И они начали искать Северо-Восточный проход, т. е. морской путь из Западной Европы в Восточную Азию в обход Северной Европы и Азии. В середине XVI в. дела английских купцов пришли в упадок и по совету С. Кабота и при его деятельном участии лондонские «почтенные и мудрые люди» организовали в 1548 г. «Общество купцов-предпринимателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений, неведомых и даже доселе морским путем не посещаемых». Общество купило три корабля, отремонтировало их и снабдило небольшими вспомогательными парусно-гребными судами (пинасами), обычно помещавшимися на борту корабля.

Начальником экспедиции и командиром лучшего судна (120 т) был назначен знатный дворянин *Хью Уиллоуби*; главным штурманом флотилии и капитаном крупнейшего (160 т) корабля — *Ричард Ченслор*; командиром третьего (90 т) — штурман *Корнелий Дюрферт*. Никто из членов нового общества и капитанов не имел представления о странах, куда направлялась экспедиция. Команда флотилии состояла из 105 человек. Кроме того, на борту кораблей было 11 купцов.

10 мая 1553 г. флотилия Уиллоуби оставила устье Темзы, но из-за сильных противных ветров и волнения только в августе достигла норвежского о. Сенья (у 69° с. ш.). Там в ночь на 3 августа 1553 г. поднялась буря, и судно Ченслора навсегда разлучилось с двумя другими. Когда ветер несколько стих, Уиллоуби и Дюрферт пошли к Варде (на северо-востоке Норвегии), но не сумели разыскать эту гавань. 14 августа рано утром показалась земля. «Мы подошли к ней и спустили бот, чтобы посмотреть, что это была за земля. Но бот не мог подойти к берегу из-за мелководья и большого количества льда... На берегу не было видно никаких признаков жилья. Земля эта находится на широте 72°». Если Уиллоуби верно определил широту, то он коснулся Гусиной Зем-

ли — юго-западного выступа Новой Земли, уже давно посещавшейся русскими. Но на западе до XVIII в. предполагали, что он «открыл» какой-то остров, который долго и напрасно искали («Земля Уиллоуби»). Три дня англичане продвигались к северу, обнаружили в малом корабле течь и повернули на юг. 21 августа Уиллоуби отметил, что море становилось «все мельче и мельче и все же не было видно берега». Чтобы избежать опасности, он отошел в открытое море и четыре недели шел на запад, то вдоль берега, то теряя его из вида, пока за небольшим островом не достиг устья реки, где решил зимовать. Англичане не нашли там ни людей, ни жилья.

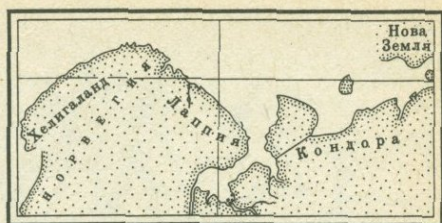
А следующей зимой 1554 г. русские поморы обнаружили за Нокуевым островом, у Мурманского берега, в устье р. Варзины, два судна: «...стоят на якорях в становищах, а люди на них все мертвы, и товаров на них много» (Двинская летопись). Из найденного на корабле завещания одного из купцов видно, что Уиллоуби и большая часть его спутников были еще живы в январе 1554 г. Позднее погибли все: «умерли, замерзли до смерти» 63 человека.

Корабль Ченслора (штурман *Стивен Барроу*), обогнув Нордкап, неделю простоял у Варде, ожидая Уиллоуби, а затем проник в Белое море и 24 августа 1553 г. вошел в устье Северной Двины. Ченслор, не дождавшись разрешения, отправился санным путем в Москву. На полпути он встретил гонца, который передал ему царское приглашение. *Иван IV* с большой пышностью принял «королевского посла» (так назвал себя Ченслор) и обещал покровительство английским купцам. В марте 1554 г. он отпустил Ченслора с почетом, но под крепкой охраной. Когда Ченслор вернулся в Англию, «Общество купцов-предпринимателей» было официально утверждено правительством. Кабот стал директором этой «Московской компании», как ее обычно называли, а Ченслор в 1555 г. снова отправился на Русь, на этот раз действительно как посол. С ним прибыли два агента «Московской компании». Англичане получили от *Ивана IV* обещанные привилегии. Ченслор отплыл в Англию с царским послом *Осипом Григорьевичем Непеей*, но утонул, когда корабль потерпел крушение у шотландских берегов. Непея спасся и добился в Лондоне таких же льгот, какие англичане получили в Москве.

Плавание Стивена Барроу

Купцы-предприниматели надеялись через Обь, о которой они узнали от русских, проникнуть в Китай. Поэтому *Стивен Барроу* был послан в 1556 г. к Оби на небольшом судне «Серчтрифт» («Ищи выгоды»). Его отчет дает верную характеристику условий плавания в Ледовитом океане: с Барроу начинается западноевропейская научная литература об Арктике. Очень важны для нас прямые указания Барроу на выдающиеся достижения русских поморов, уже тогда свободно плававших по обе стороны Новой Земли.

9 июня 1556 г. Барроу благополучно вошел в устье Колы. «Пока мы стояли на этой реке, мы ежедневно видели, как по ней спускалось много русских ладей, экипаж которых состоял минимально из 24 человек, доходя на больших до 30. Среди русских был один, по имени *Гавриил*... Он сказал мне [знаками], что все они наняты

«Карта Северного океана» Уильяма Барроу, брата С. Барроу (эскиз).

на Печору на ловлю семги и моржей... обещал предупреждать меня о мелях, и он это действительно исполнил».

22 июня «Серчтрифт» вышел в море с русскими ладьями, однако при попутном ветре все лоды опережали его. «Впрочем... Гавриил и его друг часто приспускали паруса и поджидали нас». Замечательно мореходное искусство поморов: по сравнению с ними опытейший английский моряк Барроу в условиях Арктики казался робким учеником. А «утлые» русские ладьи¹ были быстросходнее и гораздо более приспособлены к плаванию в Арктике, чем английские корабли XVI в.

Медленно продвигаясь на восток, большей частью вдоль берега, Барроу два дня неудачно пытался обогнуть Канин Нос. «...Стоя на якоре, мы заметили, что... поднимается что-то вроде шторма, и не знали... здесь никакой гавани... Я увидел парус... это Гавриил, покинув безопасную стоянку и товарищей, подошел на сколько мог ближе к нам...» В густом тумане помор ввел корабль в удобную гавань (Моржовец). 15 июля Барроу прошел через «опасный бар» Печоры. Там он простоял пять дней, а затем один двинулся в открытое море. Утром 21 июля «Серчтрифт» попал во льды. Выйдя из них, Барроу четыре дня следовал на восток, подошел к острову (вероятно, Межушарский) у юго-западного берега Новой Земли и у 72° 42' с. ш., по его определению, нашел хорошую стоянку.

Он встретил там несколько русских ладей. Кольский помор *Лошак* (Лошаков?) сказал Барроу, что тот повернул в сторону от «дороги, которая ведет на Обь», что суша, к которой он подошел, называется «Нова Зембла» и что на ней «находится, как он думает, самая высокая гора в мире». На Северном острове действительно есть приморские вершины более 1000 м, которые могли показаться помору очень высокими: одна — у Маточкина Шара, другая — у губы Митюшихи. Это указание Лошака неопровержимо свидетельствует, что к середине XVI в. русские, во всяком случае, доходили до Маточкина Шара, а может быть, поднимались вдоль западного берега за 73° 30' с. ш. Лошак дал «все сведения... которые относились к цели [английской] экспедиции», т. е. к пути

¹ «Их суда, — говорит *Ричард Джонсон*, участник экспедиции Ченслора и Барроу, — сшиты прутьями без гвоздей».

Самоеды (рисунок XVI в.).

на Обь. Такие же сведения Барроу получил и со встречной ладьи. Поморы, очевидно, не делали секрета из своих достижений, и не их вина, что англичанин не сумел воспользоваться их указаниями. 31 июля Барроу стал на якорь «среди Вайгачских островов» — у острова близ северо-западного берега Вайгача, где увидел русских на двух малых ладьях. Через два дня он перешел к другому островку, где снова встретил Лошака. Они высадились на берег, вероятно на Вайгач. Лошак повел Барроу к «самоедским идолам» (числом более трехсот) и рассказал ему о быте самоедов. Эти материалы делают отчет Барроу очень ценным источником по истории ненцев.

6 августа Лошак расстался с Барроу на широте $70^{\circ} 25'$. К его удивлению, русские внезапно снялись с якоря и пошли по мелководью между островами, где на корабле нельзя было следовать за ними. Однако вскоре он убедился, что поморы «мудро предвидели погоду». После разлуки с ними Барроу очень мало продвинулся на восток и 22 августа повернул обратно, «потеряв всякую надежду в этом году на какие-нибудь новые открытия¹ на востоке». Перезимовал Барроу в Холмогорах. Весной 1557 г. ему приказали идти

¹ Как мы видели, никаких открытий Барроу не сделал: он шел путями, многократно пройденными русскими мореходами.

«на поиски некоторых английских судов», но он выполнил под благовидным предлогом другое, тайное поручение: описал Мурманский берег, а «мимоходом» составил первый краткий англо-ненецкий словарь (около 100 слов).

Известие о Мангазее

На судне Барроу «мастером» (старшим штурманом) был *Ричард Джонсон*, ранее плававший вместе с Ченслором. Зимой 1556/57 г. он по заданию «Московской компании» собирал и записывал сведения о Северной Азии. До нас дошли две такие записи. В одной, ссылаясь на «некоего пермяка», Джонсон сообщает неясные сведения о р. Оби и тамошних народах. Наибольший интерес представляет вторая запись: «Ниже следует рассказ о... путешествии одного русского уроженца Холмогор по имени *Федор Товтыгин*, который, как сообщают, был убит во время второго своего путешествия... На востоке, за Югорской страной... Обь образует западную границу страны самоедов. [Они] живут по морскому берегу, и страна их называется Молгомзеей [Мангазее]. Пищей им служит мясо оленей и рыба... Они с виду уродливы, у них маленькие носы, но они проворны и отлично стреляют, ездят на оленях и собаках, а одежда у них из собольих и оленьих шкур. Других товаров, кроме соболей, у них нет. ...В той же стране, за этим народом, у самого берега моря, обитает другое племя самоедов, имеющих те же обычаи, но другой язык... За этим народом, на берегу моря, живут еще другие самоеды, едою которым служит мясо и рыба, товары у них — соболя, белые и черные лисицы, которых русские называют песцами, и шкуры ланей и оленей». На карте «Руссии» *Энтони Дженкинсона* (1562 г.), с которым Джонсон путешествовал в Среднюю Азию в 1558—1559 гг., «Молгомзея» правильно показана к востоку от нижней Оби.

Первая экспедиция Баренца

За англичанами на поиски Северо-Восточного прохода двинулись голландцы. В июне 1594 г. из Голландии на север вышла экспедиция на трех кораблях и яхте с заданием «открыть удобный морской путь в царства Китайское и Синское, проходящий к северу от Норвегии, Московии и Татарии». Одним кораблем командовал амстердамец *Виллем Барентсзон* (сын Барента), прославившийся под обычным у голландцев сокращенным отчеством *Баренц* — фамилии у него, как у человека простого происхождения, не было; второе судно шло под командованием *Корнелиса Корнелисзона Ная*, третье — *Бранта Исбрантзона Тетгалеса*. Торговым комиссаром на его корабле был *Ян Хейген Линсхотен*; он владел пером и описал это и последующее путешествие.

Близ устья Колы экспедиция разделилась: Най и Тетгалес двинулись прямо на восток, через Югорский Шар проникли в Карское

море и достигли западного берега Ямала у 71° с. ш. «Они считали, что открыли уже достаточно и что пора возвращаться, тем более что им было поручено только отыскать удобный путь...»¹. Баренц повел свой корабль и яхту на северо-восток, с тем чтобы обогнуть с севера Новую Землю, за которой рассчитывал найти свободное ото льда море. 4 июля он увидел мыс, видимо Сухой Нос, западный мыс Северного острова ($73^{\circ} 47'$ с. ш., $53^{\circ} 45'$ в. д.). Продвигаясь на север, Баренц открыл о. Адмиралтейства (вторично после русских) и прошел пролив, отделяющий его от Новой Земли². На $75^{\circ} 54'$ с. ш. у острова голландцы «нашли обломок русского корабля», а за 76° с. ш. миновали голый «Остров с крестами» — так назвал его Баренц, увидевший там два креста; несомненно, их поставили русские на могилах или как опознавательные знаки. Вот как далеко на север заходили русские зверобои уже в XVI в. В этом районе голландцы впервые увидели лежбища моржей и встретили белого медведя. С 13 июля продвижение на север очень замедлилось.

29 июля Баренц открыл у 77° с. ш. «крайний северный мыс Новой Земли, названный Ледяным» (мыс Карлсена), а 1 августа близ него — небольшие Оранские о-ва. «...Моряки не желали идти дальше. Поэтому... он счел за лучшее... вернуться к другим кораблям, взяв курс к Вайгачу...» У Матвеева острова ($69^{\circ} 28'$ с. ш.) флотилия соединилась. Баренц был удручен «поражением», капитаны Най и Тетгалес ликовали. В сентябре все суда вернулись в Голландию. Два «победителя» были встречены с триумфом и возглавили в 1595 г. большую экспедицию. Баренц в ней был главным штурманом и капитаном одного из кораблей. Голландцы вернулись на родину, ничего не добившись.

Вторичное открытие Шпицбергена и смерть Баренца

Русские поморы, смешивая Шпицберген с Гренландией, начали регулярно плавать к нему не позднее середины XVI в. Письмо датского короля *Фредерика II* от 11 марта 1576 г. свидетельствует, что, по сообщению норвежских купцов, «...русский кормчий *Павел Нишец*, живущий в Мальмусе [Кола]... ежегодно около Варфоломеева дня [24 августа] плавает в Гренландию...».

Правительство Нидерландов назначило большую премию тому, кто откроет Северо-Восточный проход, и амстердамский сенат снарядил два корабля, командирами которых были назначены *Якоб Гемскерк* и *Ян Рейн*. Баренца обошли, но он согласился пойти штурманом с Гемскерком. Считая, что неудача 1595 г. объясняется

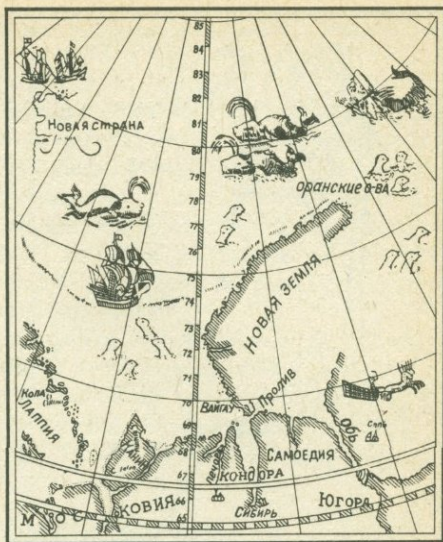
¹ Цит. здесь и ниже из работы *Геррита Де Фера*, который был спутником Баренца в 1595—1597 гг. Плавание 1594 г. он описал, несомненно, пользуясь журналом Баренца.

² В 1909 г. *В. А. Рusanов* нашел там полуостров, низменный и плоский, соединяющийся с Новой Землей таким же низменным широким перешейком, что свидетельствует о значительном поднятии суши Новой Земли за 300 лет.

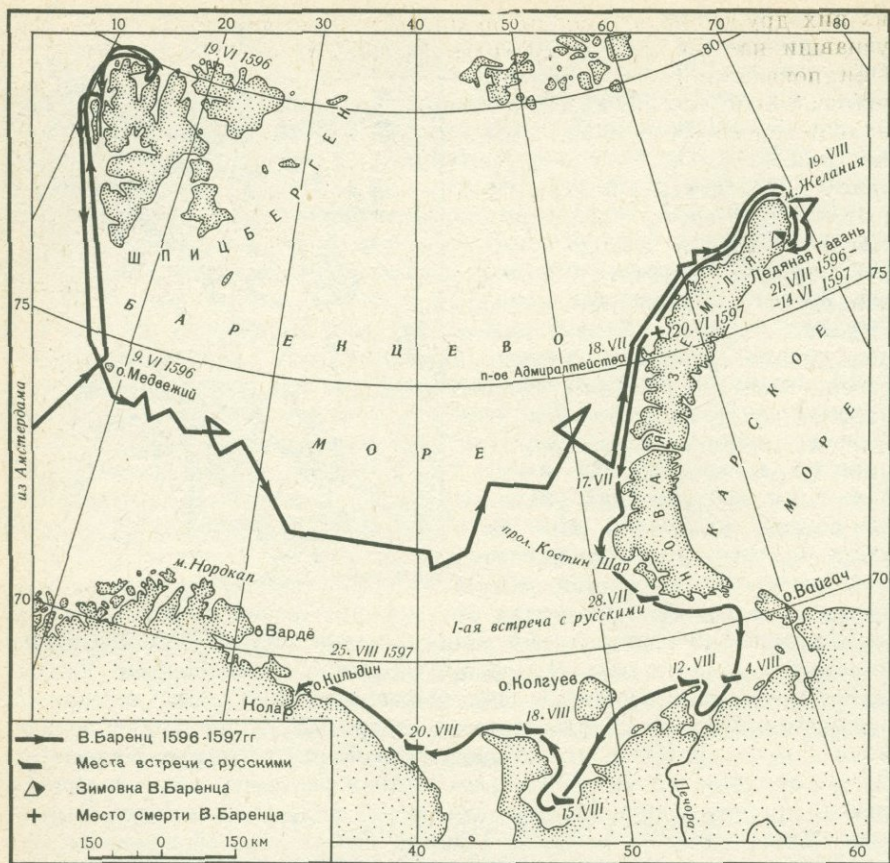
поздним выходом из Голландии, экспедиция двинулась в путь весной 1596 г. Рейп, вопреки мнению Баренца, настоял на северном направлении, чтобы войти в «Полярное море», якобы свободное ото льдов. Неожиданно под $74^{\circ} 26'$ с. ш. открылся остров, у которого был убит белый медведь, поэтому его назвали Медвежьим. Пробыв там четыре дня, голландцы пошли дальше, причем Рейп, видимо, зная о плавании русских к Груманту (Шпицбергену), взял курс на север, с уклоном к востоку. 19 июля близ 80° с. ш. голландцы увидели землю, принятую ими за часть Гренландии, с множеством заостренных вершин, поэтому назвали ее Spitsbergen.

Продвинувшись вдоль нее на запад, моряки обнаружили меридиональный залив — это был Вуд-фьорд на северном побережье о. Западный Шпицберген (у 14° в. д.). Через три дня, после неудачной попытки пробиться сквозь льды на северо-запад, голландцы повернули к югу и за 79° с. ш. нашли, по Де Феру, «залив или пролив». Не дойдя лишь 15 км до южного выхода из этого, как мы теперь знаем, пролива Форлансуннет (длина 90 км), отделяющего Западный Шпицберген от о. Земля Принца Карла, они вернулись к северному выходу. 28 июня, обогнув мыс Фуглехукен («Птичий»), моряки проследили весь западный берег Земли Принца Карла и почти весь юго-западный берег Шпицбергена.

1 июля корабли вернулись к Медвежьему острову. Здесь снова начались разногласия. Баренц настаивал на поисках прохода к востоку от Шпицбергена. Гемскерк на этот раз присоединился к мнению Баренца, и корабли разделились. Рейп повел свое судно снова на север, Гемскерк и Баренц двинулись прямо на восток и 17 июля подошли к Новой Земле у $73^{\circ} 20'$ с. ш., а затем повернули на север. В непрерывной борьбе со льдами они достигли 19 августа мыса Желания, а немного юго-восточнее — мыса Флиссингского (название дано Баренцем). Продвинувшись дальше голландцы не смогли, вернулись к северному берегу и 26 августа остановились на зимовку в Ледяной Гавани. Моряки из плавника построили избу с очагом и дымовым отверстием, обшив ее снятыми с корабля досками. Почти все болели цингой, из 17 зимовщиков умерли до весны двое. Потеряв надежду отремонтировать корабль и вывести его на чистую воду, голландцы подготовили две шлюпки к парусному плаванию. В середине июня 1597 г. перед отходом Баренц написал

Часть карты В. Баренца.

Третье плавание В. Баренца.

отчет о плавании и зимовке и прикрепил его к очагу¹. Моряки взяли с собой, кроме личных вещей, более ценный купеческий груз. Двух тяжелобольных — Баренца и матроса — перенесли в шлюпки.

Море было бурным, и только через шесть дней, после того как голландцы покинули зимовку, им удалось обогнуть Ледяной мыс. За мысом 20 июня 1597 г. Баренцу сообщили, что больной матрос кончается. Он сказал: «Мне кажется, что и я протяну недолго», попросил у Де Фера напиться и умер. Тело его было опущено в море, которое с 1853 г. начали называть Баренцевым. Моряки очень медленно продвигались на юг, лишь 28 июля достигли южного берега Новой Земли и там за мысом увидели два русских судна. Они и обрадовались, и испугались, не зная, как с ними поступят незнакомые люди. Но поморы подошли к ним безоружные. «Двое

¹ В 1871 г. найдена изба Баренца и вещи зимовщиков, в 1876 г. — отчет, а в 1980 г. экспедиция Д. Ф. Кравченко обнаружила обломки судна Баренца.

из них дружески похлопали по плечу меня и капитана Гемскерка, узнавши нас по прошлой встрече [в 1595 г. в Югорском Шаре]... Они показывали, что сочувствуют нам... и один из них... принес кругловатый ржаной хлеб... и несколько копченых птиц...» На следующий день голландцы пошли к Вайгачу и четыре дня из-за штормов стояли у какого-то островка. На берегу они нашли ложечную траву. «Мы ели ее полными пригоршнями... и [вскоре]... некоторые могли жевать сухари, что раньше не в силах были делать». Когда погода улучшилась, они пошли на юг и узнали от встречных русских, что находятся близ Печоры. С величайшими усилиями обе шлюпки 2 сентября добрались до Колы.

В Коле стояли три голландских корабля. Один из них под командой Рейпа. Тот после безуспешной попытки подняться в 1596 г. севернее Шпицбергена вернулся в Голландию, летом 1597 г. ходил в Архангельск и теперь возвращался домой. Он доставил спутников Баренца в Амстердам 1 ноября 1597 г. Из 17 зимовщиков вернулись 12.

Плавание Генри Гудзона

Капитан *Генри Гудзон* в возрасте около 47 лет поступил в 1607 г. на службу «Московской компании», которая предоставила в его распоряжение барк (80 т) с командой в 12 человек. На таком судне он должен был пройти в Японию прямо через Северный полюс. В июне Гудзон, двигаясь при исключительно благоприятных ледовых условиях вдоль восточного берега Гренландии, достиг 73° с. ш., но из-за непроходимых льдов повернул на северо-восток. В конце июня он увидел под $78^{\circ} 31'$ с. ш. остров, который назвал Новой Землей, а это был Западный Шпицберген. Гудзон обогнул северо-западную оконечность острова и в середине июля поднялся к $80^{\circ} 23'$ с. ш. Встретив там непроходимые льды, он повернул на юг и под 71° с. ш. открыл небольшой одинокий о. Ян-Майен с двумя вершинами, названный им «Зубцами Гудзона»¹. В середине сентября Гудзон вернулся в Лондон. Его плавание имело важное практическое значение: Гудзон подтвердил сведения о богатых возможностях китобойного и зверобойного промысла в Гренландском море; и английские и голландские промышленники немедленно воспользовались его указаниями. Но «Московская компания» была недовольна; задание — достичь Японии — осталось невыполненным.

Все-таки в 1608 г. Гудзона вновь послали на Дальний Восток, на этот раз не через полюс, а северо-восточным путем. 26 июня Гудзон подошел к юго-западному берегу Новой Земли, но, отступив перед льдами, через месяц ни с чем вернулся на родину. И «Московская компания» рассчитала неудачливого капитана, который в 1609—1611 гг. на службе других компаний совершал открытия и погиб в американских водах (см. гл. 27).

¹ В 1607—1614 гг. о. Ян-Майен шесть раз открывали и называли по-новому английские, французские и голландские капитаны-китоловы, а англичанин Роберт Фортби в 1615 г. составил первое хорошее описание острова.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, СКАНДИНАВИИ И ФИНЛЯНДИИ

Первые съемки острова Великобритания

В годы правления английского короля *Генриха VIII* (1509—1547 гг.) несколько ослабевший было процесс ликвидации общинных земель¹ и передачи монастырских владений зародившемуся дворянству вновь набрал силу. В это смутное время, когда толпы обездоленных, лишенных средств существования крестьян бродили по стране, англичанин *Джон Леленд* начал работу по первому описанию Англии (131 тыс. км²) и п-ова Уэльс. За семь лет (1536—1542 гг.) он побывал едва ли не в каждом уголке Пеннинских и Камберлендских гор, на равнине Мидленда и в Кембрийских горах Уэльса. Описания природных особенностей посещенных районов он намеревался использовать при составлении полной географической характеристики страны. Но ноша оказалась ему не по плечу: обработать собранный огромный материал Леленд не смог из-за болезни, завещав рукописи своим последователям. Одним из них стал профессор Оксфордского университета *Уильям Кемден*, использовавший результаты работы Леленда в книге «Британия».

Дело Леленда в 1570—1579 гг. продолжил *Кристофер Сэкстон*, выполнивший первую топографическую съемку Англии и Уэльса и вошедший в историю как «отец английской картографии». К 1579 г. он опубликовал атлас из 34 карт, а около 1584 г. составил большую общую карту страны, до нас не дошедшую; ею пользовались вплоть до середины XVIII в. По всей видимости, описание Корнуолла, выполненное Д. Лелендом, У. Кемден счел недостаточно полным и в 1585 г. посоветовал *Ричарду Кэрю* провести изучение этого полуострова. После почти 15-летней работы тот завершил свое детальное исследование.

Король независимой Шотландии *Яков V*, проявляя интерес к географии страны, в 1540 г. совершил плавание вдоль ее берегов².

¹ Обезземеливание и разорение крестьянства, так называемые огораживания, начались в XIII в.; с конца XV в. они приобрели массовый характер.

² Состав экспедиции и количество судов не установлено.

В качестве штурмана в походе участвовал шотландский моряк *Джон Линдсей*. Экспедиция вышла из залива Ферт-оф-Форт, у 56° с. ш.) и, отправившись вдоль восточного побережья на север, обследовала залив Мори-Ферт, а затем обогнула северные берега Шотландии. Оттуда она двинулась на юг, посетив большинство бухт очень изрезанного западного побережья страны, и закончила исследование в заливе Солуэй-Ферт.

На основании этого первого детального описания береговой линии Шотландии длиной не менее 1500 км Линдсей составил карту, до нас не дошедшую, и «Пайлот-бук», т. е. лоцию, содержащую характеристику не только обследованной части о. Великобритания, но и ее восточного побережья к югу от залива Ферт-оф-Форт до эстуария Хамбер (более 400 км).

Съемку внутренних районов Шотландии провел геодезист *Тимоти Понт*. В течение почти 20 лет (1583—1601 гг.) он заснял Северо-Шотландское нагорье, Южно-Шотландскую возвышенность и Средне-Шотландскую низменность, занимающих сравнительно небольшую — менее 80 тыс. км² — территорию. Его карты перечисленных регионов составили «Большой Атлас Шотландии», изданный в 1654 г.

Йенс Менсон и Якоб Циглер

В первой четверти XVI в. в Риме собрались четыре скандинавских епископа, в том числе опальный шведский архиепископ *Йенс Менсон*, иначе *Иоанн Магнус*, старший брат Олая; на досуге он составлял описание Скандинавии. Правда, он, как и его земляки, не знал северной части полуострова. В Риме он встретился с германским ученым *Якобом Циглером*, заинтересовавшимся Скандинавией. Менсон ознакомил немца со своими еще не опубликованными материалами. Циглер воспользовался также консультациями трех других церковников. Результатом этого общения явилась глава с описанием «Схондии» (Скандинавии) — часть изданного в 1533 г. большого труда Циглера по землеведению, к которому была приложена карта Северной Европы.

Скандинавия у Циглера — это уже не группа островов, как на прежних картах, а меридиональный полуостров, но не Европы, а Гренландии: Ботнический залив, названный «Финским» (Finnoniscus), на крайнем севере резко поворачивает к востоку — искаженные сведения о его повороте за 63° с. ш. к северо-востоку. На широоте о. Аланд (показан он один) залив резко суживается за счет выступа со стороны Швеции — первое указание на п-ов Упланд, пересекаемый 60° с. ш.

На карте изображен меридиональный горный хребет, простирающийся через всю Скандинавию, несколько смещенный на запад, к Норвежскому морю. В центре Швеции нанесен широтный отрог, который легко отождествляется с горными массивами области Херьедален. К югу показано озеро Селен (Сильян, у 61° с. ш.), из него вытекают две реки Далер — несколько искаженное изобра-

жение системы р. Далельвен¹. Южнее Сильяна отмечено длинное озеро Мелер (Меларен), соединенное протокой с морем у Стокгольма, а западнее — озеро Венерн с характерным полуостровом на северном берегу; из южного его конца вытекает река, безусловно Гета-Эльв, впадающая в Каттегат². К юго-востоку от Венерна показано длинное озеро Веттерн, однако направление его определено неверно, как почти широтное, — с протокой в Балтийское море.

Восточнее Скандинавии, за Ботническим заливом, отчетливо выступает меньший полуостров — Финляндия, с востока омываемый несуществующим меридиональным заливом. Сведения о внутренних районах Финляндии весьма смутны: бесчисленные озера страны на карте слились в огромный центральный меридиональный водоем; на севере отмечены горы — первое указание на часть Манселькя. На Балтийском море, южные берега которого показаны весьма грубо, нанесены три острова — Эланд, Готланд и Оксилья (Сааремаа, или Хийумаа?). На материке, близ южного берега залива, помещено Белое озеро с короткой протокой — несомненно, Чудское. Итак, карта Циглера — по существу Менсона — Циглера — дала первое, но, конечно, очень схематическое представление о внутренних частях Скандинавии — об ее осевом горном хребте и трех крупнейших озерах. Однако гидрографическая сеть Скандинавии на карте не выявлена.

Олай Магнус: первое исследование Скандинавии

28-летний шведский священник (позднее епископ) *Олоф Менсон*, известный под латинизированным именем *Олай Магнус*, ревностный католик, по собственной просьбе был послан в 1518 г. на север Скандинавии для сбора «ленты святого Петра» — подушной подати римскому папе — и для распространения папских индульгенций (платных грамот об отпущении грехов). Он побывал в северных областях Швеции и Финляндии, принадлежавших тогда шведам, и в Северной Норвегии — до берегов Ледовитого океана. Он пересек Скандинавские горы в центральной части, у горы Сюларна (у 63° с. ш.), следуя, видимо, обычным путем от Ботнического залива на запад к Тронхейму. Однако этот папский митарь проявил себя и как географ-исследователь. Он интересовался орографией и гидрографией тех районов, где сам побывал, и собирал расспросные сведения о местностях, им не посещенных. Был он и хорошим художником-анималистом — его зарисовки северных зверей и птиц всегда реалистичны. В частности, он дал первое описа-

¹ Истоком ее считается Эстер-Далельвен, который проходит через Сильян; к югу от озера принимает справа Вестер-Далельвен и впадает, как у Циглера, в Ботнический залив.

² Однако этот пролив на карте «заполнен» островками, абсолютно не похожими на крупные Датские о-ва. Так же неверно изображена и Ютландия.

ние росамахи. В 1518 г. Олай вернулся в Стокгольм и получил приход. Это путешествие заложило основы его позднейших картографических и исторических работ.

В 1527 г. Олай навсегда оставил Швецию, лишившись после завершения лютеранской реформации (1539 г.) церковных доходов и личного состояния. Поездки по Европе и встречи со многими образованными клириками и учеными привели Олая к убеждению, что в Центральной и Южной Европе очень мало знали о Севере. Многие из его собеседников считали Норвегию, Швецию и Финляндию группой гористых островов в Северном океане, населенных отважными, закаленными, но умственно отсталыми людьми. Олай задумал дать ученому миру правдивую и полную картину природы Скандинавии, описать ее жителей и ресурсы. Более 10 лет он собирал сведения о Северной Европе, о прилегающих островах, беседовал с моряками, ходившими по Балтийскому морю и его заливам, изучал карты и лоции, знакомился с печатной и рукописной литературой. В результате Олай Магнус составил и в 1539 г. опубликовал «Морскую карту и описание северных стран и диковинок в них и на соседнем океане». На ней впервые Скандинавия выступает как полуостров Европы, с севера омываемый Скифским океаном. Правда, его очертания весьма схематичны. Так, на севере отсутствуют все выступы и острова, кроме одного, самого северного, — Магнетум. Это о. Магере. Северо-западный берег Скандинавии нанесен в виде почти плавной линии до волнистого фьорда «Домс», очертания которого не совпадают ни с одним из заливов этого участка. Далее к юго-западу норвежский берег показан уже значительно изрезанным, с массой островов.

Несколько лучше представлено побережье Ютландии, Датские о-ва, южные берега Балтийского моря. Так, например, нанесен Рижский залив (Ливонское море) с о-вами Хийумаа и Сааремаа. Ботнический залив, начинающийся к северу от Аландских о-вов, изображен довольно близко к истине: верно его направление и пропорции. Он разделен примерно пополам, на два «моря» — Ботническое (на севере) и Шведское. К югу от Аланда часть Балтики названа Готским морем. Очертания Финского залива, вытянутого на северо-восток, имеют мало сходства с действительностью; центральный бассейн Балтийского моря и Ботнический залив почти одинаковой ширины. И все-таки на карте Олая Магнуса уже почти полностью вырисовался огромный северный полуостров, фигуру которого сравнивают с «прыгающей собакой». Правда, на карте Олая еще нет ее «головы» и «хвоста» — юго-западного выступа и Кольского п-ова. Большим достоинством его карты был также сравнительно верный показ островов Северной Атлантики.

Однако главная заслуга Олая Магнуса состояла в подробном и в первом приближении довольно верном изображении внутренних пространств Скандинавии: водораздельного массива, расчлененного на ряд групп горными проходами (тектоническими долинами); многочисленных рек — они даны без названий, — стекающих с массива; гор на крайнем севере полуострова; крупнейших озер Швеции

и всей Западной Европы — Венерн, Веттерн, Меларен, Сильян и ряда меньших. Но на севере Швеции, в Ботнии (Норботтен), Олай поместил два несуществующих громадных озера, из которых берут начало семь рек, впадающих в Ботнический залив: он неправильно истолковал сведения о цепи таежных озер, через которые протекают лапландские реки.

Примерно между $61^{\circ} 30'$ и $63^{\circ} 30'$ с. ш. Олай показал ряд крупных рек очень схематично, но по названиям приречных пунктов и островов близ устьев можно без натяжки опознать их. Он верно установил истоки р. Юнган — у горы Сюларна; река, вытекающая из довольно крупного озера (Стуршен), несомненно, Индальсельвен, а проходящая через озеро Сильян — это Далельвен. На крайнем северо-востоке Скандинавии Олай Магнус поместил огромное Белое озеро, вытянутое в юго-восточном направлении. Это, вероятно, неправильно понятое сообщение о Кандалакшской губе. В Финляндии, по расспросам, он нанес 10 крупных озер, очертания которых совершенно не соответствуют истинным. На широте северного берега Ботнического залива он поместил «чудовищно длинное лесное пространство, называемое Хребтом Земли», — намек на возвышенность Манселькя длиной более 750 км. Ведущие картографы тогда же оценили новизну и значение «Морской карты» Олая Магнуса, почти 80 лет оказывавшей глубокое влияние на картографию Европы¹.

В 1555 г. Олай Магнус опубликовал книгу «История северных народов». В ней основной упор почему-то сделан на описание североатлантических островов, которые он лично никогда не посещал. О Скандинавии он рассказывал сравнительно мало, но дал первую характеристику трех ее крупнейших озер, сильно преувеличив их размеры, — Венерн (5546 км²), Веттерн (1900 км²) и Меларен (1163 км²). Картографическая работа Олая Магнуса, конечно, не удовлетворяла даже минимальным требованиям, предъявляемым к картам чиновниками и военными в XVI в. Но прошло полвека, пока шведское правительство не приступило к подготовке подлинной топографической карты.

А между тем к середине XVI в. карелы, подданные Русского государства, хорошо ознакомились с юго-восточной частью «озерной страны», т. е. Финляндии. Сведения о ней со слов карела Ноусиа были опубликованы в 1555—1556 гг. Рассказывая финскому чиновнику о речном торговом пути от Ладоги к берегам Ботнического залива и Белого моря, он сообщил о ряде озер этого региона, их приблизительных размерах, притоках и волоках между ними. Ноусиа имел достаточно четкое представление о связи озера Пюхьяярви с Оривеси и его северо-восточным заливом — озером Пюхяселькя, а также с озером Пиелисьярви через небольшую речку. Он отметил, что от этого водоема можно пройти и к Ботническому заливу, и к Белому морю.

¹ Долгое время карта считалась утерянной, лишь в 1886 г. она была найдена в Мюнхенской библиотеке.

На северо-запад, к Ботническому заливу, у 65° с. ш., связь осуществлялась по коротким речкам, озерам Нуастярви и Оулуярви и р. Оулуйоки. На северо-восток, к Белому морю, на широте Соловецких о-вов, путь пролегал по коротким речкам и небольшим озерам к озеру Тулос, затем через волок выводил к Лекс-озеру и озеру Ровкуль, после преодоления еще одного волока — в озера Кимас и Нюк, а оттуда на речную систему Кемь и достигал ее устья.

Андерс Буре

В 1603 г. шведский король поручил *Андерсу Буре*, астроному, математику и картографу, провести съемку северной части Скандинавии¹. Такую большую, совершенно почти неосвоенную и малоизвестную территорию заснять одному человеку было, конечно, не под силу. Но у нас нет сведений ни о составе той топографической экспедиции, которую возглавил Буре, ни хотя бы о ближайших его помощниках.

В течение восьми лет он и его сотрудники положили на карту северные берега Скандинавии на протяжении более 1800 км с многочисленными полуостровами, в том числе (с востока на запад) Рыбачий, Варангер, Нордкин с одноименным мысом и Порсангер; засняты отделяющие их от основного массива Скандинавии и друг от друга фьорды, узкие и извилистые, запутанные и обрывистые, в том числе (с востока на запад) Мотовский залив, Варангер-, Тана-, Лакс-, Порсангер-, Альта-, Квенанген-, Люнген-, Ульс-, Бальс-, Маланген-, Уфут-, Тюс-фьорд. (Все они, за исключением двух первых, названы на карте Буре.) Съемка давала довольно верное представление об этом самом расчлененном участке евразийского побережья Ледовитого океана. У 64° с. ш. они закартировали узкий и длинный Тронхеймс-фьорд. Близ побережья сотрудники Буре засняли много островов, включая наиболее крупные — Сенья, Сер-Квале, Рингвассе, а также группу Вестеролен, в том числе Анне и Хинне.

Лофотены, видимо, были лишь бегло осмотрены, но у 68° с. ш. закартирован район незаслуженно знаменитого водоворота Мальстрем. Положены на карту берега Ботнического залива, шведские и финские, на протяжении около 900 км и ряд мелких островов на нем.

Рельефу Буре тогда не уделил внимания: на карту в виде длинного (более 600 км) меридионального хребта нанесен лишь водораздел между норвежскими и шведскими речными системами. Основной объем работы пришелся на съемку рек и озер полуострова. На крайнем севере А. Буре заснял с небольшими ошибками 16 рек, из них только одна сравнительно крупная — Танаэльв (иначе Тана-

¹ От 63° с. ш. до побережья Северного Ледовитого океана у 71° с. ш. и от 12 до 42° в. д.

Эскиз карты северной части Скандинавского п-ова
А. Буре.

йоки — финское «йоки», как шведское «эльв», означает «река»). На карту был вторично положен самый северный водоем Европы — озеро Инари¹, со многими островами и стоками — р. Патсийоки.

Съемщики прошли от устьев до истоков и закартировали 35 северных рек Ботнического бассейна, выше пролива Норра-Кваркен (63° 30' с. ш.), со многими их притоками и озера, где они берут начало и через которые проходят. Из рек следующие (с юга на север) «укорочены» примерно на одну треть: Умеэльв с ее левым притоком Винделельвен, проходящие через цепи мелких озер; Шеллефтеэльв и связанные с ней озера Хурнаван и Стурнаван; Питеэльв, текущая через ряд малых озер; Лулеэльв, верховьями которой является группа проточных, узких и очень длинных озер; Каликсэльв и Турнеэльв (Торнийоки) с двумя притоками — Лайниозэльв и Муониозэльв. Истоки главной реки Буре верно связал с озером Тернетреск.

¹ Впервые Инари (1000 км²) показал на своей рукописной карте, составленной в 1601 г., голландский купец Симон Ван-Салинген; в 1566 г. по торговым делам он побывал на севере России и «между прочим» выполнил обследование Кандалакшской губы Белого моря, получившей — также впервые — правильное картографическое изображение.

В Финляндии Буре проследил р. Кемийоки, протекающую через озеро Кемиярви, и ее меридиональный приток Оунасиоки, еще около 10 коротких рек, впадающих в Ботнический залив, в том числе Ийоки. Впервые были положены на карту крупные озера Финляндии — Оулуярви и Пиелинен (Пиелисьярви), но водоемы между 60 и 64° с. ш. он осмотрел бегом и только наметил сложный озерный лабиринт Финляндии, продолжающийся и далее к югу.

В 1611 г. по материалам съемки Буре составил «Новый чертеж» Лаппонии, Ботнии и Каянии, северных провинций государства Швеции. Это была первая основанная на съемках карта Северной Скандинавии.

Вероятно, по английским и голландским данным Буре нанес на нее Кольский п-ов. Возможно, шведы провели кое-какие съемочные работы и внутри полуострова, к востоку и юго-востоку от озера Инари: на карте Буре появилась система р. Туломы, а восточнее как самостоятельный приток, впадающий в Кольский залив, — р. Кола.

После 1611 г. Буре продолжал съемку; он обновил и уточнил материалы по северу полуострова, заснял о-ва Магере с мысом Нордкап, Сере и ряд меньших. А к юго-западу им выполнены новые съемки нескольких фьордов и островов или получены более точные сведения о побережье между 71 и 63° с. ш., в том числе об о. Хитра, у входа в Тронхеймс-фьорд. Далее к югу последовательно нанесены фьорды Ромдалс, Согне, Хардангер, Бокна и залив Бохус, пусть схематично, но все же отчетливо виден юго-западный выступ Скандинавии.

Гораздо больше внимания на этот раз Буре уделил рельефу. В Норвегии между 64 и 62° с. ш. показан ряд фьеллей — скалистых массивов, в том числе Доврефьелль. В Финляндии прослежены две водораздельные возвышенности: одна длиной 200 км, между речными системами Белого моря и Ботнического залива, — центральная часть Манселья; другая длиной 425 км, между реками бассейнов Ботнического и Финского заливов — гряда Суоменселья.

Буре нанес на карту и шведские реки к югу от 63° с. ш.: весь Онгерманэльвен и очень схематично один из двух его крупных правых притоков; Индальсельвен — от истоков до устья, правда, в системе водоемов его среднего течения описано лишь одно озеро — Стуршен. Длины этих рек и следующей к югу р. Югнан были занижены почти наполовину. Гораздо лучше, с ошибкой всего лишь в одну десятую, нанесен на карту Юснан, но длина рек Эстер-Далельвен, протекающей через о. Сильян и р. Вестер-Далельвен — двух составляющих Далельвен — завышена на одну треть.

Топографы — и это было большим достижением — установили почти правильные контуры и истинные размеры трех шведских озерных исполинов: Венерн с его стоком Гета-Эльв¹, Веттерн и Ме-

¹ Но длина его крупнейшего притока Кларэльвен преувеличена на 25%.

ларен, а также менее крупного Ельмарен. Они засняли много малых рек и озер Южной Швеции, создающих сложный озерно-речной лабиринт. В Южной Норвегии положены на карту самая большая река полуострова — Гломма (587 км) и ее правый приток Логен, проходящий через озеро Мьеса, но их истоки установлены неверно, а длина занижена на одну шестую. Съёмки проводились также в Финляндии, к югу от 63° с. ш. Топографы показали еще около 20 малых рек и систему восточных финских озер, в том числе Ори-веси. Но детально разобраться в этой озерной «головоломке» они не смогли.

В 1627 г. Буре составил другую карту — «Новый и точный чертеж арктического круга», охватывающую весь Скандинавский п-ов, Балтийское море с его большими заливами. Как отмечают шведские специалисты, появление этой карты дало «гигантский толчок в географическом познании Скандинавии». И действительно, впервые на карту был положен крупнейший (800 тыс. км²) полуостров Европы, в основном верно нанесены его главные реки и большие озера, верные контуры получили омывающие его моря и заливы. «Прыгающая собака» обрела «хвост» (Кольский п-ов) и «голову» (юго-запад Норвегии).

Андерс Буре вошел в историю как «отец шведской картографии». Его карта оказала влияние на зарубежную картографию Восточной Европы. В частности, ее широко использовал голландец *Исаак Масса*. Она охватывала также и часть России. Очевидно, эти сведения Буре получил от шведских дипломатов, видевших «Большой чертеж» или даже снимавших с него копии. Гораздо более точные очертания имеет Белое море с многочисленными островами у западного берега и в Канда拉克шской губе. Хорошо выражен Онежский п-ов, а также Онежская, Двинская и Мезенская губы. За Каниным, показанным как остров, к востоку нанесен о. Колгуев. На материке довольно верно изображены озера: Ладожское, Онежское с Повенецкой губой, Ильмень, Белое и Чудское. Очевидно, Буре использовал также карты зарубежных топографов: хорошо изображены реки Неман, Западная Двина, Вента и озеро Пярну. Довольно точно нанесены южные берега Балтики, особенно четко Датские о-ва и Ютландия.

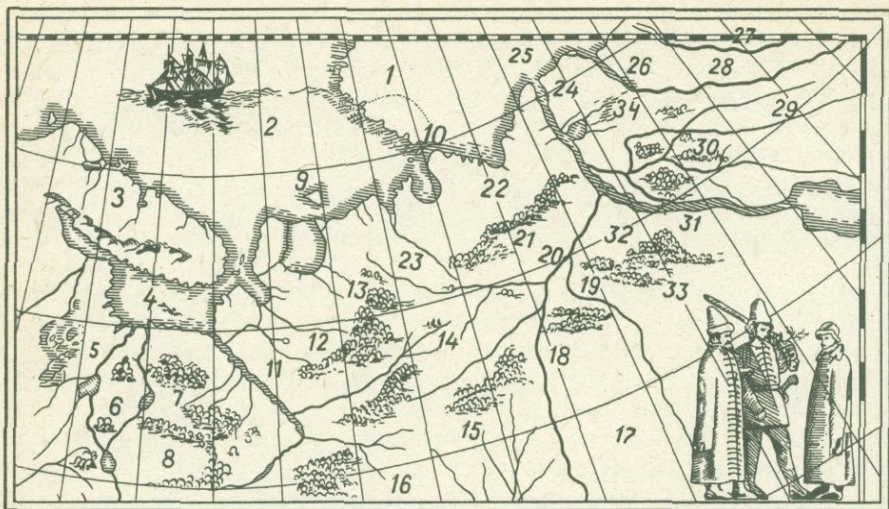
СЪЕМОЧНЫЕ РАБОТЫ РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЕМЕРОВ

«Большой чертеж»

В начале XVI в. московские землемеры приступили к составлению «чертежей» пограничных областей, в первую очередь западных. Появились карты: «Корельские и Лопские земли к Мурманскому морю», «Корельский рубеж», «Литовская и Псковская земли» и ряд других. Они давали представление обо всей западной границе Российского государства, но ни одна не дошла до наших дней. Их составление, по мнению советского историка Б. А. Рыбакова, охватывало период между 1503 и 1517 гг. Видимо, к этому времени относится и создание новой карты Московии. Наиболее достоверной датой он считает 1523 г. На этом чертеже появляются вся Десна, Оскол и Ловать. Волга, Западная Двина и Днепр уже не берут начало из одного озера: Волга и Западная Двина вытекают из маленьких озер, расположенных неподалеку одно от другого; Днепр начинается из-под Вязьмы — истоком его съемщики посчитали р. Вязьму; конфигурация р. Оки такая же, как на чертеже 1497 г. (см. т. 1, гл. 13); р. Дон по-прежнему фантастична, правда, добавлены притоки Сосна и Чир. Чертеж Московии 1523 г., сохранившийся до наших дней, как доказал Б. А. Рыбаков, благодаря карте 1613 г. голландского картографа *Хесселя Герритца*, воспроизводит детальные географические знания русских о западных окраинах страны, приобретенные за четверть века.

С объединением русских земель вокруг Москвы развернулась работа по сбору материалов и составлению «чертежей» отдельных областей (*Иван IV Грозный* в 1552 г. «велел землю измерить и чертеж всему государству сделать»). И неизвестные землемеры засняли внутренние районы по Волге, Оке, Каме, Северной Двине, Печоре и некоторым их притокам, а также часть зауральских степей (район Мугоджар) и земли к югу от низовьев Дона и в Прикаспии. Этот чертеж также не дошел до нас.

За 30—40 лет накопился обширный картографический и описательный материал, и между 1595 и 1600 гг. (вероятнее последняя дата) был составлен «Чертеж всему Московскому государству». Позднее эта утраченная работа — крупнейшая карта Руси XVI в. —

Северо-восточная часть чертежа территории Московии
1523 г.

Часть карты России, изданной в 1613 г. голландцем
Г. Герритцем по автографу царевича Федора Годунова
(эскиз).

Цифрами обозначены: 1 — Новая Земля; 2 — Мурманское море; 3 — Лаппия; 4 — Белое море; 5 — Корелия; 6 — Каргополия; 7 — Вага; 8 — Вологда; 9 — Колгуев; 10 — Вайгач; 11 — Двина; 12 — Пинегар; 13 — Кондора; 14 — Пермия; 15 — Вятка; 16 — Черемисы луговые; 17 — часть Татарии; 18 — Тобол р.; 19 — Иртыш р.; 20 — Тобольск — столица Сибири; 21 — Сибирия; 22 — Обдора; 23 — Горы Земного Пояса; 24 — Самоеда; 25 — Белый остров; 26 — тунгусы; 27 — Пейсида; 28 — Тенесея р.; 29 — Байда; 30 — Березов; 31 — Обь р.; 32 — Югория; 33 — Пега орда; 34 — Тазовский город.

получила название «Большого чертежа»¹. Это была дорожная карта, охватывающая территорию с севера на юг от Ледовитого океана до Черного моря, с запада на восток от Финского залива по меньшей мере до восточного склона Урала. Названий, относящихся к европейской части России (без сел), насчитывается около 1340, в том числе 880 рек, 400 городов и около 60 озер. Такая подробная карта использовалась в первую очередь, видимо, для целей управления. Впрочем, некоторые историки на первый план выдвигают дипломатическое значение карты, демонстрирующей величину и мощь Русского государства. После составления «Большой чертеж» часто находился «в деле» и сильно обветшал — «избился и развалился весь».

¹ Б. П. Полевой в 1976 г. пришел к выводу, что карты-гиганта, т. е. «Большого чертежа», не существовало: в распоряжении царских чиновников находился атлас, содержащий ряд чертежей рек и дорог. Мы придерживаемся традиционной версии о единой крупной карте Руси.

В XVII в. широкие картографические работы возобновились, видимо, не позднее 1618 г. После московского пожара (май 1626 г.) начался кропотливый и тяжелый труд по восстановлению утраченных документов и обновлению старых. В 1627 г. в Разрядном приказе¹ решено было перерисовать и чудом сохранившийся «Большой чертеж», так как он совершенно обветшал («Впредь по нем урочищ смотреть не можно»), и составить его описание. Это задание возложили на *Афанасия Мезенцова*, уже проявившего себя при съемке небольших территорий. Ему дали также поручение: по старой разрядной «рописи», охватывавшей узкую полосу между левыми притоками Днепра и правыми Дона, от Москвы до Перекопа по трем южным стратегическим дорогам, составить другую карту — «Большой чертеж полю» — и описать ее.

Мезенцов выполнил все три задания². И новая копия «Старого чертежа», и «Большой чертеж полю» 1627 г. утрачены. До нас дошло, да и то в копиях («списках»), только описание («ропись») обеих карт, причем вторая считалась дополнением к «Старому чертежу». Это описание позже получило название «Книга Большому чертежу». «Книга» была составлена как официальный справочник, которым пользовались учреждения и люди разных чинов, находившихся на государственной службе во всех концах России. С XVIII в. ее рассматривают как свод географических сведений о Европейской России и части Западной Сибири конца XVI — начала XVII в.; при этом особенно высоко ценились гидрографические материалы, собранные в «Книге»³. В историко-географической литературе «Книга Большому чертежу» играет исключительную роль. Она суммирует результаты работы тысяч русских землепроходцев, исследователей-землемеров и гидрографов — на огромной территории Восточной Европы, Западной Сибири и Казахстана. Из однообразных, сначала кажущихся серыми и скучными страниц «Книги» выявляется гигантский труд неизвестных топографов, которые с примитивными инструментами в руках прошли со съемкой сотни тысяч километров и собрали материал для картографического изображения территории в несколько миллионов квадратных километров. И материал этот поражает обилием географических сведений, в большинстве правильных и для того времени довольно точных.

Съемки в центре и на юге Восточной Европы

Результаты работы съемщиков Русской земли по изучению речной сети Восточной Европы лучше всего выявляются, если рассмотреть данные «Книги Большому чертежу» по крупным бассейнам. Длина рек в «Книге» иногда не указывается, но, как правило, ее

¹ Разрядный приказ ведал военными силами.

² Во время работы Мезенцову пришлось дважды обращаться к царю с просьбой «дать корм», т. е. выплатить жалованье, равнявшееся одному рублю в месяц.

³ Впервые эта книга была издана *Н. И. Новиковым*. 1773 г.

легко подсчитать, суммируя приведенные там расстояния между приречными пунктами.

Бассейн Днепра во второй половине XVI в., когда проводились основные работы для составления «Большого чертежа», частью принадлежал объединенному Польско-Литовскому государству. Сведения о системе Днепра, видимо, получены в конце 50-х гг. от «черкаского старосты» (украинского феодала) князя *Дмитрия Ивановича Вишневецкого*, когда он перешел на сторону Ивана IV и вместе с русскими войсками ходил против крымских татар. Однако Вишневецкий мог дать сравнительно верные материалы только о левобережье среднего и нижнего Днепра. Присоединив к ним русские данные о верхних левых притоках Днепра (из правых упомянута лишь одна Березина), съемщики определили длину 40 «упалых в Днепр рек», иногда со сравнительно небольшими для того времени погрешностями. Сам Днепр (2200 км) описан от верховьев до устья с точным указанием истока. Из главных рек правобережной Украины отмечен лишь Южный Буг.

Бассейн Дона, верхняя часть которого была присоединена к Русскому государству только в 50-х гг. XVI в., а большая часть оставалась фактически независимой, известен составителям «Чертежа» еще хуже, чем бассейн Днепра. Общая длина Дона (1870 км) занижена почти на одну четверть, а истоки указаны не точно, хотя они находятся в коренной русской области. От верховья до устья перечислено около 60 рек бассейна Дона. Часть сведений о правых его притоках получена от Д. И. Вишневецкого. Определения длины большинства речных сателлитов Дона совершенно не верны; упомянуты 40 притоков Северского Донца. Притоками нижнего Дона землемеры считали три реки Сал (Кара-, Сасык- и Джурак-Сал), причем длины их сильно преувеличены¹. Ниже по течению они описали еще одну «упалую» в Дон реку — Маныч с притоками Калаус и Егорлык. Истоки Маныча показаны близ западного берега Каспия, откуда Маныч тек якобы на запад и почти через 600 км впадал в Дон. Так зародилась легенда о крупной реке Маныч: она была развеяна экспедицией Бэра лишь в середине XIX в. Таким образом, бассейн Дона — более 400 тыс. км² — в целом был тогда одним из наименее изученных районов Восточной Европы.

Истоки Волги установлены очень точно. Общая ее длина (3531 км) не указана, но сумма расстояний между устьями всех притоков равна 2700 км. Из многочисленных притоков Волги отмечены 35. Из верхних обследованы Шексна, Молога с Чагодоцей, Кострома, Ветлуга и Угика. Два крупных притока средней Волги — Ока и Кама — описаны детально, особенно Ока с 46 притоками.

Яик охарактеризован хуже всех крупных рек: хотя истоки его показаны верно, но длина (2428 км) сильно занижена; отмечены 19 притоков, но их названия нельзя сопоставить с современными (кроме Ори и Илека), а длины не даны.

¹ На самом деле это одна крупная (776 км) река Сал, образующаяся слиянием Кара-Сала и Джурак-Сала.

Несмотря на крупные пропуски и ошибки, «Книга» в целом отражает довольно высокий уровень географических знаний. По ее материалам можно определить главнейшие гидрографические узлы Восточной Европы. Узел Волги — Западной Двины легко приурочивается к Валдайской возвышенности. Смоленско-Московская возвышенность выявляется как узел, с которого стекают реки системы Волги (Вазуза, Угра, Москва) и Днепр с Сожем и Десной; Средне-Русская возвышенность — как узел верхней Оки, нескольких рек системы Днепра (Сейм, Псел, Ворскла) и системы Дона, в том числе Северский Донец с Осколом и Сосна.

«Горы», отмеченные землемерами у устья Оскола и по Донцу, отождествляются с северными склонами Донецкого кряжа. В «Книге» отмечается горный характер правобережья Волги. Начиная от устья Оки, у Дятловых гор, и особенно четко от устья Свияги до Царицына (ныне Волгограда) составители «Чертежа» имели представление о правобережной Приволжской возвышенности. Удивляет, однако, что нет даже намека на Самарскую Луку, хотя упомянуты именно те горы (Девичьи), которые Волга огибает, образуя эту большую речную излучину. На «Большом чертеже» правильно показаны истоки ряда рек системы Волги и Дона (Суры, Сызрани и Иловли), текущих по Приволжской возвышенности. Южнее за Царицыном показана гора Улка длиной 230 верст, что совершенно точно. Положение Улки, в которой нетрудно узнать Ергени, по отношению к Азову и Астрахани установлено довольно правильно. К востоку от Ергеней впервые отмечена система Сарпинских озер.

Обширная низменность (Прикаспийская) между Ергенями и Нижней Волгой (на западе), междуречье Волги и Урала и далее к востоку, была неплохо известна составителям «Чертежа». На юге они нанесли на карту Куму, верно поместив истоки ее близ верховьев Кубани «из горы» (Кавказа). Правильно указан ровный характер местности в низовьях Кумы и близ Ергеней — Ногайская степь и Черные Земли наших карт. К востоку от Ахтубы отмечены Рын-пески длиной 300 верст. Съемщикам известны характерные гряды Прикаспийской низменности (бэровские бугры). Севернее Рын-песков они нанесли на «Чертеж», правда не совсем верно, реки Узени — Деревянная Узень и ее «россошь» длиной 450 км. Обе, по «Чертежу», впадают в озеро Камыш-Самар — первое упоминание о Камыш-Самарских озерах¹. Положение еще двух озер — Баскунчак и Индер — показано точно. В междуречье Волги и Урала на «Чертеже» были нанесены два больших озера. На наших картах их нет: первое, пожалуй, можно связать с понижением, часть которого занята озером Аралсор, второе — с Чижиинскими и Дюрранскими разливами (у 50° с. ш.).

Восточнее Яика отмечены рр. Уил, Сагиз и «Гем-река» (Эмба). Истоки этих рек, а также Ори, Иргиза и Илека показаны правильно — гора Айрюк, что позволяет уверенно связать ее с Мугоджа-

¹ Раздел об Узенях и Камыш-Самарских озерах изложен в «Книге» очень нечетко.

рами¹, служащими водоразделом бассейна Каспийского моря и р. Тургая. На «Чертеже» была нанесена лишь центральная, более высокая часть Айрюка длиной 135 км (общая протяженность Мугоджар 450 км).

Работы на Урале

Об Урале как о единой горной системе «Книга» не дает представления. Нет в ней указаний, что составители карты как-либо связывали северный «Камень» с южными Аралтовыми горами — Уралтау, по которым позднее все эти хребты получили название Урала. Напротив, они, несомненно, не считали Средний Урал непрерывной цепью и называли «Камнем» только отдельные его участки, например в верховьях Чусовой и Туры. Южный Урал съемщики обследовали очень схематично: совсем не намечен весь западный склон, плохо представлены правые притоки Яика. Чуть лучше, видимо, они показали восточный склон, но и здесь трудно отождествить какие-либо географические объекты с реальными до устья Ори, левого притока Яика. Составители точно определили, что здесь находится «конец Аралтовой горы». С натяжкой можно предположить, что юго-восточный склон Урала съемщики проследили на 350 км от Ори на север до устья какой-то реки, которая слева «пала в Яик». Истоки самого Яика нанесены правильно близ р. Белой, но не отмечено, сколько верст их разделяет.

Составители «Чертежа», вероятно, знали лишь несколько участков Среднего Урала. Они верно показали, что истоки р. Уфы находятся на его восточном склоне, т. е. в Сибири, они проследили реки восточного склона (системы Иртыша) — Сосьву и Лозьву, составляющие Тавду. Но в целом Средний Урал очень слабо выражен на «Чертеже». Работая в полосе, где горы сильно сглажены, съемщики часто просто не замечали их, и составители «Большого чертежа» нигде не отметили среднего звена, связывающего северный участок громадного водораздела с южным; только далее к северу они уже постоянно называют горы «Камнем». Иными словами, в «Книге» есть Южный и Северный Урал — Аралтовы горы и «Камень», но нет Среднего Урала.

На Северном Урале съемщики правильно установили, что истоки Вишеры сближаются с Лозьвой и Печорой, далее к северу они засняли истоки Щугора и Усы, притоков Печоры, стекающих с западного склона. Названия рек восточного склона часто искажены, иногда до неузнаваемости. Все же несомненно, что составители знали Северную Сосьву и ее нижний крупный приток Хулга-Ляпин и точно отмечали расстояние по хребту между их верховьями. Близ истоков Северной Сосьвы берет начало, по «Книге», еще один приток нижней Оби, скорее всего Сыня, а севернее в Обь впадает текущая «из гор» Сось. Составители «Чертежа» не отделяли Северного Урала от Полярного, но они ясно понимали, что в целом

¹ Гора Айрюк (632 м) — одна из высших точек Мугоджар.

«Камень» является водоразделом сибирских и европейских рек. Землемеры проследили, правда со значительными перерывами и ошибками, большую часть — 1400 км из 2000 км — огромной меридиональной горной системы, которую только в XVIII в. стали называть общим именем — Уральскими горами.

Работы на Русском Севере

Составители «Большого чертежа» хорошо для того периода положили на карту устья полусотни рек, несущих свои воды в Белое море, и сорока — в Баренцево. В их числе все значительные реки от Кары до Онеги. Печора (1809 км) описана от истоков «из Камени» до впадения в море, но укорочена почти наполовину, засняты девять ее притоков, в том числе Мылва, Щугор, Уса, Ижма, Пижда и Цильма. Далее к западу на «Чертеже» положены Индига и Пеша, а между ними отмечена возвышенность, названная Большим Камнем и прослеженная почти на 250 км, это, несомненно, Косминский Камень (длина его 300 км), одна из основных гряд Тиманского кряжа. Система Северной Двины охарактеризована сравнительно верно. Длина ее и р. Сухоны, одной из составляющих, установлена почти точно. Правда, другая составляющая — р. Юг, а также р. Вычегда сильно укорочены. Полнее и правильнее сведения о системе р. Онеги с озерами Воже и Лача.

Описание Онежского озера не позволяет судить о его картографическом изображении: не приведена ширина, а отмеченная длина («100 верст») свидетельствует, что не были обследованы заливы. Указаны семь притоков Онежского озера. Зато четко дана система связанного с ним «островистого» Водлозера. Гораздо правильнее определены очертания Ладожского озера, соединяющегося с Онежским р. Свирью, кроме нее отмечены шесть притоков Ладоги, в том числе р. Волхов. Но размеры озера Ильмень не указаны. Из питающих его рек Ловать, Шелонь и Полиста сильно укорочены, а Мста лишь упомянута. Съемщики довольно верно охарактеризовали Чудское озеро, его связь с Псковским и его исток — короткую Нарву. Но из рек его бассейна они отметили лишь Великую. Нанесен на «Чертеж» и Финский залив, озеро Котлино с о-вами Котлин и Березовый и р. Луга. Но даже близлежащие к Ладоге озера Карельского перешейка даны очень схематично, вероятно по расспросам, отчетливо выступает лишь Выгозеро.

В изучении рельефа Северо-Запада сделан большой шаг вперед: «От озера Выга гора прямо к западу, а вдоль той горы 600 верст до Ковдозера»¹. Это ясное указание на тысячекилометровую возвышенность Манселькя, которая до 68° с. ш. простирается в меридиональном направлении, а затем поворачивает на запад и кончается в Северной Финляндии.

¹ Ковдозеро, расположенное за полярным кругом, близ Кандалакшской губы, — единственное упомянутое в «Книге» озеро Северной Карелии.

Все берега Кольского п-ова обследованы составителями «Чертежа». Они отметили там 35 рек, но описали немногие, а в остальных случаях указали лишь их устья. Съемщики проследили, с незначительной ошибкой, всю р. Варгузу, впадающую в Кандалакшскую губу, и с меньшим успехом — Колу и Тулому без Ноты, верно отметив, впрочем, что обе реки берут начало из озер (Колозеро и Нотозеро). Правильно засняли они озеро Имандра и вытекающую из него р. Ниву; на берегу Имандры отмечены «горы Будринские» — безусловно, это Хибины.

Участки Кольского побережья были изучены с различной степенью точности. Мурманский берег (около 400 км) удлинён почти на 40%, но показаны и малые острова (Олений, Семь Островов, Нокуев). Терский берег (275 км) заснят точно, а Кандалакшский (250 км) с небольшим преувеличением. Верно определена длина Поморского и Онежского берегов, а Летнего и Зимнего — с небольшой ошибкой. В общем правильно нанесены на карту «Заворотье Соловецкого моря», т. е. Кандалакшская губа, Онежская губа с Соловецким островом, Онежский п-ов с Унской губой и Двинская губа. Гораздо хуже дано южное побережье Мезенской губы. Длина береговой линии п-ва Канин, прослеженной от устья Мезени до р. Ви́жас, впадающей в Чешскую губу, по «Книге» составляет около 700 км, что очень близко к действительности. На севере полуострова описан Шамагодский (Канинский) Камень. Побережье Баренцева моря восточнее устья Индиги обследовано менее детально: нет Большой Печорской губы, хотя нанесены малые губы к западу и востоку от нее — Колокольцева и Болванская; нет и Хайпудырской губы; отсутствует Югорский п-ов. Из островов Баренцева моря на «Чертеже» были нанесены Колгуев и Вайгач.

Съемки Западной Сибири и Казахстана

На севере Западной Сибири, у побережья Карского моря, землемеры довольно верно положили на карту южный берег Байдаракской губы, отметив устья рр. Кары и Князьковой (Байдараты). Они засняли, правда с большим искажением, весь п-ов Ямал, но приняли его за остров: «А по левому берегу пошел меж Оби реки и Нярымского [т. е. западного] берега остров». Длина обследованной ими части р. Оби¹ составила 2100 верст до устья правого притока Пайдугиной (у 59° с. ш.). Эта цифра кажется ошибочной лишь в первом приближении. Съемщики сравнительно правильно закартировали нижнее и среднее течение великой реки, указав положения устьев ряда ее притоков и нескольких населенных пунктов, но ошибочно посчитали Обскую губу продолжением Оби. Итак, если к длине заснятой части Оби прибавить протяженность губы,

¹ Ныне установлено, что слово «Обь» имеет отношение к языку народа коми и происходит от названия р. Обва.

получится совпадение с данными, приведенными в «Книге». В этом случае неясная фраза об острове между Обью и Нярымским берегом обретает смысл: п-ов Ямал во многих местах почти полностью отделяется от «матерой» земли системами коротких рек.

Из притоков Оби, кроме уже упоминавшихся Щучьей, Соби, Сыни и Северной Сосьвы, на карту были положены впадающие слева Иртыш и Большой Юган, неправильно названный Васюганом, и справа — Сургут (Аган) и Нарым (Пайдугина); выше по течению съемка не производилась. Иртыш, крупнейший приток Оби, заснят лишь до устья р. Ишим, т. е. на протяжении 600 км. Тобол охарактеризован довольно подробно, но со значительными неточностями: истоки его, как и Ишима, явно по расспросам, помещены недалеко друг от друга «в горах»; отмечены его притоки Тавда и Тура с Ницей и Пышмой.

Восточнее Обской губы землемеры обследовали и нанесли на карту рр. Пур и Таз, но неверно посчитали Тазовскую губу, куда впадают эти реки, продолжением течения р. Таз и, следовательно, р. Пур — ее притоком. Длина обеих рек определена со значительной ошибкой. Итак, Западная Сибирь была слабо изучена съемщиками: «незамеченными» остались Сибирские Увалы, пропущено несколько крупных притоков в нижней и средней Оби.

В результате съемочных работ и опросов картографическое изображение получил ряд крупных географических объектов Казахстана. Относительно правильно представлена система реки Саук (Тургай)¹ с притоками Улькойяк и Иргиз, по «Книге», правда, не доходящий до Тургая, а впадающий в небольшое озеро. Аральское море, фигурирующее под «псевдонимом» Синее, положено на карту по расспросам. Расстояние же между Каспием и Аралом установлено верно — очевидно, на основе полевых исследований; правильна характеристика северного побережья Аральского моря — песков Большие Барсуки, Баршакум и Приаральских Каракумов; точно и указание, что с востока в него впадает река Сыр, т. е. Сырдарья, течение которой было прослежено более чем на 500 км: это подтверждается сообщением о Карачатовой горе — хребте Каратау, протягивающемся на 250 верст (длина хребта по современным данным 420 км). Землемеры засняли р. Сарса (Сарысу, 671 км), верно показали, что она впадает в озеро (Ащиколь), «не дошед до Сыра-реки», но ошибочно посчитали истоком Сарысу ее приток Кендерлик (Кенгир), текущий на юг «из Улутовой горы двумя притоки». Несомненно, речь идет о массиве Улутау (вершина 1133 м), юго-западной части Казахского мелкосопочника. Эти горы, по сведениям съемщиков, представляют собой гидрографический узел, с которого, кроме Кенгира, стекает несколько рек.

Южнее хребта Каратау материалы для составления карты были собраны по расспросам. Возможно, кое-какие данные сообщили русские купцы, хорошо знакомые с торговым путем из Сибири в Среднюю Азию.

¹ Река Тургай (825 км) теряется в бессточной впадине Шалкартениз.

Первые польские землемеры

В середине XVI в. в Польше начались крупные топографические работы. И хотя польские землемеры, как и другие, в XVI в. пользовались весьма примитивными инструментами, они сделали очень много по изучению гидрографической сети своей страны. Они впервые положили на карту всю Одру, правда, преуменьшив ее длину почти на треть. Исток реки показан довольно точно — к западу от гор Татра, вытянутых в широтном направлении на 150 км. Из трех левых притоков Одры заснята, очень схематично, лишь Ныса-Клодзка. С преуменьшением на одну треть нанесены на карту три правых притока Одры, в том числе Варта с Просной. Несколько точнее засняты реки Вислинского бассейна. Сама Висла, главная водная артерия страны, укорочена на 20%; истоки ее показаны сравнительно верно — в горах Татра, восточнее Одры. Западный Буг с Наревом и Пилица нанесены довольно точно. Истоки Пилицы и Варты показаны близко друг от друга — первый намек на Малопольскую возвышенность. Другие притоки Вислы — Дунаец, Вепш и Брда — укорочены на 10—20%, а Сан — примерно на 40%. Далее на восток, до Днепра, сносно была выполнена только съемка Припяти. Топографы засняли также Балтийское побережье от Одры до Немана, причем впервые нанесли на карту, конечно весьма схематично, Гданьскую бухту (устье Вислы) и Куршский залив. По материалам съемщиков *Вацлав Гродецкий* в 1558 г. составил гидрографическую карту Польско-Литовского государства. Но восточная часть ее, не опирающаяся на съемки, совершенно не удовлетворительна.

После присоединения к Речи Посполитой¹ большей части Ливонии — Южной Эстонии, Северной и Центральной Латвии (до Западной Двины) — поляк *Мацей Струбич* получил от короля в дар имение в Ливонии. Переехав туда, он, главным образом по собственным материалам, составил карту края (опубликована в 1589 г.). На ней дано, правда грубое, изображение Чудского озера и его стока в Финский залив, р. Нарвы. Точно нанесено на карту озеро Выртсъярв, имеющее сток в Чудское озеро. Рижский залив с «запирающими» его крупными островами Моонзундского архипелага — Хийумаа и Сааремаа — нанесен хотя и грубо, но все же реалистично.

В конце 80-х гг. XVI в. на востоке Речи Посполитой под руководством князя *Николая Христофора Радзивилла Сиротки*, при его личном участии и на его средства проводились топографические и гидрографические работы от Вислы до Днепра. Днепр был снят от истоков (правильно определенных) до устья; с ошибкой в одну треть длины положены на карту его притоки — Друть, Березина со Свислочью, Припять с притоками Птичь, Стирь и Горынь с притоком Случь, а также Тетерев и Рось. В бассейне Припяти пока-

¹ Так после Люблинской унии 1569 г. стало называться объединенное Польско-Литовское государство.

заны огромные болота — Полесье. С такой же неточностью землемеры Радзивилла засняли Неман с Вилией и Щарой. Несколько лучше (с ошибкой на 20%) была нанесена на карту Западная Двина, но из двух ее левых притоков только меньший — Дисна.

В 1611 г. Радзивилл умер, а в 1613 г. его карта вышла в свет. По точности она превосходила не только прежние, но и ряд более поздних карт.

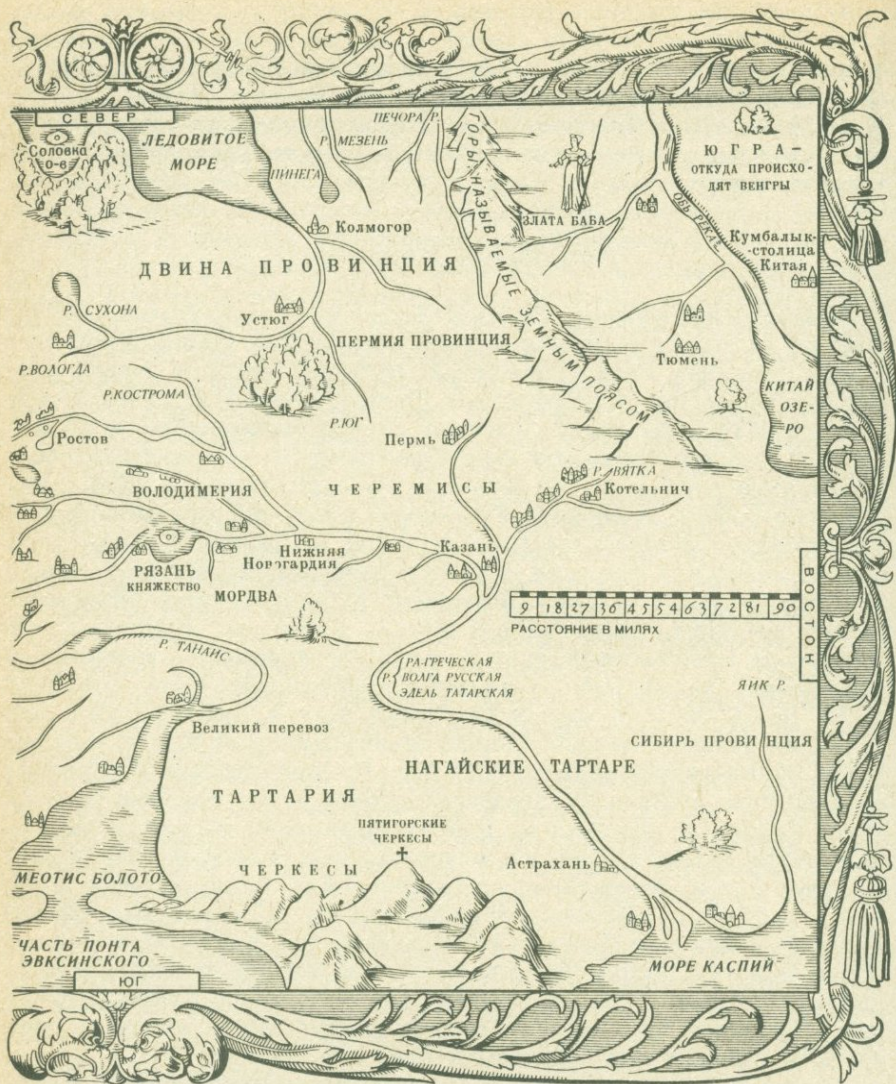
Боплан на Украине

Французский инженер *Гийом Левассер де Боплан*, состоя в 1630—1648 гг. на польской службе, строил крепости на южной и юго-восточной границах Речи Посполитой. Выбирая места и проектируя, Боплан исколесил части бассейнов Днепра, Южного Буга и Днестра и, основываясь на своих довольно точных измерениях, в 1632—1639 гг. заснял обширную территорию, «имея возможность работать только случайно». Во Франции он опубликовал в 1650 г. небольшую работу «Описание Украины», в которой правдиво и доброжелательно рассказал о малоизвестной на Западе стране, — ценный источник для изучения истории и этнографии Украины. Однако для истории исследования Восточной Европы гораздо интереснее другой его труд, изданный в Гданьске в том же, 1650 г., — семь тщательно выполненных карт отдельных украинских воеводств и генеральная карта. Они охватывают пространство приблизительно от 45° до 51° 30' с. ш. между 24 и 36° в. д., т. е. почти 0,5 млн. км². Во время деловых поездок Боплан заснял Днепр от 51° 30' с. ш. до устья на протяжении около 1100 км. На правобережной Украине он проследил ряд рек Днепровской системы — Уж, Тетерев, Ирпень, Рось, Тясмин со многими их притоками, причем их длины определил почти верно. Он также довольно точно нанес на карту весь Южный Буг и менее точно его крупнейшие левые притоки — Синюху и Ингул. Боплан закартировал все значительные изгибы среднего и нижнего Днестра и многие притоки, в том числе Гнилую Липу, Золотую Липу, Серет и Збруч, но верхнее течение Днестра длиной примерно 150 км осталось вне его поля зрения. Общая длина заснятых им участков Днестра преуменьшена почти на одну треть, и все-таки они показаны лучше, чем прежде.

В общем по правобережной Украине он составил первые достоверные и подробные карты.

Сведения Меховского и Герберштейна о Московии

У двух королей — *Сигизмунда I* польского и *Владислава II Ягеллона* чешско-венгерского — в должности придворного астролога и врача состоял священник *Матвей (Мацей) Меховский*. В 1517 г. он опубликовал небольшой «Трактат о двух Сарматиях», выдержав-

Восточная часть карты Московии С. Герберштейна.

ший ряд изданий. В нем дано описание территории от Вислы до Кубани и Терека и от Ледовитого океана до Каспийского, Черного и Азовского морей, т. е. Литвы, Московии и Татарии. Новые черты внесены Меховским в географию Литвы, в том числе описание р. Вилии, правого притока Немана. Сам Мацей по Руси не путешествовал. Все сведения он получил, видимо, от поляков и иностранцев, бывших в Московии и Литве, от русских приезжих, эмигрантов или пленных. Много места в трактате уделено правдиво-

му описанию народов, населявших или населяющих поныне Россию.

Крупным вкладом в зарубежную географию было сообщение Меховского, несомненно заимствованное у русских, о верховьях Западной Двины, Волги и Днепра: «...источники этих трех рек находятся близко друг от друга и лежат на лесистой и болотистой равнине... Гор Гиперборейских и Рифейских, откуда будто бы вытекают названные реки, нет ни в Московии, ни в других северных странах». Рушилось классическое представление о рельефе Восточной Европы. Но Меховский не отрицал полностью наличия там гор, а «отодвинул» их на северо-запад (в Корелу) и на северо-восток: «Югра — самая северная страна и вовсе не имеет ни высочайших и недоступных гор, как Альпы... ни таких, как Сарматские горы [Карпаты]. В Югре, впрочем, есть горы, покрытые густым лесом, но это пологие и легко доступные горы средней высоты, скалистые и утесистые [Северный Урал?], как и везде по всему северному краю земли у Северного океана». Меховский «впервые открыл Россию и пограничные с ней татарские страны остальной Европе». (Е. Замысловский)¹. До публикации работы Герберштейна «Трактат» Меховского служил основным источником знаний о Московии; он был первым трудом, специально посвященным характеристике стран и народов Восточной Европы².

Немец *Сигизмунд Герберштейн* (Зигмунд Херберштейн), уроженец Словении, тогда принадлежавшей Австрии, за 40 лет своей дипломатической деятельности на королевской и императорской германской службе исколесил большую часть Европы. На Руси он побывал дважды — в 1516 и 1525—1527 гг. — и тогда делал выписки из русских летописей и других письменных памятников и много беседовал с вельможами, чиновниками и простыми людьми: ему, родившемуся в славянской стране, легко было выучиться русскому языку. Он расспрашивал о городах и расстояниях между ними, о горах, реках и озерах Московии, об ее лесах, пастбищах и пашнях. Среди его информаторов были *Семен Курбский*, *Дмитрий Герасимов*, *Григорий Истома*.

Обстоятельный, стремившийся быть точным, Герберштейн не довольствовался случайными сообщениями, а старался «опираться на согласные свидетельства многих лиц». Собранный материал он дополнил теми западноевропейскими описаниями Московии, которые он считал правдивыми, и создал «Записки о московитских делах» (1549 г.).

Русь представлялась Герберштейну «страной изменностей, великой равниной, однообразие которой только... в немногих местах прерывается незначительными возвышенностями. Северная и северо-западная части ее покрыты огромными сплошными лесами,

¹ Здесь и далее цит. по его книге «Герберштейн и его историко-географические известия о России...». Спб., 1884.

² В его работе имелась крупная ошибка: Меховский считал, что Волга впадает в Черное море.

а юго-восточная, начинающаяся к югу от Тулы, расстилается гладкой степью, но не пустынной, а щедро наделенной всякими произведениями природы». Кроме Карпатских и Кавказских гор, а также морей, естественной границей Московии, по Герберштейну, служит Земной Пояс — Северный Урал¹, где берут начало семь рек, в том числе Печора и ее притоки Уса и Щугор.

Сведения Герберштейна о Руси, вообще говоря, более подробны и достоверны, чем у Меховского: особенно о положении Северного Урала (но не о его высоте), реках, стекающих с него, путях к нему и через него, народах, там обитающих. Однако его известия о возвышенностях в центре Руси, казавшиеся ему, уроженцу альпийской области, «незначительными», случайны, очень скупы и не дают никакого представления о рельефе Русской равнины. Гораздо лучше его характеристика вод Московии. Так, в «Записках» приведено 29 названий северных русских рек — до этого в западной литературе упоминается лишь три реки. Герберштейн собрал также скудные сведения о трех крупных озерах Восточной Европы: Чудском, Ладожском и Ильмене, чрезмерно преувеличив их размеры. Он довольно верно охарактеризовал главные притоки озера Ильмень — Мсту, Ловать и Шелонь — и его сток р. Волхов. А всего он упоминает об 11 озерах и 36 реках Балтийского бассейна. Он подтвердил, что три европейские реки берут начало не с гор, а «из болот» в центре страны, перечислил много притоков Днепра и Волги, дал первое в литературе обстоятельное описание Москвы-реки и условий судоходства на ней; из рек, впадающих в Каспий, упомянул также Яик.

Из «Записок» Герберштейна Западная Европа узнала «об удивительной водной сети Руси, о тесной связи ее речных систем, о водных путях, соединявших четыре моря великой восточной равнины...» (Е. Замысловский). Фактически Герберштейн точно, умело и внимательно использовал русские источники, как письменные, так и устные.

Его «Записки» сохранили, конечно далеко не в полном объеме, гидрографические знания русских, собранные ими к середине XVI в. К «Запискам» Герберштейн приложил карту Московии. Нельзя согласиться с Е. Замысловским, считавшим, что Герберштейн составил ее, имея перед глазами русский «Чертеж» страны, не дошедший до нас. Уж слишком резко она отличается от «Большого чертежа» (правда, «Записки» появились по меньшей мере на полвека раньше), по которому была составлена «Книга Большому чертежу». Да и не могли русские так неверно изобразить центральную часть своего отечества. Скорее всего карта Герберштейна не имеет русских предшественниц, а является попыткой отразить представления самого автора.

¹ Он получил сведения об Урале от участников похода на Обь в 1499—1500 гг. и из русского дорожника.

ПОХОД ЕРМАКА ТИМОФЕЕВИЧА И ЕГО ГИБЕЛЬ

Владения Строгановых и Кучумово царство

Заметную роль в продвижении русских далеко за «Камень» и в присоединении Западной Сибири сыграли купцы *Строгановы*. Один из них, *Аника*, в XVI в. стал богатейшим человеком Соли Вычегодской, в стране коми-зырян, которые издавна поддерживали отношения с «закаменными» народами — с манси (вогуличи), хантами (остяки) и ненцами (самоядь). Аника скупал также пушнину (скору, или мягкую рухлядь) и сильно заинтересовался удобными местами за Каменным Поясом, богатыми пушным зверем. Он подкупал некоторых инородцев и посылал с ними за «Камень» разведчиков, а затем приказчиков с ходовым товаром, и они доходили до нижней Оби, где выгодно обменивали товары на пушнину. Наживая большие капиталы на соляных промыслах и «закаменной» торговле, Аника начал расширять свои владения на восток. Через него, но, несомненно, и другими путями, уже в середине XVI в. Москва знала о сибирских делах.

В царском титуле 1554—1556 гг. Иван IV Васильевич, между прочим, величается уже не только как государь «Обдорской, Кондинской и многих других земель», но и как «государь всех северных берегов», а в титуле 1557 г. «Обдорской, Кондинской и всех сибирских земель, повелитель Северной стороны». Есть прямые доказательства, что некоторые области Сибири платили дань Москве и признавали власть царя задолго до похода *Ермака*¹. Так, в 1555 г. добровольно подчинился Москве и обещал ежегодно платить дань в 1000 соболей «князь всей земли Сибирской» — хан *Едигер* (*Эдигар*), искавший русской помощи против наступавших на него бухарцев.

Не позднее 1556 г. из Москвы был послан в Сибирь за данью *Дмитрий Куров*. Он вернулся в 1557 г. вместе с сибирским послом, который доставил царю неполную дань (700 соболей) и оп-

¹ Покоритель Сибирского царства именовался, вероятно, *Ермолаем*, хотя источники называют еще пять православных имен, в том числе Василий. В историю же он вошел под кличкой Ермак (артельный дорожный таган, т. е. котел). Неизвестно и происхождение Ермака. По последним данным, его родина — село Игнатьевское на Северной Двине.

равдывался тем, что во владения Едигера вторгся шибанский царевич Кучум и увел много местных людей. В 1568 г. новые послы от Едигера привезли полную дань (1000 соболей), дорожные пошлины и «шертную грамоту» — присягу в верности. Но Едигер уже не был тогда хозяином в своих владениях. Именно в эти годы его победил, а затем и убил Кучум, провозгласивший себя сибирским ханом. Русские с того времени стали называть его «сибирским салтаном». А Кучум не посылал дани в Москву, мешал делать это сибирским «народцам» и организовывал набеги в бассейн верхней Камы.

Ядром Кучумова царства была часть Западно-Сибирской равнины между Тоболом и Иртышом. Вскоре власть Кучума распространилась и на соседние области. Он заставил платить себе дань манси и хантов, живших по обе стороны Иртыша, севернее устья Тобола, и даже по нижней Оби. На западе Кучум подчинил племена по рр. Тавде и Туре, почти до «Камня». На востоке его власть признавали племена, жившие между Иртышом и Обью, в Барабинской степи. Южные границы Кучумова царства, вероятно, доходили до Казахского мелкосопочника.

Главная ставка Кучума — г. Кашлык (Искер), называвшийся русскими «городом Сибирью», возникший на правом (северном) берегу Иртыша, менее чем на полпути между устьями его южных притоков Тобола и Вагая.

Западнее «Камня» принадлежавший Руси бассейн верхней Камы — Пермская земля — еще не был тогда освоен русскими. Аника Строганов получил разрешение на его заселение, но процесс этот шел очень медленно. В 1558 г. Иван IV пожаловал сына Аники, *Григория Строганова*, на 20 льготных лет владением с лесными, рыбными и охотничьими угодьями «на том пустом месте ниже Великой Перми за 88 верст вниз по обе стороны по Каме до Чусовой реки», с тем чтобы Григорий построил там городок (крепость). Тот поставил на верхней Каме два городка: Пыскор (1560 г.) и Орел (1564 г.) на правом берегу Камы, против устья Яйвы, ставший центром строгановских владений, — в этой местности были найдены соляные источники (усоля). В 1568 г. другой сын Аники, *Яков Строганов*, получив от Ивана IV владение на 10 льготных лет земли от верховьев до устья Чусовой по обе ее стороны, а от ее устья на 20 верст вниз по Каме, также по обоим берегам. В 1574 г. царь предоставил Строгановым на 20 льготных лет бассейн Тобола. Уже тогда (в 1574 г.) в Москве считали, что на Тоболе есть или могут быть московские переселенцы — старожилы. Кроме того, Иван Грозный разрешил Строгановым собирать и вооружать «охочих людей, и остяков, и вогуличей, и юричей, и самоедь», со своими наемными казаками посылать на сибирских татар «и дань за нас приводить». Но господами за «Камнем» Строгановы стали только на бумаге, а действительный же хозяин — «сибирский салтан», хан Кучум — не только оборонялся от русских, но и переходил в наступление. Силы Строгановых были очень невелики, и они пригласили к себе на службу донских казаков.

Переход Ермака через Средний Урал¹

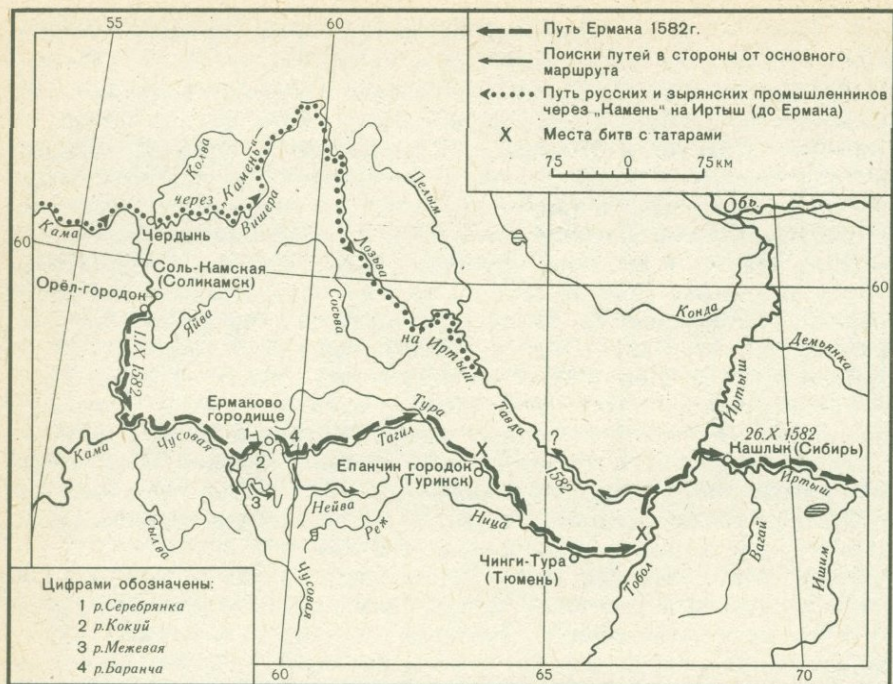
После завоевания Казани и Астрахани царские владения протянулись до Каспия и вся Волга стала русской рекой. Усилилась торговля с Нижним Поволжьем, Заволжьем и Ираном, разведан путь в Среднюю Азию. Лишь на западных рубежах шла война с Речью Посполитой, и там сосредоточились крупные военные силы Руси. В походе на Могилев летом 1581 г. среди многих полков принимала участие и казачья дружина атамана Ермака. После заключения перемирия (начало 1582 г.) по повелению Ивана IV его отряд передислоцировался на восток, в государственные крепости Чердынь, расположенную близ устья р. Колвы, притока Вишеры, и Соль-Камскую, на р. Каме. Туда же прорвались казаки атамана *Ивана Юрьевича Кольцо*. В августе 1581 г. близ р. Самары они почти полностью уничтожили военный эскорт ногайской миссии, направлявшейся в Москву в сопровождении царского посла, а затем погромили Сарайчик, столицу Ногайской орды. За это Иван Кольцо и его соратники были объявлены «ворами», т. е. государственными преступниками, и приговорены к смертной казни.

Между тем торговая деятельность Строгановых в Западной Сибири переросла в угнетение мансийских племен и прямой грабеж. Это вызвало естественную реакцию — началось восстание манси, поддержанное зауральскими соплеменниками и ханом Кучумом. Запылали деревни и слободки Строгановых по Чусовой и ее притокам. Больше всего пострадали владения *Максима Яковлевича Строганова* по р. Сылве, что и вынудило его обратиться к казакам. Предлагая им поход в Сибирь на Кучума и восставших манси, М. Строганов скорее всего не замахивался на все Сибирское ханство, а предполагал лишь припугнуть хана, оказать на него давление. Предложение идти «за Камень», видимо, совпало с намерением казаков добыть средства к существованию: в мирное время царское жалование им не полагалось.

Вероятно, летом 1582 г. М. Строганов заключил окончательное соглашение с атаманом о походе против «сибирского салтана». К 540 казакам он присоединил своих людей с «вожами» (проводниками), знавшими «тот сибирский путь», и толмачами «бусурманского языка», снабдил отряд оружием и припасами. Казаки построили большие суда («добрые струги»), поднимавшие по 20 человек с припасами, и много малых. Следовательно, флотилия состояла более чем из 30 судов. Речной поход во главе отряда численностью около 600 человек Ермак начал 1 сентября 1582 г.² Проводники быстро провели струги вверх по Чусовой, а затем по ее притоку Серебрянке (у 57° 50' с. ш.), судоходные верховья ко-

¹ Этот и последующие разделы написаны по материалам двух статей *Р. Г. Скрынникова*, опубликованных в журнале «Вопросы истории» за 1979 г. № 8 и 1980 г. № 3.

² Через своих агентов Строгановы, конечно, получили сведения не только о военной силе Кучума и ресурсах его страны. Они имели данные о режиме рек — основных путей в Зауралье: начало осени было оптимальным временем для движения по рекам..

Поход на Сибирь Ермака Тимофеевича.

торой начинались недалеко от сплавной р. Баранчи (система Тобол), текущей на юго-восток. Казаки спешили: только стремительное передвижение¹ и неожиданное нападение гарантировали им успех всего предприятия, выглядевшего достаточно авантюрно, так как на каждого русского приходилось 10—15 воинов Кучума. Перетащив через ровный и короткий (10 верст) волок все запасы и малые суда, Ермак с соратниками спустился по Баранче, Тагилу и Туре примерно до 58° с. ш. Здесь, близ нынешнего Туринска, они впервые столкнулись с передовым отрядом Кучума и рассеяли его. Главную задачу — взять «языка» для выяснения численности и боеспособности войска хана — выполнить не удалось. А Кучум вскоре уже знал о силах русских, но не проявил беспокойства по поводу намерений казаков, двигавшихся к его столице. На защиту Кашлыка ему удалось выставить отряды некоторых вассальных князьков; основные же силы хана, возглавлявшиеся его старшим сыном *Алеем*, с приданными пушками, находились в походе в Пермском крае.

Решительное сражение разыгралось на берегу Иртыша, у Чувашева мыса, немного выше устья Тобола. В распоряжении *Махмет-*

¹ Поэтому версия о зимовке Ермака на волоке, не подтвержденная археологическими исследованиями, ныне отвергается.

Кула (Маметкул), племянника Кучума, командовавшего войском, находились два отряда — пеший и конный. Казаки поочередно разбили оба отряда, но потеряли больше 100 человек. После битвы союзники татар, прииртышские ханты, бывшие в войске Кучума, рассеялись по своим селениям. Кучум с уцелевшими татарами бежал через Кашлык на левый берег Иртыша и ушел далеко на юг, в Ишимскую степь. 26 октября 1582 г. казаки вступили в опустевший «город Сибирь». Через четыре дня ханты с р. Демьянки, правого притока нижнего Иртыша, привезли в дар завоевателям пушнину и съестные припасы, главным образом рыбу. Ермак «лаской и приветом» встретил их и отпустил «с честью». За хантами потянулись с дарами местные татары, бежавшие раньше от русских. Ермак принял их так же ласково, позволил вернуться в свои селения и обещал защищать от врагов, в первую очередь от Кучума. Затем стали являться с пушниной и продовольствием также ханты из левобережных районов — с рек Конды и Тавды. Ермак облагал всех обязательной ежегодной податью — ясаком¹. С «лучших людей» (племенной верхушки) Ермак брал «шерть», т. е. присягу, в том, что их «народец» будет своевременно платить ясак. После этого они рассматривались как подданные русского царя.

Посольство Ивана Черкаса

К декабрю 1582 г. Ермаку подчинилась обширная область по Тоболу и нижнему Иртышу. Но казаков было мало. Чтобы удержать власть, требовались люди, продовольствие и военные припасы. Ермак, минуя Строгановых, решил снестись с Москвой. Правда, он все же известил М. Строганова, но, видимо, не просил помощи, зная, какими малыми силами он располагает. Несомненно, Ермак и его советчики-казаки правильно рассчитывали, что победителей не судят и что царь пришлет и помощь и прощение всем участникам похода за прежнее «воровство». Во главе посольства к Грозному, состоявшего из 25 казаков, Ермак поставил атамана *Ивана Александровича Черкаса*², своего соратника и, вероятно, историографа похода. Они повезли весь собранный ясак (размеры его неизвестны). Ермак, его атаманы и казаки челом били великому государю Ивану Васильевичу завоеванным ими Сибирским царством и просили прощения за прежние преступления. 22 декабря 1582 г. И. Черкас с отрядом двинулся на нартах с оленьей упряжкой и на лыжах. С помощью местных жителей они шли «волчьей дорогой» (непроторенными путями, лесными тропами), вероятно, вверх по Тавде, Лозьве и одному из ее притоков к «Кам-

¹ Ясак обычно собирался пушниной, главным образом соболями. При недостатке соболей их разрешалось заменить другими мехами, по определенному расчету.

² По другим данным, его звали *Черкас Александров Корсак*, автор казачьего «Написания», т. е. описания похода, созданного около 1600 г. Прежняя версия, по которой посольство возглавлял государственный преступник атаман Иван Кольцо, приговоренный к смертной казни, ныне отвергается.

ню», перевалили горы и вышли на верхнюю Вишеру. Эта «волчья дорога» была выбрана, может быть, из-за того, что на севере не-большой отряд не опасался встречи с «немирными народами». По долине Вишеры казаки спустились до Чердыни, а оттуда вниз по Каме — в Пермь и явились в Москву, вероятно, еще до весны 1583 г.

Ранее правительство считало поход на Сибирь частным предприятием Строгановых, видимо даже вредным для царских пермских владений. Отношение Москвы к Сибирскому походу резко изменилось после прибытия И. Черкаса. Приняли казаков очень милостиво и содержали на казенный счет. Все участники похода получили прощение, награждены деньгами и отрезами сукна. Ермаку Иван IV направил через посла вместе с милостивой грамотой золотые и повелел явиться в Москву¹. По Руси распространились слухи о привольной жизни в Сибири. Возможно, что уже на обратном пути из Москвы в Сибирь к посольству присоединились толпы «гуляющих людей», т. е. не приписанных ни к какому сословию, — беглые крестьяне, должники, скрывающиеся от долговой кабалы, и т. д. Махмет-Кул в это время бродил с небольшим отрядом в низовьях Вагая, впадающего в Иртыш выше Тобола. Посланные Ермаком казаки напали ночью на татар, перебили многих, а царевича захватили в плен. Он был отправлен в Москву, ласково принят там и стал позднее русским полковым воеводой.

Поход Богдана Брязги на нижний Иртыш и Обь

Большая часть татарских улусов на нижнем Иртыше не торопился стать русскими данниками. И тогда для сбора ясака Ермак решил направить 50 казаков под командой есаула *Богдана Брязги*. В марте 1583 г. отряд выступил из Кашлыка на север, вниз по Иртышу. Брязга сначала встретил значительное сопротивление прииртышских татар и взял один из их городков приступом. Для острастки он казнил «лучших людей» и «вожаков», с остальных же взял «шерть» (присягу), причем заставил их целовать саблю, обрызганную кровью. Собранный ясак, отнятые запасы хлеба и рыбы Брязга отослал в Кашлык. После этого понизовые татары приняли подданство: ближайшие — без сопротивления, более отдаленные — после незначительного отпора. Еще ниже по Иртышу страна была заселена одними хантами. Казаки, видимо, беспрепятственно спустились до р. Демьянки. Группа хантов засела в укрепленном городке, в 30 км ниже устья Демьянки, но через три дня прекратила сопротивление.

Казаки задержались в Демьянском городке из-за ледохода (весна 1583 г.) и построили легкие суда, а когда лед прошел, начали

¹ Царь не отправлял Ермаку шубу со своего плеча и два панциря — эти сведения относятся к разряду легендарных.

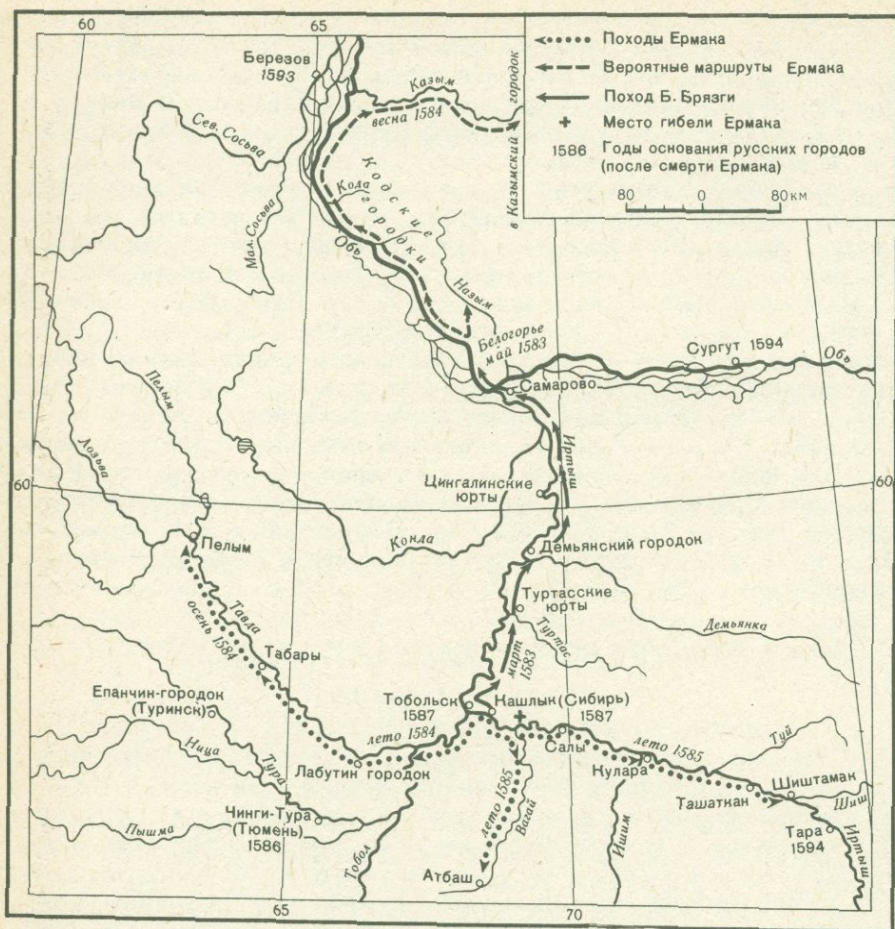
сплав по Иртышу. В приречных селениях Брязга приводил хантов к «шерти» и забирал у них под видом ясака все ценные вещи. Близ устья Иртыша казаки 20 мая рано утром заняли крупный хантский городок; перебив «охраняющий» его спящий караул, они ворвались в дом *Самара*, главного князья всех иртышских и приобских остяков, и убили его. Большинство жителей городка бежало, а оставшиеся обещали давать ясак. В Самаровом городке казаки провели неделю. Брязга назначил главой над местными хантами богатого князька *Алачу*. (Потомки его получили, по царской грамоте, власть над рядом селений по нижней Оби и большие привилегии.)

По нижней Оби Брязга дошел только до Белогорья, холмистой местности, где могучая река, огибая Сибирские Увалы, круто поворачивает на север. Возможно, что казаки искали там легендарную «золотую бабу». В Белогорье у хантов было, по словам летописца, «мольбище большое богине древней, нагой, с сыном на стуле сидящей». Но казаки нашли только покинутые жилища: весной, во время половодья, ханты уходили к озерам на ловлю рыбы. И ниже берега Оби казались необитаемыми, поэтому 29 мая Брязга повернул обратно. Он исследовал приречные районы по нижнему Иртышу на 700 км от устья Тоболя, включая и небольшой участок нижней Оби до Белогорья.

Гибель Ермака и отступление русских из Сибири

Датировка дальнейших событий до гибели Ермака долгое время была спорной: по одной, традиционной версии — он погиб в 1584 г., по другой — в 1585 г.; в этом случае укладывается в хронологические рамки поход Ермака летом и осенью 1584 г. на манси, живших на Тавде и ее верховье — Пелыме; задуманный для разведки удобных путей на Русь, пелымский поход закончился неудачей. Ниже дается именно эта версия, принятая ныне большинством советских историков.

Весной 1584 г. Москва намеревалась послать в помощь Ермаку три сотни ратных людей под командой *Семена Дмитриевича Болховского*. Но смерть Ивана Грозного (18 марта 1584 г.) нарушила все планы. Рать С. Болховского, пропустив весеннее половодье, смогла преодолеть уральские волокы лишь в осенний разлив. Вот почему стрельцы на 15 стругах прибыли в Кашлык лишь в ноябре 1584 г., когда в Сибири разгорелось массовое восстание татар, поднятое сибирским «карачи», вышшим советником хана, который раньше — мнимо или действительно — отложился от Кучума и укрепился на Иртыше у р. Тары. Карачи обманом завлек к себе 40 казаков во главе с Иваном Кольцо и убил всех. Он перебил также небольшие казачьи отряды, рассеянные среди татар и хантов на огромной территории, завоеванной Ермаком, и блокировал русских в Кашлыке, отрезав пути к населенным пунктам и промысловым угодьям. Зимой 1584—1585 гг. подвоз продовольствия в го-

Походы Ермака и Б. Брязги.

род прекратился и среди русских начался голод. Многие, в том числе и С. Болховской, умерли от болезней.

12 марта 1585 г. соединенные силы татар и хантов под начальством карачи обложили Кашлык. Прошло более месяца. В начале мая казаки атамана *Матвея Мещеряка* произвели удачную ночную вылазку и ворвались в стан самого карачи. Почти все татары были перебиты, карачи с несколькими людьми спасся бегством за Ишим. Казаки захватили его обоз и благополучно вернулись в Кашлык. Союзники карачи рассеялись по своим селениям, и осада Кашлыка прекратилась. Эта победа на короткое время улучшила положение русских, число которых после тяжелой зимовки сократилось, вероятно, до 300 человек; остальные умерли от голода, болезней. Местные жители стали доставлять казакам съестные припасы.

Через несколько недель после разгрома карачи татарин, подо-

сланный Кучумом, принес Ермаку ложную весть, будто в Кашлык через р. Вагай направляется бухарский торговый караван, а хан не пропускает его. Ермак поверил и в июле со 150 казаками выступил навстречу каравану. Дойдя до устья Вагая, он разбил там татарский отряд, но ничего не узнал о бухарцах и двинулся вверх по Иртышу. Затем казаки одержали над татарами вторую победу близ устья Ишима и овладели без боя выше по Иртышу городком Ташаткан. Остановился же Ермак близ устья р. Шиш, почти в 400 км от Кашлыка, и повернул назад потому, что местные жители поразили его своей нищетой. На обратном пути, в Ташаткане, Ермаку снова принесли ложное известие, что бухарские купцы идут вниз по Вагаю, и он поспешил к его устью.

На берегу Иртыша, возле устья Вагая, 5 августа 1585 г. отряд остановился на ночлег. Была темная ночь, шел проливной дождь. По местной легенде, татарский разведчик унес у спящих казаков три пищали и три сумки и доставил их хану. Тогда Кучум в полночь напал на стан Ермака. Чтобы не поднимать шума, татары просто душили спящих русских. Но Ермак проснулся и проложил себе дорогу через толпу врагов к берегу. Он прыгнул в стоящий у берега струг, за ним устремился один из воинов Кучума, вооруженный копьем; в схватке атаман стал одолевать татарина, но получил удар в горло и погиб. Дружина Ермака спаслась бегством в стругах и лишь «иные» полегли в ночном побоище.

Дальнейшие события показали, что Ермак был душой предприятия. Старшим среди московских служилых людей остался голова *Иван Васильевич Глухов*, старшим среди казаков — Матвей Мещеряк. 15 августа по решению войскового круга они вывели остатки соединенного отряда, всего 150 человек, из Кашлыка и двинулись в обратный путь на стругах. Опасаясь тобольских татар, И. Глухов не пошел прежней дорогой — по Тавде или Туре. Отряд сплыл по Оби до ее низовьев, перевалил Югорский Камень (Северный Урал), достиг Печоры и оттуда вернулся на Русь. Однако татарам не удалось использовать свою победу. Среди них снова вспыхнули раздоры. Кучум послал в Кашлык с небольшим отрядом своего сына Алея, но его вскоре изгнал оттуда князь *Сеид-Ахмат (Сейдяк)*, племянник свергнутого и убитого Кучумом хана Едигера.

Из Москвы, где еще не знали о гибели Ермака и отступлении русских, в 1585 г. в Сибирь направился воевода *Иван Мансуров* с 700 служилых людей и с несколькими пушками, но уже не застал русских на Иртыше. Была поздняя осень, река стала. Мансуров зазимовал на правом берегу Оби, против устья Иртыша, построил там Обский городок — первый русский острог за Каменным Поясом¹. Весной 1586 г. отряд Мансурова оставил городок и поплыл вниз по Оби. Дойдя до Югорской земли, он перевалил «Камень» и вернулся в Москву. Дело присоединения Сибири приходилось начинать сначала. Но речные пути Западной Сибири и приречные области были уже хорошо разведаны русскими.

¹ Он был заброшен после того, как выше по Оби был поставлен Сургут (1593 г.).

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПРИСОЕДИНЕНИЕ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИОснование в Сибири первых русских
городов

После возвращения И. Глухова в Москву, в начале 1586 г., в Сибирь были посланы 300 человек под командой воеводы *Василия Сукина* при «письменном голове» *Даниле Чулкове*. Действовали они очень осторожно, не пошли прямо на Иртыш, а решили предварительно укрепиться на водных путях, ведущих к Иртышу. На высоком, правом берегу нижней Туры 29 июня 1586 г. В. Сукин заложил город, позднее получивший татарское название Тюмень. Это старейший из существующих сибирских городов. Местные татары жили оседло, занимаясь скотоводством и земледелием, следовательно, были связаны с землей. Они покорились без сопротивления и стали платить ясак. В Тюмени русские собрали свежие сведения о сибирских делах. Оказалось, что Сеид-Ахмат получил сильное подкрепление от казахов и к нему, кроме того, присоединился беспокойный карачи, который заманил к себе и убил Ивана Кольцо с его казаками. В. Сукин отписал об этом в Москву и просил помощи. В 1587 г. в Тюмень пришли еще 500 служилых людей. Д. Чулков сплыл с ними по Туре и Тоболу до его устья, поставил г. Тобольск, небольшое деревянное укрепление и несколько построек для служилых людей — на низком месте, которое часто затоплялось в половодье¹. Таким образом, недалеко от Кашлыка, в 35—40 км ниже по Иртышу, в центре владений Сеид-Ахмата, возник укрепленный русский городок. Д. Чулков притворился, будто хочет наладить хорошие отношения с прииртышскими татарами и с самим Сеид-Ахматом. А тот не принимал никаких мер, чтобы вытеснить русских из городка.

В 1588 г. Сеид-Ахмат с казахским султаном и с бывшим кучумовским карачи охотился на берегу Иртыша, близ Тобольска. С ними было около 500 татар. Д. Чулков пригласил Сеид-Ахмата и его спутников к себе на пир и для мирных переговоров, при условии, что с ними в городок войдут только 100 человек. Во время пира Д. Чулков стал обвинять гостей в злых замыслах против русских

¹ В 1610 г. тобольское укрепление перенесли на правый, высокий берег Иртыша; в XVII—XVIII вв. Тобольск был столицей русской Сибири.

и предложил, чтобы рассеять подозрение, выпить по доброй чаше «зелена вина». Гости, как мусульмане, отказались. Тогда их связали¹, а охрану перебили. Татары, оставшиеся за стенами острога, разбежались. Вскоре Кашлык опустел, и русские стали полными хозяевами на Иртыше от Тобола до Вагая. Летом 1590 г. Кучум совершил набег на свои прежние сибирские владения. В районе Тобольска он разграбил ряд селений, а выше по Иртышу, между Вагаем и Ишимом, перебил много татар, согласившихся платить русским ясак. Этим Кучум настроил против себя местное население. Когда в следующем, 1591 г. тобольский воевода князь *Владимир Васильевич Кольцов-Масальский* организовал поход против Кучума, он без опаски включил в свой отряд большое количество тобольских татар, настиг хана у Ишима и разбил его наголову. Кучум, однако, спасся и с уцелевшими людьми ушел в Барабинскую степь. Таким образом, уже через шесть лет после гибели Ермака русские восстановили его завоевания по Иртышу. В течение трех следующих лет они раздвинули присоединенную область до р. Тары, в устье которой в 1594 г. был построен г. Тара².

Походы вверх по Иртышу и полный разгром Кучума

Какое значение царское правительство придавало этому району, видно из наказа воеводе князю *Андрею Васильевичу Елецкому*, поставленному во главе Тарской экспедиции: «Идти города ставить вверх Иртыша, на Тару-реку, где бы государю было впредь прибыльнее, чтобы пашню завести, и Кучума-царя истеснить...» А. Елецкой получил больше 1500 человек. Для решительного наступления против Кучума в его рать входили, кроме русских — стрельцов и казаков, — пленная «литва», поволжские татары и башкиры, 500 покоренных сибирских татар, из них 300 под татарской же командой, вероятно, благодаря удаче В. Кольцова-Масальского. Зимой 1594/95 г., закончив постройку г. Тары, А. Елецкой трижды посылал на юго-восток смешанные русско-татарские отряды на поиски Кучума.

Первый поход под командой *Григория Ясыря* был сравнительно недалекой разведкой вверх по Иртышу: с отрядом в 90 человек он дошел примерно до 56° с. ш. и собрал сведения о р. Оми, выше устья которой, в «Черном городке», на левом берегу Иртыша, стоял Кучум. Второй поход выполнил отряд в 276 человек под командой «письменного головы» *Бориса Доможирова*. Он поднялся по Иртышу до «Черного городка», захватил его и обратил в бегство отряд Кучума, не потеряв ни одного человека. Ранней весной 1596 г. Б. Доможиров возглавил крупный — по сибирским масштабам —

¹ Д. Чулков отправил их всех в Москву. Там их ласково приняли, и царь пожаловал им земельные владения.

² Через 75 лет г. Тара, очень пострадавший от наводнения, был перенесен на высокий берег Иртыша, в 35 км ниже устья Тары.

отряд в 483 человека. Во время этого третьего, так называемого Барабинского, похода на лыжах он покорил бассейны Тары и Оми, побывал в ее верховьях и дошел до Барабинской степи, но из-за оттепели повернул обратно, вновь не понеся потерь.

Каждый раз, когда Кучум встречался с русским отрядом, он терял десятки, а иногда и сотни ратных людей и уходил все дальше на юго-восток или юг. Преследуя его, русские разоряли и жгли городки. Но хан не сдавался, не просил царской милости, не вступал в мирные переговоры. Набеги Кучума на район г. Тары не были ни часты, ни опасны. Но царское правительство боялось этого неуловимого и упорного врага, преувеличивало его силы и возможности и наказывало тарским воеводам «извести» его. Старый Кучум не покорялся русским, но среди его ближних рос разлад. Добровольно явилась в Тару мать пленного царевича Махмет-Кула. Уходили от Кучума и некоторые князья с родичами. За четыре года в Таре сменилось четверо воевод, и каждый писал в Москву тревожные письма о Кучуме, и у каждого Москва запрашивала, «где ныне Кучум-царь кочует и что его умышление, и с нагаи [ногайцами] у него ссылка [связь] есть ли».

Наконец 9 мая 1598 г. тарский воевода — вероятно, *Андрей Воейков* — выступил против хана с отрядом в 1000 человек. 20 августа русские настигли Кучума на верхней Оби, немного выше устья Берди, более чем в 500 км к юго-востоку от Тары. В бою пало свыше 170 татар, 100 утонуло в Оби и 50 пленных повешено. Пощадили только знатных пленников: семь царевичей, из них пять сыновей Кучума, восемь жен Кучума и 13 царевен.

Победители не знали о судьбе самого Кучума и отписали в Москву: «А про Кучума... языки многие сказывают, что... в судне утек за Обь-реку». Полагают, что вернее было второе сообщение: старый, оглохший и ослепший Кучум с небольшим числом слуг бежал к калмыкам, кочевавшим тогда на озере Зайсан, бродил затем некоторое время в степях. Точно неизвестно, когда и где он погиб. Более достоверно сообщение, приписываемое одному из сыновей Кучума, будто «бухарцы отца... заманив в калмаки [к калмыкам], обманом убили». Так или иначе, но к концу XVI в. русские вытеснили из пределов Западной Сибири единственного врага, который в течение многих лет оказывал им организованное сопротивление и собирал против них сколько-нибудь значительные силы. И в борьбе с Кучумом русские продвинулись далеко вверх по Иртышу и ознакомились с обширными пространствами Южной Сибири.

Русские в низовьях Оби и поход в Мангазею

К концу XVI в. русские подчинили бассейн нижнего Иртыша, заселенный татарами и хантами, и большую часть бассейна нижней Оби. В 1593 г. на левом берегу Северной Сосьвы (у 64° с. ш.) они построили Березовский острог. Весь ее бассейн был заселен вогу-

лами (устаревшее название народа манси). Уже зимой 1594 г. из Березова отряд «письменного головы» *Ивана Змеева* совершил поход против вогулов, живших южнее, на р. Конде. Поводом была война между кондинскими вогулами и кодскими осятками¹, возглавляемыми князем *Игичеем Алачевым* (сыном Алачи), союзником русских. Поэтому он и его осятки принимали участие в походе, в расчете на добычу. У Березова кончалось массовое расселение вогулов. Выше и ниже нового города на Оби жили осятки, иногда попеременно с вогулами. Много было осятков и на Казыме, впадающем в Обь с восточной стороны, против устья Северной Сосьвы. А в устье Оби кочевали ненцы (самоядь). Именно в стране ненцев находилась Мангазея, «обетованная земля» для всех русских промышленников и царских сборщиков ясака. На западных подступах к Мангазее, у полярного круга, в том же, 1593 г. был основан г. Обдорск, теперь Салехард.

Из Березова через Обдорск в конце XVI в. русские военные отряды проникли дальше на восток, в Мангазею, т. е. в область по рр. Надыму, Пуру и Тазу, впадающим в Обскую и Тазовскую губы. Как выше указывалось, в XVI в. русские поморы ходили в Мангазею северным морским путем — морем и по рекам п-ова Ямал. А через «Камень» шли туда русские с Северной Двины и Печоры и коми-зыряне. Их целью был сбор пушнины, причем они прибегали и к товарообмену, и к обмену под видом ясака, и к прямому насилию. Они освоили речной, так называемый Казымо-Надымский путь. Поднявшись по р. Казым, впадающей в Обь против г. Березова, к ее истокам, русские положили начало открытию Сибирских Увалов; западную часть этой длинной (900 км) возвышенности они называли Красным Яром. Через короткий волок охотники за «мягкой рухлядью» переходили на истоки Надыма в его среднем течении. У устья р. Танловы (у 65° с. ш.) они поставили Надымский городок — один из промежуточных пунктов на пути к р. Таз. С верховьев Танловы русские достигли среднего течения р. Пур и немного южнее Северного полярного круга заложили Пантуев городок, ставший, правда ненадолго, центром речного пути в Мангазею. Далее на р. Таз шла уже непрерывная водная дорога вниз по Пуру до Тазовской губы.

Когда бассейн Оби был покорен русскими, правительство решило прекратить незаконные операции с пушниной, наносившие огромный ущерб казне. Уже в 1598 г. для разведки «Мангазейских мест» Москва направила небольшой отряд *Федора Дьякова*. На четырех кочах он двинулся из Тобольска по Иртышу, Оби и Обской губе, но достичь ядра Мангазеи, т. е. Таза, ему, видимо, не удалось. Дьяков и его спутники побывали в некоторых районах Обской губы, а зазимовали в Надымском городке. К началу зимы туда же прибыл *Юрий Долгушин* с партией промышленников — очевидно, они воспользовались Казымо-Надымским путем. Летом 1599 г. объединен-

¹ Осятками русские называли хантов — народность, язык которой входит в угорскую ветвь финно-угорских языков.

Город старая Мангазея
(чертеж XVII в.).

ный отряд, вероятно, все же проследовал на р. Таз по речным системам Надыма и Пура и волокам между ними. Собрав ясак, Дьяков вернулся в Москву зимой 1600 г.

Тогда последовал приказ об организации первой русской правительственной экспедиции в Мангазею. В ней участвовала сотня тобольских казаков под командой воеводы князя *Мирона Михайловича Шаховского* и «письменного головы» *Даниила Хрипунова*. Из Тобольска летом 1600 г. экспедиция спустилась до Березова, где соединилась с 50 березовскими казаками; привлечены были и местные торговые люди. В Березове они построили морские суда — четыре коча.

На них и на двух речных судах (коломенках) экспедиция вышла в Обскую губу. В пути коломенки прибило к берегу, они наполнились водой, «муку и толокно подмочило, а крупы и соль потонули». На помощь пришли ненцы. «И они [русские] поднялись на оленях и тем своим достальным запасом кормили самоедь, а сами до Мангазеи шли на лыжах...» Не выяснено, каким путем двигался отряд, несомненно лишь, что он проследовал за Пур и тут подвергся нападению: «Енисейская самоедь своровали, князя Мирона и Данило за рекою за Пурою в днище [день пути] их разгромили, и наряд, и зелье [порох], и свинец, и запасы поимали, а князь МIRON и Данило отшел [ушел]...», потеряв 30 человек. Раненый Шаховской и 60 казаков на оленях в августе 1600 г. вернулись в Березов.

Вероятно, поздней осенью он с уцелевшими людьми на лыжах вновь прибыл на р. Таз и приблизительно в ноябре начал строительство Мангазейского острога. Судьба Хрипунова и остальных участников похода не выяснена; установлено лишь, что на восточном берегу Тазовской губы произошла еще одна стычка с ненцами, в результате погибло восемь казаков.

Неизвестно, чем было вызвано нападение самоеди. Предполагали, что они восстали из-за незаконных действий промышленников¹, проникавших в Мангазею тремя путями: только по суше — на нартах, обычно с оленьей упряжкой, и на лыжах; по суше до Березова, а оттуда водою; морем из Пустозерска, используя волоки между верховьями ямальских рек. При благоприятных ледовых условиях поморы пользовались и прямой морской дорогой, огибая с севера п-ов Ямал. Конечно, пути в Мангазею хорошо знали обдорские остяки, но их князь отказал дать русским проводников. Правда, местные власти доверяли им еще меньше, видя «его [князя] и в остяках шатость заодно с самоедью». Опасались они даже за судьбу березовского гарнизона.

¹ Не исключено, правда, что те сами подстрекали ненцев к избиению служилых людей.

В помощь мангазейскому отряду в 1601 г. направились воеводы — князь *Василий Михайлович Масальский-Рубец* и *Савлук (Лука) Пушкин*. В Тобольске и Березове на 10 больших и четыре малых судна они посадили стрельцов, казаков и пленную «литву» — всего 300 человек, но в «вожи» (проводники) им предписывалось брать, конечно, по необходимости, «зырян торговых людей и вымичь... которые Мангазейский и Енисейский ход знали и толмачить [переводить] умели». Если воеводы ничего не узнают в Березове о Шаховском и Хрипунове, они должны идти «в Мангазею и Енисею на Тазовское устье». (Следовательно, под «Енисеей» здесь понимается не река, а местность за Мангазеей, по Тазу.) Придя туда, они должны разведать с помощью зырян, где лучше поставить город. Торговым людям разрешалось закупать в Мангазее пушнину при условии уплаты государственной десятины со всей добычи и держать при себе «запасы и всякое съестное» для себя и на продажу, кроме заповедных товаров — воинского снаряжения, оружия, железных изделий и вина. Если же у торговцев находили заповедные товары, все их имущество отбиралось в казну. Добравшись до Таза летом 1601 г., воеводы выяснили, что Шаховскому все же удалось построить там город, но не в устье, а гораздо выше, — в 300 км на правом берегу реки.

Очевидно, один из участников похода составил карту Обской и Тазовской губ, датируемую *М. И. Беловым* 1601—1603 гг. На этом чертеже, озаглавленном «Губа море Мангазейско с урочищи», конечно, с искажением в виде огромного полуострова показана «Земля самоедская», дренируемая несколькими реками, с островом у «вершины» — несомненно, п-ов Ямал с о. Белым у северной оконечности. На материке нанесено несколько рек, текущих в Обскую губу, в том числе Надым, отмечены поворот берега «к востоку», в Тазовскую губу, и сама губа с впадающими реками, включая Пур и Таз; изображена часть восточного побережья Гыданского п-ова примерно до широты о. Белого. Этот чертеж, впервые дающий представление о северных приморских районах Западной Сибири, имел влияние на русскую картографию вплоть до начала XVIII в.

Освоение бассейна верхней Оби

После основания Сургута вся средняя и верхняя Обь была в несколько лет пройдена русскими промышленниками. Они разведали пути к различным обским «народцам». За ними следовали сургутские казаки и объясачили всех живших по Оби остяков. От основанного в 1595 г. Нарымского острога промышленники и казаки продолжали продвигаться вверх по реке, отыскивая новые «угодные» места и новые «ясашные земли». На средней Оби они обычно не встречали сопротивления, и к концу XVI в. русская власть распространилась почти до р. Томи. Ясак стало давать также все население по р. Кети, впадающей справа в Обь приблизительно на 100 км выше Нарыма. В 1596 г. в ее нижнем течении воевода *Мол-*

чанов заложил Кетский острог. Выше Кети по Оби и ее крупнейшим правым притокам Чулыму и Томи жили «татары» — тюркоязычная территориальная группа так называемых чулымцев. Они оказали русским более упорное сопротивление, чем коренное население средней Оби. Для борьбы с ними и, конечно, для сбора ясака на р. Томи, в 65 км от устья, в 1604 г. был построен г. Томск, сыгравший значительную роль в освоении юго-востока Западной Сибири.

В бассейне верхней Томи, по рр. Кондома и Мрас-Су, жили оседлые шорцы, по происхождению и культуре близкие северным алтайцам. Русские стали называть их кузнецами, так как их область славилась богатыми месторождениями железных руд, из которых они выплавляли железо и вырабатывали различные изделия, включая доспехи, котлы и холодное оружие — стрелы, ножи и т. д. Проникнув в их земли, русские открыли Салаирский кряж и Кузнецкий Алатау и вышли к западным склонам Абаканского хребта. Это была первая горная страна, встреченная русскими за Уралом, и покорять ее оказалось гораздо труднее, чем Западно-Сибирскую равнину, чьей юго-восточной границы они достигли и, следовательно, выяснили ее примерные размеры (площадь около 2,6 млн. км²).

В 1607 и 1609 гг. несколько томских казаков посылались к «кузнецким татарам» на разведку, нельзя ли у них собрать ясак, но в первый раз вернулись ни с чем, а во второй с ничтожными результатами. Разведчики утверждали, что воевать «кузнецов» очень тяжело: «Живут в крепостях в великих, и болота обошли и зыбели великие и ржавцы; а зимой живут снега великие, и воевать их, кроме лета, из жары, невозможно». Несмотря на такие сведения, воинский отряд в 40 казаков атамана *Ивана Павлова* ходил к «кузнецам» зимой 1609/10 г., и опять с небольшими результатами. Летом 1610 г. близ устья р. Кондомы он поставил Абинский городок — ныне г. Абагур. В новом походе, организованном в конце 1615 г., принимало участие 200 служилых людей под командой атамана *Бажена Константинова* и сотника *Ивана Пуцина*. Казаки, разделившись на несколько партий, поднялись в долины рр. Мрас-Су и Кондомы, овладели рядом селений (улусов), захватили аманатов и силой начали собирать ясак. Отказывавшихся платить били, а особенно непокорных убивали. На помощь шорцам прибыло пятитысячное войско «татар» и окружило отряд русских. Выдержав 2,5-месячную тяжелую осаду, казаки вырвались с большими потерями и вернулись в Томск. Власти сочли необходимым поставить новый острог на Томи выше по течению. Только в мае 1617 г., когда в устье Кондомы был основан Кузнецк, русские укрепились в Горной Шории. Но лишь к 1625 г. кузнецкие казаки вышли на верховья р. Томь. Покорение шорцев завершилось в 1627 г., когда был получен первый ясак с жителей «Киченской земли» — верховья рр. Мрас-Су и Кондомы.

Освоение бассейна верхней Оби началось после основания Кузнецка: в 1624—1625 гг. служилые люди из этого острога перевалили Салаирский кряж из долины р. Кондомы на запад, проникли в долину р. Чумыша и, пройдя по течению реки, объясачили насе-

ление этой территории. В том же, 1625 г. из бассейна Кондомы они продвинулись к югу и собрали ясак с «новых окольных земель», расположенных в бассейне нижней и средней Бии, правой составляющей р. Обь. Отряд, возглавляемый казачьим атаманом *Петром Дорофеевым*, зимой 1627 г. на лыжах отправился на р. Кондому, а оттуда проследовал на левобережье Бии и привел «под высокую царскую руку» тубаларов (тюркоязычная народность, относимая ныне к северным алтайцам).

Вероятно, к началу 30-х гг. XVII в. от инородцев русские узнали о «неясашных людях» в истоках «реки Би», берущей начало из озера (Телецкого). Задание собрать с них ясак получил сын боярский¹ *Федор Пушин*. Весной 1632 г. в Томске он посадил отряд на большие лодки, спустился до устья Томи и двинулся вверх по Оби. В начале сентября, проследив более 500 км течения реки, Пушин достиг устья р. Чумыша. Здесь его встретили вооруженные «татары» и не пропустили дальше. Выдержав пятидневное сражение, казаки отступили и тем же путем вернулись в Томск. Первые достоверные географические сведения о северо-восточной части Алтая собрал сын боярский *Петр Собанский*. Из Томска, неизвестно каким маршрутом, во главе отряда казаков он вышел на Бию и проследил ее до истока, т. е. открыл Телецкое озеро.

Зимой 1642 г. П. Собанский вторично побывал на озере и срубил на северном берегу укрепление. Во время зимовки казаки построили лодки и обследовали южную сторону озера, лежащего среди гор в крутых скалистых берегах. Из расспросов они выяснили, что с юга в озеро впадает река Чулышман, и собрали ясак с жителей его долины. Весной после ледохода на Бии П. Собанский вернулся в Томск водой — по Бии и Оби. После его похода русским стало известно все течение собственно Оби (3 650 км)². В следующем году в бассейн Бии отправилась крупная экспедиция, собиравшая ясак с «новых захребетных земель» в междуречье Бии и Катуня.

Освоение бассейна нижнего и среднего Енисея

Пушной зверь в бассейне Таза скоро был повыбит. Местные охотники уходили на восток от сборщиков ясака, промышленники также искали новых «удобных мест» на востоке, подальше от сборщиков десятины. С Таза они перешли на Турухан и уже в 1607 г. основали в устье этого притока Енисея³ «Новую Манга-

¹ На Руси XV — начала XVIII в. детьми боярскими назывались находившиеся на государственной службе мелкие землевладельцы — потомки младших членов княжеских дружин или измельчавших боярских родов.

² От истока Иртыша длина Оби составляет 5440 км.

³ От хантов и манси, живших в бассейне Оби, русские довольно давно узнали о существовании на востоке «Большой воды» (Иоанесси, Ионесу) и стали называть эту реку Енисеем.

зею» — Туруханское зимовье, на противоположном берегу которого открыли устье другого притока — Нижней Тунгуски, а в 1610 г. обследовали низовье Енисея до моря. Сидя в Мангазее, царские власти контролировали важнейший речной путь и Енисейский волок, ведущий через Турухан на нижний Енисей. Проникавшие в эту область сотнями промышленники собирали здесь в первой четверти XVII в. всеми дозволенными и недозволенными способами ежегодно десятки тысяч соболиных шкурок, иногда больше 100 тыс. За один 1621 г. в казну через Мангазею поступило около 13 тыс. соболей — дани от местного населения и пошлин от промышленников.

В 1605 г. из Кетского острога воевода Молчанов направил отряд казаков на восток, на разведку новых «землиц». Они поднялись по Кети¹ до среднего течения и через болотистый водораздел перешли на р. Кас, принадлежащую бассейну среднего Енисея². Им удалось объяснить остяков, живших в низовьях Каса (у 60° с. ш.) и Сыма, более северного притока Енисея. Вскоре туда явились казаки из Мангазеи, считавшие эту «землицу» своей вотчиной. Между отрядами русских началась ссора; поддержанные местными жителями победили мангазейцы, которые брали с каждого чума в два раза меньше соболей, чем кетские сборщики. Вероятно, мангазейцев следует считать первооткрывателями устья Подкаменной Тунгуски, еще одного крупного притока Енисея. Через четыре года русские с верховьев Кети, воспользовавшись Маковским волоком, перешли на р. Кемь и по ней за день вышли к Енисею у 58° 30' с. ш.

На восточном берегу Енисея русские впервые встретились с тунгусами (эвенками), распространившимися на гигантской территории: на восток — до Теплого моря (Тихого океана), а на юго-восток — до р. Шилкар (Амур), впадающего в то же Теплое море. Их именем — Тунгусками — и были названы все три громадных притока Енисея. От эвенков они узнали о крупной реке в одном дне выше по течению и тем же летом достигли ее устья — это была Ангара (Верхняя Тунгуска). Выше устья Кемь, на левом берегу Енисея, осенью 1618 г. казаки срубили острог Енисейск, ставший одним из важнейших русских опорных пунктов в Средней Сибири и базой для продвижения в бассейн верхней Лены и в Забайкалье. Уже в следующие два года ясак стали платить эвенки по нижнему течению Ангара и ее левому притоку Тасеевой.

Первые попытки проникнуть по Ангаре в «страну братьев», нескольких племенных групп, позже объединившихся в нацию бурят, были предприняты из Енисейска. Сначала в 1623 г. казаки проследили 500 км широтного течения реки и объяснили население

¹ Путь по Кети «вельми труден, потому что река малая и очень кривлеватая» (извилистая); по ней иногда тяжело разойтись встречным судам; в воде торчало много коряг, да и «мель великая и река быстрая, будто пороги».

² Таким образом, пересечь в широтном направлении всю Западно-Сибирскую равнину русским удалось лишь за 22 года. Как мы увидим, в дальнейшем темпы движения на восток резко возросли.

порога, в 200 км выше по течению, он заложил Братский острог, в 1631 г. перенесенный еще выше к устью р. Оки.

Летом 1629 г. пятидесятник *Василий Черменинов* с отрядом в 20 человек объясачил бурят, живших по долине р. Чуна, одной из составляющих Тасееву и прорезающей Приангарское плато. Казаки дошли до ее верхнего течения (у 56° с. ш.) и в начале октября вернулись в Енисейск. Выше устья Ангары по Енисею русские столкнулись с воинственными кочевыми племенами, поддерживаемыми монгольскими ханами. Для борьбы с ними казаки А. Дубенского в 1628 г. заложили острог Красный, ныне г. Красноярск. Уже в следующем году на поиски новых земель на востоке из этого острога направились две партии казаков. На лодках они спустились по Енисею до устья его правого притока р. Кан и поднялись по нему, одна — до среднего течения, а другая — до верховьев; ясак стали платить котты и камасинцы, новые малочисленные «народцы».

На верхний Енисей русские проникли в 1609 г. Для этой цели они использовали Кемчужский волок (между р. Кемчуг, бассейн Чулыма, и Енисеем), опираясь на Томск в качестве основной базы. Казаки вышли на Енисей, поднялись по его долине на 300 км и в бассейне открытой ими небольшой р. Тубы собрали ясак с маторцев и тубинцев. Таким образом томские служилые люди положили начало освоению степей Минусинской котловины, межгорной впадины с увалисто-равнинным рельефом. Однако в 1610 г. оба тюркоязычных «народца» вновь отделились от России и проход на Тубу казакам был «заказан». С этого времени в Томске начали накапливаться сведения о территориях с разноплеменным населением, лежащих к югу и востоку от него. В челобитной томских служилых людей около 1616 г. в перечне названий «великих орд», прилегающих к Томску и нападающих на поселенцев, упоминаются «черные и белые колмаки [калмыки], и киргизские люди [енисейские кыргызы], и маты, и братья [буряты], и саянцы, и тубинцы, и кучегуты [?], и багасары [басагары], и кызылы [кызыльцы]¹...». Итак, уже в первой четверти XVII в. русские завладели всеми важнейшими речными путями и волоками, ведущими от Оби на Енисей, и ознакомились с течением Енисея на протяжении более 2 500 км.

¹ Енисейские кыргызы, багасары и кызыльцы — тюркоязычные группы, вошедшие в состав хакасов.

ОТКРЫТИЕ РУССКИМИ СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Первые морские походы к Енисею и полуострову Таймыр

В первые годы XVII в. русские знали не только устье Енисея и Енисейский залив, но и р. Пяси́ну на п-ове Таймыр. Об открытии устья Енисея голландец *Исаак Масса*, живший по торговым делам в Москве в 1601—1609 гг., рассказывает, что «во время смуты» по распоряжению сибирского воеводы «при участии многих жителей Сибири» были организованы два похода. Сведения об одном, сухопутном, предпринятом на восток, за Енисей, не позднее 1604 г., очень сбивчивы, его достижения неясны. Есть, правда, предположение, что 700 его участников форсировали Енисей в низовье и прошли по равнине до р. Пясины, положив начало открытию русскими «земли Пяси́ды», т. е. западной части крупной Северо-Сибирской низменности.

Рассказ о другом походе, направленном воеводой на север, не вызывает сомнений, тем более что он подтверждается картой Сибири, составленной И. Массой в 1612 г. «Особые крытые лодки [кочи]¹, капитаном которых был назначен некий *Лука*», ранней весной 1605 г. (?) начали сплав по Оби. Летом они вышли из Обской губы в море, повернули на восток, прошли мимо Гыданской губы, не заметив ее: на карте Массы она не показана, но видели два безымянных острова (Олений и Сибирякова) у входа в Енисейский залив. Флотилия *Луки* не только входила в Енисей, но и продвинулась дальше на восток, за о. Сибирякова, и открыла устье и низовье р. Пейсиды (Пясины) на п-ове Таймыр. Другому отряду, направленному воеводой сухим путем, возможно уже известной дорогой на Мангазею и далее к устью Турухана, предписывалось оставаться «у реки [Енисея], пока не придут лодки», с наказом вернуться через год, если они не дождутся флотилии *Луки*. Отряд *Луки* получил от воеводы задание «тщательно изучить берег и все то, что они найдут на нем достойным исследования. Они сделали то, что им было приказано», и даже больше: люди из

¹ В XVI—XVII вв. русские кочи были двух видов — большие и малые. Большой морской коч имел до 19 м в длину, 5—6 м в ширину, 90 т водоизмещения. На верхней палубе размещались две лодки.

туда могли бесконтрольно приходить для контрабандной скупки пушнины не только русские, но и иностранные торговые люди: «А падет-де Енисей в морскую губу Студеного моря, которым ходят немцы из своих земель кораблями ко Архангельскому устью». Это сообщение очень встревожило сибирских воевод, и они добились запрещения «морского хода» в Мангазею. В 1619 г. царским указом «Мангазейский морской ход» был запрещен под страхом смертной казни, чтобы «немецкие люди [иностранцы] от Пустозерска и от Архангельского города в Мангазею дороги не узнали и в Мангазею не ездили».

Открытие морского прохода к северу от Таймыра

После плавания Н. Курочкина неизвестные полярные мореходы, продолжая поступательное движение русских вдоль «матерого» побережья Северной Азии, достигли залива Миддендорфа (у 93° в. д.) и открыли 300 км берега, которому позже было присвоено имя *Харитона Лаптева*¹.

В 1940—1941 гг. советская гидрографическая экспедиция на судне «Норд» на северном острове из группы Фаддея (у 108° в. д.) наткнулась на обломки лодки, старинные вещи, в том числе пищаль и огнеприпасы, медные котлы, нателные кресты, остатки одежды и обуви русского образца и русские серебряные монеты чеканки не позднее 1617 г. А на берегу бухты Симса (77° с. ш., 106° 50' в. д.) гидрографы нашли останки по крайней мере трех человек, развалины избы, обрывок документа — жалованной грамоты, большое количество личных вещей, в том числе два именных ножа, комки меха песца и соболя, навигационные приборы и русские старинные монеты. Всего на острове и у залива Симса после раскопок 1945 г. найдено около 3 500 монет. В результате внимательного исследования удалось установить имена владельцев, вырезанные на ножах: *Акакий* и *Иван Муромцы*, т. е. выходцы из муромского села Карачарова². Не исключено, что они принадлежали к очень богатой семье *Пахомовых-Глотовых*, сведения о которых дошли до наших дней, и первыми из муромских крестьян стали заниматься пушной торговлей.

Найденный вещевой материал позволил подавляющему большинству исследователей и историков открытий сделать вывод о том, что это была русская торгово-промышленная экспедиция первой четверти XVII в. (1615—1625 гг.) и шла она с запада, так как в то время промышленники по восточносибирским рекам еще не достигли моря Лаптевых. Эта версия во втором издании «Очерков...» (с. 250) изложена так: около 1620 г. человек десять неизвестных русских мореходов, двигаясь, вероятно, на одном коче на

¹ В 1741 г. Х. Лаптев на этом побережье нашел остатки костров.

² Из этого же села, как известно, происходил русский былинный богатырь *Илья Муромец*.

восток, прошли через* Карское море и преодолели самый трудный участок Северного морского пути, обогнув северную оконечность Азиатского материка. Приблизительно в 100 км к юго-востоку от мыса Челюскин они остановились на зимовку на берегу бухты Симса и из плавника построили избу. По крайней мере трое, среди них одна женщина из народностей энцев, погибли во время зимовки. Летом часть зимовщиков перешла на лодке на северный остров группы Фаддея (к востоку от бухты Симса) и, по всей вероятности, тоже погибла.

С. В. Обручев, поддерживавший «западную» версию, считал, что для большей части зимовщиков экспедиция закончилась не столь трагически. В ноябре, с первым снегом, захватив все оружие, кроме одной пищали, луки со стрелами, пулелейки, рыболовные снасти, от залива Симса они двинулись на юг, вышли в жилые места и в конце концов добрались до Мангазеи.

В 1975 г. советский географ В. А. Троицкий, опираясь на результаты своих раскопок летом 1971 г. и опубликованные труды XVII в., предложил другую, «восточную» версию. В ее пользу говорят следующие главные факты: отсутствие среди найденных вещей предметов, предназначенных «для развертывания торгово-промышленной деятельности», большое количество пушнины, «остатки которой даже спустя триста лет показались нашедшим ее целым складом», наличие на этом складе множества собольих мехов, сходство комплектов предметов, обнаруженных в обоих пунктах находок, сообщение голландского географа *Николаса Витсена* о плавании к Таймыру с востока. Согласно В. А. Троицкому, в 40-х гг. XVII в. экспедиция на двух кочах вышла в море с грузом пушной казны, собранной в бассейне р. Лены, и продвинулась на запад до о-вов Фаддея и залива Симса; в этих пунктах потерпели крушение один за другим оба коча. Оставшиеся в живых мореходы двинулись на юг, пересекли «Ледяные горы» (Бырранга) и видели на востоке море Лаптевых, а на западе озеро Таймыр, принятое ими за море. Ныне более обоснованной выглядит «восточная» версия.

Землепроходец Пянда и открытие Лены

Среди «гулящих людей» в Мангазее около 1619 г. выделился *Пянда*, владевший неведомо откуда добытыми средствами. («Пянда», конечно, не фамилия, а прозвище»¹.) Прибыл он из Енисейского острога. Собрав небольшую группу гулящих людей, 40 человек, Пянда перешел с ней «на промыслы», т. е. для скупки пушнины,

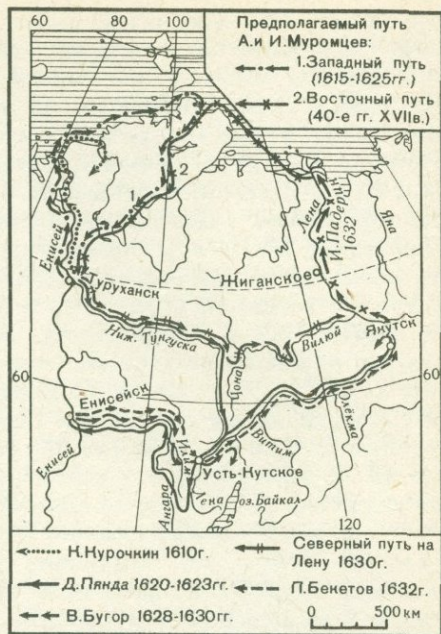
¹ Опушка подола самоедской малицы — оленьей рубахи глухого покроя, шерстью внутрь, — пушилась на подоле для красоты разноцветным собачьим мехом; такая опушка называлась пяндой. Ныне документально доказано, что в Якутии промышляло два человека с таким прозвищем: *Пянда Софонов* по имени *Демид* (1637 г.) и *Пантелей Демидович Пянда* (1643 г.). Великого землепроходца, скорее всего, звали *Демидом Софоновичем Пяндой*.

из Мангазеи в Туруханск, поставленный на нижнем Енисее, против устья Нижней Тунгуски. Коренные жители Енисейского края посещали Туруханск для обмена пушнины на русские товары. Приходили они иногда из очень далеких районов и рассказывали, что к Нижней Тунгуске на востоке подходит другая великая река, на которой живет «много народов», и река та Елюенэ, что по-эвенкийски означает «Большая река», «угодна и обильна». Русские стали называть ее Леной. В то же время в Мангазее и в русских зимовьях на Енисее начали распространяться слухи о другой большой реке к востоку от Енисея. Один слух был записан со слов местного «князьца» (старейшины) в декабре 1619 г.: «...та река великая, а имени он не знает,

а ходят тою рекою суда большие и колокола на них великие есть... и из пушек с тех... судов стреляют...» Это сообщение не могло относиться к Лене, на которой до прихода русских не плавали суда, имеющие на борту пушки, да и вообще не появлялись люди «с огненным боем». Возможно, эти слухи отражали через десятки посредников действительные факты — о плаваниях по Амуру китайских судов.

Вряд ли туруханские промышленники искали на неведомой восточной великой реке встречи с хорошо вооруженными судами, принадлежавшими бог весть какому народу. Но их соблазняли иные рассказы (вполне достоверные) об обильных непочатых охотничьих угодьях, суливших им огромную добычу, в особенности если они первыми придут на р. Лену. Слухи о вооруженных пушками судах предостерегали русских от слишком поспешного похода на юго-восток; надежда на обогащение понуждала к быстрому походу. Этими двумя противоречивыми побуждениями, как мы увидим, объясняются неровные темпы продвижения отряда Пянды.

К 1620 г. Пянда с другими русскими построил несколько строгов и в начале лета двинулся из Туруханска вверх по Нижней Тунгуске. Широкая полноводная река текла в высоких, покрытых лесом берегах, и с севера и юга в нее впадали таежные реки. В двух-трех местах пришлось преодолеть небольшие пороги, но в общем подъем по реке проходил сравнительно быстро, пока русские не достигли района, где долина Нижней Тунгуски суживается и

Пути землепроходцев в 1610—1632 гг.

круто меняет направление на юг. В этом месте, выше устья Илим-пеи, у порогов их задержал затор плавника. Русские думали, что тунгусы нарочно преградили им путь по реке срубленными деревьями. Отряд остановился, то ли опасаясь неожиданного нападения, то ли чтобы заняться скудной пушнины в этой местности, где Нижняя Тунгуска, текущая на северо-запад, сближается с притоком Лены Вилюем, текущим на восток. Так или иначе, но там было поставлено — несколько выше порогов — зимовье, которое еще в середине XVIII в. местные жители называли Нижним Пяндиным. Тунгусы часто совершали на него набеги, но русские легко отражали их «огневым боем».

Летом 1621 г. отряд Пянды лишь на несколько десятков километров поднялся по реке на стругах и немного ниже Средней Кочемы (у 62° с. ш.) построил Верхнее Пяндино зимовье. В 1622 г., когда река вскрылась, отряд Пянды поднялся по ней еще на несколько сот километров (до 58° с. ш.) и здесь в третий раз остановился на зимовку. По одной версии, остановка была вызвана противодействием эвенков; по другой, надеждой на выгодный торг с ними. В районе зимовки Нижняя Тунгуска близко подходит к верхней Лене — это Чечуйский волок (около 20 км). Вероятно, именно тогда Пянда разузнал, что на Лене нет никаких больших судов с колоколами и пушками.

Весной 1623 г. отряд Пянды перетащил на Лену или построил там новые струги и двинулся вниз по реке «за льдом», т. е. сразу же после ледохода. Несколько дней русские плыли на северо-восток между высоких, покрытых лесом берегов. Скалы иногда подходили вплотную к воде, и через эти скалистые «щеки» Лена стремительно несла струги Пянды. Ниже устья большого и полноводного южного притока (Витима) река стала шире, течение спокойнее, и через несколько дней она повернула на восток. Усеянная островами, Лена текла здесь в пологих берегах. Только вдаль, иногда в большом отдалении, виднелись возвышенности. Приняв с юга еще один большой приток (Олёкму), Лена снова изменилась — текла в обрывистых, скалистых, иногда отвесных берегах. На всех участках она была широка и полноводна и по-прежнему усеяна островами. Неизвестно точно, до какого места дошел Пянда, вероятнее всего до того района, где могучая река поворачивает на север, выходит на равнину (Центральнаякутскую), а пойма ее расширяется до 15 км. Эта местность была более населена, чем пройденные ранее области. Здесь среди нового для русских народа — якутов — Пянда не решился оставаться на зимовку с небольшим отрядом. Он повернул обратно, поднялся по реке до Чечуйского волока, но не перешел на Нижнюю Тунгуску, а решил разведать новый путь.

Пянда поднялся по верхней Лене до того пункта, куда еще можно дойти на легких судах (у 54° с. ш.). Там отряд прошел прямо на запад через степи, населенные скотоводами — братами (бурятами), до большой реки (Ангары), текущей прямо на север. В верхнем течении она замерзает очень поздно, обычно во второй половине декабря. Поэтому русские, если они осенью достигли Ангары,

вероятно, близ устья Уды, имели еще время построить новые легкие временные суда — типа западносибирских карбасов — и начать сплав за несколько недель до ледостава. Отряд Пянды плыл вниз по широкой полноводной реке, быстро катившей в крутых тасежных берегах свои воды.

Правобережная полоса была здесь сравнительно обжита — теми же братьями, с которыми русские уже познакомились на верхней Лене. Но чем дальше отряд продвигался на север, вниз по реке, тем безлюднее становилась местность. На участке, где Ангара делает излучину, ниже устья ее большого южного притока (Оки), промышленники с опаской, но благополучно миновали ряд больших пядунов (порогов). За ними течение стало спокойнее, и река круто повернула на запад, к Енисею.

Нижнюю Ангару русские начали посещать — для сбора ясака среди местных эвенков — не позднее 1618 г., когда был основан Енисейский острог; они называли ее Верхней Тунгуской. Пянда встретил здесь ясачные зимовья. Если он и прекратил сплав из-за того, что река стала, а ледостав здесь начинался в ноябре, то мог санным путем добраться до Енисейска, где закончился его поход, еще до начала 1624 г.

За 3,5 года Пянда прошел новыми речными путями около 8 тыс. км и положил начало открытию русскими Восточной Сибири. Он обследовал Нижнюю Тунгуску приблизительно на 2 300 км и доказал, что верховья ее и Лены сближаются, и через открытый им Чечуйский волок русские вскоре начали проникать на Лену. В течение одного лета Пянда прошел вниз и вверх по Лене около 4000 км, причем проследил ее течение на 2 400 км. Он первый указал русским на удобный путь от верхней Лены к Ангаре, и этим путем — в обратном направлении — вышел в 1628 г. от Енисея на верхнюю Лену землепроходец *Василий Ермолаевич Бугор*. Наконец, Пянда был первым русским, проследившим течение Ангара почти на 1 400 км от истока и доказавшим, что она и Верхняя Тунгуска — одна и та же река. Подлинные записки и даже копии показаний Пянды не сохранились. Рассказы о нем собрал в Енисейском крае и Якутии — более чем через сто лет — участник академического отряда Великой Северной экспедиции историк *Г. Миллер*.

Открытие Северо-Сибирской низменности и первые русские на Среднесибирском плоскогорье

В конце первого или начале второго десятилетия XVII в. из Туруханска как основной базы русские начали продвижение на север. Они открыли р. Курейку, еще один крупный правый приток Енисея, севернее обнаружили другой — р. Хантайку — и поставили на ней ясачное зимовье. Опираясь на него, промышленные и служилые люди открыли Хантайское озеро и три более северных — Лама, Кета и Пясино, исток одноименной реки. В горах этого райо-

на они начали добывать руду и выплавлять медь и серебро. Проникновение в «землю Пясиду», т. е. Северо-Сибирскую низменность, осуществлялось медленно из-за сурового климата страны. И все же в поисках новых «землиц» мангазейцы прошли по этой земле на восток близ северного подножия Среднесибирского плоскогорья, обнаружили р. Хета и в 1626 г. на ее слиянии с р. Котуй (близ 72° с. ш.), т. е. там, где начинается р. Хатанга, срубили Пясидское зимовье¹. По долине Котуя промышленные люди поднялись на Среднесибирское плоскогорье с севера, проследив эту составляющую Хатанги на 500 км, и в 1634 г. на богатом рыбой озере Ессей (у $68^{\circ} 30'$ с. ш.) поставили другое ясачное зимовье.

С одного из восточных притоков Пясины, возможно с р. Дудыпты, через короткий волок промышленники перешли на реки системы Таймыры — сначала на Верхнюю Таймыру, а затем, открыв озеро Таймыр, — и на Нижнюю Таймыру. В ее устье, по М. И. Белову, в наше время обнаружены русские старинные избы и предметы обихода.

Почти по пятам Пянды летом 1622 г. из Туруханска на верховья Нижней Тунгуски вышел отряд служилых и промышленных людей, возглавляемый пятидесятником *Григорием Семеновым*. Проводником стал крещеный ненец из Пустозерска *Игнатий Ханептек*, хорошо знавший реку, так как с 1608 по 1621 г. собирал ясак с «народцев», живущих в ее бассейне. Летом 1623 г. отряд добрался до верховьев Нижней Тунгуски и здесь разделился: Семенов с большей частью людей вернулся в Туруханск, а Ханептек в сопровождении нескольких промышленников, воспользовавшись, очевидно, Чечуйским волоком, достиг Лин-реки (Лены). Вниз по ее долине они шли «семь недель наг и голоден» и собрали первый ясак с одного из якутских племен. В Мангазее Ханептек и его спутники вернулись в 1624 г. прежним путем.

Для упрочения царской власти в бассейне Нижней Тунгуски, укрепления положения русских промышленников и прекращения грабежа ясачных людей всю реку до верховья в 1628—1630 гг. с двумя зимовками прошла военная экспедиция *С. Навацкого*.

Подкаменная Тунгуска была открыта енисейским землепроходцем *Поздеем Фирсовым*. Летом 1623 г. он собрал ясак в ее устье, а затем поднялся по реке, преодолев два крупных порога, до р. Чуни, впадающей в нее справа (у 96° в.д.). После стычки с эвенками Фирсов впервые объяснил их и вернулся в Енисейск, проследив около 500 км течения реки. От эвенков он, вероятно, получил сведения о том, что верховья Подкаменной Тунгуски не подходят близко к другим рекам на востоке, т. е. к притокам Лены. Не исключено, что его последователи проверили факт отсутствия волоков, вот почему на Енисее против устья этого притока не возникло значительных пунктов.

¹ Не исключено, что именно из этого зимовья в начале 30-х гг. XVII в. *Иван Елфимов* во главе отряда стрельцов и промышленных людей прошел по долине Хатанги до устья и открыл р. Попигаю.

Походы мангазейцев и енисейцев на Лену

Первый известный нам поход русских северным путем с Енисея на Лену относится к 1630 г., когда *Мартын Васильев* с 30 служилыми людьми от «Новой Мангазеи» поднялся по Нижней Тунгуске до того места, где она сближается с Чоной (у 61° с. ш.), спустился вниз по Чоне до Вилюя, а по нему — до Лены. Путь русских проходил через районы, заселенные эвенками, и только в низовьях Вилюя они встретили первых оседлых якутов и кочевников-долган (народность, говорящая на одном из диалектов якутского языка). Затем Васильев поднялся по Лене до ее среднего течения. Он обнаружил, что Лена в этой части населена гуще, чем известные уже русским районы по Енисею, и что сил у него недостаточно, чтобы покорить якутов. Все же ему удалось кое-как обложить их ясаком: он повез с собой в Москву для государевой казны больше 200 соболей, и на него поступали доносы, что для себя и своих товарищей он утаил более 300 соболей и прочую «мягкую рухлядь». В Москве он обещал привести ленских якутов «под высокую царскую руку», если ему дадут еще 40 человек. Среди енисейцев также начали распространяться самые соблазнительные слухи о ленских богатствах: и лыжи-де тунгусов подбиты иногда соболиными шкурками, и якуты-де отдают торговым людям за медные котлы, особенно ценимые, столько соболей, сколько их вмещается в котле.

Уже с 1619 г. небольшие отряды казаков отправлялись из Енисейска в низовья Ангары для сбора пушнины среди местных эвенков; вскоре они начали подниматься далеко вверх по Ангаре. Во время похода 1628—1630 гг. енисейский служилый человек *Василий Бугор* открыл самый южный путь, ведущий из бассейна Енисея на Лену. Бугор шел с десятью людьми вверх по правому притоку Ангары — Илим — и его притоку Игирме — до того пункта, где она сближается с Кутой, перешел через невысокий водораздел на Куту, а по ней спустился до верхней Лены. В пути к Бугру пристала часть другого отряда (в 30 человек), посланного енисейским воеводой через Илим на Лену же; люди из обоих отрядов договорились о полюбовном дележе добычи. Для дальнейшего сбора ясака Бугор оставил на верхней Лене два поста: в устье Киренги и выше по течению, в устье Куты, т. е. в тех пунктах, где затем построены были остроги Киренск и Усть-Кут.

Летом 1629 г. атаман *Иван Галкин* с отрядом в 33 человека отправился на Илим. Он исследовал судоходные речки у Ленского волока — водораздела между Илимом и Кутой — и поставил зимовье у того пункта на Илеме, выше устья Игирмы, до которого могли доходить речные суда. Этот пункт стали называть Ленским волоком, затем он был переименован в Илимск. В конце 1629 г. на нартах Галкин проник за волок на верхнюю Лену, и его люди сменили временный пост, оставленный Бугром в устье Куты; там было организовано постоянное Усть-Кутское зимовье. Весной 1630 г. на построенных стругах он спустился по Лене до «якольских лю-

дей» (якутов) — вероятно, близ 62° с. ш. — и силой заставил их платить ясак.

По сообщению Галкина, якуты «скотны и конны и людны и доспешны и воисты». Из расспросов их он узнал о том, что долина Алдана, правого крупного притока Лены, густо заселена. И он пошел вверх по Алдану за устье р. Амги примерно на 400 км, потратив на подъем один месяц¹. Алданцы отказались идти «под государеву руку». Галкину вновь пришлось применить силу и захватить жен и детей местных князьков. Присоединив к России новые «землицы» на Алдане, он вернулся на верхнюю Лену и составил первую характеристику реки между устьями Куты и Вилюя на протяжении более 2 000 км. Он перечислил шесть правых крупных притоков — Киренга, Чая, Чичуй (Чуя), Витим («а поперек... с версту»), Олёкма («шириною версты с полторы и больше»), Алдан («поперек версты с две») — и три левых (Ичера, Пеледуй, Вилюй). Он хорошо понимал экономическое значение Якутии для Русского государства.

Осенью 1630 г. на Лену через Усть-Кутское зимовье пришел енисейский сотник *Петр Иванович Бекетов*. С 20 казаками он поднялся по Лене до устья «реки Оны» (Анай, у 107° в. д.?) и открыл более 500 км ее верхнего течения, немного не дойдя до истоков.

Привести «под государеву руку» местных бурят удалось не сразу; казаки, наскоро построив креп, выдержали трехдневную осаду. В этой «землице» для сбора ясака Бекетов оставил девять казаков под командой десятника *Андрея Дубины*, а с остальными спустился до устья Куленги (у 54° с. ш.). Оттуда Бекетов сделал вылазку на запад, в степи Лено-Ангарского плато, где кочевали буряты, но получил такой отпор, что его люди вынуждены были целые сутки скакать на лошадях, захваченных у бурят же, обратно к верхней Лене; остановились они только против устья Тутуры, впадающей в Лену ниже Куленги, где жили дружелюбно относившиеся к русским эвенки. Из этого района казаки вернулись к устью Куты, где и перезимовали. Весной 1631 г. Бекетов с 30 людьми начал сплав по Лене, а вверх по р. Киренге «для прииску новых земель» направил А. Дубину с семьей казаками. Повторив путь Пянды, Бекетов вышел на среднюю Лену и обследовал южную часть гигантской излучины реки. У вершины дуги (близ 130° в. д.) осенью 1632 г. в очень неудобной местности Бекетов поставил Якутский острог, в полуую воду постоянно страдавший от наводнений, и через 10 лет его пришлось перенести на 15 км ниже, туда, где теперь стоит г. Якутск. Но зато этот район, наиболее выдвинутый к востоку, выбран был Бекетовым исключительно удачно, и Якутский острог немедленно стал отправной базой для русских поисковых экспедиций не только не север, к Студеному морю, но и на восток, а позднее и на юг — к р. Шилкару (Амуру) и к Теплому морю (Тихому океану). В конце июня 1632 г. Бекетов на-

¹ Вероятно, первым из русских на Алдане побывал В. Е. Бугор, но не ясно, как далеко он поднялся по реке.

Якутск (рисунок конца XVII в.).

правил «прибыли искать... до устья Ленского и до моря [Лаптевых]... в новые земли» девять казаков под командой *Ивана Падерина*, участника походов А. Дубины в верховья Лены; детали плавания не известны, но И. Падерин стал первым русским, прошедшим почти всю (4 400 км) великую восточносибирскую реку.

В августе 1632 г. Бекетов послал вниз по Лене отряд енисейских казаков во главе с *Алексеем Архиповым*. За полярным кругом, в районе «жиганских тунгусов», они поставили на левом берегу Лены Жиганское зимовье для сбора ясака. А весной 1633 г. другие казаки, посланные Бекетовым, пытались вместе с промышленниками пройти на судне по Вилюю, с тем чтобы обложить ясаком эвенков на р. Мархе, его северном крупном притоке. Енисейцы хотели, таким образом, проникнуть в те «ленские земли», на которые претендовали мангазейцы по праву первого открытия, но попытка эта была неудачна. В устье Вилюя они встретились с мангазейским отрядом *Степана Корытова*, прибывшим туда путем, проложенным *Мартыном Васильевым*. Корытов захватил судно енисейцев, а их самих привлек на свою сторону, обещав долю добычи. Часть своего, теперь усилившегося, отряда он повел вверх по Лене до устья Алдана и стал первым (1633 г.) из известных нам землепроходцев, который поднялся по его западному притоку Амге. Между Амгой и Леной жили якуты, частично обложенные уже ясаком людьми Бекетова из Якутского острога. Корытов потребовал, чтобы они и ему платили ясак. Но якуты перебили отпавленных к ним пятерых казаков и решили больше никому не платить дань.

В разных местах края жители стали оказывать сопротивление, вызванное двойными поборами. В январе 1634 г. большой отряд (до 1000 человек якутов) осадил Якутский острог, где в то время уже скопилось около 200 казаков, промышленных и торговых людей, привлеченных надеждами на богатую добычу. От осады якуты, непривычные к военным действиям, скоро отказались. Часть их ушла в отдаленные местности, оставшиеся продолжали оказывать сопротивление. В погоне за одними, в борьбе с другими русские обошли в разных направлениях бассейн средней Лены и ознакомились с ним. У устья Олёкмы в 1635 г. Бекетов поставил острог и из него ходил «для ясачного сбора» по Олёкке и ее главному притоку Чаре, а также по Большому Патому и Витиму и первый побывал у северных и западных окраин Патомского нагорья.

Открытие Восточносибирских рек от Анабара до Колымы

Летом 1633 г. отряд енисейцев пятидесятника *Ильи Перфильева* (более 100 человек) с участием *Ивана Ивановича Реброва* (*Роброва*)¹ не только спустился по Лене до устья, но даже выходил в море, где казаки временно разделились. Ребров на коче пошел на запад одной из ленских протоков, скорее всего Оленёкской, открыл Оленёкский залив и не ранее августа 1634 г. обнаружил устье Оленька. Отряд поднялся по реке, не выяснено, правда, до какого пункта, и более трех лет собирал ясак с эвенков, живших в долине.

И. Перфильев же по Быковской протоке на коче вышел в бухту Буор-Хая и двинулся прямо на восток. Обогнув мыс (Буор-Хая), он открыл широкий Янский залив и не ранее 1634 г. обнаружил устье Яны. Осенью 1635 г. Перфильев поднялся до ее верховьев, положив начало открытию Яно-Индигирской низменности, и основал г. Верхоянск. В низовьях он встретил ранее не известный русским народ юкагиров², а в верхнем течении собрал ясак с янских якутов.

В сентябре 1637 г. на Яну прибыл И. Ребров и присоединился к отряду Перфильева. Летом 1638 г., возвращаясь на Лену, Перфильев направил Реброва далее на восток и тот к осени завершил открытие Янского залива, первым прошел проливом Дмитрия Лаптева и плавал в Восточно-Сибирском море. Ребров обнаружил устье какой-то реки (Индигирки); еще одним его достижением было открытие почти 900 км побережья Азии между устьями Яны и Индигирки. Ребров поднялся по Индигирке на 600 км и у устья Уяндины, пересекающей Абыйскую низменность, поставил зимовье. Он провел там более двух лет и вернулся на Лену летом 1641 г.

В 1636 г. десятник *Елисей Юрьевич Буза*, набрав в долг припасов на большую сумму, с отрядом в 10 человек отправился из

¹ Он принимал участие в походе С. Корытова на р. Амгу.

² Юкагиры — народность охотников и оленеводов, говорящих на юкагирском языке — одном из палеоазиатских языков.

Енисейска по Ангаре на нижнюю Лену. К ледоставу он от Усть-Кута добрался только до устья Олёкмы. В Олёкминске, основанном в 1635 г., на зимовку собралось много промышленников. Весной 1637 г., когда Лена вскрылась, к Бузе присоединилось 40 «охочих людей». С отрядом в 50 человек он спустился по Лене, вышел в море западным рукавом дельты и через день вошел в устье Оленька. Там Буза встретил кочевых эвенков, поднялся по реке более чем на 500 км и обложил их ясаком. На Оленьке он построил зимовье, а весной 1638 г. на оленях вернулся на нижнюю Лену, к устью ее левого притока Молодо, верховья которого у 121° в. д. близко подходят к Оленьку. Сведения о его дальнейших походах противоречивы. По одной версии (*И. Фишер*), Буза, построив на Лене (примерно у 70° с. ш.) два коча, летом 1638 г. снова вышел на них в море, на этот раз восточным рукавом дельты Лены и пять дней при попутном ветре плыл на восток вдоль берега в поисках таинственной «Ламы-реки»¹. Он обогнул мыс Буор-Хая, вышел в Янский залив и достиг устья Яны (Янга). Три недели поднимался Буза с товарищами вверх по реке; сначала он встретил только редкие кочевья эвенков, потом добрался до якутов и объясачил их. Он собрал много соболей и другой «мягкой рухляди» и перезимовал среди якутов.

В следующем году Буза — уже на четырех кочах, построенных во время зимовки, — завершил открытие Янского залива: из устья Яны он прошел на восток, до «великого озера» — обширной бухты у 138° в. д., огражденной со стороны моря о. Ярок, в которую впадает р. Чондон. Буза встретил здесь юкагиров, сыгравших в дальнейшем большую роль в продвижении русских на северо-восток Азии, а позднее, в конце XVII в., — и на Камчатку. Посредником между юкагирами и пришельцами был местный шаман, вероятно подкупленный Бузой. Юкагиры без всякого сопротивления согласились уплатить ясак и не мешали Бузе, когда он начал строить в их стане зимовье. Буза прожил там не менее двух лет и в 1642 г. вернулся в Якутск.

По другой версии (*Н. Оглоблин*), Буза вышел на восток из Ленского устья летом 1637 г., но не дошел морем до устья Яны, а только до устья Омолой, впадающей в губу Буор-Хая, где его «замороз взял». Тогда он с товарищами, «поделав нарты, собою поднялись, и что было своего заводишку, сетей и товаришку, и то все тут пометали для нужного нартного пути», т. е. пошли налегке. От устья Омолой они шли восемь недель «через Камень до Янские вершины», т. е. через хребет Кулар до верхней Яны, куда прибыли в сентябре 1637 г. Так или иначе, во время своих пяти-или шестилетних странствований Буза прошел почти всю Лену, кроме ее верхнего участка, выше устья Куты, и открыл р. Омолой и хребет Кулар.

¹ «Лама» — искаженное эвенкийское слово «ламу» — море; «Лама-река» — морская река. Этот термин часто встречается в источниках XVII в. для обозначения рек, впадающих в Студеное и Теплое моря. В первой половине XVII в. русские предполагали, что за Леной течет очень большая «Лама-река», берущая начало в Китае.

Одновременно с Елисеём Бузой, т. е. весной 1637 г., отряд конных казаков в 30 человек под командой *Посника Иванова Губаря*¹ сухим путем из Якутска за четыре недели прошел к верховьям Яны, перевалив «Камень» — Верхоянский хребет, отделяющий бассейн Лены от Яны. Затем, следуя вниз по долине Яны, Посник двинулся на север и, вероятно, не доходя Верхоянского зимовья, только что основанного Ильей Перфильевым, встретил первые якутские поселения. Местные якуты не оказали казакам никакого сопротивления и дали ясак соболями. На Яне русские собрали некоторые сведения о восточных «землицах» и «людишках», а именно: об «Юкагирской земле, людной на Индирь-реке». Вверх по р. Одучей (Адыче), правому притоку Яны, для сбора дани Посник направил отряд под командой *Ивана Родионова Ерастова (Велькова)*. Тот побывал и на ее крупном левом притоке Бурлак (Борулах), т. е. первый проник на Янское плоскогорье.

Летом 1637 г. Посник продолжил конный поход. Продвигаясь на восток по р. Туостях (правый приток Яны), казаки захватили четырех юкагиров, и те не позже ноября 1637 г. довели их до «Индигирской реки рыбной». Весь путь от Яны до Индигирки через «Камень», т. е. хребет Черского, отнял также четыре недели. Юкагиры пытались дать отпор русским. Они никогда раньше не видели лошадей и при нападении стремились перебить их, так как, по словам казаков, полагали, что они гораздо опаснее людей. Победили русские и, взяв у юкагиров двух заложников, поставили первое зимовье на Индигирке, спешно построили лодки и двинулись вверх по реке, собирая ясак с юкагиров. Вернувшись в зимовье и оставив 16 человек, Посник Иванов двинулся в обратный путь. В Якутске он рассказал о новой, богатой соболями Юкагирской земле, об «Индигирь-реке, в которую многие реки впадают, а по всем тем рекам живут многие пешие и оленные люди», а также принес первые сведения о р. Колыме и другой р. Погыче, расположенной к востоку (р. Анадырь).

В мае 1638 г. Посник Иванов вторично двинулся через «Камень», возглавляя большой отряд казаков. В Верхоянском хребте он собрал первый ясак с нового «народца» — ламутов². На Яне, ввязавшись в междоусобную войну между юкагирами и якутами, русские наложили дань на обе враждующие стороны. В 1639 г. Посник вновь перешел на Индигирку через хребет и, оставив на зимовку 17 казаков, с собранными соболями — царскими и казачьими — вернулся на Лену тем же путем, до конца XVII в. служившим главной сухопутной трассой с Лены на среднюю Индигирку.

Индигирские зимовщики под начальством И. Ерастова летом 1640 г. двинулись вниз по реке и покорили юкагиров средней Индигирки. На следующее лето Ерастов прошел до устья реки. От плен-

¹ Во втором издании «Очерков...» (с. 255) честь открытия верхней Яны ошибочно приписана *Селивану Харитонову* — в отряде Посника Иванова он служил рядовым казаком.

² Ныне их называют эвенками; по происхождению и культуре они близки эвенкам.

ного «князьца» он проведаль про восточную р. Алазею, где тоже жили юкагиры, и морем перешел к ее устью. Это было второе (после Реброва), бесспорно доказанное плавание русских в Восточно-Сибирское море. На Алазее русские, кроме юкагиров, встретили новый, еще не известный им народ — оленных чукчей¹. Ерастов поднялся по Алазее до границы леса (у 69° с. ш.) и провел зиму в построенном зимовье. В июне 1642 г., после ледохода, часть казаков с собранным ясаком он отправил на коче вниз по реке, а с остальными проследовал в верховья Алазеи для взимания дани с новых лесных юкагиров, живущих, как он выяснил, «у Камени», т. е. близ Алазейского плоскогорья. Уже глубокой осенью на оленях Ерастов перешел с верхней Алазеи, проследив ее почти по всей длине (1 590 км), в бассейн Индигирки, где провел другую зиму, а летом 1643 г. морем доставил ясак в Ленский острог. Еще одним географическим результатом его походов, кроме отмеченных, было открытие Колымской низменности.

Зимой 1641 г. из Якутска на восток, к верховьям Индигирки — на Оймякон, где жили якуты и эвенки, — на конях был отправлен отряд служилого человека *Михаила Васильевича Стадухина*; среди 15 казаков находился *Фтор Гаврилов*, возможно, в качестве его помощника. Новым путем — по правому притоку Алдана, через «Камень» (северная часть хребта Сунтар-Хаята) — с помощью вожей русские попали в бассейн Индигирки и по одному из ее левых притоков пересекли Оймяконское плоскогорье. На верхнюю Индигирку, потратив на дорогу более двух месяцев, они вышли в районе будущего поселка Оймякон². Здесь они встретили отряд казаков, поднявшихся со среднего течения, поставили зимовье и занялись сбором ясака. От окрестных якутов М. Стадухин и Ф. Гаврилов узнали, что в верховьях Индигирки «...пашенных мест, ни дубравных, ни луговых травных нет, все согры [тайга, плохой лесок, болотистая равнина с ельником] да болото, да камень. А в реке рыбы нет, ни зверя...» Они выяснили также, что за южным хребтом на юг, к морю, течет река Охота. На это (Охотское) море М. Стадухин отправил отряд *Андрея Горелого* (см. гл. 26), а сам с Ф. Гавриловым и остальными казаками спустился на построенном коче до Северного полярного круга и обследовал низовья р. Момы, текущей в широкой межгорной долине, богатой зверем и рыбой и изобилующей порогами. Затем отряд спустился к устью Индигирки и осенью 1642 г. достиг р. Алазеи, где присоединился к казакам *Дмитрия Михайловича Зыряна*, пришедшим туда несколькими месяцами ранее.

В конце июня 1643 г. объединенный отряд вновь вышел в море и примерно 13 июля добрался до устья большой реки Ковыми (Колымы). Во время двухнедельного морского похода, в результате которого были открыты 500 км побережья Северной Азии и Колым-

¹ Самоназвание тундровых чукчей-оленьеводов — чавчу, т. е. олений: их язык относят к семейству палеоазиатских языков.

² Этот район долгое время считался полюсом холода планеты; ныне — самая холодная область северного полушария.

ский залив, М. Стадухин, как ему казалось, видел «по левую руку», т. е. на севере, «горы снежные и пади и ручьи знатны все». Он думал, что перед ним южный берег огромного острова, вытянувшегося от устья Лены далеко на восток, за Колыму: «Идучи из Лены от Святого Носу и к Яне-реке и от Яны к Собачьей, Индигирка тож, и от Индигирки к Ковыме-реке едучи, и гораздо тот остров в виду». М. Стадухин связал таким образом смутные сведения землепроходцев об островах против устья Колымы с собственными наблюдениями. Возможно, что он действительно видел один из Медвежьих о-вов, самый близкий к материку — Крестовский. Кроме того, женщина-юкагирка, жившая несколько лет среди чукчей, рассказывала, что на пути к Колыме есть остров, куда местные чукчи зимой переходят на оленях в один день.

Так сложилась географическая легенда о великом острове на Ледовитом океане против берегов Восточной Сибири. Этой легенде верили более ста лет после плавания М. Стадухина. Действительно существующие, расположенные против устьев недалеко от материка острова и миражи невольно сливались в представлении мореходов в один гигантский остров. Они своими глазами видели в разных местах Студеного моря, восточнее Лены, «горы», т. е. высокие холмы, казавшиеся горами по сравнению с низменным материковым берегом. Эта легенда «подтверждалась» неправильно истолкованными рассказами береговых жителей, посещавших некоторые острова. Русские надеялись найти на этом «великом острове» и ценную «мягкую рухлядь» (песцы), и ценную «заморскую кость» — бивни мамонтов, и «корги» (косы) с богатейшими лежбищами «зверья-моржа», дающего не менее ценные «заморный зуб», или «рыбий зуб», — моржовые клыки.

Русские поднялись по Колыме на кочах и через 12 дней плавания, открыв восточную окраину Колымской низменности, высадились на берег. До осени 1643 г. на средней Колыме они поставили первое русское зимовье для сбора ясака. А на следующий год в низовьях Колымы, где жили юкагиры, против устья ее притока — Большого Аняя, срубили другое зимовье — Нижнеколымск. Теперь уже этот пункт стал отправной базой для дальнейшего продвижения русских: морем — еще дальше на восток, а по рекам системы Колымы — на юг, к Ламскому (Охотскому) морю. М. Стадухин вернулся в Якутск в конце 1645 г. и сообщил первые сведения о р. Колыме: «А Колыма... река велика, есть с Лену... идет в море, также, что и Лена, под тот же ветер, под восток и под север. А по... Колыме-реке живут иноземцы... оленные и пешие, сидячие многие люди, и язык у них свой».

Вскоре землепроходцы проведали и освоили значительно более короткий путь на Колыму. Он начинался на средней Индигирке напротив Уядинского зимовья, в устье Падерихи¹ (на наших кар-

¹ По Б. П. Полевому (1974 г.) р. Падериха названа по имени землепроходца Никиты Падеры, а р. Ожогина — в честь убитого на ней в 1646 г. Ивана Игнатовича Ожоги (Ожеги).

тах Бадериха, правый приток), шел до ее верхнего течения, затем по ее правому притоку к истокам и через очень короткий волок переходил на верховья р. Ожогины, впадающей в Колыму слева южнее полярного круга. Иными словами, русские открыли длинную и узкую низменность Ожогинский дол и почти все северные склоны Момского хребта.

Итак, приблизительно через 20 лет после похода Пянды русские открыли большую часть бассейна Лены, проследили почти все ее течение от верховьев до устья, открыли рр. Яну, Индигирку и продвинулись на восток до Колымы. С открытием водного пути по Алдану передовые отряды землепроходцев уже приближались к водораздельным хребтам, отделяющим бассейн Лены от рек Тихоокеанского бассейна. Русские обошли почти все южное побережье моря Лаптевых, за исключением небольшого участка между Хатангским заливом и устьем р. Оленёк. Первым в этот район проник летом 1643 г. казачий десятник *Василий Сычов*. От Туруханска с отрядом он прошел на верхнюю Пясику, оттуда на Хету, по ней и Хатанге спустился к заливу и, скорее всего, сухим путем вышел на среднее течение р. Анабар. Он собирал ясак «в новой земле» и в верховьях реки до лета 1648 г. и вышел к устью реки, где встретил пришедшего ему «на перемену» *Якова Семенова* с партией стрельцов. Вместе они вернулись к зимовью и весь остаток года, а также зиму и весну 1649 г., передвигаясь на нартах и лыжах, потратили на поиски неясачных эвенков, поднимались по р. Удже, правому притоку Анабара, и по р. Уэле, причем открыли Оленьский хребет (хребет Прончищева) и ряд мелких «сторонних рек», т. е. завершили открытие Северо-Сибирской низменности. Поиски не увенчались успехом, и в середине мая 1649 г. землепроходцы перешли с р. Анабар на среднее течение р. Попигай (у 72° с. ш.). Здесь они что-то не поделили и разошлись — Сычов спустился к устью Попигаия, а Семенов вернулся на Анабар. К этому времени — не позднее 1648 г. — с востока к Анабару морем от р. Оленёк прошли и «енисейцы».

Первые русские в Забайкалье и на Байкале

В Забайкалье русские проникли впервые с севера, с р. Лены. В 1638 г. для «проведывания новых земель» по р. Витим был направлен М. Перфильев с партией служилых и промышленных людей (36 человек). Он поднялся по реке на лодках бечевою, перезимовал в пути, а на другое лето добрался до устья р. Ципы, (у $55^{\circ} 30'$ в. д.), берущей начало из озера Баунт, проследив около 1000 км течения Витима, т. е. впервые пересек Становое нагорье и достиг Витимского плоскогорья. От местных эвенков он собрал первые сведения о даурах, живущих на реке Шилкар (Шилке), где добываются медная и серебряная руды. От этих рудников пять-шесть дней ходу «до устья реки, а сие устье [река Амур] простирается до моря...», на ней живут «многие даурские пашенные

люди». Дауры обменивают серебро и шелковые ткани на соболей у эвенкского князька, обитающего на р. Карге (Каренге), впадающей в Витим в 150 км выше р. Ципы, а до дауров ходу на юг «через Камень» три-четыре дня. По возвращении М. Перфильев составил карту Витима, которой пользовались до середины XIX в.

В начале 40-х гг. XVII в. русские, зимовавшие на верхней Лене, в устье р. Илги (у 55° с. ш.), собрали от местных бурят первые сведения об озере Байкал (Лама), вода в котором «стоячая и пресная, а рыба... всякая и зверь морской», об истоках Лены «из ключей» близ Байкала и о богатстве прибайкальских районов серебряной рудой. Со слов одного князька они выяснили, что летом 1640 г. ходили «по Ламе в судах русские люди...», но, откуда пришли и долго ли были, он не знал. Впервые в бассейне средней и верхней Киренги, правого притока Лены, побывал казак *Кондратий Ларионович Мясин*. По первому снегу в октябре 1640 г. на оленях он перешел у 56° с. ш. «Камень» (Ленско-Ангарское плато) и собрал ясак с эвенков, обитавших в долинах левых притоков средней Киренги. В начале 1641 г. с верховья Лены он проник к истокам Киренги, собрал «соболиную» дань и принес первые известия о «Ламском хребте»¹, из которого начинаются обе эти реки.

Летом 1643 г. один из зимовщиков — казачий пятидесятник *Курбат Афанасьевич Иванов* — первый проведя путь от верхней Лены на Байкал. В его отряде, насчитывавшем 74 человека, кроме казаков, было также несколько промышленных и охотчих «гулящих» людей. От устья Куленги в июле он достиг западного берега озера и у 53° с. ш. за Малым морем (залив Байкала) открыл о. Ольхон. Засевшие «в осаде в Камене» буряты встретили русских стрелами. Казаки ответили «огневым боем» и многих убили, остальные сдались в плен. На построенных судах К. Иванов направил партию *Семена Скорохода* (36 человек) вдоль северного берега озера. Тот достиг северной оконечности Байкала и обнаружил устье Верхней Ангары, где поставил зимовье. В конце 1643 г. с половиной отряда он прошел по льду почти до р. Баргузин и со всеми спутниками погиб в бою с бурятами. Итогом его похода стало открытие более 600 км побережья Байкала и Баргузинского хребта. Казаки, оставшиеся на Верхней Ангаре, просидев в осаде почти полгода, сумели вырваться и добрались до Братского острога летом 1644 г.

Между тем Иванов, опираясь на о. Ольхон как базу, объяснял прибайкальских бурят и к середине сентября составил «чертеж Байкалу и в Байкал падучим рекам и землицам». Но где ему удалось побывать, не ясно, так как его карта утеряна. До весны 1645 г. он собрал еще ряд сведений о Прибайкалье и составил новую карту верхней Лены и Байкала.

Приблизительно в то же время из Енисейска на Байкал «для прииску серебра» отправились 100 человек под командой атамана *Василия Колесникова*. В конце 1643 г. он подошел к северному берегу озера и перезимовал в остроге, поставленном близ истока

¹ Лишь в XIX в. здесь стали выделять два хребта — Приморский и Байкальский.

Ангары. Летом 1644 г. он прошел путем С. Скорохода до Верхней Ангары, на месте зимовья срубил острог и добился от прибайкальских эвенков уплаты ясака. Из острога, вероятно, в следующем, 1645 г. «для прииску и приводу новых земель» в Забайкалье он отправил *Константина Ивановича Москвитина* с тремя спутниками. По льду озера на нартах под парусом они достигли Баргузинского култука (залива), а затем прошли вверх по долине Баргузина. Вожи повели казаков через «большой Камень» — Икатский хребет — на восток. В горах лежал глубокий, более 2 м снег и дорогу пришлось пробивать топорами. Выйдя к истокам Витима, К. Москвитин повернул на юг и через «места худые и топкие» в районе Еравнинских озер достиг истоков Уды, а по ней и Селенги. Поиски серебряной руды не увенчались успехом. В Монголию К. Москвитин не пустили, но он узнал о «многолюдной реке Оне» (Онон), до которой шесть дней езды; по ней в стругах за шесть дней можно добраться до Шилки; река эта велика; живут там оседлые люди, родится у них хлеб и овощи. «А Шилка пошла в Студеное море».

На помощь В. Колесникову, от которого в Енисейск не поступало никаких известий, на Байкал по Ангаре в конце мая 1647 г. вышел сын боярский *Иван Похабов*¹ во главе отряда в 100 человек. Он прошел вдоль западного и южного берегов озера и прибыл на Селенгу, причем по пути имел многочисленные столкновения с бурятами. На нижней Селенге и Уде казаки потребовали уплаты ясака, но жители, естественно, отказывались платить вторично. Они стали объединяться в большие отряды и сражаться с русскими; борьба затянулась до 1655 г., и только тогда разоренные войной буряты сложили оружие. Вернувшись на Байкал, Похабов поставил острог в Култуке, в юго-западной части озера.

В следующем, 1648 г. отряд Ивана Галкина прошел вдоль восточного берега Байкала к р. Баргузину и примерно в 50 км от ее устья летом заложил Баргузинский острог, ставший основной базой для дальнейшего продвижения русских в Забайкалье. В 1649 г. Галкин собрал дань с эвенков, живших по притокам верхнего Витима и в районе Еравнинских озер. Он сам, а скорее его посланцы побывали в долине Муи, левого притока среднего Витима. Несколько казаков, направленных Галкиным на восток от Еравнинских озер, перевалили Яблоновый хребет и вышли на р. Шилку, но голод заставил их вернуться (1650 г.). К этому времени у русских накопились расспросные данные об огромной р. Шилке-Шилкаре (Амуре), текущей на восток и впадающей в неведомое море. На Байкале и в Забайкалье русские окончательно укрепились несколько позднее, с основанием Иркутска².

¹ В 1644 г. он первый с 30 «охотчими» людьми побывал на нижней Селенге и собрал ясак, иногда далеко не мирным способом.

² Сначала (в 1652 г.) на островке Дьячий, близ устья Иркуты (левый приток Ангары), И. Похабов построил ясачное зимовье. Затем (в 1661 г.) на правом берегу Ангары, против устья Иркуты, был поставлен острог, вскоре преобразованный в г. Иркутск. В XVIII в. он стал центром русского господства в Восточной Сибири.

ОТКРЫТИЕ ОХОТСКОГО МОРЯ, БАССЕЙНА АМУРА И ПРОХОДА ИЗ ЛЕДОВИТОГО В ТИХИЙ ОКЕАН

Поход Ивана Москвитина к Охотскому морю

Из Якутска в 30-х годах XVII в. русские двигались в поисках «новых земель» не только на юг и на север — вверх и вниз по Лене, но и прямо на восток, отчасти под влиянием смутных слухов, что там, на востоке, простирается Теплое море. Кратчайший путь через горы от Якутска к Тихому океану нашла группа казаков из отряда томского атамана *Дмитрия Епифановича Копылова*. В 1637 г. он проследовал из Томска через Якутск на восток. Речным путем, уже разведанным землепроходцами, его отряд весной 1638 г. спустился по Лене до Алдана и пять недель на шестах и бечевою поднимался по этой реке — на сто верст выше устья Май, правого притока Алдана. Остановившись на Алдане, Копылов 28 июля поставил Бутальское зимовье. От шамана с верхнего Алдана через переводчика *Семена Петрова* по кличке *Чистой*, взятого из Якутска, он узнал о реке «Чиркол или Шилкор», протекающей южнее, недалеко за хребтом; на этой реке живет-де много «сиделых», т. е. оседлых людей, занимающихся хлебопашеством и животноводством. Речь, несомненно, шла о р. Амуре. И позднее осенью 1638 г. к верховьям Алдана Копылов отправил партию казаков с задачей разыскать «Чиркол», но голод заставил их вернуться. В мае 1639 г. на разведку пути к «морю-океану» Копылов снарядил, но уже с проводниками-эвенами другую партию — 30 человек во главе с томским казаком *Иваном Юрьевичем Москвитиным*. Среди них был якутский казак *Нехорошко Иванович Колобов*, который, как и Москвитин, представил в январе 1646 г. «скаску» о своей службе в отряде Москвитина — важнейшие документы об открытии Охотского моря; в поход пошел и толмач С. Петров Чистой.

Восемь дней Москвитин спускался по Алдану до устья Май. Приблизительно через 200 км подъема по ней казаки шли на дощанике в основном бечевою, иногда на веслах или шестах — миновали устье р. Юдомы¹ и продолжали двигаться по Мае к верховьям.

¹ В недавно найденной новой отписке Москвитина «Роспись рекам...» перечислены все крупные притоки Май, включая Юдому; последней упоминается «...река подволошная Нюдма [Нюдыми]... и с тое реки переходят на ламские воды...». Этим путем на Охотское море в 1970 г. вышла партия, возглавляемая *В. Тураевым*.

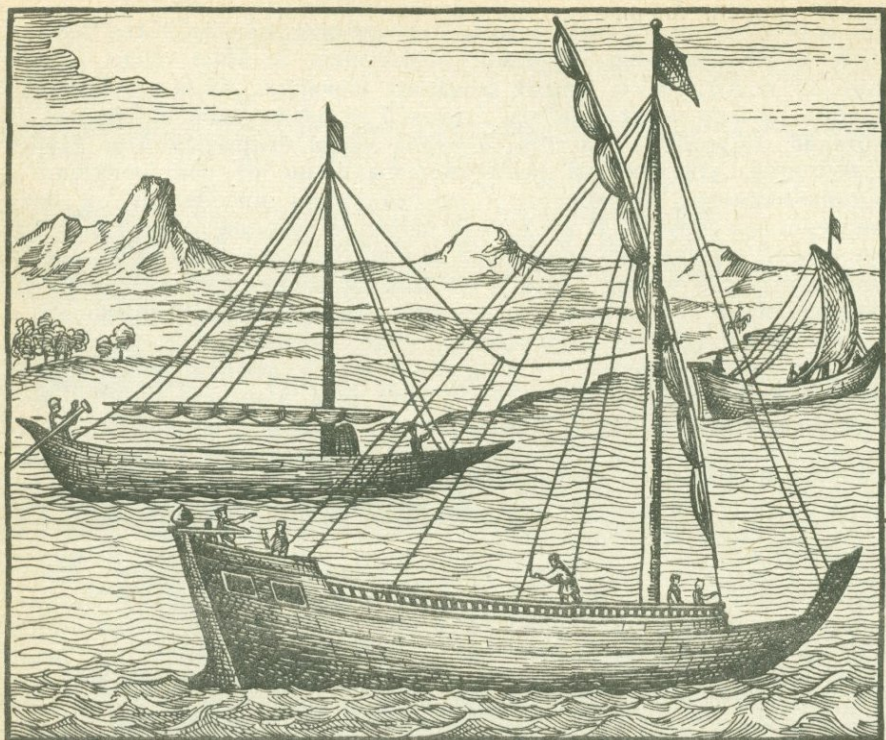
По истечении шести недель пути проводники указали устье небольшой и мелкой реки Нудыми, впадающей в Маю слева (близ 138° 20' в. д.). Здесь, бросив дощаник, вероятно, из-за его большой осадки, казаки построили два струга и за шесть дней поднялись до истоков. Короткий и легкий перевал через открытый ими хребет Джугджур, отделяющий реки системы Лены от рек, текущих к «моря-окияну», Москвитин и его спутники преодолели за день налегке, без стругов. В верховьях речки, делающей большую петлю на север, прежде чем «пасть» в Улью (бассейн Охотского моря), они построили новый струг и на нем за восемь суток спустились до водопадов, о которых, несомненно, предупреждали проводники. Здесь вновь пришлось оставить судно; казаки обошли опасный участок левым берегом и построили байдару, транспортную лодку, вмещавшую 20—30 человек. Через пять дней, в августе 1639 г., Москвитин впервые вышел в Ламское море. Весь путь от устья Май до «моря-окияна» через совершенно еще неизвестную область отряд прошел немногим более чем в два месяца с остановками¹. Так русские на крайнем востоке Азии достигли северо-западной части Тихого океана — Охотского моря.

На Улье, где жили родственные эвенкам ламуты (эвены), Москвитин поставил зимовье. От местных жителей он узнал о сравнительно густонаселенной реке на севере и, не откладывая до весны, выслал 1 октября на речной «посудине» группу казаков (20 человек); через три дня они добрались до этой реки, получившей название Охота — так русские переиначили эвенкское слово «акат», т. е. река. Оттуда казаки прошли морем дальше на восток, обнаружили устья нескольких небольших рек, осмотрев более 500 км северного берега Охотского моря, и открыли Тауйскую губу. В уже упоминавшейся «Росписи рекам...» за Ульей перечислены (названия слегка искажены) рр. Урак, Охота, Кухтуй, Ульбея, Иня и Тауй. Поход на утлом суденышке показал необходимость строительства морского коча. И зимой 1639—1640 гг. в устье Ульи Москвитин построил два судна — с них началась история русского тихоокеанского флота.

От одного пленника — весной 1640 г. русским пришлось отразить нападение большой группы эвенов — Москвитин узнал о существовании на юге «реки Мамур» (Амур), в устье которой и на островах живут «гуляки сидячие», т. е. нивхи. В конце апреля — начале мая Москвитин отправился морем на юг, захватив с собой пленника в качестве вожа. Они прошли вдоль всего западного гористого берега Охотского моря до Удской губы, побывали в устье Уды и, обойдя с юга Шантарские о-ва, проникли в Сахалинский залив.

Таким образом, казаки Москвитина открыли и ознакомились, конечно в самых общих чертах, с большей частью материкового побережья Охотского моря, приблизительно от 53° с. ш., 141° в. д. до

¹ Казаки «до Ламы идучи, кормились деревом, травой и кореньем, на Ламе же по рекам можно рыбы много добыть и можно сытым быть». Цит. по статье Н. Н. Степанова в «Ученых записках Гос. пед. ин-та», 1959, т. 188, с. 179—254.

Парусные суда в Сибири (рисунок XVII в.).

60° с. ш., 150° в. д. на протяжении 1700 км. Москвитинцы прошли через устья многих рек, и из них Охота не самая большая и не самая полноводная. Тем не менее открытое и частично обследованное ими море, которое первые русские нарекли Ламским, позднее получило название Охотского, может быть по р. Охота, но вероятнее по Охотскому острогу, поставленному близ ее устья, так как его порт стал в XVIII в. базой для важнейших морских экспедиций.

В устье Уды от местных жителей Москвитин получил дополнительные сведения об Амуре-реке и его притоках Чие (Зее) и Омуги (Амгуни), о низовых и островных народах — «гиляках сидячих» и «бородатых людях даурах», которые «живут дворами, и хлеб у них, и лошади, и скот, и свиньи, и куры есть, и вино курят, и ткут, и прядут со всего обычая с русского». В той же «скаске» Колобов сообщает, что незадолго до русских к устью Уды приходили в стругах бородатые дауры и убили человек пятьсот гиляков: «...а побили их обманом; были у них в стругах в одиодеревных в гребцах бабы, а они сами человек по сту и осьмьюдесят лежали меж тех баб и как пригребли к тем гилякам и вышел из судов, а тех гиляков так и побили...» Удские эвенки рассказывали, что «от них морем до тех бородатых людей недалече». Казаки были на месте по-

боища, видели брошенные там суда — «струги однодеревные» — и сожгли их.

Где-то на западном берегу Сахалинского залива проводник исчез, но казаки пошли дальше «подле берег» до островов «сидячих гиляк» — можно утверждать, что Москвитин видел небольшие острова у северного входа в Амурский лиман (Чкалова и Байдукова), а также часть северо-западного берега о. Сахалин: «И гиляцкая земля объявилась, и дымы оказались, и они [русские] без вожей в нее итти не смели...», не без основания считая, что горстке пришельцев не справиться с многочисленным населением этого края. Москвитину, очевидно, удалось проникнуть и в район устья Амура. Колобов совершенно недвусмысленно сообщал, что казаки «...амурское устье... видели через кошку [коса на взморье]...». Продовольствие у казаков подходило к концу, и голод заставил их вернуться назад. Осенняя штормовая погода не позволила им добраться к Улье. В ноябре они стали на зимовку в маленьком заливе, в устье р. Алдомы (у $56^{\circ}45'$ с. ш.). А весной 1641 г., вторично перевалив хр. Джугджур, Москвитин вышел на один из левых притоков Май и в середине июля уже был в Якутске с богатой собольиной добычей.

На побережье Охотского моря люди Москвитина жили «с проходом два года». Колобов сообщает, что реки в новооткрытом крае «собольные, зверя всякого много, и рыбные, а рыба большая, в Сибири такой нет... столько-де ее множество, — только невод запустить и с рыбою никак не выволочь...». Власти в Якутске достаточно высоко оценили заслуги участников похода: Москвитин был произведен в пятидесятники, его спутники получили от двух до пяти рублей наградных, а некоторые — по куску сукна. Для освоения открытого им Дальневосточного края Москвитин рекомендовал направить не менее 1000 хорошо вооруженных и экипированных стрельцов с десятью пушками. Географические данные, собранные Москвитиным, К. Иванов использовал при составлении первой карты Дальнего Востока (март 1642 г.).

Походы Маломолки и Горелого

Русская администрация в Якутске, получив информацию Москвитина, еще больше заинтересовалась Амуром и Ламским морем и в 1641 г. организовала два отряда. Перед первым под командой *Антон Захарьева Маломолки* была поставлена задача разыскать дорогу с Алдана на Амур. Из Бутальского зимовья летом 1641 г. он впервые поднялся к истокам Алдана в Становом хребте и перешел, как уверяли проводники-эвенки, к реке системы Амура. Казаки связали плоты и начали спуск, но... вновь попали на Алдан. Очевидно, они спустились по Тимпону, притоку Алдана; его истоки и верховья одного из притоков Тимптона сближены. А. Маломолка, вероятно, был первым землепроходцем, прошедшим весь Алдан (2273 км) и проникшим на Алданское нагорье.

Второму отряду, возглавляемому казаком *Андреем Ивановичем Горелым*, предлагалось разведать короткую дорогу на Ламское море. Из Оймяконского зимовья на Индигирке, куда он прибыл весной 1641 г. вместе с М. В. Стадухиным, Горелый и 18 спутников с вожами отправились осенью того же года «коньми через горы» (хребет Сунтар-Хаята) на юг. Они, видимо, воспользовались долиной Куйдусуна, левого притока Индигирки, начинающегося близ истоков Охоты, текущей на юг, к Охотскому морю. Этот путь длиной 500 км, пройденный всего за пять недель в оба конца, как отмечал А. Горелый, был «аргишской», т. е. обозной, оленной дорогой, которой пользовались эвены. Охота — «река рыбная, быстрая... по берегу рыбы, что дров лежит». Маршрутом Горелого из Охотска в Якутск летом 1659 г. прошел М. Стадухин.

Дальнейшие открытия побережья Охотского моря

Летом 1646 г. из Якутска вышел к Охотскому морю отряд казаков, в который был зачислен *Алексей Филиппов*. Шли казаки путем Москвитина: по рекам системы Лены, затем по Улье до ее устья, а оттуда вдоль берега моря на северо-восток до устья Охоты. Здесь они поставили острог и перезимовали. В июне 1648 г. Филиппов и его товарищи — всего 26 человек — перешли на парусном судне в одни сутки от Охоты на восток до Каменного мыса (п-ов Лисянского), где обнаружили громадные лежбища моржей: «Лежит зверя моржа версты на две и больше». Оттуда они также в течение суток дошли до бухты Мотыклейской (у западного берега Тауйской губы), обогнув, следовательно, п-ов Хмитевского. Они видели близ бухты острова в море — Спафарьева, Талан, а может быть, и далекий высокий о. Завьялова или еще более далекий и высокий (с вершиной 1548 м) п-ов Кони. Казаки жили три года в зимовье «на той новой Мотыклейской реке» (речке, впадающей в бухту с запада) среди «тунгусов разных родов», которых было больше 500 человек, бились с ними, но одолеть их не могли, «потому что место многолюдно, а служилых людей немного».

Летом 1652 г. Филиппов с несколькими товарищами вернулся в Якутск и сообщил там о своем морском походе — втором (после Москвитина), документально доказанном плавании русских вдоль северного побережья Охотского моря — и о богатейших лежбищах моржей. Составленная им «Роспись от Охоты-реки морем...» стала первой лоцией северного побережья Охотского моря. Он описал особенности берегов на протяжении 500 км — от р. Охоты до Тауйской губы, отметил существование многочисленных песчаных кос («кошек»), закрывающих устья небольших рек и отрезающих от моря лагуны.

Назначенный на Колыму сын боярский *Василий Власьев* в 1649 г. отправил отряд на юго-восток, к верховьям Большого и Малого Анюя, облагать ясаком еще непокоренных иноземцев. Отряд

отыскал и «погромил» их. Захваченные заложники указали, что за «Камнем» (Анадырское плоскогорье) есть река, текущая на юго-восток к морю, — Анадырь, и «подошла она к вершине [Малого] Аняю близко». В Нижнеколымске немедленно собралась группа «охочих промышленных людей» из 39 человек. Они просили Власьева отпустить их «в те новые места за ту захребетную реку Анадырь для прииска вновь ясачных людей и приводу их под высокую царскую руку». Власьев отправил их на Анадырь под командой *Семёна Ивановича Моторы* (июль 1649 г.). Однако отряду не удалось перевалить на Анадырь. Мотора с товарищами зимовал в верховьях Аняю. И лишь 1 марта 1650 г. они двинулись в путь на нартах, а 18 апреля вышли к Анадырю. Стадухин, также решивший проведать новые «землицы», нагнал их на верхнем Анадыре, где Мотора встретился с С. Дежнёвым (см. ниже). Дальше они пошли вместе, а Стадухин шел за ними следом и громил тех юкагиров, которые уже дали ясак Дежнёву.

Погромив на Анадыре юкагиров, отобрав и у них и у своих соперников — Дежнёва и Моторы — сколько мог соболой, Стадухин в конце зимы 1651 г. отправился сухим путем по долине р. Майна (приток Анадыря) на лыжах и нартах на юго-юго-запад, к р. Пенжинке, впадающей в Пенжинскую губу Ламского моря, где встретил новый народ: «...река безлесная, а людей по ней живет много... словут коряки»¹. С Пенжины берегом он отправился на р. Гижигу (Изигу), впадающую в Гижигинскую губу того же моря. Стадухин не был первооткрывателем реки и губы: весной 1651 г. на Гижигу «для прииску новых земель» направился «своим коштом», т. е. за свои деньги, казак *Иван Абрамович Баранов*, ранее принимавший участие в неудачных походах М. Стадухина и С. Дежнёва. Во главе отряда из 35 «охочих и промышленных людей» он поднялся на нартах по реке Быстрой (Омолон, правый приток Колымы) в ее верховья (близ 64° с. ш. и 159° в. д.), перешел на небольшой приток, перевалил в долину речки, принадлежащей бассейну Гижиги, и по ней спустился к морю. Баранов проследил Омолон почти по всей длине (1114 км), первым пересек Колымское нагорье и стал первопроходцем трассы, связывающей Колыму и побережье Охотского моря. Он собрал ясак «с каменных оленных мужиков», захватил аманатов и тем же путем вернулся на Колыму.

В устье Гижиги Стадухин построил лотки — очевидно, байдары, способные выдержать морской переход, — летом 1653 г. отправился в береговое плавание. Русские мореходы впервые обследовали западное побережье залива Шелихова и в конце лета добрались к устью р. Тауй, открыв около 1000 км северных, в основном гористых берегов Охотского моря. В построенном острожке Стадухин провел около четырех лет, собирая с эвенов ясак и промысляя соболя.

¹ В челобитной Стадухина есть неясная фраза: «С Анадыря... перешел с товарищами за Нос на Пенжину-реку». Большинство исследователей сходятся во мнении, что «носом» он называл п-ов Камчатка, о существовании которой узнал от пенжинских жителей.

Наконец, летом 1657 г. он продолжил плавание к западу и прибыл к устью Охоты, в русский острог. Оттуда Стадухин вернулся в Якутск летом 1659 г. кратчайшим путем — по маршруту А. Горелого — через Оймякон и Алдан. Он привез большую «соболиную казну» и чертеж своего пути по рекам и горам Якутии и Чукотки, а также морских походов вдоль берегов Восточно-Сибирского и Охотского морей. Чертеж этот, вероятно, не сохранился. За службу и открытия на далеких окраинах Стадухина произвели в казацки атаманы. Итак, с 1640 по 1653 г. русские открыли большую часть побережья Охотского моря. Но восточные берега этой акватории им еще не были известны, хотя слухи о Камчатке уже стали проникать к ним через юкагиров и коряков.

Экспедиция Попова — Дежнёва: открытие прохода из Ледовитого в Тихий океан

Семен Иванович Дежнёв родился около 1605 г. в Пинежской волости. Первые сведения о нем относятся к тому времени, когда он начал отбывать казацки службы в Сибири. Из Тобольска Дежнёв перешел в Енисейск, а оттуда был направлен в Якутск, куда и прибыл в 1638 г. Женат он был, насколько известно, дважды, оба раза на якутках и, вероятно, говорил по-якутски. В 1639—1640 гг. Дежнёв участвовал в нескольких походах на реки бассейна Лены для сбора ясака, на Татту и Амгу (левые притоки Алдана) и на нижний Вилюй, в район Средневилюйска. Зимой 1640 г. он служил на Яне в отряде Дмитрия (Ерилы) Михайловича Зыряна, который затем двинулся на Алазею, а Дежнёва отослал с «соболиной казной» в Якутск. По дороге Дежнёв был ранен стрелой во время схватки с эвенгами. Зимой 1641/42 г. он направился с отрядом Михаила Стадухина на верхнюю Индигирку, в Оймякон, перешел на Мому (правый приток Индигирки), а в начале лета 1643 г. спустился на коче по Индигирке до ее низовьев. Осенью Стадухин и Дежнёв, как указывалось выше, перешли морем к Алазее и там соединились с Зыряном для дальнейшего морского похода на Колыму (осень 1643 г.). Дежнёв, вероятно, принимал участие в постройке Нижнеколымска, где прожил три года.

В Нижнеколымск проникали самые соблазнительные слухи со стороны Большого Аноя о богатой соболями «захребетной реке Погыче» (Анадырь), «а до ней [до ее устья] от Колымы парусным погодьем бежать сутки — трое и больше...». Летом 1646 г. из Нижнеколымска в море на поиски «соболиной реки» вышла партия промышленников-поморов (девять человек) во главе с кормщиком *Исаем Игнатьевым*, по прозвищу *Мезенец*. Двое суток они на коче «бежали парусом по большому морю» — на восток, по свободной от льда полосе, вдоль скалистого берега («подле Камень») и дошли до губы, вероятно Чаунской: в таком случае они видели лежащий у входа в нее о. Айон. В губе они встретили чукчей и вели с ними

небогатый/немой торг: «...съезжать к ним с судна на берег не смели, вывезли к ним товарцу на берег, положили, и они в то место положили кости рыба зуба [моржовых клыков] немного, и не всякий зуб цел; деланы у них пешни [ломы] и топоры из той кости и сказывают, что на море-де этого зверя много ложится...» Когда Игнатьев вернулся с такими известиями, нижеколымцев начало «лихорадить». Правда, добыча моржовых клыков была и не велика и не очень ценна, но это объяснялось робостью плохо вооруженных и малочисленных промышленников и отсутствием у них переводчика, а возможности богатого торгова казались — и действительно были — очень велики. К тому же Игнатьев отходил только на два дня «парусного бега» от Колымы, а до устья «большой соболиной реки Погычи» требовалось «бежать сутки — трое и больше».

Приказчик богатого московского купца («царского гостя») *Василия Усова* холмогорец *Федот Алексеев Попов*, имевший уже опыт плаванья в морях Ледовитого океана¹, немедленно приступил в Нижнеколымске к организации большой промысловой экспедиции. Целью ее были поиски на востоке моржовых лежбищ и якобы богатой соболями р. Анадыря, как ее правильно стали называть с 1647 г. В состав экспедиции входили 63 промышленника (включая Попова) и один казак Дежнёв — по его личной просьбе — как лицо, ответственное за сбор ясака: он обещал представить «государю прибыли на новой реке на Анадыре» 280 соболиных шкур. Летом 1647 г. четыре коча под начальством Попова вышли из Колымы в море. Неизвестно, как далеко они продвинулись на восток, но доказано, что их постигла неудача — из-за тяжелых ледовых условий — и в то же лето они ни с чем вернулись в Нижнеколымск.

Неудача не изменила решения промышленников. Попов приступил к организации новой экспедиции; Дежнёв снова подал просьбу о назначении его ответственным сборщиком ясака. У него появился соперник — якутский казак *Герасим Анкидинов*, который обещал сдать в казну те же 280 соболей и вдобавок подняться на государеву службу «своим животом [средствами], судном и оружием, порохом и всякими заводы». Взбешенный Дежнёв предложил тогда сдать 290 соболей и обвинял Анкидинова, будто тот «прибрал к себе воровских людей человек с тридцать, и хотят они торговых и промышленных людей побивати, которые со мною идут на ту новую реку, и животы их грабят, иноземцев хотят побивать же...». Представители колымской власти утвердили Дежнёва, но, вероятно, не чинили препятствий к тому, чтобы Анкидинов со своими «воровскими людьми» и кочем присоединились к экспедиции. Не препятствовал этому и Попов, снарядивший шесть кочей и не менее, чем Дежнёв, заинтересованный в успехе предприятия.

20 июня 1648 г. из Колымы вышли в море и повернули на восток семь кочей (седьмой принадлежал Анкидинову), на всех было 90 человек. Дежнёв и Попов помещались на различных судах.

¹ Ранее с торговыми целями Попов плавал от Лены к Оленьку, а оттуда — к Колыме.

В проливе (Лонга), возможно, у мыса Биллингса (близ 176° в. д.) во время бури разбились о льды два коча. Люди с них высадились на берег; часть была убита коряками, остальные, вероятно, погибли от голода. На пяти оставшихся судах Дежнёв и Попов продолжили плавание на восток. Вероятно, в августе мореходы оказались уже в проливе, отделяющем Азию от Северной Америки, позже «окрещенном» Беринговым¹. Где-то в проливе коч Г. Анкидинова разбился, все люди спаслись и перешли на оставшиеся четыре судна. 20 сентября у мыса Чукотского, а может быть уже в районе залива Креста — мнения специалистов расходятся, по показаниям Дежнёва, «на пристанище [в гавани] чукочьи люди» ранили в стычке Попова, а через несколько дней — около 1 октября — «того Федота со мною, Семейкою, на море разнесло без вести». Следовательно, четыре коча, обогнув северо-восточный выступ Азии — тот мыс, который носит имя Дежнёва ($66^{\circ} 05'$ с. ш., $169^{\circ} 40'$ з. д.), — впервые в истории прошли из Северного Ледовитого в Тихий океан.

До сих пор еще ведется спор, что понимал Дежнёв под «Большим Каменным Носом» и какие острова имел в виду в одной из своих челобитных: «...а тот Нос вышел в море гораздо далеко, а живут на нем люди чухчи добре много. Против того же Носу на островах живут люди, называют их зубатыми [эскимосы], потому что принимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных... А тот Большой Нос мы, Семейка с товарищами, знаем, потому что разбило у того Носу судно служилого человека Ярасима Онкудинова [Герасима Анкидинова] с товарищами. И мы, Семейка с товарищи, тех разбойных [потерпевших крушение] людей имали на свои суды и тех зубатых людей на острову видели ж». Ряд исследователей (например, Л. С. Берг и Д. М. Лебедев) считали, что под «Большим Каменным Носом» Дежнёв понимал именно «свой» мыс, и, следовательно, имел в виду о-ва Диомида в проливе. Другой точки зрения придерживается Б. П. Полевой: «Большим... Носом» Дежнёв называл весь Чукотский п-ов, а островами «зубатых» людей могут быть Аракамчечен и Ыттыгран, расположенные у $64^{\circ} 30'$ с. ш. По нашему убеждению, наиболее веским аргументом в поддержку мнения Б. П. Полевого служат слова самого Дежнёва о многочисленном населении «Носа», т. е. полуострова: «а живут... [там] люди... добре [очень, весьма] много».

В другой челобитной Дежнёв повторял и уточнял свои показания об открытом им северо-восточном полуострове: «А с Ковымы [Колымы] реки итти морем на Анадырь-реку, и есть Нос, вышел в море далеко... а против того Носу есть два острова, а на тех островах живут чухчи², а врезываны у них зубы, прорезываны губы, кость рыбий зуб [моржовый клык]. А лежит тот Нос промеж сивер на полуношник [на северо-восток]. А с русскою сторону Носа [на се-

¹ На карте мира 1784 г. в атласе наследников И. Б. Гомана (правильно Хомана) пролив между Азией и Америкой назван именем Дежнёва, хотя с не меньшим основанием он мог называться в честь начальника экспедиции, т. е. Ф. А. Попова.

² «Чухчами» Дежнёв, как и другие землепроходцы, называет и собственно чукчей и эскимосов, отличая последних как «зубатых».

вер?] признака вышла: речка, становье тут у чухоч делано, что башня из кости китовой, и Нос поворотит круто к Анадырю-реке под лето [т. е. на юг]. А доброго побегу [парусного ходу] от Носа до Анадыря-реки трои сутки, а более нет...»

О том, что случилось с Дежнёвым после того, как он разлучился с Поповым, он сам красочно рассказал так: «И носило меня, Семейку, по морю после Покрова богородицы [1 октября] всюду неволею и выбросило на берег в передний конец [т. е. на юг] за Анадырь-реку. А было нас на коче всех двадцать пять человек». Куда же осенний шторм выбросил мореходов, впервые совершивших — пусть неволею — плавание по морю, позже названному Беринговым? Коч Дежнёва, вероятнее всего, — судя по продолжительности обратного сухопутного похода — попал на Олюторский п-ов, расположенный в 900 км к юго-западу от Чукотского п-ова (у 60° с. ш.). Оттуда потерпевшие крушение двинулись на северо-восток: «А пошли мы все в гору [Корякское нагорье], сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы. А шел я, бедный Семейка, с товарищи до Анадыря-реки ровно десять недель, и пали [попали] на Анадырь-реки вниз, близко моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет. И с голоду мы, бедные, врознь разбрелись. И вверх по Анадырю пошло двенадцать человек и ходили двадцать ден, людей и аргишниц [оленьих упряжек], дорог иноземских не видали. И воротились назад и, не дошед, за три днища до стану, обночевались, почали в снегу ямы копать...» Таким образом Дежнёв не только открыл, но и первый пересек Корякское нагорье и 9 декабря 1648 г. вышел в низовье Анадыря. Из 12 ушедших лишь трое присоединились к Дежнёву, судьба остальных не выяснена.

Чукотская женщина (рисунок XVIII в.).

Судьба Семена Дежнёва

Кое-как 15 русских прожили на Анадыре зиму 1648/49 г. и построили речные суда. Когда река вскрылась, они на судах поднялись вверх на 500 км вверх по Анадырю до «анаульских людей»¹... и ясак с них взяли». На верхнем Анадыре Дежнёв основал ясачное зимовье. Очевидно, он или его казаки, безуспешно разведывая «со-

¹ Анаулы — воинственное племя юкагиров.

болиные места», ознакомились не только с главной рекой, но и с частью ее притоков: по возвращении Дежнёв представил чертёж бассейна р. Анадыря и дал ее первое описание. Он не забывал и о необходимости «прииску» «моржового и рыбьего зуба». И поиски его завершились открытием богатейшего лежбища. Якутский казак *Юрий Селиверстов*, перешедший с Колымы сухим путем — через «Камень» — на Анадырь, сообщил, что в 1652 г. Дежнёв и два его товарища «ходили на море [Анадырский лиман] на коргу и заморскую кость [ископаемые клыки моржей] подле моря и на корге [отлогом берегу] выбрали всю». Но, несмотря на жалобы, что Дежнёв выбрал всю «заморскую кость», конца тем залежам, не было, и много лет они привлекали искателей счастья на Анадырь-реку.

В 1660 г. Дежнёва по его просьбе сменили, и он с грузом «костяной казны» сухим путем прошел на Колыму, а оттуда морем на нижнюю Лену. Зимовал он в Жиганске, весной 1662 г. прибыл в Якутск, а затем в конце июля 1662 г. отправился в Москву. Он приехал туда в сентябре 1664 г., а в январе следующего года с ним был произведен полный расчет: с 1641 по 1660 г. не получал он ни денежного, ни хлебного жалованья: «И великий государь... пожаловал — велел ему свое государево годовое денежное жалование и за хлеб на прошлые годы... на 19 лет за его службу, что он в тех годах был на Анадыре-реке для государства ясашиного сбора и прииску новых земель, и... упромышлял кости рыбьяго зуба 289 пуд... и ясак на великого государя собирал и аманаты клал [брал заложников]. И за ту его, Сенькину, многую службы и за терпение пожаловал великий государь... велел ему, на те прошлые годы выдать из Сибирского приказа треть деньгами, а за две доли... сукнами... Всего на 126 рублей 6 алтын 4 деньги...» Итак, Дежнёв доставил в царскую казну 289 пудов моржовых клыков на сумму 17 340 рублей серебром, а царь-государь за то ему пожаловал за 19-летнюю службу 126 рублей 20 копеек серебром. И, кроме того, царем указано было «за его, Сенькину, службу и на прииск рыбьяго зуба, за кость и за раны поверстать в атаманы».

Подведем итог и географическим достижениям экспедиции Попова — Дежнёва: обнаружив пролив между Северным Ледовитым и Тихим океанами, они доказали, что Азиатский и Североамериканский материки не соединяются; они первые плавали в Чукотском море и водах северной части Тихого океана; Дежнёв открыл Чукотский п-ов и Анадырский залив; открыл и первый пересек Корякское нагорье, обследовал р. Анадырь и Анадырскую низменность.

В Сибири атаман Дежнёв служил еще на рр. Оленьке, Вилюе и Яне. Он вернулся в конце 1671 г. с соболиной казной в Москву и умер там в начале 1673 г.

Открытие Камчатки

Коч Федота Попова, после того как его «на море разнесло без вести» с Дежнёвым, той же октябрьской бурей носило «всюду неволею и выбросило на берег в передний конец», но гораздо даль-

Камчадалы, добывающие огонь
(по С. Крашенинникову).

ше на юго-запад, чем Дежнёва, — на Камчатку. *С. П. Крашенинников* писал, что коч *Попов* пришел в устье р. Камчатки и поднялся до впадающей в нее справа (по течению) речки, «которая... ныне Федотовщиной называется...», а зовут ее так по начальнику русских людей, зимовавших там еще до покорения Камчатки. Весной 1649 г. на том же коче *Ф. Попов* спустился к морю и, обойдя мыс Лопатка, шел по Пенжинскому (Охотскому) морю до р. Тигиль (у 58° с. ш.), где — по преданию камчадалов — «той зимы [1649/50 г.] от брата своего за ясырку [пленницу] зарезан, а потом и все оставшие [17 человек] от коряк побиты»¹. Иными словами, *Ф. Попов* открыл около 2 тыс. км камчатского побережья — довольно изрезанного, гористого восточного и низменного, лишенного гаваней западного — и первый плавал в восточной части Охотского моря. Во время обхода южной оконечности Камчатки — мыса Лопатка — узким Первым Курильским проливом *Ф. Попов*, несомненно, видел о. Шумшу, самый северный из Курильской дуги; есть предположение (*И. И. Огрызко*), что его люди даже высаживались там. Сам же *С. П. Крашенинников*, ссылаясь на показания *Дежнёва* (см. ниже), предполагал, что «Федот-кочевщик» с товарищами погиб не на Тигиле, а между Анадырем и Олюторским заливом; от Тигиля он пытался пройти к Анадырю морем или сухим путем «по Олюторскому берегу» и в пути умер, а товарищи его либо убиты, либо разбежались и пропали без вести. За четверть века до *Крашенинникова* об остатках двух зимовий на р. Федотовщине, поставленных людьми, прибывшими туда «в прошлых годах из Якутска-города морем на кочах», сообщил *Иван Козыревский*. А самое раннее свидетельство о

¹ В первом варианте работы *С. П. Крашенинников* указал другое место зимовки — р. Парень, впадающую в западную часть Пенжинской губы. Если это верно, *Ф. Попов* прошел вдоль всего западного побережья Камчатки до вершины Пенжинской губы — тогда длина открытой им береговой линии составит около 3 тыс. км.

судьбе пропавших «кочевщиков» исходит от Дежнёва и относится к 1655 г.: «А в прошлом 162 году ходил я, Семейка, возле моря в поход. И отгромил... у коряков якутскую бабу Федота Алексеева. И та баба сказывала, что-де Федот и служилый человек Герасим [Анкидинов] померли цингою, а иные товарищи побиты, и остались невеликие люди, и побежали с одною душою, не знаю-де куда...»¹.

Три разновременные показания подтверждают, что Попов и Анкидинов с товарищами были заброшены бурей в своем коче на Камчатку, провели там, по крайней мере, одну зиму и что, следовательно, открыли Камчатку они, а не позднейшие землепроходцы, пришедшие на полуостров в конце XVII в. Те, во главе с *Владимиром Атласовым*, только завершили открытие Камчатки и присоединили ее к России. Уже в 1667 г., т. е. за 30 лет до прихода Атласова, р. Камчатка показана на «Чертеже Сибирская земля», составленном по распоряжению тобольского воеводы *Петра Годунова*, причем она впадает в море на востоке Сибири между Леной и Амуром и путь от устья Лены к ней, как и к Амуру, совершенно свободен. В 1672 г. в «Списке» (объяснительной записке) ко второму изданию «Чертежа» сказано: «...а против устья Камчатки-реки вышел из моря столи каменной, высок без меры, а на нем никто не бывал». Здесь не только названа река, но и указана высота горы («высок без меры» — 1 233 м), которая поднимается против устья Камчатки.

Сохранился также судебный приговор якутского воеводы *Дмитрия Зиновьева* от 14 июля 1690 г. по делу о заговоре группы казаков, которые «хотели... пороховую и свинцовую казну пограбить и стольника, и воеводу... и градских жителей побить до смерти и животы [имущество] их, и на гостине дворе торговых и промышленных людей животы ж их пограбить, и бежать за Нос на Анадырь и на Камчатку-реку...». Оказывается, казачья вольница в Якутске затевала за несколько лет до Атласова поход через Анадырь на Камчатку как на уже известную реку, и притом, по-видимому, морским путем — «бежать за Нос», а не «за Камень».

Поярков на Амуре и Охотском море

Якутск стал отправным пунктом и для тех русских землепроходцев, которые искали новые «землицы» на юге, продвигаясь вверх по притокам Лены — Олёкме и Витиму. Скоро они перевалили водораздельные хребты, и перед ними открылась обширная страна на великой реке Шилкар (Амур), населенная оседлыми даурами, по языку родственными монголам. Еще раньше русские промышленники слышали от витимских и олекминских эвенков и кочевых дауров о могучей реке, текущей далеко на восток через страну оседлых дауров, где много хлеба и скота, где встречаются большие селения и укрепленные города, а леса богаты пушным зверем. Из русских первым

¹ По И. И. Огрызко, несколько человек из отряда Ф. Попова от Олюторского залива добрались морем до южной части Карагинского залива и поселились на берегах речки, которая с тех пор называется Русаковой (впадает в море у 58° 20' с. ш.).

ков пошел в Даурию новым путем. В конце июля на шести дощаниках он поднялся по Алдану и рекам его бассейна — Учтуру и Гонаму. Судоходство по Гонаму возможно только на 200 км от устья, выше начинаются пороги. Людям Пояркова приходилось перетаскивать суда чуть ли не у каждого порога, а на Гонаме их больше 40, не считая мелких. Осенью, когда река стала, отряд еще не достиг водораздела между бассейнами Лены и Амура, потеряв два дощаника. Поярков оставил часть людей зимовать с судами и припасами на Гонаме, а сам налегке с отрядом в 90 человек пошел «зимником» на нартах и лыжах через Становой хребет и вышел к верховьям р. Брянты (система Зеи) у 128° в. д. Через 10 дней пути по Амурско-Зейскому плато он добрался до р. Умлекан, левого притока Зеи.

Здесь русские были уже в стране «пашенных людей» — в Даурии. По берегам Зеи встречались селения с просторными деревянными домами крепкой постройки, с окнами, затянутыми промасленной бумагой. У дауров имелись запасы хлеба, бобовых и других продуктов, много скота и домашней птицы. Они носили одежду из шелковых и хлопчатобумажных тканей. Шелк, ситцы, металлические и другие изделия они получали из Китая в обмен на пушнину. Пушниной же они платили дань маньчжурам. Поярков требовал от дауров, чтобы они давали ясак русскому царю, а для этого он захватывал аманатами (заложниками) знатных людей, держал в цепях, обращался жестоко с ними. От аманатов и других пленных русские получили более точные сведения о стране, в частности о крупном притоке Зеи Селимде (Селемдже) и ее жителях, о соседней Маньчжурии и Китае.

Поярков решил зимовать на Зее и поставил острог возле устья Умлекана. В середине зимы хлеб подошел к концу, в окрестных селениях все запасы захвачены, а нужно было дотянуть до теплого времени, когда реки вскроются и придут суда с припасами, оставленными на Гонаме. Начался голод, казаки примешивали к муке кору, питались кореньями и падалью, болели и умирали. Окрестные дауры, скрывавшиеся в лесах, осмелели и организовали ряд нападений на острог, к счастью для русских, неудачных. Несколько дауров было при этом убито; их трупы валялись вокруг острога. Казаки стали есть и трупы. 24 мая 1644 г., когда пришли суда с припасами, Поярков все же решил двигаться дальше, вниз по Зее. Оставалось у него около 70 человек. Плыть пришлось через сравнительно густонаселенный район — западную окраину Зейско-Буреинской равнины, но жители не допускали, чтобы русские высаживались на берег.

Наконец в июне отряд вышел на Амур. Район устья Зеи понравился казакам: земля здесь, судя по запасам продовольствия в даурских острогах и многочисленным пашням, давала хорошие урожаи зерновых и овощей, страна не нуждалась в лесе, в селениях было много скота. Поярков остановился немного ниже устья р. Зеи — он решил срубить здесь острог и зимовать, а весной, как предписывала инструкция, двинуться вверх по Амуру — на Шилку — для проверки находок серебряных руд. На разведку вниз по

Амуру он отправил 25 казаков на двух стругах. После трехдневного плавания разведчики выяснили, что до моря очень далеко, и повернули назад, двигаясь против течения бечевой. Вскоре они подверглись нападению приречных жителей, которые перебили многих казаков, и к Пояркову вернулось лишь пятеро. Теперь в отряде осталось около 50 человек.

Поярков понимал, что с такими силами после тяжелой зимовки трудно будет двигаться против течения могучей реки, и принял решение плыть к ее устью. Очевидно, он знал, что оттуда морем можно дойти до р. Ульи. От устья р. Сунгари начались земли другого народа — пашенных дючеров. Они жили в поселках, окруженных полями. Вскоре с юга в Амур «упала» крупная река, названная казаками Верхним Амуром, — это была Усури (детально русские ознакомились с ней в 50-х гг. XVII в., «окрестив Ушуром»). Через несколько дней плавания показались шалаши ачанов, иначе — гольдов (нанайцев), которые жили в крупных селениях — до 100 и более юрт в каждом. Они почти не знали земледелия; скотоводство у них находилось в зачаточном состоянии; занимались они в основном ловлей рыбы и ею почти исключительно и питались. Из искусно выделанной и раскрашенной кожи крупных рыб они шили себе одежду. Побочным промыслом была охота: казаки видели у них собольи шкурки и лисьи меха. Для езды гольды пользовались только собачьими упряжками.

Великая река поворачивала в их землях на северо-восток. Десять дней плыли русские через эту страну и на берегах нижнего Амура увидели летние жилища на сваях и встретили новый «народ». То были гиляки (нивхи), рыболовы и охотники, народ еще более отсталый, чем ачань. И они ездили на собаках; у некоторых казаки видели огромное количество собак — сотни, будто бы даже до тысячи животных. Рыбачили они в маленьких берестяных лодках и выплывали на них даже в открытое море. Еще через восемь дней Поярков достиг устья Амура. Время было позднее, сентябрь, и Поярков остался здесь на вторую зимовку. По соседству в землянках жили гиляки. Казаки стали покупать у них рыбу и дрова и собрали некоторые сведения об о. Сахалин, богатом пушниной, где живут «волосатые люди» (айны). Поярков выяснил также, что из

Даур (рисунок начала XVIII в.).

устья Амура можно попасть в южные моря. «Только тем еще морским путем никто [из русских] не ходил в Китай»¹. Так впервые было получено представление о существовании пролива (Татарского), отделяющего Сахалин от материка. В конце зимы русским опять пришлось терпеть голод; весной они выкапывали корни и тем кормились. Перед отправлением в поход казаки совершили набег на гиляков, захватили аманатов и собрали ясак соболями.

В конце мая 1645 г., когда устье Амура освободилось ото льда, Поярков вышел в Амурский лиман, но не рискнул идти на юг, а повернул на север. Морское плавание на речных лодках — дощаниках с дополнительно наращенными «нашивами» (бортами) — продолжалось три месяца. Экспедиция продвигалась сначала вдоль материкового берега Сахалинского залива, а затем вышла в Охотское море. Мореходы обходили «всякую губу», почему и шли так долго, открыв по крайней мере залив Академии. Разразившийся шторм отбросил их к какому-то большому острову, скорее всего к одному из группы Шантарских. К счастью, все обошлось благополучно, и в начале сентября Поярков вошел в устье р. Ульи. Здесь казаки нашли уже знакомый им народ — эвенков, обложили их ясаком и остались на третью зимовку. Ранней весной 1646 г. отряд двинулся на нартах вверх по Улье и вышел к р. Мае, бассейн Лены. А затем по Алдану и Лене он вернулся к середине июня 1646 г. в Якутск.

Во время этой трехлетней экспедиции Поярков проделал около 8 тыс. км, потеряв большей частью от голода 80 человек из 132. Он прошел новым путем от Лены на Амур, открыв рр. Учур, Гонам, Зею, Амурско-Зейское плато и Зейско-Буреинскую равнину. От устья Зеи он первый спустился по Амуру до моря, проследив около 2 тыс. км его течения, открыл — вторично после Москвитина — Амурский лиман, Сахалинский залив и собрал некоторые сведения о Сахалине². Он первый совершил исторически вполне доказанное плавание вдоль юго-западных берегов Охотского моря.

Поярков собрал ценные сведения о народах, живущих по Амуру, — даурах, дючерах, нанайцах и нивхах, убеждал якутских воевод присоединить амурские страны к Руси: «Там в походы ходить и пашенных хлебных сидячих людей под царскую... руку привести можно, и ясак с них собирать, — в том государю будет многия прибыль, потому что те землицы людны, и хлебны, и собольны, и всякого зверя много, и хлеба родится много, и те реки рыбны...»

Походы Хабарова на Амур

Дело, начатое Поярковым, продолжил *Ерофей Павлович Хабаров-Святитский*, крестьянин из-под Устюга Великого. В 1632 г., бросив семью, прибыл на Лену. Около семи лет он скитался по бас-

¹ Цит. здесь и далее по статье Б. П. Полевого в «Известиях Всесоюзного Географического Общества», 1958, т. 90, № 6.

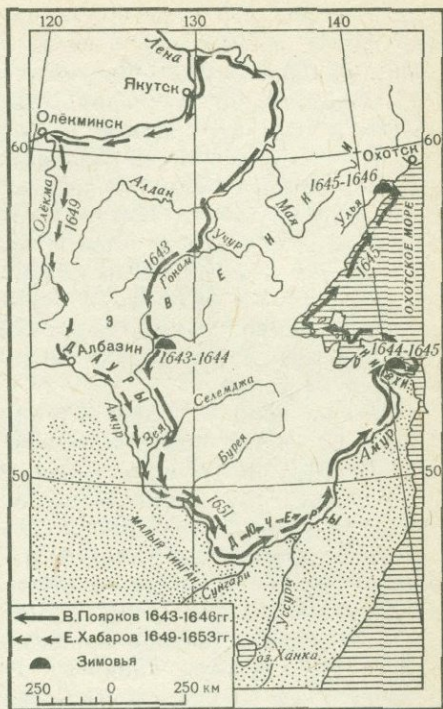
² В 1643 г. юго-восточный берег Сахалина посетил голландский мореплавателю Мартин де Фриз, но он считал его частью громадной (несуществующей) «Земли Йессо» (см. гл. 32).

сейну Лейны, занимаясь пушным промыслом. В 1639 г. Хабаров осел в устье Куты, засеял участок земли, стал торговать хлебом, солью и другими товарами, а весной 1641 г. перешел в устье Киренги, создал здесь добротное хозяйство и разбогател. Но богатство его было непрочно. Воевода Петр Головин отнял у Хабарова весь хлеб, передал в казну его соляную варницу, бросил его в тюрьму, из которой Хабаров вышел в конце 1645 г. «гол как сокол». Но, на его счастье, на смену одного воеводы пришел в 1648 г. другой — Дмитрий Андреевич Францбеков, остановившийся на зимовку в Илимском остроге. Туда в марте 1649 г. прибыл Хабаров.

Узнав об экспедиции Пояркова, Хабаров встретил Францбекова на пути и просил разрешения организовать новую экспедицию в Даурию.

Правда, у Хабарова не было средств, но он считал, что новый воевода не упустит случая разбогатеть; так и случилось. Францбеков отпустил Хабарову в кредит казенное военное снаряжение и оружие (даже несколько пушек), сельскохозяйственный инвентарь, а из своих личных средств дал деньги всем участникам похода, конечно, под ростовщические проценты. Мало того, воевода предоставил экспедиции суда якутских промышленников. А когда Хабаров набрал отряд около 70 человек, воевода снабдил его хлебом, отнятым у тех же промышленников. Казнокрадство, лихоимство, незаконные поборы Францбекова, а иногда прямой разбой, поощряемый им, вызвали смуту в Якутске. Воевода арестовал главных «смутьянов». На него посыпались челобитные и доносы в Москву. Но Хабаров уже вышел из Якутска (осенью 1649 г.) и поднялся вверх по Лене и Олёкме до устья Тунгира.

Начались морозы. Шел январь 1650 г. Дальше на юг казаки двигались на нартах вверх по Тунгиру, перевалили отроги Олёкминского Становика и весной 1650 г. добрались до р. Урки, впадающей в Амур. Прослышав об отряде, дауры оставили приречные районы и ушли. Завоеватели вступили в покинутый, хорошо укрепленный город даурского князька Лавкая (на Урке). Там были сотни домов — каждый на 50 и более человек, светлых, с широкими окнами, затянутыми промасленной бумагой. В ямах русские нашли

Пути В. Пояркова и Е. Хабарова.

большие хлебные запасы. Отсюда Хабаров пошел вниз по Амуру. Дальше та же картина: опустевшие селения и городки. Наконец в одном городке казаки обнаружили и привели к Хабарову женщину. Она показала: по ту сторону Амура лежит страна богаче Даурии; по рекам плавают большие суда с товарами; у местного правителя есть войско, снабженное пушками и огнестрельным оружием. Тогда Хабаров оставил около 50 человек в «Лавкаевом городке» и 26 мая 1650 г. вернулся в Якутск. Он привез с собой чертеж Даурской земли, переправленный в Москву вместе с отчетом о походе. Этот чертеж стал одним из основных источников при создании карт Сибири в 1667 и 1672 гг. В Якутске Хабаров начал набирать добровольцев, распространяя преувеличенные сведения о богатствах Даурии. Нашлось 110 «охочих» людей. Францбеков дал 27 «служилых» с тремя пушками.

Осенью 1650 г. Хабаров с отрядом в 160 человек вернулся на Амур. Он нашел оставленных им казаков ниже по Амуру у укрепленного городка Албазин, который они неудачно штурмовали. Увидев приближение крупных сил русских, дауры бежали. Казаки нагнали их, разбили наголову, захватили много пленных и большую добычу. Опираясь на Албазин, Хабаров нападал на близлежащие селения, еще не покинутые даурами, брал заложников и пленных, в основном женщин, распределяя их между своими людьми.

В Албазине Хабаров построил небольшую флотилию и в июне 1651 г. организовал сплав по Амуру. Сначала казаки видели по берегам реки только сожженные самими жителями поселки, но через несколько дней они подошли к хорошо укрепленному городку, где засело много дауров. Казаки после обстрела взяли городок приступом, убив до 600 человек. Несколько недель Хабаров стоял там. Он рассылал во все стороны гонцов — убеждать соседних князьков добровольно подчиниться царю и платить ясак. Желавших не оказалось, и хабаровская флотилия двинулась дальше вниз по реке, захватив с собой лошадей. Казаки снова видели брошенные селения и нежатые хлебные поля. В августе ниже устья Зеи они без сопротивления заняли крепость, окружили соседнее селение и заставили его жителей признать себя подданными царя. Хабаров надеялся получить большую дань, но они принесли немного соболей, обещав осенью уплатить ясак полностью. Между даурами и казаками установились как будто мирные отношения. Но через несколько дней все окрестные дауры с семьями ушли, бросив жилища. Тогда Хабаров сжег крепость и продолжал путь вниз по Амуру.

От устья Буреи начинались земли, заселенные гогулями — народом, родственным маньчжурам. Они жили рассеянно, небольшими поселками и не могли противостоять казакам, высаживавшимся на берег и грабившим их. Слабое сопротивление оказали пашенные дючеры, истребившие ранее часть отряда Пояркова — хабаровские люди были многочисленнее и лучше вооружены.

В конце сентября экспедиция достигла земли нанайцев, и Хабаров остановился в их большом селении. Половину казаков он послал вверх по реке за рыбой. Тогда нанайцы, соединившись с дю-

черами, 8 октября напали на русских, но потерпели поражение и отступили, потеряв убитыми более 100 человек. Потери казаков были ничтожны. Хабаров укрепил селение и остался там на зимовку. Отсюда, из Ачанского острожка, русские совершали набеги на нанайцев и собирали ясак. В марте 1652 г. они разбили большой маньчжурский отряд (около 1000 человек), пытавшийся взять приступом острожек. Однако Хабаров понимал, что с его малочисленным войском нельзя овладеть страной; весной, как только Амур вскрылся, он оставил Ачанский острожек и поплыл на судах против течения.

Выше устья Сунгари в июне Хабаров встретил на Амуре русскую вспомогательную партию и все-таки продолжал отступление, прослышав, что маньчжуры собрали против него большое войско — тысяч в шесть. Он остановился только в начале августа у устья Зеи. Отсюда на трех судах вниз по Амуру бежала группа бунтовщиков, захватив с собой оружие и порох. Грабя и убивая дауров, дючеров и нанайцев, они добрались до Гиляцкой земли и поставили там острог, чтобы собирать ясак. Хабаров не терпел соперников. В сентябре он сплыл по Амуру до Гиляцкой земли и обстрелял острог. Бунтовщики сдались при условии, что им сохранят жизнь и награбленную добычу. Хабаров «пощадил» их, приказав нещадно бить батогами (отчего многие умерли), а всю добычу взял себе.

Вторую зимовку на Амуре Хабаров провел в Гиляцкой земле, а весной 1653 г. вернулся в Даурию, к устью Зеи. Летом его люди плавали вверх и вниз по Амуру, собирая ясак. Весь левый берег Амура опустел: по приказу маньчжурских властей жители перешли на правый берег. В августе 1653 г. в отряд прибыл из Москвы царский посланец. Он привез от царя награды участникам похода, в том числе и самому Хабарову, но отстранил его от руководства отрядом, а когда тот стал возражать, избил и повез в Москву. В дороге уполномоченный отнял у Хабарова все, что было при нем. В Москве, впрочем, завоевателю вернули его личное имущество. Царь пожаловал его в «дети боярские», дал в «кормление» несколько деревень в Восточной Сибири, но не разрешил вернуться на Амур.

Амурская одиссея Бекетова

Для установления русской власти в Забайкалье енисейский воевода в июне 1652 г. направил 100 казаков во главе с сотником Петром Ивановичем Бекетовым. По Енисею и Ангаре отряд поднялся к Братскому острогу. Оттуда к истокам р. Хилок, притока Селенги, Бекетов послал передовую группу пятидесятника *Ивана Максимова* с проводником — казаком *Яковом Софоновым*¹, уже побывавшим в Забайкалье летом 1651 г. Бекетов же, задержавшись в Братском остроге, вынужден был зимовать южнее устья Селенги, где ка-

¹ Из Баргузинского острога за шесть дней Софонов с пятью спутниками на лошадях добрались до истоков р. Хилок (у 52° с. ш.). От эвенков он впервые услышал о «захребетной» реке Ингоде и о четырехдневном пути по ней к «великой Шилке». Он выяснил также, что Хилок «доведеет» до Селенги и, следовательно, на Шилку можно попасть, минуя Баргузинский острог.

заки заготовили огромное количество рыбы. Июнь 1653 г. ушел на выяснение дороги на Хилок, а в начале июля Бекетов стал подниматься по Хилку и вместе с группой И. Максимова, встреченной по пути, в первых числах октября прибыл к истокам реки. Здесь казаки срубили острог, Максимов передал Бекетову собранный ясак и чертеж рр. Хилок, Селенги, Ингоды и Шилки, составленный им во время зимовки, — первую схематическую карту гидрографической сети Забайкалья.

Бекетов торопился проникнуть как можно дальше на восток. Не взирая на позднее время года, он перевалил Яблоновый хребет и на Ингоде построил плоты, но ранняя зима, обычная в этом крае, вынудила его отложить все на следующий год и вернуться на Хилок. В мае 1654 г., когда Ингода освободилась ото льда, он спустился по ней, вышел на Шилку и против устья р. Нерчи поставил острог. Но обосноваться здесь казакам не удалось: эвенки сожгли засеянные хлеба и отряду из-за нехватки продовольствия пришлось уходить. Бекетов спустился по Шилке до слияния с Ононом и первым из русских вышел из Забайкалья на Амур. Проследив верхнее течение великой реки до впадения Зеи (900 км), он соединился с казаками *Онуфрия Степанова*, назначенного вместо Хабарова «приказным человеком... новой Даурской земли»¹. Зимовал объединенный отряд (не более 500 человек) в Кумарском остроге, поставленном Хабаровым примерно в 250 км выше устья Зеи.

В конце марта 1655 г. десятитысячный отряд маньчжур окружил острог. Осада длилась до 15 апреля: после смелой вылазки русских враг ушел. С группой казаков Степанов отправил собранный ясак вверх по Амуру через Забайкалье. С ней пошел отряд Федора Пушина с переводчиком С. Петровым Чистым. В мае казаки впервые обследовали р. Аргунь, правую составляющую Амура. Правда, не выяснено, как далеко они поднялись по реке. Не встретив населения, Пушин вернулся к основным силам Степанова и Бекетова. Несколько лет спустя Аргунь стала торговым путем из Забайкалья в центры Восточного Китая. Объединенные силы русских в июне спустились к устью Амура, в землю гиляков, и срубили здесь еще один острог, где остались на вторую зимовку. В конце весны 1656 г. Степанов с основной частью отряда добрался по Амуру к устью Уссури, а по ней поднялся более чем на 300 км (до 46° с. ш.) и летом обследовал ее крупнейшие правые притоки — Хор, Бикин и Иман. Летом 1658 г. он был убит в схватке с маньчжурами на Амуре, из пливших с ним 500 казаков погибли или были взяты в плен 270; из остальных часть ушла берегом, часть — на одном уцелевшем судне. Бекетов же со своими казаками и собранным ясаком в августе 1656 г. двинулся вверх по Амуру и через Нерчинск вернулся в Енисейск. Он первый проследил весь Амур, от слияния Шилки и Аргуни до устья (2824 км) и обратно.

¹ Полтора года Степанов провел на среднем Амуре, «не доплыв Гилякские земли», и за этот период казаки, «поделав суды большие и струги», четыре раза ходили за хлебом на р. Сунгари.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В ОКЕАНИИ И ПОИСКИ ИСПАНЦАМИ «НЕВЕДОМОЙ ЮЖНОЙ ЗЕМЛИ»

Легаспи. Начало захвата Филиппин и путь Урданеты

Участник экспедиции Лоайсы и невольный кругосветный мореплаватель *Андрес Урданета*, ставший в 1552 г. монахом и перешедший в один из мексиканских монастырей, продолжал интересоваться морским делом, особенно проблемой тихоокеанских плаваний. Когда на испанский престол вступил Филипп II и возник вопрос о захвате Филиппин, Урданета принял участие (с 1559 г.) в подготовке проекта военно-морской экспедиции и ее снаряжении. Экспедицию финансировал бывший штурман, живший в 1545 г. в Мексике и там разбогатевший, баск *Мигель Лопес Легаспи*. Он снарядил пять кораблей, был назначен начальником флотилии и взял с собой Урданету.

21 ноября 1564 г. флотилия пошла к Филиппинам путем Вильяловоса. 1 декабря самый маленький корабль «Сан-Лукас» (40 т) под командой *Алонсо Арельяно* отделился — возможно, умышленно — и 14 февраля 1565 г. самостоятельно достиг о. Самар в Филиппинском архипелаге, пройдя через Маршалловы о-ва и обнаружив затем группу Трук в центре Каролинской цепи и несколько атоллов. На обратном пути (22 апреля — 16 июля 1565 г.) «Сан-Лукас» поднялся в западной части океана далеко на север (к 43° с. ш.), повернул на восток и, влекомый течениями и ветрами, через 110 дней возвратился в Мексику, став первым судном, пересекшим Тихий океан в восточном направлении. Но Арельяну заподозрили в дезертирстве, а его штурман *Лопе Мартин*, снова отправившийся на Филиппины в 1566 г., поднял на корабле бунт, убил капитана и позднее был высажен на атолл Уджеланг (у 10° с. ш.). Поэтому обратный, восточный путь через океан испанцы называли в честь другого мореплавателя — Урданеты, впрочем вполне заслуженно.

Четыре корабля экспедиции М. Легаспи, пройдя через Маршалловы о-ва на 10° с. ш. (с высадкой на атолл Меджит), 23 января высадились на о. Гуам. Контакт испанцев с местными жителями закончился стрельбой и гибелью многих гуамцев, несколько моряков было ранено, двое убиты. При вторичной высадке испанцы сожгли близлежащие деревни и лодки островитян. Штурман экспедиции *Эстебан Родригес де Фигероа* привел в своем дневнике около 70 слов

из их языка. Возле Гуама флотилия простояла до 2 февраля 1565 г., а 15 февраля бросила якорь у о. Самар — это «большой остров с горными хребтами, близ моря равнина». В конце февраля М. Легаспи направил Э. Родригеса на фрегате на разведку, где тот осмотрел часть восточного и южного берегов о. Самар, почти все восточное побережье, о. Лейте, а также небольшие острова Панаон и Динагат.

В начале марта флотилия передвинулась к о. Бохоль. Отсюда Э. Родригес продолжил исследование Филиппин. За 20 дней он обошел вокруг о. Негрос, осмотрел западное побережье о. Себу и несколько раз высаживался на берег. Почти каждая высадка приводила к стычкам и гибели островитян. По возвращении Родригес провел корабли к о. Себу, где он обнаружил удобные якорные стоянки. Попытки мирных переговоров не дали результата, и испанцы начали оккупацию острова, ставшего первой испанской колонией на Филиппинах. Легаспи собирался приступить к завоеванию других островов архипелага, но для этого нужно было получить подкрепление из Испании — через Мексику. И снова перед колонизаторами возник вопрос: как поддерживать связь Филиппин с испанскими владениями в Америке? Парусные суда, влекомые северо-восточным пассатом и пассатными течениями, легко проходили тропическую полосу океана длиной 14 тыс. км в западном направлении от мексиканского порта Акапулько до Филиппин. Но, как показал опыт, возвращение в Мексику в той же полосе океана против ветра и морского течения было невозможно. (О плавании «Сан-Лукаса» колонизаторы еще не могли знать.)

После захвата Себу Легаспи предложил Урданете вернуться в Мексику с докладом о ходе колонизации Филиппин и с просьбой о подкреплении. Урданета, опираясь на свои личные наблюдения и опрос многих моряков, сделал теоретический вывод: в северной, умеренно холодной полосе Тихого океана, как и в Атлантике, должны господствовать ветры, дующие с запада на восток. Нужно было проверить этот вывод на практике. 1 июня 1565 г. корабль «Сан-Педро» под командой 17-летнего *Фелипе Сальседо*, на борту которого в качестве штурмана находился Урданета, вышел из гавани Себу. Пользуясь порывистыми юго-западными ветрами, он прошел мимо Японских о-вов до 43° с. ш., где и поймал попутный западный ветер. Этот ветер унес его к берегам Калифорнии, которую он увидел 18 сентября; в гавань Акапулько судно прибыло 8 октября 1565 г. Во время плавания Урданета вел подробный журнал, и его замечания по управлению парусами значительно облегчили задачу других испанских кораблей при переходе через Тихий океан. В Акапулько вскоре после возвращения он составил детальную карту своего маршрута, которой пользовались до конца XVI в. Прочная связь между Филиппинами и Мексикой была установлена. Урданета вернулся в свой монастырь, где и умер 3 июня 1568 г. в возрасте 60 лет.

После плавания Урданеты испанские власти стали отправлять через Мексику на Филиппины флотилию за флотилией, зная, что и

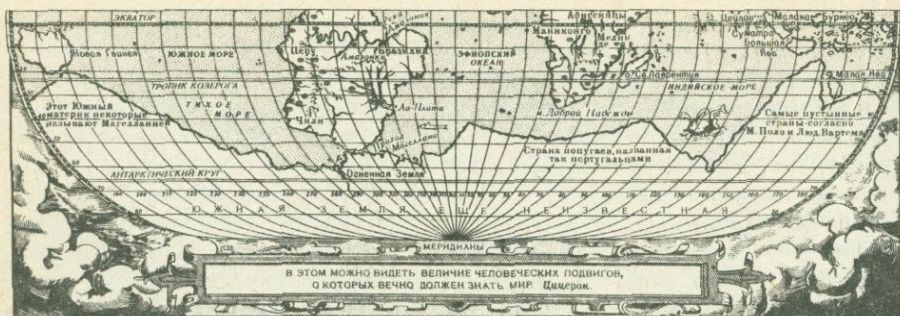
корабли и люди, ожидающие смены, могут безопасно возвращаться на родину. Путь от Филиппин к Мексике — «путь Урданеты»¹, отнимавший три-четыре месяца, пролегал через самые пустынные части Тихого океана. Но только испанские мореходы в XVI—XVII вв. твердо знали, что в полосе океана между 30 и 45° с. ш. нет ни одного значительного острова. Фантазия географов других европейских народов заполняла эту «пустоту» несуществующими землями (примеры: «Земля Йессо» голландца де Фриза, «Земля Жуана да Гамы» португальца *Луиша Тейшейры*, которую и в XVIII в. искала экспедиция Беринга — Чирикова). Эти фантастические слухи разносились среди моряков и порождали надежду отыскать в северной субтропической зоне Тихого океана богатейшие острова, размеры которых неимоверно преувеличивались.

«Неведомая Южная земля» (*Terra australis incognita*)

Когда Перу было окончательно завоевано испанцами, они попытались наладить непосредственную связь между Перу и Филиппинами через южную часть Тихого океана. От уцелевших спутников Магеллана и его последователей испанцы узнали, что здесь, как и в северной тропической полосе Тихого океана, постоянные ветры (юго-восточный пассат) и экваториальное (Южное Пассатное) течение влекут корабли на запад. Но Магеллан, по мнению тогдашних космографов, зашел далеко на север и потому не нашел Южного материка, а его существование как будто подтверждалось открытием Огненной Земли и Новой Гвинеи экспедициями Магеллана и Ретеса. Между этими двумя «выступами» мнимого материка, отделенными друг от друга тысячами миль, в тропической полосе южного полушария могли быть, кроме Новой Гвинеи, и другие «полуострова».

Этот мифический южный материк называли по-латыни *Terra australis incognita* («Неведомая Южная земля»). Если северные полуострова этого материка лежат в тропическом поясе, то там должны, по мнению космографов той эпохи, жить такие же черные люди, каких Ретес встречал на Новой Гвинее. Владельцы перуанских серебряных рудников мечтали заменить «слабосильных» индейцев, не выдерживавших каторжной работы в рудниках, выносливыми, мускулистыми неграми-рабами. О черных рабах мечтали и перуанские плантаторы. Кроме того, на Южном материке надеялись найти много золота. Испанские моряки, поощряемые перуанскими властями, владельцами рудников и плантаторами, пускались в плаванья

¹ В начале XVII в. этим — к тому времени уже проторенным — морским путем в Мексику на испанском судне прибыла японская делегация. В 1611 г. домой ее доставил испанский мореход *Себастьян Вискаино*. На обратном пути «между делом» он выполнил гидрографическую съемку большей части Тихоокеанского побережья о. Хонсю (южного и восточного) на протяжении около 2 тыс. км — между важным торговым центром Осака и 41° с. ш.

Южный материк на карте А. Ортелиа (1570 г.).

через южные, еще не разведанные пространства Тихого океана за неграми и золотом. Они шли от перуанских портов на запад, к Филиппинам. На этом пути разбросаны тысячи островов: каждая вновь открытая большая земля могла быть частью Южного материка.

Две экспедиции Менданьи: открытие островов Соломоновых, Маркизских и Санта-Крус

19 ноября 1567 г. экспедиция *Альваро Менданьи де Нейра* на двух кораблях вышла на запад из перуанского порта Кальяо для открытий в Южном море; главным штурманом был *Эрнан Гальего*. Подобно Магеллану, Менданья пересек Тихий океан, не встретив ни одного значительного острова. 15 января 1568 г. у 7° ю. ш. был открыт небольшой обитаемый, покрытый кокосовыми пальмами коралловый остров, вероятно, из северной группы о-вов Эллис в Экваториальной Полинезии, но противные ветры помешали высадке. Оттуда Менданья двинулся дальше на запад, 1 февраля увидел атолл, или риф (Онтонг-Джава или Ронкадор), а 7 февраля 1568 г. у 8° ю. ш. подошел к «большой земле», огражденной от океана длинной цепью коралловых рифов (о. Санта-Исабель). Недалеко от берега поднимались высокие (более 1000 м) горы, покрытые тропическим лесом. В лесной чаще виднелись селения с темнокожими жителями. Менданья решил, что он открыл на Южном материке страну Офир¹. Однако это был архипелаг, который Менданья назвал Соломоновыми островами.

Высадившись на Санта-Исабель, экспедиция построила небольшое судно — бриг. На нем 23 апреля *Педро Ортега* открыл на юго-востоке большие острова Малаита и Гуадалканал, на северо-западе — Шуазель. В конце мая — начале июня на вторичную разведку на юго-восток от Санта-Исабель был отправлен *Эрнандо Энрикес*,

¹ По библейской легенде, в страну Офир царь Соломон посылал корабли за золотом для украшения Иерусалимского храма.

который открыл крупный о. Сан-Кристобаль. В исследовании архипелага вместе с Ортегой и Энрикесом участвовал штурман Гальего.

В августе 1568 г. из-за стычек с воинственными жителями Менданья решил оставить остров. Обогнув с юга Сан-Кристобаль, он двинулся к берегам Южной Америки, стараясь идти прямо на восток. Он боролся с противными ветрами в южном полушарии и вынужден был все-таки пересечь экватор и подняться за Северный тропик, потеряв много времени. Моряки очень страдали от голода и цинги, часть умерла в пути. 17 сентября корабли прошли Маршалловы о-ва, а затем Менданья видел землю только 20 декабря 1568 г. — атолл Уэйк¹ (19° 18' с. ш., 166° 36' в. д.). В январе 1569 г. Менданья достиг одного из мексиканских портов².

Вернувшись через полгода в Перу, Менданья объявил, что открыл настоящую землю Офир. Он рассказывал о чернокожих людях, действительно живущих на Соломоновых о-вах, и о золоте (которого там не было), но ему долго не верили. Только через 25 лет Менданье удалось снарядить пять судов для плавания к Соломоновым о-вам. Фактически начальником экспедиции стала его жена *Изабелла Баррето* (сам он был тяжело болен), чванливая, властная и сварливая женщина, во все вмешивавшаяся. 16 июня 1595 г. маленькая флотилия отплыла на запад от перуанских берегов.

21 июля испанцы увидели горную вершину, выступавшую из океана. Это был Фату-Хива, крайний юго-восточный остров из группы вулканических Маркизских о-вов (названы в честь перуанского вице-короля маркиза *Каньете*), — неожиданный и полезный этап на пути к далекой земле Офир. Менданья приблизился к острову, и скоро его корабли были окружены несколькими сотнями сильных и красивых людей. Они прибывали на пирогах, на плотах, даже вполав и главели на чудесное судно. В знак дружбы они привезли кокосовые орехи. Несколько десятков мужчин поднялись на ко-

Воин с Соломоновых островов.

¹ Современные исследователи (например, *Э. Шарп*) отвергают предположение, часто высказывавшееся в XIX—XX вв., будто экспедиция Менданьи открыла о. Гавайи.

² На обратном пути одним из кораблей командовал *Педро Сармьенто де Гамбоа*, составивший отчет об экспедиции (см. Я. М. Свет, 1967).

рабли. Они рассматривали новые для них предметы с детским любопытством и хватали те вещи, которые им особенно нравились. «Дикарям» приказали удалиться, но они, видимо, не поняли приказа; испанцы начали стрелять. Часть островитян бросилась в воду, некоторые были насильно выброшены за борт. Один старик ухватился за снасть и только тогда выпустил ее из рук, когда его ранили шпагой. Увидев кровь, туземцы окружили адмиральский корабль и пытались подвести его к берегу. Испанцы дали залп из мушкетов и убили несколько человек, в том числе и упрямого старика; ранили очень многих. И в Полинезии первая встреча европейцев с коренными жителями сопровождалась кровопролитием. Только один испанец был ранен в этом неравном бою.

Не задерживаясь здесь, Менданья повернул на север, где виднелись другие земли, открыл еще два острова, в том числе Хива-Оа, и на следующий день стал на якорь в удобной гавани. Полинезийцы дружелюбно встретили пришельцев и положили близ испанского лагеря груды плодов. Менданья нуждался в свежей провизии, поэтому благосклонно принял подарки, рассчитывая на новые подношения; и «доброе согласие» было установлено. Простояв там около месяца, испанцы пошли на запад, стараясь не отклоняться от 10° ю. ш., который пересекает и Маркизские и южную группу Соломоновых о-вов. На пути они обнаружили два атолла, вероятно в южной части Эллис (29 августа). Во время шторма один корабль пропал без вести.

Наконец 7 сентября экспедиция подошла к группе вулканических островов. Их природа и население очень напоминали Соломоновы, но только горы здесь были ниже, а сами острова гораздо меньше. Менданья назвал их Санта-Крус, блуждал вокруг них, но не мог найти своих Соломоновых о-вов. Напомним, что тогда еще не умели определять долготу места: Санта-Крус находятся приблизительно на 5° восточнее Соломоновых о-вов, и такая ошибка в XVI в. была заурядным явлением, однако для 10° ю. ш. она составляла более 500 км. На о. Ндени, крупнейшем в группе Санта-Крус, Менданья хотел основать колонию, но там не было никаких богатств, и часть моряков взбунтовалась. Менданья подавил мятеж, казнив вожака, но сам вскоре умер (18 октября 1595 г.). Начальницей экспедиции объявила себя вдова, Изабелла Баррето. Среди испанцев вспыхнула эпидемия (предположительно — чума), и только тогда донья Изабелла дала согласие на уход с о. Санта-Крус.

Вел флотилию очень опытный мореход-португалец, которого на испанской службе звали *Педро Эрнандес Кирос*. Он взял курс на северо-запад, потерял в пути еще одно судно и, пройдя в декабре через цепь Каролинских о-вов, достиг Филиппин 10 февраля 1596 г. Через 2,5 года Кирос — путем Урданеты — привел 11 декабря 1598 г. два уцелевших судна в Акапулько. Славу открытий и заслугу сохранения этих двух судов приписала себе Изабелла Баррето, и до настоящего времени некоторые испанские морские историки несправедливо величают ее «первой в мире женщиной-флотоводцем».

Открытия Кироса в Южной Полинезии и «Австралия Духа Святого»

В декабре 1605 г. из Кальяо (Перу) двинулись на запад три корабля под начальством Педро Кироса. Он шел гораздо более южным путем, чем Мендалья, и в конце января 1606 г. обнаружил у 25° ю. ш. два обитаемых островка — Дюси и Гендерсон, на второй из них он высадился. К северо-западу от него, за 22° ю. ш., через несколько дней открыты были обитаемые «Низменные острова» (атоллы). До середины февраля Кирос переходил от одного атолла к другому и высаживался на одном из них, вероятно на Хао ($18^{\circ} 15'$ ю. ш., $140^{\circ} 55'$ з. д.). Он положил начало открытию того архипелага Южной Полинезии, за которым через триста с лишним лет закрепилось название Туамоту. Сотни мореплавателей в XVII—XIX вв., попадая в этот «рой островов» (Паумоту), открывали неизвестные ранее атоллы, часть вторично или определяли их координаты, описывали их, наносили на карты. Только в нашем веке географы могут сказать, что Туамоту представлен двумя параллельными грядами, состоящими из 75—80 низких атоллов и бесчисленного множества коралловых островов и рифов, и что общая площадь суши всего архипелага 810 км^2 .

Пройдя далее на запад, Кирос, по его словам, открыл прекрасный о. Сагиттария, казавшийся очень густонаселенным и плодородным, возможно из архипелага Общества, однако отождествлять его с каким-нибудь определенным островом невозможно. На его берегах были видны стройные, красивые, совершенно голые люди с кожей темно-золотистого цвета. У испанцев вышли почти все запасы дров и воды. Они хотели подойти к берегу, но не решились сделать это, боясь потерпеть крушение на подводных скалах. Ночью сильный ветер и мощное течение подхватили корабли и унесли их от приветливого острова. Кирос повернул на север и достиг 10° ю. ш., чтобы на этой параллели искать потерянные Соломоновы о-ва. Держась западного курса, испанцы 21 февраля 1606 г. и 2 марта высаживались на два малых острова, вероятно на атоллы Каролайн (10° ю. ш., $150^{\circ} 20'$ з. д.) и Ракаханга (10° ю. ш., $161^{\circ} 10'$ з. д.) — самый западный атолл из группы Манихики. Моряки продолжали страдать от жажды и из-за недостатка дров не имели горячей пищи. Они увидели на юге какую-то землю (один из островов Самоа?), но здесь им не удалось высадиться, так как жители были настроены резко враждебно к чужеземцам. И опять корабли, без воды и топлива, продолжали путь на запад; Соломоновы о-ва, вероятно, казались морякам фантазией Мендальи.

Наконец 7 апреля показался обитаемый островок из группы Дафф (у 10° ю. ш.), в 200 км к северо-востоку от Ндени. Испанцы получили здесь все, в чем столько времени нуждались: пресную воду, дрова, свежие фрукты и кокосовые орехи. Местный вождь сообщил им, что на юге поблизости есть несколько десятков малых островов (Санта-Крус), а подальше лежит «большая земля». Дав своим людям необходимый отдых, Кирос повел корабли на юг.

Найдя на пути группу островков (Банкс) и в течение двух дней переходя от одного к другому, 27 апреля он действительно увидел «большую землю». На горизонте показалась высокая вершина (высшая точка о. Эспириту-Санто, 1680 м). Когда обрадованные испанцы продвинулись несколько дальше, они увидели высокий берег, который уходил, казалось, очень далеко к юго-востоку. Корабли стали на якорь в глубокой бухте. Кирос решил, что открыл Южный материк, и назвал его «Австралией Духа Святого».

«Великий» мореплаватель и его спутники сошли на землю 1 мая 1606 г. На «новом» материке они торжественно заложили первый христианский город — Новый Иерусалим. Отсюда христианская вера должна была распространяться среди черных жителей «Австралии Духа Святого». Пять недель все три корабля стояли в бухте Нового Иерусалима. На шестой неделе там осталось только два судна. По версии самого Кироса, в то время, когда он пытался обследовать берег «нового материка», штормовой ветер унес его в открытый океан; он не мог вернуться и вынужден был идти в Новую Испанию. На пути 8 июля он открыл один атолл на севере, за о-вами Гилберта — видимо, Макин. По другой версии, Кирос тайно ушел от своих товарищей, предательски их бросив. На всех парусах португалец мчался в Мексику¹. Он считал, что немедленно должен сообщить всему христианскому миру о великом открытии, добиться от испанского правительства права на управление Южным материком, получить в свое владение обширные земли и, как он надеялся, богатейшие недра страны. 23 декабря 1606 г. Кирос прибыл в Акапулько, не потеряв ни одного человека — единственный случай в истории испанского мореплавания.

Об «Австралии Духа Святого» Кирос сочинил ряд хвастливых отчетов, в которых сознательная ложь переплетается со сравнительно точным, хотя и слишком восторженным, описанием природы новооткрытой земли и ценными этнографическими наблюдениями. А эта земля была не очень большим архипелагом, позднее названным Новыми Гебридами (менее 15 тыс. км² с островами).

Открытие Торресова пролива и подлинной Австралии

Капитаны двух оставшихся кораблей *Диего Прадо-и-Товар* и *Луис Ваз Торрес* в июне 1606 г. обследовали открытую «большую землю», обойдя ее кругом, и убедились, что Кирос открыл не Южный материк, а группу островов, и притом не очень крупных. Затем они повернули на запад с уклоном к северу² и, впер-

¹ При переходе через Тихий океан моряки его экспедиции впервые в истории мореплавания стали получать питьевую воду из морской на борту судна.

² Торрес находился сравнительно близко от восточного берега «зеленого» континента и достиг бы его, если бы повернул к юго-западу. Но никто тогда, конечно, не мог знать, что реальная Австралия была значительно меньше огромной гипотетической суши, красовавшейся на картах того периода.

вые пересекая Коралловое море, 14 июля достигли, по определению Торреса, у $11^{\circ} 30'$ ю. ш. оконечности Новой Гвинеи. На самом же деле крайний юго-восточный выступ Новой Гвинеи не заходит так далеко на юг. Если здесь нет грубой ошибки (маловероятной) в определении широты, то Торрес принял за оконечность Новой Гвинеи один из островов архипелага Луизиады, вероятно крупнейший из них — Тагула. Затем корабли прошли вдоль цепи коралловых рифов, простиравшейся к западу от Тагулы, и мимо небольших островов, в том числе Басилаки (показаны на карте Прадо). Далее на запад была уже несомненная Новая Гвинея.

В своем отчете Торрес сообщает, что он шел вдоль южного берега Новой Гвинеи 300 лиг (около 1800 км), следовательно, открыл залив Папуа; «из-за многочисленных мелей и сильного течения [ему пришлось] отойти от берега и повернуть на юго-запад. Там были большие острова, а на юге виднелся еще ряд их». То, что усмотрел на юге Торрес на таком расстоянии от Тагулы или от юго-восточного выступа Новой Гвинеи, было, несомненно, северным берегом Австралии¹ с прилегающими островами. Пройдя еще 180 лиг (около 1000 км), корабли повернули на север и снова достигли у 4° ю. ш. южного берега Новой Гвинеи, простиравшегося с востока на запад. Последний переход они совершили в западном направлении с уклоном к северу, доказав таким образом, что на юге Новая Гвинея не соединяется ни с какой землей, и следовательно, представляет собой остров — как позже установлено, второй по величине (829 тыс. км²) в мире после Гренландии. «И здесь, в этой стране [на северо-западе Новой Гвинеи], я впервые увидел и железо и китайские колокола, утвердившие нас в уверенности, что мы находимся вблизи Молуккских островов» (Л. Торрес).

Через Молукки Торрес и Прадо перешли к о. Лусон (Филиппины) и в середине 1607 г. представили в Маниле отчеты. Они доказали своим плаванием, что Новая Гвинея, северный берег которой давно уже был известен португальцам и испанцам, — не часть южного материка, а огромный остров, отделенный проливом от группы «больших островов», на самом же деле — от подлинной Австралии. Они не были первыми европейцами, увидевшими южный материк, но они, безусловно, первыми прошли через усеянный коралловыми рифами опасный пролив, отделяющий Австралию от Новой Гвинеи.

Испанское правительство держало это великое открытие, как и многие другие, под строжайшим секретом. Только через 150 лет, во время Семилетней войны, когда англичане высадились на Лусон (1762 г.), временно захватили Манилу и разграбили правительственные архивы, мир смог узнать об испанских открытиях в Тихом океане. Случайно копия отчета Торреса около 1765 г. попала в руки английского гидрографа *Александра Далримпла*; в 1769 г. он предложил назвать проход между Новой Гвинеей и выступом Австралии Торресовым проливом.

¹ Полуостров Кейп-Йорк, если считать от Тагулы (по Торресу), или северо-восточный берег Арнемленда, если считать от Басилаки (по Прадо).

АНГЛО-ИСПАНСКАЯ БОРЬБА
НА ОКЕАНАХ

Пират-путешественник Ингрэм

С середины XVI в. на испанских атлантических путях появились многочисленные пираты, и не только французские, но и английские, голландские, датские¹. Они охотились преимущественно за судами, груженными драгоценными металлами, на путях от берегов Мексики и Центральной Америки к Испании. Но они не брезговали и торговлей рабами из Западной Африки. К числу таких разбойников с больших морских дорог и работорговцев принадлежал англичанин *Джон Хокинс*, будущий участник разгрома «Непобедимой армады» (1588 г.), позднее адмирал; в испанских хрониках он фигурировал под именем *Хуана Акинеса*. В октябре 1567 г. его судно потерпело крушение у западных берегов Флориды. 114 моряков, среди которых находился *Дэвид Ингрэм*, двинулись пешком на север, справедливо опасаясь испанцев и надеясь, что значительно севернее, на Атлантическом побережье материка, им удастся встретить какое-нибудь судно. Они шли по Приатлантической низменности, переправляясь на индейских челнах через многочисленные небольшие и сравнительно крупные реки, в том числе Потомак, Саскуэханна и Гудзон. В походе большая часть пиратов-путешественников погибла: вероятно, некоторые остались жить среди индейцев; лишь Д. Ингрэм и два его спутника, преодолев приблизительно за два года² по прямой 2500 км (в действительности больше), добрались до о. Кейп-Бретон, где их подобрало французское судно.

После благополучного возвращения на родину Ингрэм за выпивку и закуску стал рассказывать о своих скитаниях по заатлантической стране. Слушатели поражались его «басням» об огромном седом медведе (гризли), не верили его «роздазням» о птице, не умеющей летать (бескрылая гагарка), удивлялись «сказкам» о другой птице — фламинго с перьями ярко-красного цвета, ставили под сомнение существование животного, похожего на лошадь, но с рогами (американский лось), и жадно внимали его сообщениям о

¹ Их пиратскими базами стали Малые Антильские о-ва; отдельные острова постоянно переходили из рук в руки, от пиратов одной национальности к другой.

² Ингрэм утверждал, что все путешествие заняло 11 месяцев — скорее всего, он учитывал лишь время, затраченное на движение.

выдуманных многочисленных городах страны, о ее мифических богатствах — золоте, серебре и жемчуге. Но не эта фантазия, а правдивое описание некоторых представителей животного мира Северной Америки снискало Ингрэму славу вряля. В большой международной «семье» лгунов-путешественников он пребывал без малого 400 лет: лишь в середине нашего века он был «реабилитирован». Однако среди его современников все же нашлись люди, понимавшие, что в его рассказах есть доля правды. К ним принадлежал министр английской тайной полиции. Вероятно, сведения, сообщенные Ингрэмом на допросе (август — сентябрь 1582 г.), побудили правительство королевы Елизаветы отправить к североамериканским берегам экспедицию *Хемфри Гилберта* (см. гл. 30).

Пират Дрейк у берегов Испанской Америки

Среди пиратов, пользовавшихся покровительством английской короны, выделился англичанин Френсис Дрейк, открывший, по выражению вице-короля Перу, «путь в Тихий океан всем еретикам — гугенотам, кальвинистам, лютеранам и прочим разбойникам...».

«Железный пират», как его позднее называли, был человек властный и крутой, с бешеным характером, мнительный и суеверный, даже для своего века. Однажды во время бури он кричал, что ее наслал его враг, находящийся на корабле, что тот — «колдун, и все это идет из его сундука». Дрейк в качестве пирата действовал не на свой страх и риск, а как «приказчик» крупной «компании на паях», одним из пайщиков которой была английская королева Елизавета. Она снаряжала за свой счет корабли, делилась с пиратами добычей, но брала себе львиную долю прибыли. Боевое крещение Дрейк получил в 1567—1568 гг. во флотилии пирата Джона Хокинса, захватившего испанские города в Центральной Америке, чтобы беспопылинно вести торговлю неграми с испанскими же плантаторами. Набег этот кончился тем, что пять судов попали в руки испанцев и только один — под командой Дрейка — вернулся в Англию. Через четыре года Дрейк уже самостоятельно совершил набег на Панамский перешеек, разграбил караван с драгоценными металлами из Перу и на захваченных новеньких испанских судах прибыл на родину.

В 1577 г. Дрейк приступил к самому важному из своих предприятий, которое неожиданно¹ для него самого завершилось кругосветным плаванием. Целью пирата был набег на тихоокеанские берега Испанской Америки. Королева и ряд английских вельмож и на

¹ Существует, правда, другое мнение: Ф. Дрейк заранее планировал кругосветный поход, намереваясь обнаружить участок Южного континента, открыть пролив «Аниан», установить английский контроль над американскими землями, не находящимися под испанским господством, изучить географию Тихого океана, по достижении Молукк захватить любые «свободные» острова и завязать торговые отношения с Китаем и Японией.

Ф. Дрейк.

этот раз поддержали предприятие своими средствами, требуя лишь, чтобы пират хранил в тайне их имена. Дрейк снарядил четыре корабля вместимостью 90—100 т, не считая двух пинас (небольших вспомогательных судов), и 13 декабря 1577 г. вышел из Плимута. В апреле 1578 г. пираты достигли устья Ла-Платы и, медленно продвигаясь на юг, обнаружили удобную гавань у берега Патагонии (у 47° 45' ю. ш.). Один из спутников Дрейка так характеризует патагонцев: «Они оказались добродушными людьми и проявили столько жалостливого участия к нам, сколько мы никогда не встречали и среди христиан. Они тащили нам пищу и казались

счастливы нам угодить». По его словам, патагонцы действительно «отличаются... ростом, плотным сложением, силой и зычностью голоса. Но они вовсе не такие чудовища, как о них рассказывали испанцы: есть англичане, которые не уступают ростом самому высокому из них...»

20 июня пираты остановились в той же бухте Сан-Хулиан, где зимовал Магеллан. Именно здесь Дрейк, явно подражая великому португальцу, обвинил офицера Томаса Даути в заговоре и казнил его. 17 августа пираты покинули бухту. Флотилия Дрейка уменьшилась до трех судов: еще в конце мая он приказал снять с одного полуразрушенного корабля снасти и все железные части, а остов сжечь. Через четыре дня англичане вошли в Магелланов пролив и с большими предосторожностями продвигались в виду обоих берегов, которые постепенно сближались. На побережье попадались бродячие жители, укрывавшиеся от непогоды в жалких шалашах. «Но для грубых дикарей их утварь казалась нам очень искусно и даже изящно сработанной,— пишет спутник Дрейка священник *Френсис Флетчер*.— Их челноки сделаны из коры, не просмолены и не проконопачены, а только сшиты по швам полосками тюленьей кожи, но так аккуратно и плотно, что не дают течи. Из коры же сделаны и их чашки и ведра. Ножи сделаны из громадных раковин: отломив края, они оттачивают их на камне до... нужной остроты».

Путь через пролив «с его черными, как ад, ночами и немилосердной яростью неистовых штормов» продолжался две с половиной недели. «Не успели мы выйти [6 августа] в это море... для нас оказавшееся Бешеным, как началась такая неистовая буря, ка-

кой мы еще не испытывали... [днем] мы не видели солнечного света, а ночью — ни луны, ни звезд. Невдалеке были видны по временам горы... потом они скрывались из глаз... Мы потеряли наших товарищей». Один корабль флотилии Дрейка пропал без вести, другой, через месяц, отброшенный бурей обратно в Магелланов пролив, выбрался в Атлантический океан и вернулся в Англию.

Буря длилась 52 дня, до конца октября. За все время было только два дня передышки. «И вдруг все точно рукой сняло: горы приняли благосклонный вид, небеса улыбались, море спокойно, но люди были измучены и нуждались в отдыхе». Одинокiй корабль «Золотая лань» (100—120 т) за два месяца отнесло бурей на юг почти на пять градусов. 24 октября моряки усмотрели «самый крайний» к югу остров и простояли там до 1 ноября; «за ним в южном направлении не было видно ни материка, ни острова, лишь Атлантический океан и Южное море встречались на... вольном просторе». Но Дрейк ошибся: обнаруженный им маленький о. Хендерсон (55° 36' ю. ш., 69° 05' з. д.) находится в 120 км к северо-западу от мыса Горн.

Открытие свободного водного пространства дало Дрейку возможность доказать, что Огненная Земля, или «Неведомая Земля» (Терра Инкогнита), вовсе не выступ Южного материка, а архипелаг, за которым простирается, казалось, беспредельное море. Подлинный южный материк, Антарктида, лежит в 1000 км к югу от Огненной Земли. В XIX в., после открытия Антарктиды, широкий проход между ней и Огненной Землей нарекли проливом Дрейка, хотя он с большим правом должен называться проливом Осеса (см. гл. 19).

На этих южных широтах, столкнувшись с ужасными ветрами и штормами, Дрейк не смог продвинуться к западу, чтобы выполнить один из пунктов инструкции — обнаружить побережье Южного континента. И тогда он взял курс на север, надеясь соединиться с пропавшими кораблями своей эскадры, как ранее было установлено, в Вальпараисо.

25 ноября «Золотая лань» стала на якорь у о. Чилоэ, населенного индейцами-арауканами; «бежавшими с материка из-за жестокости испанцев». Они справедливо не доверяли европейцам и, когда Дрейк с 10 вооруженными матросами высадился на берег, заставили его уйти, убив двух англичан. Но севернее на материке индейцы дружелюбно встретили пришельцев и дали им лоцмана до Вальпараисо. Дрейк разграбил город и захватил стоящий в гавани испанский корабль с грузом вина и «...некоторым количеством золота».

Пират двинулся дальше на север. На испанских картах, попавших в руки англичан, чилийский берег имел северо-западное направление, но всякий раз, когда Дрейк поворачивал на северо-запад, он терял его из виду. Оказалось, что все побережье Чили тянется в основном с юга на север. Только у Перу берег действительно повернул на северо-запад: Дрейк «срезал» сотни тысяч квадратных километров несуществующей территории. После его

плавания контур Южной Америки на картах принял более правильные, знакомые нам очертания. В бухте Баия-Салада (у 27° 30' ю. ш.) Дрейк простоял месяц, ремонтируя «Золотую лань» и напрасно ожидая два других судна.

За Южным тропиком пират подошел к портам, через которые испанцы отправляли в Панаму перуанское серебро. Испанцы чувствовали себя там, и на суше, и на море, в полной безопасности и перевозили ценные грузы без охраны. Ряд таких грузов легко перешел в руки Дрейка. В Кальяо (порт Лимы) на рейде стояли 30 испанских судов, из них несколько хорошо вооруженных. А Дрейк ввел «Золотую лань» в гавань и простоял там всю ночь среди врагов. Моряки на соседних кораблях громко разговаривали о судах, недавно вышедших в Панаму. Утром 14 февраля 1579 г. Дрейк снялся с якоря, нагнал один особенно заинтересовавший его корабль и взял его на abordаж: там оказался богатый груз золота и серебра, подсчет которого длился шесть дней.

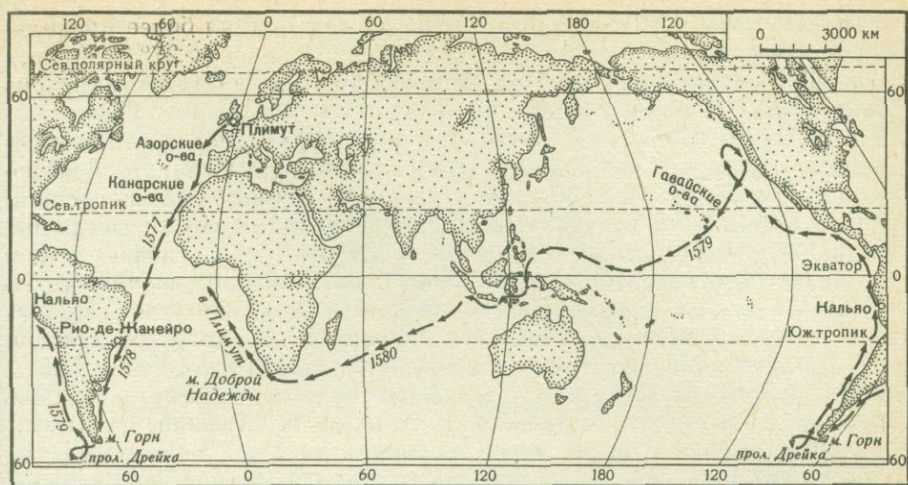
«Новый Альбион» и завершение Дрейком кругосветного плавания

Возвращаться через Магелланов пролив было опасно: Дрейк боялся, что там его ждут испанцы¹, и решил вернуться домой вокруг Северной Америки. Он привел в порядок «Золотую лань», запасся топливом, водой и двинулся на северо-запад, вдоль тихоокеанского берега Мексики. Там он не нападал на портовые города, а грабил только поселки. От Мексики он пошел дальше на север.

Когда англичане в июне поднялись до 42° с. ш., они испытали внезапный переход от жары к холоду: падал мокрый снег, снасти обледенели, часто налетали шквалы. В тихую погоду надвигались густые туманы, из-за которых приходилось стоять на месте. Две недели ни по солнцу, ни по звездам нельзя было определить положение корабля.

«Когда мы приближались к берегу, мы видели голые деревья и землю без травы, и это в июне и в июле... Берег неизменно отклонялся к северо-западу, как будто шел на соединение с Азиатским материком... Нигде не видели мы следов пролива... Тогда решено было спуститься в более теплые широты: мы находились под 48°, и десять градусов, пройденные нами, перенесли нас в прекрасную страну с мягким климатом». Тихоокеанский берег Северной Америки начинает «неизменно отклоняться к северо-западу» у о. Ванкувер (за 48° с. ш.). Именно эту параллель и указал Флетчер. На самом деле там есть пролив — между о. Ванкувер и материком (Хуан-де-Фука). Англичане могли не заметить его из-за тумана или из-за того, что буря в то время отогнала их слишком далеко от берега, но гораздо правдоподобнее, что Дрейк до-

¹ Действительно, туда было послано несколько военных кораблей.

Кругосветное плавание Ф. Дрейка (1577—1580 гг.).

стиг только $42-43^{\circ}$ с. ш. (мыс Бланко). Вряд ли такой опытный мореход, как Дрейк, мог допустить ошибку в пять градусов в определении широты, но дело в том, что из-за скверной погоды как раз и не было возможности определить положение корабля.

У 38° с. ш. в бухте (теперь Дрейкс-Бей) 17 июня 1579 г. англичане высадились на берег и приступили к ремонту корабля, занявшему шесть недель. Дрейк разбил лагерь и укрепил его. Жители (калифорнийские индейцы) подходили к лагерю группами, но не проявляли враждебных намерений, а только с изумлением смотрели на пришельцев. Англичане раздавали им подарки и старались жестами показать, что они не боги и нуждаются в пище и питье. У лагеря стали собираться толпы индейцев — голые дети, мужчины, большей частью нагие, женщины, носившие «юбки из тростника, растрепанного как пакля, а на плечах — оленин шкуры». Они приносили пиратам перья и мешки с табаком. Однажды, когда в лагерь пришли вождь, его воины в меховых плащах и толпа голых индейцев с женщинами и детьми, пират решил, что настал момент для присоединения к английским владениям открытой им страны.

У одного индейца был «скипетр» из черного дерева, три костяных цепочки и мешок с табаком. «...От имени королевы Дрейк взял в руки скипетр и венок, а вместе и власть над всей страной, назвав ее «Новым Альбионом», на что были две причины: белый цвет прибрежных скал и желание связать страну с нашей родиной, которая некогда так называлась». Перед отплытием Дрейк поставил на берегу столб. На медной пластинке, прибитой к столбу, были вырезаны имя Елизаветы, даты прибытия англичан в страну и «добровольного подчинения» ее жителей королеве. Ниже пират вставил серебряную монету с изображением королевы и ее гербом

и вырезал свое имя (пластинка обнаружена в 1923 г., утеряна и вновь найдена в 1926 г.).

Дрейк решил идти от Нового Альбиона через Тихий океан к Молуккам. В конце июля на открытых им о-вах Фараллон ($37^{\circ} 45'$ с. ш., 123° з. д.) англичане запаслись провизией — мясом морских львов, яйцами и мясом диких птиц — и взяли курс на Марианские о-ва. 65 или 66 дней моряки не видели ничего, кроме неба и моря. В конце сентября вдаль показалась земля — один из Марианских о-вов. Но из-за противных ветров Дрейк только в ноябре увидел Молукки. Остановился он у Тернате, выяснив, что правитель острова был врагом португальцев. Англичане получили через него много провизии и двинулись дальше. К югу от Сулавеси, у необитаемого островка, пираты простояли месяц: их судно нуждалось в ремонте, а они сами — в отдыхе. Затем еще месяц корабль блуждал в лабиринте островков и отмелей близ южных берегов Сулавеси, причем едва не погиб, наскочив на риф. У Явы пираты узнали, что невдалеке стоят корабли, такие же большие, как «Золотая лань». Дрейк решил не медлить, не имея ни малейшего желания встретиться с португальцами, и взял курс прямо на мыс Доброй Надежды. «Золотая лань» обогнула мыс в середине 1580 г., а 26 сентября 1580 г. бросила якорь в Плимуте — через 2 года 10 месяцев после того, как покинула Англию, завершив второе, после испанского корабля «Виктория», кругосветное плавание. И Дрейк ставил себе в особенную заслугу, что он был первым командиром, который не только начал, но и закончил кругосветное плавание.

Пиратский «рейд» Дрейка открыл для английских и голландских кораблей морские пути, известные ранее только испанцам и португальцам¹, и резко ухудшил англо-испанские отношения. Испанский посол в Англии требовал примерного наказания пирата и возвращения награбленного добра, которое оценивалось в несколько миллионов золотых рублей, но английская королева осыпала милостями Дрейка, дала ему титул баронета, открыто гуляла с ним в своем саду и жадно слушала рассказы о его похождениях.

Послу Елизавета приказала ответить, что все ценности будут храниться в ее сокровищнице, пока между Англией и Испанией не будут произведены расчеты по взаимным претензиям. Для описи и опечатания награбленного имущества королева послала чиновника с наказом, чтобы он раньше дал Дрейку возможность «привести все в порядок». Тот, по его собственным словам, «видел желание ее величества, чтобы точные цифры не были известны ни одной живой душе». Еще сильнее англо-испанские отношения обострились в 1586 г., после того как Дрейк, командуя уже целым флотом в 25 судов, разграбил несколько портовых городов на Гаити и у юго-западных берегов Карибского моря.

¹ В 1586—1588 гг. совершил кругосветное плавание английский пират *Томас Кавендиш*, разграбивший на пути несколько перуанских городов, в 1598—1601 гг. — голландский торговец пират *Оливер Ван-Норт*.

АНГЛИЙСКИЕ ПОИСКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРОХОДА И ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ В ЗАПАДНОЙ АРКТИКЕ

Три экспедиции Фробишера

В последней четверти XVI и в начале XVII в. английские моряки совершили ряд плаваний, надеясь отыскать Северо-Западный проход из Атлантического в Тихий океан. Первым — после отца и сына Каботов — возобновил поиски прохода с целью дойти до Китая, обогнув с севера Америку, морской офицер *Мартин Фробишер*. Он нашел покровителей — вельмож и купцов, не очень, впрочем, щедрых: снаряжены были три судна — два барка по 20—25 т и пинаса (10 т).

Фробишер в июне 1576 г. обогнул Шотландию и 11 июля увидел под 61° с. ш. высокую, покрытую снегом землю Фрисланд (Гренландию). Вскоре пинаса погибла со всей командой, один барк дезертировал, но Фробишер на своем судне «Габриэль» с командой в 23 человека продолжал плавание. Он обогнул южную оконечность Гренландии и взял курс на запад с уклоном к северу. 20 августа у 63° с. ш. и 64° з. д. он высадился на островок Локс-Ленд, а затем проник в узкий залив, который принял за желанный проход и назвал проливом Фробишера. Он прошел мнимым проливом на северо-запад 60 миль, «имея с правой руки... Азиатский материк, который здесь отделялся от американской суши, лежащей по его левую руку». «Американская суша» Фробишера — это юго-восточный полуостров Баффиновой Земли, носящий до настоящего времени латинское название Мета-Инкогнита («Неведомая Цель»): такое условное секретное название дала королева Елизавета, которая сочла, со слов Фробишера, этот участок суши за подступ к Азии. А лежащий к северу «азиатский материк» Фробишера — это выступ той же Баффиновой Земли, называющейся теперь п-овом Холл.

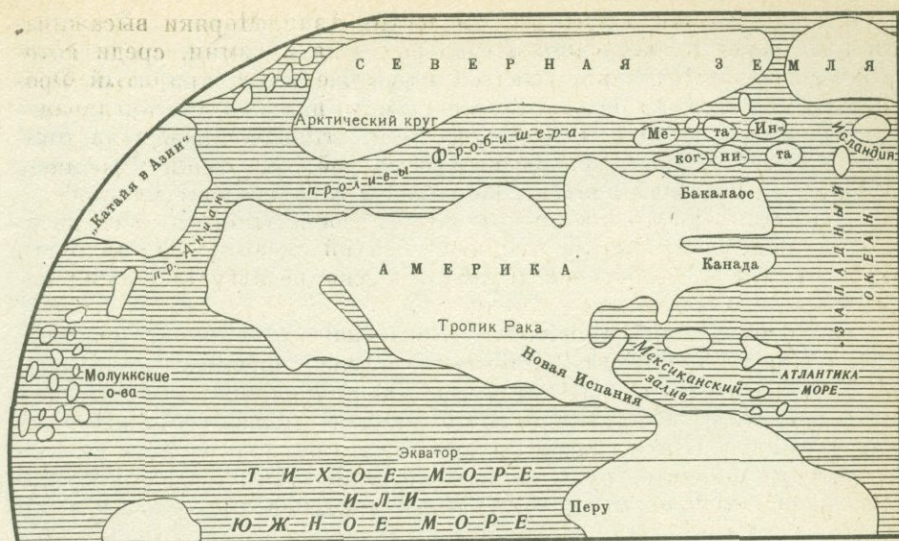
В заливе Фробишер встретил смуглых людей, «похожих на татар, с длинными черными волосами, широкими лицами и плоскими носами, одетых в тюленьи шкуры — одинакового покроя у мужчин и женщин. Лодки их также сделаны из тюленьих кож, а под кожей скрывается деревянный киль». Это — первая, исторически доказанная встреча европейцев с американскими эскимосами: люди, приведенные Кортириалом, могли быть индейцами. Их «сходство с татарами» (монголоидный тип) стало в глазах Фробишера дополнитель-

ным доказательством того, что он достиг Азии. Моряки высаживались на берег и приносили оттуда растения и камни, среди которых был черный камень с желтыми вкраплениями, принятый Фробешером за золотую руду. Эскимосы завели немой торг с англичанами. Однажды лодка с пятью матросами, отправившимися на торг, пропала без вести. С поредевшей командой, без лодки Фробешер не рискнул двинуться дальше на запад; к тому же наступила осень, и он спешил вернуться в Англию, чтобы сообщить там о своем двойном «великом» открытии: пролива в Тихий океан и золотой руды. Захватив с собой эскимоса, Фробешер в конце августа поднял паруса и 2 октября вошел в Темзу.

Немедленно организовалась «Катайская компания», получившая большие привилегии. Елизавета внесла наибольший пай, снарядила на казенный счет корабль в 200 т. Фробешер получил также «Габриель» и другой барк. В экипаж судов, состоявший из 140 человек, входили солдаты и рудокопы. Большой корабль должен был с грузом золотой руды немедленно вернуться в Англию, Фробешер с двумя барками — продолжать исследование «пролива» и пройти в «Катай» или в крайнем случае так далеко на запад, чтобы удостовериться, что он находится в другом океане. Дойдя до «американской суши» (Мета-Инкогнита) 19 июля 1577 г., англичане не раз высаживались на берег. Из-за льдов Фробешер не мог — или не хотел — форсировать «пролив». Он спешно наполнил трюмы судов «драгоценным» грузом (более 200 т камня) и 23 сентября уже был в Англии. «Золотая лихорадка» охватила англичан, особенно после того, как королевская «ученая» комиссия установила, будто в руде действительно содержится много золота и «пролив» Фробешера ведет в «Катай».

30 мая 1578 г. под начальством Фробешера вышли на запад 15 судов — больших (военных и грузовых) и малых — с тройным заданием: основать колонию и построить крепость у «пролива»; немедленно приступить к добыче золота; продолжать с малыми судами исследование «пролива» и дойти по возможности до «Катай». У входа в забитый льдами «пролив» в начале июля во время снежной бури один из самых больших кораблей столкнулся с айсбергом и затонул; экипаж его с трудом спасся. Остальные суда, рассеянные и отброшенные бурей на юг, попали в настоящий широкий, свободный от льдов пролив, за которым на западе было видно свободное море, причем берег «американской суши» уклонился к югу¹. Собрав суда, Фробешер повел их на северо-восток и открыл проход между землей (полуостровом) Мета-Инкогнита на западе и группой небольших островов (Резольюшен, Эджел и др.) на востоке. Теперь даже в его глазах Мета-Инкогнита не могла быть материком, так как находилась между двумя проливами: одним настоящим — на юге (Гудзонов пролив), другим мнимым — на севере (залив Фро-

¹ Можно уверенно говорить, что флотилия Фробешера была в восточной части Гудзонова пролива, а свободное море на юге — это залив Унгава, у северного берега Лабрадора.

Деталь карты М. Фробिशера (эскиз).

бишера). У моряков возникло представление, пока очень смутное, о наличии большого архипелага на северо-западе океана. Однако, хотя Фробишер действительно видел подлинную Гренландию, положил начало открытию Баффиновой Земли и входил в широкие проливы, которые позднее стали называться Девисовым и Гудзоновым, он внес большую путаницу в карты Северо-Западной Атлантики: и до начала XVII в. картографы называли Гренландией не один, а целых четыре острова, существующий и выдуманные. Но он первый изучил природу айсбергов. Он заметил, что они при таянии дают пресную воду, а не соленую, и правильно заключил, что они «рождаются» на суше и сползают в море, как альпийские глетчеры сползают в горные долины.

Фробишер не построил крепости у «прохода»: позже он оправдывался тем, что во время бури погибло много строительных материалов. Трюмы всех судов были наполнены «золотой рудой», и 31 августа флотилия двинулась обратно. На следующий день буря рассеяла суда, и они поодиночке вернулись в разные английские порты¹. При разгрузке образцы руды попали во многие руки, в том числе и к любопытным частным специалистам. Но даже самый лучший из них не смог обнаружить в той руде ни крупинки золота. Величайшее английское заокеанское предприятие XVI в. закончилось величайшим крахом: Мета-Инкогнита оказалась не материком, а островом, «пролив» Фробिशера — заливом, в «золотой» руде не было золота.

¹ Сводное подробное описание трех арктических экспедиций Фробिशера дал его неизменный спутник *Джордж Бест*. Участником всех трех плаваний был также штурман *Кристофер Холл*, составивший отчет о первой экспедиции.

После этой неудачи Фробишер навеки простился с Севером. Он последовал примеру пирата Дрейка — искал и находил драгоценные металлы в трюмах испанских кораблей, идущих из «Западной Индии» в Испанию. Затем он командовал одним из кораблей, высланных Англией против испанской «Непобедимой армады», и был убит у берегов Франции при нападении на Брест во время войны *Генриха IV Бурбона* против реакционной католической лиги.

Три экспедиции Девиса

Мечта найти Северо-Западный проход все еще владела английскими умами. Несколько лондонских купцов решили «на пользу отечества отложить в сторону все мысли о золоте и серебре и снарядить корабли с единственной целью — открыть морской проход в Индию»¹. Они приобрели два судна водоизмещением в 35 и 50 т с экипажем всего в 42 человека. Во главе экспедиции был поставлен *Джон Девис*, «человек очень сведущий в мореходном искусстве».

Во второй половине июля 1585 г. Девис достиг юго-восточной окраины Гренландии. Но картографическая путаница, внесенная Фробишером, была так велика, что Девис не признал Гренландии и решил, что перед ним какой-то новый остров. Он видел гору, которая поднималась выше облаков, «как громадная сахарная голова». Земля была покрыта снегом, море у побережья забито льдом. Ему казалось, что даже льдины печально стонут у берегов, что вода в море «черная и густая, как стоячее болото». Он повернул на юго-запад и через несколько дней потерял из виду эту «Страну Отчаяния» (Десолейшн). Затем он взял курс на северо-запад, обогнув таким образом южную оконечность Гренландии, и снова увидел землю у 64°15' с. ш. Там моряки обнаружили отличную гавань в спокойном заливе Гилберта (теперь Готхоб) и близ нее стойбище эскимосов, с которыми англичане вступили в немой торг. Они попали в самый центр таинственно исчезнувшей норманнской колонии Вестербюгд (чего они не знали) и не раз еще встречались здесь с эскимосами, но никто из англичан не отметил ни одной европейской черты в облике местных жителей, никакого европейского влияния в их одежде и предметах обихода.

В начале августа Девис повернул в море, тогда свободное ото льда, и двинулся дальше на северо-запад. Пройдя около 600 км, он пересек Девисов пролив и достиг на западе суши у 66° 40' с. ш. (бухта Эксетер, п-ов Камберленд Баффиновой Земли). Девис решил, что зашел слишком далеко к северу, повернул на юг и, следуя вдоль берега, вступил в очень широкий залив (Камберленд), который вел его в глубь страны на северо-запад. Он прошел в этом направлении около 200 км, видел на берегу эскимосов. Залив не

¹ Цит. здесь и далее из книги И. П. Магидовича «История открытия и исследования Северной Америки». М., 1962.

кончался и не суживался, но на море пал такой густой туман, что идти далеко было очень опасно. Девис пришел к выводу, что нашел Северо-Западный проход, и 30 сентября вернулся в Англию с этой приятной вестью.

7 мая 1586 г. Девис на четырех судах отправился в залив Гилберта и на этот раз убедился, что его «Страна Отчаяния» является частью Гренландии. Он достиг о. Диско и здесь отпустил одно судно домой. Он перешел оттуда с большим трудом среди льдов к противоположному берегу у 67° с. ш. (Баффиновой Земле) и не мог проникнуть в «пролив». Две недели плыл Девис вдоль кромки льда. Погода изменилась, в холодном тумане паруса и снасти обледенели. Экипаж стал роптать. Девис отпустил домой еще одно судно, а сам продолжал путь сквозь туманы и льды. В начале августа у полярного круга он снова достиг суши и вдоль берега пошел к югу, пока не достиг Лабрадора, не заметив Гудзонова пролива. На широте $54^{\circ} 15'$ с. ш. он решил, что нашел вход в «пролив, ведущий прямо на запад» (залив Гамильтон), но не исследовал его из-за противного западного ветра. В сентябре после гибели двух моряков Девис повернул на родину, куда прибыл 14 октября.

Купцы, снарядившие экспедицию, конечно, остались недовольны ее «ничтожными» результатами: ни дороги в Китай, ни ценных товаров Девис не привез с собой. Но он обратил их внимание на то, что встречал в проливах, открытых им, множество китов и видел сотни тюленей на берегах. Тогда купцы финансировали экспедицию на трех судах, но взяли с Девиса обещание — не упускать удобного случая для китовой ловли и зверобойного промысла. Итак, главной целью теперь была добыча ворвани и тюленьих шкур; открытие же Северо-Западного прохода стало второстепенным делом.

И снова, уже в третий раз, летом 1587 г. Девис вошел в залив Гилберта. Он оставил там два больших судна для зверобойного промысла, а сам на малом судне продолжал поиски Северо-Западного прохода. Он прошел вдоль гренландского берега далеко на север, до $72^{\circ} 12'$ с. ш., а отойдя от берега — до 73° с. ш. Когда льды остановили его, он повернул на юго-запад и в середине июля достиг Баффиновой Земли. Следуя в южном направлении вдоль берега, Девис попал в мнимый пролив, где он уже побывал в 1585 г. (залив Камберленд). Два дня он плыл на северо-запад, пока правильно не решил, что не найдет там выхода в Восточный океан. Повернув обратно, он обследовал юго-восточное побережье Баффиновой Земли, открыл там крупный полуостров (Холл), миновал «Бешеный водоворот» (вход в Гудзонов пролив). Он проследил затем почти все Атлантическое побережье Лабрадора до 52° с. ш. и 15 сентября прибыл в Англию, страдая от недостатка провианта и пресной воды. Напрасно умолял он купцов дать ему средства на четвертую экспедицию — ему отказали.

В 1591—1592 гг. Девис участвовал в экспедиции *Томаса Кавендиша*, который вторично пытался пройти в Тихий океан, но

был отброшен штормом из Магелланова пролива в Атлантический океан и умер на обратном пути в Англию. Отделившийся корабль Девиса прибило к неизвестной ранее земле; последовавший за ним пират *Ричард Хоукинс* назвал их «островами Девы», теперь Фолклендские (Мальвинские). Позднее Девис совершил ряд плаваний в Ост-Индию и в конце 1605 г. был убит в районе Малакки в стычке с малайцами.

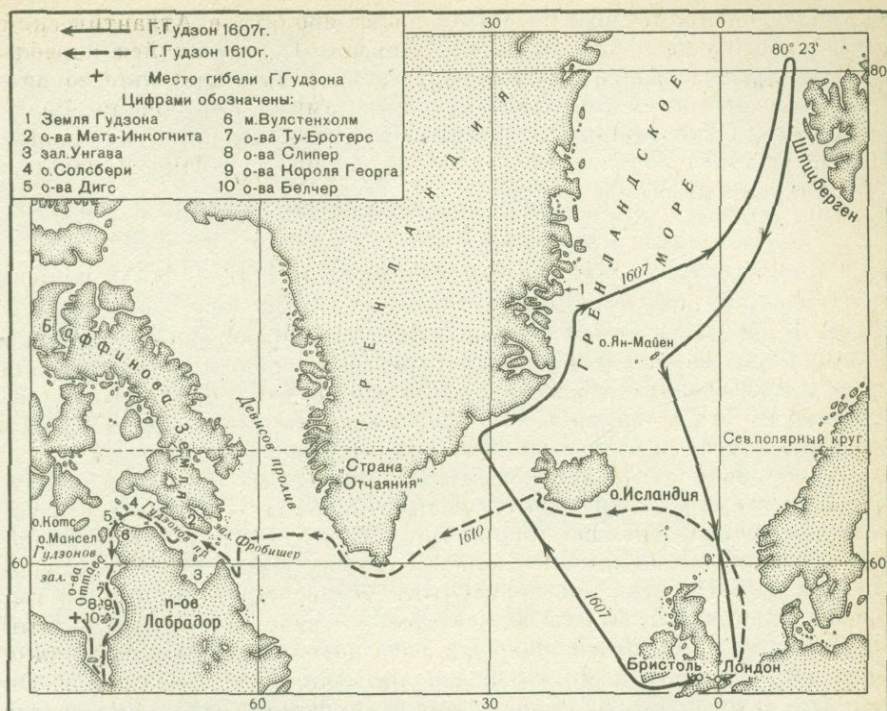
Плавания Гудзона в 1607—1608 годах

В 1607 г. купцы английской торговой «Московской компании» приняли на службу ранее почти неизвестного пожилого капитана Генри Гудзона, лондонского жителя. За их счет он снарядил парусник в 80 т с командой в 12 человек. На таком судне Гудзон собирался пройти в Японию прямо через Северный полюс.

1 мая 1607 г. Гудзон вышел из устья Темзы и в июне, двигаясь при исключительно благоприятных ледовых условиях вдоль восточного берега Гренландии, достиг у 73° с. ш. того выступа, который позднее был назван Землей Гудзона. Из-за льдов он повернул на северо-восток и в конце июня увидел остров, принятый им, видимо, за Новую Землю. На самом же деле это был Западный Шпицберген, по крайней мере с первой половины XVI в. постоянно посещавшийся русскими поморами, называвшими его Грумант. Он обогнул остров с севера и в середине июля впервые в истории достиг 80° 23' с. ш. Встретив непроходимые льды, Гудзон повернул обратно и у 71° с. ш. открыл небольшой одинокий остров с двумя вершинами, названный им «Зубцами Гудзона». Но он не мог точно определить положение «Зубцов»; через четыре года остров вторично открыл голландский капитан *Ян Майен*, который дал ему свое имя, закрепившееся на картах.

В середине сентября Гудзон вернулся в Лондон. Кроме больших географических достижений, его плавание имело и важное практическое значение: Гудзон подтвердил сведения о богатых возможностях китобойного и зверобойного промыслов в исследованной им части Северного Ледовитого океана, теперь называемой Гренландским морем. И английские и голландские промышленники немедленно воспользовались его указаниями. Но купцы «Московской компании» были недовольны, так как прямое задание — достичь через Северный полюс Японии — не было выполнено (впрочем, на парусном судне оно и не выполнимо).

Все-таки купцы в следующем году вторично послали Гудзона в моря Дальнего Востока, на этот раз северо-восточным путем, даже увеличили команду его судна на два человека. В море капитан взял с собой сына; это он делал и в следующих плаваниях. 22 апреля 1608 г. Гудзон вышел из устья Темзы и 26 июня достиг юго-западного берега Новой Земли, но не мог ни обогнуть ее с севера, ни пробиться через Карские Ворота на восток в Карское море и ни с чем 26 августа вернулся на родину.

Плавания Г. Гудзона (1607—1610 гг.).

«Московская компания» рассчитала «неудачливого» капитана, и он вынужден был перейти на службу недавно организованной (1602 г.) Нидерландской Ост-Индской компании. Она также стремилась открыть для торговли с Восточной Азией северный морской путь и это задание возложила на Гудзона. Команда на предоставленном ему судне состояла из англичан и голландцев, и нужно сказать, что он не ладил ни с теми, ни с другими. 25 марта 1609 г. Гудзон вышел из залива Зейдер-Зе на север, обогнул мыс Нордкап, достиг в Баренцевом море 72° с. ш., встретил там тяжелые льды и вынужден был, в значительной мере под давлением недисциплинированной команды, отступить и повернуть на юго-запад. В этом направлении он, выдержав сильный шторм, пересек Северную Атлантику, подошел к американскому берегу у 44° с. ш. и начал поиски прохода в Тихий океан. От залива Мэн он спустился вдоль берега к югу за 36° с. ш., не нашел прохода и повернул на север, на этот раз внимательно исследуя побережье.

Гудзон напрасно заходил в заливы Чесапикский и Делавэр, а у $40^{\circ} 30'$ с. ш. обнаружил бухту, которую принял сначала за вход в желанный пролив. Но она оказалась устьем «Большой Северной реки», как назвал ее Гудзон, открытой Верраццано. Гудзон поднялся по ее течению почти на 200 км и, отчаявшись в по-

пытке найти пролив или собрать хотя бы сведения о нем, спустился к морю и вернулся в Европу. Неизвестно, по какой причине он не направился прямо в Голландию, а зашел в порт Дортмунд (Юго-Западная Англия). Здесь голландский корабль был задержан, а Гудзон и другие моряки-англичане сняты с судна.

Открытие Гудзонова залива и гибель Гудзона

Служба на иностранном флоте не считалась все же изменой, и уже в следующем году Английская Ост-Индская компания взяла Гудзона к себе на службу и дала ему для поисков Северо-Западного прохода маленькое судно «Дискавери» («Открытие») в 55 т, с командой в 23 человека. Ему не вполне доверяли: стало известно, что во время прошлого плавания к американским берегам моряки были очень недовольны своим командиром и это недовольство несколько раз грозило перейти в открытый бунт. Поэтому директора компании назначили старшим офицером «Дискавери» незнакомого Гудзону моряка, считая его вполне надежным человеком.

17 апреля 1610 г. Гудзон вышел из Лондонского порта. В устье Темзы он высадил на берег навязанного ему «наблюдателя». Уже на переходе к Исландии поднялся ропот среди команды, с которой капитан и на этот раз никак не мог поладить. От Исландии Гудзон перешел к восточному берегу Гренландии. Там он начал спускаться на юг, напрасно отыскивая проход в Тихий океан, обогнул южную оконечность Гренландии, а оттуда повернул на запад. Не найдя пролива у северного берега земли Мета-Инкогнита, открытой Фробишером, он обогнул этот полуостров Баффиновой Земли с юга и 5 июля попал в настоящий пролив (Гудзонов). Медленно, на ощупь вел свое судно Гудзон вдоль северного берега пролива, забитого льдами. 11 июля он выдержал сильный шторм, перешел к противоположному берегу и вторично открыл там залив Унгава, затем закончил открытие всего северного побережья Лабрадора.

2 августа у 63°20' с. ш. показалась земля, которую Гудзон принял сначала за выступ материка (о. Солсбери). На следующий день судно обогнуло мнимый выступ, и перед моряками открылось на западе, под бледными лучами северного солнца, широкое серебристо-голубое пространство — свободное ото льда, спокойное море. 3 августа 1610 г. Гудзон внес следующую запись в судовой журнал: «Мы пошли [на запад] по узкому проходу между островами Дигс и Лабрадор. Мыс у входа из пролива с южной стороны я назвал Вулстенхолм». Это последняя запись, сделанная рукой Гудзона.

Остальное через полгода досказал в Лондоне *Абакук Приккет*, моряк с «Дискавери». За мысом Вулстенхолм берег круто повернул к югу. Судно шло несколько недель вдоль берега. На западе далеко от материка в ясную погоду моряки видели сушу и решили, что это противоположный берег широкого пролива, ведущего их в Тихий океан. На самом же деле это были цепи островов, которые

протягиваются вдоль западного берега Лабрадора в 50—150 км от него (Мансел, Оттава, Ту-Бротерс, Слипс, Кинг-Джордж, Белчер). В конце сентября, пройдя на юг по мнимому проливу более 1200 км, моряки попали в сравнительно небольшой залив (Джемс). Среди команды вспыхнуло недовольство, и Гудзон якобы высадил на берег моряка, которого считал главным смутьяном. В ноябре у южного берега залива, у 53° с. ш., судно было окружено льдами и выброшено на берег. Зимовка проходила в сносных условиях: топлива вполне хватало, а охота на птицу часто давала много пищи.

В середине июня следующего, 1611 г. судно спустило на воду. Началось медленное продвижение на север. Через неделю недовольство команды перешло в открытое возмущение; 22 июня бунтовщики бросили в лодку Генри Гудзона с мальчиком-сыном, помощника штурмана и еще шесть человек, верных капитану, и оставили их на произвол судьбы — без оружия и без продовольствия. Единственный уцелевший офицер — штурман *Роберт Байлот* — привел осенью 1611 г. «Дискавери» обратно в Англию. На родину вернулись 13 человек, по другим данным — восемь. К капитану-неудачнику пришла редкая посмертная слава: «Большая Северная река», открытая до него, названа его именем — рекой Гудзона; пролив, открытый С. Каботом, Гудзоновым проливом; море, ставшее его могилой, — Гудзоновым заливом.

Экспедиция Баттона и Байлота — Баффина

Как только Байлот вернулся в Лондон, там возникла «Компания лондонских купцов, отыскивавших Северо-Западный проход». Предприниматели решили, что лишь сравнительно небольшое расстояние отделяет Западное море Гудзона от Восточной Азии и что можно немедленно начать выгодную торговлю с Китаем и Японией, с вице-королевством Перу и даже... с Соломоновыми о-вами. Они снарядили два корабля под начальством *Томаса Баттона*¹. Поиски Гудзона менее всего занимали предпринимателей: в инструкции, данной Баттону, прямо сказано, что он должен «выйти в противоположный океан на широте примерно 58°, хотя точно было известно, что бунтовщики бросили Гудзона за сотни миль южнее; да и сам Баттон не думал обследовать западный берег Лабрадора, у которого совершенно было преступление.

Летом 1612 г. Баттон достиг Гудзонова пролива и присвоил усмотренному им острову у входа в пролив имя своего корабля — Резольюшен. Продолжая путь на запад, он обнаружил на севере землю (о. Саутгемптон, принятую им за архипелаг) и остров (Котс). Затем между 60° 40' и 53° с. ш. он проследил берег какой-то новой земли, где открыл устье большой реки (Нельсон). За ней побережье круто поворачивало, но не на запад, а на восток, и разоча-

¹ В плавание пошли Р. Байлот и А. Приккет.

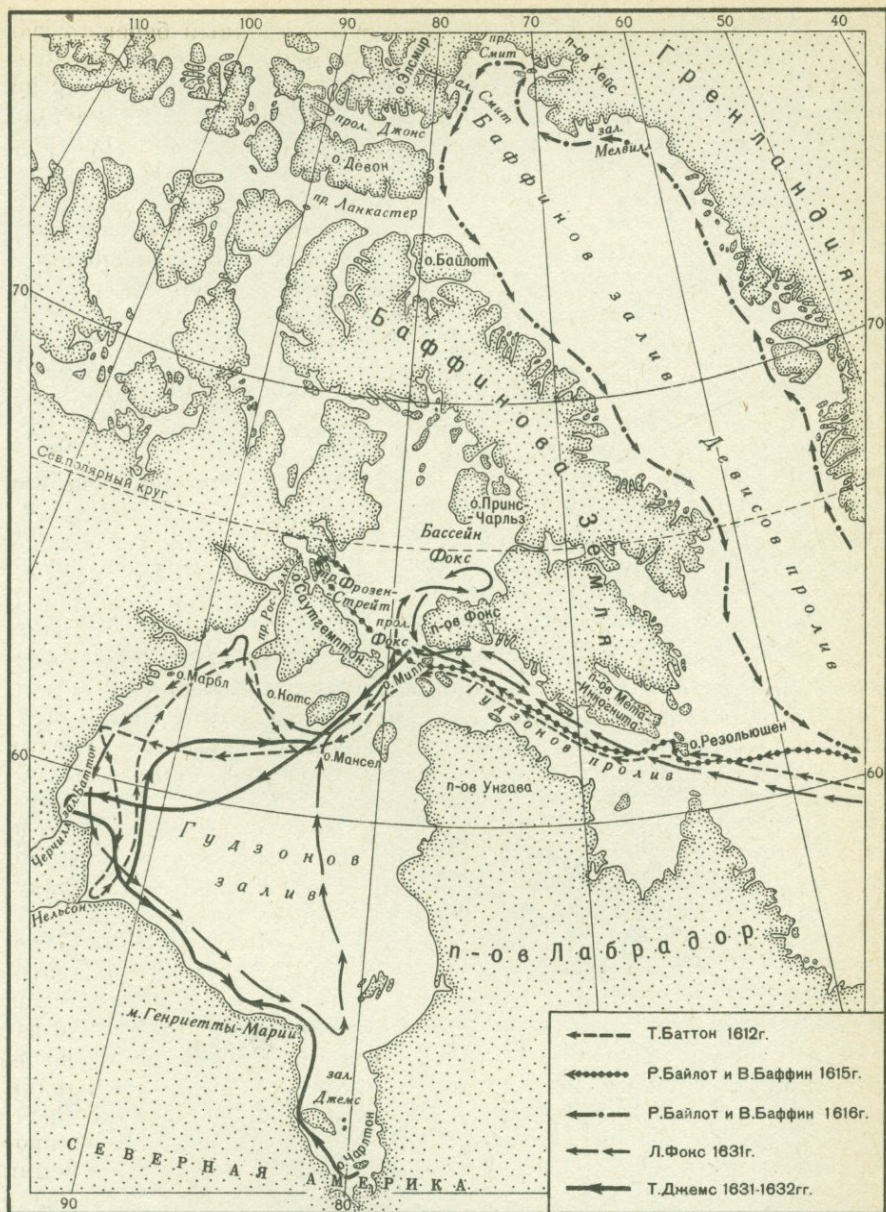
рованный Баттон назвал новую землю, т. е. западный берег Гудзона залива, «Обманутой надеждой». В устье Нельсона корабли стали на зимовку. Хотя зима выдалась мягкой, смертность среди моряков, вероятно из-за цинги, была так велика, что не хватало рук для управления двумя кораблями, и один пришлось бросить.

В июне 1613 г. Баттон прошел снова, но в обратном направлении, вдоль западного берега Гудзона залива и открыл устье реки (Черчилл); он продвинулся в поисках пути в Китай на север с уклоном к востоку за 65° с. ш., пока не вошел в суживающийся залив или пролив, который вел еще дальше на север. Баттон дал ему латинское название *Nec ultra* («Не дальше») — пролив Рос-Уэлком. Огорченный мореплаватель не стал его исследовать, 29 июля повернул обратно, у 80° з. д. обнаружил о. Мансел и 27 сентября вернулся в Англию с новостью, очень неприятной для пайщиков «Компании лондонских купцов». О пропавшем без вести Гудзоне и его спутниках никто из них и не вспомнил.

Так как проход мог быть севернее 65° с. ш., до которого, по его словам, доходил Баттон, то компания 15 марта 1615 г. отправила Роберта Байлота на «Дискавери». Штурманом у него был еще молодой но опытный полярный мореход Уильям Баффин¹, не раз плававший в Гренландском море. 30 мая они подошли к о. Резольюшен и в июне открыли у северного берега пролива группу островков Савидж, а у выхода из пролива — о-ва Ноттингем, Солсбери и Милл (64° с. ш.), закартировав южный берег о. Баффинова Земля. 10 июля они увидели Саутгемптон и два дня шли вдоль его восточного берега на северо-запад. У входа в какой-то «залив» (пролив Фрозен-Стрейт) судно было остановлено льдами и повернуло обратно. Близ северо-западного выступа п-ва Унгава «Дискавери» оставалось до конца июля, а затем двинулось на родину и достигло Англии 8 сентября. В отчете Баффин писал: «Нет сомнения, что проход все же существует, но я не уверен, что он идет по проливу, называемому Гудзоновым, и склонен думать, что нет...»

26 марта 1616 г. на том же «Дискавери» с командой в 17 человек Байлот и Баффин вышли на поиски Северо-Западного прохода со стороны Девисова пролива. 5 июля они достигли 78° с. ш. До середины XIX в. ни одно судно в этой части Атлантики не заходило так далеко на север, не считая норманнов. Вторично после них моряки «Дискавери» открыли западное побережье Гренландии между 72 и 76° с. ш., залив Мелвилл, северо-западный выступ Гренландии между 76 и 78° с. ш. (теперь п-ов Хейс) и южный вход в пролив Смит, отделяющий с северо-запада этот полуостров от Земли Элсмira (название дано позднее). В узком месте пролива лед в начале июля был непроходим, и Байлот повернул на юг. У Земли Элсмira они обнаружили залив Смит, а южнее, за выступом (у 76° с. ш.), забитый льдом вход в пролив Джонс (между о-вами Элсмир и Девон). Еще южнее (у $74^{\circ} 30'$ с. ш.) открылся очень широкий, но опять-таки забитый льдом вход в пролив Ланкастер (меж-

¹ Он первым стал определять долготу на море.

Английские арктические экспедиции (1612—1632 гг.).

ду о-вами Девон и Байлот). Байлот продолжал путь теперь уже на юго-восток и шел так до полярного круга около 1000 км по направлению берега огромной земли: ее с того времени называют — в честь ученого, красноречивого и владеющего пером штурмана — Баффино-

вой Землей¹. Ни сам Баффин, ни Байлот ни разу не высаживались на эту землю: от пролива Ланкастер судно шло на некотором расстоянии от берега, огражденного широкой полосой неподвижного льда. Многие моряки болели цингой, и Байлот у полярного круга повернул на юго-восток, а 30 августа привел судно в Англию. Баффин точно закартировал все берега «своего» залива, но открытия экспедиции в Англии были приняты как фантастика и позже сняты с карт. Такая несправедливость продолжалась до 1818 г., когда *Джон Росс* вновь не открыл Баффинов залив.

Баффину приписывают в одно и то же время и открытие «ворот» к двум проливам, действительно ведущим в Тихий океан, и закрытие этих «ворот». Подлинная честь открытия, как видно из рассказа об экспедиции, должна быть поделена между полузабытым капитаном Байлотом и его удачливым штурманом, чьим именем назван не только громадный остров, но и полузамкнутое море, расположенное между Гренландией и Баффиновой Землей, по площади гораздо больше Балтийского, — Баффинов залив. Сомнительная честь закрытия приполярных западных «ворот», несомненно, принадлежит одному Баффину: сохранилось его письмо к знатному покровителю экспедиции, где он прямо говорит, что «нет ни прохода, ни надежды на проход в северной части Девисова пролива», т. е. в Баффиновом заливе. Ему поверили: «Компания лондонских купцов Северо-Западного прохода» была ликвидирована.

Экспедиции Мунка, Фокса и Джемса

Поисками Северо-Западного прохода заинтересовалось и датское правительство. 16 мая 1619 г. в Гудзонов залив был послан из Дании на двух малых судах (64 человека команды) норвежский моряк-полярник *Йенс Мунк*. Пройдя Гудзонов пролив лишь 20 августа, Мунк повернул на юго-запад. Зимовала экспедиция в устье реки, позднее названной Черчилл (впадает в залив Баттон). Зима оказалась исключительно суровой; к лету 1620 г. из 65 моряков только Мунк и еще двое остались в живых. К середине июля они поправились, питаясь рыбой и птицей, сделали запасы в дорогу и, бросив одно судно, на другом добрались до Копенгагена 21 сентября 1620 г., «скорее похожие на тени, чем на людей».

В 1631 г. англичане снова занялись поисками Северо-Западного прохода со стороны Гудзонова залива. Средства отпустили бристольские купцы, снарядившие небольшое судно «Генриетта-Мария» под командой *Томаса Джемса*. Другое, большое судно «Кинг-Чарлз» (70 т) дал король *Карл I Стюарт*, а деньги на экипировку и наем экипажа — лондонские купцы. Командиром этого судна стал *Льюк Фокс*, пожилой капитан, уже имевший опыт полярных плаваний. Он был настолько уверен в успехе, что подписал договор

¹ Сравнительно небольшая северо-восточная горная часть этой земли, по исследованиям XIX в., оказалась отдельным о. Байлот.

с Ост-Индской компанией на доставку перца. А когда он представлялся Карлу I, тот дал ему письма к японскому императору. Фокс хорошо подготовился к арктическому плаванию и сделал много ценных научных наблюдений. Оба судна вышли почти в одно время — в первых числах мая 1631 г., но каждый командир сам по себе, и результаты были далеко не равноценны.

Льюк Фокс в конце июля 1631 г. достиг северо-западного угла Гудзонова залива (*Nes ultra*), где остановился Баттон в 1613 г., и поднялся по нему до $65^{\circ} 30'$ с. ш. Своим плаванием Фокс доказал, что Саутгемптон не часть материка, а остров, но сам Фокс принял его за полуостров. Он назвал эту землю «Сэр-Томас-Роус — Уэлком»; теперь это название в сокращенном виде — Рос — Уэлком — перенесено на пролив, отделяющий Саутгемптон от материка.

Повернув обратно, Фокс прошел вдоль всего западного побережья Гудзонова залива. Видимо, он не доверял Баттону, но тот в данном случае оказался прав: пролив на юге действительно не существовал. При этом были открыты все близлежащие небольшие острова, в том числе Марбл («Мраморный»). Так Фокс дошел до устья р. Нельсон, за которым тянулся еще не исследованный южный берег Гудзонова залива. В августе Фокс обследовал и этот низменный берег до $55^{\circ} 10'$ с. ш. и 83° з. д., где встретился с Джемсом, и вскоре подошел к мысу (Генриетты-Марии); там берег круто поворачивал к югу. Дальше незачем было идти, чтобы напрасно не терять времени. Свой вывод Фокс сформулировал так: «В дуге от $65^{\circ} 30'$ до $55^{\circ} 10'$ с. ш. по всему западному берегу Гудзонова залива нет никакой надежды на открытие прохода». Повернув на север, Фокс пересек весь залив, миновал вход в Гудзонов пролив, открыл Землю Фокса (п-ов Фокс, юго-западный выступ Баффиновой Земли) и 22 сентября достиг $66^{\circ} 35'$ с. ш. Тот залив между Баффиновой Землей и материком, в который он проник, позднее назван Бассейном Фокса, а южный пролив, соединяющий его с Гудзоновым заливом, — проливом Фокса. 31 октября того же, 1631 г. Фокс вернулся в Англию, не потеряв ни одного человека: больных было много, но все выздоровели.

Томас Джемс в середине июля 1631 г. вошел в Гудзонов залив, пересек его в юго-западном направлении до устья Черчилля, а затем прошел вдоль южного берега Гудзонова залива, до мыса Генриетты-Марии (название дано им) несколько раньше Фокса. Разлучившись с Фоксом, Джемс в сентябре исследовал все побережье юго-восточного бассейна Гудзонова залива, позднее названного его именем (залив Джемса), открыв несколько островов. Густой туман и льды помешали его возвращению. Зимовал он на крайнем юге на о. Чарлтон (у 52° с. ш.). После тяжелой и суровой зимы, потеряв от цинги часть команды, Джемс 1 июля 1632 г. оставил Чарлтон и 22 октября прибыл в Бристоль.

После этих экспедиций все побережье Гудзонова залива было нанесено на сравнительно точные (для того времени) карты. Западный проход мог быть только со стороны Бассейна Фокса, совершенно не исследованного за полярным кругом, но он казался тупиком до 20-х гг. XIX в.

КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ И ОТКРЫТИЕ ВЕЛИКИХ ОЗЕР

Первые английские колонизаторы Северной Америки и основание Виргинии

В последней четверти XVI в. в водах Ньюфаундленда собиралось ежегодно до 400 рыболовных судов разных стран. Немногочисленные английские суда отличались хорошим вооружением, и английские капитаны присвоили себе право выступать в роли судей при спорах и столкновениях между рыбаками у Ньюфаундленда. Сам остров мало интересовал европейцев до «великого» открытия Фробишера. Но, когда тот привез в Англию свой «золотой» груз, Ньюфаундленд получил в глазах англичан двойное значение: он сторожил кратчайший путь в «Катай» и за ним лежала «золотая страна» Фробишера.

Хемфри Гилберт, сводный брат фаворита королевы Уолтера Роли, получил от Елизаветы патент «на открытие и управление Ньюфаундлендом». Гилберт, основываясь на праве первого открытия Каботом острова, объявил его английским владением, несмотря на протесты французского правительства¹. Он перевез на пяти судах из Англии на остров 250 человек и пытался основать на юго-восточном берегу первую английскую заокеанскую колонию Ньюфаундленд (5 августа 1583 г.). Попытка была неудачна: колонисты испытывали недостаток во всем, кроме рыбы и топлива; среди них начались болезни. Недовольство грозило перейти в мятеж, и Гилберт приказал отрезать уши недовольным, но в конце концов уступил и отвез колонистов обратно в Англию. На обратном пути он погиб во время бури. Прошло еще четверть века, пока английские моряки основали первый постоянный рыбацкий поселок на восточной окраине острова. Из этого поселка вырос крупнейший портовый город Ньюфаундленда, его столица — Сент-Джонс.

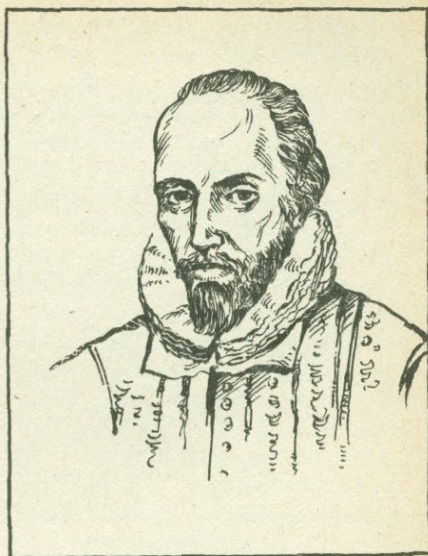
Уолтер Роли (Ралей) был небогатым английским дворянином, мечтавшим о головокружительной карьере. У него не было ни состояния, ни знатности, но он твердо верил, что путь к тому и другому лежит для красивого молодого человека через покои «дев-

¹ Франция оспаривала английские права на Ньюфаундленд до 1713 г., когда по Утрехтскому миру она окончательно отказалась от своих притязаний.

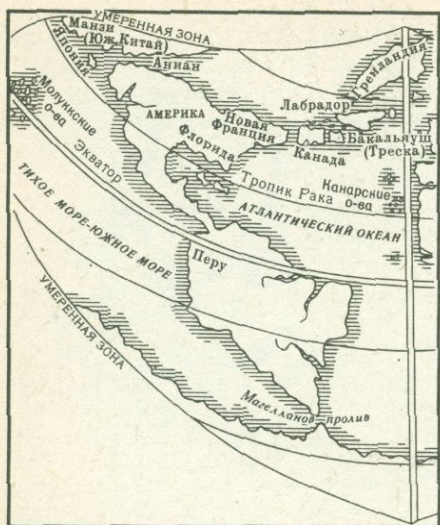
ственной» королевы Елизаветы. Затеяливыми выдумками обратил он на себя внимание и стал одним из ее фаворитов. Роли мечтал о несчетных богатствах Индии, о сокровищах Мексики или Перу, о стране Эльдорадо. Его брат Гилберт искал «золотую страну» у Северо-Западного прохода. Роли решил искать ее за океаном, прямо на западе. Он получил королевский патент на колонизацию территории Северной Америки к северу от испанских владений, т. е. от Флориды.

В 1584 г. Роли отправил за океан на разведку два небольших судна под командой Филиппа Амадаса и Артура Барлоу. Они достигли Америки у 35° с. ш., где почти нет удобных гаваней. Капитаны посетили два острова, расположенных у лагуны Памлико и залива Албемарл (у 36° с. ш.), и соседний материковый берег. Вернувшись на родину, они охарактеризовали индейцев как людей «диких и ленивых, храбрых и гостеприимных, любопытных и доверчивых, очень склонных менять продукты своей страны на английские товары, особенно на металлические изделия», и расхвалили красоту страны, мягкость ее климата, плодородие почв. Тогда скупая королева расщедрилась, и Роли смог немедленно снарядить вторую экспедицию, уже на пяти судах, под командой Ричарда Гринвилла для колонизации вновь открытой страны. Благодарный фаворит назвал будущую английскую колонию Виргинией («Девственной», от латинского *virgo* — дева), в честь своей покровительницы.

В 1585 г. Гринвилл основал на о. Роанок, у южного входа в залив Албемарл, первое английское поселение у материка Северной Америки, а сам вернулся обратно. В этом пункте поселилось 180 человек, преимущественно промотавшихся дворян, мечтавших о немедленном обогащении. А «дикари» сразу распознали, какому богу поклоняются «цивилизованные» англичане и, насмехаясь над ними, передавали сказки о богатейших золотых месторождениях в их стране и жемчужных мелях у их берегов. После нескольких месяцев напрасных поисков колонисты так обозлились, что начали с оружием в руках нападать на индейцев. Те перестали доставлять продукты в обмен на английские товары. Весной 1586 г. колонисты дошли до крайности. Неожиданно у берега показалась флотилия Френсиса Дрейка, возвращавшегося в Англию после очередного пиратского набега на испанские колонии. Дрейк забрал

У. Роли.

Деталь карты Х. Гилберта (эскиз).

переселенцев и доставил их в Европу. Пираты привезли с собой только небольшой груз табака, и Роли и другие законодатели мод начали распространять в Англии курение.

Вскоре после эвакуации колонии туда прибыл Гринвилл на трех кораблях. Не зная о том, что произошло, он оставил в опустевшей колонии 15 человек, чтобы сохранить за Роли его владение. Все оставленные были перебиты индейцами. В начале 1587 г. Роли повторил попытку массовой колонизации Виргинии. На трех кораблях прибыла новая партия переселенцев — более 200 человек. Но когда разгорелась англо-испанская война, новая колония была брошена на про-

извол судьбы и все переселенцы либо умерли от голода, либо погибли в стычке с индейцами. После этого Роли и его высокая покровительница охладели к такому убыточному проекту.

Летом 1602 г. *Бартоломью Госнолд* на одном корабле пошел прямо на запад от Англии, стараясь по возможности держаться у 50° с. ш., но ветром его отнесло на юг. Он пересек океан, не встретив ни одного острова, и достиг материка у 42° с. ш. Длинный и узкий полуостров в виде серпа образует в этом месте залив, открытый к северу. Он видел там большие косяки трески и назвал п-ов Кейп-Код («мыс Трески»). Обогнув его с юга, Госнолд прошел на запад вдоль берега около 200 км и был очарован природой новой страны. Он высаживался на материк и на о. Мартас-Винъярд¹, отделенный от него узким проливом Винъярд. Индейцы радушно встретили первых европейцев, кормили их, указывая лучшие угодья для охоты и рыболовства. Поэтому Госнолд, вернувшись на родину в конце того же года, восторженно описал открытую им область Нового Света. От него англичане узнали, что за океаном, в немногих неделях пути, есть страна с мягким климатом и кроткими жителями, удобная для переселения «избыточного» населения Старой Англии. И рассказ Госнолда не исключил возможности, что за новой страной начинается морской проход, ведущий к Тихому океану.

В 1603 г. на поиски этого прохода был послан корабль под командой *Мартина Прингла*, который достиг Америки несколько се-

¹ Госнолд назвал остров (около 200 км²) «Виноградником Марты» из-за обилия там дикого винограда.

вернее Кейп-Кода и обследовал побережье залива Мэн примерно на 150 км. В 1605 г. северное, усеянное островками побережье залива Мэн исследовал *Джордж Уэймут*, ранее напрасно искавший Северо-Западный проход в более высоких широтах.

В 1606 г. были организованы две компании для колонизации Северной Америки, неожиданно «приблизившейся» к Англии, — Лондонская и Плимутская. Согласно хартиям короля Якова I Стюарта, эти компании получили право основывать колонии в Северной Америке между 34 и 45° с. ш. — «от моря до моря». Позднее потомки английских колонистов основывали на этом свои права и на все западные земли материка. Компании обязывались распространять христианство среди «диких». В большей части королевских грамот повторялось следующее положение: «Колонисты и их потомки остаются англичанами во всех отношениях: они пользуются всеми привилегиями внутри американских поселений точно так же, как если бы они оставались на родине». Ссылаясь на этот тезис, американцы в XVII и в первой половине XVIII в. противились произволу метрополии, а во второй половине XVIII в. основывали свои притязания на независимость.

20 декабря 1606 г. три небольших судна (20—100 т) Лондонской компании под общим начальством *Кристофера Ньюпорта* оставили Англию, имея на борту 105 колонистов-мужчин, и после долгого плавания в бурном море вошли весной 1607 г. в Чесапикский залив и реку, которую в честь короля Якова (Джемса) называли Джемс; на берегу они заложили первый английский поселок на Американском материке — Джемстаун (14 мая 1607 г.). Затем Ньюпорт поднялся на малом судне по Джемсу более чем на 200 км до порогов — первое достижение англичанами Линии Водопадов. За новой колонией сохранили прежнее название — Виргиния. Большинство виргинских поселенцев оставляло Англию добровольно. Они принадлежали к господствующей, государственной церкви — англиканской (епископальной). Это были «джентльмены»-неудачники — «ленивые и порочные люди: их выслали за океан родные, чтобы избавить себя от позора, в надежде, что те за несколько лет разбогатеют или погибнут». Такие виргинцы были похожи во многих отношениях на испанских идальго и португальских фидалгу, бросившихся за океан после открытия Америки. Рабочим элементом в колонии были временные «белые рабы» — бедняки с Британских о-вов, временно (на 7—10 лет) закабаленные Лондонской компанией.

Среди первых виргинцев иногда встречались люди другого типа — энергичные и не гнушавшиеся работой. Таким был один из основателей Виргинии, пайщик Лондонской компании *Джон Смит*. По его собственным словам, не всегда, впрочем, заслуживающим доверия, он служил раньше солдатом в войне против испанцев в Нидерландах и в войне против турок в Юго-Восточной Европе. Там он остался на поле сражения — раненый среди мертвых; его нашли турки и продали в рабство в Крым; он убил своего господина и ушел на Дон к русским. Он странствовал

потом несколько лет по Европе и Северной Африке, вернулся на родину, а оттуда отправился в Новый Свет. Этот авантюрист стал не только первым правителем колонии, но и первым англо-американским «патриотом». Смит говорил: «Пусть переселенцы погибнут еще и еще раз, а я буду постоянно привозить новых и новых». Он пробовал учить труду ленивых и праздных дворянчиков: «Не одно серебро и золото, но произведения земли и все, что будет найдено, дает стране цену». В 1607—1609 гг. Д. Смит обследовал бассейн Джемса и прилегающие районы, причем открыл р. Йорк. Он первый проник за Линию Водопадов и, вероятно, доходил до Голубого хребта. В 1609 г. он навсегда оставил Виргинию, но продолжал интересоваться колонией: составил ее первую карту, написал «Общую историю Виргинии» (1624 г.).

Лондонская компания стремилась найти кратчайший путь к Китаю; ей были нужны высокие прибыли, добыча золота и серебра, а этого Виргиния не могла дать. Семь кораблей с 300 новыми переселенцами, среди которых было немало ссыльных и уголовных преступников, отправились из Англии в Виргинию. Лондонская компания в 1609 г. предложила лорду *Томасу Уэсту Делавэру* быть пожизненным правителем всех ее американских владений. Лорд отправился туда, но через несколько месяцев вернулся на родину. Его именем назван залив к северо-востоку от Чесапикского (39° с. ш.) и небольшой полуостров между этими заливами. Из-за массы бездельников и негодяев-переселенцев колония сразу приобрела такую дурную славу, что некоторые англичане соглашались лучше отправиться на виселицу, чем в Виргинию: «На эту прекраснейшую страну пал страшный позор; она считалась подходящим местом ссылки для величайших мошенников».

Для новой колонии выгоднее всего было культивировать табак, так как мода курения табака начала распространяться в Западной и Центральной Европе. Хлебопашеством в Виргинии почти не занимались, очень мало обращали внимания и на скотоводство. Индейцы должны были доставлять колонистам съестные продукты. Если они этого не делали, то колонисты грабили их деревни. Очень скоро англичане в интересах табачных плантаторов ввели рабство. В 1620 г. голландцы привезли первых африканцев в колонию и выгодно продали их в Джемстауне. Сильные, привыкшие к влажному и жаркому климату Западной Африки, они оказались отличными работниками и приносили своим господам большую прибыль. В следующие годы невольников стали ввозить такими крупными партиями, что их в Виргинии оказалось больше, чем свободных людей. Экономически колония хоть и медленно, но все же развивалась. Из Англии каждый год прибывало более тысячи новых переселенцев. Табак рос в цене, так как курение все шире распространялось в Европе.

Англичане, как и голландцы, в противоположность испанцам, португальцам и французам, старались не смешиваться с коренными жителями и поддерживали «чистоту своей расы». В тече-

ние первых лет колонизации мир между англичанами и индейцами не нарушался. Но требования колонистов стали чрезмерными. Они нагло захватывали земли индейцев, обманывали и грабили их. В 1622 г. индейцы восстали против своих притеснителей. В одно и то же время, по сигналу, они напали на переселенцев, рассеянных небольшими группами в районе Джемстауна, и убили около 350 колонистов, но многие «белые» спаслись в поселке. Виргинцы ответили истребительной войной против всех индейцев. Расправившись с окрестными жителями, они принялись и за отдельные племена, обязав их предоставлять заложников. С того времени колонизаторы стали проводить «индейскую политику», которая откровенно выражена циничной фразой: «Хорош только мертвый индеец».

Пилигримы на «Майском цветке» и колонизация Новой Англии

Плимутская компания за соответствующую денежную сумму разрешила пуританам, преследуемым на родине, селиться на отведенной ей обширной территории Нового Света. Они снарядили судно «Мейфлауэр» («Майский цветок», 100 т). Пуритане часто называли себя пилигримами, потому что на этом бренном свете считали себя странниками, пришедшими из небытия и стремящимися к «небесной родине». Но на время земного существования им нужна была земная родина. И вот в сентябре 1620 г. 120 пилигримов, включая женщин и детей, двинулись на «Майском цветке» за океан искать Новую Англию. Прошло больше двух месяцев, прежде чем пилигримы увидели американский берег у залива Массачусетс. Под дождем со снегом судно шло вдоль берега, пока не достигло необитаемого острова; через день пилигримы исследовали гавань, которая показалась им отличной. В прилегающем районе они нашли хорошую воду и индейские поля, засеянные маисом. Этот день называется в США «прародительским», в память о предках «стопроцентных» американцев-северян (янки), вступивших тогда во владение своей новой родиной — Новой Англией. 25 декабря 1620 г. были заложены первые дома в «Новом Плимуте», на северо-западном берегу залива Кейп-Код. Через несколько недель колонисты организовались на военный лад — на холме у Плимута построили крепость и на ее стенах поставили пушки. Первая зима в Новой Англии была сурова и унесла много жизней. Весной пуритане разбили сады и приступили к посеву хлебов. О богатом урожае, как о радостном событии, они сообщили своим европейским единоверцам, чтобы привлечь их в Новую Англию. Вскоре туда прибыла вторая партия колонистов. Первые два года пилигримы совместно обрабатывали землю, а продукты делили между собой. Но уже весной 1623 г. они перешли к «единоличному хозяйству».

Эти благочестивые, гонимые в Англии пуритане вели себя в отношении индейцев не лучше, чем последователи господствующей

англиканской церкви в Виргинии или чем «проклятые паписты» (католики) в тропической Америке. Как только пилигримы получили подкрепление из-за океана, они, сославшись на мнимый заговор, организовали массовую резню беззащитных индейцев-алгонкинов, живших у залива Массачусетс. Сотни индейцев были схвачены в их вигвамах (жилищах) и убиты. Ничем не спровоцированное массовое убийство так устрасило алгонкинов, что они оставили страну своих отцов и ушли на запад. Христиане поспешили сообщить о победе над «язычниками» своим европейским друзьям, и один из них писал в Новую Англию: «Как было бы прекрасно, если бы, прежде чем перебить индейцев, вы обратили некоторых в христианство».

Оттеснив индейцев в глубь страны, пуритане начали селиться небольшими группами вдоль побережья и занялись рыболовством. К 1624 г. рыбацьи поселки растянулись на 50 км севернее Плимута, и первые английские рыбаки появились в обширной бухте, позднее названной Бостонской. К ним присоединились и земледельцы, основавшие там более крупные поселения. Так возникла первая в Америке английская пуританская колония Массачусетс. Там господствовали ханжи и лицемеры, но, в отличие от виргинцев, эти колонисты были рачительными хозяевами и хорошими работниками. Стремясь к прочной оседлости на своей новой родине, пуритане разводили всевозможные растения, кроме табака: его разрешали сеять только в небольшом количестве «как лекарство». Пуритане и другие сектанты устремлялись в 30-х гг. XVII в. в большом количестве в Новую Англию, чтобы избежать преследований со стороны королевской власти Старой Англии и ее прислужницы — епископальной церкви. Пришельцы водворялись в старые поселения или основывали новые, среди которых скоро выделился Бостон.

Так на восточном берегу Северной Америки, в двух районах, отстоявших друг от друга на расстоянии около 1000 км, возникли две английские колонии: первая — южная, рабовладельческая Виргиния, заселявшаяся отбросами классов, господствовавших в Англии в XVII в., приверженцами епископальной церкви и африканцами-рабами; вторая — северная, ячейка Новой Англии, Массачусетс, заселявшаяся преимущественно буржуазными элементами, сторонниками «свободного труда», по религии сектантами, гонимыми у себя на родине. Те, южане, стали вскоре называться виргинцами; эти, северяне, — бостонцами или янки. Но, как ни отличались они характерами, прежней профессией, религиозными взглядами, начали они одинаково: окропили индейской кровью землю своей новой родины. Английские колонии были отрезаны друг от друга длинной береговой полосой, где появились Новые Нидерланды на р. Гудзоне, в устье которой возник Новый Амстердам, и Новая Швеция на берегах узкого залива Делавэр: там вырос форт Христиания, заселенный шведскими и финскими крестьянами. Таким образом, восточный берег Северной Америки колонизовали представители многих европейских народностей: на севере — французы, а с ними бретонцы и баски, затем англичане (бостонцы), голландцы, шведы и финны, снова англичане (виргинцы) и на юге — испанцы.

Шведская колония существовала недолго — меньше 30 лет — и завоевана была голландцами (в 1655 г.). После этого Новые Нидерланды стали очень серьезной угрозой для английского господства на восточном побережье Северной Америки. Вопрос разрешился в Европе второй англо-голландской войной (1667 г.). Голландцы одержали победу на море, их флот проник в Темзу и сжег пригороды Лондона. Карл II Стюарт поспешил заключить мир. Англия потеряла свои последние владения на Молукках; обе стороны сохранили свои опорные пункты на Золотом Берегу, очень важном для христианских торговцев «язычниками»-африканцами. Нидерланды закрепили за собой в Южной Америке Суринам¹, но отказались в пользу Англии от своих владений в Северной Америке, которые казались менее доходными. Карл II еще за три года до перехода в английские руки Нового Амстердама «авансом» подарил его своему брату, герцогу Йоркскому. После заключения мира город был переименован в Нью-Йорк; такое имя стала носить и вся новая «среднеатлантическая» колония.

Гутьеррес и Оньяте в центре Северо-Американского континента

Дальше всех европейцев в глубь материка Северной Америки, на Великие равнины (до 41° с. ш.), в конце XVI в. проник испанец *Антонио Гутьеррес де Уманья*². С верховьев р. Пекос его небольшой отряд, включавший несколько индейцев-носильщиков, двинулся на северо-восток. Вероятно, в поисках золота и серебра они прошли вдоль подножия гор Сангре-де-Кристо, добывая пропитание охотой на бизонов, форсировали верхний Арканзас у 38° с. ш. и небольшие реки верховьев р. Репабликан, приток Канзаса. Здесь в ссоре, возникшей, вероятно, из-за разногласий о дальнейшем направлении маршрута, в конце 1593 или начале 1594 г., Гутьеррес убил второго командира. Дисциплина в отряде упала, среди индейцев-носильщиков резко возросли нервозность и мрачное недоверие к руководителю. Однако группа продолжала движение на северо-восток и, пройдя по Великим равнинам около 1000 км, вышла на среднее течение р. Платт, западного притока Миссури, приблизительно у 100° з. д.; иначе говоря, испанцы первыми добрались до географического «сердца» континента. Широкая река блокировала путь к северу, бизоны стали попадаться все реже, и Гутьеррес решил возвращаться. Однажды ночью из отряда дезертировало шесть индейцев, намеревавшихся скорее вернуться домой, но это удалось сде-

¹ Англия уступила Суринам Голландии по договору от 31 июля 1667 г., и он стал колонией, названной Нидерландская Гвиана. 25 ноября 1975 г. Суринам получил независимость.

² Гутьеррес, кажется, единственный конкистадор, который в испанских документах конца XVI — начала XVII в. прямо называется «разбойником и убийцей», так как он грабил и убивал индейцев, не имея официального разрешения на открытие и завоевание страны.

лать лишь одному по имени *Хусепе*, да и то после года скитаний по прериям в качестве раба индейцев-апачей. О дальнейшей судьбе группы стало известно через несколько лет: вскоре после побега шестерых оставшиеся индейцы окружили испанцев и убили всех, включая Гутьерреса, но пощадили только *Алонсо Санчеса*, позже ставшего их вожаком. Об этом он рассказал монаху, случайно встретившему его в одной индейской деревне. За Санчесом были направлены войска, но он «затерялся» в прериях.

Последним испанским искателем сокровищ в американских прериях был *Хуан Оньяте*, организовавший по поручению властей колонизационную экспедицию. Весной 1598 г. он провел ее в пустыни и горы бассейна верхней Рио-Гранде, где безуспешно пытались найти драгоценные металлы многие, начиная с Коронадо. Три года Оньяте «замирал» индейцев, заселял земли и искал — с тем же «успехом» — золото и серебро. Потерпев фиаско, он отправился на восток, в прерии, надеясь там найти что-нибудь; проводником экспедиции был индеец Хусепе, спутник Гутьерреса. Оньяте дошел до р. Канейдиан и по ней спустился на 700 км, т. е. проследил почти по всей длине, а затем вышел к среднему течению р. Арканзас, но, конечно, не обнаружил даже признаков драгоценных металлов. С пустыми руками он вернулся назад и «удостоился» гнева начальства. Но его журнал содержал важные сведения — описание осмотренной территории и ее обитателей¹. Со слов экс-моряка, безвестного участника похода, вероятно, в начале 1601 г. был составлен чертеж — первый дошедший до нас картографический документ о центральной части Северной Америки. Реальный результат поисков фантастических «Семи Городов» и не менее мифических сокровищ оказался грандиозным: присоединение к испанским владениям — сначала формальное, а затем фактическое — территории около 1 млн. км². Центром этой Новой Мексики стала построенная в 1609 г. в верховьях р. Пекос крепость Санта-Фе («Святая вера»).

Шамплен и его исследование Восточной Канады

Несмотря на печальную судьбу первых французских колоний в Канаде, торговля мехами все росла и приносила большие прибыли монопольным торговым компаниям. Генрих IV понимал, что закрепить за Францией «страну мехов» можно только путем ее планомерной колонизации. Следовало, однако, убедиться в том, что там возможно земледелие и оседлая жизнь и что гибель первых французских колоний объясняется случайными причинами. Для изучения Канады в 1603 г. была организована экспедиция, средства на которую дала торговая компания, получившая монополию на скупку пушнины; купцы включили в нее опытного моряка *Самюэля Шамплена*, плававшего на французских и испанских судах в Ат-

¹ Оньяте положил конец легендам о странах «Семи Городов» и «Кивире».

лантическом океане и в Американском Средиземном море. На него было также возложено руководство топографическими съемками Новой Франции и описью ее берегов. Шамплен отправился туда для разведки. В конце мая он вошел в устье р. Св. Лаврентия, на пинассе поднялся по Сагеню и по главной реке 2 июля добрался до того места, до которого доходил Картье. Страна показалась ему годной для колонизации.

С середины мая 1604 г. Шамплен, руководя экспедицией¹, исследовал Акадию (Новая Шотландия). Высадившись на о. Кейп-Бретон, он обошел с описью все побережье Акадии и противоположный материковый берег залива Фанди. На юго-западе Акадии он установил Пор-Руаяль (Аннаполис). Оставив с собой 80 человек, он отослал экспедиционные суда во Францию. Зимовка прошла очень тяжело: половина переселенцев умерла от цинги. Летом 1605 г., после того как суда вернулись из Франции, Шамплен продолжил опись восточного побережья

материка на юго-запад, до залива Кейп-Код включительно; при этом он обнаружил две лучшие гавани в заливе Массачусетс — Бостонскую и Плимутскую, довершив, таким образом, открытие Жана Альфонса. Обойдя затем длинный и узкий п-ов Кейп-Код, он окончательно установил его очертания, а в следующем году открыл о. Нантакет и пролив между ним и материком (41°30' с. ш.).

13 апреля 1608 г. Шамплен был послан на р. Св. Лаврентия и 3 июля основал там Квебек, что на языке ирокезов означает «сужение». Он старался поддерживать хорошие отношения с местными индейцами-виандотами, близкими по языку к ирокезам, но враждебными им (французы полупрезрительно называли виандотов гурунами от *hure* — кабанья голова). Шамплен изучил их язык, за-

Ирокезский воин (по С. Шамплону).

¹ В состав его экспедиций в разные годы входили индейцы и французы, фламандцы и баски, католики и гугеноты, дворянчики и торговые агенты, завербованные «белые рабы», беглые преступники и монахи.

ключил с ними союз и использовал в своих целях их вражду к ирокезам, руководствуясь простейшим принципом: проведите меня на новые места, я помогу вам воевать.

С 1609 г. Шамплен уже не зависел от временных монополистов. С помощью гуронов-проводников 3 июля он приступил к исследованию внутренних областей Северной Америки. Он доверял своим новым союзникам больше, чем французским колонистам, среди которых было немало «беспокойных элементов». В самом начале похода он отослал всех французов, кроме двоих, самых надежных, и с группой гуронов на большом челне поднялся по р. Св. Лаврентия до устья ее южного притока Ришелье, а по последнему — до большого проточного озера, которое с того времени известно под его именем (в английском произношении Шамплейн). При этом он открыл нагорье Адирондак, поднимающееся над западным берегом озера, и Зеленые горы (Грин-Маунтинс), протягивающиеся на небольшом расстоянии от его восточного берега. Шамплен составил карту и описание озера и его района.

Охотничьи угодья в верховьях р. Св. Лаврентия принадлежали гуронам. К югу бродили более многочисленные ирокезы. Когда Шамплен прибыл в Канаду, ирокезы снова начали двигаться с юга на север, вытесняя гуронов и их соседей — алгонкинов. Первые французские колонисты во главе с Шампленом приняли участие в междоусобных индейских войнах на стороне алгонкинов и гуронов, среди которых впервые поселились. Тогда ирокезы стали смертельными врагами французов¹. Как раз в это время у берегов Америки появились голландцы. В 1610 г. они устроили на р. Гудзон фактории по скупке пушнины. Ирокезы стали союзниками голландцев и сменивших их позднее англичан в борьбе против французов. К тому же англичане «превосходили французов в щедрости: в то время как французский король платил гуронам 50 франков за скальп англичанина, английский король давал вдвое дороже за скальп француза» (Э. Реклю).

Открытие французами Великих озер

С 1609 по 1615 г. Шамплен почти ежегодно плавал из Франции к р. Св. Лаврентия, где собирал сведения о внутренних областях Северной Америки. Рассказы о море, находившемся где-то на северо-западе или на западе от Квебека, подтверждались сотнями индейцев, с которыми сталкивался Шамплен. (Французы смешивали сообщения о Гудзоновом заливе и Великих озерах.) Три пути, казалось, вели к этому морю, за которым Шамплени грезилась Китай и Индия. Но один, северо-западный путь вверх по Сагенею через угрюмые безлюдные области приводил к лабиринту рек и озер, где, как представлялось, бесполезны были самые надежные проводники.

¹ По мнению ряда французских историков, это привело к потере Францией всей Канады.

Другой шел вверх по Оттаве, третий, юго-западный, — по р. Св. Лаврентия до ее истоков.

На поиски Западного моря Шамплен направлял вместе с индейцами своих «юнцов» (молодых колонистов). Среди них выделился *Этьен Брюле*: 16-летним юношей, не получив никакого образования, в 1608 г. он прибыл в Новую Францию вместе с Шампленом. С 1610 г. Брюле, скупая пушнину, жил в лесах среди индейцев, охотился вместе с ними, переходил от одного племени к другому и научился свободно говорить на различных местных диалектах ирокезского и алгонкинского языков. Это был первый типичный североамериканский лесной бродяга (*soureur des bois*)¹, имя которого дошло до нас, охотник и скупщик пушнины, неутомимый землеискатель и землепроходец, если употреблять старорусские термины.

Летом 1615 г. Шамплен и Брюле выступили на челнах с десятью гребцами-гуронами от Квебека к устью Оттавы, поднялись по ней и ее притоку Маттаве к озеру Ниписсинг, а оттуда по Французской реке (Френч-Ривер) вышли к большому заливу (Джорджиан-Бей) — части озера Гурон. До него, как предполагают, летом 1610 г. доходили Брюле и другой лесной бродяга, а вместе с ними или по их следам — монах *Жозеф Ле Карон*. От Гурона Шамплен, разлучившись с Брюле, повернул на юго-восток и, открыв в начале сентября озеро Симко, достиг Онтарио и убедился, что именно из его северо-восточного угла вытекает р. Св. Лаврентия. Затем Шамплен прошел на юг, к озеру Онайда, где берет начало порожистая р. Осуиго, впадающая в Онтарио. После стычки с ирокезами он вынужден был отступить и вернулся в Квебек, пройдя в общей сложности около 1600 км.

Брюле раньше Шамплена добрался до Онтарио и на челне переправился через озеро. К югу от Онтарио он узнал о стычке Шамплена с ирокезами, собрал 500 гуронов и поспешил на помощь, но пришел к месту уже после отступления Шамплена. Тогда Брюле повернул на юг и дошел до какой-то реки по холмистой лесной местности. Следуя вниз по ее течению, он поздней осенью достиг длинного и узкого морского залива с чрезвычайно изрезанными берегами, в который впадало несколько больших и множество малых рек. Холмистая местность, которую Брюле пересек, — это Аппалачское плато и Аллеганские горы; большая река, течение которой он проследил, — Саскуэханна (около 1000 км); залив — Чесапикский; полоса суши, отделяющая залив от океана, — п-ов Делавэр.

Весной 1617 г. отряд Брюле пошел на север, в Квебек. По дороге на него напали ирокезы; гуроны разбежались, удалось скрыть-

¹ Основную массу лесных бродяг составляли люди, не имевшие средств на покупку ходовых товаров и необходимого снаряжения. Все это они брали у купцов, обязуясь погасить долг немедленно по возвращении. Поход лесных бродяг продолжался обычно две-три недели по рекам и озерам. Несудоходные участки они обходили, неся челны с грузом на плечах, иногда на большие расстояния, поэтому старались брать груз полегче, уменьшая его вес за счет запаса продуктов, и, следовательно, всегда голодали. В последней четверти XVII в. число лесных бродяг превышало 600 человек.

ся и Брюле, но после нескольких дней блужданий по лесам он, чтобы не умереть с голоду, положился на благородство случайно встреченных ирокезов, слухам о «свирепости» которых, очевидно, сам не очень верил. Ирокезы не только накормили одинокого француза, но дали ему проводника до страны своих врагов — гуронов. Среди них Брюле прожил два года и только в 1619 г. вернулся в Квебек.

В 1621 г. Брюле и другой лесной бродяга, *Греноль*, были посланы Шампленом на разведку северного побережья Гурона. Они открыли там Северный пролив, цепь о-вов Манитулин, отделяющую его от главного бассейна озера, р. Сент-Мэрис, текущую из «Великого Верхнего озера» в Северный пролив, и пороги на этой реке (Су-Сент-Мари). По всей видимости, они первые через несколько лет — не позднее 1628 г. — прошли вдоль восточного и северного берегов Верхнего озера до $90^{\circ} 30'$ з. д.: в этом районе (у 48° с. ш.) находятся озеро Брюле и р. Брюле, впадающая в западную часть Верхнего озера. Но безграмотные лесные бродяги не могли написать достаточно толковый отчет об этом великом открытии¹ и составить точную карту своего пути, и открытие Верхнего озера часто приписывается иезуитам. О дальнейшей судьбе Брюле известно лишь, что в 1633 г. он, находясь среди гуронов, чем-то восстановил их против себя и в июне был убит.

Между 1634 и 1638 гг. на поиски соленого Западного моря отправился шампленовский «юнец» *Жан Николе*, бывалый торговый агент. От устья Сент-Мэрис он повернул на юго-запад и за узким проливом Макинак открыл большое озеро Мичиган. На индейском челне он прошел вдоль северного берега Мичигана до длинного и узкого залива (Грин-Бей), проследил его в юго-западном направлении до реки (Фокс), впадающей в залив с юга, поднялся по этой реке до верховьев. От местных индейцев Николе узнал, что очень близко от него на западе находится «Большая вода»: он думал, что речь идет о море.

По более достоверной версии от верховьев Фокса он двинулся на запад и почти незаметно перешел через невысокий и короткий водораздел к р. Висконсин, а эта река довела его до «Большой воды», как индейцы называли текущую на юг р. Миссисипи. Николе не стал ее исследовать. У него сложилось впечатление, возможно, от неправильно понятых рассказов местных индейцев, что Миссисипи — сравнительно короткая река, впадающая в Южное море. И, вернувшись в Квебек, он сообщил, что открыл судоходную реку, по которой легко и быстро можно достигнуть Тихого океана. По другой версии, восходящей к иезуитам, Николе остановился в верховьях Фокса и далее не пошел.

¹ «По ту сторону Пресноводного моря [озера Гурон] лежит другое очень обширное озеро, которое изливается в то водопадом [Су-Сент-Мари]... Названное озеро и Пресноводное море вместе тянутся... на четыре сотни лье [около 1800 км], по счету дающего показание». Брюле дает довольно точное определение длины северной береговой линии двух Великих озер, считая от юго-восточного угла Гурона до западного угла Верхнего озера, самого крупного пресноводного водоема на Земле.

Иезуиты в Канаде

После основания Квебека сотни французских охотников и скупщиков и десятки монахов-иезуитов направились в глубь материка. Миряне добывали меха, иезуиты «завоевывали» души, распространяя среди индейцев католическую веру. Их успехи в деле религиозной пропаганды были невелики, но, стремясь обратить на «истинный путь» возможно большее количество «заблудших язычников», иезуиты совершили в центре Северной Америки крупные открытия, правда меньшие, чем они себе приписывали.

В 1628 г. французское правительство, по настоянию иезуитов, запретило евангелическое богослужение в колонии. Из-за этого протестанты-гугеноты, наиболее предприимчивая и богатая часть французского населения, стали выселяться в английские колонии. Гонение на гугенотов сильно мешало росту и экономическому развитию Канады. Французская католическая иммиграция в Северную Америку всегда была незначительна. В то время как в Канаде насчитывалось только 3000 «белых», в Новой Англии, колонизация которой началась почти на четверть века позднее, в 1640 г. жило уже 24 тыс. «белых».

В первую очередь иезуиты провели работу среди приозерных гурунов. В 1634 г. к ним отправились три монаха, в том числе *Жан Бребеф*¹. Канадские леса весной непроходимы; «отцы» должны были путешествовать «по индейскому способу», поднимаясь на лодках по рекам Св. Лаврентия и Оттаве. Католические писатели очень красочно описывают путешествия иезуитов, окружая их ореолом мученичества и даже святости. Нужно сказать, впрочем, что условия их передвижения были такими же, что и лесных бродяг, в жизни которых очень трудно найти признаки святости: «Сколько раз приходилось им... бросаться в воду, чтобы не дать быстрому течению унести их утлые челны; сколько раз они должны были вытаскивать свои лодки на сушу и переносить их на спинах через береговые заросли, чтобы обойти пороги! С окровавленными ногами, в ломотях, опухшие от укусов комаров, истощенные лишениями и усталостью, они достигали, наконец, стоянок гурунов... Пребывание в темных, прокопченных дымом вигвамах, кишящих насекомыми... было непрерывным мучением» (Г. Бемер). Однако гуруны оказались не так страшны, и иезуиты мало-помалу вошли в доверие к ним. После шестилетней пропаганды «черные сутаны» собрали большое количество гурунов в постоянные поселения и основали несколько миссионерских станций у озера Гурон.

Жану Бребефу приписывают открытие пятого из Великих озер — Эри — в 1640 г. Однако первое известие о Ниагарском водопаде — между Эри и Онтарио — относится к 1648 г.² В 1641—1642 гг.

¹ В одном селении гурунов в январе 1636 г. он увидел и первый подробно описал склад человеческих костей и их применение в быту; кости принадлежали убитым ирокезам.

² О водопаде «страшной высоты» первым сообщил иезуит *Поль Рагено*.

иезуит *Исаак Жог* в миссии, основанной у порогов Су-Сент-Мари, собрал ценные сведения об индейцах сиу, живших к западу от Верхнего озера, и о путях к ним через это озеро и «вверх по реке (Миссури), пересекающей их страну». В 40-х гг. вспыхнула война ирокезов против гуронов и союзных с ними французов, продолжавшаяся четверть века. С 1648 г. ирокезы, подстрекаемые англичанами и голландцами, разрушили одну за другой все иезуитские станции, перебили всех французов, кто попал к ним в руки, в том числе Бребефа и других «людей в черных сутанах», которых они особенно ненавидели, как и их протестантские союзники. Большинство гуронов было истреблено. Лишь несколькими сотням их удалось уйти в Квебек и поселиться в этом районе; другая часть вошла в состав различных племен союза ирокезов, их смертельных врагов.

Попытки иезуитов «обратить» индейцев и создать в Канаде особое «государство в государстве» под верховной властью римского папы закончились полным провалом. Колониальные власти (по указанию метрополии) принуждали «отцов» переселять обращенных индейцев поближе к французским поселкам и старались превращать их возможно быстрее во французов. Власти доброжелательно относились к бракам между «краснокожими» и «бледнолицыми». Эта политика, водка, оспа и распространяемый колонизаторами сифилис, а также голландское и английское огнестрельное оружие в руках ирокезов привели к тому, что большая часть индейцев в Новой Франции вымерла. Зато появилась новая этническая группа франко-индейских метисов, давшая ряд выдающихся лесных бродяг, благодаря которым французы и англичане открыли и исследовали гигантские внутренние области Северной Америки.

Иезуиты стремились уйти подальше от французских колониальных властей. С помощью проводников-индейцев и метисов они закончили открытие Великих озер и были первыми европейцами, селившимися у их берегов. Идя по следам французских лесных бродяг, которые, скупая пушнину, умели находить стоянки самых отдаленных индейских племен, иезуиты нередко становились пионерами-исследователями внутренних областей Северной Америки и во второй половине XVII в. проникли в бассейн Миссисипи.

ОТКРЫТИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ ВНУТРЕННИХ ОБЛАСТЕЙ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

Организация португальской Бразилии

На побережье Бразилии первые португальские колонисты появились уже в начале XVI в. Одни только пиренейские страны считали, что Португалия имеет права на восточную часть тропической Южной Америки, остальные морские европейские державы этих «прав» совершенно не признавали. Вопрос, кому она будет принадлежать, зависел от соотношения сил соперничающих держав в Европе, на Атлантическом океане и главным образом в самой Бразилии.

Малочисленные португальцы в первой четверти XVI в. самовольно селились в основном в приморской полосе между 8 и 24° ю. ш. Они женились на индианках, и их потомки, метисы-мамилуки, отлично говорившие на местных языках, сыграли очень большую роль в расширении португальской Бразилии. Угроза со стороны главным образом французских торговцев рабами и бразильским деревом заставила Португалию сделать первые шаги для закрепления за собой восточного побережья Южной Америки. В 1526 г. начальник военной флотилии *Криштован Жакиш* основал форт Ресифи у 8° ю. ш., в области Пернамбуку — на восточном выступе материка. В 1530 г. Ресифи захватили французы, но оставили через год, когда к берегам Бразилии подошли пять португальских военных кораблей *Мартина Аффонсу Соузы*. 22 января 1532 г. он заложил у 24° ю. ш. на прибрежном острове Сан-Висенти первый бразильский город, существующий и поныне. Королевским указом от 26 сентября 1532 г. часть материка к востоку от демаркационной линии, примерно между экватором и 28° ю. ш. (на более южную часть претендовали испанцы), была разделена на 15 феодальных владений — «капитанств». За 16 лет действия указа удалось организовать только семь капитанств, но и те не оправдали надежд, и их упразднили. Губернатором объединенной «провинции Санта-Круш» был назначен *Томе Соуза*. В 1549 г. он заложил у 13° ю. ш., в центре «освоенной» португальцами береговой полосы г. Салвадор, у залива Всех Святых (Баия-Тодус-ус-Сантус, или просто Баия). Он оставался столицей Бразилии более двух веков — до переноса центра в Рио-де-Жанейро (1763 г.).

Поиски Эльдорадо на Гвианском плоскогорье

Перед смертью (1579 г.) Г. Х. Кесада оставил завещание, в котором своим преемником на «посту» губернатора Эльдорадо назначил капитана *Антонио Беррио-и-Орунью*, ветерана многочисленных европейских кампаний испанского короля. Богатый человек, женатый на племяннице Кесады, А. Беррио выдвинул гвианскую «версию» Эльдорадо в ее финальной и наиболее убедительной форме. Он не нуждался в финансовой помощи и на свои «кровные» снарядил три экспедиции¹, намереваясь найти золотую страну, чего бы это ему ни стоило. Первая экспедиция началась 3 января 1584 г. Во главе отряда из 80 человек 64-летний А. Беррио отправился из Боготы на восток. Он прошел по междуречью Меты и Томо, левых притоков Ориноко, к подножию Гвианского плоскогорья. Этим путем длиной почти 1000 км по высокотравной саванне с пальмовым редколесьем, Льянос-Ориноко наших карт, никто еще, как не без гордости отметил он сам, из европейцев не проходил. Близ Ориноко испанцев задержали дожди. Во время вынужденного безделья Беррио собрал у местных индейцев «достоверные» сведения о цивилизованном многочисленном народе, обитавшем в горах к востоку от Ориноко и обладавшем большим количеством золота и драгоценных камней, об огромном соленом озере Маноа. Дожди прекратились, но большая часть испанцев болела малярией. И Беррио с 13 здоровыми солдатами обследовал часть западного побережья плоскогорья, круто поднимавшегося над залесенной равниной, в напрасных поисках прохода. Из-за нехватки людей, способных продолжать разведку, он двинулся в обратный путь, значительно сократив его. По долине р. Мета он поднялся к ее притоку Касанаре, по нему вышел к подножию Восточной Кордильеры и вернулся в Боготу к апрелю 1585 г.

Вторая экспедиция, продолжавшаяся ровно два года (март 1587—март 1589 г.), также закончилась полной неудачей. Правда, он обследовал практически все западное подножие Гвианского плоскогорья к северу от 6° с. ш., выполнив целую серию попыток, но не смог подняться на него. Одержимый навязчивой идеей, А. Беррио организовал третью экспедицию, хорошо экипированную, с большим количеством лошадей. 19 марта 1590 г. во главе отряда из 118 солдат он выступил на восток, прихватив с собой 13-летнего сына и наследника *Фернандо*. Вновь он пытался обнаружить проход у западных склонов плоскогорья и в безуспешных попытках спустился по Ориноко к устью р. Кучиверо (у 66° з.д.), где переждал сезон дождей. Вскоре после окончания «мокрого» периода, во время которого от болезней погибло 30 испанцев и 200 индейцев, А. Беррио с 50 людьми поднялся по долине р. Кучиверо на Гвианское плоскогорье и

¹ В середине XIX в. в архивах Севильи были обнаружены три письма А. Беррио королю — важные документы, характеризующие его упорную поисковую деятельность.

проследовал на юг по безлюдной стране. В отдалении, правда, виднелись дымки, и оптимист Беррио посчитал их убедительным доказательством наличия густого населения. Испанцы добрались до какого-то дикого потока, изобилующего порогами и текущего на юг. Это была р. Вентуари¹, которая вынесла лодочную флотилию — на каждого приходилось по четыре каноэ — в Ориноко: первое пересечение Гвианского плоскогорья не разрешило главной проблемы — находки Эльдорадо.

Испанцы спустились по Ориноко, впервые проследив около 400 км ее течения — между устьями Вентуари и Меты — к исходному пункту — устью р. Кучиверо. И здесь А. Беррио, проанализировав свои неудачи, пришел к выводу: дорога в центральную часть таинственного и неприступного плоскогорья проходит по р. Карони, крупнейшему правому притоку нижнего Ориноко. Из сообщений индейцев он знал, что Карони — очень «трудная» река, но все же решил сделать еще одну попытку. Беррио приказал забить всех лошадей отряда, засолил впрок конину и сплыл по Ориноко к устью Карони. Однако ему вновь пришлось отступить: большинство его спутников скончалось, а остальные страдали слепотой, вызванной трахомой.

Оставив на островке посреди Ориноко маленький гарнизон, Беррио спустился к устью реки, предполагая набрать подкрепление на о. Тринидад. Он прибыл туда в сентябре 1591 г. и решил создать здесь базу для завоевания Эльдорадо. В апреле 1592 г. он направил на Карони своего лейтенанта *Доминго де Вера* с отрядом в 35 человек. Тот вернулся через несколько недель, обследовав, скорее всего, лишь низовья реки, с подробным сообщением о густом населении в многочисленных поселках, о приветливости индейцев и красоте их женщин. Планы А. Беррио о завоевании Эльдорадо нарушил Уолтер Роли, упоминавшийся нами ранее. 8 апреля 1595 г. он захватил Беррио в плен, но обходился с ним весьма учтиво и узнал о золотой стране много «подробностей». Получив свободу в июле, Беррио уже в декабре основал близ устья р. Карони г. Сан-Томе-де-Гуаяна.

Старый неугомонный фанатик в 1596 г. организовал свою самую крупную экспедицию — 400 человек, но возглавить ее у него уже не было сил. Повел ее еще более старый соратник Г. Кесады португалец *Антониу Жоржи*, участник трех путешествий Беррио. За четыре месяца они смогли подняться по Карони лишь на 120 км, где А. Жоржи умер. Отряд распался на группы, причем почти все (350 человек) погибли от рук индейцев. К поискам Эльдорадо подключился и У. Роли. В 1596 г. он направил своего капитана *Леонарда Берри* на пинассе «Уотти» исследовать реки восточной части Гвианского плоскогорья. В том же году Берри осмотрел р. Эссекибо, а в 1597 г. — рр. Ояпоки, Марони и Карантейн², пройдя каждую до первых порогов, и ничего не обнаружил.

¹ Даже в наше время притоки Ориноко, берущие начало на Гвианском плоскогорье, все еще мало изучены, а спуск по любому из них считается крупным достижением.

² Ныне по ним проходят границы Бразилии, Французской Гвианы, Суринама и Гайаны.

К тому времени А. Беррио скончался, оставив своим преемником сына Фернандо, с исключительным упорством и настойчивостью продолжавшего дело отца. За 10 лет (1597—1606 гг.) он возглавил не менее 18 экспедиций, пытаясь проникнуть к центру плоскогорья, представлявшего, по его словам, гигантскую крепость, которую можно назвать неприступной. Преодолевая сопротивление индейцев и трудности, воздвигнутые природой, Ф. Беррио обследовал практически по всей длине крупные правые притоки Ориноко — Каура и Карони. При этом он открыл столовую страну Ла-Гран-Сабана и Серра-Пакарайма. Ему представлялось, что за ними находится его неуловимая цель, но преодолеть горы он не сумел. Ф. Беррио временно отступил и, прибыв в Испанию, добился восстановления своих прав в качестве губернатора Эльдorado. Он планировал возглавить экспедицию к фантастическому озеру в истоках Ориноко, но неподалеку от родных берегов попал в плен к пиратам, продавшим его в рабство в Алжир, где он и скончался в 1622 г. от чумы.

Паранцы и Амазонская экспедиция Тейшейры — Аكوшты

В 1612 г. французы захватили на севере Бразилии, в 500 км к востоку от дельты Амазонки, о. Мараньян¹ и основали там город Сен-Луи (теперь Сан-Луис). Тогда же голландцы проникли на нижнюю Амазонку и основали опорный пункт в низовье р. Шингу. Португальцы ответили на это военной экспедицией *Франсишку Калдейры* (1615—1616 гг.). Вытеснив в ноябре 1615 г. французов из Сен-Луи, португальская флотилия с отрядом в 200 человек прошла вдоль побережья от Мараньяна к дельте Амазонки и вступила в бухту — устье полноводной р. Пара. Поднявшись по ней на 100 км, Калдейра в январе 1616 г. поставил на берегу крепость Белен, вокруг которой возник одноименный город².

Вскоре паранцы открыли в 100 км выше Белена широкое устье текущей с юга р. Токантинс, которая несла массу прозрачной темной воды в грязно-желтую Пару. А в 1623 г. паранцы, пройдя из Белена западными протоками на Амазонку, т. е. обогнув с запада большой о. Маражо (около 48 тыс. км²), поднялись по реке до устья Шингу, изгнали оттуда голландцев и, казалось, утвердились на нижней Амазонке.

Однако в 1637 г. португальцев встревожило появление в дельте Амазонки семи испанцев, спустившихся в поисках Эльдorado по Напо и Амазонке до Белена. Если бы это случилось в XVI в., португальцы казнили бы испанцев или сгноили в тюрьмах, но в 30-х гг. XVII в. Португалия была подчинена Испании (до 1640 г.). Впро-

¹ Участник этой экспедиции монах *Ив Эвре* дал первое удовлетворительное географическое описание приморской полосы Северной Бразилии, в центре которой находится о. Мараньян (он лежит в устьях рек Меарин и Итапекуру).

² До XX в. его часто называли Пара, а жителей — паранцами.

чем, в Южной Америке местные власти следили за тем, чтобы португальцы не проникали слишком далеко на запад, испанцы — на восток.

Паранцы немедленно организовали свою экспедицию. Во главе ее был поставлен *Педру Тейшейра*, один из правителей новой колонии, «человек со вздорным, но твердым характером». Главным штурманом был назначен *Бенту Акошта*, ведущий журнал экспедиции. В конце июля 1637 г. экспедиция Тейшейры на 45—50 судах начала подъем по Амазонке через страну, которая оказалась, по словам Акошты, «особым миром, превосходящим по размерам любую другую страну, открытую в Америке». Около 10 месяцев длилось плавание вверх по Амазонке и ее крупному притоку Напо. По распоряжению Тейшейры Акошта заходил в низовья ее больших притоков, затрачивая каждый раз на их обследование три-четыре дня. Конечно, Акошта сильно преувеличивал, когда сообщал, что «вся область Амазонки населена... несметным числом индейцев... и каждый из этих притоков представляет собой густо населенное царство...». Не приходится, однако, сомневаться, что бассейн Амазонки тогда был гораздо гуще населен, чем в XVIII—XIX вв., когда на Амазонке появились ученые, отмечавшие безлюдность многих приречных областей — результат разбойничьих набегов колонизаторов, занесенных ими заразных болезней, угона в рабство и массового истребления индейцев.

Закончив плавание у верховьев Напо, Тейшейра прошел через перевал в Кито к началу августа 1638 г. Тогда встревожились испанские правители Перу. Они также не решились учинить расправу над подданными общего короля, но приказали португальцам вернуться в Белен и приставили к ним двух иезуитов. 16 февраля 1639 г. Тейшейра с назначенными ему спутниками выступил из Кито и прибыл в Белен 12 декабря того же года. На подъем и спуск по Амазонке экспедиция затратила почти одинаковое время: видимо, и на этот раз исследовались низовья притоков Амазонки. Среди важных географических сведений, помещенных в отчете Тейшейры, есть прямое указание на бифуркацию Ориноко. Из расспросных данных, полученных от индейцев на Риу-Негру, Акошта сделал вывод, что Риу-Негру сообщается «... с одной стороны с рекой Амазонкой, с другой — с Северным морем [Атлантическим океаном] в виду острова Тринидад посредством потока, который, как полагают, есть знаменитое Ориноко».

Один из испанских иезуитов, *Кристоваль Акунья*, собрал, может быть, не такие подробные, как Тейшейра и Акошта, но достаточно точные материалы о долине Амазонки и изложил их в книге «Новое открытие великой реки Амазонки», законченной в Мадриде в 1641 г.

В 40-х гг. группа паранцев поднялась, преодолевая пороги, по р. Токантинс до 6° ю. ш. и при этом открыла за 5° устье Арагуаи, крупнейшего ее притока. В те же годы паранцы начали периодически плавать из Белена по Амазонке до устья Риу-Негру для торговли с индейцами и для охоты за индейцами.

Паулисты и открытия бассейна реки Сан-Франсиску

В 1554 г. на материке, в 50 км к северо-западу от о. Сан-Висенти, в верховье р. Тиете, уже известной старым португальским колонистам, иезуиты организовали миссию Сан-Паулу. Подкупом и увещаниями они крестили местных вождей и с их помощью поселили вокруг новой миссии сотни индейских семейств. Ближе к морю обосновались колонисты-мамилуки из Сан-Висенти. «Освоив» свой район обычными для них методами — массовое убийство индейцев, угон уцелевших в рабство, — мамилуки после ряда набегов на соседнюю иезуитскую миссию захватили ее, вытеснили иезуитов и превратили Сан-Паулу в основную базу для движения в сертаны (глубинные районы) Бразильского плоскогорья. В историю Бразилии они вошли под названием паулистов.

Часть колонистов, располагая средствами, добытыми темными путями, организовали сахарные плантации. Нуждаясь в рабочей силе, паулисты собирались в бандейры (вооруженные отряды) для грабежа и угона в рабство индейцев и для разведки глубинных районов; португало-бразильские бандейранты, как и конкистадоры, искали месторождения золота, серебра и драгоценных камней. Ядро этих отрядов составляли, как правило, двуязычные «мамилуки», которые, если только это возможно, были хуже своих белых отцов... разнузданный сброд, но храбрый, дерзкий и предприимчивый...» (А. Зупан).

Паулисты, как и другие колонизаторы в Америке, вмешивались в межплеменные войны, «которые сами христиане провоцировали с целью порабощения побежденных» (Ф. Роша-Помбу). Паулисты-бандейранты в короткое время опустошили юго-восточную приморскую полосу Бразильского плоскогорья. Часть их от рек системы верхней Параны, текущих на запад, перешла через еле заметные водораздельные высоты к верховьям нескольких рек, текущих на север, где продолжала охоту за рабами. Следуя вниз по долинам порожистых рек, паулисты обнаружили, что они сливаются в одну большую реку, пересекающую полосу саванн (кампус) и судоходную на очень большом протяжении. Течет она, как и ее истоки, на север, но где она впадает в море, долго еще было неясно. Только когда паулисты встретились на ней с шайками охотников за рабами из Баии и Пернамбуку, ее отождествили с р. Сан-Франсиску: ее устье стало известно еще с начала, а нижнее течение с середины XVI в. (длина около 2800 км).

Первым исследователем Сан-Франсиску, работа которого дошла до нас, был *Габриэл Суариш ди Соуза*. В поисках «золотой страны» он прошел снизу вверх большую часть долины Сан-Франсиску — то в лодке, то берегом, обходя пороги. В 1587 г. Суариш составил «Описательный трактат о Бразилии», содержащий наряду с характеристикой состояния колонии и ценный географический материал.

Борьба паулистов с иезуитами в бассейне Ла-Платы

Первые иезуиты прибыли в Бразилию в 1549 г. вместе с «мирянами» — основателями колонии Баии. Поселились они сначала среди приморских индейцев, а затем развивали свою деятельность с севера на юг на восточной полосе Бразильского плоскогорья. Индейские христианские общины вокруг иезуитских миссий возникали с поразительной быстротой, особенно в верхнем бассейне Параны, по обе стороны от демаркационной линии 1494 г.

Для «просвещения» индейцев Юго-Восточной Бразилии в 90-х гг. XVI в. были посланы пять иезуитов, в том числе португалец *Мануэл Ортега* и шотландец *Томас Филдс*. Они несколько лет объезжали леса и саванны в бассейне Паранапанемы и других притоков верхней Параны, основали там две миссии и в районе Гуайры окрестили тысячи гуарани.

Этот успех побудил испанское правительство в 1609 г. формально передать иезуитам «разрешение вопроса об индейцах Ла-Платы». Им предоставлялась вся духовная и светская власть на еще не завоеванной земле («тьерра де герра»), и вместе с тем испанцам-мирянам запрещалось под угрозой сурового наказания проникать туда. Тем самым «конкиста эспиритуаль» («духовное завоевание») признавалось единственно законным средством расширения испанских владений. Для покорения индейцев организуется не линия военных фортов, а линия иезуитских миссий, содержащихся за счет ордена, который притом обязался вносить в королевскую казну плату за каждую обращенную в христианство душу. Такая система казалась выгодной для правительства, но оказалась гораздо выгоднее для ордена.

В 1610 г. была основана первая редукция, или концентрационный лагерь для индейцев, только не обнесенный колючей проволокой.

Через 10 лет на территории Гуайры, на левом берегу средней Параны, «отцам» уже принадлежало 13 больших поселений, насчитывающих около 100 тыс. христиан. Тогда же иезуиты приступили к организации второй миссионерской области, на правом берегу средней Параны, и оттуда через 10 лет проникли в междуречье Параны и среднего Уругвая. С 1624 г. иезуиты начали утверждаться и на левом берегу Уругвая с целью проложить дорогу на юг, к морю. Уже в 1630 г. они владели в бассейне Ла-Платы четырьмя обширными округами с 27 редукциями: Гуайра на левом берегу Параны, правый берег средней Параны, который уже тогда называли страной Парагвай, затем «страна между двумя водами» (Междуречье) и левый берег Уругвая. Но буквально по пятам иезуитов с востока и северо-востока шли их враги — паулисты.

Владения иезуитов казались этим бандейрантам-мамилукам «превосходными охотничьими территориями для их ужасного про-

мысла. И нужно сказать правду, они умели охотиться за рабами еще лучше, чем иезуиты за душами» (Г. Бёмер).

Под напором паулистов иезуиты очистили Гуайру и отступили на юг, вниз по Паране и к Уругваю. Как сообщает падре Антонио Руис Монтойя, во время отхода из Гуайры под его началом было 12 000 индейцев, они прошли около 1200 км до местности, избранной для нового поселения, и в пути погибло 8000 человек. Однако паулисты и здесь не оставили миссий в покое. С 1635 г. бандейранты почти ежегодно появлялись на левом берегу Уругвая, разрушали и грабили новые редукции, уводили в рабство индейцев.

Тогда орден добился наконец от Испании разрешения вооружить индейцев и создать из них регулярное войско. Оно охраняло миссии от вторжения паулистов с востока. Но «Государство иезуитов»¹ было отрезано от моря и не могло расширить свои владения ни на восток, к океану, ни на юг, к Ла-Плате, так как ее берега, на которых индейцы уже давно были истреблены, рассматривались метрополией как «мирная земля» («тьерра де пас»), предназначенная для светской колонизации.

В результате борьбы паулистов с иезуитами бассейн Ла-Платы к востоку от Парагвая и нижней Параны стал в XVII в. наиболее разведанной частью Южной Америки: открыты и прослежены на всем протяжении две большие реки, составляющие Парану, — Паранаиба (около 900 км) и Риу-Гранди (более 1200 км), которая берет начало на северных склонах покрытой сельвой горной гряды Серра-да-Мантикейра; обследована вся средняя Парана до ее слияния с Парагваем (нижнее ее течение, как мы знаем, было открыто и многократно пройдено еще в первой половине XVI в.).

Кроме р. Игуасу, известной еще с 1524 г., открыты и изучены все крупные левые притоки Параны — Тиете, Паранапанема, Иваи и Пекири. Конечно, все это удалось сделать с помощью индейских проводников, гребцов и носильщиков.

Уругвай стал известен после плавания С. Кабота только в нижнем течении. Иезуиты и бандейранты обследовали весь Уругвай (1650 км), открыли его крупные притоки Ибикуи и Рио-Негро и пересекали в разных направлениях юго-восточный край Бразильского нагорья — Серра-Жерал. Однако «Великой Южной рекой» (Риу-Гранди-ду-Сул) бандейранты называли не Уругвай, а открытую ими короткую Жакуи. Она стекает на юг с Серра-Жерал, поворачивает у 30° ю. ш. на восток и в устье образует лагуну Патус площадью более 10 тыс. км², так что в низовье кажется громадной. Но длина ее с Патусом 700 км. Открыв эту реку, бандейранты продвинулись не только на юг, но и на запад, до среднего Уругвая.

¹ Площадь государства иезуитов исчислялась в 180 тыс. км². Там находилось до 30 поселений, в которых к середине XVIII в. жило около 100 тыс. индейцев.

Крупнейшим бандейрантом бразильские историки считают *Антониу Рапозу Тавариша*. Первую крупную партию рабов он провел в 1629 г. на север от Сан-Паулу к верховьям Параны, а в 1636—1638 гг. водил другую большую бандейру. Вскоре (1640 г.) Португалия отделилась от Испании, и это событие сильно усложнило пересечение границ колониальных владений обоих государств. К середине XVI в. ни у кого уже не оставалось сомнений, что Бразилия — не остров и, следовательно, Португалия получила права на долину Амазонки. Для обследования внутренних районов Южной Америки в мае 1648 г. пятидесятилетний А. Рапозу Тавариш выступил из Сан-Паулу во главе бандейры — 200 португальцев и 1000 вооруженных индейцев. Точный маршрут отряда не установлен. Видимо, он проследовал вниз по р. Тиете, левому притоку р. Параны, к устью, по ней добрался до слияния с р. Парагвай и оттуда на север, к современному городу Корумба. Здесь бандейра задержалась до апреля или мая 1649 г. и пополнилась людьми.

Дальнейший маршрут А. Рапозу Тавариша не выяснен: легенда «заставляет» его перевалить Анды и достичь Тихого океана, т. е. пересечь материк. В действительности он не доходил до западного побережья. Из сохранившихся отчетов можно заключить, что из Корумбы бандейра двинулась на север. Через заболоченные верховья р. Парагвай и незаметный водораздел она перешла на верхнее течение какого-то потока, текущего на север, по его долине достигла довольно крупной реки (Гуапоре), а затем более значительного потока (Маморе, восточная составляющая Мадейры). Рапозу Тавариш оказался первым европейцем, не только проникшим на этот крупнейший правый приток Амазонки (длина 3230 км), но и проследившим его до устья, т. е. на протяжении 1200 км. Он сообщил о племенах и больших деревнях в долине Мадейры.

Бандейранты с большим трудом продирались через влажнотропические леса (сельвас), которым, казалось, не будет конца. Река медленно текла в низких берегах по плоской равнине (Амазонская низменность) и наконец привела их к Амазонке. Повернув на запад, Рапозу Тавариш проследовал к ее верхнему течению, по р. Напо проник в Анды и прибыл в Кито — через три года после выхода из Сан-Паулу. После кратковременного отдыха он повел своих людей вниз по левым притокам верхней Амазонки к могучей реке, возможно следуя путем Орельяны. Спуск на некоторых участках проходил медленно, благодаря чему у бандейрантов появилась возможность изучить ряд притоков.

После достижения Белена португальцы пересекли с севера на юг Бразильское плоскогорье и прибыли в Сан-Паулу, вероятно в 1652 г., завершив кольцевой маршрут по центральной части Южной Америки длиной более 14 тыс. км. Они настолько изменились, что никто не смог узнать их. Из путешествия А. Рапозу Тавариша Португалия сделала политические выводы, предъявив права на огромную территорию.

ГОЛЛАНДСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В АЗИИ, ОТКРЫТИЕ АВСТРАЛИИ И ОСТРОВОВ ОКЕАНИИ

Первые голландские экспедиции в Индонезию

Расцвет голландского могущества в южных морях начинается... в лиссабонской тюрьме. Туда в 90-х гг. XVI в. был посажен за долги голландский моряк *Корнелис Хаутман*. В тюрьме языки развязываются. От товарищей по заключению, португальских моряков-неудачников, Хаутман узнал великие тайны — о морских путях из Португалии в Индию и к Молуккам. Хаутман сообщил об этом на родину торговой компании «Общества дальних стран». Сообщение пришлось как нельзя более кстати. Дело в том, что до этого времени голландские («мятежные») корабли могли еще посещать португальские порты, правда под иностранным флагом. Но в 1594 г. Филипп II, бывший с 1580 г. и португальским королем, решил одним ударом прекратить голландскую посредническую торговлю и конфисковал в Лиссабоне 50 голландских кораблей, принадлежавших «мятежникам и еретикам». Именно тогда голландская компания выкупила Хаутмана из тюрьмы и снабдила его деньгами на экспедицию к «Островам пряностей».

В 1595 г. четыре корабля Хаутмана покинули Голландию. Осторожно он вел суда вокруг Африки и через Индийский океан, стараясь не попадаться на глаза португальцам. 17 месяцев понадобилось голландцам, чтобы достигнуть Суматры, откуда они перешли к Яве. Правда, Хаутман не дошел до Молукк, но ему удалось закупить на Яве большой груз ценных товаров по сходной цене. В 1598 г. Хаутман вернулся на родину, потеряв в пути треть людей и два корабля. Если финансовый успех предприятия не оправдал слишком радужных надежд, то «моральный» эффект был очень велик: прорвана португальская монополия торговли с Ост-Индией; голландские купцы завязали непосредственную торговлю с малайскими правителями, и, наконец, голландцы убедились в том, что в «Островной Индии» есть, кроме Молукк, и другие острова, заслуживающие внимания и несправедливо пренебрегаемые португальцами, особенно Ява.

Немедленно «Общество дальних стран» объединилось с несколькими другими торговыми компаниями. В том же, 1598 г. была организована новая экспедиция на восьми кораблях под началь-

ством *Якоба Ван-Нека*. Успех ее вскружил головы голландским купцам. В короткий срок — через 15 месяцев — вернулись обратно с грузом пряностей, закупленных на Яве, четыре корабля, а через год — и остальные: они за это время достигли Молукк и оттуда привезли пряности, приобретенные по более дешевой цене, чем на Яве.

Экспедиция Ле-Мера — Схаутена и открытие мыса Горн

Голландские капиталисты, не связанные с Нидерландской Ост-Индской компанией, не раз пытались прорвать ее торговую монополию и искали новых путей к Молуккам. Одна из таких попыток потерпела полную финансовую неудачу, но привела к важным открытиям в Атлантическом и Тихом океанах. Купцы города Хорн снарядили два судна, пригласив начальником экспедиции опытного капитана *Виллема Корнелисзона Схаутена*; торговым комиссаром был назначен *Якоб Ле-Мер*. Экспедиция благополучно пересекла Атлантику, но на последней стоянке у берегов Южной Америки (близ 48° ю. ш.) в конце 1615 г. меньшее судно («Хорн») сгорело; люди перешли на «Эндрахт» («Согласие», 360 т). В середине января 1616 г. Схаутен провел корабль мимо входа в Магелланов пролив: путь через него, как и вокруг мыса Доброй Надежды, был монополией Ост-Индской компании. 24 января, в середине лета, Схаутен увидел гористый, покрытый снегом (на 55° ю. ш.) берег — юго-восточный выступ Огненной Земли, а на востоке — другой высокий берег. Обе земли разделялись «хорошим проливом» — Схаутен назвал его проливом Ле-Мер; он был буквально забит китами: кораблю, чтобы избежать столкновения, приходилось маневрировать. 25 января голландцы вплотную подошли к новой земле и решили, что перед ними — выступ Южного материка. Этот «выступ» они назвали Землей Штатов¹ — в честь Генеральных штатов, высшего законодательного органа Республики Соединенных Провинций.

Пройдя пролив Ле-Мер, «Эндрахт» повернул на юго-запад. «Мы встретили, — пишет Схаутен, — сильную волну и ярко-синюю воду, которая вселила в нас уверенность, что мы находимся в Великом Южном море. Это нас очень обрадовало, так как мы решили, что открыли путь, доселе не известный людям... К вечеру [29 января] мы опять увидели землю на северо-западе. Она вся состояла из высоких, покрытых снегом гор и кончалась острым выступом, который мы назвали мысом Горн...» — в честь города Хорн в Нидерландах. Так было окончательно доказано, что Огненная Земля — остров или архипелаг, а не выступ Южного материка. Мыс Горн долго считался оконечностью главного острова Огненной Земли, хотя уже в 1624 г. голландец *Якоб Эрмите*, от-

¹ В 1643 г. голландец *Хендрик Браувер*, обойдя кругом «Землю Штатов», доказал, что это небольшой остров. Он принадлежит теперь Аргентине (Эстадос).

Земля Штатов и мыс Горн.

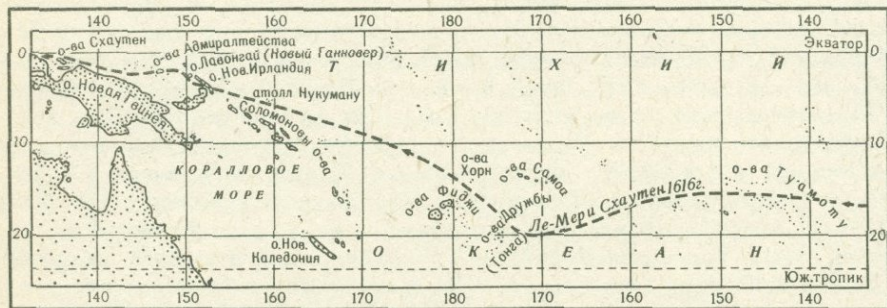
крывший залив Нассау, обнаружил, что мыс Горн находится на крайнем южном острове группы Эрмите ($55^{\circ} 59'$ ю. ш., $67^{\circ} 16'$ з. д.).

Выйдя в Тихий океан и повернув на север, Ле-Мер и Схаутен дали своим людям отдых на одном из о-вов Хуан-Фернандес, затем поднялись приблизительно до 15° ю. ш. и повернули на запад. 10—18 апреля они открыли по крайней мере четыре атолла в се-

верной части архипелага Туамоту (на три атолла они высаживались), 10—19 мая — пять вулканических «Кокосовых островов» к юго-западу и западу от архипелага Самоа¹. От них они поднялись ближе к экватору, до широты северного берега Новой Гвинеи, и месяц не видели ни клочка суши, пока не прошли мимо атолла Нукуману ($4^{\circ} 30'$ ю. ш., $159^{\circ} 25'$ з. д.). Продолжая путь на запад, Ле-Мер и Схаутен 24 июня подошли к большой группе островов, которую немцы в 1884 г. назвали архипелагом Бисмарка. За девять дней, следуя на северо-запад, они открыли пять групп островков (Грин, Фени, Танга, Лихир, Табар), простирающихся вдоль неведомого берега большой земли, которую они приняли за северо-восточную окраину Новой Гвинеи, а это был длинный и узкий о. Новая Ирландия, протягивающийся с юго-востока на северо-запад более чем на 300 км, а вместе с северным о. Лавонгай — более 400 км. На Новую Ирландию моряки высаживались.

Обогнув с севера о. Лавонгай, Ле-Мер и Схаутен 3 июля вступили в Новогвинейское море, видели там несколько малых островов (из группы Адмиралтейства) и 5 июля подошли к северному берегу Новой Гвинеи. Следуя на некотором расстоянии от берега,

¹ За западной группой этих «Кокосовых островов» теперь утвердилось название Хорн. На один из о-вов Хорн голландцы высаживались.

Плавание Я. Ле-Мера и В. Схаутена в Тихом океане.

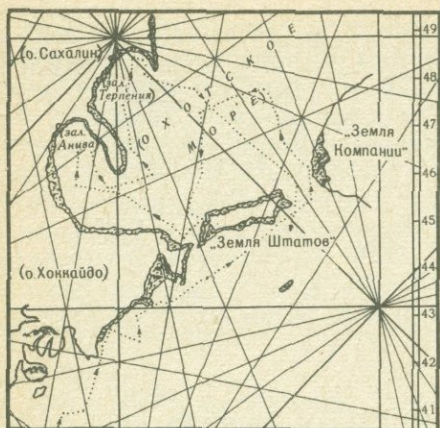
они обнаружили на 2° ю. ш. и 145° в. д. несколько небольших вулканических островов, а у экватора и 136° в. д. (у северо-западного выступа Новой Гвинеи) более крупную группу — о-ва Схаутен. Оттуда «Эндрахт» перешел к Молуккам, к западному берегу о. Хальмахера, у которого были голландские торговые фактории. Когда же они прибыли на Яву (в октябре), агенты Ост-Индской компании арестовали Ле-Мера и Схаутена за нарушение торговой монополии и отправили на компанейском судне в Голландию. Ле-Мер умер в пути (в декабре 1616 г.), Схаутена на родине освободили. Его «Дневник или описание удивительного путешествия», изданный в Амстердаме на французском языке в 1619 г., выдержал около 40 изданий.

Поиски мифических земель на севере Тихого океана

Агенты Нидерландской Ост-Индской компании, монопольно торговавшей с Японией, вели жизнь заключенных на искусственном острове Дасима, в бухте Нагасаки, и все-таки собирали материалы как о самой Японии, так и о дальневосточных морях. Сбором сведений занимались и голландские моряки, плававшие в этих морях. Те и другие слышали от португальцев-мирян и от иезуитов, посещавших Китай и Японию, об «острове, богатом золотом и серебром», к востоку от Японии. Голландцы смешали эту средневековую легенду с рассказами о действительных землях, находящихся к северу и западу от главного японского острова — Хонсю.

В 1639 г. главный правитель Нидерландской Индии Антон Ван-Димен послал из Батавии к берегам Японии на поиски богатого острова два корабля — «Энгел» и «Графт» — с командой по 45 человек, капитаном первого и начальником был *Маттис Кваст*, главным штурманом и капитаном второго — *Абел Тасман*, 36-летний моряк. Путь судов шел мимо Филиппин, карту которых Кваст и Тасман уточнили. Они достигли восточного берега Хонсю у 37° с. ш., повернули на восток и долго шли так в напрасных поисках богатого острова. Остановила их какая-то эпидемия, вспыхнувшая на кораблях. На обратном пути они увидели берег Японии у 35° с. ш. (юго-восточный выступ Хонсю) и, следуя далее на юго-запад, пересекли меридиональную цепь небольших вулканических островов (Идзуситито). Эпидемия усилилась, большая часть людей на борту умерла. Корабль обогнул о. Кюсю и через Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря вернулся в Батавию. Из команды «Графта» остались в живых только семь человек, включая Тасмана; с таким малым числом людей он довел корабль до Явы. Именно тогда Ван-Димен обратил внимание на штурмана, который вскоре обесмертил и свое и его имя.

В 1643 г. Ван-Димен организовал новую экспедицию для поисков «золотых и серебряных островов» в японских водах, во главе которой поставил *Мартина Герритсзона де Фриза* — Тасман в

Юго-западная часть Охотского моря — эскиз карты М. Фриза.

это время выполнял другое задание Ван-Димена. В распоряжение Фриза были даны два корабля: «Кастрикум» (около 400 т) под его командой и «Брескенс» (около 300 т), капитан *Хендрик Корнелизон Схеп*. Экспедиция вышла из Батавии к берегам Японии 3 февраля 1643 г. Первого японского острова (Хатидзе, у 33° с. ш., самого северного из меридиональной группы Нампо) она достигла 20 мая, а на следующий день во время бури суда разлучились. Фриз повел свой корабль вдоль восточного берега Хонсю и 6 июня

у 42° с. ш. подошел к мысу Эримо — южному выступу о. Йессо (Хоккайдо). Там судно посетили бородатые люди — первая встреча европейцев с айнами.

Двинувшись дальше на северо-восток, 13 июня Фриз приблизился к Малой Курильской гряде. Первый помощник капитана *Корнелис Янсзон Кое*н, который вел журнал — единственный сохранившийся отчет о плавании, ценный первоисточник, — отметил небольшие, плоские и низменные острова этой гряды, окруженные островками и рифами. Айны, занимавшиеся охотой с лодок, поднялись на борт и, указывая на северо-восток острова, называли его «Такотекан» (о. Шикотан). К северу от их курса моряки обнаружили проход (пролив Екатерины между островами Кунашир и Итуруп), но из-за сильного ветра не рискнули проникнуть туда. Далее к северо-востоку Фриз усмотрел полосу гористой суши, разорванную широким проливом на два участка; сопки и понижения между ними были покрыты снегом. В море голландцы видели много тюленей, бакланов и уток. 20 июня «Кастрикум» бросил якорь в этом проливе Фриза и простоял там пять дней, причем ежедневно на берег за водой высаживалась партия во главе с Коеном. Землю, лежащую к юго-западу от пролива, Фриз назвал островом Штатов — это был о. Итуруп Курильской цепи, но Фриз посчитал его северо-восточным полуостровом Хоккайдо; землю к северо-востоку от пролива — о. Уруп — он принял за выступ Америки и назвал Землей Компании.

В Охотском море, идя северным курсом, 27 июня Фриз достиг 48° с. ш., но из-за противных ветров повернул на юг и 1 июля у 44° 30' с. ш. усмотрел землю, разделенную проливом: на одной стороне высился пик Антония (вулкан Тятя, 1819 м, на о. Кунашир), на другой — гора Кронберх (вулкан Берутарубе, 1223 м, на о. Итуруп). Судно простояло у северо-западной оконечности о. Кунашир восемь дней, причем Кое

острова, а на баркасе пытался осмотреть пролив Екатерины, но потерпел неудачу, отметив сильное течение.

Фриз решил продолжать плавание к Татарии (Восточной Азии) и пошел на северо-восток. Днем 14 июля голландцы увидели землю на северо-западе и северо-востоке, а также на юго-западе и поняли, что находятся в заливе (Анива), но из-за густого тумана не заметили пролива Лаперуза, отделяющего Хоккайдо от о. Сахалин. Они, правда, отметили сильное течение с запада и юго-запада. У северного берега залива, где находился поселок айнов, 16 июля «Кастрикум» бросил якорь. Это было южное побережье Сахалина, впервые посещенное европейцами: Коен дважды высаживался и был гостеприимно принят айнами. Они сообщили голландцам, что их страна тянется «от Татарии на севере до Йессо на юге» и что Йессо — большая земля, к югу от которой находится Нипон (Хонсю), а к юго-западу — Корея (Чосон), но Фриз сделал из их указаний неправильный вывод.

Через пять дней он обогнул юго-восточную оконечность Сахалина, названную им мысом Анива (скорее всего, это слово местного происхождения), и, повернув на север, открыл 26 июля у 49° с. ш. «большой залив». На западе моряки видели высокие горы с остроконечными вершинами (Камышовый хребет), а на севере и северо-востоке — низменное побережье. И горы, и взморье были покрыты снегом. Юго-восточную оконечность открытой им земли Фриз окрестил мысом Терпения, позже так стали называть и залив. Близ мыса на берег дважды высаживался Коен. Затем голландцы попытались пройти к северу, но противный ветер вынудил их отказаться от дальнейшего исследования Сахалина; длина открытой ими береговой линии острова составила около 800 км. Они повернули на юго-восток и 5 августа вышли проливом Фриза в Тихий океан.

Для пополнения запасов продовольствия и ремонта судна моряки простояли в небольшой бухте юго-восточного берега Хоккайдо (у 43° с. ш.) полмесяца, а 1 сентября двинулись на юг. Примерно у 37° с. ш. Фриз решил заняться поисками «островов, богатых золотом и серебром», и 1 октября достиг 180°, а может быть даже пересек линию перемены дат, удалившись от берега Хонсю на 3,2 тыс. км. Он доказал, что между 37 и 38° с. ш. в океане нет никакой земли, вернулся к берегам Японии близ 35° 30' с. ш. и 9 ноября у о. Кюсю встретился с «Брескенсом». Во время плавания Фриз хорошо — для его времени — изучил свойство Куро-Сиво: ему первому принадлежит честь описания этого теплого течения — «Гольфстрима Тихого океана».

Схеп на «Брескенсе», разлучившись с Фризом, пошел на север вдоль восточных берегов Хонсю и Хоккайдо, не заметив Сангарского пролива (Цугару) между этими островами, потерял из виду землю и снова увидел ее между 47 и 48° с. ш. Это могли быть только Курильские о-ва, и притом небольшие, в центральной части цепи, однако Схеп принял открывшуюся перед ним сушу за выступ Америки. Он не решился обследовать новую страну, повернул на

юг и достиг Хоккайдо. Там он высадился на берег с девятью матросами и попал в плен к японцам. Остальные моряки ушли на корабле «Брескенс» на восток. В полосе между 37—38° с. ш. они напрасно искали «богатый остров», причем продвинулись на восток от Японии на 3400 км. Оба судна, посетив Тайвань, вернулись в Батавию 14 декабря.

В результате экспедиции Фриза — Схепа у голландцев сложилось представление, отразившееся на их картах, что к северу от Хонсю на огромном протяжении до Северной Азии (Татарии) тянется очень большая земля. А так как Фриз и Схеп «видели» берег Америки на востоке, то эта северная Земля Йессо на некоторых позднейших картах, например французца *Луи Аннепена*, показывалась отделенной только узким проливом от выступа Северной Америки. Таким образом, благодаря фантазии, а может быть и сознательной лжи, моряков, географов и картографов северная часть Тихого океана была заполнена по крайней мере двумя большими массивами суши — Землей Жуана-да-Гамы португальца *Луиша Тейшейры* и Землей Йессо голландца Фриза. Вере в существование этих фантастических или крайне преувеличенных по своим размерам земель через сто лет нанесла сильный удар 2-я Камчатская экспедиция Беринга — Чирикова 1741—1742 гг. Но и после нее Землю Жуана-да-Гамы искали несколько десятков лет — до конца XVIII в.

Ход открытия Новой Голландии до Тасмана

Как только голландцы появились на островах Индонезии, они начали искать новые пути от мыса Доброй Надежды к этим островам. Их пути шли значительно южнее португальских: португальцы в начале XVII в. еще владели рядом контрольных пунктов в северной полосе Индийского океана. Голландцы же пересекали центральную часть океана, обогнув с юга о. Мадагаскар, и после почти годичного плаванья достигали Явы. На потенциальную ценность западных ветров, преобладающих в южной полосе океана (между 35 и 40° ю. ш.), первым обратил внимание голландец Хендрик Браувер. Для проверки своей идеи на практике 4 июня 1611 г. он отплыл на двух судах от мыса Доброй Надежды точно на восток по 36-й параллели. Поймав западный ветер, он добрался, по его предположениям, до меридиана Зондского пролива и, круто повернув на север, 18 августа 1611 г. прибыл на Яву.

С 1613 г. по маршруту Браувера, более длинному, но отнимавшему почти в полтора раза меньше времени, прошли многие голландские капитаны. А с 1616 г. этот путь и даже более южный — вдоль 40° ю. ш. — стали официально санкционированными, т. е. обязательными, морскими трассами. Плаванья голландцев доказали, что в полосе широт 35—40° ю. ш. нет никакой суши и что, следовательно, Южный материк имеет значительно меньшие разме-

ры, чем показывали на картах начала XVII в. Голландцам все же удалось «засечь» два маленьких клочка земли, затерянных в морских просторах: в начале 1618 г. капитан *Адриан де Валле* у 38° ю. ш. и 78° в. д. усмотрел о. Амстердам, а *Хавик Клаасзон ван Хиллегом* 19 апреля того же года на градус южнее обнаружил о. Сен-Поль.

Продвигаясь в Индийском океане на восток между 30 и 40° ю. ш., голландцы часто близко подходили к западным берегам очень большой земли (Австралии), а иногда видели и даже посещали их, но находили там почти безжизненную пустыню и малочисленные группы бродячих охотников. Тем не менее это побережье представляло интерес для голландцев, так как только здесь они могли возобновлять запасы пресной воды. Поэтому Нидерландская Ост-Индская компания считала необходимым исследовать обращенные к Индийскому океану берега новооткрытого Южного материка; к тому же она рассчитывала найти поближе к экватору менее безотрадные и гуще населенные земли и охотиться там за рабами. Важным моментом в ходе открытия Австралии, которую в XVII—XVIII вв. называли Новой Голландией, было также жадное стремление найти новые районы скупики приностей, месторождения золота или алмазов, жемчужные ловли.

Частью Южного материка считалась Новая Гвинея, расположенная сравнительно близко от Явы. Первые известия об открытии голландцами Австралии относятся именно к попытке обследовать Новую Гвинею, северные берега которой, как мы говорили, были уже известны португальцам и испанцам. 28 ноября 1605 г. из Бантама (Западная Ява) на небольшом корабле (пинассе) «Дейфкен» («Голубок») к Южному матерiku отправился *Виллем Янзон*, более известный под сокращенным отчеством *Янц*. В начале 1606 г., обойдя с севера о-ва Кай и Ару, он достиг «Болотистой земли» (заболоченного юго-западного берега Новой Гвинеи у 6° ю. ш.) и проследил ее на 400 км, до 8° ю. ш. Обогнув низменный выступ (о. Колепом), «Голубок» пересек центральную часть Арафурского моря в юго-восточном направлении и неожиданно наткнулся на какую-то землю — западный берег п-ова Кейп-Йорк. У устья небольшого потока (у $11^{\circ}45'$ ю. ш.) голландцы произвели первую документально доказанную высадку европейцев на Австралийском континенте. Затем «Голубок» направился на юг вдоль плоского пустынного берега, но 6 июня 1606 г. от мыса Кервер («Поворот», у $13^{\circ}50'$ ю. ш.) почему-то развернулся на 180° , хотя, как убедился Янц, берег тянулся и далее к югу. В заливе

Пути западноевропейцев в Индийском океане в XVI — начале XVII в.

Албатросс¹, названном Янцем Мушиным, голландцы впервые столкнулись с австралийцами — с обеих сторон погибло несколько человек.

Продолжая движение к северу, моряки проследили побережье п-ова Кейп-Йорк почти до его северной оконечности — таким образом общая длина открытой ими части австралийского полуострова, которую Янц окрестил Новой Гвинеей, составила около 350 км. Он фактически положил начало открытию залива Карпентария. Участник экспедиции *Ян Лодевейк Россенгин*, эмиссар компании, нанес обнаруженную землю на точную карту, дошедшую до наших дней. Далее к северу, уже в Торресовом проливе, о существовании которого голландцы, вероятно, не подозревали², они повстречали много островков и на самом крупном из них (Высоком — о. Принца Уэльского, у 10°45' ю. ш.) высаживались. «Голубок» благополучно миновал рифы, отмеченные на карте Я. Россенгина как «страшные», повернул на запад и вновь прошел вдоль «Болотистой земли». Северо-западнее (у 4° ю. ш.) пинасса подошла к побережью, которое на карте Я. Россенгина протягивается в широтном направлении более чем на 200 км и сопровождается надписью Ос Папуас. Таким образом Янц обнаружил еще один участок юго-западного берега Новой Гвинеи между 134 и 136° в. д., а затем вернулся в Бантам. Его плавание подтверждало мнение, будто Новая Гвинея — это полуостров Южного материка. И Янц, и Россенгин так никогда и не узнали, что стали истинными первооткрывателями «зеленого» континента, ибо Л. Торрес 3 октября 1606 г. лишь видел в отдалении берег Австралии — на четыре с лишним месяца позже высадки голландцев на побережье материка.

Через 10 лет после Янца на пути к Батавии или от нее голландские капитаны стали открывать один за другим — в разное время и в разных районах — большие участки северного, западного и южного побережья Новой Голландии. Командир судна «Эндрахт» («Согласие», 800 т) *Дирк Хартог*, или *Хартогсзон*, следуя из Голландии на Яву по пути, рекомендованному Х. Браувером, промедлил повернуть на север. В результате 25 октября 1616 г. у 25° 30' ю. ш. усмотрел какую-то пустынную плоскую землю. Высадившись на северном конце острова, как это выяснилось сразу же (о. Дерк-Хартог наших карт), голландцы установили столб и на прибитой к нему оловянной тарелке выгравировали дату открытия и имя капитана³. Судовой журнал Хартога утерян, но из писем его современников можно восстановить дальнейший ход событий. Через два дня после высадки он пересек залив Шарк и, двигаясь к

¹ Северный мыс залива (у 12° 30' ю. ш.) до сих пор носит имя пинассы Янца — в английском произношении Дьюфкен.

² Правда, на карте Я. Россенгина четко показана гирлянда островков, вытянутая к северу, и начало пролива (Эндевор) между новооткрытой землей и о. Высоким.

³ По счастливой случайности в 1697 г. другой голландский капитан — *Виллем Фламинг* нашел на острове этот столб с тарелкой.

северу, обследовал по-прежнему плоский безлюдный берег между 25 и 22° ю. ш. на протяжении 300 км. Новооткрытую страну, вскоре получившую имя Земля Эндрохт, стали считать частью долго разыскиваемого Южного континента.

Уже упоминавшийся нами Х. К. ван Хиллегом, командуя яхтой «Зеволф» («Морской волк», 360 т), 11 мая 1618 г. бросил якорь в нескольких километрах от западноавстралийского берега, у 21°15' ю. ш., по его определению. «Это была плоская и низменная земля огромной протяженности, и с топ-мачты [судна] на севере и юге мы усмотрели другую землю, высокую и гористую... она [вполне] может принадлежать материку...»¹ У Хиллегома, впрочем, оставались некоторые сомнения, хотя обилие морских водорослей и множество птиц убеждали в правильности предположения о близости континента. Скорее всего, он открыл часть побережья у Северо-Западного мыса Австралии. Обнаружил этот мыс 31 июля того же года командир корабля «Маврикий» Ленеарт Якобсзон и эmissар компании Виллем Янц, сообщивший о новом открытии. Полуостров, на котором находится мыс, они, правда, посчитали островом, высадились там и нашли человеческие следы.

В конце декабря 1618 г. голландцы снарядили флотилию из 10 судов под командой Фредерика Хаутмана, поднявшего флаг на «Дордрехте». Где-то в Атлантике шторм рассеял корабли и лишь два — «Дордрехт» и «Амстердам» (капитан Мартен Корнелисзон) — не разлучались и вместе пересекли Индийский океан примерно по 36° 30' ю. ш. Вечером 19 июля 1619 г. под 32° 20' ю. ш. неожиданно возникла земля — западное побережье Австралии южнее современного города Перта. Утром выяснилось, что непрерывная береговая линия тянется к северу и югу. Несколько дней голландцы пытались произвести высадку, но сильный прибой срывал их планы. Потеряв надежду, они отошли от берега и двинулись на север, предполагая, что возможность высадиться представится дальше. Суда не следовали постоянно близ побережья, изрезанного небольшими бухтами, но время от времени моряки

Ход открытия Австралии до Тасмана.

¹ У Хиллегома, впрочем, оставались некоторые сомнения, хотя обилие морских водорослей и множество птиц убеждали в правильности предположения о близости континента. Скорее всего, он открыл часть побережья у Северо-Западного мыса Австралии. Обнаружил этот мыс 31 июля того же года командир корабля «Маврикий» Ленеарт Якобсзон и эmissар компании Виллем Янц, сообщивший о новом открытии. Полуостров, на котором находится мыс, они, правда, посчитали островом, высадились там и нашли человеческие следы.

В конце декабря 1618 г. голландцы снарядили флотилию из 10 судов под командой Фредерика Хаутмана, поднявшего флаг на «Дордрехте». Где-то в Атлантике шторм рассеял корабли и лишь два — «Дордрехт» и «Амстердам» (капитан Мартен Корнелисзон) — не разлучались и вместе пересекли Индийский океан примерно по 36° 30' ю. ш. Вечером 19 июля 1619 г. под 32° 20' ю. ш. неожиданно возникла земля — западное побережье Австралии южнее современного города Перта. Утром выяснилось, что непрерывная береговая линия тянется к северу и югу. Несколько дней голландцы пытались произвести высадку, но сильный прибой срывал их планы. Потеряв надежду, они отошли от берега и двинулись на север, предполагая, что возможность высадиться представится дальше. Суда не следовали постоянно близ побережья, изрезанного небольшими бухтами, но время от времени моряки

¹ Цит. здесь и далее из работы Г. Шильдера «Австралия открывает свое лицо», опубликованной в 1976 г. в Амстердаме на английском языке.

наблюдали берег и не смогли обнаружить каких-либо признаков человека. 29 июля у $29^{\circ} 30'$ ю. ш., по определению Хаутмана, они вновь подошли к низменной земле — высадке на этот раз помешала плохая погода; чуть севернее, у $28^{\circ} 46'$ ю. ш., голландцы открыли полосу рифов (скалы Хаутмен) и обошли их. 2 августа у $27^{\circ} 40'$ ю. ш. они вновь коснулись земли, протягивающейся далеко к северу. Все единогласно решили, что это побережье, уже посещавшееся командой «Эндрахта», и то, которое они проследили с перерывами, представляют собой «единый непрерывный материковый берег». С 1627 г. он получил название Земли Эдела, в честь высокопоставленного чиновника компании *Якоба Эдела*, правильное *Дедела*, находившегося на борту «Амстердама». 19 августа оба корабля прибыли на Яву.

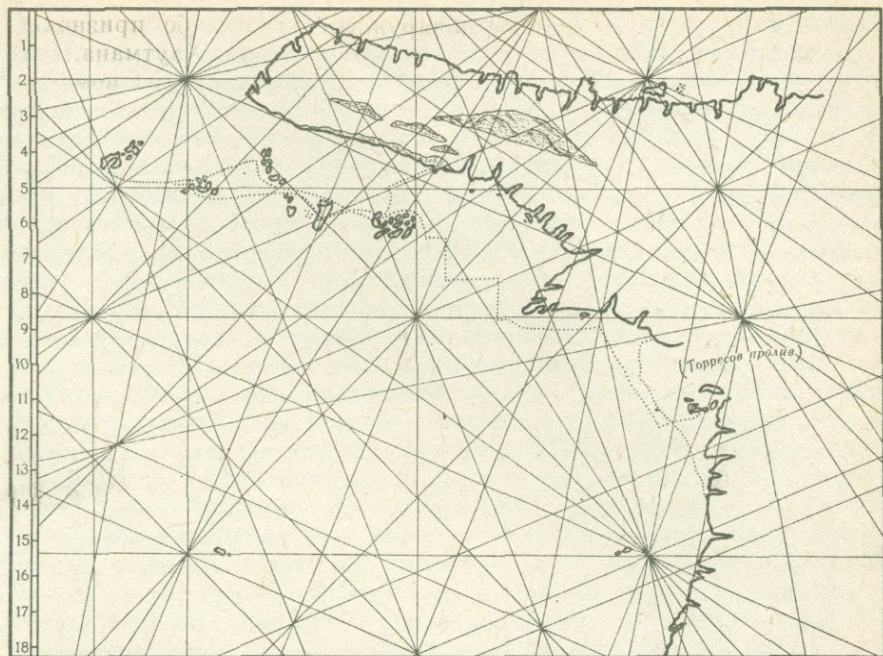
В марте 1622 г. неизвестный голландский капитан судна «Левин» («Львица», 400 т) обнаружил юго-западный выступ Австралии (мыс Левин¹, у $34^{\circ} 30'$ ю. ш.), небольшой отрезок низменного побережья с дюнами севернее и южнее его и гирлянду прибрежных островков. Моряки выяснили также, что берег к югу от мыса имеет юго-восточное направление. Открытие Ф. Хаутмана продолжил *Клаас Херманс*, капитан 700-тонного «Лейдена». 21 июля 1623 г., следуя от мыса Доброй Надежды, путем Браувера, он подошел к западному берегу Австралии у 27° ю. ш. и за 10 дней под парусами или дрейфуя проследил побережье материка к северу до $25^{\circ} 30'$ ю. ш. Голландцы видели то «холмистую страну с большими бухтами... [то] плоскую... с дюнами... [а севернее] с многочисленными красноватыми скалами». 27 июля на борту появился ребенок — первый европеец, родившийся у берегов «зеленого» континента.

После того как английский корабль «Трайэл» (капитан *Джон Брук*) 25 мая 1622 г. потерпел крушение на рифах близ о-вов Монте-Белло и Барроу (у $20^{\circ} 30'$ ю. ш. и $115^{\circ} 30'$ в. д.), директоры Нидерландской Ост-Индской компании поняли, какая опасность грозит их судам из-за того, что воды Индийского океана у берегов Западной Австралии так мало известны. Решено было изучить полосу океана к югу от Явы, примерно до 50° ю. ш., но предварительно проследить южный берег Новой Гвинеи и обследовать акваторию к востоку от обнаруженной В. Янцем гирлянды островков и «страшных» рифов².

Для этой цели из Батавии в начале 1623 г. направилась экспедиция *Яна Карстенса* на двух небольших судах «Пера» и «Арнхем». (Судовой журнал Карстенса и некоторые карты экспедиции сохранились.) С 9 февраля 1623 г. голландцы медленно продвигались на восток от меридиана о-вов Ару ($134^{\circ} 30'$ в. д.) вдоль южного берега Новой Гвинеи, обычно укутанного туманами.

¹ На наших картах большинство голландских названий дано в английском произношении: мыс Кируир, о. Дерк-Хартог, п-ов Идел, скалы Хаутмен, мыс Луин.

² В Голландии узнали о плавании Л. Торреса: на карте Х. Герритца 1622 г. помечено, что испанское судно, вероятно, прошло южнее Новой Гвинеи.

Карта части Новой Гвинеи и п-ова Кейп-Йорк, составленная А. Леувом (1623 г.).

Ранним ясным утром 16 февраля за низменным берегом в глубине земли Карстенс увидел «очень большой горный хребет, во многих местах белый от снега». Он посчитал «немного странным обнаружить снег на горах так близко к линии экватора»¹. Через пять дней во время высадки — Карстенс направил за водой 16 человек — при стычке с папуасами были убиты девять моряков и капитан «Арнхема», остальные ранены; команду на этом судне принял юный способный *Виллем ван Колстер*. 20 марта Карстенс достиг юго-западной оконечности Новой Гвинеи, точнее о. Колепом, и назвал ее мысом Валс.

Дальнейшее плавание у побережья проходило в очень плохую погоду. У $9^{\circ}06'$ ю. ш. 28 марта для исследования берега, протягивающегося на восток-северо-восток, в четырехдневный поход он отправил шлюпку с главным штурманом экспедиции *Арентом Мартенсом Леувом* и 12 матросами. На следующий день тот вернулся; по его наблюдению море к востоку становится все мельче, а в отдалении видна земля, «пустынная и безлюдная с уродливыми... деревьями». Карстенс ошибочно посчитал, что они находятся в мелком заливе, и назвал его «Сухой бухтой».

¹ В Голландии Я. Карстенса сочли лжецом и в придачу дураком. Его наблюдения подтвердились лишь в 1909 г. Он, очевидно, открыл западную часть гор Маоке — систему хребтов высотой до 5029 м.

В начале апреля голландцы едва не потерпели крушение у огромного кораллового рифа и отошли в открытое море. Землю они снова увидели 12 апреля на $11^{\circ} 45'$ ю. ш. Две недели они шли на юг вдоль этой земли до 17° ю. ш. (западный берег п-ова Кейп-Йорк), открыв около 400 км побережья и несколько раз высаживаясь на сушу — в устьях рек и в бухтах. Карстенс характеризовал — вряд ли справедливо — этот плоский и низменный берег как «самый бесплодный на Земле», а его обитателей как «самых бедных и жалких людей» — одного из них он захватил и доставил на Яву. Нехватка пресной воды и потеря «Пера» мореходных качеств вынудили Карстенса 24 апреля у $17^{\circ} 08'$ ю. ш. повернуть на север. Тем же путем он добрался до Молукк.

Колстер на «Арихеме» прошел еще немного дальше к югу, до того пункта, где побережье повернуло на запад, т. е., видимо, до вершины залива Карпентария¹. Обратно он двинулся, воспользовавшись попутным юго-восточным муссоном, прямо на северо-запад и, судя по сохранившейся копии его карты, между 13 и 11° ю. ш. в апреле — мае открыл какой-то берег с «Мысом плохой погоды» и группу островков — это были северо-восточный выступ австралийской земли, позднее в честь его судна названные п-овом Арнемленд и мысом Арнем, а также о-ва Уэссел.

Итак, в 1627 г. голландцы имели довольно верное, хотя и несколько фрагментарное представление о западном побережье Австралии, очень слабое — о ее северных берегах и совсем никакого — о восточном² и южном. В конце января 1627 г. к мысу Левин (Луин) подошел направлявшийся из Голландии на Яву корабль «Гулден Зепаард» (400 т) под командой капитана Франса Тейсена. Не выяснено, почему он решил идти на восток: от уже известного пункта у 116° в. д. 26 января судно двинулось вдоль слабо изрезанного побережья и, дойдя до группы островков у $133^{\circ} 30'$ в. д., вернулось обратно к мысу Левин, а 10 апреля прибыло на Яву, потеряв в пути 28 человек из 220. Открытый Тейсеном южный берег Австралии длиной около 2 тыс. км был назван Землей Нейтса, в честь участника экспедиции Питера Нейтса, одного из высших чинов Ост-Индской компании, а островки — архипелагом Нейтса (на наших картах Ньютс). Заслуги Тейсена перед географией тоже не забыты: его имя носит крошечный клочок земли в том же архипелаге — о. Сент-Франсис. Пионерское плавание у южного побережья, несомненно, сопровождалось съемкой: на карте Герритца 1628 г. четко видна дуга Большого Австралийского залива и многочисленные островки у его западного «входа» — архипелаг Решерш (между $121^{\circ} 30'$ и $123^{\circ} 30'$ в. д.).

В январе 1628 г. капитан Геррит Фредерикзон Де Витт, следовавший из Батавии на родину, был отброшен сильным северо-западным ветром на юго-восток, к «пустынному и отвратитель-

¹ Назван так позднее в честь губернатора Нидерландской Индии Питера Карпентера.

² Восточное побережье материка оставалось «в тени» до первого плавания Д. Кука (1768—1771 гг.).

ному берегу» у $20^{\circ} 30'$ ю. ш. и $118^{\circ} 30'$ в. д., где его судно «Вигана» (400 т) село на мель. Вскоре корабль вновь был на плаву — пришлось выбросить за борт добрую часть груза, и Де Витт, иногда встречая «зеленые луга с дикими черными варварами», проследил побережье к юго-западу почти на 400 км.

Небольшой пробел в представлениях о береговой линии Западной Австралии оставался между $28^{\circ} 30'$ и 27° ю. ш. Заполнить его — по воле несчастного случая — удалось голландскому капитану *Франсу Пелсерту*, командующему небольшой флотилией, направленной на Яву. Он поднял флаг на «Батавии». У мыса Доброй Надежды между Пелсартом и командиром корабля, большим любителем спиртного, на этой почве возникла ссора. Взаимоотношения обострились еще больше после того, как шторм сбросил суда, и «Батавия» в одиночестве продолжала путь на восток. 4 июня 1629 г. по вине командира (Пелсерт был болен) корабль потерпел крушение среди скал Хаутмена (у $28^{\circ} 30'$ ю. ш.). Большинство членов команды и пассажиров спаслось и добралось до безжизненных островков неподалеку.

Пелсерт понимал, что голод и жажда скоро и весьма решительно заявят о себе, так как продовольствия и питьевой воды здесь просто нет, а захваченного с собой, увы, очень мало, особенно воды. 9 июня на шлюпке он прошел до большой земли, выглядевшей скалистой и неприветливой, и безуспешно пытался высадиться. Стараясь найти удобное место для выхода на сушу, моряки двигались на север вдоль побережья. Наконец, 14 июня такая возможность представилась, но береговая партия тщетно разыскивала источники воды — нигде не попадалось даже ее следа: в этом районе дожди не выпадают неделями. Страна была совершенно голой и плоской, участками слабохолмистой, довольно часто попадались высокие муравейники, а однажды голландцы увидели кенгуру и дали его первое описание. В напрасных поисках воды они достигли Северо-Западного мыса (у 22° ю. ш.), проследив около 250 км неизвестного ранее побережья. И тогда Пелсерт решил идти на Яву, куда благополучно прибыл 7 июля. Уже через неделю на пинассе он вновь вышел в море.

Между тем на скалах разыгралась кровавая трагедия: власть на «Батавии» захватил *Иеремия Корнелис*, второй помощник капитана, намеревавшийся снять судно с рифов и уйти пиратствовать в Индийский океан. Под благовидным предлогом — поиски воды и пищи — он отправил на самый крупный островок большую группу моряков, сторонников Пелсерта, рассчитывая на их гибель¹. Затем Корнелис и его единомышленники убили половину из 250 оставшихся в живых, включая женщин и детей. Для уничтожения отправленных моряков Корнелис со своими потенциальными пиратами высадились на островок, но были разгромлены, а

¹ Обнаружив достаточное количество пресной воды в кавернах скал и много птиц, рыбы и другой морской живности на берегу и в океане, моряки ни в чем не испытывали нужды.

уделевшие захвачены в плен. 17 сентября к островку прибыл Пелсерт и повесил Корнелиса и пятерых его сообщников на рее; двоих высадили на материк, снабдив оружием и припасами, но никто больше ничего не слышал о них. 5 декабря 1629 г. Пелсарт привел пинассу на Яву, где большинство мятежников было повешено, остальных после пыток наказали плетью. Опубликованный отчет о трагической судьбе команды «Батавии» вскоре стал бестселлером — книгой, пользующейся огромным успехом.

Для исследования неизвестных островов к юго-востоку и Южной земли, а также для выяснения возможности торговли с их населением 17 апреля 1636 г. от о-вов Банда (Молукки) отплыли две пинассы *Геррита Томасона Пола*. Через неделю суда подошли к Новой Гвинее и проследовали на юго-восток, но уже 29 апреля Пол, отправившийся в рекогносцировочный маршрут, был убит. Команду принял купец *Питер Питерсзон (Питерс)*. После гибели Пола голландцы продвинулись к юго-востоку вдоль берега до 5° 42' ю. ш., причем, как и Карстенс, видели высокие горы, а 6 мая, оставив Новую Гвинею, коснулись о-вов Ару и Кай и повернули на юг. 13 июня у 11° ю. ш. показалась низменная, слабо всхолмленная земля, а западнее — другая, скалистая и окаймленная рифами. Питерс прошел вдоль новооткрытых «земель» — п-ова Кобург и о. Мелвилл¹ (северное побережье п-ова Арнемленд) — и у северо-западной оконечности острова (мыс Ван-Димен наших карт) из-за сильных ветров 21 июня повернул на север. Исследовав по пути о-ва Танимбар (8° с. ш., 131° в. д.), 20 июля пинассы прибыли к о-вам Банда.

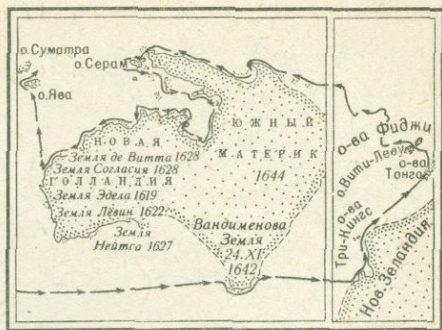
Итак, голландцы к началу 40-х гг. XVII в. знали и, хоть неточно, нанесли на карты следующие части Австралии: на севере — западный берег п-ова Кейп-Йорк и выступ Арнемленда, весь западный берег материка и западную половину его южного побережья. Однако Новая Голландия в их глазах представляла собой не отдельный континент, а гигантский выступ еще не исследованного Южного материка, заполнявшего южное полушарие, — выступ, который протягивался от Новой Гвинее до берега, открытого Тейсенем.

Первая экспедиция Тасмана: открытие Вандименовой Земли, Новой Зеландии и островов тропической Океании

Все открытия голландцев на западных и южных берегах предполагаемой Южной земли были случайными и фрагментарными, оставив без ответа многие вопросы относительно ее размера и формы, а также коммерческой значимости. Для их разрешения в 1642 г.

¹ Питерс принял о. Мелвилл за часть материка и назвал Землей Ван-Димен (не следует смешивать с Вандименовой Землей — Тасманией). Он видел также пролив Дандас, но посчитал, что это скорее залив, чем морской канал.

Ван-Димен направил из Батавии на о. Маврикий небольшую экспедицию (110 человек) на двух судах «Хемскерк» (120 т) и «Зехан» («Тригла»¹), поставив во главе ее Абела Тасмана, который после экспедиции М. Кваста зарекомендовал себя как выдающийся мореход. От Маврикия Тасман должен был попытаться на возможно более высоких широтах обнаружить Южный материк, обогнуть с юга Новую Голландию, через цепь

Карта А. Тасмана (эскиз).

Соломоновых о-вов вернуться в Батавию, а кроме того, разведать наиболее удобный путь от Индии к Чили и исследовать богатства тех стран Южного материка, которые он посетит. Эту инструкцию разработал опытный гидрограф Франс Якобзон Вискер², назначенный главным штурманом экспедиции. И он, и Тасман пошли на «Хемскерке»; на «Зехане» ответственным за груз и картографом был Исаак Гилзманс. 8 октября 1642 г. Тасман отплыл от о. Маврикий на юг, а затем шел на восток, держась в полосе между 44—49° ю. ш. и борясь с западными штормовыми ветрами и снежными шквалами. Он, конечно, не встретил никакого материка и 19 ноября решил, что продвинулся восточнее пункта, до которого доходил Тейсен. Тогда Тасман повернул на северо-восток и 24 ноября при ясной погоде открыл у 42° 25' ю. ш. высокий берег, названный им Вандименовой Землей (теперь Тасмания³). Плохая погода помешала голландцам высадиться, и они двинулись вдоль южного выступа новооткрытой земли, обнаружив несколько прибрежных островков. 29 ноября за выступом Тасман нашел большой залив (Сторм), а 2 декабря, обойдя полуостров, носящий ныне его имя, направил на берег вооруженную группу моряков во главе с Ф. Вискером для пополнения запасов воды и продуктов. Их удивила высота и мощь деревьев с ароматной смолой — европейцы впервые познакомились с эвкалиптами. После второй высадки голландцы двинулись на север и положили на карту несколько прибрежных островков. 5 декабря Тасман достиг 42° 30' ю. ш., проследив около 700 км береговой линии новооткрытой земли, и обнаружил, что она протягивается далее к северо-западу. В связи с тем что ветер постоянно дул с запада и северо-запада, Тасман решил продолжить плавание на восток. Он не знал, остров ли он открыл или южный полуостров Новой Голландии; и Вандименова Земля считалась полуостровом еще более полутора столетий, пока не был пройден Бассов пролив.

¹ Тригла — ценная промысловая рыба семейства морских петухов.

² В 1638 г. Вискер выполнил съемку о. Хайнань.

³ Справедливости ради укажем, что первой Тасманию усмотрела команда «Зехана». Это произошло, вероятно, у 41° ю. ш., что подтверждается записью на старейшей карте острова, составленной И. Гилзмансом.

После девятидневного плавания в восточном направлении через акваторию, позже названную Тасмановым морем, 13 декабря 1642 г. у $42^{\circ} 10'$ ю. ш. голландцы увидели высокую землю — Южные Альпы Южного острова Новой Зеландии. Подойдя ближе к берегу, суда повернули на северо-восток, обогнули мыс Фаулуинд и косу Фэруэлл-Спит и, проследив со съемкой около 600 км побережья, 18 декабря вошли в удобную бухту у $40^{\circ} 40'$ ю. ш. Здесь произошла первая встреча с маори — народом, населяющим оба острова Новой Зеландии. Они убили трех матросов-голландцев, по утверждению Тасмана, без малейшего повода. Он окрестил эту гавань «бухтой Убийц» — теперь она называется Голден-Бей, т. е. «Золотая».

20 и 21 декабря суда крейсировали в акватории между Южным и Северным островами Новой Зеландии; Тасман присвоил ей имя «бухта Зехан», хотя сам же отметил прилив, шедший с юго-востока, и высказал верное предположение о существовании там морского прохода. Разделяя его мнение, Ф. Вискер показал на карте предполагаемый пролив, где ему и надлежало быть (пролив Кука). Следующие четыре дня корабли переждали плохую погоду в заливе, расположенном к юго-востоку от «бухты Убийц», — ныне он носит имя Тасмана. 25 декабря голландцы двинулись оттуда на север, не теряя берега из виду и ведя съемку: на карте Ф. Вискера нанесена непрерывная береговая линия — западный берег о. Северный — на протяжении около 1000 км. 4 января 1643 г. Тасман достиг северной оконечности этой земли и назвал ее мысом Марии Ван-Димен ($34^{\circ} 30'$ ю. ш.). 5 января он прошел между этим мысом и о-вами «Трех Королей» (Три-Кингс, на 34° ю. ш.) из Тасманова моря в океан. Открытое им побережье Новой Зеландии длиной 1600 км он принял за западный выступ Южного материка.

Тасман взял курс на северо-восток, отыскивая «Кокосовые острова», посещенные Ле-Мером и Схаутеном, но, не дойдя до них, 12 января — 1 февраля 1643 г. открыл о-ва Тонга (иначе «Дружбы»), в том числе 21 января крупнейший Тонгатапу. Там голландцы получили от полинезийцев в изобилии свежие продукты и воду. Оттуда 2 февраля Тасман повернул на северо-запад, на Яву. Не задерживаясь нигде долго, он прошел между 19° — 16° ю. ш. через бесчисленный «рой» рифов, атоллов, небольших островов и между 5—8 февраля открыл восточную группу Фиджи, в том числе Тавеуни и вторую по величине землю всего архипелага гористый о. Вануа-Леву. Он видел также и главный остров — тоже гористый Вити-Леву (показан на его карте). За этим архипелагом Тасман, достигнув 5° ю. ш., повернул прямо на запад. Плавание проходило «под знаком» затяжных дождей и штормов, изредка сменяющихся безветрием. Наконец, 16 марта появилось яркое солнце; шесть недель потребовалось Тасману на преодоление 2100 км. 22 марта он прошел близ Соломоновых о-вов, о которых мечтали и он, и Ван-Димен, и нанес на карту атолл Онтонг-Джава (у $159^{\circ} 30'$ в. д.).

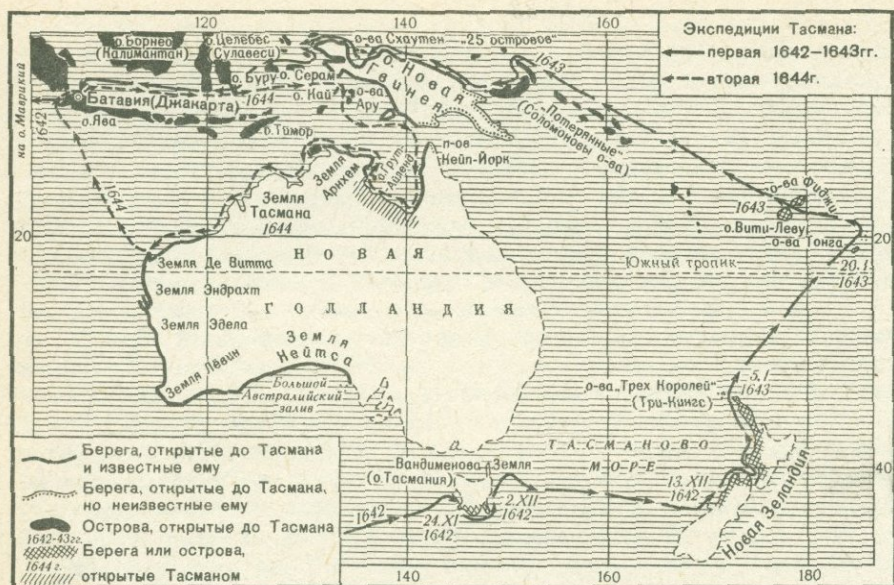
1 апреля Тасман подошел к юго-восточной части о. Новая Ирландия и через восемь дней обогнул ее и о. Лавонгай с севера, повторив открытие Ле-Мера и Схаутена. Он пересек в меридиональном

направлении (близ 150° в. д.) Новогвинейское море и утром 13 апреля усмотрел гористый о. Новая Британия. Пять дней корабли шли на запад вдоль его северного побережья — голландцы посчитали все открытые ими острова за часть Новой Гвинеи, а ее — за часть материка. 18 и 19 апреля Тасман обнаружил несколько островков, в том числе о. Каркар (у 146° в. д.), а затем, проследив северный берег Новой Гвинеи в западном направлении на протяжении 1000 км, он прошел мористее п-ова Чендравасих, 24 мая обогнул о. Вайгео, принятый им за западную оконечность Новой Гвинеи, и через моря Серам и Яванское прибыл в Батавию 15 июня 1643 г.

Большая экспедиция Тасмана «отодвинула» границы антарктического материка на 800 км к югу, ясно продемонстрировав, что он не существует за 45° ю. ш., и доказала, что Новая Голландия не только не является его частью, но даже и близко не подходит к нему. Но для современников Тасмана остался неразрешенным очень важный вопрос: что же такое представляет собой сама Новая Голландия: гигантский архипелаг или единый материк? И если материк, то каковы его очертания? Лишь в начале XIX в. стало очевидно, что во время плаванья 1642—1643 гг. Тасман вообще ни в одном пункте не касался и даже близко не подходил к подлинной Австралии, что Вандименова Земля — это о. Тасмания, Новая Гвинея тоже остров, что одно из великих достижений Тасмана было великой ошибкой: его Новая Зеландия не часть Южного материка, а остров и притом не единый, а двойной.

Вторая экспедиция Тасмана: Новая Голландия — единый материк

Ван-Димен правильно оценил и великие достижения, и просчеты только что законченной экспедиции. И он распорядился снарядить три судна (111 человек команды) под общим начальством Тасмана, чтобы установить, единый ли материк Новая Голландия, а для этого проверить, нет ли у залива Карпентария проливов, ведущих на юг, к Вандименовой Земле, или на восток, в Коралловое море, т. е. не являются ли Новая Гвинея и Вандименова Земля островами. 29 января 1644 г. маленькая флотилия Тасмана, поднявшего флаг на яхте «Лиммен» (120 т), вышла из Батавии в восточном направлении. Об этой экспедиции сохранилось лишь письмо Ван-Димена директорам Нидерландской Ост-Индской компании с кратким изложением результатов плаванья. Карта, составленная А. Тасманом и его главным штурманом Ф. Вискером, не дошла до нас. Сохранился лишь чертеж, выполненный около 1695 г., автор которого, вне сомнения, пользовался им. Из этого чертежа — наиболее важного документа, освещающего голландские открытия Австралии, видно, что суда Тасмана провели непрерывную съемку южного берега Новой Гвинеи на протяжении 750 км от 7° до 9° ю. ш. и завершили открытие залива Карпентария, обойдя его восточный и впервые южный и западный берега. Оба опытных моряка не за-

Первая и вторая экспедиции А. Тасмана.

метили входа в Торресов пролив, вероятно, из-за преграждающего его барьера коралловых рифов. Все побережье залива Карпентария показано непрерывной линией: экспедиция доказала, следовательно, что из него нет никакого прохода на юг, к Большому Австралийскому заливу и Вандименовой Земле. У юго-западного берега залива Карпентария имеется надпись: «пресная вода» — устье крупной р. Ропер; маленькая бухта, куда она впадает, носит имя судна Тасмана — Лиммен-Байт. У северо-западного берега нанесён вновь открытый Гроуте-Эйландт («Большой остров» — на наших картах Грут-Айленд, в английской транскрипции). Тасман и Вискер проследили и нанесли на точную для того времени карту побережье Северной и Западной Австралии на огромном протяжении — приблизительно от пункта на 12° ю. ш., 137° в. д. до $23^{\circ} 45'$ ю. ш., $113^{\circ} 30'$ в. д. А всего с заливом Карпентария эта экспедиция, которую ряд авторов называл неудачной, засняла около 5,5 тыс. км, из них открыла 3,5 тыс. км и доказала, что все «земли», обнаруженные голландцами (кроме Вандименовой Земли), являются частями единого материка — Новой Голландии. Тасман и Вискер выявили, но не окрестили несколько бухт и большой залив Жозеф-Бонапарт, открыли и назвали залив Ван-Димен — в результате на карте четко вырисовался крупный полуостров (Арнемленд). Не обошлось, естественно, без ошибок. Значительная часть прибрежных островов в заливе Карпентария, например о-ва Уэлсли, и у северного побережья (о. Мелвилл) были приняты за полуострова.

4 августа 1644 г. Тасман вернулся в Батавию.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ С 1550 ПО 1650 ГОД

Русские послы в Монголии и Китае в первой четверти XVII века

В 1615 г. из Томска в Монголию был отправлен атаман Василий Тюменец. На лошадях он поднялся по долине Томи, пересек Горную Шорию, перевалил Абаканский хребет, Западный Саян и проник в Туву (Табынскую землю). Он описал эту страну в немногих словах: «А Табынская земля то же Киргизские земли, только живут о себе, а дань дают в Киргизскую землю и к Алтыну-царю [монгольскому хану]: кто с ним ни придет, тому и ясык [ясык] дают. А живут они по лесам, меж гор в ослонах [юртах, укрепленных жердями], переходят, где кому место полюбится, а шубы носят оленьи и козьи, а кормятся зверем, бьют лоси и олени, и козы; мясо едят, а в кожах делают платье. А угодий у них никаких нет, и хлеб не родится, и коров и овец нет, только одни лошади да олени... А леса и горы в Киргизской земле каменные велики».

Затем Тюменец пересек верховья Кемчика (система Енисея), перевалил несколько хребтов и по широкой долине, возможно Каргы, прошел к горному (1425 м) соленому озеру Урэг-Нур (50° 10' с. ш. и 91° в. д.). Повернув на восток и спустившись в степь, он вышел к ставке монгольского хана у озера Усан (Убсу-Нур) и первый описал это бессточное озеро. Дипломатические переговоры закончились успешно — хан согласился перейти в русское подданство. Тюменец с послами хана проехал на родину тем же путем, а в конце ноября 1615 г. прибыл в Тобольск. В запись его показаний включено краткое описание Северо-Западной Монголии — первое, составленное русским.

Маршрутом Тюменца воспользовался первый русский посол в Китае, сибирский казак *Иван Петлин*, владевший несколькими языками. 9 мая 1618 г. во главе миссии из 11 человек он отправился из Томска и вместе с послами монгольского «Алтына-царя» через три недели прибыл в озеро Убсу-Нур. Отсюда путешественники двинулись на юго-восток, перевалили Хан-Хухэй — северо-западный отрог Хангайского хребта, а затем и сам Хангай (в верховьях р. Дзабхан) и вдоль его южных склонов прошли около 800 км. У излучины р. Керулен (у 109° в. д.) они повернули на юго-восток

и пересекли пустынные пространства Гоби. Не доходя Калгана, Петлин увидел Великую Китайскую стену и описал ее. 1 сентября он прибыл в Пекин. Обратное посольство двинулось через четыре дня и 16 мая 1619 г. вернулось в Томск. Петлин описал свое путешествие, столицу Китая и три других китайских города в «Росписи Китайскому государству... и иным государствам жилым и кочевым, и улусам, и великой Оби, и рекам, и дорогам».

Первые европейские исследователи Гималаев и Тибета

Первым европейским исследователем, бесспорно проникшим в Тибет, был португалец иезуит *Антан Андради*. Он выступил из Агры (Индия) 30 марта 1624 г., прошел к верхнему Гангу и проследил все течение Алакнанды, одной из двух гималайских рек, составляющих Ганг. Затем, перевалив Кумаонские Гималаи (центрально-западный участок Больших Гималаев), в начале августа он прошел в Юго-Западный Тибет, к верховью Сатледжа, в поселок Цапаранг (у $79^{\circ}40'$ в. д.). Он весьма нежелательно отзывался об этой территории, назвав ее ужасной пустыней, проходимой лишь два месяца в году, с почти не прекращающимися снегопадами. Его негативное отношение усугублялось отвращением ко всем продуктам питания тибетцев. С разрешения местного правителя он организовал там в 1626 г. миссию. Она существовала до 1641 г. и была отправным пунктом для ряда путешествий, в результате которых иезуиты собрали большие географические и этнографические материалы о Юго-Западном Тибете и западных Больших Гималаях — Кумаонских и Пенджабских.

Спустя четыре года в Тибет, но уже через восточную часть Гималаев проникли два португальских иезуита — *Жуан Кабрал* и *Иштеван Каселла*. Из миссии, расположенной на р. Хугли, одном из рукавов Ганга, в октябре 1626 г. они добрались до небольшого городка, недалеко от колена Брахмапутры (близ 26° с. ш.), где их сразила сильнейшая лихорадка. Каселла быстро поправился, а Кабрал три месяца находился между жизнью и смертью. В конце февраля 1627 г., как только он достаточно окреп, миссионеры — первыми из европейцев — вступили в пределы горной страны Бутан¹, дренируемой несколькими короткими притоками Брахмапутры, стекающими с южных склонов Гималаев. После почти годичного пребывания в Бутане оба иезуита перевалили эту горную систему и в январе 1628 г. прибыли в город Шигацзе, расположенный в долине р. Цангпо (верхняя Брахмапутра). Здесь их пути разошлись: Кабрал вскоре двинулся на юго-запад, проследовал в Непал и через межгорную котловину Катманду и Северную Индию вернулся на р. Хугли; Каселла же, проведя год в Шигацзе, в

¹ Даже в первой четверти XX в. сведения об этом маленьком (47 тыс. км²) королевстве, населенном тибетоязычными группами бхотия, были весьма скудными.

1629 г. вновь пересек Бутан и вернулся в городок у колена Брахмапутры.

Оба собрали ценные географические материалы об этих гималайских странах, но только в XX в. их отчеты разыскали в римских архивах.

В конце августа 1631 г. в Цапаранг путем Андради прибыл монах *Франциску Азиеду*. Для упрочения положения созданной недавно миссии, пришедшей в полнейший упадок, он добился разрешения на посещение города Лех на верхнем Инде (близ 34° с. ш. и 78° в. д.). С купеческим караваном Азиеду двинулся на северо-запад по плато, ограниченному хребтами Ладакх и Заскар. «Дорога, напоминающая пустыню, проходит между снежными горами, и не видно на всей этой земле... ни одного дерева»¹. В Лехе, куда караван добрался 25 октября, Азиеду — первого европейца — приняли при дворе правителя и угостили чаем — «...травя, которую привозят из Китая... Эти листья варят в воде, в каменных горшках, с каким-то маслом и небольшим количеством молока, и этот черный бульон пьют горячим как только можно»; после чаепития он получил кусок сырого мяса. В начале ноября Азиеду отправился в обратный путь. Он пересек Западные Гималаи в южном направлении, форсировал рр. Чинаб и Беас близ истоков и преодолел несколько перевалов, причем на одном из них от холода временно потерял зрение, а на последнем едва не погиб в глубоком снегу. Азиеду вернулся в Агру 3 января 1632 г., пройдя более 700 км по совершенно не известной географам местности. Таким образом, за несколько лет иезуиты ознакомились с верхними бассейнами Инда и Брахмапутры, с южной полосой Тибета, побывали в Непале и Бутане и пересекли на западе, в центре и на востоке Гималаи.

Португальцы в Эфиопии и открытие истока Голубого Нила

За посольством в 1520 г. в Эфиопию, заставшим еще в живых *П. Ковильяна*, о котором говорилось в томе 1, в 30-х и 40-х гг. последовал ряд других португальских экспедиций. Важнейшей из них была военная экспедиция в 1541 г., возглавляемая *Криштованом да Гамой*, пятым сыном Васко да Гамы. Военный отряд (около 450 солдат) прибыл из Индии в Центральную Эфиопию по просьбе христианских правителей, обратившихся к Португалии за помощью против союзников турок, мусульман-галласов, вторгшихся в их владения. Вместе с португальцами эфиопы разгромили галласов. К. Гама был убит в бою, а португальцы после победы остались в стране, пытались подчинить ее, но в конце концов эфиопы изгнали и их.

¹ Цит. здесь и далее из статьи *Г. Н. Соколовского* «Из истории исследования Центральной Азии. Путешествие де Азиеду». — Известия ГРГО, 1928, т. 60, вып. 1—2.

Два спутника К. Гамы — *Жуан Бермудеш* и *Мигел Каштаньозу* — оставили интересные описания экспедиции и страны¹.

Со второй половины XVI в. орден иезуитов начал посылать в Эфиопию своих агентов с целью добиться воссоединения эфиопской христианской церкви с римско-католической. Один из миссионеров, португалец Педру Паиш, посланный в 1589 г. в Эфиопию, был захвачен пиратами и продан в рабство в Йемен, где пробыл до 1596 г.

Выкупленный орденом, он через несколько лет (в 1603 г.) был снова послан в Эфиопию, где прожил много лет. В 1613 г., вероятно не в первый раз, Паиш посетил большое озеро Тана (3600 км²), лежащее на высоте 1830 м в северо-западной части Эфиопского нагорья (у 12° с. ш.), и обнаружил, что из озера на юг вытекает полноводная р. Аббай. Паиш проследил ее течение. Оказалось, что она описывает в Эфиопии большую дугу, выгнутую к востоку, поворачивает затем на северо-запад и, спустившись с нагорья на равнину, течет к Нилу. Паиш правильно отождествил Аббай с Голубым Нилом. Но он сделал и второй, очень важный вывод из своих географических наблюдений. В бассейне Аббая — Голубого Нила — дождливый период продолжается, как правило, с июня по сентябрь, а Паиш знал, что подъем воды в Ниле начинается в середине июня и продолжается до конца сентября, а нередко до середины октября. И он правильно предположил, что знаменитые разливы Нила в Египте связаны с подъемом воды в Аббае — Голубом Ниле в период дождей.

Почти одновременно с Паишем другие иезуиты начали искать более удобный для португальцев доступ в Эфиопию со стороны Индийского океана, а не Красного моря, где тогда господствовали турки. В связи с этим иезуит *Жируме Лобу* в январе 1624 г. отправился из Гоа (Индия) в африканский порт Малинди (у 3° ю. ш.), бывший в то время португальской базой. Оттуда на туземном судне он прошел на север, особенно внимательно исследуя низменное побережье от о. Патта (у 2° ю. ш.) до устья большой р. Джубы (у экватора), стекающей с юго-восточной части Эфиопского нагорья.

Но путь вверх по долине Джубы к центру Эфиопии показался Лобу — по расспросным данным — слишком долгим, трудным и опасным из-за постоянных войн между различными племенами, и он вернулся в Индию. Затем Ж. Лобу снова направился к эфиопскому берегу, на этот раз к проливу Баб-эль-Мандеб и высадился там. Через полупустыню Данакиль он проник в горные районы Северной Эфиопии, а затем пересек нагорье с севера на юг до озера Тана. Лобу первый сообщил, что Голубой Нил, «...называемый туземцами Абави [Аббай], т. е. «Отец Вод»...возникает из двух ключей, бю-

¹ Английский перевод с комментариями издан под названием «Португальская экспедиция в Абиссинию 1541 г., рассказанная Каштаньозу и Бермудешем». Лондон, 1902.

щих из легко доступной для подъема горы»¹. Он обследовал эту лесенную местность на юго-западных склонах гор Чоке и прошел по течению небольшого вначале потока — р. Малый Аббай — на север до его впадения «в озеро Дамба [Тана]... Здесь начинается величие Нила. В 15 милях далее... он образует один из прекраснейших водопадов [Тис-Эсат] в мире». Лобу проследил течение Голубого Нила ниже водопада и подтвердил сообщение Паиша.

Исследование Замбези и открытие озера Ньяса

В середине XVI в. *Лоуренсу Маркиш* поставил в бухте Делагоа (у 26° ю. ш.) пост, чтобы расширить португальскую торговлю с народами Южной Африки языковой семьи банту, и на этом месте позднее (в XVII в.) возник названный в его честь город, столица Мозамбика². Внутрь Африки — к югу от экватора — со стороны Индийского океана португальцы проникли по Замбези, но в XVI в. еще не очень далеко. Целью их была Мономотапа — государство, расположенное к юго-западу от нижнего Замбези и славившееся крупными месторождениями золота. Португальское правительство начиная с 1571 г. несколько раз посылало завоевательные отряды в Мономотапу, и, хотя все они закончились неудачно, они расширили сведения португальцев о странах по обе стороны нижнего Замбези. Там, у 16° ю. ш., был основан пост Тете, ставший центром торговли с Мономотапой, а в XVII—XIX вв. — отправной базой для ряда разведывательных экспедиций в глубь Африки. К концу XVI в. португальцы имели в самой Мономотапе три небольших торговых поста — на южных притоках Замбези.

От Тете португальцы поднимались по Замбези, за пороги Кебрабаса — к поселку Шикон (32° 30' в. д.) и искали оттуда кратчайший путь, связывающий среднюю Замбези с Индийским океаном. С этой целью *Гашпар Бокарру* в марте 1616 г. выступил от Шикона на северо-восток и на этом пути открыл озеро Марари (Ньяса, 30 800 км²) — первое из африканских Великих озер, которое, несомненно, видел европеец. Бокарру не исследовал, как далеко тянется оно к северу. Он обогнул Ньясу с юга и обнаружил, что из озера вытекает полноводная р. Шире, нижний приток Замбези; устье ее уже было известно португальцам. За Шире он повернул к северо-востоку, следуя по долине Лудженды, которая довела его до полноводной Рувумы, а по последней в мае он прошел до океана. Бокарру закончил свое почти двухмесячное путешествие в порту Килва (близ 9° ю. ш.), к северу от устья Рувумы.

¹ Цит. по книге «Португальские плавания 1498—1663». Лондон, 1947, на англ. яз.

² В 1976 г. столица была переименована в Мапуту.

Атайди: первое пересечение Африки

Вероятно, еще в середине XVI в. португальские исследователи достигли Экваториальной Африки, но никаких подробностей и имен не сохранилось¹. Немного больше «повезло» португальскому священнику-иезуиту Атайди: из двух источников² мы можем заключить, что по крайней мере до 1559 г. он выполнил первое пересечение Африканского континента от устья Конго (низовья этой реки были одним из основных районов деятельности посланцев католической церкви) к побережью Индийского океана у 20° ю. ш. Возможно, его путь пролегал через верховья Касаи, крупнейшего левого притока Конго, и его бесчисленные притоки, в том числе самый крупный Кванго, пересекал верхнее и среднее течение Замбези и плоскогорье Матабеле. Преодолев по прямой более 3 тыс. км, Атайди добрался до Софалы (у 20° ю. ш.). Во время пересечения он, очевидно, собрал расспросные сведения об истоках Конго и Великих африканских озерах — на картах 1559, 1561 гг. и более поздних впервые показаны большое озеро, другое, меньших размеров, к юго-западу от него и третье, очень большое, точно на юге. На одной из карт отчетливо видно, что истоки Конго не связаны ни с одним из них.

¹ Известно, правда, и более раннее исследование. В 1520 г. португальцы Мануэл Пашеку и Балтазар Каштру по приказу короля Мануэла провели изучение внутренних районов Анголы. Затем они проследили тот участок течения Конго, который позднее получил название «водопады Ливингстона»: на протяжении 360 км река, прорываясь через Южно-Гвинейскую возвышенность, образует более 30 порогов и водопадов. Выше порогов Пашеку и Каштру построили две бригадины и поднялись до озеровидного расширения у 4° ю. ш. — ныне Стенли-Пул (длина около 30 км, ширина до 25 км). Дальше они не пошли, решив, что достигли знаменитого озера, помещавшегося на многих картах Африки середины XVI в.

² Сообщение португальского ботаника Гарсиа ди Орта (1563 г.), лично знавшего Атайди, и карты Африки 1559—1561 гг.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ МАДАГАСКАРА И БОЛЬШИХ ЗОНДСКИХ ОСТРОВОВ

Португальцы и французы на Мадагаскаре

Только в начале XVII в. португальцы, обследовав почти все берега Мадагаскара, кроме части западного побережья длиной около 700 км, сделали попытку «освоить» его. Первые достоверные сведения об острове собрал иезуит *Луиш Мариану*, в 1613—1619 гг. принимавший участие в направленных туда религиозных и политических миссиях. Во время первого путешествия, прибыв из Гоа, он с несколькими спутниками посетил заливы западного берега от бухты Бомбетука¹ (у 16° ю. ш.) до крайнего юго-запада, т. е. ознакомился если не со всем неизвестным участком побережья, то по крайней мере с большей его частью, а также с низовьями многочисленных рек, прорезающих Приморскую низменность. Затем Мариану прошел по низменности южной оконечности Мадагаскара на восток, к бухте Галионов (район современного г. Форт-Дофин), где обнаружил следы португальцев, потерпевших крушение в 1527 г.

Во время второго путешествия — и снова из Гоа — базой Мариану сначала стал поселок в устье Манамбулу, впадающей в Мозамбикский залив у 19° ю. ш. Разочаровавшись в перспективах крещения местных жителей, он перешел на север, в бухту Ампасиндава (у 13°45' ю. ш.), но местный царек, ценивший торговлю с арабами больше, чем португальскую духовную пищу, предложил ему убраться. Мариану — основоположник одной из наиболее вероятных гипотез заселения Мадагаскара: «Первые жители острова... пришли — одни из Малакки [Индонезии], другие из Кафррии [Восточной Африки], а позднее прибыли в северо-западный район мавры из Индии или Аравии — задолго до португальцев. В языке и обычаях туземцев находят следы этих различных народов»². Мариану, владевший и «кафрскими» (банту) и малагасийским языками.

¹ В 1613 г. Мариану первый сообщил о светлокожих жителях «царства Оува». Это, несомненно, мерина — представители основной этнической группы малагасийцев, населяющей центральные плато острова. Мариану видел их на рынке рабов на одном из островов у бухты Бомбетука.

² Цит. по работе А. Дешампа «История Мадагаскара». Париж, 1960, на фр. яз.

ми, указывал, что весь западный берег между 16 и 20° ю. ш. — от бухты Бомбетука до р. Цирибихина — был занят африканцами «кафрского языка».

Французские мореходы из Дьеппа на пути в Индию иногда высаживались на Мадагаскаре. С 1630 г. устье Унилахы (западный берег, у тропика Козерога) не раз посещали капитаны двух пиратских судов. Один из них, *Алонс Губер*, в 1638 г. провел полгода в приморском районе юго-восточной части острова: большинство команды его корабля и многие колонисты, направлявшиеся на о. Маврикий, болели малярией. За это время *Франсуа Кош*, матрос Губера, выполнил первую рекогносцировку внутренних областей Мадагаскара, разведав одну из межгорных долин длиной около 100 км.

Оставленный Губером в должности начальника «ячейки» будущей колонии, Кош при содействии местных вождей прошел на север вдоль всего восточного побережья Мадагаскара до северного берега залива Антонжиль. Там он случайно встретил знакомого голландского капитана-работоторговца и с его помощью посетил прибрежный о. Сент-Мари.

Вернувшись к южной оконечности, Кош впервые проник на север примерно на 400 км — в горный район верховьев р. Мангуки — и по ее долине прошел на запад к устью. Он аттестовал местных жителей как «самых диких во всей стране Мадегас»¹, но вернулся в начале февраля 1642 г. живым и здоровым да еще с гуртом крупного рогатого скота.

В марте 1644 г. Кош покинул Мадагаскар и 21 июля того же года прибыл во Францию. Его рассказ о скитаниях по острову был опубликован в 1651 г.

Первое описание Сейшельских островов

Английская Ост-Индская торговая компания, основанная в 1600 г., стремясь завладеть концессиями в Аравии, в 1608 г. направила туда два судна. В Мозамбикском проливе неблагоприятные ветры отнесли их к северо-востоку, и 19 января 1609 г. англичане усмотрели землю, оказавшуюся островом (Силуэт) из группы Сейшельских. Посланный к нему за водой ялик вернулся с большим количеством крупных черепах². Моряки наблюдали также несколько других островов, в том числе Праслен. У самого крупного (Маэ) суда простояли до 30 января. Торговый агент компании *Джон Джурдэн* составил первое из дошедших до нас описаний Сейшел, отметив, в частности, «съедобные орехи» — плоды эндемичной сейшельской пальмы, масса которых колеблется от 9 до 16 кг, редко — до 25 кг. Джурдэн рекомендовал Сейшельские острова в качестве базы отдыха на пути в Индию.

¹ Цит. по работе *Г. Гравье* «Картография Мадагаскара». Париж, 1896, на фр. яз.

² Первое упоминание об эндемичных слоновых черепахах Сейшельских о-вов.

Португальцы и голландцы у берегов Калимантана

В конце XVI в. в Индонезии у португальцев появились опасные соперники: с 1595 г. на Яве осели голландцы. Основанная ими в 1602 г. Ост-Индская компания постепенно стала вытеснять португальцев и обеспечила себе почти исключительное господство над торговлей с индонезийскими островами. Кроме пряностей, западноевропейцев интересовали, конечно, золото и алмазы. Этим и объясняется их повышенное внимание к о. Калимантан. Ряд представителей компании в 1604—1608 гг. появлялся у юго-западных, южных и юго-восточных берегов гигантского острова. Однако никакими географическими сведениями даже о его прибрежных районах, не говоря уже о внутренних областях¹, за этот период наука не располагает до настоящего времени. Все, что касалось географии и картографии Калимантана, голландцы считали секретным и за изготовление карт карали, как за воровство. Вот почему большинство изображений острова до первой четверти XVI в. было фантастичным.

Впервые довольно точно и полно Калимантан заснял *Пьер Бертело*, нормандец на португальской службе, главный пилот португальской Индии. В 1627 г. он обошел вокруг всего острова, длина береговой линии которого составляет более 4500 км. Бертело первый разрушил миф о множестве крупных островов там, где в действительности находится непрерывное побережье Южного Калимантана. В 1635 г. он опубликовал карту острова, на которой показал — скорее всего по рассказам — также единый о. Сулавеси.

Испанская оккупация Филиппин и первые исследователи архипелага

Заключив захват центральных островов Филиппинского архипелага, Мигель Легаспи уже мог не бояться португальской угрозы со стороны Молукк. Все же он предпочел обосноваться подальше от них и обратил внимание на северную часть Филиппин. В начале мая 1570 г. он направил капитана *Мартина Гоити* на двух судах с отрядом в 90 солдат на север от о. Себу. Гоити оккупировал о. Миндоро, захватил стоявшие в его портах китайские корабли с товарами и собрал сведения о Лусоне, величайшем острове архипелага, его воинственных жителях и их флоте. Около 23 мая он вошел в великодушную Манильскую бухту и произвел высадку. Переговоры с местным князьком не привели к соглашению. Тогда испанцы вмешались в междоусобную войну, сожгли поселок Манилу и перебили многих жителей, считая, очевидно, что эти меры «убеждения» заставят лу-

¹ Известно лишь, что в 1606 г. торговый представитель компании отправился на переговоры с султаном Южного Калимантана. Он и его спутники были завлечены в глубь острова и пропали без вести.

сонцев покориться. С предложениями мира, однако, никто не явился, и в середине июня захватчики вернулись на о. Себу.

Назначенный в 1570—1571 гг. губернатором Филиппин, М. Легаспи начал захват Лусона, он использовал Манильскую бухту как базу для своего флота, восстановил Манилу и превратил ее в центр новых островных владений, которые оставались испанской колонией до конца XIX в. Перед смертью (20 августа 1572 г.) М. Легаспи отправил своего внука капитана *Хуана Сальседо* на обследование о. Лусон. На двух маленьких лодках с 15 солдатами в мае — августе он обошел почти весь остров — до о-вов Полильо, причем осмотрел эстуарий р. Кагаян, крупнейшей реки Лусона, и проследил с моря хребет Сьерра-Мадре на восточном побережье. Испанцы вернулись в Манилу очень ослабевшие, так как прошли на веслах более 1300 км. В 1573 г. Х. Сальседо завершил изучение острова, посетив с отрядом в 120 солдат юго-восточный узкий полуостров, в бухте Альбай основал город Легаспи, присоединил к испанским владениям о. Катандуанес и оставил там гарнизоны.

*Диего Лопес Поведа*но, участник экспедиции М. Легаспи, за службу испанской короне получил владения на о. Негрос. В 1572 г. он обошел весь остров и с помощью компаса создал его карту, обнаруженную лишь в 1833 г. Много названий, помещенных на ней, отвечает современным. К 1573 г. испанцы имели довольно отчетливое представление обо всем Филиппинском архипелаге: еще один участник экспедиции М. Легаспи капитан *Диего Артьеда* составил донесение королю — первое описание Филиппин. Начинает он с о. Минданао, ошибочно преувеличив длину и преуменьшив ширину острова. Он знает лишь северную оконечность Минданао и впадающую неподалеку «реку Бутуан», т. е. Агусан. Затем Д. Артьеда дает очень краткие, но относительно правильные характеристики островов Самар, Лейте, Себу, Негрос, Панай, Масбате, Бохоль и Лусон.

Уже упоминавшийся Э. Родригес де Фигероа принимал участие в нескольких походах М. Гоити и других конкистадоров. За храбрость он был произведен в капитаны и стал губернатором о. Панай. В 1590 г. Э. Родригес начал подготовку к вторжению на о. Минданао: второй по величине остров Филиппинского архипелага еще не попал под испанскую «руку». Завоевание его по разным причинам откладывалось, и лишь в середине апреля 1596 г. большая флотилия (50 судов) направилась к острову. 22 апреля оккупанты высадились в устье р. Пуланги, протекающей по большой заболоченной равнине. Отправленный на рекогносцировку крупный отряд не вернулся к назначенному сроку, тогда Родригес сошел на берег с группой солдат, попал в засаду и, получив смертельную рану, вскоре умер. Его преемник бросил отряд и сбежал в Манилу; без командира испанцы прошли по узкому западному полуострову и укрепились на его южной оконечности. Новый командир вернул оккупационное соединение к устью р. Пуланги и разгромил островитян в нескольких десятках километров выше по течению реки. «Отметив» свою победу рубкой или сожжением 50 тыс. кокосовых и саговых

пальм, испанцы отбыли в Манилу, но оставили на западном полуострове гарнизон (100 человек).

Оккупация Филиппин сопровождалась, как, впрочем, и везде, принудительной христианизацией местных жителей. На островах архипелага действовали миссионеры, представители нескольких орденов католической церкви, поделившие Филиппины между собой по географо-этническим признакам. Испанское влияние было наиболее прочным в приморских районах островов, менее значительным — у подножия горных массивов и фактически отсутствовало в горных местностях. Вне испанского контроля находилась большая часть территории о. Минданао, архипелаг Сулу, о. Палаван, а также середина и северо-западная область о. Лусон¹. Созданные католическими миссионерами центры приходов превратились в наши дни в важные районы расселения.

¹ Население завоеванных территорий, платившее дань, составляло около 0,5 млн. человек; на свободной земле проживало, вероятно, более 1 млн.

ЛИТЕРАТУРА

В список вошли оригинальные и переводные работы на русском языке, изданные отдельными книгами или целиком включенные в сборники.

Общая литература к обеим частям или нескольким главам

Азатьян А. А., Белов М. И., Гвоздецкий Н. А., Каманин Л. Г., Мурзаев Э. М., Югай Р. Л. История открытия и исследования советской Азии. М., Мысль, 1969.

Антошко Я. Ф., Соловьев А. И. История географического изучения Земли. Изд-во МГУ, 1962.

Атлас истории географических открытий и исследований. М., Гл. упр. геодез. и карт., 1959.

Аусвейт Л. Как открывали земной шар. Пер. с англ. М.—Л., Детиздат, 1939.

Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. Пер. с англ. М., Изд-во иностр. лит., 1950.

Бейклесс Дж. Америка глазами первооткрывателей. Пер. с англ. М., Прогресс, 1969.

Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., Речной транспорт, 1956.

Белов М. И. По следам полярных экспедиций. Л., Гидрометеиздат, 1977.

Верн Жюль. История великих путешествий. Пер. с фр. Л., Изд-во детской лит., 1958 (т. I).

Вернадский В. И. Очерки по истории современного научного мировоззрения. — В кн.: *Избранные труды по истории науки*. М., Наука, 1981.

Голант В. Я. Планету открывали сообща. М., Наука, 1971.

Горнунг М. Б., Липец Ю. Г., Олейников И. Н. История открытия и исследования Африки. М., Мысль, 1973.

Дитмар А. Б., Соловьев А. И. Вопросы истории географии в школьном курсе. М., Просвещение, 1978.

Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М., Наука, 1971.

Забелин И. М. Встречи, которых не было. М., Мысль, 1966.

История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., Наука, 1968.

Камбалов Н. А., Сергеев А. Д. Первооткрыватели и исследователи Алтая. Барнаул, Алтайское кн. изд-во, 1968.

Керам К. В. Первый американец. Загадка индейцев доколумбовой эпохи. Пер. с нем. М., Прогресс, 1979.

Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования с древних времен до 1917 года. М., Мысль, 1971, гл. 3 и 4.

Лебедев Д. М. Очерки по истории географии в России XV и XVI веков. М., Изд-во АН СССР, 1956.

Лебедев Д. М. География в России XVII в. (допетровской эпохи). М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.

Лиелас А. Каравеллы выходят в океан. Пер. с латышск. Рига, Лиесма, 1969.

Мавродин В. В. Русские полярные мореходы. (С древнейших времен до XVI в.). Л., Всесоюз. общ. по распростр. полит. и научн. знаний, 1955.

Магидович И. П. Известные русские мореплаватели.— Прил. к сб. «Русские мореплаватели». М., Воениздат, 1953.

Магидович И. П. История открытия и исследования Северной Америки. М., Географгиз, 1962.

Магидович И. П. История открытия и исследования Центральной и Южной Америки. М., Мысль, 1965.

Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. 1-е, 2-е изд. М., Просвещение, 1957, 1967.

Магидович И. П., Магидович В. И. История открытия и исследования Европы. М., Мысль, 1970.

Можейко И. В. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и южных морях (XV—XX века). 2-е изд. М., Наука, 1980.

Окладников А. П. Открытие Сибири. М., Молодая гвардия, 1979. (О Ермаке и Пянде.)

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. Сб. док. М., Географгиз, 1951.

Путешествия и географические открытия в XV—XIX веках. Сб. М.—Л., Наука, 1965.

Пирен Ж. Открытие Аравии. Пять веков путешествий и исследования. Пер. с фр. М., Наука, 1970.

Помбу (Роша-Помбу) Ж. Ф. История Бразилии. Пер. с порт. 7-е изд. М., Изд-во иностр. лит., 1962.

Райерсон С. Б. Основание Канады. Пер. с англ. М., Изд-во иностр. лит., 1963.

Раквитц Э. Чужеземные тропы, незнакомые моря. Пер. с нем. М., Молодая гвардия, 1969.

Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было. Пер. с англ. М., Прогресс, 1977.

Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сб. док. о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII веке. Л.—М., Изд-во Главсевморпути, 1952.

Свет Я. М. История открытия Австралии и Океании. М., Мысль, 1966.

Фрадкин Н. Г. Географические открытия и научное познание Земли. М., Мысль, 1972.

Главы 1, 2, 3 и 8

Андре М. Подлинное приключение Христофора Колумба. Пер. с фр. М.—Л., Земля и фабрика, 1928.

Анучин Д. Н. Люди зарубежной науки и культуры. (О Х. Колумбе.) М., Географгиз, 1960.

Винтер Генрих. Суда Колумба 1492 г. Пер. с нем. Л., Судостроение, 1975.

Магидович И. П. Христофор Колумб. М., Географгиз, 1956.

Мори́сон С. Э. Христофор Колумб — мореплаватель. Пер. с англ. М., Изд-во иностр. лит., 1958.

Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. 4-е изд. М., Географгиз, 1961.

Свет Я. М. Севильская западня. (Тяжба о колумбовом наследстве.) М., Молодая гвардия, 1969.

Свет Я. М. Колумб. М., Молодая гвардия, 1973.

Глава 4

Вязов Е. И. Васко да Гама. М., Географгиз, 1956.

Куний К. И. Васко да Гама. М., Молодая гвардия, 1947.

Харт-Г. Морской путь в Индию. 2-е изд. М., Географгиз, 1959.

Шумовский Т. А. Арабы и море. М., Наука, 1964.

Глава 6

Слезкин Л. Ю. Земля Святого Креста. Открытие и завоевание Бразилии. М., Наука, 1970.

Глава 7

Р. Хенниг. Неведомые земли. Пер. с нем. М., Изд-во иностр. лит., 1963, т. IV, гл. 190.

Глава 9

Письма Америго Веспуччи. Пер. с латин. и итал. — В сб.: Бригантина — 71. М., Молодая гвардия, 1971.

Цвейг С. Америго. Повесть об одной исторической ошибке. Пер. с нем. М., Географгиз, 1960.

Глава 10

Буато П. Мадагаскар. Очерки по истории мальгашской нации. Пер. с фр. М., Изд-во вост. лит., 1961.

Рабеманандзара Р. В. Мадагаскар. История мальгашской нации. Пер. с фр. М., Изд-во иностр. лит., 1956.

Глава 11

Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература.— Избр. соч. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1957, т. IV.

Глава 12

Ланда Д. Сообщение о делах в Юкатане. Пер. со староисп. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1955.

Лас Касас Б. История Индий. Пер. с исп. Л., Наука, 1968.

Цвейг С. Побег в бессмертие (о В. Бальбоа).— Избранные новеллы. Пер. с нем. Пермь, Пермское кн. изд., 1956.

Глава 13

Куниин К. И. Магеллан. М., Молодая гвардия, 1940.

Пигафетта А. Путешествие Магеллана. Пер. с итал. М., Географгиз, 1950.

Свет Я. М. Фернандо Магеллан. М., Географгиз, 1956.

Цвейг С. Подвиг Магеллана. Пер. с нем. 4-е изд. М., Мысль, 1980.

Глава 14

Вайян Дж. История ацтеков. Пер. с англ. М., Изд-во иностр. лит., 1949.

Гуляев В. И. По следам конкистадоров. М., Наука, 1976.

Кинжалов Р. В., Белов А. М. Падение Теночтитлана. Л., Детгиз, 1956.

Глава 15

Вассерман Я. Золото Кахамарки (о Ф. Писарро). Пер. с нем. М., Географгиз, 1956.

Вольский С. Писарро (1470—1541). М., Изд-во журн.-газетн. объедин., 1935.

Гарсиласо де ла Вега, Инка. История государства инков. Л., Наука, 1974.

Глава 16

Созина С. А. На горизонте — Эльдorado! М., Мысль, 1972.

Глава 17

Открытие великой реки Амазонки. Хроники и документы XVI века о путешествиях Франсиско де Орельяны. М., Географгиз, 1963.

Глава 18

Кабеса де Вака А. Н. Кораблекрушения. Пер. с исп. М., Мысль, 1975.

Глава 19

Митчелл М. Эль-Кано. Первый кругосветный мореплаватель. Пер. с англ. 2-е изд. М., Мысль, 1977.

Глава 20

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Пер. с англ. Л., ОГИЗ, 1937.

Де-Фер Г. Плавания Баренца. М.—Л., *Diarum nauticum*, 1594—1597. Пер. с лат. Л., Изд. Главсевморпути, 1976.

Пасецкий В. М. Первооткрыватели Новой Земли. М., Наука, 1979.

Пасецкий В. М. Виллем Баренц. М., Географгиз, 1956.

Глава 21

Савельева Е. А. «Морская карта» Олауса Магнуса и ее значение для европейской картографии.— В кн.: История географических знаний и открытий на севере Европы. Л., Изд-во Геогр. общ., 1973.

Глава 22

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. 2-е изд. Иркутск, ОГИЗ, 1941.

Герберштейн С. Записки о московитских делах. (Пер. с лат.) Спб., Изд. А. С. Суворина, 1908.

«Книга Большому Чертежу». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. (Пер. с лат.) М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936.

Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV — начала XVI века. М., Наука, 1974.

Старостин И. И. Рельеф России по данным «Книги, глаголемой Большой Чертеж». — Вопросы географии, сб. 11-й. М., Гос. изд. геогр. лит., 1949.

Глава 23

Копылов Д. И. Ермак. Свердловск. Среднеурал. кн. изд., 1974.

Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М., Соцэкгиз, 1960.

Скрынников Р. Г. Сибирская одиссея.— В сб.: На суше и на море. Вып. 20. М., Мысль, 1980, с. 170—192.

Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, Наука, Сиб. отделение, 1982.

Сутормин А. Г. Ермак Тимофеевич (Аленин Василий Тимофеевич). Иркутск, Восточно-Сиб. кн. изд., 1981.

Глава 24

Белов М. И. Раскопки «златокипящей» Мангазеи. Л., Изд-во Геогр. общ. СССР, 1970.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея: Мангазейский морской ход. Л., Гидрометеиздат, 1980, ч. I.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., Изд-во АН СССР, 1960.

Глава 25

Александров В. А. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. (Енисейский край). М., Наука, 1964.

Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд. Вып. I, XVII в. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960.

Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Сб. ст. Л.—М., Изд-во Главсевморпути, 1951.

Материалы по истории Якутии XVII века. М., Наука, 1970, ч. III.

Обручев С. В. Таинственные истории. М., Мысль, 1973.

Окладников А. П. Пенда — забытый русский землепроходец XVII века. — В сб.: Летопись Севера. М., Изд-во Главсевморпути, 1949, т. 1.

Романов А. А. Описание карты Ленско-Хатангского края. Материалы по изучению Арктики. Л., Изд-во Арктич. ин-та, 1933, № 3.

Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Вып. I. Улан-Удэ, Изд-во Сиб. отделения АН СССР, 1960.

Глава 26

Белов М. И. Подвиг Семена Дежнёва. М., Мысль, 1973.

Белов М. И. Ерофей Хабаров в Мангазее и на Таймыре. — В кн.: Летопись Севера. М., Мысль, 1975, т. 7.

Изгачев В. Г. Русский землепроходец Петр Иванович Бекетов. — Уч. записки Читинского пед. ин-та. Чита, 1959, т. 4.

Полевой Б. П. Доходил ли Москвитин до устья Амура? — В сб.: Материалы отделения истории географических знаний. Вып. I. Л., 1962.

Полевой Б. П. Находка челобитья первооткрывателей Колымы. — В сб.: Сибирь периода феодализма. Вып. 2. Новосибирск, Изд-во Сиб. отделения АН СССР, 1965.

Полевой Б. П. К истории открытия Татарского пролива. — В сб.: Страны и народы Востока. Вып. 6. М., Изд-во Наука, 1968.

Полевой Б. П. Новое об амурском походе В. Д. Пояркова (1643—1646 гг.). — В сб.: Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, Наука, Сиб. отделение, 1973, с. 112—126.

Полевой Б. П. По поводу некоторых новых гипотез о происхождении названия «Камчатка». — В сб.: Географическая среда и географические названия. Л., Изд-во Геогр. общ. СССР, 1974.

Сафронов Ф. Г. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск, Кн. изд-во, 1956.

Тураев В. Хождение встреч Солнца. — В ежегоднике «Дальневосточные путешествия и приключения». Вып. 4 и 5. Хабаровск, Кн. изд-во, 1973 и 1974.

Глава 27

Свет Я. М. В страну Офир. (Об испанском мореплавателе Педро Сармьенто де Гамбоа.) М., Мысль, 1967.

Хейердал Т. Древний человек и океан. М., Мысль, 1982.

Глава 28

Мюллер В. К. Пират королевы Елизаветы (Английский мореплаватель Фрэнсис Дрейк). Л., Брокгауз — Ефрон, 1924.

Глава 29

Моуэт Ф. Испытание льдом. Пер. с англ. М., Прогресс, 1966.

Глава 30

Рэли (Роли) У. Открытие обширной, богатой и прекрасной Гвинейской империи... Пер. с англ. М., Географгиз, 1963.

Глава 31

Бёмер Г. Иезуиты. Пер. с нем. М., К-во М. и С. Сабашниковых, 1913.

Глава 32

Невский В. В. Открытия Тасмана. М., Географгиз, 1961.

Глава 33

Банников А. Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай. М., Гос. изд. геогр. лит., 1949.

Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова). М., Наука, 1966.

Материалы по истории русско-монгольских отношений. Русско-монгольские отношения 1607—1636. Сб. док. М., Изд-во вост. лит., 1959. (О В. Тюменце.)

Мурзаев Э. М. Географические исследования Монгольской Народной Республики. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	8

Часть I. Эпоха великих открытий. I период (до середины XVI в.)

<i>Глава 1. Первая экспедиция Колумба</i>	<i>11</i>
---	-----------

Причины заокеанской экспансии Испании (11). Христофор Колумб и его проект (12). Состав и цель первой экспедиции (16). Переход через Атлантический океан и открытие Багамских островов (18). Открытие северных берегов Кубы и Гаити и возвращение в Испанию (20). Первый раздел мира (23).

<i>Глава 2. Вторая экспедиция Колумба</i>	<i>25</i>
---	-----------

Открытие Малых Антильских островов и Пуэрто-Рико (25). Испанцы на Эспаньоле (28). Открытие Ямайки и южного берега Кубы (29). Покорение Эспаньолы (31).

<i>Глава 3. Третья экспедиция Колумба</i>	<i>33</i>
---	-----------

Открытие Тринидада и Южного материка (33). Мятеж на Эспаньоле, арест и высылка Колумба в Испанию (36). Массовая колонизация Гаити и истребление индейцев (37).

<i>Глава 4. Васко да Гама и открытие морского пути в Индию</i>	<i>39</i>
--	-----------

Снаряжение экспедиции Гамы и переход к Южной Африке (39). Плавание вдоль берегов Восточной Африки (40). Ахмед Ибн Маджид и путь через Аравийское море (42). Португальца в Каликуте (42). Возвращение в Лиссабон (43).

<i>Глава 5. Открытие Южной Америки соперниками Колумба</i>	<i>45</i>
--	-----------

Жемчужный берег. Гвиана и Венесуэла (45). Открытие испанцами Бразилии (48). Первое плавание к Дарьенскому заливу (52).

<i>Глава 6. Открытие Бразилии португальцами</i>	<i>53</i>
---	-----------

Путь экспедиции Кабрала через Атлантический океан (53). Португальцы на «острове Вера-Круш» (55). Экспедиция Куэлью — Веспуччи (56).

<i>Глава 7. Вторичное открытие Северо-Восточной Америки</i>	<i>60</i>
---	-----------

Английские заокеанские экспедиции Джона Кабота (1497—1498 гг.) (60). «Земля Кортириалов» (63). Плавание Себастьяна Кабота (65). Открытия Фагундиша (65).

<i>Глава 8. Четвертая экспедиция Колумба</i>	<i>67</i>
--	-----------

Поиски Западного прохода в Южное море (67). Открытие Карибского берега Центральной Америки (68). Кораблекрушение и год на Ямайке (71). Возвращение в Испанию и смерть Колумба (72).

Глава 9. Америго Веспуччи и происхождение названия «Америка» 74

Два письма Веспуччи (74). «Первое» плавание Веспуччи (75). «Второе» плавание Веспуччи (77). «Третье» плавание Веспуччи (78). Происхождение названия «Америка» (79).

Глава 10. Португальская экспансия в Южной Азии и исследования Африки 82

Индийская экспедиция Кабрала (82). Вторичное открытие Мадагаскара (83). Вторая экспедиция Васко да Гамы (84). Португальцы у берегов Мадагаскара (85) Алмейда и Ал-букерки — первые вице-короли Индии (89). Фернандиш в Мономотане (91). Португальцы в Индонезии (92). Португальцы у берегов Австралии и Новой Гвинеи (96).

Глава 11. Арабские исследователи Индийского океана и Африки конца XV—начала XVI в 99

Сулейман и опись берегов Индийского океана (99). Ал-Ваззан («Лев Африканец») в Северо-Западной Африке (102).

Глава 12. Открытие испанцами Южного моря, Флориды, Юкатана и берегов Мексиканского залива 105

Первые съемки Кубы и Гаити и открытие полуострова Юкатан (105). Завоевание и первое исследование Кубы (107). Первые испанские колонии на материке (109). Поход Балбоа к Южному морю (110). Первые испанцы на Юкатане (113). Поиски «острова Вечной молодости» и открытие Флориды и Гольфстрима (114). Кордова у берегов Юкатана (117). Грихальва и открытие Мексики (120). Первые плавания вдоль северного берега Мексиканского залива (122). Открытие тихоокеанской полосы Центральной Америки (123).

Глава 13. Магеллан и Первое кругосветное плавание 125

Плавание Фроиша и Лижбоа (125). Солис и вторичное открытие Ла-Платы (125). Проект Магеллана и состав его экспедиции (126). Открытие Патагонии, Огненной Земли и Магелланова пролива (127). Первый переход через Тихий океан (130). Филиппинские острова и гибель Магеллана (133). Путь испанцев к Молуккам (134). Завершение «Викторией» первого кругосветного плавания (136). Судьба команды «Тринидада» (138).

Глава 14. Кортес и завоевание Мексики 139

Морской поход Кортеса (139). Первый поход в город Теночтитлан (Мехико) (141). Восстание в Теночтитлане и разгром испанцев (143). Второй поход и падение Теночтитлана (144). Экспедиции Гарая и Нарваэса (145). Открытие тихоокеанской полосы Мексики и Гватемалы (146). Гондурасский поход Кортеса (148). Набеги Нуньо Гусмана (149). Экспедиция в Южное море и открытие полуострова Калифорния (150).

Глава 15. Открытие цепи Анд и завоевание Перу и Чили 153

Первое плавание к Перу (153). Завоевательный поход Франсиско Писарро в Перу (155). Открытие архипелага Галапагос (158). Чилийский поход Альмагро (159). Гибель Альмагро и Франсиско Писарро (161). Поход через

Анды Гонсало Писарро (162). Вальдивия и открытие Южного Чили (163).

Глава 16. Легенда об Эльдорадо, открытие Северных Анд и бассейнов рек Ориноко и Магдалены . . . 165
Происхождение легенды об Эльдорадо (165). Открытие среднего Ориноко (166). «Страна Вельзеров» и поиски Эльдорадо наемниками германских банкиров (167). Завоевательные походы испанцев в страну Эльдорадо. Открытие Северных Анд и бассейна Магдалены (169).

Глава 17. Открытие Амазонки и бассейна Ла-Платы 173
Плавание Орельяны по реке Амазонке (173). Открытие Параны и Парагвая (175). Плавание Камарго (180).

Глава 18. Испанские и французские открытия в Северной Америке в 20—40-х годах XVI века . . . 181
Первая испанская колония на Атлантическом побережье Северной Америки (181). «Земля Гомеса» (182). Легенда о «Сиволе» и «Семи Городах» (183). Открытие испанцами Колорадо и западных притоков Миссисипи (186). Поиски испанцами «Семи Городов» — экспедиция Сото (191). Плавание Кабрильо-Феррело (195). Французские открытия: плавание Верраццано (196). Открытие французами реки Святого Лаврентия и попытки колонизации Канады (экспедиции Картье) (199).

Глава 19. Первые последователи Магеллана . . . 204
Экспедиция Лоайсы — Элькано (204). Открытие Сааведры в Океании (208). Плавание Эрнандо Грихальвы (209). Вильяловос и открытие Новой Гвинеи (209).

Часть II. Эпоха великих открытий. II период (середина XVI — середина XVII века)

Глава 20. Первые поиски Северо-Восточного прохода 213
Экспедиция Уиллоуби — Ченслора (213). Плавание Стивена Барроу (214). Известие о Мангазее (217). Первая экспедиция Баренца (217). Вторичное открытие Шпицбергена и смерть Баренца (218). Плавание Генри Гудзона (221).

Глава 21. Исследователи Великобритании, Скандинавии и Финляндии . . . 222
Первые съемки острова Великобритания (222). Йенс Менсон и Якоб Циглер (223). Олай Магнус: первое исследование Скандинавии (224). Андерс Буре (227).

Глава 22. Съемочные работы русских и польских землемеров . . . 231
«Большой чертеж» (231). Съемки в центре и на юге Восточной Европы (233). Работы на Урале (236). Работы на Русском Севере (237). Съемки Западной Сибири и Казахстана (238). Первые польские землемеры (240). Боплан на Украине (241). Сведения Меховского и Герберштейна о Московии (241).

Глава 23. Поход Ермака Тимофеевича и его гибель . . 245
Владения Строгановых и Кучумово царство (245). Переход Ермака через Средний Урал (247). Посольство Ивана Черкаса (249). Поход Богдана Брязги на нижний Иртыш

и Обь (250). Гибель Ермака и отступление русских из Сибири (251).

Глава 24. Окончательное присоединение Западной Сибири 254
Основание в Сибири первых русских городов (254). Походы вверх по Иртышу и полный разгром Кучума (255). Русские в низовьях Оби и поход в Мангазею (256). Освоение бассейна верхней Оби (259). Освоение бассейна нижнего и среднего Енисея (261).

Глава 25. Открытие русскими Средней и Восточной Сибири 265
Первые морские походы к Енисею и полуострову Таймыр (265). Открытие морского прохода к северу от Таймыра (267). Землепроходец Пянда и открытие Лены (268). Открытие Северо-Сибирской низменности и первые русские на Среднесибирском плоскогорье (272). Походы мангазейцев и енисейцев на Лену (273). Открытие восточносибирских рек от Анабара до Колымы (276). Первые русские в Забайкалье и на Байкале (281).

Глава 26. Открытие Охотского моря, бассейна Амура и прохода из Ледовитого в Тихий океан 284
Поход Ивана Москвитина к Охотскому морю (284). Походы Маломолки и Горелого (287). Дальнейшие открытия побережья Охотского моря (288). Экспедиция Попова — Дежнёва: открытие прохода из Ледовитого в Тихий океан (290). Судьба Семена Дежнёва (293). Открытие Камчатки (294). Поярков на Амуре и Охотском море (296). Походы Хабарова на Амур (300). Амурская одиссея Бекетова (303).

Глава 27. Новые открытия в Океании и поиски испанцами «Неведомой Южной земли» 305
Легаспи. Начало захвата Филиппин и путь Урданеты (305). «Неведомая Южная земля» (*Terra australis incognita*) (307). Две экспедиции Менданы: открытие островов Соломоновых, Маркизских и Санта-Крус (308). Открытия Кироса в Южной Полинезии и «Австралия Духа Святого» (311). Открытие Торресова пролива и подлинной Австралии (312).

Глава 28. Англо-испанская борьба на океанах . . . 314
Пират-путешественник Инграм (314). Пират Дрейк у берегов Испанской Америки (315). «Новый Альбион» и завершение Дрейком кругосветного плавания (318).

Глава 29. Английские поиски Северо-Западного прохода и первые открытия в Западной Арктике 321
Три экспедиции Фробишера (321). Три экспедиции Девиса (324). Плавание Гудзона в 1607—1608 годах (326). Открытие Гудзонова залива и гибель Гудзона (328). Экспедиция Баттона и Байлота — Баффина (329). Экспедиции Мунка, Фокса и Джемса (332).

Глава 30. Колонизация Северной Америки и открытие Великих озер 334
Первые английские колонизаторы Северной Америки и основание Виргинии (334). Пилигримы на «Майском цветке» и колонизация Новой Англии (339). Гутьеррес и

Оньяте в центре Северо-Американского континента (341). Шамплен и его исследование Восточной Канады (342). Открытие французами Великих озер (344). Иезуиты в Канаде (347).

Глава 31. Открытие и исследование внутренних областей Южной Америки 349
Организация португальской Бразилии (349). Поиски Эльдorado на Гвианском плоскогорье (350). Паранцы и Амазонская экспедиция Тейшейры — Аюшты (352). Паулисты и открытия бассейна реки Сан-Франсиску (354). Борьба паулистов с иезуитами в бассейне Ла-Платы (355). «Великий бандейрант» (357).

Глава 32. Голландская экспансия в Азии, открытие Австралии и островов Океании 358
Первые голландские экспедиции в Индонезию (358). Экспедиция Ле-Мера — Схаутена и открытие мыса Горн (359). Поиски мифических земель на севере Тихого океана (361). Ход открытия Новой Голландии до Тасмана (364). Первая экспедиция Тасмана: открытие Вандименовой Земли, Новой Зеландии и островов тропической Океании (372). Вторая экспедиция Тасмана: Новая Голландия — единый материк (375).

Глава 33. Исследование Центральной Азии и Восточной Африки с 1550 по 1650 года 377
Русские послы в Монголии и Китае в первой четверти XVII века (377). Первые европейские исследователи Гималаев и Тибета (378). Португальцы в Эфиопии и открытие истока Голубого Нила (379). Исследование Замбези и открытие озера Ньяса (381). Атайди: первое пересечение Африки (382).

Глава 34. Западноевропейские исследователи Мадагаскара и Больших Зондских островов 383
Португальцы и французы на Мадагаскаре (383). Португальцы и голландцы у берегов Калимантана (385). Испанская оккупация Филиппин и первые исследователи архипелага (385).

Литература 388

Иосиф Петрович Магидович
Вадим Иосифович Магидович

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

ТОМ II

Редактор Т. Д. Сигунова, редакторы карт Л. Ф. Восканян, М. Д. Киселёва, художники В. М. Прокофьев, Ю. А. Сайчук, М. С. Серебряков, художественный редактор В. М. Прокофьев, технический редактор С. Н. Терехова, корректоры Е. А. Блинова, Н. И. Котельникова

ИБ № 7338

Сдано в набор 21.12.82. Подписано к печати 26.10.83. А 12 891. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 2. Гарнитура об. лова. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25 + фор. 0.375. Усл. кр.-отт. 26. Уч.-изд. л. 28,95 + фор. 0,58. Тираж 200 000 экз. Заказ № 1978. Цена 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

103

1

4091